

Краткая ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ

*С древнейших
времен
до наших
дней*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

И БАЛКАНИСТИКИ

ИСТОРИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Редакционный совет серии:

В. К. ВОЛКОВ

(председатель)

Ю. С. ПОВОПАШИН

(заместитель председателя)

В. Ф. КАДАЦКИЙ

(ответственный секретарь)

Г. Л. АРН

В. П. ВИНОГРАДОВ

Л. Я. ГИЗИАНСКИЙ

В. А. ДЬЯКОВ

И. И. ЖИГАЛОВ

Т. М. ИСЛАМОВ

Г. Г. ЛИТАВРИН

Краткая ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ

*С древнейших
времен
до наших
дней*

Редколлегия тома:

Ф. Г. ЗУЕВ, В. А. СВЕТЛОВ,
С. М. ФАЛЬКОВИЧ

Москва «Наука»
1993

ББК 63.3(4)
К 78

Авторы:

Л. Е. ГОРИЗОНТОВ, В. А. ДЬЯКОВ, Ф. Г. ЗУЕВ,
А. Я. МАНУСЕВИЧ, И. В. ПИМЕНОВА, А. М. ОРЕХОВ,
С. М. СТЕЦКЕВИЧ, С. М. ФАЛЬКОВИЧ, В. А. ЯКУБСКИЙ

Ответственный редактор

доктор исторических наук В. А. ДЬЯКОВ

Рецензенты:

кандидаты исторических наук

М. В. ДМИТРИЕВ, Г. Ф. МАТВЕЕВ, Л. А. ОБУШЕНКОВА

доктора исторических наук

А. Ф. НОСКОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

К 78 **Краткая** история Польши. — М.: Наука, 1993. — 528 с.
ISBN 5-02-010035-8

Книга посвящена истории Польши от древности до наших дней. Авторы уделяют большое внимание политической истории, культуре, национально-освободительной борьбе польского народа.

Монография рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3(4)

К $\frac{0503030000-297}{042(02)-93}$ Подписное-93

ISBN 5-02-010035-8

© Институт славяноведения
и балканистики

© Российская академия наук, 1993

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА (до середины XV в.)

ДРЕВНЯЯ ПОЛЬША

Среди раннефеодальных государственных образований восточно-европейского региона Польское княжество заявило о себе сравнительно поздно. Оно и первый из его достоверно известных правителей, Мешко, появляются на страницах источников с 60-х годов X в. Однако археологические находки вместе со скухими свидетельствами древних авторов и теми легендами, что будут записаны хронистами XII—XIII вв., позволяют заглянуть в глубь столетий, предшествующих правлению князя Мешко. По мнению многих ученых, именно в бассейне Вислы и Одера (Одры) или по крайней мере на территории, куда входила часть этих земель, шло формирование праславянской ветви индоевропейских народов. По всей вероятности, к этому сложному и длительному процессу в большой степени были причастны племена — носители так называемой лужицкой культуры (примерно 1400—300 гг. до н. э.). Материальные остатки этой земледельческой культуры эпохи бронзы и раннего железа найдены при раскопках Бискупина (невдалеке от г. Гнезно) и в ряде других мест нынешней Республики Польша.

Несмотря на кельтские, германские и иные миграционные потоки, не раз захлестывавшие регион, славяне утвердились на землях будущей Польши давно и прочно. Показательно, что, когда в середине VI в. готский историк Иордан в своем труде «О происхождении и деяниях гетов» пожелал обозначить местопребывание славян (называемых им венетами), он смог сделать это лишь весьма приблизительно: «От места рождения реки Вистулы на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов».

Польская группа племен оставалась вне той контактной зоны, где живо протекал синтез римско-византийских (рабовладельческих) и славянских (варварских) начал. Воздействие гибнущего античного мира было минимальным, и распад старых родовых норм шел исподволь, но неуклонно, будучи подготовлен сдвигами в состоянии производительных сил: постепенно внедрялись железные орудия труда, примерно к VIII—IX вв. стало преобладать пашенное земледелие.

Открытия археологов позволяют заключить, что во второй половине I тысячелетия нашей эры имущественное и социальное неравенство уже пускало глубокие корни. Запечатленные в письменных памятниках X и последующих столетий порядки, очевидно, были бы немислимы без многовековой предыстории. Судить о социаль-

ных процессах той поры помогает также аналогия с ходом классовообразования в соседних регионах, лучше обеспеченных источниками. В бассейне Вислы и Одера происходили перемены, типичные для земледельческого общества при выходе его из первобытнообщинного строя. По мере разрастания родов и в ходе миграций отмирали старые кровнородственные связи. Родовую общину сменяло ополье — территориальная община. Соответственно и племенная организация приобретала территориальные черты. Основной хозяйственной ячейкой становится объединявшая три-четыре поколения родственников большая семья, которая затем уступает место семье малой. В обстановке расслоения родо-племенных коллективов обособлялась правящая верхушка. Старейшины постепенно узурпировали права племени, урезая прерогативы народного собрания (веча). Свою лепту в процесс классовообразования вносили военные походы, доставляя удачливым князьям и их дружинникам богатую добычу. Особый статус князя и дружины укрепляли дары соплеменников и дань, уплачиваемая покоренными племенами.

Какую роль в общественном развитии региона сыграло рабство — самая древняя из форм эксплуатации человека человеком? Военнопленных обращали в рабов, ими торговали. Рабовладельческий уклад постепенно утрачивал некоторые черты патриархальности: исчез запрет обращать в рабство соплеменника, рабов перестали отпускать на волю по истечении определенного срока, как издавна практиковалось у славян. Но за пределы социально-экономического уклада рабство не вышло. По-видимому, сам характер мелкого натурального сельскохозяйственного производства в природно-географических условиях польских и соседних земель не давал простора для широкого применения рабского труда и тот естественно эволюционировал в сторону крепостничества или близких к нему форм.

Столбовая дорога социального прогресса в регионе вела, минуя рабовладельческую формацию, к утрате свободным общинником права собственности на главное средство производства — землю, к экономической и личной зависимости крестьян от крупного землевладельца-феодала. Эта сложная, затянувшаяся на века трансформация во второй половине I тысячелетия делала лишь свои первые шаги. Но именно ею был обусловлен облик общества, для которого первой классово антагонистической формацией становится феодализм.

Польскими археологами открыты большие скопления городищ VII—IX вв. Догадку о том, что это след значительных территориально-политических образований, зачатков государственности, подкрепляют письменные источники. В так называемом «Баварском Географe» — составленном в IX в. описании областей к северу от Дуная с обозначением числа расположенных там городищ — фигурируют племена или племенные объединения, которые (в одних случаях с уверенностью, в других предположительно) могут быть локализованы на пространствах будущей Польши. Среди них — лендзяне (полагают, что от них пошел принятый на

Руси для обозначения всех поляков этноним «ляхи»), слензяне, висляне и др. «Житие Мефодия», сочиненное кем-то из учеников славянского просветителя вскоре после его смерти (885 г.), говорит об «очень сильном языческом князе, сидящем на Висле». В 70-х годах IX в. его расположенное в верховьях реки княжество было покорено Великоморавской державой. В X в. Краков и другие «гроды» вислян вошли в Чешское государство, которое подчинило себе также силезскую группу племен. Роль же собирателя польских земель досталась полянам, которые сидели по среднему течению Варты, самого большого из правых притоков Одры.

Древнейшая польская хроника Галла Анонима, созданная в начале XII в., сохранила предание о том, как за свои злодеяния был изгнан князь Попель с потомством и князем полян стал Земовит, сын хлебопашца Пяста, положив начало новой династии. Ко времени князя Мешко (около 960—992 гг.) исходные племенные рубежи были оставлены далеко позади. Теперь речь может идти об обширном, достаточно устоявшемся Польском государстве. За область полян, от которых пойдет само название будущей народности — поляки, и их ближайших соседей потом утвердилось, дожив до наших дней, наименование «Великая Польша» — в противовес Малой Польше, расположенной на юге, в земле давних вислян и близких к ним племен. Фигурирующие с XIII—XIV вв. в латинских текстах *Polonia Major* и *Polonia Minor* не подразумевают сравнения территорий. Обе эти области примерно равновелики. Точнее было бы их названия вопреки традиции перевести как «Старшая Польша» и «Младшая Польша». То есть они хранят память о старшинстве, о том, что к началу 960-х годов в Польское государство, кроме Великой Польши, входили расположенные по среднему течению Вислы Куявия и Мазовия, а также, по-видимому, низовья Вислы — Восточное Поморье. Вскоре было начато завоевание западнопоморских и силезских территориально-племенных объединений. По сообщению арабо-испанского путешественника Ибрагима ибн-Иакуба, который около 965 г. побывал в Центральной Европе, это самая обширная из славянских стран, она изобилует плодами земными; в княжеской дружине насчитывается три тысячи воинов, которым Мешко «дает одежду, коней, оружие и все, что им требуется».

Ища поддержки своим планам присоединения Западного Поморья — богатой области с такими торговыми центрами, как Щецин, Волин и Колобжег, — Мешко сблизился с чешским князем Болеславом I и в 965 г. скрепил союз женитьбой на его дочери Добраве. Год спустя через Чехию была принята христианская вера. Крещение Польши (966 г.) свидетельствует о том, что страна вошла в общеевропейскую политическую систему, избрав при этом ориентацию на Рим. Отказ правящих кругов от языческого многобожия ознаменовал изменение идеологической надстройки.

Христианство не без труда прокладывало себе путь, долго, на протяжении многих столетий, сталкиваясь с остатками язычества. То, что оно утвердилось в форме католицизма, имело важные по-

следствия для судеб национальной культуры. Католический клир не признавал богослужения на родном языке, и в литургии насаждается латынь, далекая от польской речи, понятная лишь узкому слою образованных людей. Та же латынь на века станет языком литературы и администрации — сфер, в которых очень велик вес духовенства. Так возникает языковый барьер между элитарной и народной культурой. Однако нельзя упускать из виду и другую сторону дела. Латынь прочно связала поляков с античным наследием и открыла польским просвещенным кругам доступ к литературным и научным ценностям средневекового Запада. Латиноязычные творения польской письменности, в свою очередь, свободно вошли в культурный обиход западноевропейского мира.

После смерти князя, хотя Мешко поделил владения между сыновьями, старший из них — Болеслав, поддержанный знатью, в чьих руках находилось управление землями державы Пястов, и дружинниками, изгнал своих братьев и мачеху. К исходу X в. он завершил собиранье этнически польских племенных княжений. При Болеславе I Храбром (992—1025 гг.) утвердила свои позиции польская церковь. В 1000 г. с согласия германского императора Оттона III были созданы Гнезненское архиепископство и сеть подчиненных ему епископств. То был не просто внешнеполитический успех, который сводил на нет попытку немецкого епископата поставить польское духовенство в зависимость от себя. Новая церковная структура, которая мало считалась с прежними, доставшимися от племенной поры областными рубежами, способствовала консолидации страны. Единая общепольская церковь выступала союзницей центральной власти и тесно взаимодействовала с княжеским административным аппаратом — с каштелянами (начальниками крепостей), ведавшими военными, фискальными, судебными делами в своей округе, и с другими княжескими сановниками.

На грани X—XI вв. ощутимо растет военная мощь Польского государства. Ополчение свободных общинников не потеряло своего веса, но ядро войска составляет численно возросшее рыцарство, получавшее от князя щедрое содержание и, возможно (прямых сведений об этом нет), земельные пожалования. По словам Галла Анонима, только в столице, в Гнезно, под рукой у Болеслава было полторы тысячи рыцарей. В округе трех других крепостей летописец насчитал 2400 рыцарей, оговорив, что в прочих городах были свои гарнизоны. Галл Аноним, в глазах которого Болеслав Храбрый воплощал государственную мудрость и силу, не удержался здесь от преувеличений. Однако вовсе безосновательными его слова не были — иначе Польше не выдержать бы следовавших одна за другой войн со Священной Римской империей, Киевской Русью, другими соседями. Среди ее территориальных приобретений были на западе Лужице, на востоке — Червенские города. Впрочем, пришлось пережить и немало неудач.

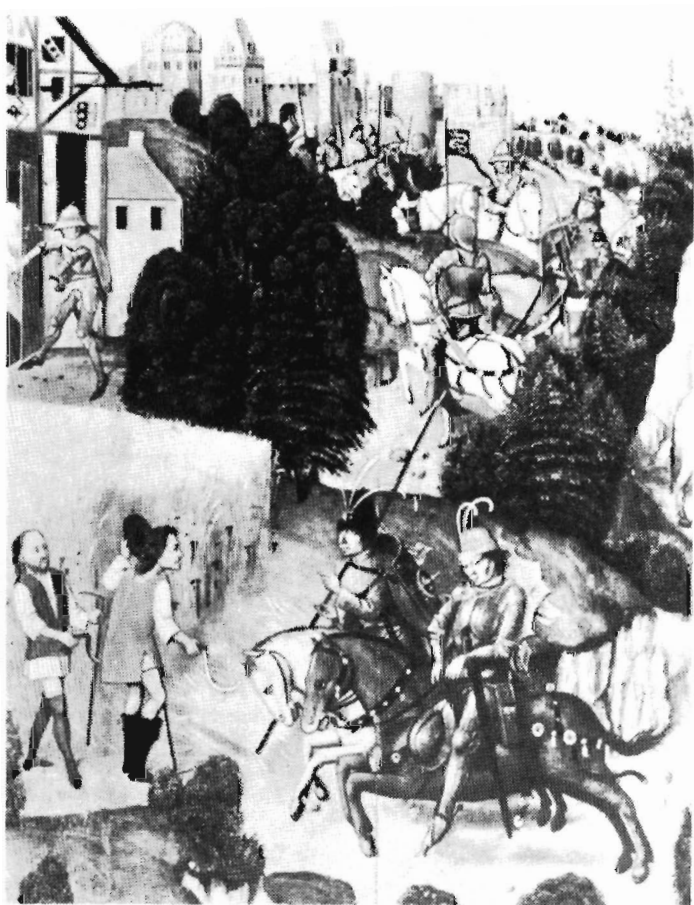
Не испортив, как было в обычае, согласия главы Священной Римской империи, Болеслав Храбрый весной 1025 г. объявил себя королем. Однако церемониал коронации в Гнезно не столько де-

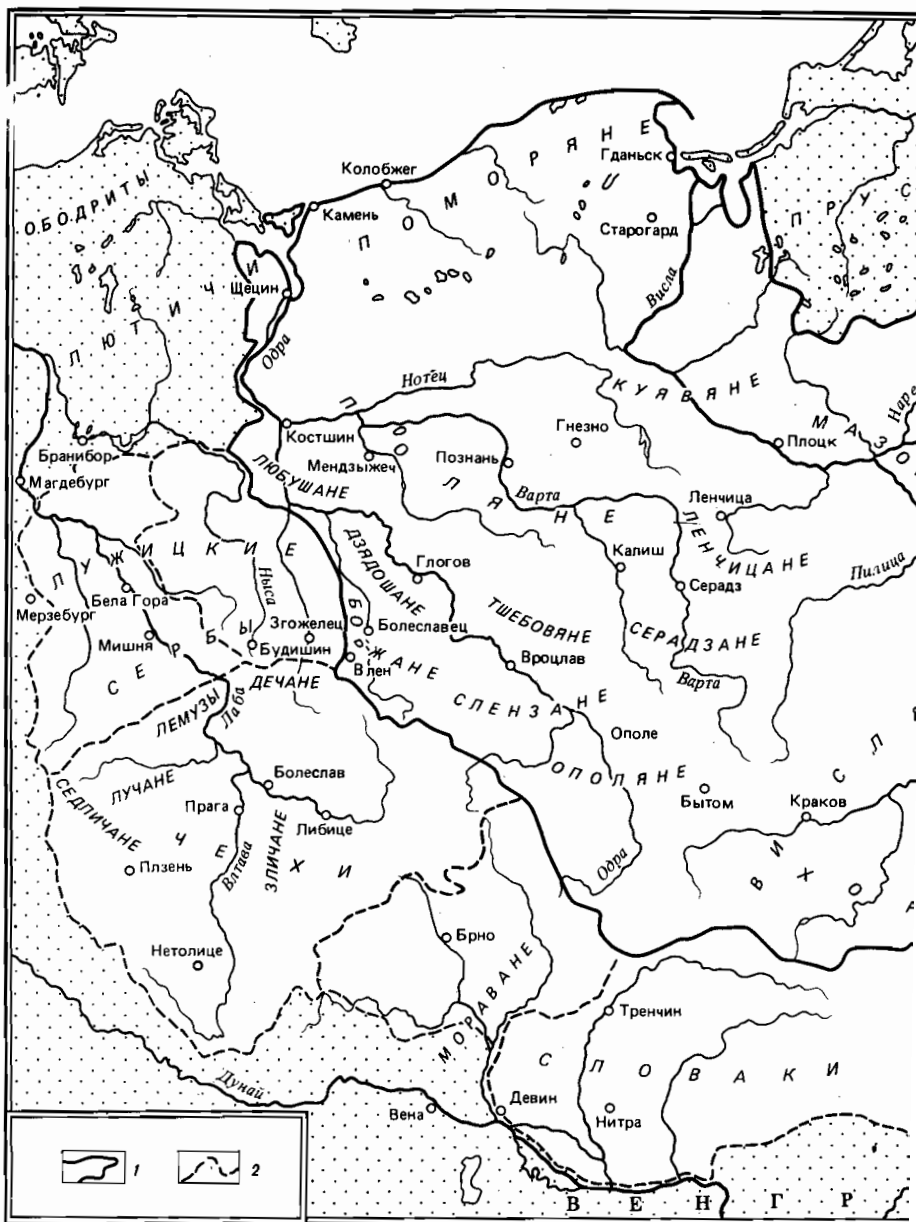

Князь Болеслав
с оруженосцем

Пицци

Крестьяне и рыцари

ПОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО В НАЧАЛЕ XI в.

1 — границы Польского государства около 1000 г.; 2 — завоевания Болеслава Храброго

монстрировал реальную мощь монархии, сколько был призван своим блеском и блеском нового титула ослепить оппозицию, нараставшую в стране. Тем самым политические силы, которые в 992 г. привели Болеслава к власти, начинают отворачиваться от него. Окрепли местная административная система и церковное, а возможно, и светское крупное землевладение; региональной знати уже не так, как раньше, было нужно поддержание государственного единства. Налицо первые симптомы феодального раздробления, усиленные волной недовольства оттого, что людские и материальные ресурсы страны растрачены в бесконечных походах.

На долю преемников Болеслава досталась полоса политических переворотов и смут, которые охотно использовали в своих интересах соседние государства. Червенские города и другие приобретения были утрачены. В обстановке охвативших правящий класс раздоров вспыхнуло мощное народное восстание 1037—1038 гг., главные очаги которого были в Великой Польше и Силезии. Его отголоски дошли до Киева. «И бысть мятежь в земле Лядьске, вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в них мятежь», — сказано в «Повести временных лет». Из хроники Галла Анонима тоже видно, что движение было направлено против светских и церковных властей. Свободные люди, стоявшие на пороге утраты своей земли и хозяйственной самостоятельности, закрепощенные крестьяне, рабы обрушились на католическое духовенство, противопоставив христианской религии язычество как

оплот старых общинных порядков. Восстание было подавлено, но для этого потребовалась помощь германского императора Конрада II и киевского князя Ярослава Мудрого.

Страх перед рецидивом восстания, необходимость отражать нападения, которым со всех сторон подвергалось растерявшее преж-

ние завоевания и часть собственных земель Польское государство, заставили можновладцев (знать) умерить свои распри. Но ненадолго.

В конце 1070-х годов дошло до открытого конфликта между правнуком Болеслава Храброго, королем Болеславом II (1058—1079 гг.), и главой аристократической оппозиции, краковским епископом Станиславом. Казнь обвиненного в государственной измене Станислава привела к мятежу. После бегства Болеслава в Венгрию престол перешел к его младшему брату Владиславу Герману (1079—1102 гг.), довольствовавшемуся княжеским титулом и чувствовавшему себя игрушкой в руках феодальных клик. В течение двух десятилетий делами при нем заправлял малопольский аристократ воевода (главнокомандующий войском) Сецех, который даже чеканил собственную монету. В конце концов князю пришлось пойти на уступки соперникам воеводы, изгнав Сецеха, и выделить большие уделы своим сыновьям Збигневу и Болеславу, прозванному Кривоустым.

Центробежные тенденции восторжествовали, чтобы затем, как это случилось и на Руси при Владимире Мономахе, отступить на короткий срок перед тенденцией к объединению. Князь Болеслав III Кривоустый (1102—1138 гг.), современник Мономаха, при поддержке венгерских и русских отрядов за несколько лет подчинил себе отпавшие польские области, кроме Поморья, и выгнал своего брата Збигнева. В 1109 г. было отбито вторжение императорского войска. К середине 20-х годов Болеслав — политик умелый, хотя и не слишком разборчивый в средствах — присоединил к себе все Поморье (Западное — лишь на условиях ленной зависимости). Там понадобилось сызнова насаждать христианство.

На исходе правления Болеслава, в 30-е годы, оппозиция, используя неудачное вмешательство Польши в венгерские дела, поднимает голову. Своим завещанием (1138 г.) Болеслав Кривоустый узаконил порядок сеньората. Государство было разделено между наследниками, но старший в роду Пястов становился великим князем, носителем верховной власти. Кроме своего личного удела, он владел уделом великокняжеским, который тянулся полосой через всю страну, от Карпат до Поморья, включая в себя обе столицы: древнюю — Гнезно, которая осталась резиденцией примаса польской церкви, архиепископа гнезненского, и новую — Краков, куда с середины XI в. переместился княжеский двор. Такой порядок являл собой попытку хоть как-то поддержать государственное единство — попытку, как показало будущее, безуспешную.

Раннефеодальная монархия исчерпала себя. Процесс раздробления с 1140-х годов пошел почти безостановочно. Надолго воцарилась удельная система.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА
В ПЕРИОД
КЛАССИЧЕСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В пору политического развала (XII—XIII вв.) поступательное движение польского общества не было прервано, феодальные отношения достигают известной зрелости. В столетия подъема сословно-представительной монархии (XIV—XV вв.) социально-экономические процессы набирали силу. Выразительным признаком этого служит демографический рост: население Великой Польши, Малой Польши и Мазовии, к середине XIV в. достигнув 1,2 млн человек (8—9 человек на один кв. км), увеличилось по сравнению с 1000 г. примерно на три четверти.

Если в первые века существования Польского государства в земледелии господствовала безотвальная вспашка, то постепенно входит в употребление плуг, который — в отличие от сохи и рала — не только рыхлил землю, но и переворачивал пласт. Со второй половины XII—XIII вв. он утвердился в быту польской деревни, хотя и потом рало не исчезнет из обихода, а на северо-востоке страны долго будет по-старому распространена соха. Фиксируемый археологическими и письменными памятниками разноряд в применении пахотных орудий был обусловлен не только различиями в природных условиях и местной традиции. Сказывалось имущественное неравенство: тяжелый плуг был доступен не каждому земледельцу.

При отвальной вспашке, когда большую важность приобрело боронование, старую суковатку теснит рамовая борона. В силезской грамоте 1296 г. уже упомянута борона с железными зубьями, самая удобная для тяжелых почв. К привычному серпу добавилась коса. С XIII в. ею кое-где начали косить овес и ячмень — культуры, для которых при таком способе уборки нечего было бояться больших потерь. Прогресс агротехники (в частности, переход — пусть медленный — к удобрению полей, что в свой черед становится возможным по мере развития животноводства) открыл путь к регулярному трехполью и, значит, к расширению посевов. Продолжая сосуществовать с двухпольным севооборотом, местами даже с примитивным перелогом, система трех полей в XV в. уже безусловно преобладает. Производительные силы в польской деревне XIV—XV вв. приблизились к уровню, на котором земледельческие орудия и агротехнические приемы пребудут без радикальных изменений до конца средневековья. Недаром для XIII—XIV вв. характерны, по-видимому, были урожаи сам-3, для XV в. — даже сам-4.

Памятники XII в. и следующих столетий все чаще говорят о корчевке лесов, о появлении новых деревень, которые «отпочковывались» от старых или возникали в дотопе необжитых местах. Миграции обычно шли по течению рек, переселенцы постепенно углублялись в лесные массивы. В новые края, за черту устоявшейся феодальной эксплуатации, уходили полузависимые и зависимые крестьяне. Туда же отступали свободные общинники, чьи владения

оказывались зажатými среди вотчин. Стихийные миграции сочетались с акциями духовных и светских феодалов, желавших привлечь переселенцев в свои до того малонаселенные либо вовсе безлюдные владения.

Внутренняя колонизация протекала активно. Но ее резервы были ограничены. Местного населения попросту не хватало для форсированного освоения новых территорий. Сверх того, из-за крестьянских миграций обезлюдели старые владения.

Землевладельцы искали выхода в приглашении колонистов из чужих краев (к тому же средству прибегали феодалы Венгрии, Чехии и других стран). Пространства на южных и восточных рубежах сами были еще слабо заселены. Основной поток переселенцев шел с запада, из Германской империи. В этой внешней колонизации, которая с XIII в. приобретает широкий размах, участвовали не одни немцы: среди пришельцев были славяне из захваченных немецкими князьями полабских территорий, были фламандцы, валлоны. Несмотря на это, за внешней колонизацией в Польше независимо от этнического состава иммигрантов закрепилось наименование немецкой. Она заметно затронула Силезию, низовье Вислы, западные области Великой и Малой Польши и почти докатилась до восточных окраин страны.

Прилив в деревню рабочих рук извне стимулировал распашку земель и хозяйственное развитие в целом. Не менее важны связанные с колонизацией социальные сдвиги. Они нашли выражение в принятии так называемого немецкого права — совокупности юридических норм, которая воспроизводила принесенные колонистами из Германии образцы (чем и объяснялось название). Вне зависимости от происхождения вошедших в него отдельных формул и норм немецкое право отразило прежде всего органические перемены в состоянии польской деревни. Из Силезии и других очагов внешней колонизации оно проникало дальше на восток. К началу 1330-х годов на него перевели уже около четверти всех деревень Польского королевства. В последующие десятилетия этот процесс набирает силу. Даже там, где продолжало действовать традиционное польское право (а оно дольше всего сохранилось в Мазовии), его нормы модифицировались.

Перестройка проходила в атмосфере острых классовых конфликтов. Опасные для правящего класса масштабы приобрело бегство зависимых людей. О нем шла речь в папской булле 1233 г., в договорах северопольских удельных князей с орденским государством (1242 и 1248 гг.). Составленный на немецком языке во второй половине XIII или в начале XIV в. свод обычного польского права — так называемая Эльблонгская книга, или Польская правда, — особую статью посвятил порядку выдачи беглеца, ушедшего «в другую землю» (вероятно, в другое удельное княжество).

Независимо от того, закладывалась ли деревня заново или стояла издавна, откуда бы родом ни были селяне, перевод на немецкое право означал прежде всего письменную фиксацию условий держания земли. Крестьянские повинности в пользу феодала при-

обретали твердый, регламентированный характер. Крестьянин был признан наследственным держателем надела, но не более как пользователем принадлежащей феодалу земли, а лежащие на нем повинности стали не только платой за пользование чужой собственностью, но и знаком подданнической, поземельной зависимости от землевладельца. При этом такой крестьянин (кметь) не крепостной человек. Ко дню св. Мартина (24 октября), уплатив оброк и выполнив другие положенные условия, он был вправе покинуть деревню. В известных пределах он распоряжался наделом и двором: мог (в одних случаях с согласия господина, в других — не испрашивая такового) продать свое держание с тем, что все повинности перейдут на покупателя.

Судя по имеющимся источникам, барщина сводилась к нескольким дням в году. Деревня платила оброк (чинш) — натуральный, денежный. Анализ локационных грамот XIII—XV вв. убеждает в том, что соотношение между двумя видами оброка неуклонно менялось в пользу денежной ренты. Переход на немецкое право отражал существенные сдвиги в форме феодальной эксплуатации — движение от примитивной отработочной ренты и нерегламентированных поборов к стабильной ренте продуктами, а затем к денежной ренте, что, как известно, дает больший простор для развития крестьянского хозяйства.

Немецкое право определило принципы сельского самоуправления, согласовав их с верховными судебными-административными прерогативами феодала. Во главе деревни стоял наследственный староста — солтыс, который поначалу брал на себя хлопоты по привлечению переселенцев и за это получал ряд привилегий. Вместе с выборными лавниками солтыс вершил суд по мелким делам. Под напором социальных перемен в деревне, запечатленных в том же немецком праве и в феодальном законодательстве, перестраивается уходящая своими корнями в дофеодальную эпоху опольная система. Нормы немецкого права приспособляли общину к изменившимся условиям. В связи с перемером полей, при котором беспорядочно разбросанные вокруг селения нивы были сведены в единый массив, поделенный потом на ланы, вводился принудительный севооборот и т. д.

Чтобы упрочить свою власть над деревней, феодалы использовали пережитки старого, «польского» правопорядка. До середины XIV в. действовало право мертвой руки, согласно которому, как сказано в Эльблонгской книге, «если умрет кметь, не имея сына, то господин берет его имущество». На протяжении всего периода продолжалось вовлечение в сферу феодальной эксплуатации свободных селян — эта прослойка неуклонно убывала. Продолжали расти крестьянские повинности: правящий класс так или иначе находил способ их увеличить в обход того, что было записано в локационных грамотах.

В XV в. ощутимо увеличились отработки, предвещая победу в следующем столетии барщинно-крепостнической системы хозяйства.

И все-таки общий баланс социальных перемен был в пользу деревни. Явно выгадали те категории сельского населения, что по своему правовому статусу были недалеки от невольников (аскрипции и т. п.). Они растворяются в общей массе феодально зависимого крестьянства. Прежнее расслоение; в основе которого лежала степень личной несвободы селянина, сменяется новым, в котором определяющим стал хозяйственный признак. Подавляющее большинство обитателей деревни составляли надельные крестьяне — кметы, ниже их стояли малоземельные — загородники, в источниках XV в. к ним добавились коморники, лишенные не только земли, но и своего двора. Внутри этих основных категорий тоже происходило дробление. К концу периода среди кметей значительный вес приобрел слой полулановиков — держателей половинного надела. Начинают различать загородников с полем и без поля, т. е. владевших только огородом.

Успехи урбанизации, с одной стороны, во многом обуславливались переменами на селе, с другой — стимулировали эти перемены. Отмеченный выше абсолютный и относительный рост феодальной денежной ренты недвусмысленно указывает на втягивание деревни в рыночные отношения, на подъем городских ремесел и торговли. Действительно, за рассматриваемые века город прочно вошел в жизнь польского общества, весомым компонентом социальной структуры стало мещанство (бюргерство).

К началу феодальной раздробленности, помимо более чем двух десятков вполне городских по характеру поселений с Краковом во главе, на польских землях насчитывалось по меньшей мере 200—250 подгородий (посадов) и отдельных торговых поселений. В них жили торговцы и ремесленники, еженедельно функционировал рынок. Они послужили той питательной средой, на которой активно вырастают города. Начиная с XIII в. (первый случай отмечен в Силезии, где перед 1211 г. городской статус получила Золоторыя) города приобретают немецкое — магдебургское или любекское — право, аналогичное распространявшемуся в деревне, но обеспечивавшее большую автономию. На XIV—XV вв. приходится пик урбанизационного процесса. Только в Мазовии на востоке Малой Польши, на Люблинщине с их замедленным темпом хозяйственного движения максимум городских локаций падает на XV — начало XVI в.

К середине XIV в. население Вроцлава достигло 17 тыс. человек, Кракова — 14 тыс. Однако таких или близких к ним центров, поднявшихся на перекрестках дальних торговых путей, были буквально единицы. Подавляющее большинство составляли местечки, которые по своему облику и быту не очень отличались от деревни. Для многих из мещан земледелие или животноводство оставалось главным занятием. Являясь малыми очагами локального обмена, полуаграрные местечки вместе с городами побольше и с соединявшими их водными и сухопутными трактами мало-помалу формировали ту сеть, которая нарушает прежнюю хозяйственную разобщенность, укрепляя территориальное разделение труда.

Далеко по стране расходилась соль из копей Бохни и Велички, расположенных неподалеку от Кракова и постепенно превратившихся в крупнейшие горные предприятия феодальной Польши. Добыча свинца и серебра концентрировалась в районе Олькуша. Железодобывающим промыслом занимались повсюду, благо не было недостатка в болотных рудах, но выделяются такие центры, как Кельце и Лелев в Малой Польше. Ткачи Вроцлава, Легницы и других силезских городов славились своими сукнами — дорогими, зато по качеству мало чем уступавшими лучшим в Европе фландрским изделиям, тогда как великопольские сукноделы поставляли на рынок более грубые, но дешевые ткани.

Среди технических новинок в ремесле и промыслах выделяется водяное колесо. Начиная с XIII в. его используют для приведения в движение не только мельничных жерновов, но и ступ, кузнечных молотов и мехов. К движущей силе воды прибегали все новые отрасли, например появившиеся в XV в. бумагоделальни. Главным же образом прогресс выражался в углублении специализации, в появлении новых цехов. Из единого, к примеру, цеха кузнецов выделились оружейники, среди которых, в свою очередь, со временем обособлялись мечники, мастера по изготовлению доспехов и т. д. Уже в начале XIV в. во Вроцлаве насчитывалось до 30 ремесленных корпораций.

Развитие города, как и деревни, было осложнено немецкой колонизацией. Сейчас доказано, что города поднимались задолго до ее начала и что она не изменила общего направления развития. В ряде случаев происходила полонизация, немецкие переселенцы или их потомки ассимилировались в местной среде. Но отсюда не следует, что колонизация прошла бесследно. Среди пришельцев было немало богатых, обладавших опытом и связями купцов, знающих свое дело рудокопов и ремесленников. Их приток стимулировал городскую жизнь. Колонисты принесли с собой правовые нормы, характерные для западноевропейского города, уже успешного отвоевать у феодалов значительную автономию. Это облегчило и ускорило приобретение польскими городами самоуправления, оформление цеховой системы.

Нельзя закрывать глаза и на отрицательные последствия колонизации. Пользуясь своим богатством и влиянием, немецкая купеческо-ремесленная верхушка прибрала к рукам управление в Гданьске, Кракове, Вроцлаве, ряде других городов, и это обострило национальные противоречия. Засилье немецкого патрициата наложило отпечаток на внутреннюю борьбу в торгово-ремесленных центрах и на взаимоотношения города с княжеской (с 1320 г. — королевской) властью. Бывало, что политика городского патрициата служила целям Бранденбурга, Чехии или Тевтонского ордена. Констатируя это, следует сделать следующие оговорки. Во-первых, немецкие или онемеченные верхи добились власти не везде — по преимуществу в западнопольских крупных городах. Немецкое же право распространялось повсеместно, знаменуя начало нового этапа в социально-политическом развитии и для мещан: их зависи-

мость от феодала значительно уменьшилась, они получали известный простор для своей деятельности. Во-вторых, решающими все-таки были не этнические, а экономические, социальные, политические противоречия. Столкновения между поляками и немцами на улицах Познани или Кракова были не чем иным, как борьбой средних торгово-ремесленных кругов с патрициатом за доступ к управлению, за более справедливую раскладку податного бремени и т. п. Что же касается частых в средневековых летописях упреков немцам — гражданам польских городов — в высокомерии либо обвинений их в разного рода кознях, то не надо забывать, что исходили эти сочинения, как правило, из феодальной среды. В них — по меньшей мере во многих из них — дало себя знать соединенное с завистью презрение дворянина к богатым и непокорным плебейам.

Развертывание сельского и городского колонизационного движения с его отливом из одних мест и приливом в другие и обострение классовых противоречий — все это шло рука об руку с экспансией феодального землевладения. Церковные учреждения превращались в земельных собственников, порой весьма крупных. Как видно из папской буллы 1136 г., во времена Болеслава Кривоустого Гнезненскому архиепископству принадлежали полторы сотни селений, а к 1512 г. за ним числилось уже 13 городов и до 300 деревень. В разряд крупнейших землевладельцев рано вошли Вроцлавское епископство, которое, владея в 1155 г. 47 деревнями, за сто лет более чем утроило свои земельные богатства, бенедиктинский монастырь в Тынце, около Кракова, и др.

Земельные владения светских можновладцев (они же — бароны, нобили) были весьма значительными, не случайно некоторые из них записывали в дар церкви по пять, по десять и более деревень. На первом месте по богатству и силе стояли малопольские роды — Лелевиты и др. Не намного уступало им можновладство Силезии и Великой Польши. Фактически монополизировав высокие посты в государственной и церковной иерархии, бароны имели возможность дальше укреплять свои имущественные позиции, свою власть над крестьянами. Тут им очень помогли получаемые от слабеющей центральной власти обширные иммунитетные привилегии — фискальные и судебные.

Свое исключительно положение по сравнению не только с простонародьем, но и с «меньшой братией» — рыцарством — «старшая братия», т. е. знать, стремилась закрепить в правовых нормах. В XIII в. она приобрела «право не ответственности» — вышла из-под юрисдикции каштелянов, подлежа теперь лишь суду монарха. Жизнь и достоинство можновладцев охранялись более высокой вирой (судебным штрафом). Как записано, например, в соглашении 1252 г. между одним из удельных князей и Тевтонским орденом, за убийство сановника грозит огромная по тем временам сумма — 30 гривен, тогда как за рыцаря платят тоже немало, но все же в два раза меньше. Такая линия развития, казалось бы, естественно вела к обособлению можновладства в самое привилегированное сословие — к тому, что произошло в соседней Венгрии

или Чехии. Но мечта польских баронов не сбылась. Помешало прежде всего сопротивление средних и мелких феодалов — тех, кого называли рыцарством или шляхтой. В XIV—XV вв. и позднее сохранялась имущественная и социальная дистанция между могущественным сановником и простым рыцарем, оставались и даже обострялись конфликты между ними. Но бароны и рыцарство считались членами одного и того же дворянского сословия, они, хотя бы на словах, были равноправны. И тех и других называют шляхтичами. Впрочем, общее название не скрывало от современников глубины существующих различий. Дворянское общественное мнение привычно противопоставляло шляхтича-рыцаря можновладцу (магнату). Соответственно и в исторической литературе под «шляхтой» подразумевались обычно низший и средний слои правящего класса.

Рыцарство выводило себя от раннесредневековой княжеской дружины. Ряды его пополнялись за счет зажиточных свободных общинников, которые, неся конную военную службу, тем самым утверждали свой особый, отличный от прочих селян статус. Военная служба была главным занятием и повинностью рыцарства, которое по зову князя было обязано являться на посполитое рушенье (дворянское ополчение). Походы кормили шляхтича: земельные пожалования за службу были невелики, в XII—XIV вв. собственные, домениальные хозяйства не играли большой роли и основу рыцарских доходов составляла военная добыча. Наконец, тот факт, что в период классического средневековья шляхта составила главную военную силу страны, отвел ей не последнее место в общественной структуре, дав в руки определенные политические козыри.

В давние века крестьянину, имевшему возможность содержать боевого коня, приобрести оружие и амуницию для себя и слуг, не возбранялся переход в рыцари. По мере созревания в Польше феодального строя доступ плебея в дворянское сословие был сначала затруднен, а затем полностью закрыт. С XIV в. дворянином признают только того, кто сможет доказать, что его родители были дворянами. Но одного благородного происхождения еще мало. Полнота прав предоставлена только шляхтичам — владельцам земли либо хотя бы ее арендаторам. На тех, у кого земли пока нет, — на «неоседлую шляхту» («шляхту-голоту»), — не распространялась, скажем, вырванная в XV в. у правительства гарантия, что дворянина не арестуют без суда. На них не распространялась и почетная обязанность участвовать в посполитом рушенье. Правда, безземельные шляхтичи чаще всего отправлялись в поход по доброй воле, надеясь на военную добычу.

Шаткость социального статуса этой довольно широкой прослойки зафиксировала еще упомянутая выше грамота 1252 г., где жизнь «рыцаря, что не принадлежит к рыцарскому роду», охранялась вирой в шесть гривен — ровно такой же, как жизнь крестьянина. В период сословно-представительной монархии судьба тысяч рыцарей, которые не имели зависимых крестьян и сами пахали

свои клочки земли, сложилась по-разному. Основная масса их поневоле социально деградировала, растворилась в крестьянской среде. За другими феодальное государство признало права дворянства. Это коснулось преимущественно так называемой загородовой шляхты, сконцентрированной в Мазовии и на севере Люблинщины — областях, где крупного феодального землевладения почти не было. Поселения таких шляхтичей, называвшихся влодыками, прикрывали Польшу от частых набегов со стороны Литвы.

Если ради военной защиты северо-восточного пограничья феодалы допустили в свои ряды часть влодык, то в отношении солтысов они были непреклонны. Этих наследственных деревенских старост, которые по локационным грамотам получили права на долю помещичьих доходов (например, на треть судебных штрафов), они ненавидели. Хотя солтысы несли конную военную службу и, значит, имели повод притязать на шляхетство, их безоговорочно причислили к крестьянам.

Надо сказать, что дворянское государство все же не смогло до конца пресечь социальную диффузию. Остались некоторые, пусть узкие, законные (к примеру, в награду за военную доблесть) и не законные лазейки для обзаведения плебея шляхетским гербом. Не окончательно была размыта межсословная прослойка. Еще в XVI в. кое-где местные власти молчаливо мирились с существованием полудворян-полукрестьян. Между прочим, из такой буферной среды, по-видимому, вышел крупнейший польский политический писатель эпохи Возрождения Анджей Фрыч Моджевский.

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Всю вторую половину XII в. занял кровопролитный передел наследства между пятью сыновьями Болеслава III Кривоустого. Самый энергичный и крутой среди них, Мешко Старый, на протяжении 1173—1202 гг. четыре раза занимал великокняжеский престол и трижды его терял. В борьбу втягивались новые поколения династии Пястов.

Главным действующим лицом в этих усобицах было можновластво. Баронам Поморья или Силезии, Краковщины или Великой Польши не было теперь особой нужды в крепкой центральной власти, ибо они своими силами могли подавить классовый протест крестьянства. Старания знати концентрировались на том, чтобы упрочить свое положение. Ширилась система иммунитетов — сбор податей, судебных пошлин переходил от князя к монастырю или светскому землевладельцу. Чувствуя свою мощь, бароны дирижировали частыми перестановками на великокняжеском и удельных престолах, нередко попросту изгоняя неугодного им правителя.

Со временем распад углублялся. Число уделов росло, ослабевали или рвались политические связи между ними. С конца XII в. перестали созывать общепольские съезды духовных и светских сановников. На последнем из них — съезде 1180 г. в Ленчице —

были еще более ограничены права княжеской администрации. Расколотой на уделы Польше становилось все труднее отражать врагов.

Главная опасность извне исходила от Священной Римской империи германской нации. С середины XII в. немецкие князья усилили натиск на славянские области за Эльбой. Захватив в 1157 г. столицу полабского племени стодорян Бренну, Альбрехт Медведь сделал Бранденбург (как стало называться это селение) центром новосозданного Бранденбургского маркграфства — форпоста германского напора на восток. Маркграфы при каждом удобном случае вторгались в польские владения, прежде всего в Поморье, в середине XIII в. они завладели стратегически важной польской территорией при впадении Варты в Одру — Любушской землей.

В XIII в. немецкие феодалы нависали над Польшей уже не только с запада. На ее северных рубежах обосновался Тевтонский духовно-рыцарский орден, созданный за четверть века до того в Палестине и вытесненный оттуда вместе с остальными крестоносцами. В 1226 г. его пригласил один из удельных князей, Конрад Мазовецкий, задумав руками рыцарей завоевать племена пруссов, беспокоивших Мазовию своими набегами. Придя в пограничную с Пруссией Хелминскую землю в качестве вассала князя Конрада, Орден поспешил забыть о ленной присяге. В 1237 г. он соединился с расположенным неподалеку, в Прибалтике, немецким же орденом Меченосцев (Ливонским орденом). За полстолетия ими были захвачены земли пруссов и основано сильное орденское государство, пользовавшееся постоянной опекой империи и папства.

К немцам апеллировали потомки Пяста в своей грядущей за уделы.

В 1157 г. старший сын Болеслава III — Владислав Изгнанник, чтобы одолеть соперников, призвал на помощь Фридриха I Барбароссу. Престола Владиславу тот не вернул, но, использовав благоприятный момент, поставил Польшу в ленную зависимость от Германской империи (окончательно зависимость будет сброшена лишь сто лет спустя). Половину Любушской земли маркграф Бранденбургский получил в 1249 г. из рук ее владельца, легницкого князя Болеслава Рогатки, за поддержку в войне против вроцлавского князя Генриха, младшего брата Рогатки. Вторую половину Болеслав таким же образом уступил архиепископу магдебургскому, от которого она через три года тоже перешла к Бранденбургу. Подобных же случаев, когда князья вовлекали империю либо других соседей в свои усобицы, было сколько угодно.

Но, с другой стороны, растущая угроза самому существованию польского народа заставляла думать о сплочении сил против внешнего врага. Внешний фактор по-своему действовал в том же направлении, что и позитивные социально-экономические перемены в деревне и городе, которые, исподволь нарушая прежнюю хозяйственную изоляцию областей, толкали к преодолению феодальной раздробленности. Объединительные тенденции с трудом, но пробивали

себе дорогу сквозь хаос схваток за власть, интриг, случайных и недолговечных дипломатических комбинаций.

О том, что, несмотря на торжествующий политический разлад, крепло самосознание польской народности, чувство национальной общности, свидетельствуют литературные памятники эпохи. Характерна в этом смысле созданная около 1220 г. хроника В. Кадлубека. Ее автор-монах принадлежал к можновладству (до ухода в монастырь он был краковским епископом) и отстаивал его интересы. «Нельзя отнять у поляков право избирать себе князя», — утверждал Кадлубек, явно понимая здесь под поляками только баронов. Однако текст хроники пронизывала идея величия и независимости Польши, и этому она была в немалой степени обязана своей широкой популярностью.

В собирании земель больше других преуспела Силезия, самая, пожалуй, хозяйственно развитая из польских провинций. Ее князь Генрих I Бородатый (1202—1238 гг.) положил начало тому государственному образованию, которое историки называют «монархией силезских Генрихов». На рубеже 1220—1230-х годов он отобрал по-прежнему считавшийся престижным краковский престол у Конрада Мазовецкого, потом присоединил юго-западную часть Великой Польши. Отцовскую политику продолжил Генрих II Набожный (1238—1241 гг.), однако его держава рухнула под ударом с востока. Когда Батый в декабре 1240 г., взяв Киев, пошел на Венгрию, правое крыло его войска обрушилось на польские земли. В марте 1241 г. был сожжен Краков. Спустя двадцать дней, 9 апреля, у города Легница (к западу от Вроцлава) татарская конница разбила уступавшее по численности силезское и великопольское ополчение. В битве погиб князь Генрих II. Хотя после недешево доставшейся им победы татары ушли через Моравию на юг, польские земли оправались не скоро. К тому же опустошительные набеги повторяются в 1259 и 1287 гг.

«Монархия силезских Генрихов» после катастрофы 1241 г. распалась на уделы. Наступила новая полса междоусобных конфликтов. Краков вновь достался Конраду Мазовецкому, который в 1248 г. потерпел поражение от своего племянника, сандомирского князя Болеслава Стыдливового (умер в 1279 г.).

В уособицах второй половины XIII в. отчетливой, чем прежде, заметна зависимость политических результатов от состояния торговли, ремесел, горного дела, от позиции городов. Надолго удерживать за собой краковский престол Болеславу Стыдливому не в последнюю очередь помогли деньги, получаемые с купцов, доходы от солеварен в Бохне и Величке и от начатой там с 1251 г. добычи каменной соли. Тем не менее решающее слово оставалось за феодальной аристократией. Это сполна ощутил на себе внук Конрада Мазовецкого, серадзко-ленчицкий князь Лешек Черный, которому завещал свои владения бездетный Болеслав. Малопольские можновладельцы не сочли такую передачу трона законной. Лешка они признали, но лишь как своего избранника, дав понять, что не позволят посягнуть на привилегии знати. Потом дважды — в 1282 и

1285 г. — бароны поднимали мятеж, недовольные тем, что князь искал опору в рыцарстве и городах.

С аристократической оппозицией столкнулся и отпрыск силезской линии Пястов, вроцлавский князь Генрих Честный, которого Лешек сделал своим преемником. Знать предпочла ему сводного брата Лешека Черного — брестско-куявского удельного князька Владислава, за малый рост прозванного Локетком. Но Генриху сочувствовал Краков, раскрывший перед ним свои ворота, и Локетек едва спасся бегством. Правда, Сандомирскую землю он держал за собой.

Новый повод для вспышки усобиц возник в 1290 г., когда по завещанию недолго правившего Генриха Честного краковский трон перешел к познанскому князю Пшемыслу II, который успел к тому времени овладеть всей Великой Польшей. В борьбу Пшемысла с неугомонившимся после поражения Владиславом Локетком вмешался чешский король Вацлав II, причем уже не как союзник одного из Пястов, а со своими собственными притязаниями.

Чехия, где феодальная раздробленность глубоко не укоренилась, давно оставила позади стадию политического распада и делала энергичные попытки раздвинуть границы. У силезских и малопольских городов были прочные торговые связи с южным соседом; феодалов, да и горожан тоже, привлекали щедрые обещания чешского короля Вацлава. Грамотой 1291 г. он принял на себя обязательство не требовать новых, неположенных поборов с клира, дворянства и городов. Было обещано, что король будет замещать должности с согласия польских сановников, искоренит грабежи, от которых так страдала торговля.

Пшемысл II почти без сопротивления уступил Краковскую землю чехам. Через год они отняли у Локетка Сандомир, еще раньше — распространили власть на большую часть Силезии. Великая Польша осталась за Пшемыслом, присоединившим к ней в 1294 г. Восточное Поморье. Весной 1296 г. он погиб: его врасплох застали подосланные бранденбургским курфюрстом убийцы. Наследовал ему Владислав Локетек, который продержался недолго. Чтобы как-то усмирить разбой на дорогах, князь в 1299 г. дал городам право казнить схваченного на месте преступления грабителя, будь им даже рыцарь. И без того недовольные Локетком феодалы возмутились и на созванном познанским епископом съезде (1300 г.) низложили его. В вопросе, кого призвать вместо Локетка, единства у собравшихся не было. Сомнения разрешил чешский король Вацлав II, двинув в Великую Польшу и Поморье войска. В том же 1300 г. он короновался польской короной в гнезненском кафедральном соборе.

Из действий чешской администрации в Польше наибольший резонанс имело создание староств. Разослав по областям своих полномочных наместников-старост, которые подчинялись прямо королю, Вацлав II сделал шаг к централизации государства. Этим были больно задеты права каштелянов и других сановников, а зна-

чит, — права можновладства. Старосты действовали решительно и круто, что вызвало ропот и среди рыцарства. Недовольство росло еще и оттого, что на влиятельные посты назначались иноземцы. Хотя у объединения под эгидой Праги были свои привлекательные, особенно для купечества, стороны, новая власть вскоре зашаталась. Владислав Локетек в 1304 г. вернулся из изгнания, ведя с собой венгерские отряды, и отвоевал Сандомирскую землю. К нему стекались недовольные, войско росло. 15 мая 1305 г. он въехал в Краков. Сбросить чужеземное владычество помогли события в Чехии: летом 1306 г., всего через год после воцарения, был заколот чешско-польский король Вацлав III.

Локетка признали Малая Польша и Восточное Поморье, но не обошлось без потерь. В 1308 г. Гданьским Поморьем завладел бранденбургский маркграф. Без особого труда ему достался сам Гданьск. Сопrotивление оказал лишь гданьский замок, но положение осажденного в нем польского гарнизона было отчаянным. Не приходилось ждать подкреплений от Локетка: тот был втянут в опасную и затяжную ссору с краковским епископом Яном Мускатой. Комендант замка, судья Богуш, поневоле воззвал к крестоносцам. Те пришли на помощь только для того, чтобы, овладев низовьем Вислы, присвоить его. Заняв Гданьск и замок как союзники Польши, орденские братья в ноябре 1308 г. устроили там резню.

Убрать строптивного Мускату князю не дали папский легат и другие могущественные заступники. Епископ продолжал интриги и вместе с краковским войтом Альбертом инспирировал мятеж в Кракове и Сандомире. «Бунт войта Альберта», который ставил целью присоединение Малой Польши к Чехии, вспыхнул весной 1311 г. и длился год. Сурово подавив его, Локетек обрушил репрессии на немецкий патрициат и вообще на немцев-горожан. Самоуправление Кракова он урезал, на торговые привилегии города, однако, не посягнул, понимая, очевидно, что от этого понесет урон княжеская казна.

Все эти годы Великая Польша, откуда тоже ушли чехи, оставалась обособленной. До 1309 г. ею правил один из силезских Пястов, потом владение поделили его сыновья. Но сторонники единства и ориентации на Краков оказались сильнее. Поддержанный великопольским рыцарством и церковью, Владислав Локетек в 1314 г. взял Познань. Из-за этого вспыхнула еще одна война с Бранденбургом (1315—1317 гг.) — один из многих конфликтов, сопровождавших возрождение Польского государства.

Остро враждебными были отношения с Орденом. Чехия, где с 1310 г. правила династия Люксембургов, по-прежнему притязала на польские земли. Разбитые на уделы Силезия и Мазовия скорее мешали, чем помогали объединению. Отчасти это объясняется экономическими условиями: торговые интересы силезских городов были повернуты в сторону Праги, мелкие мазовецкие княжества практически не вышли из состояния хозяйственной замкнутости. Еще больше влияла политическая обстановка. Одни князья,

боясь, что Локетек отнимет у них уделы, вступали в сделки с врагами Польского государства. Другие, не веря в прочность монархии Локетка, не хотели связываться с ней своей судьбой. Кракову приходилось маневрировать, используя, в частности, раздоры между имперскими князьями. Он сблизился с Галицкой Русью и Венгрией, у которой были свои счеты с чехами.

Не видя возможности самим освободить Гданьское Поморье, поляки вынесли свой спор с Орденом на суд папства. Авиньон, куда на время переместилась папская курия, долго тянул, не желая отталкивать от себя ни ту, ни другую из тяжущихся сторон. Не давал он ответа и на хлопоты Локетка о королевском титуле, который должен был поднять престиж страны и ее монарха. Гнезненский архиепископ Янислав обошелся без папского благословения. 20 января 1320 г. он возложил на Владислава Локетка королевскую корону. Польша снова стала королевством. Следствием этого решительного акта было и то, что тяжба с тевтонцами сдвинулась с мертвой точки. Прибыли наконец папские легаты для разбора жалобы на Орден. Вынесенный через год приговор обязал крестоносцев вернуть Поморье и уплатить 30 тыс. гривен за нанесенный ущерб. Они, понятно, не подчинились, а курия на своем решении не настаивала.

Бранденбург, Чехия и Орден, порой действуя во взаимном согласии, продолжали натиск. Так, в 1331 г. крестоносное войско пошло на Калиш, договорившись у стен этого польского города встретить идущую через Силезию чешскую армию. Грозную для поляков ситуацию все же удалось разрядить. Чехи не пришли в назначенный срок, будучи отвлечены военными действиями в Силезии, и крестоносцы после трехдневного ожидания под Калишем повернули обратно. 27 сентября под Пловцами польское войско разгромило их арьергард. То была первая значительная победа над вековым врагом — победа, которая в военном отношении ничего, впрочем, не решала. С подходом к Пловцам других орденских отрядов силы уравнились. Не желая рисковать, Локетек отступил. То же сделали крестоносцы. Но на следующий год они захватили Куявию.

При сыне Владислава I Локетка Казимире III Великом (1333—1370 гг.) Польша, насколько было возможно, полагалась на дипломатию. Территориальные и династические споры с Чехией она урегулировала ценой признания верховной власти Праги над силезскими княжествами (и без того уже зависящими от чехов) и уплаты солидных сумм. Позднее все же была сделана попытка, опираясь на те силезские княжества, что еще сохранили независимость, силой исправить границу. Но по миру 1348 г. почти вся Силезия осталась за Люксембургами, и там усиленно шел процесс германизации.

Надежды на посредничество папы или соседей-монархов в конфликте с Тевтонским орденом себя не оправдали. Крестоносцы были встревожены заключенным в 1343 г. военным союзом Польского королевства с западнопоморскими князьями. Великий ма-

гистр пошел на некоторые уступки, и в 1343 г. был подписан «вечный мир», по которому тевтонцы отдавали Куявию и Добжинскую землю, оставив за собой Восточное Поморье. Известный польский историк Ян Длугош писал: «Король Казимир понимал, что грозит гибель, ибо у крестоносных братьев хватало сил, чтобы захватить пол-Польши, а королю нечем было оказать сопротивление». Сознывая тяжесть условий мира 1343 г., король предварительно заручился согласием малопольского, великопольского и куявского дворянства, а также властей Кракова, Познани и еще пяти городов.

Избежав большой войны, Польское государство понемногу, но ощутимо скорректировало свои рубежи на севере. В 1351 г. в него вошла Плоцкая земля, а прочие мазовецкие области признали верховную власть Казимира. В 60-х годах удалось вернуть Валч и еще несколько захваченных Бранденбургом городов. Приобретение важно было тем, что благодаря ему восстанавливался прямой контакт с Западным (Щецинским) Поморьем. Главные же приобретения были сделаны Польшей на юго-востоке. Повод для вторжения в Галицкую Русь — плодородную и богатую область, через которую пролегал торговый путь к Причерноморью, — дала смерть отравленного боярами князя Юрия Тройденевича, родича и союзника Казимира III (1340 г.). Борьба за Русь, где столкнулись интересы Польши, Венгрии, Литвы, татар, затянулась на годы. Осенью 1349 г., собрав войско якобы для похода на Бранденбург, Казимир III внезапно ударил на Русь и на сей раз прочно завладел Львовом и Галичем. В 1360-х годах под власть польского короля перешли Владимир-Волынский и Каменец-Подольский.

В середине XIV в. социально-экономические предпосылки для превращения королевства в жизнеспособный, сильный государственный организм постепенно реализуются. Воеводы, каштеляны, стольники и прочие «земские чины» по-прежнему были не слишком послушны короне. Эти должности, превратившиеся в пожизненные, прочно держала в своих руках местная аристократия. Все же центральной власти кое-что удается достичь, в частности сохранив и умело использовав эту систему староств, какую на исходе XIII в. ввели чехи.

Возрастает вес королевской канцелярии. К стоявшему во главе ее канцлеру сходились все нити внутренней и внешней политики. Казимир III расчетливо подбирал своих сановников, не всегда считаясь со знатностью рода. Иные из них своей карьерой целиком были обязаны монарху, и тем увереннее тот мог на них полагаться. К числу их принадлежал, например, подканцлер Янко из Чарнкова — деятельный проводник королевской политики, а в будущем, когда после смерти покровителя он останется не у дел, составитель хроники, в которой восславит деяния Казимира Великого, противопоставляя его правление наступившим потом временам (хроника доведена до 1385 г.). С конца 1330-х годов вместо прежних, давно обесцененных денег королевский монетный двор стал чеканить монету, которая копировала чеш-

скую, заслуженно пользовавшуюся в Европе доброй репутацией. Правда, по содержанию серебра польский грош сильно уступал чешскому. Была также введена единая система пошлин и т. д.

Серьезной помехой объединению оставалась пестрота действующих в стране юридических норм, значительная часть которых устарела. Необходимость реформ осознавали польские правоведы, провозгласив: «Дабы не уподобиться чудищу с несколькими головами, народ, находящийся под властью одного государя, не должен пользоваться различным правом. Для общего блага полезно, чтобы как в Кракове, так и по всей Польше судили по одному и тому же закону». На первых порах кодификацию провели особо в каждой из двух частей королевства. В 1350-х годах был составлен и принят Петровский статут для Великой Польши, содержащий 34 статьи. Для Малой Польши вскоре после того был утвержден свой судебник — Вислицкий статут. В нем более последовательно были устранены архаичные установления, и потому он стал опорой продолжающейся унификации права. Формально он не был доведен до конца, однако в XV в. действуют несколько сводных редакций, куда вошли Вислицкий статут, часть статей Петровского статута и законодательные акты, принятые в конце правления Казимира III и при его преемниках. Этот так называемый Полный свод статуты Казимира Великого, насчитывающий полторы сотни статей, в середине XV в. перевели с латыни на польский язык. Появились и русские переводы, поскольку судебник действовал на территории захваченной поляками Галицкой Руси и в принадлежащем Великому княжеству Литовскому Подляшье.

Со стараниями наладить государственный аппарат связан такой памятный в истории польской культуры момент, как основание в 1364 г. Краковской академии. В этом, втором после Пражского (1348 г.), университете Центральной Европы упор был сделан на подготовку юристов, в которых остро нуждалась королевская администрация. Из 11 создаваемых под патронатом короны кафедр пять были отданы римскому праву и три — праву каноническому. Как водилось, создаваемая по образцу североитальянских университетов академия получила широкую автономию и привилегии. Но в полном объеме первоначальный замысел не осуществился. В последние, беспокойные для страны десятилетия XIV в. университет прозябал. Только в следующем столетии он действительно становится очагом просвещения. Преобразуя в 1400 г. Краковскую академию, правительство несколько отошло от прежнего плана. Теперь пример был взят с Парижа и Праги. Появился теологический факультет, которого не было вначале. Ему отдали 11 кафедр из общего числа 42. Реформу эту провели при короле Владиславе II Ягайле, и оттого за Краковским университетом с XVII в. закрепилось название Ягеллонского.

ОТ КОШИЦКОГО ПРИВИЛЕЯ К НЕШАВСКИМ СТАТУТАМ

В истории средневековой польской государственности большое место принадлежит династическим союзам, с помощью которых феодальные круги искали решения своих внешне- и внутривосточных проблем. Случай заключить унию с Венгрией представился в 1370 г., когда со смертью Казимира III, не оставившего сыновей, оборвалась династия Пястов.

В споре за опустевший трон могущественная малопольская знать поддержала венгерского короля Людовика I Великого (1342—1382 гг.). Ее ориентацию на союз с Венгрией определили не столько родственные связи (венгерский монарх, чья мать была польской королевой, приходился Казимиру III племянником) или прежние договоры о престолонаследии, сколько надежда упрочить свою власть: приглашение короля-чужестранца открывало здесь широкие возможности.

Действительно, Людовик (польский король в 1370—1382 гг.), лишенный твердой опоры в чужой стране, поневоле шел навстречу притязаниям ее влиятельных феодальных группировок. Еще в 1355 г., при жизни Казимира III, он издал привилей (жалованную грамоту), обещав после своего вступления на польский трон не вводить чрезвычайных налогов, возмещать рыцарям расходы, понесенные ими в зарубежном походе, и т. д. Привилей 1355 г. примечателен прежде всего тем, что обещания были даны не одному какому-либо лицу или роду, а всему дворянскому сословию.

После воцарения Людовика в Польше поводом для нажима на королевскую власть послужил вопрос о том, к кому в будущем перейдет корона. У нового монарха, как и у последнего Пяста, не было мужского потомства. Признание поляками прав на престол за одной из своих дочерей король оплатил Кошицким привилеем 1374 г. Дворяне были освобождены от всех регулярных податей, за исключением ланового побора в размере двух грошей с лана надельной крестьянской земли, и их обязательная военная служба ограничивалась пределами Польского королевства. Аналогичная податная льгота — с тем отличием, что для монастырских владений установили двойную ставку, по четыре гроша с лана, — в 1381 г. склонила духовенство тоже признать венгерскую королевну наследницей трона.

Кошицкий привилей не являл собой чего-то необычайного в европейской практике: венгерские феодалы, к примеру, добились таких же и даже больших прав еще ранее. В то же время новый податный порядок давал польскому дворянству в руки инструмент, посредством которого оно — с необыкновенной, надо отдать ему должное, ловкостью — будет толкать королевскую власть на дальнейшие уступки. Не слишком высокий с самого начала лановый побор вскоре заметно обесценился из-за частой в XIV—XV вв. порчи монеты. Увеличить размер платежа, зафиксированный в грамотах 1374—1381 гг., правительство не имело права, хотя постоянно

нуждалось в деньгах. Значит, нельзя было обойтись без чрезвычайных налогов, на сбор которых каждый раз необходимо согласие дворянского сословия. Тем самым казна попадала под его непосредственный надзор.

Выгодный для польских феодалов тем, что принес им важные сословные привилегии, союз с Венгрией в остальном не был удачным. Центр тяжести венгерских внешнеполитических интересов лежал на юго-востоке Европы, тогда как дела в Прибалтике — жизненно важные для Польши — стояли на заднем плане. В свою очередь, Краков мало прельщали проекты короля Людовика, желавшего ради отпора туркам, уже начавшим завоевание Балканского полуострова, и в противовес могуществу Чехии укрепить узы с Австрией. Помимо всего этого, уния 1370 г. не устранила раздоров между союзниками: венгры по-прежнему притязали на Червонную Русь и даже ввели туда свои гарнизоны (которые будут выбиты Польшей только в 1387 г.). Поэтому усиливались трения. Союз с Венгрией выглядел все менее привлекательным в глазах польских możновладцев. Когда осенью 1382 г. умер Людовик, они резко повернули руль внешней политики: после неурядиц, приведших в Великой Польше даже к военным схваткам, в 1383 г. королевой признали младшую дочь Людовика двенадцатилетнюю Ядвигу, тем самым разорвав личную унию с Венгрией, где корону унаследовала ее старшая сестра. Не состоялось и обручение Ядвиги с австрийским принцем, которое, по замыслу венгерских политиков, являлось залогом сближения с Габсбургами. Ее рукой малопольская знать распорядилась по-своему, выдав юную королеву за великого князя литовского Ягайло.

Этот брак и, следовательно, союз с Великим княжеством Литовским, сильно разросшимся и окрепшим после присоединения при Гедимине (1316—1341 гг.) и Ольгерде (1345—1377 гг.) западнорусских территорий вместе с Киевом, сулили польским феодалам много выгод. Союз должен был обезопасить границу на северо-востоке от частых литовских набегов, облегчить полякам проникновение в русские земли, а главное — объединить силы против Тевтонского ордена. Кроме того, католический епископат рассчитывал подчинить себе не только языческую до той поры Литву, но и территории с православным восточнославянским населением. Для литовской (точнее, литовско-русской) стороны на первом месте тоже стояла борьба с Орденом, который угрожающе навис над державой Гедиминовичей. Действовали и иные соображения. Так, Ягайло незадолго перед тем лишился своего партнера — татарского темника Мамай, чье войско в сентябре 1380 г. разбил Дмитрий Донской на Куликовом поле, и перспектива возместить потерю союзом с Краковом весьма привлекала литовского князя.

Личная уния Литвы и Польши, 14 августа 1385 г. скрепленная договором в Крево, предусматривала включение Великого княжества в Польское государство. Однако это желанное для поляков условие останется мертвой буквой. После отъезда Ягайло в Краков, где он, приняв христианство по католическому обряду и обвен-

чавшись с Ядвигаой, стал королем Владиславом II (1386—1434 гг.), литовско-русское боярство, возглавленное его двоюродным братом и давним соперником в схватке за власть Витовтом, помешало инкорпорации Литвы. На исходе XIV в. из-за раздоров между польскими и литовско-русскими феодальными кругами уния была временно расторгнута. Возобновленный в 1401 г. на условии признания самостоятельности Великого княжества, где фактически правил Витовт, союз и потом не раз висел на волоске. По Городельской унии 1413 г. Литва обязалась не вступать в союз с врагами Польши, но одновременно были подчеркнуты равенство и суверенность сторон.

Цепь малозначительных самих по себе, но в конечном итоге сильно повлиявших на формирование сословно-представительной монархии случайностей, начатая пресечением династии Пястов и переходом престола к Людовику Венгерскому и его дочери, в конце XIV—начале XV в. получила продолжение. Свадьбе и коронации Ягайло предшествовал не предусмотренный протоколом торжественный акт в Люблине: съехавшиеся для встречи великого князя литовского польские дворяне объявили его королем. Этим правлению нового государя был придан особый оттенок. В глазах современников Владислав II — не потомственный монарх, а дворянский избранник. Люблинскую церемонию станут воспринимать как веский довод шляхетской суверенности.

К неблагоприятным для судеб Ягеллонской династии обстоятельствам добавилось и то, что брак с Ядвигаой не дал наследника трона. Будь у Ядвиги сын, по феодальному обычаю, его право на престолонаследие было бы бесспорным, т. е. принцип избирательной монархии не имел бы тогда под собой юридической основы. Случилось иначе. Ядвига рано умерла. У Владислава II только на старости лет, от четвертого брака, появилось мужское потомство, чьи права на польский трон выглядели по меньшей мере проблематично. Шляхетские идеологи не упустили случая в противовес претензиям монарха и поддерживающей его части магнатов показать, что лишь от воли дворянства зависит, избрать ли сына Ягайлы королем или нет.

В 1425 г., через год после рождения королевского первенца, нареченного, как отец, Владиславом, на съезде в Бресте они прямо обусловили сохранение династии Ягеллонов расширением сословных привилегий. Королю уже доводилось удовлетворять требования шляхты (Петровский привилей 1388 г., Червинский — 1422 г., Вартский — 1423 г.). Уступил он и на сей раз, но затем передумал, понадеявшись на поддержку знати. Расчет не оправдал себя. Разразился публичный скандал. Негодующая шляхта изрубила саблями изданную ею в Бресте грамоту об избрании малолетнего Владислава. Король пошел на попятную; и по Едлинскому привилею 1430 г., подтвержденному и расширенному три года спустя, дворянство и клир в обмен на объявление королевича наследником трона получили даже больше того, на что претендовали вначале. Среди уступок со стороны королевской власти — признание

принципа личной неприкосновенности: дворянина нельзя ни арестовать, ни покарать без надлежащего судебного приговора. Оно дополнило вырванное у короны в 1422 г. обязательство не конфисковывать дворянских имений без постановления суда.

Зримо нараставший внутрикласовый конфликт — столь характерное для периода сословной монархии противоборство среднего и мелкого дворянства, шляхты с феодальной аристократией, — обострился при Владиславе III (1434—1444 гг.), преемнике Ягайло. В течение четырех лет, до совершеннолетия нового короля, Польшей правил регентский совет. Погоду в нем делали малопольские аристократы во главе с краковским епископом З. Олесницким, который долго еще будет самой влиятельной фигурой в государстве. Против него и против олицетворяемых им олигархических устремлений быстро зрело недовольство. Вожди шляхетского лагеря в конце 1430-х годов сформировали блок оппозиционных сил — Корчинскую конфедерацию. Она без обиняков выразила недоверие властям, сделав упор на печальном состоянии казны. В ответ сторонники Олесницкого собрали свою конфедерацию.

Политическая борьба носила конфессиональный оттенок. На нее падал отблеск бурных событий в соседней Чехии, давно притягивавших внимание польского общества. Олесницкий, в годы гуситских войн (1419—1434 гг.) приложив все старания, чтобы помешать сближению Кракова с Прагой, оставался ярким врагом «чешской ереси», тогда как гуситские идеи — в их умеренном варианте — были популярны среди враждебных всесильному краковскому епископу дворян.

5 мая 1439 г. в битве под Гротниками войска Олесницкого одержали победу. После этого католический клир смог заключить новую польско-венгерскую унию, способствовав избранию весной 1440 г. Владислава III на трон Венгрии. В жертву этой политической комбинации были принесены интересы Польши на северо-востоке. Фактически был признан распад союза с Литвой, где великокняжеский престол в том же 1440 г. после долгих усобиц перешел к младшему сыну Ягайло, Казимиру Ягеллончику, за которым стояли влиятельные литовско-русские роды. С другой стороны, уния Венгрии и Польши не лишена была резонансов. Она могла бы помочь Сербии, Боснии, остаткам Византийской империи и другим странам региона в борьбе с турецкой экспансией. Однако на деле соединения сил не произошло.

Рим, видя в скорейшем развертывании натиска на турок средство поднять свой пошатнувшийся в католическом мире авторитет, вдохновил Владислава III на авантюру. Тот нарушил выгодное для Венгрии десятилетнее перемирие с султаном, подписанное летом 1444 г., и в октябре того же года двинулся за Дунай. Три недели спустя он вместе со своим небольшим войском погиб в сражении у Варны (10 ноября 1444 г.). С гибелью девятнадцатилетнего короля распался союз, мало отвечавший национальным интересам Польши.

Хотя катастрофа под Варной пошатнула позиции церковно-олигархической партии, епископат не считал свое дело проигранным. На съезде в Серадзе весной 1445 г. Олесницкий предложил призвать на трон великого князя литовского Казимира Ягеллончика и тем самым возродить унию с Литвой. В пользу такого решения говорили близость внешнеполитических целей обеих стран, укрепление торговых связей между городами Короны и Княжества. Единомышленников же Олесницкого план прельщал другим — надеждой на инкорпорацию в будущем литовско-русских земель и возможностью, как им казалось, продиктовать Казимиру свои условия избрания.

Энергичный и властный, рано освоивший искусство политической игры Казимир не поддавался нажиму. Он всячески оттягивал свой отъезд из Литвы, не подействовала даже угроза магнатов отдать польскую корону бранденбургским Гогенцоллернам. Время работало на Казимира, обостряя разногласия среди олигархических группировок. Сам он искал — и нашел — опору в шляхте, особенно великопольской. Благодаря поддержке дворянства он, в 1447 г. прибыв наконец в Краков и став королем, так и не связал себя никакими определенными обязательствами. Влияние Олесницкого на политику упало. Одновременно Казимир IV (1447—1492 гг.) использовал обретение польской короны, чтобы ослабить мощь литовско-русского боярства.

Социальная природа военно-служилого мелкого и среднего дворянства сталкивала его с феодальной аристократией, в чьих руках были сосредоточены политическое могущество и земельные богатства. Уже одно то, что магнаты мешали централизации государства, делало шляхту естественной союзницей короля. И она действительно поддерживала Казимира IV, когда тот ломал самовластие знати, не остановившись перед конфликтом с князьями церкви. Позднее он не побоялся ссоры с Римом, силой присвоив себе право подбирать кандидатуры на освобождающиеся епископские места.

Но такая классическая для Европы XIV—XV вв. расстановка политических сил внутри правящего класса оказалась в Польше деформированной. Через семь лет после воцарения Казимира Ягеллончика шляхта выступила со своими собственными требованиями, показав, что скромная роль опоры королевского трона ее не удовлетворит. Посполитое рушенье Великой Польши, из-за начавшейся войны с Тевтонским орденом собранное летом 1454 г. в лагере под Цереквицей, предъявило ультимативные требования, хорошо сознавая, что правительству без него сейчас не обойтись. Лишь после издания королем надлежащего привилея шляхтичи пошли воевать. Выдвинули претензии и другие ополчения. Результатом трудных переговоров в ноябре—декабре 1454 г. было издание Казимиром IV Нешавских статутов. Оно обозначило новую ступень в развитии сословно-представительной монархии.

При Пястах и первых Ягеллонах можновластво активно влияло на внутреннюю и внешнюю политику Короны через коро-

левский совет, куда входили высшие светские и духовные сановники. Прочие социальные группы допускались к государственным делам спорадически и выборочно. В критических ситуациях монарх и королевский совет запрашивали мнение рыцарства, а также клира и горожан, как например, при заключении Калишского мира с Орденом в 1343 г. Ради этого собирались региональные, провинциальные (отдельно для Великой и для Малой Польши), общегосударственные съезды. За год до Нешавских статутот на таком общепольском съезде королевский совет и представители с мест впервые заседали порознь, в этом можно видеть зачаток будущего двухпалатного сейма. Однако съезды созывались нерегулярно, от случая к случаю. Их состав и компетенции были достаточно неопределенными.

Нешавские статуты и практика их реализации внесли известную систему в порядок принятия важнейших решений, показав одновременно, что в политической структуре происходит значительный сдвиг. Короля обязали не вводить новых податей и не собирать посполитого рушения без согласия земских сеймиков — региональных собраний дворянства, какие существовали с давних пор, но до 1454 г. ведали местными делами и не имели большого политического веса. Теперь, с приданием сеймику важных функций, ущемлялись права магнатов. Тому же служили те статьи статутот, что запрещали одному лицу занимать несколько высоких должностей и отесняли сановников от местного судопроизводства. Шляхта, таким образом, отчасти действовала в унисон с королем и в то же время налагала ограничения на саму центральную власть, ставя казну и войско под прямой контроль земских сеймиков. Что знаменательно — в этом контроле не участвовали горожане.

Будь Нешавские статуты преходящим эпизодом, им нетрудно было бы найти аналогии в истории любой европейской страны. Но они отражали постоянный политический курс, а вместе с ним специфику социально-политической эволюции: тот факт, что в Польше не сложилось сколько-нибудь прочного союза королевской власти с городами. Это не значит, что мещанство и корона не поддерживали друг друга. Казимир III последовательно поощрял торговлю и ремесла, а города пополняли его казну. Ягеллоны продолжали эту политику. В правление Казимира IV мещанство, кровно заинтересованное в приобретении Польшей выхода к Балтике, щедро давало деньги на войну с Орденом, а правительство предоставляло городам, их торговым и ремесленным корпорациям привилегии, порой весьма значительные. Тем не менее события XV в. убеждают в том, что городское сословие в Польше не стало активным партнером центральной власти.

Чем объяснить такую аномалию? Историография XIX в. видела причину преимущественно в немецкой колонизации, в том, что этнически чужеродная часть городского населения мешала объединению страны и не поддерживала централизаторских тенденций, олицетворявшихся Короной. Другой причиной считали слабость польских городов. Оба объяснения не представляются убедительными.

Примеру краковского восстания против князя Владислава Локетка в 1311 г., всегда приводимому как образец антинациональной политики онемеченных городских верхов (патрициата), легко противопоставить, скажем, позицию Гданьска и Торуня — поморских торгово-ремесленных центров, максимально затронутых германизацией и, несмотря на это, поднявших в 1454 г. оружие против Тевтонского ордена, чтобы воссоединиться с Польшей. Собственно, в обоих случаях политику патрициата определяли не этнические соображения, а материальный интерес: богатым краковским купцам в начале XIV в. выгоднее было владичество Чехии, их поморским собратьям в XV в. — вхождение в Польское королевство. Неубедительна и ссылка на слабость города. По численности жителей, размаху торговых операций, количеству цехов и т. д. Краков, Познань, Гданьск занимали далеко не последнее место в тогдашней Европе.

Очевидно, главную причину того, что в Польше королевская власть не нашла надежного союзника в третьем сословии, надо искать в ориентации крупнейших городов на внешнюю, транзитную торговлю. Развитие торговых связей с Русью, генуэзскими колониями на Черном море, Фландрией, Скандинавией и другими краями, обогатив и усилив патрициат Кракова или Гданьска, по-своему определило приоритеты в политике городских верхов. Им было желанно государственное объединение, которое наводит порядок в стране и облегчает контакты внутри страны и за ее пределами. Но ради него они не хотели поступиться своими партикулярными интересами и вольностями, хотя бы даже те становились анахронизмом, помехой на пути формирования широкого внутреннего рынка по мере политического и хозяйственного сплочения прежде разобщенных областей. Так, города ревниво защищали свое право, по которому чужим купцам запрещалось провозить товар мимо города и они были вынуждены сбывать его здесь. Позиция богатых и влиятельных горожан польского происхождения похожа на ту, какую занимала торговая верхушка Новгорода и Пскова, для которой местнические выгоды перевешивали заинтересованность в централизации Русского государства. По-иному смотрели на политику королевской власти широкие торгово-ремесленные круги, которые были крепко связаны не с внешним, а с внутренним рынком. Однако им — мелким и средним торговцам, цеховым мастерам — не хватало сил на то, чтобы самостоятельно и весомо выступить на общеполитической арене.

Следствием всего этого был определенный перекосяк в системе сословной монархии. В других странах монархия, по своей классовой сути оставаясь феодальной, находила опору не только в дворянстве, но и в городском сословии и потому, располагая известной свободой маневра, крепла. Во Франции XV век ознаменовался началом абсолютизма. Королевская же власть на берегах Вислы должна была развиваться в иных условиях. Шляхта пользовалась выгодами своего положения для того, чтобы, поддерживая госу-

даря, теснить аристократию, чтобы добиваться от правительства уступки за уступкой.

Не упускало дворянство и возможности урезать права городского сословия. Если до поры до времени малопольский горожанин, ранивший дворянина, отвечал перед своим, городским судом, то Нешавские статуты распространяли на Малую Польшу старую великопольскую норму, согласно которой такая тяжба подлежала ведению городского («замкового») суда, никак не склонного сочувствовать плебею. Этот и подобные ему шаги подогревали рознь городов с феодалами. Взаимная ненависть постоянно прорывалась наружу. Большой резонанс вызвали события 1461 г. в столице. Краковский люд расправился со знатым дворянином Анджеем Тенчинским, который избил ремесленника и не понес за это кары. Правительство не без основания усмотрело в происшествии не просто вспышку страстей, а опасный прецедент и жестоко наказало горожан, не особенно разбираясь, кто из них виноват, кто нет.

БОРЬБА ЗА ВЫХОД К БАЛТИКЕ

Среди разнородных внешнеполитических задач, которые стояли перед Польским государством на протяжении XIV — первой половины XV в., не было, пожалуй, более насущной, чем борьба с Тевтонским орденом. Огнем и мечом покорив землю пруссов, крестоносцы заняли и часть польских земель. Снова и снова они вторгались в пределы Польского королевства — жгли, грабили, вводили в плен.

Необходимость соединить усилия в схватке с общим врагом — Орденом — была продиктована польско-литовская уния 1385 г. Жизненная важность этой акции для обоих союзников не исключала, впрочем, зигзагов в их политике и временных, тактических соглашений с крестоносцами. К такому маневру до и после Кривской унии прибегал князь Витовт, желая потеснить своего соперника Ягайло и упрочить собственную власть в Литве. От борьбы за утраченные на севере земли Польское королевство и Великое княжество Литовское продолжали отвлекать и иные причины, в первую очередь экспансия на восток и конфликты на этой почве с Москвой.

Все прочие обстоятельства, однако, отступали на второй план перед лицом растущей орденской угрозы. Военные столкновения с крестоносцами на грани XIV—XV вв. стали прелюдией к войне 1409—1411 гг., за которой закрепилось название Великой. Непосредственным поводом к ней послужило очередное восстание против крестоносцев в Жемайтии (Жмуди) и то, что на помощь восставшим пришел Витовт. Действуя через своих приверженцев среди малопольского можновладства и епископата, великий магистр Ордена Ульрих фон Юнгинген попробовал удержать Краков от вмешательства в войну, но не достиг цели. Тогда он захватил Добжинскую землю — польскую территорию к востоку от Торуня.

Весной 1410 г. армии Ягайло и Витовта были готовы к большому походу. В первых числах июля они соединились близ мазовецкого города Червиньска и кратчайшим путем двинулись во владения Ордена. Несколько пограничных замков пали прежде, чем подошли основные силы крестоносцев. Решающая встреча произошла 15 июля 1410 г. вблизи Грюнвальда.

Огромную по масштабам и по исторической значимости Грюнвальдскую битву полвека спустя на основании документов и свидетельства очевидцев описал Я. Длугош в одиннадцатой книге своего фундаментального труда «Анналы, или хроники славного королевства Польского». Его подробный и красочный, проникнутый патриотическим чувством рассказ вместе с другими реляциями XV в. составляет источниковую базу многочисленных исследований о том событии, которое в глазах потомков стало символом совместной борьбы народов против германского «натиска на восток».

Современники писали о сотнях тысяч, о миллионах сражавшихся на грюнвальдском поле. Оценки в новейших книгах более умеренны, и все равно Грюнвальд стоит в ряду крупнейших битв средневековья. Численность польских и литовско-русских (напомним, что в состав Великого княжества Литовского входили многие восточнославянские земли) полков вместе со вспомогательными отрядами чехов, молдаван, татар оценивается примерно в 45 тыс. человек. У Ордена сил было меньше, до 39 тыс., но крестоносное войско превосходило союзников снаряжением и выучкой. Его ударный кулак составляли сотни тяжеловооруженных всадников — орденских братьев и прибывших им на подмогу опытных воителей из разных краев Европы.

Крестоносцы соответственно построили свою тактику, надеясь смять врага первым натиском. Казалось, их замысел удался. Открывшая сражение литовско-русская и татарская легкая конница вскоре были обращены в бегство. Под напором рыцарей дрогнуло правое крыло союзной армии, где стояли хоругви Витовта. Положение спасли три смоленских полка, выдержав натиск орденской лавины. «Русские рыцари Смоленской земли, — скажет о них Длугош, — упорно сражались. . . и тем заслужили великую славу». Левый, польский фланг перешел в наступление, которого не смог остановить брошенный в бой последний резерв крестоносцев — 16 хоругвей под началом великого магистра. Смешавшееся орденское воинство кинулось искать спасения в своем обозе, огороженном тяжелыми повозками. Захват обоза довершил разгром. Победа союзников была полной. Погиб или очутился в плену цвет собравшегося под орденскими знаменами рыцарства, среди павших был великий магистр Ульрих фон Юнгинген.

При известии об исходе сражения многие прусские города и замки сдались. Остатки орденских сил заперлись в столице — великолепно укрепленном Мариенбурге (Мальборке), к стенам которого победоносная армия подступила только спустя десять дней после великой битвы, что позволило гарнизону подготовить отпор.

Новоизбранный великий магистр Генрих фон Плауен готов был отказаться от Жмуди и Добжинской земли, но Владислав II Ягайло, видя, в каком трудном положении оказался Орден, не принял мира на таких условиях.

Началась осада Мариенбурга. Шла она вяло и неудачно. Скоро возобновились раздоры между Витовтом и Ягайло. В начале сентября литовско-русские полки покинули лагерь осаждавших. В недолгом времени полякам тоже пришлось снять осаду.

За несколько месяцев ситуация переменялась настолько, что условия подписанного в феврале 1411 г. мирного договора уже мало чем напоминали о грюнвальдском триумфе. Литва возвращала себе Жмудь, но с оговоркой (правда, не вошедшей в жизнь), что по смерти Ягайло и Витовта эту территорию вновь получит Орден. Граница с Польшей практически оставалась такой, какой была до Великой войны. Внесенный в договор пункт о свободной торговле польских купцов в орденских владениях немногого стоил: крестоносцы не соблюдали его. У Длугоша были основания горевать о том, что «великолепная и достопамятная грюнвальдская победа сошла на нет и обратилась почти что в насмешку: ведь она не принесла никакой выгоды королевству Польскому».

Чем вызвано разительное несоответствие политических результатов Великой войны масштабам победы 15 июля 1410 г.? Повлиял нажим со стороны Германской империи, которая уже собирала войска против Польши, а также и папской курии, явно сочувствовавшей Ордену. Не остались без последствий просчеты союзного командования (как, например, промедление после Грюнвальда, позволившее подготовить Мариенбург к осаде) и распря Ягайло с Витовтом. Однако ссылок на все эти обстоятельства все же недостаточно. По-видимому, после Грюнвальдской битвы руководители литовской политики сами не желали полного разгрома Ордена. Выгоды достались бы в первую очередь Польше, которая, усилившись, могла бы поглотить своего партнера по унии. В глазах литовско-русского боярства ослабленный Орден выглядел своего рода противовесом, сдерживающим аппетиты польского можновладства на северо-востоке.

Стычки с крестоносцами возобновились сразу по подписании «вечного мира» 1411 г. Рыцари, не выполняя условий договора, продолжали грабительские набеги. Неоднократно — в 1414, 1419, 1422 годах и позднее — военные действия приобретали значительный размах. В 1431 — 1435 гг. они осложнились тем, что Свидригайло, возглавивший после Витовта (умер в 1429 г.) противников Ягайло в Великом княжестве, вступил в союз с великим магистром. В ходе этой войны, в 1433 г., великопольское войско вместе с отрядами чешских гуситов совершило глубокий рейд в захваченные крестоносцами земли, пройдя по Восточному Поморью до балтийского побережья. Разбитые вместе со Свидригайло в 1435 г. под Вилькомежем тевтонцы еще раз обязались не препятствовать торговле между польскими и орденскими землями.

Начало новой большой войне — войне Тринадцатилетней (1454—1466 гг.) — положило восстание в Пруссии (так к тому времени стали называть не только область, где прежде обитало племя пруссов, но и Восточное Поморье). Дворяне и горожане поднялись ради защиты своих сословных привилегий, нарушаемых орденовыми братьями. Гданьску, Торуню и другим богатым прусским городам было невыносимо растущее налоговое бремя. Враждебная по отношению к Польскому государству политика Ордена противоречила их торговым интересам.

Казимир IV Ягеллончик вопреки советам князей церкви пришел на помощь восставшим. Их первые успехи оказались, однако, непрочными, а великопольская шляхта, столь успешно вырвавшая уступки у королевской власти по Червиньскому привилею, гораздо хуже зарекомендовала себя на поле брани. В сентябре 1454 г. под Хойницами ее наголову разбили крестоносцы. Война приняла затяжной характер и шла с переменным успехом. Осенью 1463 г. снаряженная Гданьском и Эльблонгом эскадра разгромила вдвое превосходящие по численности орденовые корабли, шедшие на помощь одной из осажденных поляками крепостей. Это событие и одержанная годом ранее победа на суше обозначили окончательный перелом в ходе Тринадцатилетней войны. В 1466 г. Орден запросил пощады.

По Торуньскому миру Польша вернула себе Восточное Поморье с такими стратегически важными и богатыми торговыми городами, как Гданьск, Эльблонг, Торунь. К ней отошло также Вармийское епископство. Наполовину урезанный в своих владениях Тевтонский орден, столица которого из-за потери Мальборка была перенесена в Кенигсберг, признал вассальную зависимость от Кракова, и великий магистр публично принес ленную присягу королю.

Вассалитет, признаваемый больше на словах, чем на деле, не мешал крестоносцам дальше конфликтовать с Польшей. Тринадцатилетняя война не устранила до конца угрозу, которую несло славянским и прибалтийским народам существование Тевтонского ордена. Но поляки вынуждены были пойти на такой компромисс. Изнурительную войну они вели в одиночку: Великое княжество Литовское соблюдало нейтралитет, обязавшись лишь не пропускать через свою территорию идущие к тевтонцам крестоносные отряды из Ливонии.

Не развязав всех политических узлов в прусском регионе, Торуньский мир 1466 г. тем не менее зафиксировал кардинальные, благоприятные для Польши перемены. Тевтонцы были потеснены и ослаблены. Воссоединились северопольские земли, составив так называемую Королевскую Пруссию — провинцию, которая, как было гарантировано королевскими привилеями 1454 и 1457 гг., получила значительную автономию. Горожане пользовались здесь большим политическим весом, чем в других областях Польского королевства. Все течение Вислы вновь стало польским, открыв стране свободный выход к морю. Благодаря этому экономические связи с Западной Европой быстро крепнут. Еще в первой половине

XV в. они несколько оживились и приобрели новую окраску: через Гданьск и Эльблонг вывозят польское зерно. После же 1466 г. балтийская торговля сельскохозяйственной продукцией и лесным товаром развивается динамично. Польское государство, международный престиж которого возрос после побед в Великой и Тринадцатилетней войнах, выйдя к Балтике, получило возможность все активнее вмешиваться в большую европейскую политику.

Долгая борьба за возврат утраченных земель, за выход к морю форсировала складывание национального самосознания. Общественное мнение радостно встретило Торуньский мир. «Больно мне было, что прежде разные народы на части рвали Польское королевство. Ныне себя и своих соотечественников почитаю счастливыми: на наших глазах родные края сливаются воедино» — так отозвался Я. Длугош на это долгожданное событие.

**ПОЛЬША
В КОНЦЕ XV И В XVI в.****ФОЛЬВАРК — ПОБЕДА
БАРЩИННО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В РАЗВИТИИ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА**

Со второй половины XV в. в социальной структуре польского общества все острее обнаруживало себя переплетение противоречивых, порой, казалось бы, несовместимых социальных тенденций. Поскольку денежная рента постепенно выходила вперед, можно было предполагать, что польской деревне предстоит дальнейшее развитие оброка как высшей формы феодальной ренты и в то же время формы ее разложения. Вместо этого в позднефеодальной аграрной эволюции произошел радикальный поворот: надолго, на несколько столетий, победили барщинно-крепостнические порядки, наложив свой отпечаток на все развитие страны вплоть до XX в. Явление это не было специфически польским. Со второй половины XV по XVII в. оно охватило обширные пространства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Но среди стран, расположенных к востоку от Эльбы, Польша выделялась ранним и интенсивным подъемом фольварка — помещичьего хозяйства, основанного на труде крепостных крестьян. В этом отношении с ней могли сравниться только некоторые из восточногерманских княжеств.

С XV в. в Польше, особенно вблизи городов и вдоль славных рек, отчетливо заметен рост фольварков. Наряду с пустошами под фольварк захватывались крестьянские угодья, хотя при этом сгон селянина с земли наблюдался нечасто, ибо помещику невыгодно было терять рабочую силу. Расширяя фольварки, домены, феодалы всеми правдами и неправдами увеличивали барщинные повинности. Переход от эпизодических отработок к еженедельной барщине совершался быстрее в Великой Польше. Так как регулярные отработки воспринимались крестьянством как нарушение обычая, помещики подкрепляли свои действия с помощью законодательства — сначала местного, потом общегосударственного. Торуньская и Быдгощская сеймовые конституции 1519—1520 гг. установили общий минимум барщины во всех — королевских, церковных, частновладельческих — имениях: один день в неделю с ланового крестьянского двора. Однако во второй половине XVI в. двух-трехдневные отработки станут обычным делом.

Непременным условием распространения барщинной эксплуатации — эксплуатации самой грубой и неприкрытой — было закрепощение деревни. Помещику уже было мало тех ограничений крестьянского выхода, что накладывались статутами Казимира Великого. С конца XV в. резко убыстрился темп закрепощения. Сеймовая конституция 1496 г., повторив норму Вислицкого статута,

еще сохранила за полнонадельным крестьянином-кметем легальную, пусть ограниченную, возможность покинуть помещика. Ежегодно одному из кметей дозволялось уйти из деревни без согласия своего господина (в ту пору деревня в десяток дворов считалась большой). Сверх того, был допущен — с оговорками — уход крестьянских сыновей в город или другие места. Полстолетия спустя кмети стали крепостными людьми. На будущее государственная власть устранилась от вмешательства в дела землевладельца, и тот фактически был признан высшей законодательной, судебной и исполнительной инстанцией для своей деревни.

Закрепостительные акты прямо не распространялись на солтысов и близкие к ним верхушечные группы сельского люда, на малоземельных (загородников) и безземельных (коморников, гулящих людей), которые добывали себе пропитание работой у богатых односельчан или на барском дворе, а также ремеслом и разного рода промыслами. Тем не менее помещики, прибегая к грубой силе, старались выжить из деревни солтысов, принуждали загородников нести барщину, не оставляли попыток закрепить самый мобильный элемент сельского населения — лишнюю своего двора бедноту.

Юридически привязанные к земле и господину селяне превращались в один из видов помещичьего имущества. Местными и центральными властями принимались суровые меры против крестьянских побегов. За XVI в. сейм принял 24 юридических акта против беглых, а в XVII в. таких законов издадут без малого 40. Впрочем, частая повторяемость запретов и ужесточение санкций говорят и о другом — о том, что накрепко привязать крестьян к фольварку дворянам не удавалось.

С расширением домениальной запашки росла масса зерна, какой распоряжался помещик. Часть хлеба потребляли в поместье, немало оставалось на продажу. Позднефеодальный фольварк был четко ориентирован на рынок. Спрос на хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию предъявляли торгово-ремесленные центры. Вокруг них издавна складывались свои локальные рынки. В такие города, как Гданьск (во второй половине XVI в. примерно 50 тыс. жителей), Краков (почти 30 тыс.), Познань (до 20 тыс.), Торунь, Эльблонг, Люблин, Варшава (примерно по 10 тыс. человек), зерно возили из дальних воеводств.

Крестьянин и пан.
Гравюра XVI в.

Емкость внутреннего рынка не шла в сравнение с емкостью рынка внешнего. Нидерланды, Швеция, Англия — и не только они — нуждались в систематическом импорте продовольствия. Польские дворяне чутко реагировали на спрос, который к середине XVI в. получил добавочный стимул в виде так называемой революции цен — небывалого повышения стоимости продуктов питания и других товаров в странах Запада из-за наплыва в Европу золота и серебра из захваченных испанцами американских колоний.

Огромное по тем временам количество зерна ежегодно перевозилось по Висле в Гданьск, где концентрировалось до 90 % всего польского экспорта, а также в Эльблонг, доставлялось по Варте и Одере в Щецин, по Лине и Преголе — в Кенигсберг. За столетие — с конца XV по конец XVI в. — вывоз из Польши удесятился. Через главные морские ворота страны — Гданьск во второй половине XVI в. за год проходило 120—160 тыс. т. зерна. В 1618 г. на запад было отправлено около четверти миллиона тонн ржи и пшеницы; кроме хлеба, из страны в больших количествах вывозили лен, пеньку, лес.

На Польшу сильно и разносторонне влияло развитие товарно-денежных отношений. Его испытали на себе и удаленные от впадающих в Балтийское море сплавных рек области, которые ничего не экспортировали на Запад.

Польские помещики извлекли максимум выгоды из европейской рыночной конъюнктуры, пользуясь благоприятным для них соотношением классовых сил в стране — тем, что городское сословие не окрепло настолько, чтобы противостоять проводимой дворянством аграрной политике, а крестьяне сами не были в состоянии преградить путь феодальной реакции, хотя упорно сопротивлялись ее натиску. Например, крестьяне принадлежавшей краковскому монастырю Св. Духа деревни Кроводжа в 1543 г. отказались работать на фольварке день в неделю, как того требовал настоятель, и убили досаждавшего им управляющего, шляхтича Яна Сциборского. Открытое неповиновение, крестьянские побегии или намеренно небрежная работа на барском поле, случалось, вынуждали помещика к уступкам, но в целом польские феодалы добились своего. Методом проб и ошибок, перебрав все хозяйственные варианты, они выбрали тот, что сулил им сравнительно быстрый прирост массы товарного зерна. Ставку они сделали на фольварк, и небольшие вначале перемены в форме и объеме феодальной ренты на протяжении первой половины XVI в. перерастают в торжество фольварочной системы хозяйства.

В XV в. у дворян, в особенности средних и мелких, были причины опасаться за свое будущее. Их доходы от оброчных крестьян падали, главным образом из-за порчи монеты (в польском гроше середины XVI в. не было и половины серебра по сравнению с монетой чеканки 1450-х годов). Спад доходов ощущался тем болезненней, что происходил на фоне обогащения купечества, в обстановке охватившей Европу погони за роскошью. В фольварке шляхта увидела свой жизненный шанс. С переходом к барщинно-крепо-

стнической системе действительно многие из помещиков обрели твердую почву под ногами. Это помогло средней шляхте укрепить свои политические позиции в государстве, ощутимо потеснить старую аристократию.

До 1580-х годов признаки экономического подъема преобладали. Население к исходу XVI в. удвоилось по сравнению с серединой XIV в., его плотность достигла примерно 20 человек на кв. километр. В деревне продолжалось имущественное расслоение, были видны зачатки социальной дифференциации крестьянства и т. п. Увеличение массы товарного хлеба в определенной мере стимулировало торговлю. От этого богатели города, в первую очередь те, что были связаны с экспортом. Самую большую выгоду извлекло купечество Гданьска, ибо в качестве неперемennого посредника в сделках с приезжавшими сюда иностранными покупателями оно получало до трети экспортной цены зерна. Наряду с торговлей ширились кредитные операции, рос ростовщический капитал. Здесь Гданьск тоже был вне конкуренции. Под высокий процент он ссужал дворян, огромные суммы ему задолжала Корона.

В городах не только продолжали развиваться ремесла. В недрах цеховой системы и наряду с ней в сукноделии, книгопечатании и других отраслях рождались элементы мануфактурного производства. Наиболее зримо это отразилось в горном деле, где сами производственные условия диктовали концентрацию рабочей силы и разделение труда. В подземных лабиринтах соляных копей Бохни и Велички работали не менее полутора тысяч горняков: члены паевых товариществ, выполнявшие барщинную повинность крепостные из окрестных сел и вольнонаемная беднота. К найму рабочей силы прибегали владельцы небольших железоделательных заводов и другие предприниматели.

Хозяйственные контакты между регионами приобретали размах и стабильность. Наглядным примером тому служат ярмарки в Познани, Гнезно, Торуне, других городах. Особую популярность завоевали люблинские ярмарки, куда съезжались торговцы из дальних провинций и из-за рубежа.

Подъем городов, неразлучный с обострением социальных противоречий, углубил конфликт между патрициатом, мещанством и плебсом. В XVI в. зажиточные ремесленники и торговцы Кракова, Познани, Варшавы отстаивали «новый порядок», сформировав свои представительные органы, перед которыми потеснилась старая городская верхушка. Нарушение патриархальности цехового ремесла и переход значительной части подмастерьев на положение пожизненных работников, лишенных надежды обзавестись собственной мастерской, придали новое содержание внутрицеховым столкновениям. Умножились братства подмастерьев, противостоявшие корпорациям мастеров. Частыми стали забастовки и уходы от хозяев ремесленной челяди.

Крен в сторону внешнеторговых связей не мог не осложнить складывания внутреннего общепольского рынка. Местные ремесло и ранняя мануфактура болезненно реагировали на то, что товаро-

обмен с передовыми странами Европы имел колониальную окраску: в экспорте преобладали продовольствие и сырье, тогда как среди предметов ввоза был велик удельный вес промышленных товаров. Постепенно обнаруживала себя негативная сторона победы фольварочной системы. Деревню изнуряла феодальная эксплуатация: многие из помещиков, не довольствуясь двух-трехдневной барщиной в неделю с двора, еще больше увеличивали повинности. Зажатый в тиски барщинно-крепостнических порядков крестьянин меньше продавал и меньше покупал, чем прежде, и, значит, ослабевали связи деревни с городом.

НА ПУТИ К ШЛЯХЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Не оставалась неизменной и структура политической власти. Узаконенная Нешавскими статутами форма прямого контроля дворянских региональных съездов за королевской властью на деле оказалась громоздкой. По поводу сбора подати или созыва ополчения правительству надо было договариваться с каждым из сеймиков, а тот, прежде чем дать ответ, обычно узнавал мнение шляхты соседних земель. На переговоры уходило длительное время. Пришлось, не меняя существа, изменить процедуру. Представители сеймиков — «земские послы» — стали съезжаться к королю, чтобы на месте согласовать спорные пункты и сообща принять решение. При преемнике Казимира IV — его сыне Яне Ольбрахте (1492—1501 гг.) этот порядок полностью утвердился.

Так возникла посольская изба, составив нижнюю палату шляхетского сословного представительства, сейма. Статус верхней палаты, сената, приобрел давний королевский совет. В сенат (коронную раду) по должности входили канцлер, воеводы, другие высшие сановники и католический епископат. Назначение на эти должности зависело от короля, но доставались они, за редким исключением, аристократии, так что сенат был оплотом олигархии. Посольская же изба с самого начала служила политическим инструментом средней шляхты (хотя, к большому ее неудовольствию, вплоть до 1540 г. часть сеймовых послов не избирались на сеймиках, а назначались сенаторами).

Были ли представлены в посольской избе города? Ответ принципиально важен для характеристики польского сейма. Сведения отрывочны, но бесспорно, что на некоторых сеймах конца XV — начала XVI в. представители городов присутствовали. Так, в сеймовых актах 1505 и 1507 гг. участниками названы «прелаты, бароны, земские и городские послы». Однако участие последних не было регулярным, иначе перед сеймом 1503 г. властям незачем было бы специально обсуждать вопрос, приглашать ли Краков, Люблин, Львов и другие города. Известно, что сами горожане не слишком стремились занять постоянное место в сословном представительстве и не всегда откликались на приглашения, считая в соответствии со средневековым обычаем, что, не поехав на сейм, они полу-

чат предлог не платить установленную там подать. Эта достаточно близорукая тактика состоятельных горожан совпала с нежеланием влиятельных феодальных сил видеть плебеев в законодательном учреждении.

Поэтому через каких-либо два-три десятилетия стало нормой, написанным законом, что горожане в посольской избе не заседают. Исключение сделали только для столицы. Дворянство монополизировало обе палаты сейма, и потому говорить о сословно-представительной монархии в Польше можно лишь с весьма серьезными оговорками.

Создание посольской избы было большим политическим успехом рыцарства. Знать отыгралась при ближайшей смене на престоле. На него притязал брат оставшегося холостяком Яна Ольбрахта, великий князь литовский Александр. Объявив Александра королем, сенат заранее, до коронации, заставил его признать новый, так называемый Мельницкий привилей (1501 г.), по которому власть концентрировалась в верхней палате сейма. Монарху была отведена роль не более как главы этого верховного органа. Привилей предусматривал, что королю, если он нарушит обязательства и будет править как тиран, можно будет отказать в повиновении.

Но триумф знати был недолог: короновавшись, Александр (1501—1506 гг.) не утвердил навязанную ему грамоту. Шляхта энергично поддержала его, и магнаты отступили. Мельницкий привилей не только не вступил в силу, но было даже постановлено считать его несуществовавшим. В 1505 г. стороны достигли соглашения, закреплявшего равновесие сил. «Отныне и на будущие времена нами и нашими преемниками, — от королевского имени возглашала принятая в Радоме сеймовая конституция, — не должно быть установлено ничего нового без совместного соизволения сената и земских послов».

Конечно (и это немаловажный момент в истории феодальной польской государственности), монархия, у которой не сложилось крепкого союза с городами, несла ощутимые потери. В XIV—XV вв. магнат и шляхтич — каждый в свою пользу — навязали своему государю ряд ограничений и продолжали в том же духе дальше. Не напрасно Станислав Заборовский и другие дворянские публицисты XVI в. в своих сочинениях утверждали наличие полной суверенности дворянского сословия, чьей воле якобы должен быть послушен монарх. Однако в руках короля имелись эффективные рычаги власти. Он был верховным судьей и стоял у руля внешней политики, фактически распоряжался государственными имуществами и назначал сановников (правда, сместить уже назначенного он мог только за государственную измену). Только королем созывался сейм, без его подписи сеймовое постановление не имело силы. По своему усмотрению он издавал эдикты и мандаты. От этих правовых актов требовалось лишь, чтобы они не нарушали дворянских привилегий, т. е. не касались таких щекотливых предметов, как сбор податей или созыв посполитого рушенья. Всех Ягеллонов счи-

тали выборными королями, но это не помешало династии править второе столетие. Ради поддержания унии с Великим княжеством польские политики неизменно выбирали на опустевший трон государя Литвы либо, как в случае с Яном Ольбрахтом, королем становился родной брат великого князя. Великокняжеский же титул переходил по наследству. Следовательно, выборность была скорее номинальной.

Компромисс 1505 г. оказался шатким. При третьем из сыновей Казимира IV — Сигизмунде I Старом (1506—1548 гг.) раздоры обострились. Наибольшую активность в шляхетском лагере проявляло великопольское среднее дворянство, предводимое Я. Ласким (в 1503—1510 гг. — канцлер, с 1510 г. до конца жизни, до 1531 г., — архиепископ гнезненский). Была выработана целая программа преобразований. В первой трети XVI в. из-за сопротивления олигархии реализовали лишь мизерную ее часть. Но примечателен сам характер требований.

На сейме 1504 г. была начата, а с 1520-х годов широко развернулась борьба за экзекуцию имуществ — за возврат тех королевских имений, которые Ягеллоны, Сигизмунд I в том числе, щедрой рукой дарили, раздавали в держание или в залог магнатам. Такая реформа ударила бы по имущественным интересам знати, но заметно пополнила хронически пустовавшую казну доходами с возвращаемых фиску сел и городов. Экзекуционисты, как стали называть реформаторов, требовали оздоровить администрацию и судопроизводство, создать свод законов, освободив его от устарелых и локальных правовых норм (эти требования составили так называемую экзекуцию законов), обложить постоянной податью на военные нужды обширные церковные земли и т. д.

В то же самое время для большинства шляхетских трибунов, как и для большинства магнатов, оказался неприемлемым правительственный проект 1514 г., повторно представленный в 1527 г. В нем Сигизмунд I предлагал ввести постоянное налогообложение всех дворянских имений, дабы на собранные деньги содержать регулярное войско взамен созываемого в минуту опасности поспешного руженья. Это своенравное и худо обученное дворянское ополчение в век пороха и новой военной тактики становилось анахронизмом, да и поместная шляхта, увлеченная своими фольварками, смотрела на обязанность военной службы как на обузу. В Польше давно существовали и хорошо показали себя наемные полки — отчасти из иноземцев, а преимущественно из «обывателей» (граждан) коронных земель. Лишь вечная нехватка денег мешала развернуть эти формирования, ядро которых составляли пехота и пушкари. Так что правительственному замыслу нельзя было отказать в разумности. Однако сейм его не одобрил. Шляхте жаль было расстаться с гарантированной еще Кошицким привилеем 1374 г. свободой от регулярных податей. Ее пугало, что реформа усилит короля и тот, имея под рукой большую регулярную армию, станет слишком независимым.

Призрак абсолютизма и потом продолжал страшить рыцарство.

Оно подняло шум, когда Сигизмунд I и его властолюбивая супруга итальянка Бона Сфорца, склонив на свою сторону большинство сенаторов, обошли привычный порядок: в 1529 г. сенат, не дожидаясь бескоролья, провозгласил их девятилетнего сына Сигизмунда Августа королем, что подтвердил сейм, и в 1530 г. мальчика короновали. Войди такая практика, как и рассчитывал Сигизмунд I, в обычай, она была бы равнозначна введению наследственной монархии. Исчезли бы междоусобицы, которые даже при почти предержанном исходе выборов давали дворянству повод требовать от очередного претендента на престол новых привилегий.

Экзекуционистов раздражало то предпочтение, какое Сигизмунд постоянно, иной раз подчеркнуто, отдавал сенату перед польской избой. Недруги его так и называли: сенаторский король. Гнев шляхты выплеснулся наружу на сейме 1536 г. Там звучали призывы к радикальным, направленным против светской олигархии, епископата и короля преобразованиям. Как обычно, шляхетская программа продемонстрировала и сословный эгоизм, включив в себя, например, требование запретить ремесленные цехи, которые не допускали на городской рынок изделия сельских, зависимых от помещика мастеров.

Обеспокоенное правительство предпочло отвлечь внимание от внутренних дел и объявило о походе на Молдавию. Уловка не удалась. Собранное ради этой цели в августе 1537 г. под Львовом огромное — по оценке современников, 150-тысячное — дворянское ополчение взбунтовалось. Писатели XVI в. прозвали это событие «куриной войной», изобразив в юмористических тонах, как ополченцы переловили всех кур по окрестным селам. Но у фарса оказалось серьезное политическое содержание. Под конец тянувшихся семь недель переговоров мятежники навязали правительству новый принцип, который, перечеркнув Радомскую конституцию 1505 г., лишал сенат законодательных прав: «Ничто не может быть установлено у нас без воли нашей (т. е. короля) и послов наших (т. е. польской избы)». Вновь и решительно был поставлен вопрос об экзекуции королевских имуществ. Петр и Марцин Зборовские, М. Ташицкий и другие предводители мятежа заставили Сигизмунда I открыто признать неудачу своего династического плана. Король подтвердил, что нельзя выбирать нового монарха при жизни старого, и обещал, что в будущем, после кончины уже коронованного Сигизмунда II Августа, в выборах будет участвовать все дворянское сословие. На ближайших сеймах дворяне заодно упростили судебную процедуру при розыске беглых крепостных и потребовали строго соблюдать акт 1496 г., запрещающий плебею владеть земскими (шляхетскими) имениями.

Находясь в оппозиции к высшему католическому клиру с его обширными привилегиями и богатством, многие из дворян сочувственно приняли идею «дешевой церкви», запрет торговать индульгенциями и другие нововведения начавшейся в Европе Реформации. Через несколько лет после выступления М. Лютера (1517 г.) у него нашлись последователи в Польше — главным образом в го-

родах на северо-востоке страны (в Гданьске, Торуни и др.), но также среди магнатов и шляхтичей. Гораздо большую популярность в дворянской среде приобрел кальвинизм, проникавший на берега Вислы с конца 1530-х — начала 1540-х годов. Противникам самодержавия и церковной олигархии особенно импонировало республиканское по своей сути устройство кальвинистской церкви, вместе с тем позволяющее дворянину практически подчинить себе кальвинистскую общину своей округи.

В основе польской дворянской Реформации лежали земные мотивы — такие, как стремление выйти из-под юрисдикции епископата по делам об ересях и о церковных имуществях, возложить на церковь долю расходов на военные нужды, порвать с римской курией, которая вмешивалась во внутренние дела страны и ежегодно выкачивала из нее солидные суммы. Помещиками двигало также желание не платить церкви десятину с крестьянских и домениальных полей. Побор был обременителен не только своим размером. Широко практиковалась «сноповая десятина», при которой нельзя было свозить хлеб с поля до тех пор, пока священник не выберет себе положенное число снопов.

Суровые королевские эдикты и начатые с 1522 г. судебные процессы против еретиков не остановили распространения протестантизма. К середине XVI в. вне его влияния осталась одна Мазовия с ее ретроградной, мало затронутой экзекуционистским движением загородовой шляхтой. Реформационным идеям сочувствовали экзекуционисты-католики. С восшествием на престол Сигизмунда II Августа (1548—1572 гг.), который при жизни отца поддерживал добрые отношения с деятелями реформационного лагеря, надежды на церковную и политическую реформу возросли. Однако новый монарх также предпочел союз с епископатом, повелев в 1550 г. светской администрации содействовать исполнению приговоров церковного суда, и вскоре увидел, что недооценил силы шляхетской оппозиции. Сеймовым постановлением 1552 г. она на время приостановила предписанное королем исполнение церковных приговоров по делам веры и уплаты десятин, что превращало вынесенный духовенством вердикт в ничего не значащий клочок бумаги.

Этот временный акт спустя десять лет превратился в постоянный. Так постановил сейм 1562—1563 гг., прозванный экзекуционным. Ему предшествовал съезд оппозиции в Сандомире, пригрозивший начать заседания сейма даже без королевского согласия. Сигизмунду II Августу не оставалось иного выхода, как пойти навстречу требованию. Больше того, круто меняя свой политический курс, он объявил себя сторонником экзекуционистской программы.

Ободренная таким поворотом событий шляхта провела на этом сейме долгожданную экзекуцию имуществ: было постановлено, что все отданные в заклад или подаренные после 1504 г. королевские имения вернутся в казну. Одновременно осуществлялась фискальная реформа, касающаяся держателей королевских име-

ний: им впредь оставлялась пятая часть ежегодного дохода. Остальное шло короне, причем четверть этой суммы («кварта») предназначалась на содержание наемного или «кварцного» войска. По праву не доверяя тем сведениям о доходах, что подавали сами держатели, сейм наказал особым комиссиям каждые пять лет составлять подробную опись (люстрацию) хозяйств, передаваемых в их владение.

Эффект преобразований был значительно меньше ожидаемого. Экзекуцию имуществ, которая, по предварительной оценке, сулила казне 700 тыс. злотых в год, магнаты саботировали. Держатели королевских сел и городов скрывали свои доходы, мешая проведению люстраций. Кварту собирали с трудом, и ее едва хватало на жалование четырем тысячам солдат.

Начало 1560-х годов — время наибольшего влияния экзекуционистской шляхты, чья политика по-прежнему носила двойственный характер: с одной стороны, раскачивала устои королевской власти, а с другой — объективно способствовала подъему национального государства, поскольку была направлена против засилья светской и духовной знати. Эта вторая, прогрессивная по своему содержанию политическая линия после победного для экзекуционистов сейма 1562—1563 гг. пошла под уклон: антимагнатская направленность шляхетского движения несколько теряет свою остроту. Шляхта понемногу охладевает к Реформации.

Напротив, католическая реакция отметила середину 1560-х годов первыми успехами. Им содействовал Сигизмунд II Август, быстро расставшийся с мечтой создать польскую реформированную церковь на манер англиканской и самому возглавить ее по примеру английского короля Генриха VIII. В 1564 г. кардинал Станислав Гозий, одна из ведущих фигур европейской и польской Контрреформации, пригласил в страну иезуитов, которые очень скоро нашли покровителей при дворе. В следующем году король и сенат официально признали решения Тридентского церковного собора, знаменовавшие переход католической реакции в решительное наступление на протестантизм. Это удалось сделать потому, что кальвинистское дворянство своего во многом добилось, рознь с князьями церкви для него отходила на второй план.

Польский народ в своей массе остался чужд Реформации. От новой веры его отталкивало то обстоятельство, что ее насаждали — порой насильственно — дворяне (в городах — вместе с патрициатом). Нельзя не отдать должного католической пропаганде, которая ловко и настоятельно напоминала прихожанам: протестантская ересь идет от притеснителей простого люда, от помещиков и городских богачей. И все-таки реформационное движение не замкнулось в дворянском сословии и городских верхах. Среди плебеев было немало приверженцев новых верований — как в землях, остававшихся вне Польского государства (Силезии, Западном Поморье), так и в ряде областей Короны. Именно из плебейской среды рекрутировалось большинство протестантских священников. Участие крестьян и горожан придавало движению черты клас-

сового протеста. Антифеодалная борьба под знаменами лютеранства, кальвинизма, других, менее распространенных реформационных учений временами принимала активные формы, особенно в Поморье.

Под воздействием Великой крестьянской войны в Германии в 1525 г. прокатились волнения и восстания в Гданьске, Торунь, других местах.

В середине — второй половине XVI в. радикальное направление в польской Реформации было ярко представлено «польскими братьями» (иначе — антитринитариями, или арианами). В социальной доктрине антитринитариев, внутренне весьма неоднородной, в известной мере отразилась идеология народных масс. Часть общины, генетически связанная преимущественно с ремесленной средой, выступала против частной собственности и социальных различий, против любого насилия, государственной власти и войн. «Не годится иметь подданных, тем паче — невольников и невольниц, ибо ничем иным, как язычеством, является господство над своим братом, пользование его потом, а вернее — его кровью», — писал Павел из Визны. Идеологи этого крыла — Гжегож Павел, Марцин Чехович и др. — требовали, например, на арианском синоде 1568 г. от членов общины, чтобы те «своими руками зарабатывали себе на хлеб», и призывали своих единоверцев-шляхтичей: «Продайте имения и раздайте деньги бедным». Кое-кто из ариан пробовал претворить в жизнь уравнилельно-коммунистические идеалы.

Впрочем, арианский радикализм был недолговечен. Здесь сыграли роль как преследования со стороны властей, так и раздоры внутри общины. С середины 80-х годов XVI в. умеренно-шляхетское крыло добилось полного перевеса.

«ГОСУДАРСТВО ОБОИХ НАРОДОВ»

Во второй половине XV в. с Польским государством был воссоединен ряд мазовецких земель, а в 1526 г. настала очередь последней из них: когда оборвалась местная линия династии Пястов, Варшава с окрестной территорией вошла в Корону. Так Польша приобрела наконец все течение Вислы, самого важного своего торгового пути. Однако этот успех в собирании этнических польских земель был для XVI в., пожалуй, единственным.

Если в прошлом были выкуплены два пограничных силезских княжества, Освенцимское (1456 г.) и Заторское (1496 г.), то те, пусть небольшие, шансы вернуть всю Силезию, что вырисовывались в первые годы XVI в., Краков упустил. Он не использовал того обстоятельства, что на чешский престол был приглашен старший сын Казимира IV Ягеллончика Владислав (1471—1516 гг.), которому в 1490 г. досталась также венгерская корона. Его брат Сигизмунд, назначенный в 1504 г. от имени чешско-венгерского монарха наместником Силезии и Лужиц, не сделал ничего, чтобы поощрить патриотически настроенные круги Силезии. Напротив, став

вскоре польским королем, Сигизмунд I в 1508 г. отказался от всяких притязаний на занятые Чехией области.

В начале XVI в. представился случай воссоединить Западное (Щецинское) Поморье. Болеслав X Великий (1478—1523 гг.), потомок слупских удельных княжат, собравший под своей рукой западнопоморские владения, искал сближения с Польским государством. Такая политика диктовалась угрозой со стороны Бранденбурга и целиком отвечала торговым интересам Щецина и других поморских городов. Князь готов был признать над собой верховную власть короля Сигизмунда I и тем не менее не нашел у него действительной защиты от бранденбургского курфюрста. В конце концов Болеслав предпочел объявить себя в 1519 г. ленником Германской империи.

При Яне Ольбрахте остался нереализованным план переселения Тевтонского ордена из Прибалтики к Черному морю в качестве заслона от крымских татар, убрав таким образом старого врага с северной границы, король присоединил бы орденские владения с их отчасти польским населением. В середине 1520-х годов снова заговорили о переселении Ордена в Причерноморье. Сигизмунд I и сенат легко согласились с предложением великого магистра Альбрехта Гогенцоллерна. Вопреки протестам шляхетской оппозиции по договору 1525 г. были осуществлены секуляризация Орденского государства и превращение Альбрехта в наследственного владетеля Прусского герцогства, зависимость которого от Польши была очень непрочной.

Чем объяснить цепь этих, как покажет время, трагичных просчетов? Причину, очевидно, надлежит искать в том, что центр тяжести во внешней политике страны был сдвинут на восток. Краков ревниво следил за событиями в Причерноморье. Особенно его влекла к себе Молдавия, с конца XIV в. числившаяся польским ленником. Чтобы полностью подчинить эту богатую и удобно расположенную землю, Ян Ольбрахт в 1497 г. предпринял большой поход. Кончился он плохо. Осаду молдавской столицы Сучавы через три недели пришлось снять, на обратном пути войско в буковинских лесах попало в засаду, понеся большой урон.

Неудачная экспедиция спровоцировала первую из польско-турецких войн. Осенью 1498 г. легкая конница турок прорвалась в глубь королевства, и только ранние морозы заставили ее повернуть назад.

О том, что османская опасность подходит совсем близко, Польше и Великому княжеству Литовскому напоминали и участвовавшие набеги зависимых от султана крымских татар.

Вскоре обстановка на юго-востоке еще ухудшилась. Победа турок у Мохача 29 августа 1526 г. отдала Порте Среднюю Венгрию и сделала Трансильванию султанским ленником. В Чехии и Венгрии наступило бескорольевье, после которого взамен существовавшего с конца XV в. чешско-венгерского союза, скрепленного ягеллонской династической унией, в центре Европы возник тройственный политический блок под главенством Вены.

Краков долго колебался, кого ему поддерживать — австрийского императора или турецкого султана. В конце концов перевесила проавстрийская ориентация: сказался нажим римской курии, сыграли свою роль происки Вены, сумевшей богатыми подарками привлечь симпатии влиятельных польских магнатов. Решающим образом на выбор ориентации подействовала уверенность, что для борьбы с Россией больше выгоды принесет дружба с Австрией, чем с Портой. Заседавшим в покоях королевского замка на Вавеле политикам по-прежнему первоочередными виделись укрепление польских позиций на русских и украинских землях и соответственно забота о том, чтобы партнер по унии — Великое княжество Литовское не проиграло схватку с Москвой.

Схватка эта шла не так, как хотелось полякам. Русское государство при Иване III далеко, почти до Смоленска и Киева, отодвинуло западную границу. Несмотря на то что Литва блокировалась с доживавшей последние дни Золотой Ордой и с Ливонским орденом, ее преследовали неудачи. Примерно так же складывались дела и дальше, хотя Краков усилил свою поддержку. Летом 1514 г. был потерян Смоленск.

Спор с Москвой в середине XVI в. сосредоточился на раздражаемой внутренними конфликтами Ливонии. Внушительная демонстрация силы, какую летом 1557 г. устроил Сигизмунд II Август, двинув к рубежам литовскую армию вместе с солидными польскими подкреплениями, заставила магистра Ливонского ордена заключить военный союз с Литвой. Поскольку чуть ранее, в 1553 г., под давлением России Орден обязался подобных союзов не заключать, Иван IV счел это вызовом. Летом 1558 г. русская армия вступила в Прибалтику. Орден не выдержал войны и через три года распался, передав Ливонию в совместное владение Великому княжеству Литовскому и Польше. Ради такого приобретения союзники приняли на себя бремя изнурительной, затянувшейся до 1582 г. войны с Москвой — войны, в которую со своими притязаниями вступили также датчане и шведы. Кончать ее довелось уже новому государству — Речи Посполитой.

Польские феодалы со времен Ягайло вынашивали мысль либо инкорпорировать Литву, либо на худой конец заменить прежнюю, достаточно рыхлую династическую унию тесным союзом при гегемонии Кракова. Существовали и объективные предпосылки для сближения. Между странами ширились хозяйственные, политические, культурные контакты. Так, Вильно, Киев, Полоцк, Могилев, другие города Великого княжества оживленно торговали с городами Короны. К союзу толкали и внешнеполитические обстоятельства, в том числе литовско-русская война 1534—1537 гг.

Шляхту и магнатов, экзекуционистов и их врагов — в данном пункте между ними не возникало существенных разногласий — мысль о тесной унии особенно прельщала тем, что тогда им будут открыты двери в украинские, белорусские, русские просторы. Об унии настойчиво заговорили на сейме 1538 г., потом вопрос уже не сходил с повестки дня. Дворяне Великого княжества хотели полно-

го уравниения со своими польскими собратьями и потому сочувствовали проекту. Но трудно было сломить сопротивление все- сильных Радзивиллов, Гаштольдов, Острожских, иных знатных литовско-русских родов, которые не желали поступаться ни властью в пользу своего рыцарства, ни землями в пользу поляков. Нажим со стороны Кракова они каждый раз парировали угрозой совсем разорвать унию.

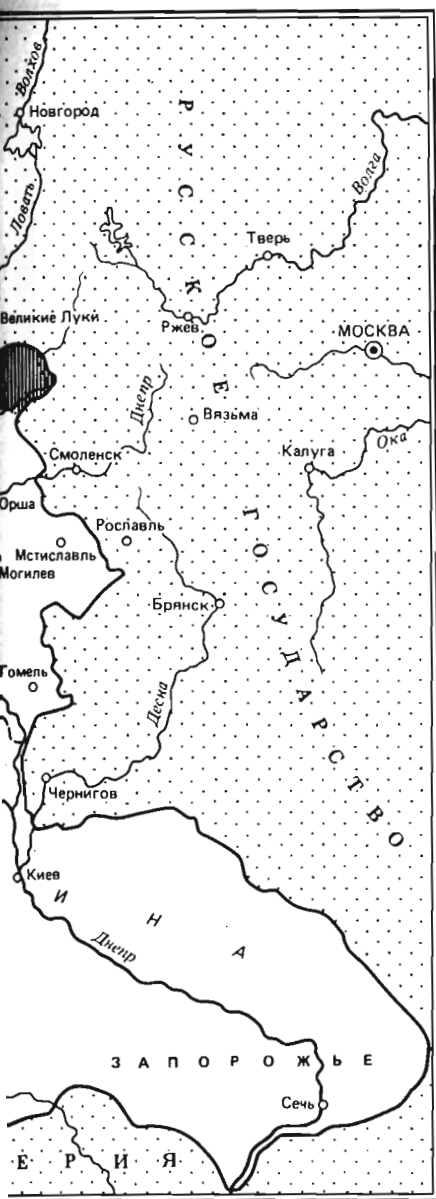
В годы Ливонской войны этот аргумент отпал: Литве никак нельзя было терять союзника. Когда Иван IV, вынеся военные действия за пределы Прибалтики, зимой 1562/63 г. с восьмидесяти- тысячным войском пошел на Великое княжество и после недолгой осады взял Полоцк, литовская сторона сама предложила Кракову заключить новый союз. Делегацию на польский сейм возглавил литовский канцлер и виленский воевода Радзивилл Черный — влиятельнейший сановник, который прежде слышать не хотел о пересмотре унии. Набросок соглашения был готов, когда пришло известие о поражении русских на р. Улле (январь 1564 г.), и Радзивилл с радостью прервал переговоры.

Четыре года спустя на собравшийся в Люблине сейм снова приехали литовцы. Радзивилла Черного уже не было в живых, а его родич и единомышленник Миколай Радзивилл Рыжий вместе с другими аристократами использовал все ту же тактику проволочек. На поляков, уверенных в своей силе, это не произвело впечатления. Сыграв на недовольстве дворян Великого княжества своею знатью, сенат и посольская изба с согласия Сигизмунда II Августа объявили о переходе от Литвы к Польше Подляшья — полосы по среднему течению Буга, на границе с Мазовией, — и четырех украинских воеводств (Вольнского, Брацлавского, Подольского, Киевского). Олигархической оппозиции не оставалось ничего другого, как уступить.

1 июля 1569 г. акт новой, Люблинской унии был торжественно подписан. Впредь Польское королевство и Великое княжество Литовское не существовали раздельно, составив единый государственный организм. Он имел площадь свыше 800 тыс. кв. км. и население около 8 млн человек, в том числе территория Короны, т. е. Польского государства, составляла примерно 260 тыс. кв. км, где жили, по самым приблизительным подсчетам, 4,4 млн человек.

В названии новой державы «Государство обоих народов» словом «народ», или «нация», обозначалась не этническая, а государственная принадлежность — речь шла об обитателях Королевства и Великого княжества. В обиход вошел более лаконичный термин, включающий только начало названия, — *Rzeczpospolita* (от лат. *Res publica*; в неточной, но привычной русской транскрипции — Речь Посполитая). Новое политическое объединение часто именовали и продолжают именовать по одной из его составных частей Польшей, Польским государством, и не без оснований, ибо в Речи Посполитой тон задавала польская сторона.

Обе части государства сохранили свою администрацию, казну, войско, суд. Тем не менее процесс консолидации продвинулся да-

люде вперед. Его облегчила ранее осуществленная перестройка управления Великого княжества Литовского по польскому образцу: с 1565 г. функционировали земские сеймики, с 1566 г. — сейм и т. д. Теперь оба — польский и литовский — сеймы слились воедино. В верхней палате заседали 140 сенаторов (в польский сенат до 1569 г. входили 94 сановника), в нижней — 170 послов, в том числе 122 от Короны. Единой становилась внешняя политика, на Литву была распространена польская монетная система и т. п.; польским дворянам было дано право свободно приобретать земли в Великом княжестве, литовским — в Польше.

Общеизвестны отрицательные последствия люблинского акта для украинского и белорусского народов. Им уния принесла усиление феодального гнета. Помноженный на гнет религиозный и национальный, он в скором времени отозвался резким обострением классовой и национально-освободительной борьбы на востоке Речи Посполитой. По-иному, но в конечном счете тоже негативно, сказалась Люблинская уния на социально-политическом развитии самой Польши.

Помещика, у которого был десяток-полтора деревень, в Короне считали богачом. Редко когда число принадлежавших магнату селений превышало полсотни. Владения даже таких знатных и влиятельных польских семейств, как Тарновские или Кмиты, не шли в сравнение с латифундиями Вишневецких, Радзивиллов, Острожских

в Великом княжестве. К примеру, у князя Константина Василья Острожского было — не считая полученных в держание королевских имуществ, где князь распоряжался как собственник, — около 1300 сел, сотня городов и замков. Литовско-русские паны держали собственные войска, порой воюя между собой либо на свой страх и риск предпринимая зарубежные походы, например в Молдавию или Валахию.

Литовско-русская олигархия в 1569 г. была против своей воли втянута в социальную структуру Польского государства и увидела, что ее страхи напрасны. Могущество ее не пострадало, а прежний политический баланс в Польше после унии резко нарушился в пользу феодальной аристократии. К концу 60-х годов польское магнатство и без того кое-что наверстало из упущенного в первой половине XVI в. В условиях же тесной унии его дела пошли гораздо лучше, чему способствовало возникновение на Правобережной и Левобережной Украине новых латифундий, по территории не уступавших иному княжеству. Их владельцы — Потоцкие, Конецпольские и др. — вместе со старым магнатством будут делать в XVII в. политику Речи Посполитой. Люблинская уния, которой так долго и настойчиво добивались экзекуционисты, пошла во благо их давнему сопернику.

Летом 1572 г. умер бездетный Сигизмунд II Август, с ним угасла династия Ягеллонов. До тех пор, пока кандидатом на польский престол почти автоматически становился великий князь литовский, процедура выборов не играла большой роли. Другое дело теперь, когда надо было ожидать борьбы между ставленниками враждующих политических сил внутри и вне Речи Посполитой.

На местах, по воеводствам, собрались конфедерации — съезды вооруженной шляхты (собственно говоря, слегка трансформированные сеймики). На время бескоролья они ведали назначением и сбором податей, учреждали суды и т. д. При этом сразу же обнаружили себя привычные конфликты шляхты со знатью, католиков с протестантами, подогреваемые личными амбициями. С особой силой, увеличивая остроту кризиса, вспыхнула распря в правительственных сферах при назначении временного, покуда не изберут короля, председателя сената. Место досталось, как и хотела олигархия, гнезненскому архиепископу, примасу (главе) польской католической церкви, и такой порядок отныне станет нормой для грядущих бескорольев.

В ходе долгих дебатов сошлись на том, что государя изберет сейм особого состава — так называемый элекционный (избирательный). Кроме сенаторов и послов, в нем сможет — но не будет обязан — участвовать любой дворянин Речи Посполитой. Предложение, примерно воспроизводившее процедуру, какую в 1530-х годах пообещал мятежной шляхте Сигизмунд I, исходило из экзекуционистских кругов. Его подхватили наиболее пронизательные политики противоположного, магнатского лагеря. Во-первых, это создавало им славу ревнителей шляхетских свобод и равенства. Во-вторых, предложенный порядок вопреки видимости был на руку именно аристократии. Благодаря ему на чашу политических весов были брошены голоса загородовых шляхтичей — тех неимущих дворян, что лишь номинально принадлежали к правящему классу, зачастую кормились при магнатских дворах и были рушором их интересов. Примас и его единомышленники позаботились назначить местом выборов Варшаву: в Мазовии загородовая шляхта была особенно многочисленной.

Первый в истории Речи Посполитой элекционный сейм открылся в начале апреля 1573 г. После месяца трудных переговоров приступили к голосованию. Кандидатура соотечественника отпала первой, ибо честолюбивое соперничество влиятельных польских политиков оказалось абсолютно непримиримым. Остались иностранные претенденты. Среди них были русский царь Иван IV, шведский король Юхан III, сын германского императора Максимилиана II Габсбурга. Их послы и тайные агенты сыпали деньгами и обещаниями. В конце концов победа осталась за Генрихом Валуа, братом французского короля Карла IX. У него не было твердой опоры ни в Речи Посполитой, ни по соседству, и, значит, не надо было особенно бояться установления в стране абсолютизма.

Тем не менее сейм принял дополнительные меры предосторожности. От лица сейма Генриху Валуа в Париж были отправлены два документа. Только после их принятия польская делегация вручила французскому принцу привезенный с собой декрет об избрании его королем. В соответствии с первым из документов Генрих обязывался уплатить государственный долг Речи Посполитой, ежегодно вносить в ее казну по 40 тыс. флоринов и многое другое. То было нечто вроде частного соглашения страны со своим новым монархом, которое не задевало основ польской государственности. Зато оно свидетельствовало, насколько Франция, выступавшая его гарантом, была заинтересована в избрании Генриха, поскольку это давало возможность взять в клещи смертельного врага Французского королевства — Габсбургскую монархию.

Иной характер носил второй документ — «Артикулы» (иначе — «Статьи») — избранного в 1573 г. короля. В нем были закреплены принципы государственного устройства Речи Посполитой, просуществовавшие более двухсот лет, до 1791 г. Первый пункт «Артикулов» утверждал неизбежность вольного избрания монарха дворянством. От своего имени и от имени будущих королей Генрих клялся не употреблять титула «наследственный государь». Венчала же грамоту едва прикрытая угроза антиправительственного мятежа. «А если бы мы, — от королевского имени объявляла заключительная статья, — совершили что-либо против прав, вольностей, артикулов и условий или чего-либо не выполнили, то мы освобождаем граждан... от должного нам послушания и доверия».

По «Генриховым артикулам», издание законов и решение важных дел, в том числе созыв посполитого рушенья и раскладка податей, были признаны прерогативой вольного сейма. Предусматривался обязательный его созыв каждые два года, если ранее того не возникнет чрезвычайной надобности, и оговорено, что сейм не может заседать дольше шести недель. Дворянство таким образом страховало себя от возможных попыток монарха обойти сословное представительство, подолгу не созывая сейм (как делал в свое время Сигизмунд II Август) или затягивая его работу. В «Артикулах» подробно перечислялось, чего не вправе делать король: ему нельзя уменьшить число придворных должностей, запрещено де-

лить на части уже собранное посполитое рушенье и т. д. Важным нововведением было создание при короле постоянного совета из 16 сенаторов, назначаемых сеймом на двухлетний срок, «без их совета и ведома мы (т. е. государь) и потомки наши ничего не должны предпринимать в текущих делах». О таком контрольном по отношению к королю органе речь заходила давно. Но только теперь замысел превратили в жизнь, еще сильнее ограничив королевскую власть. И если по старым, экзекуционистским проектам в совет должны были войти на паритетных началах представители сената и посольской избы, то созданный в 1573 г. орган был исключительно сенаторским.

Навязанные Генриху Валуа условия ясно показывали, как возросло политическое влияние знати. Враждебная ей среднешляхетская партия, в которой по-прежнему сильны были протестанты, добилась лишь одного: несмотря на противодействие епископата, в «Генриховы артикулы» вошел пункт о веротерпимости. Вожди шляхты надеялись взять реванш при новом бескорольеве. Наступило оно неожиданно скоро. Очень недовольный порядками Речи Посполитой и не сумевший наладить контакт с придворной камарильей Генрих Валуа пробыл в Польше всего пять месяцев. Получив известие о смерти старшего брата, он тайком покинул Краков в ночь на 19 июня 1574 г. и бежал в Париж, чтобы занять французский трон.

На исходе 1575 г., когда стало ясно, что беглого монарха не вернуть, снова собрался элекционный сейм. Произошли «двойные выборы»: сенат объявил об избрании Максимилиана Габсбурга, младшего брата германского императора Рудольфа II, а шляхта признала королем трансильванского князя Стефана Батория, заклятого врага Габсбургов. В разгоревшейся схватке за власть шляхетские предводители опередили проавстрийскую группировку. Собрав двадцатитысячное ополчение, они заняли Краков. Весной 1576 г. Баторий короновался, недовольные скоро умолкли. Долго не признавал нового короля только Гданьск, автономию которого урезал сейм 1570 г. Уверенный, что у Габсбурга можно будет выторговать больше уступок, город повел открытую войну с Баторием и выдержал блокаду. В конце 1577 г. война завершилась компромиссом. Гданьск изъявил покорность, заплатил 200 тыс. злотых контрибуции и согласился ежегодно отдавать в казну часть собираемых им пошлин. Но ненавистные горожанам статуты 1570 г. были отменены.

Бросив все силы на восток, против Ивана IV, чья войска за 1575—1577 гг. продвинулись в Прибалтике, Речь Посполитая переломила ход Ливонской войны. Летом 1579 г. после недолгой, двадцатидневной, осады был взят Полоцк, на следующий год — Великие Луки. Однако победы обходились недешево, а сейм с каждым годом все менее охотно давал деньги. Искать выхода из войны по-прежнему нежелательны для Польши успехи тоже воевавших против России шведов. Окончательно поляков склонила к миру неприступность Пскова: его гарнизон под началом боярина Ивана Шуй-

ского бился упорно, совершая частые и опасные для осаждающих вылазки. По подписаному в Яме-Запольском (январь 1582 г.) десятилетнему перемирию Речь Посполитая получила от истощенного войной и внутренними неурядицами Русского государства немало: за ней признавались Ливония и Полоцкая земля.

Во внутренних делах Стефану Баторию (1576—1586 гг.) повезло меньше, хотя он и здесь проявил незаурядные таланты государственного деятеля. Вознесшая его на престол шляхта не осталась глуха к голосам из магнатского лагеря и габсбургской пропаганде, пугавшим призраком королевского деспотизма. Связанный по рукам и ногам «Генриховыми артикулами», которые он, как и все последующие монархи Речи Посполитой, должен был принять, Баторий вынужденно лавировал, искал опору то у одной из аристократических клик, то у другой.

Смерть Стефана Батория принесла очередное междуцарствие и смуту. К трону Речи Посполитой снова рвались Габсбурги, заручившись поддержкой многих сенаторов. Контркандидатом средней шляхты на сей раз был шведский королевич Сигизмунд. В августе 1587 г. одновременно собрались два элекционных сейма и каждый избрал своего короля. Войне между соперниками положила конец победа Яна Замойского над войском австрийского эрцгерцога Максимилиана в январе 1588 г. под Бычиной.

В пользу Сигизмунда III (1587—1632 гг.) говорило то, что по матери он был Ягеллоном и, следовательно, поддерживалась династическая традиция. Еще привлекательнее в глазах польских политиков выглядела возможность таким способом связать Речь Посполитую и Швецию личной унией, что предполагало передачу Кракову занятой шведами Северной Прибалтики.

В действительности эта политическая комбинация лишь еще больше запутала клубок противоречий на северо-востоке Европы. Когда в 1592 г. Сигизмунд унаследовал отцовскую корону, в Швеции возобладала партия, враждебная ему и самой идее союза с Речью Посполитой. Силой оружия доказать свои права Сигизмунду не удалось, но он продолжал титуловать себя шведским государем. Такое упрямство добавило лишний повод для серии польско-шведских войн, первая из которых началась в 1600 г. Опасные для Речи Посполитой осложнения принес вынашиваемый Замойским план завладеть Дунайскими княжествами, чтобы потом ударить на турок. Непрочные успехи, достигнутые при этом, резко испортили отношения Кракова как со Стамбулом, так и с Венной.

На беспокойном внешнеполитическом фоне особенно грозно выглядело нарастание социальных конфликтов. Очагом их стала Украина. Едва было подавлено народное восстание под предводительством К. Косиньского (1591—1593 гг.), как осенью 1594 г. поднял казаков, крестьян, ремесленников Северин Наливайко. Повстанцы взяли Брацлав, Винницу и другие города, движение вскоре перебросилось в Белоруссию. Послав на Украину большое войско во главе с гетманом Станиславом Жолкевским, власти только в июле 1595 г. овладели положением.

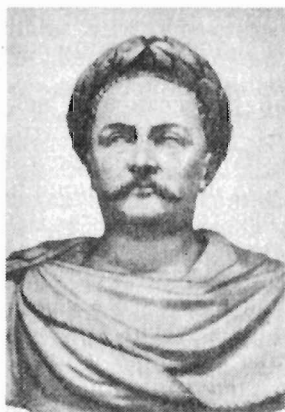
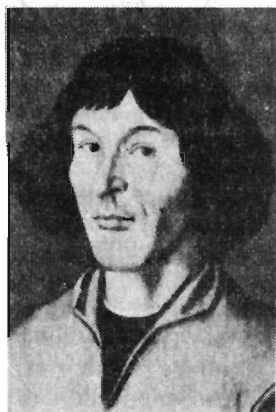
Социально-политический баланс в Речи Посполитой на рубеже XVI—XVII вв. осложнялся тем, что назревала новая смута внутри правящего класса. Дворянство будоражили слухи (надо сказать, небеспочвенные) о намерении короля нарушить «Генриховы артикулы», отменить выборность монарха, перестроить государственное управление и войско. Для кальвинистов и лютеран было неприемлемо католическое рвение Сигизмунда III: тот поощрял иезуитов и сквозь пальцы глядел на участвовавшие погромы протестантских церквей. Многих шляхетских политиков раздражало его заигрывание с Габсбургами, у которых король искал поддержки своим централизаторским замыслам, надеясь вместе с тем с помощью Вены расчистить себе путь к шведскому престолу. Такой правительственный курс угрожал неприятными внешнеполитическими последствиями, в том числе войной с турками, чего Речь Посполитая в тот момент стремилась избежать.

Когда в 1592 г. просочились сведения о тайных переговорах двора с Веной и о готовности короля даже отдать Речь Посполитую Габсбургам взамен за деньги и войска для отвоевания Швеции, в шляхетской среде громко заговорили о детронизации Сигизмунда III. Его смещения требовал и канцлер Ян Замойский — виднейший политический деятель эпохи, являвшийся непримиримым противником прогабсбургской ориентации, считавший себя незаслуженно обойденным монаршими милостями. Сигизмунду удалось сохранить корону, хотя на сейме от выслушал немало неприятных для себя речей. В результате конфликт еще больше расшатал устои монархии. Сейм 1592 г. был практически сорван: послы разъехались, не приняв никаких постановлений.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследователями давно отмечено, что на пороге нового времени поляки стали по-другому датировать события: вместо привычной для средневековья привязки к дням святых или к престольным праздникам они все чаще указывали — как это делается поныне — месяц и число. Разумеется, это мелочь. Но она стоит в длинном ряду перемен, которые, вместе взятые, говорят о происходившем пересмотре давних эталонов, о секуляризации мышления. В обновляемой шкале ценностей более высокое, чем прежде, место отводилось человеку, его земным интересам и устремлениям. В литературе и искусстве отвоевывал себе позиции гуманизм.

Среди предтеч польского Ренессанса были поэт, прозаик, меценат Гжегож из Санока (ок. 1407—1477 гг.), историк Я. Длугош (1415—1480 гг.), первый в стране доктор права, не принадлежавший к духовному сословию, Я. Остророг (ок. 1436—1501 гг.) и др. Благодаря трудам их продолжателей — ученых, писателей, художников — XVI век заслужил славу золотого века польской культуры. Что важно отметить, раздвигается сфера ее воздействия. Были открыты десятки новых школ. Намного больше стало грамотных людей среди горожан и крестьян. Личные таланты и образо-

Н. Коперник

Ян Собеский

Фрагмент алтаря
Вита Ствоша

Польский шляхтич
и гданьский купец,
фрагмент картины
XVII в.

ванность проложили путь к славе и положению в обществе немало числу выходцев из простонародья, подобно Я. Дантышку (1485—1548 гг.) или К. Яницкому (1516—1543 гг.), чьи заслуги на ниве поэзии на латинском языке были признаны на родине и увенчаны лавровыми венками в Риме.

Кризис феодально-теократического мировоззрения в Польше не достигал той остроты, как, например, в Италии. Главные причины, очевидно, коренились в особенностях социальной структуры, в уровне зрелости (вернее сказать, незрелости) буржуазных элементов польского общества. В таких условиях расставание с

прошлым не могло не быть затяжным; произведения архитектуры, живописи, литературы сплошь и рядом совмещали в себе стадиально различные черты.

В распространении ренессансных веяний большую роль сыграли контакты с культурными центрами Западной Европы. Первенствовала здесь Италия. Польская интеллектуальная элита, средоточием которой был переживавший на исходе XV — в первой трети XVI в. пору своего расцвета Ягеллонский университет, ориентировалась на высокий пример итальянского Возрождения. В Болонье, Падуе, Риме обучались сотни поляков. По мере успехов Реформации обозначилась еще одна линия интенсивного идейного влияния — из Нидерландов, тесные связи с которыми поддерживал Гданьск. Глубокий след оставило и пребывание в Польше таких писателей, как итальянец Филиппо Буонакорси Каллимах или немец Конрад Цельтис.

Следовать тосканским либо римским образцам стало модным, бывали и случаи слепого копирования. Не ими, однако, определялся колорит эпохи. Работавшие в Польше свои и иноземные мастера умели придать даже заимствованиям национальный колорит и неповторимую выразительность. Так, в активе градостроителей — достижения общеевропейского уровня, в том числе новая застройка Замостья. Она превратила резиденцию канцлера Яна Замойского в шедевр позднеренессансной архитектуры и в первоклассную крепость.

Такой взлет духовной и материальной культуры был бы немислим без печатного станка. Первые типографии появились в Польше с начала 1470-х годов. В XVI в. книгоиздательство приобрело большой размах, общее число опубликованных в стране книг составило около семи тысяч названий. Многие из изданий Ф. Унглера, Я. Галлера, других печатников отличались полиграфическим мастерством. Среди их продукции были и дешевые книги, предназначенные для более широкого круга читателей.

Ряд публикаций по отечественной истории открыла «Польская хроника» Мацея Меховского (1519 г.), за ней последовали труды М. Кромера, М. Стрыйковского и многих других. Среди политических писателей наибольшая известность выпала на долю А. Ф. Моджевского (1503—1572 гг.). Его социальная доктрина далеко отошла от привычных представлений шляхты. Не отвергая сословного неравенства, он клеймил порядки, при которых «жизнь крестьянина неотличима от рабской», и требовал уравнивать всех людей перед лицом закона. Целостное изложение системы его взглядов дано им в фундаментальном трактате «О реформе государства» (1551). Написанное по латыни сочинение широко разошлось по Европе, вскоре его перевели на польский язык. Крупнейшей фигурой в ученом мире был, бесспорно, Н. Коперник (1473—1543 гг.). Разносторонне одаренный, он занимался медициной, вопросами денежного обращения, многим другим. Делом жизни Коперника стал трактат «Об обращении небесных сфер» (1543). Своей гелиоцентрической теорией астроном бросил вызов

освященным авторитетом церкви воззрениям Птолемея. Схватка вокруг теории Коперника, как известно, вышла за пределы Польши. Инквизиция увидела в его учении крамолу, и в 1616 г. трактат был внесен в «Индекс запрещенных книг».

Первая в Польском государстве книга на родном языке — «Духовный рай» Берната из Люблина — вышла в Кракове в 1513 г. Право разговорной «польщизны» быть языком литературы энергично отстаивал поэт-сатирик Миколай Рей (1505—1569 гг.). Его изречение: «Поляки — не гуси и свой язык имеют» — стало девизом ревнителей отечественной словесности.

Славу М. Рея и его собратьев по перу затмил Я. Кохановский (1530—1584 гг.). Его стихи отличает удивительно тонкая передача человеческих чувств, обогащенная метрика и образная система. На склоне жизни в творчестве Кохановского произошел перелом. Его обозначили «Трены» — цикл плачей-элегий 1580 г. Их безысходная печаль противостоит жизнерадостности, порой безудержному веселью прежних творений. «Трены» — горестный отклик поэта на смерть дочери. Но едва ли новую для музыки Кохановского тональность можно объяснить лишь семейной драмой. Пора безмятежной веры в гармонию мира миновала не только для него. В литературу конца XVI в. зримо вторгались рефлексия и скепсис, растерянность перед трагизмом людских судеб — черты, которые знаменовали крах ренессансного оптимизма, явление, как известно, свойственное и другим европейским странам того времени.

**МАГНАТСКАЯ ОЛИГАРХИЯ
ЗА ФАСАДОМ ШЛЯХЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В начале XVII в. раздоры внутри правящего класса вылились в антикорольевский мятеж. Недовольство правительственной политикой свело вместе многих шляхтичей и аристократов, сторонников реформ и ревнителей дворянских вольностей, протестантов и католиков. Лидером этого разношерстного лагеря после кончины Я. Замойского (1605 г.) стал краковский воевода М. Зебжидовский, поддержанный литовско-русским вельможей Я. Радзивиллом.

Собравшемуся весной 1606 г. сейму недовольные противопоставили свои собственные съезды — в Стенжице, потом в Люблине. Там громко звучали требования низложить Сигизмунда III за покушение на золотую шляхетскую вольность. Словесные перепалки перешли в тянущуюся около трех лет гражданскую войну — так называемый рокош Зебжидовского. В июле 1607 г. правительственные войска разбили мятежников под Гузовом, но брожение не утихло. Против любых попыток укрепить центральную власть были решительно настроены широкие круги дворянства. Политику Сигизмунда не одобряли и те шляхтичи, что сражались за короля. Сенат по-старому тормозил правительственные начинания, полной победы над оппозицией не хотели даже магнаты из королевского окружения. В конце концов сейм объявил амнистию рокошанам (1609 г.). Наступило примирение сторон. Чтобы успокоить страсти, Сигизмунд, отказавшись для вида от задуманных реформ, повторно присягнул «Генриховым артикулам». Предводители рокоша были удостоены щедрых пожалований.

Мятежная шляхта могла тешить себя иллюзией, что спасла свою золотую вольность. Дворянские публицисты горделиво повторяли поговорку, своего рода девиз шляхетского эгалитаризма: «Шляхтич на загроде равен воеводе». Продолжал расти политический вес земских сеймиков: все чаще без согласия местного сеймика власти воздерживались от взимания по воеводству тех налогов, которые утвердил общегосударственный, вальный сейм. Подлинную победу в результате рокоша Зебжидовского и последовавших за ним политических схваток одержала феодальная аристократия, чьи огромные владения концентрировались «на кресах», т. е. в украинских, белорусских, западнорусских землях. Обозначенная Люблинской унией 1569 г. политика получила продолжение в годы рокоша и после него: ведущим фактором политической жизни в стране стал рост могущества знати. На протяжении первой половины XVII в. шляхетская республика переродилась

в олигархию. Реальная власть в Речи Посполитой принадлежала теперь не столько королю или шляхте, сколько светским и духовным магнатам, которые закулисно манипулировали земскими сеймиками и иными государственными институтами.

Именно магнаты, в первую очередь окраинные латифундисты, направляли польскую внешнюю политику, ставя во главу угла экспансию в русские земли. В этом пункте так или иначе совпадали интересы разных слоев и группировок правящего класса Речи Посполитой. Князя Вишневецкие и сандомирский воевода Е. Мнишек дали ход Лжедмитрию I, объявившемуся в 1602 г. За самозванцем потянулись сотни авантюристов. После его гибели (в мае 1606 г.) влиятельные круги Речи Посполитой поддержали нового Лжедмитрия. Патронами «тушинского вора» были магнаты Р. Ружинский и Я. Сапега. Сигизмунд III открыто повел войну с Россией. Предлогом ему послужило подписание в феврале 1609 г. русско-шведского союзного договора, посредством которого Москва рассчитывала покончить с тушинцами.

4 июля 1610 г. конница гетмана Станислава Жолкевского разбила у Клушина захваченное врасплох, численно превосходящее ее русско-шведское войско, которое шло на подмогу осажденному Сигизмундом Смоленску. Отзвуком битвы явился переворот в Москве, где недовольные царем Василием Шуйским и опасавшиеся захвата города «тушинским вором» бояре, еще раньше вступив в сговор с Польшей, заставили Шуйского отречься. Царем они признали польского королевича Владислава и тайком ночью впустили поляков в столицу. Взятие Смоленска летом 1611 г. еще более разожгло аппетиты польских политиков. Сигизмунду было уже мало посадить своего старшего сына на русский трон, он желал короны для себя, чтобы влить Россию в Речь Посполитую. Подъем патриотического движения во главе с Мининым и Пожарским сделал это невозможным. В конце октября 1612 г. земское ополчение освободило Москву. Засевший в Кремле трехтысячный польский гарнизон два месяца спустя сложил оружие.

Война, однако, затягивалась. Осенью 1617 г. королевич Владислав и гетман Я. К. Ходкевич овладели Дорогобужем и Вязьмой, а на следующий год снова пошли на Москву. Цели они не достигли, но их действия склонили Россию к перемирию, донельзя нужному и Польше: в 1617 г. войну с ней повели шведы. Деулинское соглашение, подписанное на рубеже 1618—1619 гг., оставило за Речью Посполитой Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов. Вернуть их Русское государство попробовало в 1632 г., пользуясь смертью Сигизмунда и междуцарствием. На сей раз, однако, бескорольеве не в пример трем предшествующим было недолгим и спокойным. Без больших споров политические группировки сошлись на кандидатуре Владислава, популярного среди шляхты и известного своей решимостью продолжать натиск на русские земли. Владислав IV (1632—1648 гг.) энергично повел военные действия. Осаждавшие Смоленск русские войска сами очутились в кольце и в феврале 1634 г. капитулировали. Заключенный три месяца спустя Полянов-

ский мир сохранил прежние рубежи. Москва удовлетворялась отказом Владислава от претензий на царский титул. Продолжать препирательства с Россией, оттягивая мир, поляки не стали. Надо было скорее развязать себе руки на случай войны с северным соседом: истекало заключенное в 1629 г. перемирие со шведами.

Военные действия в Прибалтике велись с 1600 г. Поначалу поляков отеснили к Двине, но они отбили врага, в 1603 г. взяв Дерпт (Тарту). Новое шведское вторжение остановил гетман Ходкевич, разгромив в сентябре 1605 г. под Кирхгольмом (ныне Саласпилс) в три раза превосходившую по численности армию. В битве блистательно проявили себя польские гусары — тяжелая кавалерия. Шведам пришлось снять осаду Риги. Однако в новом раунде борьбы, начатом в 1617 г. после шестилетнего перерыва, становится очевидным неравенство сил. Осенью 1621 г. Речь Посполитая лишилась Риги. Через четыре года был утрачен Дерпт. Вскоре шведский король Густав II Адольф нанес удар по Королевской Пруссии. Хорошо укрепленного Гданьска захватить он не смог, но Эльблонг и другие важные торговые центры и крепости оказались в его руках. На стороне шведов был огромный перевес в артиллерии, их пехота не имела равных себе в Европе. Соотношение сил зафиксировало Альтмаркское перемирие (сентябрь 1629 г.). Как ни спешил Густав Адольф кончить локальный конфликт, чтобы вступить в Тридцатилетнюю войну, он фактически ничего не отдал из приобретенного им в Прибалтике и Поморье. Из Королевской Пруссии шведы ушли только в 1635 г.: понеся чувствительный урон в войне с Габсбургами, они, дабы избежать новой войны с Речью Посполитой, согласились при продлении с ней перемирия на такую уступку. Гданьское Поморье, прежде богатейшая из провинций, вернулось к Польше разоренным дотла.

Сама Речь Посполитая в Тридцатилетней войне (1618—1648 гг.) не участвовала. После того как в мае 1618 г. вспыхнуло положившее ей начало антигабсбургское восстание в Чехии, перед польскими политиками замаячила перспектива, использовав критическое положение Австрии, вернуть Силезию, которой Габсбурги владели с XVI в. Но Варшава (туда с 1611 г. окончательно перенесли из Кракова столицу государства) опять пренебрегла такой возможностью. У Сигизмунда III даже было намерение прийти на помощь Вене. Все же ему пришлось посчитаться с тем, что шляхта по-прежнему не одобряла сближения с Габсбургами. Сражаться под их знаменами король отправил только нерегулярные отряды легкой кавалерии.

Сохраняя свой относительный нейтралитет вплоть до Вестфальского мира 1648 г., Речь Посполитая не извлекла из него выгод. Напротив, она практически осталась в проигрыше, поскольку соседи из войны вышли с весомыми территориальными приобретениями. В частности, Швеция и Бранденбург поделили между собой Померанию (Западное Поморье). За годы военных действий пришла в упадок балтийская торговля, что болезненно отозвалось на польских экспортерах зерна и прочей сельскохозяйственной про-

дукции. Некоторую пользу Речи Посполитой принесла разве что иммиграция из областей, охваченных пожаром войны. Переместившись в Великую Польшу силезские ткачи содействовали подъему там сукноделия.

Отношения с Турцией, с ее вассалами и союзниками складывались для Варшавы тревожно. В значительной степени это тоже было обусловлено неразумной с точки зрения национальных интересов Польши оглядкой на враждебную Порте Вену. Ситуация обострялась своеволием магнатов. К примеру, брацлавский воевода С. Потоцкий в 1607 и 1612 гг. предпринял военные экспедиции в Молдавию, вмешавшись в тамошние политические интриги. Нередко, наоборот, вельможи уклонялись от участия в направленных против турок акциях. Главным образом бились украинские казаки с татарами. Идея войны против Османской империи импонировала многим политикам Речи Посполитой, ее поощряла церковь. Тем не менее сейм 1646 г. не санкционировал похода, план которого имел немало слабых мест с чисто военной точки зрения. Но главные причины отказа от во многих отношениях соблазнительного для феодальных кругов замысла лежали в иной плоскости. Шляхту и магнатов отвращала от вынашиваемого Владиславом IV плана боязнь, что в случае победоносного исхода резко изменится расклад политических сил в государстве — изменится в пользу монархии.

Действия короля и его доверенных сенаторов давали кое-какие поводы для подобных опасений. Однако в целом такой поворот дел (даже если допустить весьма проблематичную победу над Портой) был маловероятен. Противоположная чаяниям короля, «республиканская» тенденция уже отчетливо возобладали в Речи Посполитой. Центральной власти приходилось идти на новые уступки фрондирующим аристократам, сеймикам и другим локальным учреждениям. Опасность абсолютизма была ничтожной по сравнению с надвигающейся угрозой политического развала.

Могущественные магнатские партии ожесточенно соперничали между собой и расшатывали государственный механизм Речи Посполитой. Барометром здесь могли служить сеймы. Порой (в 1637, 1639, 1645 гг.) они бывали не в состоянии прийти к какому-нибудь решению. В самом начале правления избранного после Владислава IV его младшего брата Яна Казимира (1648—1668 гг.) дошло до срыва работы всего вального сейма буквально единственным послом. Как случалось не раз, сейм 1652 г. не уложился в предусмотренный «Генриховыми артикулами» шестинедельный срок, однако один из послов, В. Сицинский, не согласился на его продление и демонстративно покинул зал. Казус имел самые серьезные последствия. Имя этого захоластного шляхтича вошло в историю, ибо он первым на деле применил ранее признаваемый лишь в теории принцип «либерум вето», согласно которому любой участник сословного представительства Речи Посполитой вправе наложить запрет на неудобное ему постановление. Большинство участников сейма 1652 г., осудив сумасбродный поступок

Сицинского, в то же время сочли, что тот действовал в рамках закона.

Второе, что решительно отталкивало польских дворян от большой войны с турками, — это нежелание менять курс на религиозную, культурную, социальную ассимиляцию восточных окраин Речи Посполитой. Оставив тонкий слой состоящего на жалованье у казны реестрового казачества, администрация вместе с помещиками принимала все меры, чтобы прочих украинских селян и мещан превратить в крепостных. Власти всячески поощряли колонизацию местного населения. Деятели Контрреформации, заручившись поддержкой части православного епископата, удалось реализовать давно задуманную церковную унию. По ее условиям православная церковь, сохраняя свою обрядность, подчинялась Риму. Брестскую унию 1596 г., чей политический подтекст был очевиден, не приняло большинство украинцев и белорусов. На рост феодального гнета, обостренного религиозными притеснениями, Украина ответила серией восстаний 1590—1630-х годов. Их жестоко подавили, и помещики уверовали, что наступило желанное умиротворение. Но достаточно было в середине 40-х годов поползти слухам, что король Владислав IV зовет простолюдинов к походу на султана и за это поверстает их в казаки, как пограничные со степью воеводства заволновались.

Во главе национально-освободительной войны встал писарь запорожского войска Б. Хмельницкий. Победы Хмельницкого при Желтых Водах и Корсуни (май 1648 г.) распространили народное движение на всю Украину; оно перебросилось в белорусские земли. Напора борьбы не сбили ни Зборовский трактат 1649 г., по которому казачий реестр был увеличен с 6 до 40 тыс. человек, ни тяжкое поражение в трехдневной битве под Берестечком в июне 1651 г. Горький опыт союза с неоднократно изменявшим ему крымским ханом настоятельно толкал Хмельницкого на обращение за поддержкой к Москве. 18 января 1654 г. Переяславская рада провозгласила акт воссоединения Украины с Россией.

Эти бурные события немедленно отозвались в этнической Польше. Уже в 1648 г. беспокойно стало на Люблинщине и в ряде других воеводств. Раскрыт был заговор в Варшаве: заговорщики, по-видимому, готовы были восстать, как только к городу подойдут казаки.

Пик волнений пришелся на 1651 г. В Великой Польше некоторое время действовал большой повстанческий отряд, одним из предводителей которого был шляхтич В. Колаковский, незадолго до того служивший в войске Хмельницкого. В июне 1651 г. крестьян Подгалья призвал к оружию мелкий шляхтич А. Костка Наперский. Себя он выдавал за эмиссара Б. Хмельницкого, одновременно утверждая, что действует за воле короля Яна Казимира. Ему помогал местный солтыс С. Лентовский, один из вожаков восстания 1631 г. Захват небольшого, полуразвалившегося замка Чорштына у венгерской границы должен был положить начало всеобщему восстанию, с тем чтобы затем идти «на Краков и потом по всей Польше». Овладев Чорштыном, Костка Наперский оттуда рассылал свои

грамоты, призывая народ: «Пока не поздно, освобождайтесь из этой тяжелой неволи. Чем вас шляхтичи вконец изведут, лучше изведите вы их сами». Весть о захвате крепости, о повстанческих замыслах чрезвычайно быстро разошлась по стране и вызвала переполох среди шляхты. Из посланного на Украину войска на подавление бунта срочно откомандировали двухтысячный отряд. Вздуряженные известиями о Наперском, многие шляхтичи самовольно покинули ополчение и поспешили по домам. Замок Чорштын был окружен войском, которое послал краковский епископ. Через три дня осажденные сдались; Костку Наперского посадили на кол, Лентовского четвертовали.

Ни по масштабам, ни по последствиям крестьянские выступления 1651 г. в Подгалье и других областях Польши несравнимы, скажем, с крестьянской войной под руководством С. Разина. В окружении тех антифеодальных битв, какие переживала Центральная и Восточная Европа в эпоху позднего феодализма, они выглядят мелкими эпизодами. У нас нет информации о движениях большого размаха, чем задавленное в самом начале восстание Костки Наперского и другие события 1651 г. Возникает вопрос: почему же не было крестьянских войн? Консервативно настроенные ученые и публицисты XIX—XX вв. искали ответа в чертах национального характера, предполагая, что польский мужик и мещанин были неспособны к активному массовому протесту. Современная наука по-иному подходит к решению этой проблемы. Она обращает внимание на тот факт, что, например, в России очагами крестьянских войн явились не районы самой жестокой феодальной эксплуатации, а периферия — Дон, Яик, куда стекались выходцы из более заселенных земель. Аналогичным образом для польской деревни, зажатой в тиски крепостного права и непомерной барщины, украинские просторы с предгорьями Карпат были своего рода отдушиной. На протяжении столетий они притягивали беглецов из польских воеводств. Очень многие из таких переселенцев или из их потомков влились в казачество, воевали вместе с Богданом Хмельницким. Следовательно накал классового протеста в этнической Польше, взятый сам по себе, не поддается верной исторической оценке. Этот протест составлял неразрывное единство с той социальной борьбой, что велась на восточных окраинах Речи Посполитой.

В ТРЯСИНЕ ФЕОДАЛЬНОЙ АНАРХИИ

В 1654 г. русская армия, поддержанная на юге украинскими казаками, развернула военные действия против Речи Посполитой. Были взяты Гомель, Могилев, Смоленск и другие города. На следующий год наступление продолжалось. Сложившуюся ситуацию использовала старая соперница Речи Посполитой на Балтийском море — Швеция. Летом 1655 г. сорокатысячная армия Карла X Густава вторглась в Великую Польшу, Гданьское Поморье и Литву. Доказывать свое превосходство на поле брани ей почти не пона-

добилось. Великопольское посполитое рушение последовало совету познанского воеводы К. Опалинского и других военачальников и 25 июля, не вступая в сражение, признало шведского короля государем. У великополян нашлись подражатели. В середине августа вследствие измены всесильных магнатов Януша и Богуслава Радзивиллов шведам подчинилась Литва. Три недели спустя они без единого выстрела вошли в Варшаву. За каких-нибудь четыре месяца неприятель занял почти всю Польшу.

«Потоп», как назовут это шведское вторжение, ошеломил поляков. Трудно было поверить, что великая держава, какой привыкли считать Речь Посполитую, настолько одряхлела. Но шок первых месяцев войны сменился подъемом патриотических чувств. Множятся очаги сопротивления, например, в Прикарпатье, где на исходе 1655 г. крестьянский отряд выгнал шведов из Нового Сонча и вместе с тамошними мещанами отстоял город от нового нападения. В борьбу против врага, оскорблявшего национальные и католические святыни и не знавшего удержу в грабежах, вступили все слои польского общества. Развернулась народная война. Чтобы привлечь крестьян и в то же время не дать движению выплеснуться за рамки антишведской кампании, король Ян Казимир в апреле 1656 г. торжественно и публично принес клятву в львовском соборе. Он обещал, что после восстановления мира употребит вместе с сеймом все средства, дабы «освободить народ от незаконных тягот и гнета». Такой же обет дали присутствовавшие в соборе сенаторы.

Своей полупартизанской тактикой поляки вынудили противника дробить силы. Прославившийся при изгнании шведов Стефан Чарнецкий, будущий гетман, вначале маневрировал, нанося мелкие удары и уклоняясь от генерального сражения, а затем, пополнив свое войско, в 1656 г. запер в междуречье Вислы и Сана армию Карла Густава. Тот еле избежал плена. Летом того же года шведов выбили из Варшавы. Хотя шведский король втянул в войну бранденбургского курфюрста и трансильванского князя, соблазнив их перспективой раздела Речи Посполитой, поляки продолжали теснить врагов. Им помогло то обстоятельство, что с весны 1656 г. Русское государство приостановило действия против них, договорилось с Яном Казимиром о перемирии и само повело войну со шведами. Крутой вираж в политике правительства Алексея Михайловича в то время, когда царские полки доходили до Немана и вообще дела поляков на востоке были плохи, диктовался вполне трезвым политическим расчетом: для Москвы опаснее всего было усиление шведов в Прибалтике.

Из польских городов в руках у шведов остались только Мальборк и Эльблонг. Корпус Чарнецкого, посланный на помощь датчанам, успешно сражался в Ютландии и Померании. Силы сторон были исчерпаны, и 3 мая 1660 г. в Оливе (вблизи Гданьска) две воюющие державы подписали договор. По Оливскому миру сохранялись довоенные границы между Речью Посполитой и Швецией. Правда, поляки признавали утрату Лифляндии вместе с Ригой, но этим было лишь узаконено то положение, какое существовало перед

Потопом. Одновременно Ян Казимир отказывался от своих унаследованных от отца и старшего брата эфемерных притязаний на шведский трон.

Побочным и — как покажет время — грозным для Польши внешнеполитическим эффектом войны 1655—1660 гг. было обретение суверенных прав Пруссией герцогством. Еще в начале XVII в. Речи Посполитой представлялся случай овладеть герцогством. Занятый русскими и шведскими делами Сигизмунд III искал поддержки Бранденбурга и потому не присоединил Пруссию, согласившись на переход герцогского титула к бранденбургской ветви Гогенцоллернов. Несмотря на то что в качестве герцога прусского он числился вассалом Речи Посполитой, бранденбургский курфюрст помогал Карлу Густаву, а когда тому изменило военное счастье, осенью 1657 г. перебежал на сторону Яна Казимира. В награду за это он выговорил отказ Польши от верховных прав на бывшие владения Тевтонского ордена.

Результаты не столь даже долгого, сколько опустошительного «Потопа» для Польши вполне сопоставимы с трагическими последствиями Тридцатилетней войны для Германии и Чехии. От военных действий, эпидемий, голода население страны убыло на четверть или треть. На месте многих селений остались только пепелища. В Мазовии примерно десятая часть деревень исчезла с лица земли.

В особенно пострадавшей Королевской Пруссии еще четыре года спустя после войны до трети деревень стояли разрушенными целиком, другая треть была опустошена более чем наполовину. Материальный урон был ужасающим. Люди вернулись к самым примитивным орудиям труда. Вместо водяных мельниц, сгоревших или разоренных в войну, жители обратились к ручным жерновам (тут действовал еще побочный стимул: можно было не платить помещику за помол). Резко сократилось поголовье рабочего скота, обширные земли лежали невозделанными. Военная разруха вкупе с феодальным гнетом форсировала пауперизацию. Если надел малопольского кметя перед Потопом составлял в среднем 0,41 лана, то теперь — лишь 0,27 лана. В 1616 г. в великопольских королевских имениях на заградников и коморников приходилось 19 % всех хозяйств, в 1661 г. доля малоземельных и безземельных хозяйств достигла 34 %.

Экономике все сложнее было вырваться из порочного круга: помещик, чтобы возместить падение своих доходов, тянул последнее с крестьян и мещан, а растущие поборы все больше разоряли деревню и город, что, в свою очередь, не могло не отразиться на доходах помещика. На латифундистах, вельможных владетелях десятков городов и сотен сел, кризис сказывался не так заметно, как на средней и мелкой шляхте. Таким образом, одним из следствий войны и прочих бедствий, какими изобиловала середина XVII в., было дальнейшее усиление хозяйственных и политических позиций аристократии. О своих обещаниях народу королевская власть после изгнания шведов забыла сразу же. Да она ничего и не

могла сделать, будучи бессильной перед лицом нараставшей феодальной анархии.

Срывы сеймов становятся обычным делом. Принцип «либерум вето» скоро был признан одним из столпов пресловутой шляхетской вольности. Так как сеймовую конституцию — свод законоположений, принятых на очередном сейме, — правоведа трактовали не как сумму отдельных актов, а как единое, неразрывное целое, то при срыве сейма признавались утратившими силу все уже ранее им принятые решения. Подобный порядок грозил полным параличом государственной жизни. Выход нашли в передаче ряда прерогатив вального сейма конфедерациям (региональной или общепольской — «генеральной») и формируемым ими органам, где принцип единогласия уже не действовал.

Феодальные смуты, конфедерации, мятежи идут чередой сквозь десятилетия, последовавшие за Потопом. Попытки оздоровить социальный климат в конечном счете разделили судьбу того проекта, что на исходе 1650-х годов был выдвинут политиками из королевского окружения. Предполагалось, отменив «либерум вето», решать дела в сейме большинством голосов, ввести постоянные подати, избрать нового короля еще при жизни Яна Казимира. Последнее должно было придать центральной власти стабильность и одновременно, поскольку на престол прочили французского принца, укрепить союз с Парижем. Но оппозиционно настроенные магнаты сыграли на чувствах ненавидящей абсолютизм шляхты. Чувства эти были подогреты эмиссарами Габсбургов и Гогенцоллернов, боявшихся сближения Парижа с Варшавой. На сейме 1661—1662 гг. проект реформ отвергли.

Антикоролевскую оппозицию возглавлял гетман Е. Любомирский, честолюбец и интриган, но вместе с тем талантливый полководец. Королевский двор инспирировал обвинение гетмана в государственной измене (обвинение, надо признать, выглядело шатким). Решению сеймового суда, в 1664 г. приговорившего Любомирского к лишению всех должностей, конфискации имений и изгнанию, тот не повиновался и поднял мятеж. За опальным вельможей пошла часть регулярных войск, давно не получавших от казны положенного жалованья. К мятежникам примкнула масса волонтеров-шляхтичей. Кончился рокош тем, что в 1666 г. гетман изъявил покорность Яну Казимиру и покинул родину. По сути же дела, монархия, чьи войска дважды были побиты рокошанами, лишь обнаружила свою слабость. Лишний раз все убедились в практической безнаказанности своеволия. В годы мятежа опять были сорваны сеймы.

Правительственные неудачи усугублялись ходом событий на востоке. В 1658 г., когда исход польско-шведской войны уже не вызывал сомнений, Россия возобновила военные действия против Речи Посполитой, чтобы парализовать усилия польской администрации вернуть себе Украину. Военное счастье иногда еще улыбалось полякам, но силы сторон уже были подорваны. Начатые в 1664 г. переговоры увенчались в январе 1667 г. Андрусовским

перемирием, которое двадцать лет спустя, в 1686 г., превратится в «вечный мир». Поляки теряли Смоленщину и Левобережную Украину. Сверх того к России отходил Киев. По договору он был уступлен всего на два года, но так и остался за Москвой.

Под тяжестью внутри- и внешнеполитических поражений Ян Казимир отрекся от трона (1668 г.). На такое решение отчасти повлияли личные мотивы: умерла вдохновительница его начинаний королева Мария Людовика, родом французенка. Кроме того, у экс-короля и его приближенных теплились надежды на то, что отречение устранит помехи к избранию на трон французского принца. Надежды развеялись мгновенно. Против француза яростно интриговали Вена и папство. О нем не желало слышать подавляющее большинство дворян. Противодействие было столь сильным, что эту кандидатуру заранее, до открытия элекционного сейма, формально исключили из списка возможных претендентов.

Олигархии, уже привыкшей дирижировать шляхетскими головами, элекционный сейм преподнес неожиданность. Громко и независимо, как бы вспомнив о сеймовых баталиях столетней давности, заявила о себе средняя и мелкая шляхта. Возмущенная самовластием магнатских партий, высокомерием и продажностью сенаторов, она, не слушая ничьих доводов, избрала монарха по собственному усмотрению. В диком гаме и неразберихе, какими отличалась элекция 1669 г., королем был выкрикнут Михаил Кобытун Вишневецкий. Этим «шляхетский народ» выразил свою любовь к отцу избранника, покойному князю Иеремии Вишневецкому. Заклятый враг Хмельницкого, известный своей невероятной жестокостью «князь Ярема», чьим именем на Украине еще долго пугали детей, был в глазах шляхты — без особых на то оснований — окружен ореолом великого воителя и защитника дворянских свобод.

Болезненный и безвольный Михаил Вишневецкий (1669—1673 гг.) с первых дней своего правления обнаружил неспособность к государственным делам. Впрочем, это еще не отвратило от него шляхетских сердец: по быту, привычкам, кругозору он вполне отвечал представлениям провинциального помещика о том, каким надлежит быть королю. Не сведущий в тайнах дипломатии монарх тем более устраивал тех сенаторов, которые, подобно Ф. Потоцкому, управляли движениями этой политической марионетки. Зато другие магнатские группировки, такой возможности лишенные, не скрывали своего пренебрежения к новому государю. Кризис власти не заставил себя ждать.

Захват в 1672 г. Каменец-Подольской крепости распахнул перед султаном путь к Львову. Татарские чамбулы уже доходили до Краковщины. Растерянной Варшаве оставалось одно — пойти навстречу требованиям Порты. По Бучачскому миру (октябрь 1672 г.) туркам отдавали Подольское, Брацлавское воеводства и оставшуюся у поляков часть воеводства Киевского. Речь Посполитая обязалась ежегодно платить султану по 22 тыс. червонных злотых. Условия были позорными, поднялся ропот. Под началом

гетмана Яна Собеского собралась конфедерация и потребовала сместить Михаила. Приверженцы короля или просто недруги Собеского не оставались в долгу. Если гражданская война не вспыхнула, то единственно из-за турецкой угрозы. Сейм, не ратифицировав Бучачского договора, утвердил высокую подать, и на эти деньги собрали пятидесятитысячное войско. 11 ноября 1673 г. под Хотинем Собеский разгромил турецкую армию.

Блистательная победа окрылила поляков. Она же обеспечила Яну Собескому избрание на опустевший со смертью Михаила Вишневецкого трон. Однако потерянных по Бучачскому миру земель вернуть не удалось, и не видать было конца войне. В 1675 г. вновь прорвавшихся турок еле отогнали от Львова. Сейм расщедрился — ассигновал деньги на содержание стотысячного войска, хотя в действительности эта квота — для огромной державы не такая и большая — осталась недосягаемой.

Король Ян III Собеский (1674—1696 гг.), сознавая, что для победоносной войны в Причерноморье у Речи Посполитой не хватит сил, был намерен повернуть фронт: развязав себе руки перемирием на юге, напасть в союзе с французами или шведами на Бранденбург, чтобы вернуть Прусское герцогство, а затем таким же образом отбить Силезию у Габсбургов. Против этой идеи выступали магнатские партии прогабсбургской ориентации. Они требовали любой ценой продолжать войну с султаном. Зрел заговор с целью детронизовать Яна III, если тот будет упорствовать. Антитурецкий курс восторжествовал, и на политическую авансцену в последней четверти XVII в. выйдут походы против османов либо дипломатическая и военная подготовка таких походов.

В одиночку оттеснить турок Польша не могла. В марте 1683 г. был заключен союз с Габсбургами, а вскоре из австрийской столицы донеслись призывы о помощи: Вену осадили турки. Ян III привел к венским стенам тридцатитысячную армию, под его командование перешли австрийские полки и вспомогательный корпус из немецких княжеств. В общей сложности имея до 70 тыс. человек — несколько меньше, чем противник, — он 12 сентября 1683 г. дал генеральное сражение. Исход знаменитой битвы решило правое, польское крыло союзного войска.

Разгром турок под Веной радикально изменил обстановку на юго-востоке континента. Хотя Порта все еще оставалась грозным противником, ее экспансии был положен конец. Ободренные удачей Австрия, Речь Посполитая, Венеция и папство в 1684 г. для дальнейшей борьбы с османами объединились в Священную лигу, к которой два года спустя примкнула Россия.

Славная победа существенно не отразилась на внутреннем состоянии Польши. Королю Яну III, как и прежде, не хватало сил, чтобы совладать с олигархией. После 1683 г. срывы сеймов только участились. Той же своеобразной практике следовали и земские сеймики, присвоившие себе право решать важные военные и фискальные дела. Если кому-нибудь еще нужны были доказательства того, что Речь Посполитая погрязла в анархии, теряя само-

стоятельный голос в европейской политике, их доставило бескоролье, которое наступило весной 1696 г.

Со смертью Собеского разброд в стране усилился. Магнатские клики открыто сводили счеты. Бунтовали войска, которым лет семь не платили жалованья. К лету 1697 г., когда после проволочек был созван элекционный сейм, выяснилось, что на сей раз у французского кандидата есть реальные шансы. Симпатии к нему — помимо угощений и даров, на которые не скупился посол Людовика XIV, — приумножила перспектива при посредничестве Парижа выйти из бесконечной, изнурительной войны с Портой. Когда-то легко доставшийся туркам Каменец-Подольский был ими превращен в неприступную твердыню, и все попытки взять ее либо обойти стороной не приносили успеха. Под влиянием хронических неудач (триумф 1683 г. остался чуть ли не единственным исключением) в глазах дворянства терял свою прежнюю притягательность пропагандируемый католическим клиром образ Польши как форпоста христианской веры в борьбе с исламом. Но Австрии и России было невыгодно терять союзника, который отвлекал на себя значительные турецкие силы. К тому же обе державы меньше всего желали политического усиления Польши. Они поэтому поддержали контр-кандидата, саксонского курфюрста Фридриха Августа. Петр I прямо пригрозил ввести свои войска в Литву, если будет избран французский принц. К Фридриху Августу — после того как тот из протестанта стал католиком — благоволила и папская курия.

На элекционном сейме голоса разделились. Каждая из двух противоборствующих партий объявила своего кандидата законно избранным. В споре за трон одержал верх ставленник Вены и Москвы. Опередив соперника и не допустив его высадки в Гданьске, саксонец стал польским королем под именем Августа II (1697—1733 гг.).

В январе 1699 г. были подписаны договоры между Портой и ее врагами. По Карловицкому миру Польша вернула себе Каменец-Подольский и другие потерянные за четверть века перед тем области Правобережной Украины. В том же году Август II, который все сильнее втягивался в фарватер петровской политики, связал Саксонию с Россией направленным против шведов Преображенским договором; к союзу примкнула также Дания.

В начавшуюся великую Северную войну курфюрст и царь были бы рады вовлечь Речь Посполитую, но такая перспектива не прельщала польских сановников. Польша предпочла бы остаться в роли наблюдателя. Этому ей воюющие стороны не позволили. Саксонские войска прошли через ее территорию, чтобы весной 1700 г. осадить принадлежавшую шведам Ригу. Через год с небольшим Карл XII, к тому времени выведя из войны Данию и побив Петра I под Нарвой, разгромил саксонцев в Прибалтике и вступил в пределы Речи Посполитой. Была занята Варшава. Когда летом 1702 г. у Клешова саксонско-польская армия встретилась со шведами, то коронное войско попросту ушло с поля битвы, а саксонцы потерпели очередное поражение. Победители-шведы

без хлопот вступили в Краков. Им не составило труда найти среди польских магнатов таких, кто готовы были к сотрудничеству.

Приверженцы шведов на своей генеральной конфедерации в феврале 1704 г. провозгласили бескорольеве, более не признавая Августа II. Через полгода на проходившем под патронатом Карла XII элекционном сейме выбор пал на познанского воеводу Станислава Лещинского. В 1705 г. шведский король продиктовал условия союзного трактата, по которому он имел право держать войска и пополнять их на территории Речи Посполитой.

Под влиянием шведских насилий у Карла XII и у Лещинского росло число противников в Польше. Создав собственную, Сандомирскую, генеральную конфедерацию, они, естественно, опору искали в Петре I, который к тому времени переломил в свою пользу ход Северной войны. По заключенному ими летом 1704 г. Нарвскому договору Речь Посполитая вступала в войну с Карлом XII. Россией была ей обещана военная помощь и 200 тыс. рублей ежегодной субсидии. Царь сверх того брался подавить полыхавшее с 1702 г. на Правобережной Украине народное восстание, с которым польской администрации было не совладать.

Гонящиеся друг за другом чуть ли не по всей стране шведы, саксонцы и русские, сторонники Августа II и сторонники Станислава Лещинского, разоряли Польшу. В арсенал их излюбленных тактических приемов входило разграбление земель, принадлежащих приверженцам враждебного лагеря. От реквизиций и грабежей страдали, впрочем, и владения тех шляхтичей, которые оставались вне политики.

Стремительный марш Карла XII на Дрезден осенью 1706 г. вывел Августа II из игры. Саксонский курфюрст принял унижительные условия Альтранштадтского мира, разорвав союз с Россией и отказавшись от королевской короны в пользу Лещинского. Смуту это не потушило. Сандомирская конфедерация продолжала борьбу, но шведская партия могла с оптимизмом смотреть в будущее. Полтавская битва (8 июля, по старому стилю — 27 июня 1709 г.) вновь все перевернула в Речи Посполитой. Август спешно возобновил военный союз с Петербургом и при покровительстве царя опять был признан королем.

Эмиграция Станислава Лещинского, который, не дождавшись помощи турок, уступил место сопернику, и фактический, не оговоренный официальными актами выход Варшавы из Северной войны лишь ненамного разрядили политическую напряженность в стране. Почувствовав свою мощь, Петербург после Полтавы все откровеннее вмешивался в польские дела, напоминая Августу II о том, кому тот обязан тронем, и мешая его абсолютистским поползновениям. Преследуя свои цели, Россия поощряла шляхетскую оппозицию Августу, действия которой к 1715 г. приняли форму очередной гражданской войны.

Первую скрипку в мятежной Тарногородской конфедерации играла малопольская шляхта, но в этом движении сплелось мно-

гое — от магнатских интриг до крестьянских выступлений против произвола расквартированных в Польше саксонских полков. Петр I принял на себя роль посредника в конфликте, не допуская разгрома конфедератов и в то же время не давая им возможности свергнуть ненавистного короля. Переговоры перемежались вспышками активных военных действий, и только ввод на территорию Речи Посполитой царских войск заставил противников прийти к согласию.

Было постановлено, что впредь в стране могут пребывать не более 1200 саксонских гвардейцев и шесть саксонских чиновников. Последним к тому же запрещалось вмешиваться во внешнюю политику Речи Посполитой. Среди вновь повторенных постулатов был запрет королю самовольно начинать войну и арестовывать шляхтича без судебного приговора. Введение постоянного налога на содержание войска можно бы считать большим успехом Августа II, не будь численность армии тут же ограничена всего 24 тыс. человек.

Эти условия, не устроившие ни конфедератов, ни короля, но выгодные России, под ее нажимом утвердил сейм, за которым осталось выразительное название «Немого». Он длился только один день, 1 февраля 1717 г. Кроме маршала Гарногородской конфедерации, открывшего заседание, и оглашавшего законопроект чтеца на нем никому не было дано слова. «Немой» сейм вполне символизировал ту, трагичную для польского народа, ситуацию, в какой очутилась Речь Посполитая.

НАКАНУНЕ ПЕРЕМЕН

Как низко пал международный престиж Польши, видно хотя бы из того, что она не была допущена к переговорам 1720—1721 гг. об окончании Северной войны. Без нее решилась участь Штеттина (Щецина), отобранного у шведов Прусским королевством, и Ливонии, которую когда-то, по Преображенскому договору, Петр I пообещал Августу II, а теперь оставил за собой.

В не так далеком прошлом великая держава, во многом определявшая политический климат в Центральной и Восточной Европе, страна с огромной территорией и обширными ресурсами, Речь Посполитая в первой половине XVIII в. опустилась до уровня третьеразрядного государства, считается с которым было не обязательно. В публицистике XVIII в. Польшу сравнивали с постоянным двором, где гости появляются без зова и не всегда считают нужным платить хозяину. Послевоенная разруха не была уделом одной лишь Речи Посполитой. Другим странам Центральной Европы тоже довелось пережить немало бедствий. Безусловно, при поисках причин постигшей Речь Посполитую катастрофы не должно быть сброшено со счетов господство барщинно-крепостнической системы хозяйства с его тяжелейшими для деревни, для города, для всего народа социальными последствиями.

Там, где в XVI в. обычно собирали с полей в пять-шесть раз больше того, что сеяли, теперь, два века спустя, бывали рады уро-

жаю сам-3. Падение производительности труда шло рука об руку с ростом эксплуатации. В королевских владениях правилом было 8—9 барщинных дней в неделю с полного надела, в церковных — 9—10 и в шляхетских — 10—12 дней. При таком, выходявшем за пределы обычной рабочей недели, счете с двора требовали «двойные дни»: на работу выходил не только кметь с упряжкой, но еще и пеший работник. Были в ходу и «тройные дни». Хуже всего приходилось селам, попавшим в краткосрочную аренду. Временного владельца вовсе не беспокоило будущее имения, и он спешил взять с крепостных все, что мог.

По своему правовому статусу, да и по своим занятиям обыватели местечек мало отличались от крестьян. Деградация городской жизни, как и образ деревенской нищеты, пугала многих соотечественников и побывавших в Речи Посполитой иностранцев.

Однако принять достаточно популярную в послевоенной исторической литературе гипотезу, согласно которой Речь Посполитую сгубил фольварк, мешает прежде всего то обстоятельство, что «второе издание крепостного права» было также в России, Австрии, Пруссии. Там оно не стало непреодолимой помехой росту политической мощи. К такому же выводу приводят наблюдения над польским материалом. Неверно было бы, целиком доверившись сетованиям политических писателей XVIII в., представлять себе хозяйственное развитие Речи Посполитой сплошным скольжением вниз. В просветах между войнами и внутренними смутами XVII—XVIII вв. деревня и город успевали хотя бы частично восстановить свой экономический потенциал. Некоторые из хозяйственных явлений уже выходили за пределы простого залечивания полученных ран. Железодельные заводы в районе Келец и другие магнатские мануфактуры первой половины XVIII в. сочетали в себе элементы барщинно-крепостнического и буржуазного хозяйствования. Хотя гражданское бесправие и неуверенность мещанина даже в своей личной безопасности сильно затрудняли предпринимательскую деятельность, купеческий капитал понемногу крепил свои позиции в промышленности. Если местечки и небольшие города по преимуществу лишь прозябали, в крупных центрах активизировалась деловая жизнь. Динамично поднималась Варшава. Росло число столичных банков; они кредитовали не только помещиков, но и предпринимателей. Симптоматично, что перемены не обошли и аграрную сферу. В деревню, где происходил активный процесс имущественного расслоения, шире, чем когда-либо, проникали отношения найма. Иные помещики, чутко реагируя на новые веяния, переводили своих крестьян с барщины на чинш. К середине столетия доля сидящих на оброке крестьянских дворов составила в Польше примерно 15 %. В этом отношении лидировали Королевская Пруссия, Кувявия, Великая Польша. Следовательно, крепостнический гнет, тормозя и деформируя поступательное социально-экономическое движение, все-таки не исключал его и нет веских причин считать затяжной и глубокий общественный кризис

в Речи Посполитой производным непосредственно от торжества фольварочной системы.

Что же в таком случае обусловило упадок Польши? При поиске ответа на этот вопрос внимание естественно обращается к тем явлениям, которые отличали Речь Посполитую от других стран региона. Среди них особенно примечателен государственный строй Польши с его бессилием центральной власти, срывами работы сеймов, рокошами и прочими атрибутами «золотой шляхетской вольности». Он резко контрастирует с режимами набравших силу, идущих к зениту своего могущества абсолютистских держав, которые с 1770-х годов приступят к дележу польских владений.

Логике такого противопоставления не противоречит тот факт, что нечто похожее на состояние королевской власти в Речи Посполитой наблюдалось под боком у нее, в Германии, где император был не более как номинальным главой. Сравнивая Польшу XVII—XVIII вв. с ее соседями, современная историческая наука исходит из наличия в Центральной Европе двух разновидностей абсолютистского режима: великодержавной, как в случае с Россией, и регионально-княжеской, которая утвердилась в Австрии и Пруссии, являвших собой обособившиеся части формально продолжавшей существовать Германской империи.

Беда Речи Посполитой заключалась, судя по всему, в том, что здесь не был реализован ни тот, ни другой из этих вариантов. У королевского престола не нашлось, как было сказано выше, твердой социальной опоры в стране. Магнатам же, которых современники — иногда с иронией, иногда без — называли «крулевьятами» («маленькими королями») и которые в самом деле по обширности владений и по политическому весу не уступали имперским князьям, тоже не довелось стать полновластными, суверенными государями. Им помешали ожесточенное взаимное соперничество, чересполосица их владений и другие причины. В результате процесс централизации, застряв где-то посередине между абсолютизмом мелкокняжеским и абсолютизмом великодержавным, остался в Польше незавершенным.

Государственно-политический фактор не только действовал параллельно с другими факторами: с царившим в Речи Посполитой национальным, религиозным, классовым гнетом и т. д., но и в немалой степени влиял на них, усиливая их деструктивный эффект. Так, дорого обходившиеся деревне и городу крепостнические эксцессы были обязаны своей живучестью все тем же порядкам «золотой вольности». Порядки эти исключали или сделали недейственными такие шаги на пути регулирования лежавших на крестьянстве и бюргерстве повинностей, к каким прибегали в своих владениях, например, Габсбурги, в интересах всего правящего класса Австрийской монархии хоть в какой-то мере накладывая узду на произвол отдельных помещиков.

Ту истину, что вес в международных делах и само существование Польши напрямую зависели от того, сохранится ли в ней политический разброд, едва ли не первыми постигли соседние

правительства. Каждое из них преследовало свои цели, и тем не менее наглядно проявляла себя общая заинтересованность в том, чтобы Речь Посполитая оставалась немощной. Потому самодержцы, не терпящие своеволия в собственных пределах, с охотой объявляли себя покровителями, гарантами шляхетских свобод. К примеру, в 1720 г. Россия и Пруссия в Потсдаме приняли взаимное обязательство поддерживать существующие в Речи Посполитой порядки, проявив особую заботу о том, чтобы королевская власть там не стала наследственной. К этим гарантам примкнули Швеция (1724 г.) и Австрия (1726 г.).

Осуществлять такой курс было тем легче, что в Речи Посполитой имелись влиятельные круги, которым анархия в стране виделась благом. Движимые ненавистью к любым преобразованиям политического строя (или соблазненные щедрыми подарками, на какие не скупилась иностранные дворы), магнатские клики находили опору в консервативных, темных слоях шляхты, которые сохранили слепую веру в абсурдный афоризм: «Польша держится непорядком».

И все-таки сознание того, что дни Речи Посполитой будут сочтены, если не наступят перемены в управлении государством и в положении города и деревни, постепенно проникало в польское общество. О необходимости реформ говорилось в сеймиках и в сейме. Тему эту на разные лады обыгрывали публицисты. Реформаторы перешли от слов к делу после кончины в январе 1733 г. Августа II. Пожелавшему быть польским монархом португальскому принцу, которому протезировали Петербург, Вена и Берлин, бросил вызов экс-король Станислав Лещинский, в годы вынужденной эмиграции ставший тестем французского короля Людовика XV. Его довольно расплывчатые и допускавшие разные толкования призывы к реформам и к восстановлению суверенитета Речи Посполитой получили широкую, можно даже сказать, неожиданно широкую поддержку. За Лещинского высказались редко когда сходящиеся в своих симпатиях две самые влиятельные политические группировки в стране — так называемые республиканцы и «фамилия».

«Фамилия» (т. е. семейство недавно пробившихся в первые ряды аристократии Чарторыхских), ее родичи и приверженцы еще прежде взяли курс на осторожные преобразования. Они поощряли С. Конарского и других глашатаев перемен. «Республиканцы», возглавляемые старыми магнатскими родами Потоцких и Браницких, напротив, не хотели и слышать о каком-либо покушении на прерогативы знати. В лагерь Лещинского их привели личные мотивы и желание через посредство нового короля опереться на Париж. За ними пошел «шляхетский народ», и в сентябре 1733 г. Станислава Лещинского выбрали королем. Занятый подготовкой к войне с Габсбургами Берлин спокойно принял решение элекционного сейма. Зато с ним не смирились ни Вена, ни Петербург. Раньше косо глядевшие на происки нового саксонского курфюрста — сына Августа II, они теперь сочли саксонца мень-

шим злом. Под их патронатом спустя меньше месяца после избрания Лещинского был устроен еще один элекционный сейм, который передал престол Августу III Саксонскому (1733—1763 гг.).

Путь к коронации Августу III «проложил» русский тридцатитысячный корпус. Станислав Лещинский заперся в Гданьске, но весной 1734 г. осажденный город сдался русскому фельдмаршалу Миниху. Переодетый крестьянином Лещинский сбежал из страны. Чарторьские, Браницкие и другие магнаты с легкостью отвернулись от неудачника, признав Августа III. Однако лагерь сторонников Лещинского распался не сразу, уход магнатов даже привел ему радикальный оттенок. Против саксонских и русских войск местами поднималось протонародье. Дольше всего, до 1738 г. бурлила Курпёвская пуща (на северо-востоке Мазовии).

Август III оказался полным ничтожеством. При нем всю развернулась придворная камарилья. Королевский двор безрассудно сорил деньгами. Всемогущий саксонский министр Г. Брюль, его зять Е. Мнишек и другие любимцы короля почти в открытую торговали государственными должностями, за мзду раздавали коронные имущества. Процветало казнокрадство. Едва удавалось наскрести денег на содержание двенадцатитысячной армии, тогда как армии соседних держав насчитывали сотни тысяч солдат. За долгое правление Августа III лишь один сейм (1736 г.) благополучно завершил работу, прочие 13 сеймов были сорваны. На фоне чуть ли не полного политического маразма грозно выглядело обострение классовых конфликтов. Народные волнения протакывались по Правобережной Украине, Краковщине, Куявии, другим землям.

В таких условиях при всей пестроте боровшихся за влияние течений и группировок, при продиктованных личными обидами или амбициями перебежках из одного лагеря в другой все-таки росла убежденность в необходимости преобразований. К прежним проектам прибавлялись все новые и новые. Большой резонанс вызвал памфлет Станислава Лещинского «Вольный глас, обеспечивающий вольность», созданный в 1734 — 1737 гг. и получивший распространение в списках и в печатном виде со второй половины 40-х годов. Неудачливый экс-король обнаружил незаурядный дар политического писателя, отстаивая такие смелые для Речи Посполитой идеи, как предоставление крестьянам личной свободы.

Слабость городского сословия, буржуазные элементы в котором оставались еще аморфными, неспособными взять на себя роль общенационального лидера, отдала безраздельное руководство на первом этапе борьбы за реформы передовым дворянским группировкам, сплотившимся вокруг «фамилии». Чарторьскими, породненными с ними Понятовскими, другими политиками этого направления, помимо жажды власти, двигали уязвленные патриотические чувства, убеждение, что при существующей анархии стране не выжить.

К исходу 1750-х годов партия Чарторыхских, которых Потоцкие окончательно оттеснили от королевского двора, пользовалась значительным влиянием в стране. Она всерьез подумывала о государственном перевороте. Но достаточно трезво оценивая расстановку сил внутри и вокруг Польши, ее предводители искали поддержки извне. Они настороженно следили за колебаниями в европейской большой политике и пробовали играть на противоречиях между державами.

Реформаторов воодушевил дворцовый переворот 1762 г. в Петербурге. Но с воцарением Екатерины II суть российской политики по отношению к Речи Посполитой не переменялась. Тайным пунктом подписанного весной 1764 г. договора императрица и прусский король Фридрих II подтвердили взаимное обязательство всеми средствами, вплоть до посылки войск, не допустить превращения Польши в наследственную монархию. Вместе с тем Екатерина сочла выгодным кое в чем пойти навстречу Чарторыхским. Не санкционировав свержения Августа III, она посулила «фамилии» свою помощь при грядущем бескорольеве. Когда осенью 1763 г. оно наступило, царский экспедиционный корпус решил исход спора между Чарторыхскими и кандидатом «республиканцев», престарелым гетманом Ксаверием Браницким, который щеголял лозунгом защиты шляхетских вольностей. С благословения Екатерины II королем стал Станислав Август Понятовский (1764—1795 гг.).

В мае 1764 г. на конвокационном сейме, который предшествовал сейму элекционному, устами одного из самых активных своих деятелей, Анджея ЗамоЙского, партия реформ заявила о твердой решимости вырвать родину из хаоса. Сейм постановил, что «экономические материи» — вопросы, выносимые на сейм создаваемой комиссией финансов, будут решаться большинством голосов. То был шаг к отмене пресловутого «либерум вето».

ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Окончательная победа Контрреформации, датируемая началом XVII в., в значительной мере предопределила направление и темпы развития польской культуры. Безраздельное господство католицизма, широкое распространение религиозного фанатизма и мистических настроений деформировали содержание школьного и университетского образования и сократили численность учащихся. Соответствующие изменения произошли в науке, литературе и искусстве. Не случайно латынь вернула себе многие утраченные позиции, а почва для глубокого восприятия идей Просвещения созрела в Польше только к середине XVIII в., т. е. на целое столетие позже, чем в Западной Европе. Иноверцы преследовались за отправление своих религиозных обрядов, их издания запрещались цензурой, росло число судебных процессов по обвинению в колдовстве и неуважении к католической религии. В 1733 г. иноверцы были

лишены права занимать государственные должности и выставлять свои кандидатуры на избрание в сейм. Особые гонения обрушились на «арианскую ересь», сотни последователей которой вынуждены были покинуть территорию Речи Посполитой. Варварскими методами велась борьба против православия на восточных окраинах страны.

Своеобразным явлением эпохи стал сарматизм — безоглядное сословное чванство и национализм польской шляхты, которая всячески возвеличивала свои нравы с их грубостью, невежеством и пьяным разгулом. Следуя заповедям сарматизма, шляхта приписывала себе все древние «рыцарские» добродетели, высшую государственную власть и богатство. Такая позиция сильно сократила диапазон воздействия культуры на шляхту; снизилась и культурная активность пауперизованного крестьянства; лишь мещанство северных и западных польских земель более или менее сохранило прежний уровень в этой области.

Начальная и средняя школа с большим трудом удерживала свои позиции до середины XVII в. С созданием иезуитских коллегий главной задачей школ стало религиозное воспитание и внедрение веры в благотворность идей шляхетской вольности. После Тридцатилетней войны многие школы, в особенности парафиальные, остались невосстановленными. Такое положение сохранялось вплоть до реформ С. Конарского, начавшихся в середине XVIII в. А до этого с лучшей стороны показали себя бывшая «арианская» школа в Лешне и школа «чешских братьев», где одно время преподавал известный чешский ученый и педагог Ян Амос Каменский.

В польской науке за полтора века не появилось имен общеевропейского масштаба. Некоторые успехи были достигнуты в математике и астрономии (Я. Брожек в Кракове и Я. Гевелиуш в Гданьске). Относительно успешно развивалась филология (польско-латинско-греческий словарь Г. Кнаповского). Заслуживает внимания открытие в 1748 г. в Варшаве одной из крупнейших европейских библиотек, включавшей около 300 тыс. томов; ее создателями были братья Анджей и Юзеф Залуские, из которых первый был епископом краковским, а второй — епископом киевским. XVIII век ознаменовался появлением первых польскоязычных изданий газетно-журнальной периодики («Почта Крулёвецка» в 1718 — 1720 гг. и «Курьер Польски» с 1729 г.).

Литература и искусство в Польше XVII—первой половины XVIII в. находились под сильным воздействием барокко. Характерной чертой литературного процесса этого периода было отсутствие сколько-нибудь цельного творческого потока, разобщенность отдельных литературных групп, складывавшихся при королевском дворе и в салонах тех крупных магнатов, которые имели склонность к меценатству. Барочной изысканностью отличалась поэзия Я. Морштына, связанная своими истоками с придворной жизнью и соответствующая вкусам высшего общества. Европейской известностью пользовался поэт-иезуит М. Сорбевский, писав-

ший на латинском языке, что делало его стихи более доступными западному читателю. Реалистичность и критический тон были присущи произведениям связанного с арианизмом писателя В. Потоцкого, который весьма удачно высмеивал идеологию сарматизма, осуждая практически не ограниченное угнетение шляхтой польского крестьянина. Напротив, воинствующим защитником догматов сарматизма выступал в своей четырехтомной исторической хронике В. Коховский. Жизнь и нравы нешляхетских слоев населения отражала народно-плебейская литература, получившая название «совизжальской». Ее анонимные или фигурировавшие под псевдонимами произведения в стихах и прозе осуждали язы тогдашнего общества, пороки социальных верхов. «Совизжальская» литература представлена в основном малыми жанрами (анекдотическими рассказами, баснями, разного рода пародиями, лаконичными интермедиями).

На польскую музыку воздействовали, с одной стороны, итальянское музыкальное барокко, с другой — усиливаемая Контрреформацией мода на церковную музыку. В стране появилось немало новых больших органов, были созданы пользовавшиеся известностью капеллы и хоры при кафедральных соборах. Светская музыка звучала в королевском дворце и гостиных крупных магнатов. При Владиславе IV Варшава впервые познакомилась с оперой и балетом: выступали немецкие и итальянские труппы.

Барокко наложило весьма заметный отпечаток также на польскую архитектуру и изобразительное искусство. К характерным для эпохи образцам церковной архитектуры можно отнести костел визиток в Варшаве, костелы св. Анны и св. Петра и Павла в Кракове. В дворцовой архитектуре выделялись дворец примаса Радзейовского в Неборове, варшавский дворец Красиньских и дворец Яна III в Вильянуве. Построенные в основном приезжими, чаще всего итальянскими архитекторами, они отличались изяществом форм и изысканностью внутренней отделки. В живописи ведущее место занимала религиозная тематика, воплотившаяся преимущественно в торжественных аллегорических композициях с натуралистическими деталями, которые были рассчитаны на возбуждение фанатизма и ненависти к иноверцам. Портретная и историческая живопись пережила период подъема при Яне III, что подтверждается, в частности, картиной «Битва под Веной», написанной придворным художником Альмонте. Крупнейшей фигурой «вильяновской школы живописи» был Е. Шимонович — автор сохранившихся до наших дней плафонов «Времена года» в Вильяновском дворце Яна Собеского.

**РАЗДЕЛЫ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ.
ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.****ОБЪЕКТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
И ХОД РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ**

К середине 1760-х годов Речь Посполитая занимала значительную территорию от Балтики до Карпат и от Днепра до междуречья Вислы и Одера; ее население насчитывало около 12 млн человек (в том числе 53,2 % поляков, 10,4 % евреев, 2 % немцев и примерно 30 % белорусов, украинцев, литовцев и латышей). Однако все обострившиеся социально-политические и национально-религиозные противоречия сильно уменьшили роль Речи Посполитой в международной жизни Европы. Страна все более впадала в зависимость от соседних государств, которые всячески использовали в своих интересах как выступления трудящихся масс против угнетателей, так и раздоры внутри правящих классов. Возникла реальная угроза самому существованию польской государственности.

Историки давно спорят о том, внутренние или внешние факторы более содействовали возникновению критической ситуации. Не входя в специальные дискуссии, можно с уверенностью сказать, что в отдельности ни те, ни другие не привели бы к падению польской государственности. Катастрофические последствия имело одновременное воздействие на исторический процесс как внутренних, так и внешних факторов. Сказанное вполне подтверждается обстоятельствами, в которых происходили разделы польских земель между соседними государствами.

Середина XVIII в. ознаменовалась значительным размахом и относительно высоким уровнем организованности крестьянских выступлений против магнатов и поместной шляхты. На восточных окраинах Речи Посполитой, т. е. на территории Украины, Белоруссии и Литвы, антифеодальное движение переплеталось с борьбой трудящихся масс против национального и религиозного гнета. Сильно напугало правящую верхушку феодальной республики возглавлявшееся Иваном Гонтой и Максимом Зализняком восстание 1768—1769 гг., которое охватило большую часть Правобережной Украины. На пути экономического подъема, начавшегося в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, стояли крепостнические порядки в стране, произвол магнатов, разного рода шляхетские монополии. Углублялся кризис политической системы, парализуемой своекорыстием феодалов и постоянными раздорами внутри шляхетского сословия. Жизненно заинтересованные в укреплении государственной власти и сохранении независимости,

в борьбу против феодальной анархии постепенно втягивались городские низы и молодая польская буржуазия.

В 1764 г. Август III при поддержке Чарторьских попытался провести некоторые реформы, направленные на ограничение произвола магнатов и укрепление центральной власти. Это сразу же вызвало недовольство как со стороны наиболее реакционной части польских феодалов, так и со стороны правительств России и Пруссии. Петербург потребовал решения так называемого диссидентского вопроса. В 1768 г. был заключен с Россией Варшавский договор, который значительно расширил права живущих в Речи Посполитой православных и других лиц не католического вероисповедания. Это привело к образованию Барской конфедерации, объединившей ту часть католического духовенства, магнатов и шляхты, которая считала одинаково неприемлемыми как начатые Станиславом Августом реформы, так и стремление Екатерины II превратить польское государство в нечто вроде протектората Российской империи.

Пруссия, усиление которой давно уже основывалось главным образом на захвате польских земель, вела свою обычную вероломную политику. В 1770 г. именно Фридрих II предложил Екатерине разделить владения польского короля между тремя соседними державами. Первоначально это предложение не получило одобрения. Однако очередная русско-турецкая война, начавшаяся в 1768 г., и связанная с этим активизация барских конфедератов, вторжение Австрии в южные пределы Речи Посполитой, а также продолжавшиеся домогательства Фридриха II заставили российскую императрицу изменить позицию и согласиться на первый шаг к ликвидации независимого Польского государства. Австрия же стала первой страной, которая явочным порядком приступила к ее осуществлению. Как признавал Фридрих II, у обеих немецких держав оказался «хороший аппетит». Согласие России было неизменным условием разделов, поэтому царизм также несет ответственность за происшедшее.

Первый раздел Польши был скреплен Петербургской конвенцией от 5 августа 1772 г., включавшей двусторонние акты между Австрией и Россией, Россией и Пруссией, Пруссией и Австрией. В соответствии с этим документом во владение Австрии перешло Заторское и Освенцимское княжества, Белзское воеводство, значительные части Краковского, Сандомирского и Русского воеводств (территория в 83 тыс. кв. км с польским и украинским населением численностью 2 млн 650 тыс. человек). Пруссия захватила Вармию, Поморское воеводство (за исключением Гданьска), Мальборкское и Хелминское воеводства (без Торуня), а также земли по правому берегу р. Нотец — всего 36 тыс. кв. км с населением 580 тыс. человек. Россия получила территорию восточнее Западной Двины, Друти и Днепра площадью 93 тыс. кв. км с населением 1 млн 300 тыс. человек, возвратив, в частности, такие отторгнутые у нее в XVII в. города, как Гомель, Рогачев, Могилев, Витебск, Велиж и Полоцк. В результате первого раздела наибольший куш достался

Австрии. По площади и населению меньше других получила Пруссия, однако, во-первых, захваченные земли соединили воедино ее основную территорию с Восточной Пруссией, во-вторых, позволили, заполучив нижнее течение Вислы, прочно взять за горло польскую торговлю.

Рост внешней опасности и дальнейшее усиление социально-политических противоречий в Речи Посполитой обусловили активизацию реформаторской деятельности, заметно усилившейся в 1770—1780-х годах. Значительная часть решений сейма 1773—1775 гг., начавшего свою работу с вынужденной ратификации Петербургской конвенции, как и последующих сеймов, была направлена на улучшение аппарата управления и приспособление общественного строя к новым потребностям страны. Немаловажными событиями, имевшими, несомненно, прогрессивный характер, явились: создание Постоянного совета для осуществления функций центрального правительства в промежутках между сеймами; учреждение Эдукационной комиссии, сделавшей много полезного в области организации и развития просвещения; обнародование ряда законодательных актов, касающихся торговли, промышленности, положения шляхетского и мещанского сословий. Уступкой реакционным силам был состоявшийся в 1775 г. пересмотр принятого в 1768 г. закона о диссидентах, права которых были сильно урезаны.

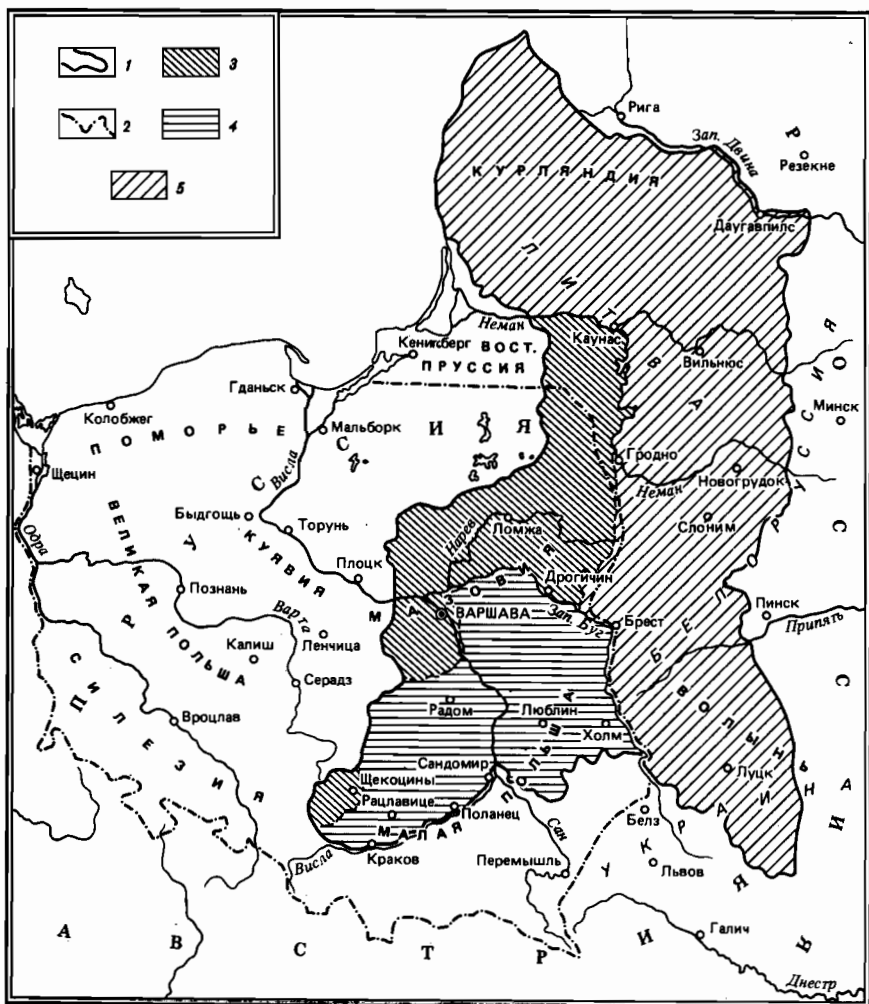
В попытках проведения прогрессивных реформ в Речи Посполитой конца XVIII в. большую роль сыграл Четырехлетний сейм 1788—1792 гг. Направление и результаты его деятельности во многом были связаны с тем, что в 80—90-е годы активной силой польской общественной жизни стали выразители интересов буржуазии, интеллигенции и мещанства. Виднейшими идеологами названных слоев являлись Г. Коллонтай, С. Сташиц и Ф.-С. Езерский. Именно на третьем сословии более всего сказывался тот ускоренный процесс созревания национального самосознания, который характерен для периода разделов польских земель. В политическую жизнь страны все шире вовлекались нешляхетские круги, и это отражалось на самом понятии «нация». Не случайно в 1790 г. С. Сташиц призывал: «Делайте из шляхетской и мещанской молодежи один народ. . . Давайте им почувствовать, что если они будут держаться друг друга, то Польша делается свободной, могучей и славной».

В Четырехлетнем сейме борьбу за реформы вела возглавлявшаяся Г. Коллонтаем патриотическая партия шляхетско-буржуазного блока; ей противостояла старошляхетская партия, отражавшая интересы магнатско-клерикальной реакции. Шляхетских реформаторов активно поддерживала радикальная публицистика, им выражали сочувствие варшавские ремесленники и мелкие торговцы, буржуазные слои и городская интеллигенция. В 1790—начале 1791 г. была лишена права избирать в сейм безземельная шляхта, которая, как правило, продавала свои голоса магнатам; в то же время избирательное право получила некоторая часть

третьего сословия, существенные привилегии были дарованы богатому мещанству, интеллигентам. 3 мая 1791 г. шляхетским реформаторам удалось добиться утверждения новой конституции. Она вносила определенные улучшения в политическую систему путем ликвидации таких парализующих управление законов, как «либерум вето» и созыв конфедерационных сеймов. Существенное значение имело усиление исполнительной власти короля и создание при нем совета «Стражи законов», а также то, что избираемость короля заменялась избираемостью династии. Несомненная прогрессивность Конституции 3 мая выражалась в том, что она создавала сравнительно благоприятные условия для развития капиталистических отношений в стране и ликвидировала почву для феодальной анархии. Однако прогрессивность эта была ограниченной, ибо сохранялись практически неприкосновенными как все права и привилегии шляхты, так и крепостнический гнет, бесправие крестьянства. Конституция 3 мая стала вершиной того общественно-политического подъема в Речи Посполитой, которым были отмечены последние десятилетия XVIII в.

Внутриполитические столкновения в Речи Посполитой развивались в тесной взаимосвязи с международными отношениями. Старошляхетская партия ориентировалась на царскую Россию, а шляхетские реформаторы и патриотическая партия пользовались поддержкой со стороны Пруссии, которая сознательно вела дело к тому, чтобы вызвать у Екатерины II возможно больше недовольства внутренним положением и внешней политикой Польского государства. Когда эта цель была достигнута, прусская дипломатия цинично отвернулась от своих польских партнеров и выразила готовность заключить с Россией соглашение против Речи Посполитой с целью дальнейшего раздела ее территории. Соответствующий зондаж Пруссия предприняла еще в 1789 г., но натолкнулась на отказ со стороны Петербурга. Однако в начале 1792 г. ситуация изменилась. Явно враждебная позиция Речи Посполитой по отношению к России, обострение противоречий России с Англией и Пруссией в условиях только что закончившейся войны с Турцией обусловили согласие Екатерины на предлагавшийся Фридрихом Вильгельмом II новый раздел польских земель.

В том же направлении действовали внутренние факторы. Виднейшие деятели старошляхетской партии К. Браницкий, Щ. Потоцкий, В. Жевусский сначала саботировали при попустительстве Станислава Августа выполнение решений сейма по укреплению польской армии, а затем выехали в Россию. В мае 1792 г. они по предварительной договоренности с Екатериной II создали Торговичскую конфедерацию, провозгласившую своей целью ликвидацию Конституции 3 мая, защиту католической религии, старых устоев и прежних границ государства. Российские войска, вторгшиеся на его территорию вместе с торговичанами, встретили слабое сопротивление польской армии. Вступление царских войск в Варшаву знаменовало победу конфедератов и отмену Конституции 3 мая. Стал неизбежным второй раздел Речи Посполитой,

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ

1 — границы Речи Посполитой перед разделом; 2 — современные границы Республики Польша; 3 — земли Речи Посполитой, отошедшие к Пруссии; 4 — польские земли, отошедшие к Австрии; 5 — территории Речи Посполитой, отошедшие к России.

оформленный актом от 13 января 1793 г. между Россией и Пруссией. Россия получила при этом белорусские земли с городами Минск, Слуцк, Пинск, и Правобережную Украину, в том числе Житомир, Каменец-Подольский, Брацлав и Звенигородку. Пруссия захватила Великую Польшу и Куявию с городами Гнезно, Познань, Калиш, Серадз, Плоцк, Торунь, а также город и порт Гданьск. Как и по первому разделу, к Пруссии отошли территории с этнически польским населением, тогда как Россия приобрела

территории, где поляки в целом составляли незначительное меньшинство, хотя и преобладали среди имущих слоев, в так называемом образованном обществе. Каждая из держав приводила те или иные аргументы, стараясь обосновать законность своих «приобретений».

Между вторым и третьим разделами прошло менее трех лет; это был период, насыщенный весьма драматическими и исторически важными событиями. Последний польский сейм заседал в Гродно с июня 1793 г. В августе—сентябре он под сильным давлением российского посланника И. Я. Сиверса ратифицировал договоры с Россией и Пруссией, закреплявшие результаты недавно осуществленного раздела. В то же время была распущена Тарговицкая конфедерация, а 23 ноября 1793 г. сейм без обсуждения принял конституцию Польского государства, полностью превращающую Речь Посполитую в вассала Российской империи. В основу Конституции 1793 г. была положена учитывавшая интересы царизма Конституция 1775 г., несколько дополненная и исправленная с учетом реформ 1790—1791 гг. В частности, не было восстановлено право «либерум вето», конституция включала ряд положений, направленных на усиление исполнительной власти, предоставляла мещанству право личной неприкосновенности. Более или менее полное одобрение новая конституция получила со стороны смирившихся с роспуском конфедерации тарговичан, значительной части магнатов и крупной шляхты, едва ли не всей клерикальной верхушки, поддержанной римской курией. Однако подавляющее большинство населения не покорилось иноземным захватчикам и не приняло навязываемое ими законодательство.

Поражение восстания 1794 г. сделало неизбежным третий раздел польских земель и окончательную ликвидацию польской государственности. На этот раз дележ вызвал особенно острые противоречия между тремя его участниками. Соответствующие договоры были подписаны: России с Австрией 3 января, а России с Пруссией только 24 октября 1795 г. Разыгравшиеся прусские аппетиты российской дипломатии удалось укротить лишь при поддержке Австрии. По третьему разделу, как и по двум предшествующим, Россия не получила этнически польских территорий; к ней отошли Курляндия, Литва, Западная Белоруссия, западная часть Волыни. Под властью Австрии оказалась Малая Польша с городами Краковом и Люблином, а также вся территория по левому берегу Западного Буга от Варшавы до Бреста. Основную часть этнически польских земель, включая Варшаву, захватила Пруссия; ее граница передвинулась на восток до Немана и проходила по линии Каунас—Гродно—Брест.

Таким образом, внешние и внутренние факторы, влиявшие на судьбу Речи Посполитой, постоянно и теснейшим образом переплетались. Ликвидация независимости негативно отразилась на истории польского народа. Он был обречен на длительное иноземное господство, которое не только принесло неисчислимые страдания многим поколениям поляков, но и оставило неизгладим-

Принятие
Конституции
3 мая 1791 г.

Наполеон дарует
Конституцию
Княжеству
Варшавскому.
Художник
М. Баччиарелли

мый отпечаток на их духовной жизни, культуре и социальной психологии. Существенно повлияли разделы и на международные отношения в Европейском регионе.

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН. КНЯЖЕСТВО ВАРШАВСКОЕ

С 1795 г. история Польши внешне распадается на части соответственно с теми административно-правовыми рамками, в которые были поставлены польские земли условиями разделов. Однако под влиянием далеко зашедшего процесса формирования польской нации и многовековых традиций государственной независимости польский народ сохраняет значительную степень единства, особенно в сфере духовной жизни, развитии культуры и национально-освободительном движении. Несмотря на таможенные барьеры и прочие препятствия, долгое время не прерывались и сложившиеся издавна экономические связи. Связующую роль как в духовной, так и в материальной сфере все больше играла эмиграция, масштабы которой непрерывно росли начиная с 1790-х годов.

По трем разделам Пруссия захватила 135 тыс. кв. км с населением 2,3 млн человек. Воинствующе германизаторская политика прусских властей на польских землях ярко проявилась в названиях вновь образованных административных единиц. После первого раздела это была, например, Западная Пруссия, после второго и третьего — Южная и Нововосточная Пруссия, а также Новая Силезия. И это несмотря на то, что во всех случаях подавляющее большинство населения на соответствующих территориях составляли поляки. Одним из рычагов их германизации являлась активная поддержка прусскими властями колониционного перемещения немцев на польские земли, причем не только из прусских владений, но и из различных немецких княжеств. С 1776 г. существовал закон, разрешающий приобретать шляхетские имения не только немецким дворянам, но и мещанам, для кредитования которых был выделен специальный денежный фонд. Очень скоро почти вся местная администрация стала прусской, для чего только в Южной и Нововосточной «Пруссии» понадобилось 9 тыс. немецких чиновников. С 1797 г. суды и административное делопроизводство на всех вновь приобретенных территориях были переведены на немецкий язык. Доходы, получаемые с польских земель, обращались главным образом на содержание прусской армии. Рекрутскую повинность прусский монарх распространил и на своих польских подданных.

Что касается Габсбургов, то почти все земли, приобретенные при разделе Речи Посполитой, они включили в огромную по территории и весьма пеструю в этническом смысле провинцию под названием «Королевство Галиции и Лодомерии». У австрийских властей не хватало сил и решимости, для того чтобы вести там германизаторскую политику столь же бесцеремонно, как

в Пруссии. По существу же они стремились к тем же результатам, только пытались достигнуть их несколько иными средствами. Королевство Галиции и Лодомерии было подчинено находившемуся во Львове губернатору, имевшему права императорского наместника. Оно было разделено на 18 округов и управлялось с помощью абсолютистско-бюрократических органов, довольно удачно маскируемых внешними формами сословной организации, в том числе почти бесправным провинциальным сеймом из представителей от магнатов и шляхты, а также от «королевских городов» (фактически речь шла о двух депутатах от Львова). Предоставление некоторых прав польским феодалам показывает, что австрийские власти учитывали наличие в Галиции острых социальных и национальных противоречий, стремились превратить магнатов и шляхту в своих союзников. Что же касается сфер культуры, суда, местного управления, то в них осуществлялась почти столь же интенсивная германизаторская политика, как и на польских землях, захваченных Пруссией. В 1790 г. в секретном меморандуме венских сановников по поводу весьма робкого проекта конституции, предложенного депутатами провинциального сейма и отвергнутого императором Леопольдом II, без обиняков указывалось на то, что целью Австрии должно быть «постепенное превращение галицийцев в немцев».

Польское освободительное движение в прусских и австрийских владениях не затухало; захватчики не могли его подавить ни силой, ни разного рода политическим маневрированием. На прусской территории борьба польского народа против социального гнета вылилась в 1793 г. в восстание вроцлавских городских низов, в 1794 г. — в восстание крестьян Стшелецкого округа. На австрийской территории эта борьба нашла свое выражение в ряде стихийных выступлений крестьян и подмастерьев, а также в деятельности тайной организации Ф. Гожковского в Седлецком округе (1797 г.). Многочисленными были и проявления национально-освободительной борьбы. Так, в 1793 г. жители Гданьска вопреки распоряжениям польского короля оказали вооруженное сопротивление вступающим в город прусским войскам, а затем создали тайную организацию для подготовки восстания, которое было назначено на 1797 г., но не состоялось. Во Львове с 1790 по 1798 г. существовала подпольная «Централизация», ставившая перед собой задачу защищать «польские интересы», перед австрийскими властями. Восстание под руководством Т. Костюшко охватило значительную часть земель, находившихся под прусским и австрийским владычеством, в том числе города Краков, Торунь и Быдгощ.

Проявлением национально-освободительного движения явились деятельность эмиграции и создание польских легионов. Наиболее активная часть эмиграции независимо от своих политических позиций постепенно сосредоточилась во Франции. С 1798 г. там поселился Т. Костюшко, освобожденный из плена по распоряжению Павла I. С инициативой создания польских легионов высту-

пило радикальное крыло эмигрантской организации под названием «Депутация»; командование ими принял на себя участник недавнего восстания генерал Ян Генрик Домбровский. Предполагалось, что легионы, действуя вместе с французской армией, сохранят свою самостоятельность, чтобы при благоприятных условиях стать ядром вооруженных сил независимого Польского государства. Наполеон Бонапарт, который не без труда дал согласие на вербовку легионеров, преследовал при этом свои собственные цели. С 1797 г. легионы использовались на территории Италии, но в 1799 г., став первым консулом, Наполеон переформировал их и два легиона передал в итальянскую армию, а часть личного состава третьего включил в вооруженные силы Франции. Из 6 тыс. бывших польских легионеров, отправленных в 1802 г. для подавления восстания черных рабов во Французскую Вест-Индию, в живых осталось только 500 человек.

Легионы объединяли людей различных политических направлений, а отчасти — любителей приключений и людей аполитичных. Противоречивым было и отношение к легионам у польской общественности. Когда возник план вступления легионов на галицийскую территорию вместе с французской армией, чтобы организовать там восстание, состоятельная и родовитая шляхта высказалась против, выразив готовность всячески поддерживать повстанцев, но не «у себя дома». Надеждам легионеров на то, что они смогут содействовать воссозданию польской государственности, не суждено было осуществиться, поскольку от начала до конца легионы оставались игрушкой в руках Наполеона. Однако само их существование возбуждало патриотические настроения на разделенных землях, укрепляло сознание единства польского народа, содействовало подъему национально-освободительного движения.

Польский вопрос начал играть довольно заметную роль в европейской дипломатии с первого десятилетия XIX в. А.-Е. Чарторыский, вошедший в ближайшее окружение Александра I и ставший министром иностранных дел России, выдвинул проект воссоздания Польского государства, которое было бы соединено с Российской империей династической унией. Александр I до 1805 г. не отвергал этого проекта, но видел в нем не столько реальную цель, сколько орудие дипломатического давления прежде всего на Пруссию. Поражения, нанесенные Австрии и Пруссии в наполеоновских войнах, привели к тому, что в 1806 г. французская армия заняла большую часть польских земель. Стремясь как можно полнее использовать сложившуюся ситуацию для превращения поляков в пушечное мясо, Наполеон попытался привлечь на свою сторону Т. Костюшко. Соглашение не состоялось, поскольку Костюшко выдвинул неприемлемые для французского императора условия: сделать заявление о восстановлении Польши в старых границах и освобождении крестьян с землей. В 1807 г., после тяжелого для французской стороны сражения с русской армией под Прейсшиш-Эйлау, Наполеон предложил польскую коро-

ну прусскому королю Фридриху Вильгельму III, но тот ее принять отказался.

После сражения под Фридландом (июнь 1807 г.) Наполеон решил расколоть военно-политический блок Австрии, Пруссии и России иным способом. Он обратился к Александру I с предложением принять польскую корону и все польские земли, которые находились под властью Пруссии. Российский император вполне разумно отклонил это предложение. Однако при заключении Тильзитского договора обе стороны вынуждены были сделать уступки, в том числе и по польскому вопросу. В результате достигнутого компромисса на карте появилось государство, воскресившее ненадолго надежды поляков на восстановление независимости.

Это было вассальное по отношению к Франции Княжество Варшавское — конституционное государство во главе с назначенным Наполеоном саксонским королем Фридрихом Августом. Данное название не имело под собой никакой исторической почвы и возникло потому, что оба монарха, подписавшие 7 июля 1807 г. Тильзитский трактат, не хотели, чтобы в официальной титулатуре и конституции этого государства фигурировали слова «поляки», «Польша» или какие-либо от них производные. Княжество Варшавское сначала включало польские земли, которые в результате разделов Речи Посполитой оказались под властью Пруссии. По Шёнбрунскому миру 1809 г. Княжество расширилось за счет значительной части земель, подвластных до этого Австрии (территория с городами Краков, Кельце, Радом, Люблин и Седльце). Площадь его составила с этого момента 142 тыс. кв. км, а население — примерно 4,3 млн жителей (79 % поляков, 7 % евреев, 6 % немцев и 8 % литовцев и белорусов). Польские деятели, сотрудничавшие с французским императором, высказались за восстановление Конституции 3 мая 1791 г. Однако Наполеон предложил собственный вариант, по которому Княжеством создавались сейм и государственный совет, а его территория делилась на шесть департаментов и 60 поватов. Конституция в целом соединяла в себе противоречивые тенденции: ориентировку на умеренные преобразования в буржуазном духе с консервативными стремлениями сохранить основы сословно-шляхетских порядков. Декретом 1807 г. крестьянство было освобождено от крепостной зависимости, но крестьянские и общинные земли оставлены в неотъемлемой собственности помещиков. По конституции Княжество Варшавское имело право создать армию численностью до 40 тыс. человек; командование ею Наполеон поручил племяннику последнего польского короля Станислава Августа Ю. Понятовскому. В 1809 г. эта армия успешно действовала вместе с французскими войсками против вооруженных сил Австрии, напавшей на Княжество Варшавское.

В условиях обострившихся военно-политических столкновений Франции с Россией и ее союзниками Княжество Варшавское все больше превращалось в передовой форпост Наполеона на

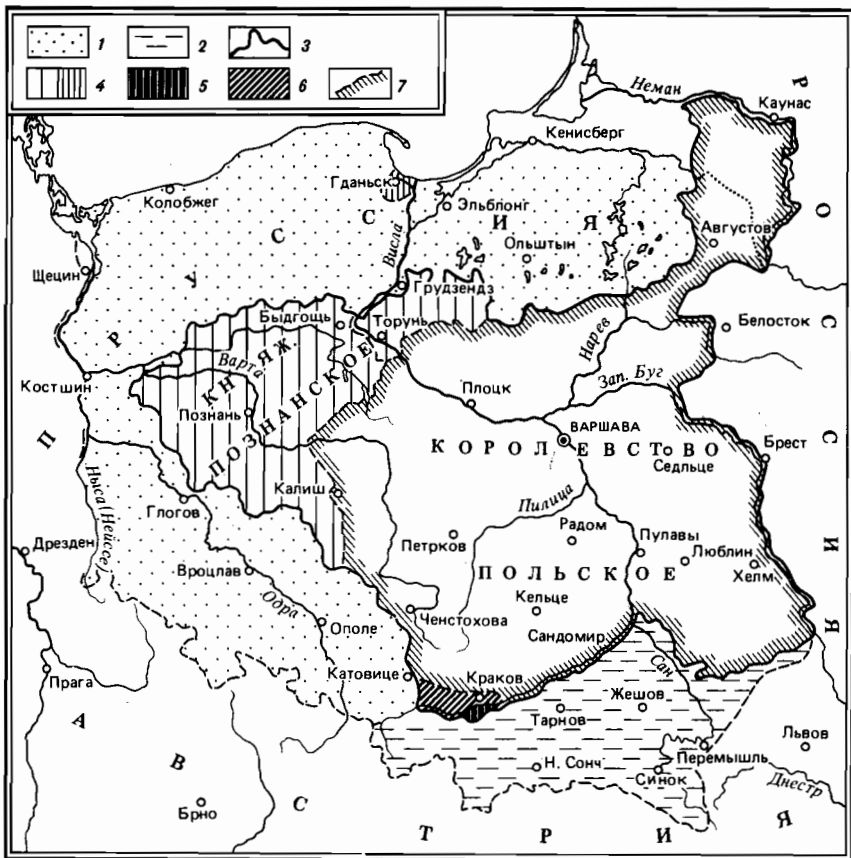
востоке. После поражения наполеоновских армий в войне 1812 г., естественно, встал вопрос о коренном изменении ситуации в пользу победившей стороны. Однако российская дипломатия смогла преодолеть возникавшие препятствия только в 1815 г. — после «ста дней» правления Наполеона, когда потерпела провал его последняя попытка снова занять французский престол.

**КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ
И ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ
В 1815—1830 гг.**

В 1814—1815 гг. в многомесячном Венском конгрессе наряду с 216 дипломатами высокого ранга из всех европейских стран участвовали русский царь Александр I и австрийский монарх Франц I. В его ходе, в мае 1815 г., были подписаны «Основы конституции» Королевства Польского, в подготовке которых видную роль сыграл А.-Е. Чарторьский. Утверждая конституцию, Александр I в первоначальный текст внес существенные поправки. Царь не согласился на предоставление законодательной инициативы сейму, оставил за собой право изменять предлагаемый сеймом бюджет, на неопределенное время откладывать его созыв. Конституция провозгласила, что Королевство Польское навсегда присоединялось к Российской империи и связывалось с ней личной унией.

По решению Венского конгресса Пруссии были возвращены, во-первых, Познанский и Быдгощский департаменты Княжества Варшавского, из которых образовалось Великое княжество Познанское; во-вторых, город Гданьск. Краков и его окрестности стали «вольным городом». Вся остальная территория бывшего Княжества Варшавского вошла в Королевство Польское. В нем исполнительная власть целиком принадлежала российскому императору, который одновременно был и польским королем; законодательная власть по конституции разделялась между сеймом и королем, но фактически последнее слово оставалось за монархом. В качестве высшего правительственного органа создавался Государственный совет, управление Королевством осуществлял назначенный царем наместник. Его территория делилась на восемь воеводств: Августовское, Калишское, Краковское, Люблинское, Мазовецкое, Плоцкое, Радомское и Сандомирское. Согласно конституции, формировалось польское войско; административное и судебное делопроизводство должно было осуществляться на польском языке, жителям Королевства давалось обещание о соблюдении неприкосновенности личности, свободы слова и печати. Таким образом, своим польским подданным Александр I предоставил гораздо большие права, чем гражданам России.

Сам факт создания Королевства Польского и его довольно прогрессивная для своего времени конституция встретили положительное отношение со стороны значительной части польской общественности. Крестьянство и мещан, особенно в первое время,

ПЕРЕДЕЛ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В 1807—1815 гг.

1 — польские земли, оставшиеся под властью Пруссии; 2 — польские земли, оставшиеся под властью Австрии; 3 — граница Княжества Варшавского; 4 — территории, вновь отошедшие к Пруссии по решению Венского конгресса; 5 — территории, вновь отошедшие к Австрии по решению Венского конгресса; 6 — Краковская Республика; 7 — Королевство Польское

успокаивало то, что юридическую силу сохраняли некоторые имеющие антифеодальную направленность законы, введенные после 1795 г. Магнаты и имущая шляхта, которым эти законы, не очень нравились, не без основания надеялись, что русские власти не только остановят дальнейшее продвижение по этому пути, но и посодействуют попятному движению. В то же время в образованном обществе — среди шляхты, буржуазных слоев и интеллигенции — было немало недовольных, считавших более правильной пронемецкую либо профранцузскую ориентацию. Однако и на них оказывали влияние широко распространившиеся надежды на то, что Королевство Польское так или иначе превратится в трамплин для полного восстановления польской государственности.

Своим наместником в Королевстве Польском российский император назначил уже немолодого генерала Ю. Зайончека, который был депутатом Четырехлетнего сейма, участвовал в восстании 1794 г., а на последнем его этапе был даже заместителем Т. Костюшко. Не отличаясь ни сколько-нибудь выдающимися умственными способностями, ни особой энергией, но будучи польским патриотом и в то же время человеком, не проявившим большой вражды к России и ко всему русскому, Зайончек оказался приемлемым как для Варшавы, так и для Петербурга. «Противовесом» возможным сепаратистским тенденциям стали великий князь Константин Павлович, назначенный главнокомандующим польской армией, и сенатор Н. Н. Новосильцев, получивший от Александра I пост его комиссара в Административном совете Королевства — высшем органе исполнительной власти при царском наместнике. Механизм «уравновешивания» работал безукоризненно, пока Константин не влюбился в польскую красавицу Иоанну Грудзинскую и не вступил с ней в мorganaticкий брак. После этого начались некоторые сбои, беспокоившие Петербург, но не имевшие серьезных последствий.

В марте 1818 г. собрался первый сейм Королевства Польского. Открывая его весьма либеральной речью, Александр I наметнул на возможность расширения Королевства за счет Литвы и Белоруссии. На заседаниях сейма депутаты фрондировали по мелочам, но в целом вели себя лояльно. Хуже обстояло дело с общественностью, рост оппозиционных настроений которой находил выражение в возникновении тайных антиправительственных организаций, в публикации статей, вызвавших закрытие периодических изданий, а затем и введение цензуры на все печатные издания. Второй сейм, созданный в 1820 г., ознаменовался активными действиями либерально-шляхетской оппозиции — калишской партии, или калишан. Как и большинство шляхты, их удовлетворяли монархический образ правления и уния Королевства с Российской империей, но, опасаясь наметившегося усиления реакционных тенденций в политике царизма, они всячески добивались соблюдения конституционных гарантий. Царская бюрократия, особенно Н. Н. Новосильцев, ответила на это преследованиями главы калишан Б. Немоевского и попытками убедить Александра I в необходимости отмены конституции. В ходе подготовки следующего сейма, собравшегося только в 1825 г., появилась «дополнительная статья», отменяющая гласность сеймовых заседаний; Б. Немоевскому сначала запретили доступ на заседания, а затем он был арестован. Хотя сейм в целом снова продемонстрировал верность монарху, стало ясно, что надежды первых лет существования Королевства оказались иллюзорными для обеих сторон.

Практически с момента возникновения Королевства Польского появилась, а в 20-х годах достигла весьма значительного уровня нелегальная оппозиция по отношению к существующим порядкам — тайные революционные или просветительские организации, состоявшие в основном из учащейся молодежи и военнослужащих.

Их главной целью являлось восстановление независимого Польского государства в сочетании с довольно радикальными социальными преобразованиями антифеодалного характера и определенной демократизацией политического строя. Сеймовую и нелегальную оппозицию, как и иные идейно-политические силы, объединяло в те годы стремление к восстановлению прежних польских границ, главным образом за счет Литвы, Белоруссии и Украины. Общность этого стремления в сочетании с неординарными социально-политическими программами различных течений отразилась на характере польского восстания 1830—1831 гг., в котором существенную роль сыграли соединения польской армии, а частично и легально сложившиеся сеймовые структуры.

Великое княжество Познанское, включенное в состав Пруссии по решению Венского конгресса, недолго оставалось на особом положении, скоро на него распространилась во всей своей силе та политика германизации, которая проводилась прусскими властями на «старых» польских землях. В высшей степени ограниченный по своим функциям познанский сейм был органом, выражавшим интересы польской шляхты и немецких поселенцев. Он имел три курии — рыцарскую, т. е. дворянскую или шляхетскую, городскую и сельскую. Сейм заслушивал касающиеся Княжества распоряжения прусского короля, мог высказывать по их содержанию свои мнения и подавать петиции. По существу, сейм почти не имел автономных прав и не являлся органом национального самоуправления для польского населения в Пруссии. Большинство сейма составляли лоялисты, меньшинство — либеральная оппозиция. Вне сейма, как и в Королевстве Польском, существовала нелегальная оппозиция в форме кружков и студенческо-офицерских организаций.

Положение входившей в состав австрийской монархии Западной Галиции на протяжении 1815—1830 гг. не претерпело существенных изменений. Небольшие уступки в пользу «польскости», допущенные австрийскими властями, были сделаны для того, чтобы уменьшить притягательную силу конституционного строя Королевства Польского. Население созданной в 1815 г. республики под названием «Вольный город Краков» насчитывало 96 тыс. человек; из них 25 тыс., в том числе 6 тыс. ремесленников и ремесленных рабочих, жили непосредственно в Кракове. Республика имела выборные органы — сенат и сейм, причем для избирателей и избираемых существовал довольно высокий имущественный или денежный ценз. Представители помещиков и торговой буржуазии, которые входили в эти органы, неплохо ладили между собой, объединяемые стремлением держать в узде трудящиеся массы деревни и города. Краковская республика являлась лишь формально независимым государством; фактически ею управляла созданная в 1816 г. «Организационная комиссия» из резидентов Австрии, Пруссии и России. Но даже небольшая степень свободы, предоставлявшаяся «Вольному городу» этой комиссией, позволила ему стать важным центром национальной и культурной жизни польского народа.

Объективные условия, в которых шла борьба вокруг польского вопроса, имели свою специфику. Она определялась прежде всего тем, что разделенные польские земли прочно удерживались, тремя державами, которые образовывали Священный союз, обладавший весьма солидным весом в европейской политике. Механизм австрийско-пруско-русского взаимодействия в этой сфере зависел от конкретно-исторических обстоятельств и от вкусов и пристрастий Николая I, внешняя политика которого существенно отличалась от политики предшествующего царствования.

По свидетельству последнего из его дореволюционных биографов, Николай I был с детства воспитан в чувстве антипатии к полякам и никогда этого не скрывал. Восстание 1830—1831 гг. он называл изменнической войной, а национальные чувства считал химерой и основывал свои внешнеполитические планы исключительно на династическом принципе. Недовольный поляками, он летом 1831 г. всерьез рассматривал, хотя и не осуществил, обмен части принадлежавших ему польских земель. При этом от Пруссии за три западных воеводства Королевства Польского он собирался получить Торунь, Клайпеду и устье Немана, а от Австрии — за Краковское воеводство — Галицкий округ. В сентябре 1833 г. в Мюнхенграце была заключена конвенция между Россией и Австрией о соблюдении сторонами статус-кво на польских землях и взаимной выдаче политических преступников, через месяц к этой конвенции присоединилась Пруссия. Нетрудно понять, что это создавало трехсторонние гарантии тому порядку, который создавался в русской части Польши после подавления царизмом восстания 1830—1831 гг.

Этот порядок Николай I создавал вместе с генерал-фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем, получившим за подавление восстания 1830—1831 гг. звание «светлейший князь Варшавский» вместе с должностью царского наместника в Варшаве и командующего войсками в Королевстве Польском. Взамен упраздненной Конституции 1815 г. в феврале 1832 г. появился «Органический статус», который предусматривал сохранение польских учреждений, а также введение выборного шляхетского представительства по воеводствам. Однако «Статус» фактически не вступил в силу. На деле началось планомерное разрушение всего того, в чем выражалась автономия Королевства Польского. В октябре 1835 г. по пути из Австрии в Петербург Николай I не пожелал показаться жителям мятежной Варшавы, а принимая в Лазенковском дворце депутацию городского управления, заявил: «Если вы будете упорствовать в мечтах о независимой Польше», то «только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город. . .» Были ликвидированы сейм, Государственный совет и высшие судебные учреждения Королевства Польского,

перестала существовать польская армия. Ограничению самостоятельности существовавших до восстания центральных органов управления сопутствовало упразднение воеводств и создание вместо них пяти губерний с соответствующими изменениями в структуре местных органов. С 1834 г. вводится военное положение, дававшее военным властям на местах право арестовывать любого, кто вызывал какие-либо подозрения. За введение строгой цензуры на литературные произведения последовал запрет не только печатать сочинения А. Мицкевича, Ю. Словацкого, И. Лелевеля, но даже упоминать их имена. Активное участие польских студентов в восстании привело к закрытию университетов в Варшаве и Вильно (Вильнюсе), к ликвидации Кременецкого лицея. Вместо отдельного ведомства, возглавлявшего образование и просвещение, был создан Варшавский учебный округ, подобный другим учебным округам Российской империи и подчиненный непосредственно Петербургу. На территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

Повстанческая активность безземельной и малоимущей части шляхетского сословия повлекла за собой так называемый разбор шляхты. В результате десятки тысяч лиц либо были переведены в однодворцы, либо оказались в категории «шляхтичей, не утвержденных герольдией». Хотя и значительно меньше, но были затронуты интересы богатой и среднепоместной шляхты; общая тенденция проводимых царизмом реформ отчетливо выразилась в том, что польское дворянство Николай I уравнивал в правах и привилегиях с русским дворянством. Учитывая незатухающее недовольство польского крестьянства тяжелой барщиной и стремясь использовать это для борьбы с национально-освободительными настроениями в шляхетской среде, И. Ф. Паскевич и его сановники разработали проекты узаконений, ограничивающих произвол помещиков. Но у царя это не встретило одобрения.

Перемены распространились в определенной мере и на религиозную сферу. Царские власти стали вмешиваться в дела католической церкви; иногда дело доходило до грубых оскорблений религиозных чувств верующих. В Белоруссии и на Украине была ликвидирована униатская церковь; униатов стали обращать в православие, используя при этом и насильственные методы. Стремясь привлечь на свою сторону высшие слои католического духовенства, Николай I распорядился повысить жалованье епископам и создать в Варшаве римско-католическую академию. Обстоятельства заставили Россию вступить в длительные переговоры с римской курией. Они проходили при личном участии Николая I и закончились 27 июня 1847 г. подписанием конкордата, по которому, с одной стороны, дополнительно учреждалась католическая епархия в Херсоне (для юга России и Кавказа), с другой — назначение епископов и суффраганов во все епархии договорились проводить только по взаимному согласованию.

Восстание 1830—1831 гг. вызвало волну репрессий и на территории Речи Посполитой, оказавшейся под властью Гогенцол-

лернов. Прусские власти, во-первых, предали суду участников восстания и конфисковали их имения, а во-вторых, усилили свою германизаторскую политику. Курс на ликвидацию «польскости» в Княжестве Познанском осуществлялся прусскими властями с чисто немецкой методичностью. Встретившись с упорным сопротивлением трудящихся масс германизации низшего звена школьной системы, они сосредоточили усилия на среднем звене. Только на немецком языке стало вестись преподавание в учительских семинариях, практически все новые или реорганизуемые реальные и городские училища также переходили на немецкий язык или становились двуязычными. Усиливалась централизация управления за счет упразднения традиционно выборных должностей, ограничивался политический вес польской шляхты, увеличивалось число назначаемых сверху немецких чиновников. Проводя свои германизаторские планы, прусские власти попирали религиозные чувства поляков, вмешивались в дела католической церкви, оказывали нажим на польское духовенство.

Примерно такую же политику по отношению к польскому населению проводила Австрия. После подавления восстания в Королевстве на территории габсбургской монархии оказалось много политических эмигрантов и бывших военнослужащих польской армии. Сначала австрийские власти относились к ним довольно терпимо. Однако после заключения Мюнхенгрецкой конвенции их стали преследовать, и постепенно почти все они покинули австрийскую территорию. В Мюнхенгрече Николай I договорился с австрийским канцлером К. Меттернихом о совместной политике России и Австрии в отношении Вольного города Кракова, который в сентябре—ноябре 1831 г. в ходе преследования повстанцев был временно занят царскими войсками. В 1833 г. в Кракове была введена новая конституция, которая поставила внутреннюю жизнь республики под полный контроль резидентов трех держав, прежде всего Австрии. В 1836 г. три державы под предлогом удаления эмигрантов оккупировали Краков, причем русский и прусский гарнизоны пробыли в нем несколько месяцев, а австрийский — пять лет. За это время австрийское влияние в Кракове значительно усилилось. При подавлении Краковского восстания 1846 г. территория Вольного города снова подверглась оккупации со стороны держав Священного союза. Однако вскоре они подписали между собой соглашение об окончательной передаче этой территории Австрии, превратившей ее в Великое княжество Краковское.

Обострение польского вопроса вызвала революционная волна, прокатившаяся по всей Европе в 1848—1849 гг. На польских землях, подвластных Австрии и Пруссии, это вылилось в крупные вооруженные выступления. В Королевстве Польском активизировалась деятельность конспираторов, которые не прекращали борьбу против национального и социального гнета. Польское освободительное движение одобряли и реально поддерживали прогрессивные силы различных стран, включая Россию, в его защиту выступал Союз коммунистов — первая в истории коммунистичес-

кая организация. Правительства же «западных демократий» обманули ожидания многих поляков; они ограничивались лишь громкими фразами и туманными обещаниями. Что касается держав, разделивших польские земли, то они еще раз продемонстрировали дружные и согласованные действия в подавлении всех проявлений освободительного движения.

С началом революции в Европе Николай I сосредоточил на западных границах России более чем четырехсоттысячную армию, отправил в Вену и Берлин послание о срочной необходимости «подавить смуту в Галиции и Познани». Летом 1849 г. Николай I имел с австрийским императором Францем Иосифом встречу в Варшаве, где были выработаны «условия русской помощи Австрии». В соответствии с достигнутым соглашением в Трансильванию были направлены царские войска, которые сражались вместе с австрийскими против революционной армии Венгрии. Венгерской армией командовал активный участник польского восстания 1830—1831 гг. генерал Ю. Бем, а в качестве добровольцев в нее входили поляки с различных польских земель, а также солдаты и офицеры русской армии, не пожелавшие стать карателями. Осенью 1850 г. Николай I снова был в Варшаве, встречался с австрийским императором и другими коронованными особами.

Крымская война 1853—1856 гг., закончившаяся поражением царизма, подорвала международный престиж России и обнажила серьезные расхождения во внешнеполитических интересах держав, разделивших Польшу. Весьма многочисленная польская эмиграция, конспираторы и оппозиционные круги на польских землях связывали с Крымской войной большие, но не сбывшиеся надежды. Англия и Франция боролись против усиления влияния России на Балканах, Австрия, а отчасти и Пруссия в той или иной мере поддерживали их в этой борьбе. В польском вопросе интересы Австрии и Пруссии практически совпадали с интересами Российской империи; другим же европейским странам этот вопрос был, по существу, безразличен: они лишь использовали его для различных дипломатических спекуляций, очень мало заботясь об истинных нуждах польского народа.

Аналогичная ситуация сложилась в начале 60-х годов, когда общественный подъем охватил значительную часть польских земель, и прежде всего Королевство Польское. Надежды повстанцев 1863 г. на поддержку со стороны различных европейских держав оказались тщетными, попытки польской эмиграции наладить деловые контакты с их правительствами не дали сколько-нибудь существенных результатов. В подавлении восстания 1863—1864 гг. активное содействие царизму оказала Пруссия, а Англия, Франция и Австрия, исходя из своих собственных интересов, выступили только с рядом словесных демаршей. Выражали сочувствие и оказывали некоторую помощь восстанию прогрессивная общественность западных стран и деятели международного рабочего движения, включая К. Маркса и Ф. Энгельса; практическое сотрудничество наладилось у польских повстанцев лишь с революционерами-шестидесятниками в России.

ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПОРОГЕ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ГЛАВНЫХ СОСЛОВИЙ СТАРОЙ ПОЛЬШИ

Главным итогом социально-экономического развития феодальной Польши явился крепостнический барщинный фольварк, производящий зерно для внешнего и внутреннего рынков. Будучи подлинным нервным узлом хозяйственной жизни страны, он определял характер взаимоотношений между двумя основными социальными величинами польского общества — крестьянством, составлявшим абсолютное большинство населения Речи Посполитой, и шляхетским сословием, особенно имущей его частью.

Ярчайшей особенностью общественного устройства Речи Посполитой была беспрецедентная для Европы многочисленность привилегированного сословия. К середине XVIII в. едва ли не каждый десятый житель государства являлся шляхтичем. Хотя сословный политес предусматривал всемерное подчеркивание полного равенства лиц благородного происхождения, в действительности оно было более чем иллюзорным. Среди обладателей герба добрая половина не имела ни земли, ни крепостных. Масса неимущей шляхты находила пропитание и кров на службе у магнатов, политический вес которых на сеймиках зависел от количества шляхетской клиентеллы. Другие шляхтичи, переселившись в город, приобретали там одну из свободных профессий или включались в торгово-ремесленную деятельность. Примечательно, что формально-юридическую санкцию на занятие ремеслом и торговлей осевшая в городах «бруковая» шляхта (брук — по-польски мостовая) получила лишь в конце XVIII в.

Весьма значительный слой польского дворянства составляла застенковая шляхта, владевшая хозяйством крестьянского типа и собственноручно возделывавшая землю. Особенно часто идущего за плугом человека с саблей можно было увидеть в Мазовии и Подлясье. Этих шляхтичей-пахарей никогда не покидало чувство превосходства над соседями-хлопами и отличала поразительная невосприимчивость ко всему новому. Несмотря на то что особое магнатское сословие конституировалось по воле Габсбургов лишь в австрийской части польских земель, еще в Речи Посполитой понятие «шляхта» не только не распространялось на магнатов, но и зачастую в просвещенческой публицистике использовалось для обозначения их политического антипода. По законодательству последних лет существования Польско-Литовского государства, неимущие шляхтичи были лишены права голоса на сеймиках.

Направленная на оздоровление политических институтов гбнущего государства, мера эта стала важным шагом на пути социально-правовой деградации большей части старорляхетского сословия, продолжавшейся в дальнейшем уже при активном участии российского, прусского и австрийского абсолютизма.

Как и раньше, в XIX в. социальную пирамиду польского общества венчали можновладцы-магнаты. Особенно велико было их могущество в Галиции, где двум с половиной сотням магнатов принадлежало до 70 % всех частновладельческих земель, а наиболее богатые имели по несколько десятков тысяч крестьян. Австрийский император охотно жаловал польских латифундистов практически неизвестными Речи Посполитой княжескими, графскими и баронскими титулами в обмен на упраздненные специальным патентом традиционные звания сенаторов, воевод, каштелянов, старост. Группа магнатов численностью около ста человек выделялась накануне крестьянской реформы среди помещиков Королевства Польского; как и в Галиции, большинство из них принадлежало к аристократии. Несмотря на не лишённые оснований обвинения аристократии в космополитизме и консерватизме, а также дистанцию, всегда отделявшую ее даже от богатейшего слоя помещиков, притягательная сила «исторических фамилий» давала о себе знать на протяжении многих десятилетий после разделов, за которые они несли немалую долю ответственности. Память о вопиющем внутрисословном неравенстве до сих пор зримо хранят архитектурные реликты эпохи — величественные замки аристократов-латифундистов, добротные усадьбы зажиточных помещиков и очень скромные родовые гнезда мелкой шляхты.

Крестьянство, составлявшее свыше 70 % населения страны, также отличалось значительной пестротой. Кроме частновладельческих крестьян (64 %), особыми категориями являлись церковные (17 %) и государственные крестьяне, проживавшие на королевских землях (19 %), широко раздаваемых в аренду сановникам-магнатам. Одновременно продолжало существовать ушедшее своими корнями в средневековые деление крестьян на полновладельческих кметей, загородников, коморников и халупников, что когда-то соответствовало определенному размеру обрабатываемого ими участка земли и характеру исполняемых повинностей. В XVIII—первой половине XIX в. внутри каждой из названных категорий продолжалось углубление имущественных различий. Важнейшим интегрирующим польское крестьянство началом оставалась барщина, тяжким бременем лежавшая на плечах абсолютного большинства сельских тружеников и выростающая в их сознании до синонима существующего общественного строя и даже Польши как таковой.

Из основных известных XVIII в. способов повышения доходности фольварков — замена барщины денежным чиншем, введение агротехнических усовершенствований, использование наемного труда и, наконец, дальнейшее увеличение барщинных повинностей — последний был, пожалуй, самым распространенным. Масса

консервативной шляхты прочно блокировала в сейме все прогрессивные начинания в крестьянском вопросе. Лишь за три года до первого раздела удалось ликвидировать право помещиков на распоряжение жизнью своих подданных. В 1780 г. сеймовое большинство в буквальном смысле растоптало кодекс коронного канцлера Анджея Замойского, предусматривавший регламентацию крестьянских повинностей. Тем не менее достаточно редкий для второй половины XVIII в. отказ королевской администрации, отдельных магнатов и князей церкви от барщины создавал важный прецедент.

Четырехлетний сейм, попытавшийся спасти стоявшую у края пропасти Речь Посполитую, в крестьянском вопросе ограничился весьма общей фразой Конституции 3 мая: «Мы принимаем под опеку права и правительства страны сельский люд». Таким образом, голос радикальных деятелей польского Просвещения, призывавших к распространению средней и мелкой земельной собственности путем парцелляции фольварков, не прозвучал в законодательстве 80—90-х годов. Доживший до кануна восстания 1830—1831 гг. С. Сташиц завещал разделить свои земли под Грубешовом между крестьянами: этот посмертный эксперимент философа-просветителя стал своеобразным памятником так и не воплотившимся в жизнь социальным идеалам второй половины XVIII в.

Интересы шляхты, руководившей восстанием 1794 г., не мог не учитывать довольно умеренный Поланецкий универсал Т. Костюшко, в силу которого крестьяне получали личную свободу и определенное сокращение на время восстания барщины. Несколько месяцев повстанческих усилий, сделавшие вооруженного косой крестьянина символом борьбы за национальную независимость, вновь продемонстрировали неодолимую приверженность польских помещиков к барщине и крепостничеству: в массе своей шляхта саботировала выполнение универсала.

После первого раздела Речи Посполитой судьба польского крестьянина стала решаться уже не только на сейме в Варшаве, но также во дворцах и канцеляриях Вены и Берлина. Хотя участники раздела, как известно, крайне враждебно отнеслись к деятельности Четырехлетнего сейма, их собственная аграрная политика, основанная на принципах просвещенного абсолютизма, также исходила из государственной регламентации отношений между помещиками и крестьянами. В ходе так называемых юзефинских реформ — преобразований, проводимых по инициативе австрийского императора Иосифа II в 1780-е годы, — крестьяне получили личную свободу и право на наследственное пользование наделами. Барщина была сначала ограничена тремя днями в неделю, а затем заменена денежным оброком (чиншем). Преследуя интересы фиска, имперское правительство пунктуально определило размер повинностей, составивших в Галиции 27 % крестьянских доходов: 2/5 этой суммы изымались в пользу государства, остальное получал землевладелец. Австрийский абсолютизм встал между крестьянином и помещиком и в судебном-административных делах. Цент-

рализаторская политика Вены, значительно ограничившая всевластие феодалов, ощутимо улучшала положение земледельцев, однако большинство ее завоеваний оказалось очень недолговечным. Прежде всего это касается быстро возродившейся барщины, абсолютное преобладание которой в галицийской деревне продлилось вплоть до середины XIX в.

В том же направлении, что и в лоскутной империи Габсбургов, но менее существенно менялось положение польских крестьян во владениях Гогенцоллернов. Начиная с середины XVIII в. Прусское государство предпринимало попытки воспрепятствовать дальнейшему обнищанию своих налогоплательщиков и потенциальных солдат. В этих целях составлялись урбарии — описи крестьянского имущества и повинностей, в 90-е годы за крестьянами были закреплены наделы.

Разрыв между буквой закона и социально-правовой действительностью еще более усилился после вступления на польские земли войск наполеоновской Франции, принесшей народам Европы не только тяжкие военные поборы и нередко губительный для торговли режим континентальной блокады, но и самое передовое буржуазное законодательство. На территории созданного под эгидой французского императора Княжества Варшавского сразу же начал действовать знаменитый Кодекс Наполеона, всем своим содержанием нацеленный на защиту частной собственности в буржуазном ее понимании. Прививка к феодальной Польше законодательства, совсем недавно вступившего в силу в пережившей Великую революцию Франции, дала весьма неоднозначные результаты. Если облик французской деревни начала XIX в. определяла мелкая крестьянская собственность, то в Княжестве Кодекс был использован польскими помещиками в качестве дополнительной юридической гарантии незыблемости крупной земельной собственности. Отныне вопреки нормам обычного права феодальной эпохи, обеспечивавшим крестьянину наследственное пользование землей, землевладелец получал неограниченную возможность распоряжаться крестьянскими наделами. Перейдя на положение временного арендатора, крестьянин в любой момент мог быть согнан с надела, лишиться не только недвижимости, но и рабочего скота с инвентарем, которые теперь также считались полной собственностью помещика. При этом сохранялись прежние формы крестьянских повинностей — барщина, денежный и натуральный чинш, а также административно-полицейская власть помещика. Новое законодательство принесло крестьянам личную свободу, однако, необеспеченная экономически, она была справедливо названа современниками «птичьей». По меткому определению тех лет, «кандалы были сняты с крестьян вместе с сапогами».

Значительная часть шляхты оказывала сопротивление даже этим отнюдь не радикальным преобразованиям. Землевладельцы Малой Польши, включенной в состав Княжества Варшавского в 1809 г., решительно выступили против введения законодательства французского образца. Анкетирование, проведенное среди помещи-

ков Княжества в 1814 г., после ухода Великой армии, вновь выявило весьма влиятельный ультраконсервативный слой господствующего класса. Стремясь обеспечить фольварки рабочей силой, шляхта настойчиво (и в целом небезуспешно) требовала ограничения свободы перемещения для малоземельных и безземельных крестьян. Впрочем, гораздо существеннее призывов повернуть вспять было нежелание господствующего класса идти дальше — от отмены крепостного права к решению земельного вопроса. Помещики Княжества Познанского в начале 20-х годов пытались не допустить распространения на польских землях прусской аграрной реформы, а землевладельцы Королевства отдали много сил, чтобы сохранить в главных чертах то положение, которое сложилось в деревне после 1807 г. Не пойдя на уступки крестьянам, шляхта упустила исторический шанс «консервативной революции» 1830—1831 гг. После ее подавления страх перед реформами становится одной из причин массового насильственного обезземеливания крестьян.

Наибольшее ускорение получило в первой половине XIX в. капиталистическое развитие польской деревни под властью Пруссии, несмотря на то, что аграрные преобразования растянулись здесь на многие десятилетия. В 1807—1810 гг., после поражения пруссаков в войне с Наполеоном, крестьянам была дарована личная свобода. Последующее законодательство определило способ решения земельного вопроса. Согласно обнародованным в 1816 г. положениям, возможность сделаться собственниками земли получали лишь экономически сильные крестьянские семьи, обрабатывающие надел не менее 6,3 га и способные выполнять конную барщину. Имели место и другие ограничения, которые варьировались в Силезии, Поморье и Великой Польше, возвращенной по решению Венского конгресса под власть прусского короля. В качестве компенсации помещику крестьяне теряли от трети до половины наделной земли. Малоземельные крестьяне, лишенные какой бы то ни было правовой защиты, отдавались на полный произвол помещиков. Разработав принципы реформы, Прусское государство отказалось от ее принудительного проведения в жизнь, открывая тем самым большой простор для злоупотреблений землевладельцев. Лишь революционные потрясения Весны народов заставили внести важные коррективы в аграрную политику: с 1850 г. право стать собственниками возделываемой земли получили те слои крестьянства, которые раньше не попали под действие положений реформы. В Княжестве Познанском и ряде других польских земель новыми королевскими милостями сумели воспользоваться очень немногие: слишком далеко за четверть века зашла экспроприация малоземельных. Прусская власть сделала максимум для того, чтобы обеспечить безболезненный переход помещиков к новой системе хозяйствования. Помимо щедрой компенсации законодательство предусматривало возможность привлечения в течение достаточно длительного периода крестьян-собственников к барщинным работам.

В отличие от прусской администрации, сведя на нет юзефинские реформы, австрийские власти долгое время не возвращались к аграрному вопросу. Именно в Галиции противоречия между крестьянами и помещиками достигли максимального накала, вылившись в кровавое восстание 1846 г. Галицийская резня и охватившая два года спустя лоскутную империю революция поставила Габсбургов перед необходимостью проведения крупных преобразований. В результате реформы 1849 г. все категории галицийских крестьян одновременно с личной свободой получили в собственность свои наделы. Сумма выкупа делилась между всеми сословиями провинции, причем выплату той ее части, которая приходилась на крестьянство, принимало на себя государство, увеличившее в этой связи налоговое обложение. Казавшаяся представителям господствующих классов чрезмерно радикальной, в действительности реформа практически не меняла соотношения помещичьего и крестьянского землевладения: с гигантскими латифундиями магнатов по-прежнему соседствовало бесчисленное множество мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, продолжавших дробиться вместе с ростом населения. Ставшее нарицательным выражение «галицийская нужда» красноречивее любой статистики говорит о последствиях габсбургской реформы для малопольской деревни.

Центральными процессами в жизни деревни Королевства Польского были прогрессирующее обезземеливание крестьян и их перевод с барщины на денежный чинш. Быстрее и на более выгодных для сельского люда условиях чиншевание проводилось в казенных имениях. В помещичьей деревне во главе чиншевой кампании 1820—1850-х годов, как и в последние годы существования Речи Посполитой, стояли магнаты — Чарторьские, ЗамоЙские, Велёпольские, — за которыми шла часть крупной и средней шляхты. К 1859 г. был очиншеван 41% хозяйств, но во многих из них денежные выплаты все еще сочетались с работой на барщине. В большинстве случаев чиншевая регуляция сопровождалась отрезкой от крестьянского надела и включением в него земель худшего качества. Нельзя, однако, не видеть, что экспансия шляхетского фольварка и изменение формы эксплуатации сельского люда расширяли базу для буржуазного развития. Переход к денежному чиншу ослаблял связь крестьянина с помещичьим хозяйством и укреплял его контакты с рынком, а фольварк начинал обзаводиться собственным инвентарем.

Указ 1846 г. знаменовал отступление царского правительства от политики невмешательства в отношения между помещиками и крестьянами, которой оно следовало в течение тридцати предшествующих лет. Запрещавший лишать крестьян их наделов и увеличивать повинности, этот указ не был случайным эпизодом в аграрной политике царизма, вызванным одним лишь страхом перед повторением грозной галицийской резни. Теми же принципами петербургские стратеги руководствовались, производя в 1846—1847 гг. опись имений Киевского генерал-губернаторства (так называ-

емые инвентари). Как и современное ему прусское законодательство, указ Николая I не брал под защиту закона безземельных и малоземельных (с наделом до 1,5 га) крестьян.

Помещики Королевства Польского восприняли указ очень болезненно: его вступлению в силу предшествовала новая волна экспроприаций крестьян, а попытки отменить ненавистное законодательство продолжались вплоть до начала 60-х годов. В целом же после 1846 г. аграрные мероприятия царизма (акты 1858, 1861 и 1862 гг.) не выходили за рамки помещичьей программы чиншевания, т. е. шли по пути, уже отвергнутому как Пруссией и Австрией, так и в конце 50-х годов самой Россией. Расквартированные в Королевстве русские войска постоянно использовались для приведения непокорных крестьян в повиновение их помещикам.

Вспоминая о Колиивщине — мощном народном движении, вспыхнувшем на Правобережной Украине в канун первого раздела, — видный польский консерватор К. Козьмян писал: «С известной точки зрения нам живется лучше, чем во времена Речи Посполитой, мы в значительной мере сохранили то, что дала нам родина, и теперь нам не приходится бояться уманской резни». Новая, галицийская резня побудила другого польского помещика — А. Велёпольского в своем получившем широкую известность открытом письме Николаю I заявить о больших надеждах, возлагаемых господствующим классом Польши на самый непоколебимый престол Европы.

Восстание 1863—1864 гг. явилось тем поворотным моментом в аграрной политике царизма на польских землях, когда помещикам Королевства пришлось окончательно расстаться с надеждой сохранить всю землю в своих руках. Новый курс властей в крестьянском вопросе был обусловлен рядом факторов. Во-первых, Петербург не мог не считаться с декретом повстанческого правительства, предусматривавшим передачу крестьянам их наделов в собственность за выкуп. Царизм должен был принять вызов вновь восставшей шляхты и попытаться удержать польское крестьянство на своей стороне. Во-вторых, длительное и упорное сопротивление крестьян уплате чинша делало будущность чиншевых реформ более чем сомнительной. Начало 60-х годов прошло в Королевстве под знаком массового крестьянского движения, которое, несмотря на свой в целом мирный характер, явилось наряду с событиями 1846 г. в Галиции одной из высших точек классовой борьбы XIX столетия. В-третьих, восстание перечеркнуло попытки царизма найти общий язык с польскими помещиками, что было возможно лишь на почве аграрной программы последних. Наконец, в 1863 г. характер предстоящих преобразований не оставлял сомнений в связи с передачей подготовки реформы в руки петербургской либеральной бюрократии, которую, как и в канун падения крепостного права в России, возглавил Н. А. Милютин. В условиях вооруженной борьбы со шляхетским национально-освободительным движением группа Милютина смогла более полно воплотить в законодательстве свое

видение отвечающего требованиям времени общественного устройства.

Важной чертой реформы 1864 г. явился новый подход к проблеме безземельного крестьянства: около 200 тыс. семей батраков получили наделы, впрочем, как правило, очень незначительные. Выкупные платежи вносились путем взимания казной нового налога в размере $2/3$ прежнего чинша. Нетрудно заметить, что крестьянская реформа в Королевстве Польском более приближалась к австрийской, нежели к прусской, модели и шла несколько дальше Положения 19 февраля 1861 г. для российских губерний. В числе не решенных реформой проблем одно из первых мест принадлежало вопросу о сервитутах — праве крестьян на пользование пастбищами для выпаса скота, а также лесами, дававшими строительный материал и топливо. В пореформенную эпоху сервитуты, бывшие сильным средством давления землевладельцев на крестьян, станут едва ли не центральным пунктом противоречий между гминой и помещиком.

Земельные регуляции и выплата выкупа на польских землях Пруссии и Австрийской империи завершились только к середине 60-х годов. Так называемый прусский путь развития капитализма, связанный с постепенной буржуазной эволюцией помещичьего землевладения, в том или ином своем варианте возобладал в сельском хозяйстве всех населенных поляками территорий. Наибольший удельный вес сельской буржуазии в крестьянстве наблюдался в прусском разделе, самый низкий — в галицийской деревне. Что касается пореформенной деревни Королевства, то здесь центральной фигурой сделался середняк. Несмотря на ряд значительных феодальных пережитков, фольварк окончательно лишился рук лично зависимых от помещиков крестьян, и рядом с ним стала развиваться мелкая крестьянская собственность.

Воздействие государств-захватчиков на польское общество не ограничивалось аграрными реформами. Параллельно с изменением отношений между крестьянами и помещиками объектом законодательного регулирования стало шляхетское сословие. После разделов возникла своеобразная ситуация, когда многие польские помещики и особенно магнаты владели имениями, расположенными сразу в нескольких государствах. В этой связи уже на рубеже XVIII—XIX вв. подписавшие петербургские конвенции державы предпринимали попытки ликвидировать смешанное подданство польских землевладельцев путем принудительной продажи их недвижимости. Существенные изменения в структуру шляхетского землевладения вносили репрессии, направленные против национально-освободительного движения. Так после подавления восстания 1830—1831 гг. в Королевстве Польском примерно десятая часть помещичьей земли перешла в руки новых владельцев. Непомерная в глазах трех правительств многочисленность шляхты, ее материальная малообеспеченность и, конечно же, политическая неблагонадежность неизбежно рождали стремление властей к основательной ревизии этого наследия Речи Посполитой. В Российской

империи «разбор» шляхты затронул не только этнически польские, но и так называемые западные — украинские, белорусские, литовские — губернии, где также проживали многие десятки тысяч шляхтичей-поляков. Большая часть шляхты переводилась в разряд однодворцев, являвшихся податным, хотя и лично свободным сословием. Начавшаяся в 20-е годы проверка документов, подтверждающих дворянское происхождение шляхтичей, чрезвычайно затянулась и оказалась в конечном счете не по силам громоздкой бюрократической машине николаевского царствования. Разбор шляхты способствовал дальнейшему обособлению помещичьего слоя, все менее расположенного поддерживать связь со своими нищими собратьями.

НОВЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Сельское хозяйство являлось основным занятием не только деревенского населения. Насчитывающий от пятисот до двух тысяч жителей польский город — а таких городов в первой половине XIX в. было большинство — также имел преимущественно аграрный характер. Эти города-местечки сближало с деревней и то, что многие из них долгое время оставались в частном владении крупнейших магнатов. Однако, вопреки призывам шляхетских панегристов сельского уклада жизни города играли все более важную роль, вобрав в себя значительную часть удвоившегося за столетие населения польских земель. Именно тогда с ростом промышленных Катовиц, Забже, Лодзи начинают закладываться основы экономической географии современной Польши. Олицетворением индустриализации польских земель явился стремительный подъем старинного местечка Лодзь, за считанные годы ставшего «польским Манчестером».

Параллельно с урбанизацией начинали менять свой облик и различные слои городского населения, еще во многом отмеченного печатью средневековья. Процесс этот лишь в редких случаях выступал в форме быстрой ломки традиционных структур. Гораздо чаще он протекал эволюционно, и даже во второй половине XIX в. в большинстве мелких и средних городов по-прежнему наблюдалось преобладание старого, восходящего ко временам Речи Посполитой мещанства.

Разбуженное Великой революцией во Франции польское мещанство прислало своих представителей в Варшаву, где в ноябре 1789 г. состоялась историческая «черная процессия». Посланцы почти полутора сотен городов в темных одеждах проследовали к месту заседания сейма и вручили ему петицию: в год падения Бастилии польское мещанство было готово лишь к роли просителя. Вместе с тем никогда ранее проблема третьего сословия не заявляла о себе столь зримо. Показательно, что одним из основных результатов политического пробуждения мещанства явилось широкое наделение представителей городской верхушки шляхетским достоинством.

вом. В эпоху вооруженной борьбы за независимость ремесленно-плебейские слои наряду со шляхтой активно включились в национально-освободительное движение, а варшавский ремесленник Ян Килиньский занял одно из самых почетных мест в польском пантеоне национальных героев.

Многие специфические черты польской буржуазии того времени обусловлены процессом первоначального накопления — извлечением капиталов из источников, не связанных с присвоением прибавочной стоимости. Так, в Королевстве Польском первой половины XIX в. самыми крупными капиталами располагала небольшая группа коммерсантов, получивших на откуп различные государственные монополии — продажу соли, табака и т. д. Откуп сбора косвенных налогов, казенные подряды, правительственные дотации, получение на выгодных условиях государственных предприятий — таковы самые верные средства скорого обогащения, потеря доступа к которым грозила почти неминуемым банкротством. Все они заставляли пионеров польского капитализма добиваться расположения властей, в особенности коррумпированных чиновников финансового ведомства. Гораздо меньшим было вмешательство государства в экономическую жизнь польских земель Пруссии и Австрийской империи, где известное исключение составляла лишь силезская промышленность. Галиции, Великой Польше и Поморью власти отводили роль аграрной периферии, не делая сколько-нибудь существенных инвестиций. Соответственно большая нагрузка в становлении капиталистического производства ложилась здесь на торговый капитал и промышленные начинания богатых помещиков.

Все крупнейшие промышленники польских земель осуществляли широкомасштабные торговые операции. Наследственными владельцами влиятельных торговых домов были П. Стейнкеллер и Л. Кроненберг. В сфере оборота формируется капитал варшавских предпринимателей Эвансов. Прошел купеческую фазу, прежде чем стать одним из ведущих великопольских фабрикантов, И. Цегельский, в прошлом выпускник Берлинского университета и преподаватель гимназии в Познани. По-иному складывалась судьба крупнейшего краковского промышленника третьей четверти XIX в. Л. Зеленовского. Молодые годы будущего фабриканта прошли в городском цехе кузнецов: унаследовав от своего отца профессию и мастерскую, Зеленовский прошел через все без исключения ступени цеховой иерархии и, уже будучи владельцем немалого по тем временам завода, не спешил порвать с архаическим кузнечным братством. Пример Л. Зеленовского, никак не заслужившего упрека в недостаточной предприимчивости, показывает, что капиталистическое производство, непосредственно вырастающее из мастерской преуспевающего ремесленника и вынужденное к тому же из-за отсутствия государственной поддержки развиваться в условиях свободной конкуренции, растет сравнительно медленно, но при этом более стабильно, чем то, которое черпает силы из купеческих накоплений. Как правило, вчерашние ремесленники

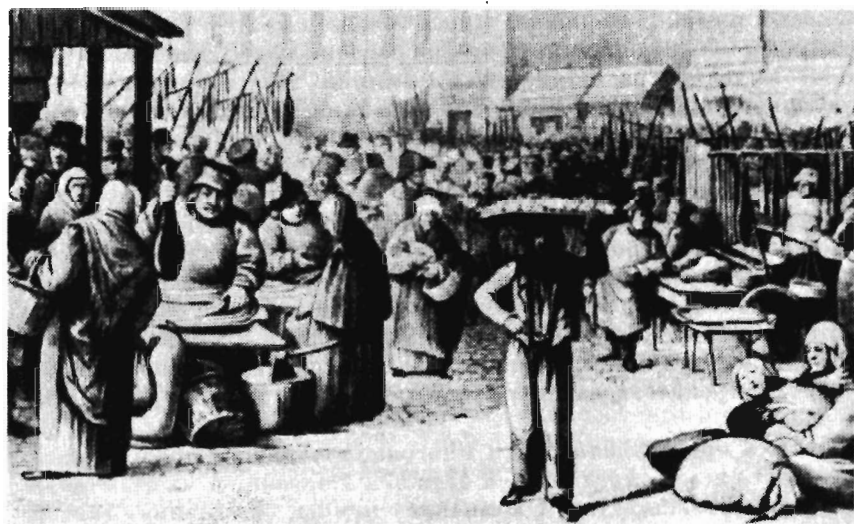
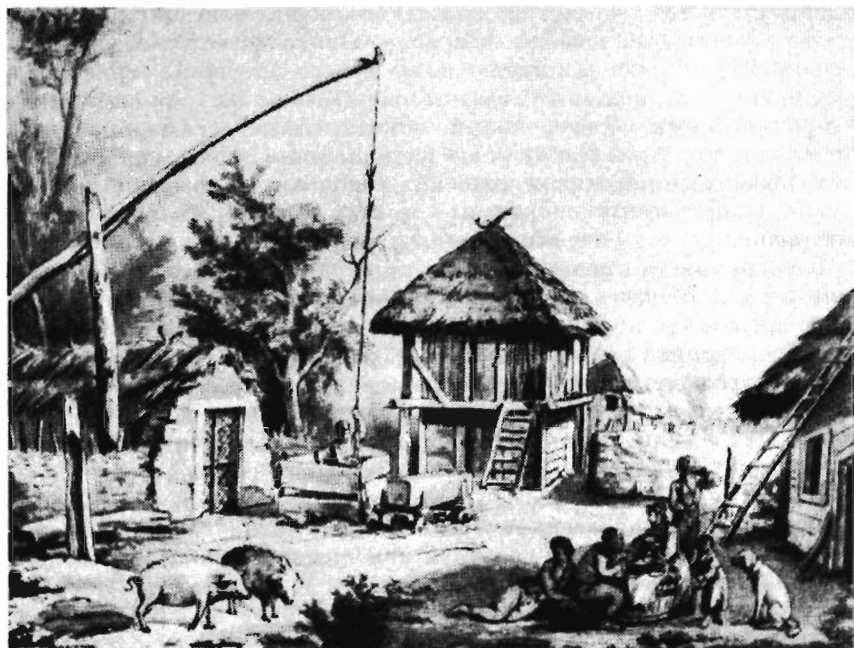
не выдвигались в первые ряды капиталистической элиты. Не типично для Польши и получившее распространение в России капиталистическое крестьянство.

Острый дефицит капиталов за пределами аграрного сектора делал значительным явлением коммерчески-промышленное предпринимательство состоятельных помещиков, нередко поручавших заботы о своих вкладах представителям торгово-банковских кругов. В 40—50-е годы, к примеру, англофил граф А. Замойский в содружестве с Л. Кроненбергом щедро финансировал строительство паровых судов на Висле и производство сельскохозяйственных машин. Примечательно, что все начинания аристократического поборника новизны оказывались убыточными, а самим своим недолгим существованием они были обязаны доходам от принадлежащей графу крупнейшей в Королевстве латифундии.

Промышленность по переработке продуктов земледелия и животноводства получила наибольшее развитие в польских владениях Пруссии. Именно здесь аграрная реформа создала наилучшие предпосылки для перехода помещиков к капиталистическому хозяйствованию. Капитал немецких юнкеров играл решающую роль в развитии тяжелой промышленности Верхней Силезии.

В формировании классов буржуазного общества большую роль играли миграционные процессы, в том числе внешние. Так, в заселении Лодзи особое место занимал приток ремесленников из немецких земель — Саксонии, Пруссии, Вюртемберга. Однако промышленное развитие этого города и Королевства в целом не сопровождалось сколь-нибудь значительным притоком иностранного капитала, и, хотя имущественное положение иммигрантов, разумеется, различалось, процесс социальной дифференциации развернулся в основном уже после их переселения на новое место. На первых порах наиболее типичной фигурой капиталистического предпринимателя здесь был поставляющий сырье ремесленникам и скупающий у них готовую продукцию коммерсант.

Пожалуй, никакой другой класс польского общества не был столь пестрым в национальном отношении, как нарождающаяся буржуазия. Лодзинские буржуа, среди которых поляки составляли в 60-е годы не более 15 %, долгое время оставались весьма замкнутой и обособленной группой общества. Совершенно отсутствовала польская буржуазия в Верхней Силезии, где все нити экономического развития находились в руках немецких юнкеров. Особенно заметную лепту в этническую неоднородность польского города и формирующейся буржуазии вносил еврейский элемент, необычайно многочисленный на землях бывшей Речи Посполитой и по давно сложившейся традиции юридически неполноправный. Не предоставили евреям гражданских прав даже весьма либеральные конституции Княжества Варшавского и Королевства Польского. Напротив, в 20-е годы ужесточился запрет на их проживание в сельской местности, и к середине 60-х годов евреи уже составляли почти половину населения городов Королевства. Лишь в 1862 г. по инициативе А. Велёпольского, стремившегося

Деревенское подворье. Художник А. Орловский.

Варшавский торг середины XIX в.

к формированию «поляков иудейского вероисповедания», были сняты ограничения, связанные с местом жительства и замещением должностей, а также дополнительное налогообложение еврейского населения. Отделенные от поляков прочными культурно-бытовыми и юридическими перегородками, объединенные в самоуправляющиеся кагалы, евреи тем не менее активнейшим образом участвовали в хозяйственной жизни польских городов и местечек. Ремесло, торговля, кредитные операции — в этих сферах их роль была, как правило, очень весомой, если не решающей.

О численности пролетариата можно судить по тому, что в середине века в Верхней Силезии, где еще в 30-е годы впервые на польских землях обозначились признаки промышленного переворота, было занято лишь около 20 тыс. рабочих. Невысока концентрация производства: в 1858 г. из тысячи предприятий и мастерских Познани — самого крупного города Великой Польши — только два имели более 50 рабочих. Лишь единичные фабрики Варшавы и Лодзи обслуживали по нескольку сот человек.

В орбиту промышленного производства малоземельных крестьян пригородных деревень постепенно втягивала служившая им необходимым подспорьем сезонная или поденная работа на казенных и частновладельческих предприятиях. Уже полностью порвавшие с сельским хозяйством крестьяне не сразу превращались в промышленных рабочих. Вместе с разорившимися ремесленниками они, как правило, сперва пополняли городской, а еще чаще местечковый плебс. В Варшаве, куда в большом количестве стекалась немущая шляхта, формирующийся рабочий класс впитывал в себя также выходцев из шляхетских фамилий. Долгое время весьма популярной оставалась идея использования принудительного труда бродяг, заключенных и малолетних сирот, находившая практическое воплощение еще во второй половине XVIII в. Самой же масштабной попыткой искусственно удержать рабочую силу в сфере промышленности и одновременно обеспечить определенный квалификационный уровень производителей стало создание в 1817 г. Горного корпуса Королевства Польского. Призванный обслуживать Старопольский и Домбровский угольно-рудные бассейны, на протяжении сорока лет он сохранял характер сословно-корпоративной организации, членство в которой было скреплено специальной присягой, препятствовавшей уходу шахтеров и металлургов с мест их работы.

Поляки преобладали среди многонационального пролетариата Верхней Силезии, тогда как в Нижней Силезии, в частности во Вроцлаве, большинство составляли немцы; восстание ткачей 1844 г., вписавшее Силезию в историю международного рабочего движения, явилось классовым выступлением немецких рабочих. Зато если немецкий характер лодзинской буржуазии сохранялся очень длительное время, то в рядах пролетариата «польского Манчестера» удельный вес поляков возрастал гораздо быстрее.

Многообразные источники рекрутации пролетариата, региональные, отраслевые и национальные особенности его формиро-

вания препятствовали социальной интеграции рабочего класса на польских землях и росту его самосознания. Только незначительная часть рабочих, как мы видели, была занята на крупном фабричном производстве, имела высокую квалификацию, происходила из рабочих семей, порвавших с сельским хозяйством и цеховым строем. Весьма характерно, что практически во всех польских городах среди лиц наемного труда заметно преобладали выполнявшие непроизводственные функции слуги. Об уровне сознательности рабочих свидетельствует хотя бы то, что еще в начале 60-х годов лодзинские ткачи, подобно классическим английским луддитам рубежа XVIII и XIX вв., отвечали на безработицу уничтожением машин. Бедственное положение городских низов нашло отражение в программе краковских революционеров 1846 г., предусматривавшей организацию общественных мастерских для безработных — меру, осуществленную практически революцией во Франции два года спустя.

На переходный период от феодализма к капитализму приходится становление интеллигенции — особой внесловной социальной группы, живущей за счет умственного труда такой степени сложности, которая требует как общеобразовательной, так и специальной подготовки. Обязанная своим существованием новым общественным потребностям, прямо или косвенно связанным с задачами всесторонней модернизации общества, интеллигенция выполняет особенно сложный и обширный объем работы в странах запоздалого развития, где именно ею во многом компенсируется социально-политическая пассивность буржуазии. Так было в России, Польше, на востоке Европы в целом.

Для Речи Посполитой характерна прямая зависимость людей науки и искусства от королевского двора и меценатствующих магнатов превращавшая деятельность в сфере культуры в разновидность службы можновладцам, а самих ее носителей — в часть клиентеллы аристократических домов. В феодальных оазисах культурной жизни времен Станислава Августа заметная роль принадлежала иностранцам, специально выписываемым в далекую Польшу из западноевропейских стран. Среди интеллектуалов польского происхождения особенно бросаются в глаза активность и многочисленность духовенства, выдвинувшего из своей среды в разгар века Просвещения многих корифеев национальной культуры. Все перечисленные особенности сказывались на облике и темпах консолидации интеллигенции как новой социальной общности.

Не имея сколько-нибудь глубоких исторических корней в польском обществе, а значит, зачастую не пользуясь поддержкой семейной традиции, интеллигенция рубежа XVIII—XIX вв. представляла собою типичный продукт переходного периода. Открытость и быстро растущая социокультурная роль интеллигенции делали умственный труд привлекательным как для пауперизованной части шляхты, пытающейся воспрепятствовать своему погружению на дно, так и для мещанства, которому образование сулило бóльшую стабильность и соблазнительную перспективу восхождения по об-

щественной лестнице. Именно эти два источника рекрутации интеллигенции явились основными для всех польских регионов. Определенной спецификой отличалось формирование интеллигенции в более развитой в социальном отношении Великой Польше, где в ее среде было значительно меньше выходцев из шляхты и чаще требующими высокого образовательного ценза профессиями овладевали сыновья зажиточных крестьян. Крестьянство, в особенности украинское, приняло определенное участие в формировании интеллигенции в Галиции, чему способствовало наличие университетов во Львове и Кракове. В Королевстве Польском удельный вес крестьянской интеллигенции был незначителен.

Если чиновников, учителей и духовенства насчитывалось в польских землях по нескольку тысяч, то счет лиц других профессий — врачей, литераторов, музыкантов и художников — идет на сотни.

Говоря о польской интеллигенции в целом, следует отметить, что в ее рядах слой материально обеспеченных, обуржуазившихся, респектабельных элементов был очень тонким и, напротив, преобладали группы, едва сводящие концы с концами, не уверенные в завтрашнем дне, связывающие свое будущее с политическими переменами.

Политическая ситуация, в которой приходилось развиваться польской интеллигенции, существенно влияла на ее формирование. Потеря независимости и исполненная драматизма борьба за ее восстановление приводили к своеобразной «утечке умов», в результате которой поляк мог преподавать в Петербургском университете, вести научные изыскания в сибирской ссылке или, как Мицкевич, Шопен, Лелевель, создавать шедевры национальной культуры в эмиграции. Политический режим определял также возможности получения образования, особенно среднего и высшего. В этом смысле в течение XIX в. всем трем частям разделенной Польши в разное время довелось выступить в роли центра польской интеллектуальной жизни.

ВЛИЯНИЕ РАЗДЕЛОВ НА СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ И ПРОЦЕСС ИХ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

Разделы существенно нарушили прежнюю структуру хозяйственных связей, но не смогли полностью перечеркнуть единства социально-экономического развития польских земель. Решением Венского конгресса объявлялась полная свобода судоходства, торговли и передвижения в границах 1772 г. Хотя это обещание европейских законодателей в значительной степени осталось лишь на бумаге, в первой половине XIX в. погранично-таможенный режим на территории бывшей Речи Посполитой отличался известным своеобразием. Исторически сложившейся потребностью в хозяйственном общении между разными частями единого некогда це-

лого объясняется тридцатилетнее экономическое процветание Краковской республики. Крошечная по площади, благодаря отсутствию пошлин на ввоз и их снижению на вывоз товаров она сделалась важным центром транзитной торговли: купцам было выгоднее дважды пересечь ее границы, нежели один раз — границы, разделяющие Австрию, Россию и Пруссию. Домбровский угольный бассейн в Королевстве Польском, прусская Верхняя Силезия и австрийская Тешинская Силезия составляли во многих отношениях единую промышленную зону.

Экономическая политика осуществивших разделы монархий могла становиться орудием дальнейшей дезинтеграции земель бывшей Речи Посполитой. Таков был, в частности, результат российско-прусской таможенной войны 1822—1825 гг., начатой Берлином в ответ на предоставление Королевству Польскому таможенной автономии, защитившей центральные польские земли от торговой экспансии Пруссии. После подавления восстания 1830—1831 гг. благоприятные для текстильщиков Королевства пошлины на ввоз товаров в Россию были значительно увеличены. Подобные скачкообразные изменения экономической конъюнктуры вели к немаловажным демографическим сдвигам. Лишенные традиционных рынков сбыта ткачи из Великой Польши и Силезии примкнули к потоку немецких колонистов, оседавших на территории Королевства.

В 30-е же годы часть польских ремесленников-переселенцев двинулась дальше на восток и обосновалась в районе Белостока, отошедшего к России еще по Тильзитскому миру. Новая ситуация возникает после 1850 г., когда в результате ликвидации таможенной границы между Королевством и империей перед промышленностью пяти польских губерний открылся необъятный российский рынок, борьба за который спустя три десятилетия приведет к текстильной войне между Москвой и Лодзью.

С точки зрения хозяйственных связей населенные поляками земли в XIX в. все более становились частями трех экономических организмов, причем их роль в каждом из этих организмов существенно различалась. По своему экономическому развитию Королевство Польское входило в число идущих в авангарде регионов Российской империи, польские владения Пруссии, исключая передовую в первой половине XIX в. Верхнюю Силезию, являлись ее аграрной периферией, отсталая Галиция занимала одно из последних мест среди национальных «лоскутов» монархии Габсбургов.

Сообразно достигнутому социально-экономическому уровню земли разделенной Польши заняли определенное место в хозяйственной жизни соответствующих государств, испытывая растущее воздействие со стороны сложившегося в них территориального разделения труда. В большинстве случаев это воздействие наносило серьезный ущерб польской промышленности и торговле, не выдерживавшим конкуренции с экономически более могущественными соперниками. Жертвою неравной борьбы пала в конце концов даже

Верхняя Силезия, бывшая лидером индустриального развития польских земель.

География социально-экономических различий не совпадала полностью с политической картой прошлого столетия: Королевство Польское, например, делилось на отстающую юго-восточную часть и более передовые северо-западные губернии, уже в 20-е годы заявившие о себе либеральными выступлениями депутатов-калишан на варшавских сеймах. Пожалуй, самым красноречивым показателем, отражающим неравномерность развития польских земель, может служить динамика прироста населения. За 1816—1856 гг. его численность почти удвоилась в Поморье и Верхней Силезии, увеличилась на 73 % на Познанщине, на 36 % в Королевстве и лишь немногим более 20 % в Галиции.

Связь центров России, Пруссии и Австрии с их польскими окраинами находила также выражение в изменении национального состава жителей последних. Самым ощутимым оно было в Пруссии.

Получив в свое распоряжение королевские и принадлежавшие церкви земли, прусские власти путем их продажи и передачи в аренду с педантичной последовательностью добивались увеличения удельного веса немецкого элемента. Пользуясь разорением части польских помещиков, они активно способствовали тому, чтобы продаваемые с молотка имения попадали в руки немцев. К середине XIX в. особенно далеко зашла германизация территорий Речи Посполитой, раньше других оказавшихся под скипетром Гогенцоллернов.

Напротив, не увенчались успехом попытки царизма организовать помещичью (при Паскевиче гражданские и военные чиновники получили свыше сотни государственных имений-майоратов) и даже крестьянскую (опыт поселения русских крестьян в окрестностях главной крепости западного фортификационного рубежа империи — Новогеоргиевска) колонизацию Королевства Польского.

Не осуществилось также намерение Николая I создать в Королевстве русское чиновничество. Русский элемент вопреки неоднократным высочайшим волеизъявлениям не приживался в польском обществе и был представлен в основном насчитывающими несколько десятков тысяч военнослужащих частями Действующей армии. Зато одновременно многочисленная польская колония сложилась в Петербурге, ставшем важнейшим центром польско-русского общения.

Многочисленные мемуаристы единодушно свидетельствуют о том, что в восприятии россиянина Королевство Польское с Варшавой было чем-то вроде внутренней заграницы. Сознание русского человека — писателя-публициста, чиновника, просто стороннего наблюдателя — фиксировало в жизни «русской Польши» прежде всего черты ее несхожести с действительностью дореформенной России: личную свободу крестьян, неизвестные России правовые нормы кодекса Наполеона и даже Органиче-

ского статута, декларировавшего, в частности, общедоступность жителям Королевства всех «мест и почестей без всякого различия состояний или званий».

Несмотря на отсутствие национальной государственности и территориально-политическую разобщенность народа, социально-экономическое развитие польских земель шло в том же направлении и примерно теми же темпами, что и Восточной Европы в целом. Дополнительным гарантом этого на протяжении всего рассматриваемого периода являлось принципиальное единство стратегического курса трех феодальных монархий.

Традиционное деление общества на феодальные сословия постепенно уступало место противостоянию классов капиталистической формации. В указанной метаморфозе — главное содержание переходного периода, времени незавершившихся социально-экономических процессов, противоречивого сосуществования старого и нового.

Категории крестьян, различавшиеся польским феодальным правом (кмети, загродники, халупники, коморники и т. д.), утрачивают изначальную связь с определенным имущественно-правовым положением, и, хотя старая терминология еще не выходит из употребления, законодатели XIX в. отдают все большее предпочтение критерию владения собственностью.

Вместе с тем, социальную мобильность польского общества в дореформенный период едва ли верно сводить к обуржуазиванию одних его слоев и пролетаризации других. Традиционные общественные структуры еще обладали большими возможностями самовоспроизводства. Так, внутри шляхты происходил постоянный взаимообмен между такими ее группами, как помещики, крупные арендаторы и управляющие-официалы. Крестьянин, в том числе безземельный, за свою жизнь также мог несколько раз изменить свой имущественно-правовой статус. Мало того, традиционная структура сохраняла значительную поглощающую способность. Молодая буржуазия, не стремясь к созданию собственных идеологических ценностей, традиций, стиля жизни, явно ориентировалась на помещичью среду. Приобретение буржуа земельных владений вместе с вложением помещиками капиталов в промышленность создавали материальные предпосылки для формирования в перспективе помещичье-буржуазного социального, политического и культурного симбиоза, ведущая роль в котором, однако, принадлежала вчерашним феодалам. Огромная масса безземельного крестьянства лишь в незначительной своей части поглощалась городами. Польский батрак, наделенный работодателем жилищем и клочком земли, стремящийся, как и разорившийся ремесленник, скопить средства для обзаведения собственным хозяйством, по многим показателям еще очень далек от классического пролетария. Лишь аграрные реформы существенно подрывают своеобразное динамическое равновесие феодального в своей основе общества, придав всем изменениям в общественном организме капиталистическую направленность.

Десятилетия, прошедшие после первого раздела Речи Посполитой, не выдвинули в ряды национальных героев ни одного коммерсанта или промышленника, за которыми прочно удерживалась — и часто не без оснований — дурная репутация ростовщиков и спекулянтов. Олицетворяющая собою экономическое могущество нового, поднимающегося строя крупная буржуазия польских земель была крайне малочисленной и еще в полной мере пользовалась всеми выгодами первоначального (некапиталистического) накопления. Не она, бесспорно, определяла социальный портрет польского буржуа. Более того, вследствие слабого развития средней буржуазии единичные «миллиончики» находились на значительном удалении от достаточно широких мелкобуржуазных слоев, являвшихся характерной чертой общественных структур востока Европы в целом.

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
ПОЛЬСКОГО НАРОДА
ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО
И НАЦИОНАЛЬНОГО ГНЕТА
В 1794—1864 гг.**

**СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Процесс превращения феодального общества в капиталистическое, феодальной народности в буржуазную нацию и в обычных условиях не проходит безболезненно. В Польше этот процесс оказался сильно деформированным из-за установления иноземного владычества и ее раздела между тремя соседними державами. Именно поэтому освободительная борьба польского народа в последующие десятилетия чаще всего принимала форму национального движения. Однако следует помнить, что его неотъемлемой составной частью всегда были в конечном счете непримиримые сословно-классовые противоречия, которые ослабевали в периоды подъема освободительной борьбы и обострялись во время ее спада.

Польское крестьянство являлось в рассматриваемую эпоху самым многочисленным и наиболее угнетенным классом польского общества. Хотя большинство темных и забитых крестьян еще не обладали сколько-нибудь развитым политическим сознанием, крестьянство в целом весьма существенным образом влияло на позиции и деятельность различных социальных групп, участвовавших в освободительном движении. Большое значение крестьянства было убедительно подтверждено в конце XVIII в. ходом и исходом восстания под руководством Т. Костюшко. На последующих этапах крестьянский вопрос стал основным стержнем идейно-политических столкновений как во время вооруженных выступлений против угнетателей, так и тогда, когда освободительная борьба велась в подполье.

Среди шляхты, прежде всего зажиточной, было немало «угодцев» (так называли в Польше лиц, готовых сотрудничать с иноземными захватчиками в обмен на личные или сословные привилегии). Большинство же шляхетского сословия было весьма заинтересовано в возрождении независимого Польского государства. Поэтому после разделов шляхта стала активной силой освободительного движения, а ее представители заняли в нем руководящее положение.

Высшие и средние слои польского духовенства своим происхождением и материальными интересами мало отличались от шляхетского сословия, а низший слой, особенно в 1830—1850-е годы, — от крестьянства. Духовенство в целом стремилось сохранить и укрепить влияние католической церкви, что неизбежно ставило его в оппозицию к иноземным властям, особенно российским

и прусским (Австрия в этом смысле несколько выделялась, ибо там преобладал католицизм). Поскольку религия была тесно связана с национальным самосознанием, значительная прослойка польского духовенства неминуемо должна была превратиться и действительно превратилась в активную силу национально-освободительного движения.

Материальные интересы городских низов не были одинаковыми. В частности, та часть горожан, которая была связана с цеховой организацией, занимала в общем консервативные позиции, тогда как остальные ремесленники стремились к ликвидации всех форм феодальной регламентации; аналогичные противоречия существовали в среде торговой буржуазии. Антифеодальные тенденции в данной среде быстро нарастали в связи с притоком в города деклассированной части шляхетского и крестьянского сословий, и именно в этой среде ускоренными темпами развивалось национальное самосознание.

При переходе от феодализма к капитализму на польских землях начала возрастать и обособилась в самостоятельную социальную прослойку интеллигенция. В условиях слабости польской буржуазии, превратившейся в самостоятельную политическую силу лишь в конце рассматриваемого периода, интеллигенцию сам ход событий выдвинул к руководству освободительным движением, которое она осуществляла совместно с патриотически настроенной частью шляхты.

Крупные социально-политические столкновения, происходившие в Речи Посполитой до ее разделов, были связаны с условиями и общественным сознанием феодальной эпохи. С одной стороны, они вылились в стихийные волнения польских крестьян, направленные против польских же крепостников (например, восстание Костки Наперского в 1651 г.), с другой — находили выражение в разного рода шляхетских конфедерациях, которые при всей своей кажущейся неодинаковости являлись проявлением противоречий между различными слоями феодального класса. Правда, в требованиях барских (1768—1772 гг.) и тарговицких (1792 г.) конфедератов уже присутствовал национальный аспект, но по форме, да и по основной сущности обе эти конфедерации следует рассматривать прежде всего в рамках внутрисословных столкновений соперничающих групп магнатов и шляхты, хотя в них и вовлекались нередко правительства соседних государств. Особняком стоит освободительная война украинского и белорусского народов в середине XVIII в., в которой воедино сливались антифеодальный протест крестьян и национально-освободительное движение широких слоев населения против польского господства.

ВОССТАНИЕ 1794 г. ПОД РУКОВОДСТВОМ ТАДЕУША КОСТЮШКО

Объективные условия для объединения различных слоев населения под национально-освободительными знаменами сложились на польских землях в конце XVIII в. Первое из крупных вооруженных выступлений польского народа началось 12 марта 1794 г. отказом расположенной в Остроленке кавалерийской бригады генерала А. Мадалинского подчиниться приказу правительства тарговичан о значительном сокращении польского войска. Т. Костюшко, находившийся вместе с Г. Коллонтаем и другими прогрессивными деятелями в эмиграции и тщето пытавшийся согласовать намечавшиеся действия с революционной Францией, 24 марта занял Краков и провозгласил себя начальником восстания, а 4 апреля 1794 г. одержал победу над царскими войсками под Рацлавицами, причем решающую роль в сражении сыграли вооруженные косами крестьяне (косинеры). В середине апреля восстание победило в Варшаве при активном участии городских низов под руководством сапожника Яна Килиньского, а через несколько дней — в Вильно, где повстанцами командовал полковник Якуб Ясиньский. Однако с июня соединенные силы России и Пруссии при поддержке Австрии перешли в контрнаступление, которое стало особенно успешным, когда во главе царских войск встал А. В. Суворов. В октябре 1794 г. Костюшко был тяжело ранен, взят в плен, а 6 ноября царские войска штурмом овладели Варшавой. Восстание было подавлено окончательно.

Социальной базой восстания являлись крепостное крестьянство, городская беднота, ремесленники, городская интеллигенция. В связи с согласием Гродненского сейма на сокращение польской армии со 100 до 15 тыс. человек возникла еще одна категория недовольных — увольняемые военные. Руководящую роль в подготовке восстания играли деятели левого крыла патриотической партии, эмигрировавшие в Дрезден и вошедшие в тайные организации. О выдвигаемой этими деятелями программе восстания можно судить по изданной в Лейпциге книге Г. Коллонтая, Ф. Дмоховского, И. Потоцкого «Об установлении и падении польской конституции 3 мая 1791 г.». Речь в ней шла о борьбе за национальную независимость, о защите социальных реформ, осуществленных Четырехлетним сеймом. Что же касается умеренного большинства патриотической партии, то оно, напуганное активностью трудящихся масс, воспринимало перспективу вооруженного выступления более чем сдержанно.

Повстанцы 1794 г. выступали против реакционного магнатства, пришедшего к власти в результате победы тарговичан, против осуществленного Россией и Пруссией второго раздела Речи Посполитой; они добивались восстановления границ 1772 г. и Конституции 1791 г., требовали продолжения прогрессивных реформ Четырехлетнего сейма. Руководитель повстанцев Т. Костюшко был уроженцем Западной Белоруссии, выходцем из поль-

ской шляхетской семьи среднего достатка. Окончив Калишский кадетский корпус и военную академию во Франции, он не получил должности в польской армии из-за открыто высказываемых оппозиционных настроений. В 1776 г. Костюшко эмигрировал в Америку и добровольно вступил в армию США. Возвратившись на родину генералом в 1784 г., он лишь через пять лет смог получить командную должность. Его полководческий талант ярко проявился во время военных действий против Тарговицкой конфедерации, но, когда правительство капитулировало перед тарговицанами, он подал в отставку.

Среди участников восстания были представлены различные слои населения. Ведущее положение занимала зажиточная и средняя шляхта, преимущественно служилая; среди наиболее радикальной части повстанческого руководства — «польских якобинцев» — преобладали представители зарождающейся польской интеллигенции. Активную роль играли городские низы. Из крестьян в этот период не выдвинулось столь же значительной фигуры; интересы крестьянства выразил один из «польских якобинцев» — Ф. Гожковский.

Фундаментальным противоречием рассматриваемой эпохи была борьба между крестьянами и землевладельцами. Еще в 1767 г. неустановленные авторы «Торчинского манифеста», обращаясь от имени крестьянства к шляхетскому сословию, требовали возвращения хотя бы части отнятой у крестьян свободы. «Все это, — заявляли они, — написано не в шутку и не для развлечения вашего. Выбирайте сами, смягчите свое отношение к нам, как мы этого требуем; если же мы этого не добьемся, то у нас есть средства постоять за себя».

В политических дискуссиях второй половины XVIII в. не раз поднимался вопрос о том, входит ли крестьянство в состав польской нации, или нацию образует только шляхта. Текст «Торчинского манифеста» отчетливо противопоставляет угнетенную часть народа «могучей, мудрой и проникательной нации», т. е. соглашается с точкой зрения «образованного общества», которое относилось к нации исключительно шляхетское сословие. Но уже через два десятилетия ситуация становится иной. Видные деятели польского Просвещения С. Сташиц, Г. Коллонтай, Ф. Езерский категорически протестуют против такой позиции. Впоследствии публицисты еще долго будут спорить об этом, хотя в ходе восстания 1794 г. исторический опыт фактически уже решил данный вопрос, доказав неизбежность причисления к нации всех тех, кто проливает кровь за ее независимое существование.

ВОССТАНИЕ 1830—1831 гг. И ЭКСПЕДИЦИЯ Ю. ЗАЛИВСКОГО

После подавления восстания 1794 г. значительная часть активных участников национально-освободительного движения покинула территорию страны, причем многие вступили в польские легионы

под командованием Я. Г. Домбровского. Внутри страны возникали конспиративные антиправительственные организации, как правило немногочисленные и недолговечные. В них преобладала мелкая и неимущая шляхта, особенно ее деклассирующаяся часть — мелкие чиновники и низшие офицеры, частные служащие, учителя, врачи и т. п. Многие из этих организаций имели просветительский характер, но в некоторых признавалась необходимость вооруженной борьбы за национальное и социальное освобождение. Сказанное относится в той или иной мере к филаретам и филوماتам, действовавшим в Вильно, к тайному обществу «Панта Конна» и другим оппозиционным организациям первой четверти XIX в. в Королевстве Польском и западных губерниях Российской империи. Наиболее крупной и радикальной организацией было Патриотическое общество, существовавшее в 1821—1826 гг. и возглавлявшееся В. Лукасиньским.

Одним из руководящих деятелей общества, крупнейшим теоретиком шляхетской революционности являлся М. Мохнацкий. Он признавал только революционный путь борьбы за независимость и главной движущей силой ее считал шляхту. Однако в сочинениях Мохнацкого есть немало высказываний о том, что польский народ достигнет независимости лишь в том случае, если добьется таких перемен в общественном строе, которые смогут привлечь крестьянство на сторону восстания. Целью социальной революции Мохнацкий провозглашал реализацию Конституции 3 мая 1791 г. и собирался решать эту задачу мирным путем. Отсюда его настойчивая пропаганда классового мира между шляхтой и крестьянством, курс на общенациональную солидарность. Ратуя за главенство «благородного сословия», Мохнацкий высказывал убеждения, что крестьянин и шляхтич — это два главных элемента Польши, что они составляют единое целое.

Патриотическое общество было разгромлено царизмом, но его идеи и деятельность ряда его участников сыграли важную роль в подготовке национально-освободительного восстания, начавшегося 29 ноября 1830 г. и получившего в польской литературе название «Ноябрьского». Его начало было ускорено известием о том, что Николай I решил направить польские войска для подавления французской революции. Вооруженные повстанцы под руководством деятелей Патриотического общества Л. Набеляка и С. Гоциньского напали на Бельведер — резиденцию царского наместника в Варшаве великого князя Константина. Одновременно группа участников тайного общества в школе подхорунжих, которой командовал П. Высоцкий, сделала попытку захватить расположенные неподалеку казармы русской армии. День 29 ноября стал памятной датой польской истории; после восстановления независимости Польши к этой годовщине приурочивается, в частности, торжественная процедура присвоения офицерских званий выпускникам военных училищ.

Идейно-политическая программа инициаторов выступления была близка к взглядам Мохнацкого и целям большинства упоми-

навшихся выше шляхетских конспиративных организаций. По мере развития событий в борьбу так или иначе включились и другие слои польского общества. При этом каждое существенное расширение числа повстанцев за счет крестьянства и городских низов вызывало переход на сторону восстания какой-то части крупных сановников, генералов и представителей польской аристократии. Последнее не содействовало подъему освободительного движения, а, напротив, препятствовало его развитию, поскольку усиливало разброд и шатания в повстанческом лагере. Основной силой восстания все более становились регулярные формирования польской армии: восстание фактически превратилось в русско-польскую войну.

Атака на Бельведер не принесла решительного успеха, поскольку наместнику удалось бежать в район сосредоточения русских войск. Польские генералы отклонили просьбу инициаторов выступления стать во главе восставших. Однако их горячо поддерживали рабочие и ремесленники Варшавы, довольно легко овладевшие Арсеналом; 30 ноября город оказался в руках повстанцев. Сразу же активизировалось умеренное крыло сторонников восстания, готовое удовлетвориться соблюдением конституции Королевства Польского. Шляхетские верхи вступили по этому поводу в переговоры с наместником, но вынуждены были их прекратить под давлением народных низов и возродившегося Патриотического общества. При содействии высших кругов, образовавших временное правительство, с 5 декабря диктаторскую власть в Королевстве получил генерал Ю. Хлопицкий. Он направил делегатов к Николаю I, распустил Патриотическое общество, всячески мешал укреплению военной силы повстанцев. 18 января 1831 г. диктатура Хлопицкого пала под напором народных масс, однако ей на смену пришло консервативное правительство во главе с А. Чарторыским. Возобновившее свою деятельность Патриотическое общество вскоре организовало в Варшаве многолюдную манифестацию в честь декабристов, заставившую сейм провозгласить низложение Николая I с польского престола. На некоторых из самодельных знамен, с которыми шли варшавские манифестанты 25 января 1831 г., были начертаны слова: «За нашу и вашу свободу». Они стали надолго утвердившимся символом сотрудничества польских и русских революционеров.

Подтянув дополнительные войска, царское командование, возглавлявшееся сначала И. И. Дибичем, а затем И. Ф. Паскевичем, перешло в наступление. 25 февраля повстанческим силам удалось под Грохувом остановить противника; некоторое время удачно действовали повстанческие формирования в Литве и на Волыни. С конца мая повстанцы терпели поражения почти повсеместно. Воспользовавшись помощью Пруссии, активно содействовавшей подавлению восстания, И. Ф. Паскевич с большими силами форсировал Вислу в районе Торуня и продвигался к Варшаве с северо-запада. Организации сопротивления со стороны повстанческих формирований мешали консервативные и соглашательские силы.

Народные выступления в Варшаве 29 июня и 15 августа привели лишь к казни нескольких изменников, но не смогли существенно изменить соотношение сил. Царские войска подходили к столице, но новое правительство во главе с генералом Я. Круковецким отказалось дать оружие варшавянам. 6 сентября 1831 г. войска Паскевича штурмом овладели западным предместьем города — Волей, а через два дня повстанческая Варшава подписала акт капитуляции.

Полных статистических материалов о социальном положении участников восстания не имеется. Анализ сохранившихся данных о 16 тыс. повстанцев, репрессированных царизмом на территории Литвы, Белоруссии и Украины, показывает, что около 33 % среди них были выходцами из податных сословий, прежде всего из крестьян, почти 50 % принадлежали к дворянскому (шляхетскому) сословию, около 5 % — к католическому духовенству. В целом данные по указанным территориям не оставляют сомнения в том, что восстание не было ни исключительно польским, ни исключительно шляхетским. Крестьяне-повстанцы из западных губерний были литовцами, белорусами или украинцами. Определенная часть крестьян непольского происхождения, в особенности частновладельческих, оказывалась в повстанческих формированиях по принуждению со стороны помещиков. Однако значительная часть выходцев из податных сословий шла в восстание сознательно, преследуя собственные социальные цели, сильно отличавшиеся от программы повстанческого правительства. Большие группы крестьян, особенно в Литве, выступали не столько против царских властей, сколько против барщины, рекрутчины и других особенно тяжелых проявлений крепостного права, т. е. против местных, в большинстве своем польских, помещиков. В статистике особенно отчетливо видны два основных слагаемых восстания: во-первых, преимущественно шляхетское национальное движение, во-вторых, преимущественно крестьянская антифеодалная борьба. Они развивались параллельно, но зачастую не синхронно, объективно усиливали друг друга, хотя сколько-нибудь длительного и полного взаимодействия между ними не было почти нигде.

В отличие от инициаторов восстания, от членов Патриотического общества и их сторонников лица, оказавшиеся во главе восстания 1830—1831 гг., в подавляющем большинстве происходили из знатных и богатых родов. Им хотелось бы восстановить Речь Посполитую с таким же строем и теми же границами, которые были до разделов, они в большинстве своем были готовы на далеко идущие компромиссы с царским правительством, лишь бы сохранить свое имущество и привилегии. Втянувшись в не очень желательную для них вооруженную борьбу против царизма, они опирались главным образом на послушные властям военные формирования и административные органы Королевства Польского. Патриотический же порыв более или менее широких слоев населения, требования прогрессивных сил общества пугали их, шли вразрез с теми планами, которые они строили, навязывали им

способы действия, абсолютно для них непривычные и нежелательные.

За такое сочетание далеко не прогрессивных социальных целей с радикальным способом действий К. Маркс и Ф. Энгельс назвали польское восстание 1830—1831 гг. консервативной революцией. Однако это не означает, что среди активных деятелей движения не было тех, кто настойчиво стремился к решению как национально-освободительных, так и социальных задач восстания, кто резко критиковал узость взглядов господствующего класса. К их числу относился И. Лелевель, входивший в аристократическое по преимуществу национальное правительство, но не имевший сил для того, чтобы изменить его политику. Повстанческая «леваца» была слишком малочисленна и нерешительна в выборе форм борьбы, слишком легко поддавалась иллюзии, будто победа может быть достигнута под руководством «высших слоев» общества. Тем не менее Ноябрьское восстание имело важное значение для развития польского освободительного движения и оказало воздействие на национальные движения соседних народов.

Датируемая 1833 г. неудачная попытка возобновить вооруженную борьбу, вошедшая в историографию под названием «экспедиции Ю. Заливского», по своим политическим целям и социальному составу участников была весьма близка к движению 1830—1831 гг. Организатором экспедиции была радикальная часть возникшей после подавления восстания Большой эмиграции, в которой видную роль играл упомянутый выше лидер левого крыла повстанцев И. Лелевель, известный и как один из крупнейших польских историков. Мелкая и средняя шляхта являлась той социальной базой, на которую в первую очередь надеялись опереться прибывавшие из Франции повстанческие эmissары. Используя семейные отношения и прежние дружеские связи, предъясняя привезенные из эмиграции рекомендательные письма, взывая к патриотизму и прежним заслугам некоторых лиц перед Отчизной, эmissары пытались привлечь к себе как помещиков, так и мелких или неимущих шляхтичей, живших на собственные заработки. Помещики сравнительно легко соглашались оказать материальную помощь повстанцам, иногда довольно значительную, но от присоединения к вооруженным группам категорически отказывались, лишь изредка содействуя вступлению в них своих поваров, лакеев или так называемых экономических служителей. Мелкая и неимущая шляхта была более легкой на подъем, но и она пополнила вооруженные группы лишь несколькими своими представителями, в основном за счет житейски неустроенных лиц из числа бывших участников восстания. Знакомство с источниками не оставляет сомнения в том, что эmissары не смогли добиться сколько-нибудь широкой поддержки ни в одном из социальных слоев польского общества. Даже шляхетское сословие, в активности которого они не сомневались, не оправдало возлагавшихся на него надежд.

Через военные суды, как явствует из сохранившихся материалов, прошло 39 непосредственных участников вооруженной борьбы. Из них 13 человек были крестьянами, 8 — мещанами, 1 — «вольным человеком», 5 — помещиками, а 12 — представителями мелкой и неимущей шляхты. Среди 125 человек, привлекавшихся к суду за содействие эмиссарам, к крестьянскому сословию относились 17, к мещанам — 14, неимущей шляхте — 25, духовенству — 7, а 62 были помещиками или принадлежали к помещичьим семьям.

Имеющиеся данные, во-первых, указывают на явное преобладание помещиков среди лиц, содействовавших повстанцам (около 50 %), и на небольшой их удельный вес (около 13 %) среди тех, кто был схвачен с оружием в руках. Во-вторых, они подтверждают факт значительно большего участия трудящихся слоев населения (крестьян, мещан, вольных людей) в активных формах борьбы и относительно слабого их участия в пассивных формах (в первом случае они составляют около 55 %, во втором — около 25 %). В-третьих, из источников явствует, что в числе участников вооруженной борьбы были не только поляки. Например, в отряде М. Волловича (Слонимский уезд Гродненской губернии) не менее половины составляли белорусские крестьяне; в некоторых повстанческих группах на территории Королевства Польского участвовали украинцы и русские (М. Гавриленко, Г. Загребельный, М. Федоров, И. Морозов, П. Степанов).

Как в своей социально-политической программе, так и в тактике организаторы и участники экспедиции Заливского повторяли установки повстанцев 1830—1831 гг. Они не получили поддержки от шляхты и духовенства, за ними не пошло крестьянство, к ним не присоединились городские низы и интеллигенция. А польское войско, являвшееся едва ли не основной силой восстания 1830—1831 гг., было уже расформировано.

БОЛЬШАЯ ЭМИГРАЦИЯ И КОНСПИРАТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ 1830—1850-х ГОДОВ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ

После экспедиции Заливского в истории польского освободительного движения начался почти тридцатилетний этап относительно мирного развития, когда основной формой борьбы была деятельность конспиративных организаций. Как известно, в Королевстве Польском на протяжении 30—40-х годов существовало немало такого рода организаций, причем крупнейшими из них являлись действовавшее главным образом в Варшаве Содружество польского народа, или «свентокшижцы» (1836—1838 гг.); варшавско-люблинская организация 1839—1843 гг., созданная Г. Гзовским, В. Венцковским, А. Карпиньским, а затем фактически возглавлявшаяся Э. Дембовским; довольно разветвленная организация П. Сцегенного, базировавшаяся прежде всего на район Люблин—Радом—Кельце и существовавшая в 1840—1844 гг.; наконец,

охватывающая значительную часть Королевства Польского Организация 1848 года, которая возникла в 1847 г. и действовала почти до конца 1850 г.

В варшавской организации Содружества польского народа были представлены мещане и шляхта, причем выходцы из шляхты составляли 5/6 общего числа участников. Организация, которой руководил Э. Дембовский, имела примерно такой же социальный облик: каждый шестой в ней был выходцем из мещан, а остальные являлись шляхтичами, из которых одна треть не имела признанных властями документов об их «благородном» происхождении. Из тех, кто привлекался к следствию по делу организации Сцегенного, примерно половина были крестьянами. Среди остальных участников — два помещичьих сына, несколько арендаторов имений и ремесленников, остальные — мелкие чиновники, а также учителя, частные служащие, гимназисты, студенты. Судебно-следственные дела содержат сведения о материальном положении этого, в сущности, единого социального слоя. Не имея возможности сколько-нибудь подробно рассказать об этом, приведем лишь выдержку из показаний А. Карпиньского — одного из руководящих деятелей подполья начала 40-х годов и близкого друга Э. Дембовского. Еще в гимназические годы Карпиньский вынужден был обеспечивать себя сам. «В тяжком труде провел я юношеские лета свои, — рассказывал он на следствии. — Шесть часов занят был в классе, восемь — преподаванием частных уроков, два часа уходило на то, чтобы помолиться, одеться, поесть. Следовательно, оставалось мне неполных восемь часов в сутки на отдохновение и учение». В судебно-следственных материалах об Организации 1848 года фигурируют около 200 фамилий. Около 40 % из них составляют низшие чиновники и аппликаны, т. е. люди, которые не имели иных источников существования, кроме своего заработка.

Приведенные цифры не оставляют сомнений в том, что на протяжении рассматриваемого периода социальный состав конспиративных организаций весьма ощутимо демократизировался. Это подтверждается не только и не столько наличием в них определенной крестьянско-ремесленной прослойки, сколько полным преобладанием аппикантов, мелкого чиновничества, представителей интеллигенции, которые хотя и происходили преимущественно из шляхты, но в социально-экономическом смысле имели очень мало общего с этим сословием. По своему материальному положению, перспективам на будущее, а со временем и по образу жизни эти выходцы из шляхты сближались с мещанами и крестьянами, образуя постоянно растущий и весьма динамичный отряд горячих противников существующего строя. Конечно, кое-кто из них видел выход в возвращении к прежним шляхетским вольностям, но подавляющее большинство совершенно определенно связывали свои надежды с ликвидацией феодально-крепостнических порядков и с заменой их порядками буржуазными.

Социально-экономические сдвиги, обусловившие значительную демократизацию состава участников освободительной борьбы,

с одной стороны, и критическое освоение уроков недавних поражений — с другой, сделали неизбежными те серьезные изменения в программных установках движения, которые произошли в середине 30-х годов. С этими изменениями связаны острые теоретические дискуссии среди эмиграции, где были представлены все направления и оттенки тех политических сил, которые существовали в польском обществе накануне и во время восстания 1830—1831 гг. На левом крыле польской эмиграции находилась революционно-демократическая организация «Люд польский» («Польский народ»), возникшая на английской территории в 1835 г. под руководством С. Ворцеля и Т. Кремповецкого и состоявшая из трех громад (общин). Органической составной частью мировоззрения идеологов этой организации являлись идеи утопического социализма. Кроме этого, для их взглядов были характерны две важнейшие особенности: сознание неразрывной связи борьбы за национальную независимость с социальной революцией и резко негативное отношение к своекорыстию имущих сословий и к шляхетским предрассудкам. Т. Кремповецкий, например, анализируя уроки восстания 1830—1831 гг., называл поместную шляхту «предателями Отчизны и человечества» и заявлял, что ее представители, захватившие власть, «не были воодушевлены ни великой идеей, ни революционной мыслью».

Активными деятелями «Люда польского» являлись отдельные шляхтичи, порвавшие со своим сословием, выходцы из мелкобуржуазных слоев, крестьяне. Они подвергали критике как феодальные порядки на польских землях, так и капиталистический строй, с которым познакомились в эмиграции. С. Ворцель, в частности, горячо выступал против частной собственности и права наследования, за переход «собственности навечно в руки общества, в руки совокупности». Программный документ одной из громад «Люда польского» требовал передачи земли и всех ее плодов в распоряжение всего общества, которое в документе фигурировало под названием «Всеобщая Церковь». Известно, что подобного рода уравнилельный, христианский социализм был в те времена выражением стремления крестьянских масс к последовательной, революционной ломке феодальных отношений.

Социальная программа «Люда польского» была наиболее радикальной в польском освободительном движении тех лет, но воздействие она имела довольно ограниченное. Несравненно большим влиянием пользовалось Польское демократическое общество (ПДО) — самая крупная эмигрантская организация, включавшая свыше 4 тыс. членов и просуществовавшая с 1832 по 1863 г. В выступлениях руководящих деятелей Общества В. Хельтмана, Я.-Н. Яновского, Ю. Высоцкого, Л. Мерославского и др., в программных документах ПДО немало говорилось о неразрывной связи борьбы за независимость с социальными преобразованиями, о губительности своекорыстной политики аристократов и помещиков. Однако тональность и существо их высказываний на эту тему были иными, чем у идеологов «Люда польского». Позитивную

часть программы ПДО обуславливали шляхетские сословные пред-
рассудки и боязнь оттолкнуть шляхту от освободительного движе-
ния. Делая уступки помещикам, руководящие деятели Общества
надеялись привлечь к борьбе и крестьян и шляхту; такие расчеты,
как показала жизнь, оказались несбыточными, и прежде всего
в отношении крестьянства.

Правое крыло эмиграции во главе с А. Чарторыским, претен-
довавшим на престол в будущем независимом государстве, ограни-
чивало свою программу национально-освободительными лозунгами
без сколько-нибудь серьезных социальных реформ. По необходи-
мости и не без колебаний они соглашались на замену крестьян-
ской барщины чиншем, размер которого устанавливался бы по
согласованию с помещиками. Правые ориентировались почти
исключительно на имущие слои. Только после 1840 г., когда
жизнь показала полную бесперспективность такой тактики, эмис-
сары лагеря Чарторыских получили инструкции вести агитацию
и среди крестьянства.

Мировоззрение конспираторов, действовавших на польских
землях, развивалось во взаимосвязи с эмиграцией, но своими
собственными путями. Организатор и первый руководитель
варшавского филиала Содружества польского народа Г. Эренберг
являлся автором широко известного антишляхетского стихо-
творения, на слова которого была создана весьма популярная
песня. Вина за поражение повстанцев в 1831 г. возлагалась в песне
исключительно на шляхту и магнатов, а будущая победа револю-
ции прямо связывалась с уничтожением шляхетского сословия.
В программных документах «свентокшижцев» говорилось о том,
что по естественному закону природы люди должны жить в усло-
виях свободы, равенства и братства, что член конспиративной
организации обязан неустанно бороться за возрождение Польши
и за установление народовластия, что ему всегда надлежит быть
последователем демократических принципов и защитником прав
человека. В одном из них содержится, например, следующее
высказывание: «Будущая Польша не будет ни аристократической,
ни католической; в ней все должны иметь равные права, ибо
все вместе их завоюют».

Варшавская конспиративная организация начала 40-х годов,
связанная с Э. Дембовским, не случайно получила во время след-
ствия название «Демократического общества». Программных до-
кументов этой организации не сохранилось, но многочисленные,
вполне подтверждающие друг друга показания ее активных
участников позволяют видеть, что своей целью они считали
восстановление польской государственности на основе коренных
преобразований существующих социально-экономических отно-
шений.

Социальные требования П. Сцегенного и его соратников своди-
лись к ликвидации феодально-крепостнических порядков, к уни-
чтожению сословного, национального и религиозного неравенства,
к объявлению земли всенародной собственностью с выделением

в наследственное пользование земельных участков тем крестьянам, которые их обрабатывают. Они были уверены, что осуществление этих требований создаст общество, в котором все будут счастливы, и навечно установятся свобода, равенство и братство. Фактически их программа под оболочкой утопического социализма выражала интересы трудящихся, прежде всего крестьянских масс, в буржуазной революции. Что касается политической программы, то она заключалась в требовании народовластия и выборности управления во всех его звеньях. Будущее государство Сцеженный и его единомышленники представляли в форме многонациональной республиканской федерации под названием «Всевластие славян», в которой ведущую роль играл бы польский народ. Границы федерации предполагалось установить по Одре, Нысе, Западной Двине и Днепру; предполагалось, что к федерации присоединятся славяне, находящиеся в составе Австрийской империи.

Все это отражало весьма существенные сдвиги, происшедшие в польском освободительном движении на протяжении рассматриваемого периода. Демократизация его состава и программы была замечена даже царским наместником в Варшаве И. Ф. Паскевичем, который о конспираторах середины 40-х годов писал, что они «имеют целью не только ниспровергнуть русское правительство в Польше, но вместе с тем уничтожить и польских дворян-помещиков».

Освободительная борьба тех лет в той или иной мере объединяла различные слои польского общества. Наибольшими потенциальными возможностями обладали при этом крестьянство и городские низы. Несмотря на это, движение в целом имело явно выраженную шляхетскую окраску. Это объясняется тем, что наибольшую активность в деятельности конспиративных организаций, в различных выступлениях против существующих порядков проявляли мелкая и неимущая шляхта, интеллигенция, шляхетско-мещанская по происхождению учащаяся молодежь.

1830—1850-е годы относятся к эпохе шляхетской революционности на польских землях. Однако, пользуясь этим ленинским термином, не следует забывать о том, что реально представляла собой тогдашняя шляхта. Еще в 1790 г., подчеркивая данное обстоятельство, Г. Коллонтай заявлял, что шляхтичами в Польше были, с одной стороны, законодатели, короли, сенаторы, епископы, министры, а с другой — также каменщики, плотники, сапожники, шинкари, кучера, сторожа и даже прислуга в домах некоторых ремесленников, шинкарей, кучеров. Разумеется, это оказывало большое влияние на социальную психологию, на нравы и обычаи польского общества, а также на облик освободительного движения.

«Никто, — говорил К. Маркс в 1848 г., — не станет отрицать, что в Польше политический вопрос связан с социальным. Они всегда неотделимы друг от друга». И в самом деле, наличие указанной взаимосвязи давно уже признается очевидным, однако о соот-

ношении между национальными и социальными задачами движения дискуссировали очень много, да и сейчас споры далеко не закончились. Долгое время одни историки все национальное в польском освободительном движении очерняли и относили к рубрике «национализм», а другие старались не замечать социального аспекта освободительной борьбы и движение 30—50-х годов характеризовали только как «патриотическое», а аристократическое его крыло ставили на одну доску с демократическим. Между тем идеологи правого крыла выдвигали на первый план вопрос о восстановлении независимости Польши и проблему границ не потому, что они не имели социальной программы, а потому, что эта программа была консервативной. Идеологи же левого крыла тоже говорили о независимости и о границах, но главным для них была демократизация общественных отношений. Разница здесь есть, и весьма существенная. Желая признать значение «левицы» в движении, некоторые историки ссылались на количественные показатели и пытались доказать, что левое крыло составляло немногочисленную, обособленную и слабую часть польского освободительного движения. Ныне ситуация изменилась и большинство специалистов признают, что при всех ее несовершенствах радикальная «левица» рассматриваемого периода была главным инициатором и вдохновителем польского освободительного движения.

ВОССТАНИЕ 1863—1864 гг.

На рубеже 50—60-х годов в Российской империи, включавшей большую часть польских земель, сложилась революционная ситуация. В Королевстве Польском, как и во всей стране, важнейшие из требующих решения социальных проблем были связаны с тяжелым положением крестьянства. В ликвидации барщины и иных феодальных тягот на польских землях были жизненно заинтересованы не только крестьяне, но также и занимающиеся сельским хозяйством жители маленьких городов. В середине XIX в. только 5 тыс. шляхетских семей из Королевства Польского являлись помещичьями. Польская буржуазия была относительно слабой, ее политические амбиции не простирались до претензии на самостоятельное управление в будущем независимом государстве, а ограничивались лишь стремлением к разделу власти с имущей шляхтой. Католическое духовенство не выступало как единое политическое целое. Высшие его слои поддерживали имущую шляхту. Большинство же ксендзов, происходивших из мещан либо из разорившейся части шляхетского сословия, было настроено патриотично, но не отличалось революционностью. Шляхетское крыло интеллигенции существенно отличалось по своим взглядам от помещиков, а мещанское — от буржуазии. Значительная часть интеллигенции была настроена оппозиционно по отношению к царским властям и придерживалась демократических воззрений, но устанавливала контакты с народными массами города и деревни

ей было очень трудно, хотя она претендовала на то, чтобы представлять их интересы.

В 1859 г. на польских землях в составе Российской империи усилились проявления антиправительственных настроений — ношение старопольских костюмов, употребление различных украшений с национальными эмблемами, демонстративное празднование годовщин таких, например, исторических событий, как Люблинская уния, Конституция 3 мая или Ноябрьское восстание, пение запрещенных патриотических песен, «кошачья музыка» под окнами коллаборационистов и т. д. Царские власти отвечали на это более или менее значительными репрессиями, но безрезультатно. В первой половине 1861 г. дошло до массовых уличных манифестаций. В Варшаве они были разогнаны с применением оружия и с человеческими жертвами. На площадях появились биваки царских войск, улицы круглосуточно патрулировались, а манифестации переместились в костелы, куда не имели доступа солдаты и казаки. Петербург вступил в переговоры со сторонниками умеренных реформ из имущей польской шляхты В. Велёпольским и А. Замойским.

К концу 1861 г. в польском обществе организационно оформились два основных политических лагеря. В партии «белых» объединялись те, кто отражал интересы имущей шляхты и буржуазии, кто добивался автономии Королевства Польского и присоединения к нему литовских, украинских и белорусских земель в границах 1772 г. В социальной сфере «белые» выступали за ликвидацию феодальных отношений по прусскому образцу — максимальным обезземеливанием крестьянства. Партия «красных» включала разнородные элементы, объединенные лозунгом восстановления национальной независимости; в ней были представлены мелкая и деклассированная шляхта, интеллигенция, городские низы, отчасти крестьянство. Правое крыло «красных», в том числе Л. Мерославский, выдвигало на первый план задачу воссоздания Польского государства в границах 1772 г. и, недооценивая социальные проблемы, практически не выходило в их решении за рамки программы «белых». Левое же, революционно-демократическое крыло (З. Сераковский, Я. Домбровский, К. Калиновский, А. Мацкявичюс) признавало право литовцев, белорусов и украинцев на самоопределение, а в социальной сфере предлагало более радикальные реформы. Одновременно с двумя названными партиями в Королевстве Польском и на прилегающих территориях сложилась интернациональная по составу Революционная организация русских офицеров в Польше, возглавлявшаяся сначала Я. Домбровским, а с середины 1862 г. А. Потебней (отсюда ее второе название — Потебневское общество).

«Белые» избрали тактику пассивной оппозиции, «красные» ориентировались на вооруженное восстание и активно его готовили, намереваясь приурочить выступление к ожидавшемуся весной 1863 г. подъему крестьянских волнений. Однако царские власти по совету Велёпольского нанесли упреждающий удар, рас-

порядившись провести внеочередной рекрутский набор не по жребю, как обычно, а по специальным спискам, в которые была внесена неблагонадежная молодежь, прежде всего из Варшавы и ее окрестностей. Одновременно был отдан приказ о концентрации отдельно расквартированных подразделений царских войск в более крупных населенных пунктах, чтобы усилить их обороноспособность. Руководящий орган «красных» — Центральный национальный комитет (ЦНК) решил вывести в леса всех лиц, подлежащих призыву, а в ночь с 22 на 23 января 1863 г. начать восстание.

В эту ночь вооруженные группы повстанцев совершили налеты на несколько десятков гарнизонов, но в большинстве случаев нападение было отбито. ЦНК опубликовал манифест о передаче крестьянам обрабатываемых ими наделов с последующей компенсацией помещикам за счет государства. Убедившись, что помешать развитию восстания им не удастся, «белые» изменили тактику. Весной 1863 г. они вместе с некоторыми деятелями правого крыла «красных» захватили руководство в ЦНК, который с мая стал называться Национальным правительством. Им была провозглашена диктатура повстанческого генерала М. Лянговича, но он не смог исполнять свои обязанности, поскольку был интернирован австрийцами при попытке перехода границы. Лето 1863 г. ознаменовалось наивысшим подъемом повстанческой активности, охватившей практически все Королевство Польское, а также часть Литвы, Белоруссии и Украины. Строго законспирированное Национальное правительство создало центральные и местные органы управления, установило национальный налог, организовало издание довольно широко распространявшейся повстанческой прессы, направило своих эмиссаров в страны Западной Европы для переговоров о помощи и для закупки оружия, боеприпасов. Довольно длительное время на территории, охваченной восстанием, царская власть нормально функционировала лишь в крупных населенных пунктах, где находились гарнизоны.

Постепенно на основных стратегических направлениях были сосредоточены карательные войска во главе с новым наместником Александра II в Варшаве графом Ф. Ф. Бергом и виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым, получившим специальные полномочия для скорейшего подавления восстания. Действиям карателей благоприятствовали Альвещлебенская конвенция о сотрудничестве с Пруссией и то обстоятельство, что Англия, Франция, Австрия поддерживали восставшую Польшу лишь на словах. Изнутри повстанческое движение ослаблялось двойственной политикой «белых», которые считали его не более чем вооруженной демонстрацией, необходимой в качестве предлога для вмешательства стран Запада. Возглавив Национальное правительство, «белые» саботировали реализацию объявленных в январе аграрных декретов, уклонялись от организации всеобщего народного ополчения и создания единого военного руководства, отвергли помощь со стороны революционных сил Европы и России,

так как боялись радикализации программы повстанческого движения.

В сентябре 1863 г. к руководству Национальным правительством ненадолго пришли «красные», в октябре единоличным диктатором восстания стал генерал Р. Траугут — талантливый организатор и военачальник, не связанный ни с «белыми», ни с «красными». Давление со стороны карателей усиливалось, повстанческие силы пополнялись все слабее и слабее. В некоторых районах восстание продержалось зиму, но к маю 1864 г. оно было практически подавлено. Лишь отдельные небольшие группы продолжали сопротивление; одна из них существовала до весны 1865 г., она состояла преимущественно из крестьян, а возглавлял ее ксендз С. Бжуска. Царизм жестоко расправился с повстанцами: сотни их погибли в боях и были казнены, тысячи — осуждены на каторжные работы в Забайкалье, сосланы в Сибирь или внутренние губернии России либо принудительно отданы на военную службу. Но жертвы не были напрасными. Во-первых, восстание явилось еще одним крупным шагом к национальной консолидации и росту общественного сознания поляков. Во-вторых, оно заставило царизм узаконить те преобразования, которые были сформулированы в повстанческом аграрном декрете. Содержание крестьянской реформы 1864 г. в Королевстве Польском, условия освобождения крестьян в Литве и Белоруссии существенно отличались в лучшую сторону от общероссийской крестьянской реформы 1861 г.

Полная статистическая обработка имеющихся данных об участниках Январского восстания пока не осуществлена. Анализ сведений на 20 тыс. повстанцев Королевства Польского дал следующие цифры: крестьян — около 31 %, мещан — примерно 17 %, дворян и шляхтичей — 47 %, т. е. почти столько же. По сравнению с Ноябрьским восстанием несомненна общая демократизация состава повстанцев, а региональная специфика примерно та же — чем дальше на восток, тем больше выходцев из «благородного сословия» и меньше трудового люда. Из этого следует, что национально-освободительные и социальные задачи гораздо полнее взаимодействовали друг с другом там, где жили поляки и католики, чем в регионах, населенных поляками и неполяками, католиками и православными.

Эпоха Январского восстания ознаменовалась для польского освободительного движения значительным расширением сотрудничества с русским революционным движением. Многообразные контакты существовали между военными и студенческими кружками первой «Земли и Воли», с одной стороны, и конспиративными организациями партии «красных» в Королевстве Польском и западных губерниях — с другой. Революционная организация русских офицеров в Польше являлась связующим звеном между варшавскими «красными» и петербургскими землевладельцами, была их совместным детищем. В июне 1862 г. в Лондоне и в декабре того же года в Петербурге состоялись переговоры между руково-

дящими деятелями русского и польского революционного движения, в ходе которых был официально заключен союз для борьбы против царизма, за избавление от социального и национального гнета. По ряду причин практическое взаимодействие в ходе восстания было организовано не наилучшим образом. Однако сотни русских, в том числе многие члены Потебневского общества, сражались в рядах повстанцев, а А. Потебня был одним из тех, кто отдал жизнь за свободу Польши.

Для знакомства Запада с истинной сутью польского вопроса, пробуждения сочувствия к борющейся Польше немало сделали печатавшиеся в изданиях Вольной русской типографии в Лондоне произведения русских революционеров-шестидесятников, особенно А. И. Герцена, Н. П. Огарева и М. А. Бакунина. На страницах европейской прессы в поддержку восстания высказывались прогрессивные деятели многих стран Запада, ему сочувствовали рабочие организации Англии и Франции. Поддержка поляков, взявшихся за оружие, борьба европейской общественности за справедливое решение польского вопроса сыграли немалую роль в предыстории Первого Интернационала и в начальном этапе его деятельности.

КЛАССОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПОЛЬСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ЭПОХИ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

Кратко изложив имеющиеся данные о социальном составе польского освободительного движения за период с 1794 по 1864 г., попробуем сделать на их основе некоторые обобщения.

Первое из них заключается в том, что понятия «состав участников движения» и «движущие силы освободительной борьбы» тесно связаны друг с другом, но не идентичны. Практически во всех рассмотренных случаях среди социальных слоев, представленных в движении, оказывались и такие, которые не активизировали, а тормозили освободительную борьбу. Крестьянство — сначала как феодальное сословие, затем как складывающийся класс буржуазного общества — всегда было так или иначе представлено в движении, и именно это обстоятельство во многом определяло социальное содержание освободительной борьбы. Наиболее устойчивой и практически постоянной составной частью движущих сил борьбы польского народа являлись те прослойки, которые возникли при разложении феодальных сословий под воздействием капиталистического уклада, прежде всего интеллигенция, а также новые группы мелкой буржуазии и предпролетариат, заметно увеличивавшие общую численность и менявшие структуру городского населения Польши. Для названных прослоек хотя и не одинаковое, но существенное значение имели как социальные, так и национальные стимулы освободительного движения. Чисто

T. Костюшко

Расписание
движения поездов
Варшавско-Венской
железной дороги

Droga żelazna

WARSZAWSKO-

WIENSKA.

Rozkład jazdy. — Rok 1845

Miesiąc Listopad i Grudzien.

Pociągi odchodzą:

	DO LOWICZ		DO WARSZAWY		DO ŁAGOWA		DO WARSZAWY	
	o godz. 10 rano	o godz. 5 1/2 po południu	o godz. 8 rano	o godz. 9 1/2 po południu	o godz. 8 rano	o godz. 9 1/2 po południu	o godz. 8 rano	o godz. 9 1/2 po południu
z Warszawy	10 1/2	5 1/2	8 1/2	9 1/2	8 1/2	9 1/2	8 1/2	9 1/2
z Pruszkowa	11	5 1/2	9 1/2	10 1/2	9 1/2	10 1/2	9 1/2	10 1/2
z Grodziska	11 1/2	5 1/2	10 1/2	11 1/2	10 1/2	11 1/2	10 1/2	11 1/2
z Rody	11 1/2	5 1/2	10 1/2	11 1/2	10 1/2	11 1/2	10 1/2	11 1/2
z Ławowicza	11 1/2	5 1/2	10 1/2	11 1/2	10 1/2	11 1/2	10 1/2	11 1/2
z Ławowicza z przystankami	12 1/2	5 1/2	11 1/2	12 1/2	11 1/2	12 1/2	11 1/2	12 1/2
z Płocin	12 1/2	5 1/2	11 1/2	12 1/2	11 1/2	12 1/2	11 1/2	12 1/2
z Łagowa	12 1/2	5 1/2	11 1/2	12 1/2	11 1/2	12 1/2	11 1/2	12 1/2
z Ławowicza	12 1/2	5 1/2	11 1/2	12 1/2	11 1/2	12 1/2	11 1/2	12 1/2

Pociągi przychodzą do Warszawy:

OSOBYWE z Łowicza o godzinie 6 wieczór; z TOWARAMI z Łagowa o godzinie 7 wieczór

Pociągi osobowe przewożą także towary i wszelkie produkty.

Pociągi z towarami przewożą osoby lecz tylko pojazdami 3^{im} i 4^{ym} klasy.

Pociągi osobowe zatrzymują się na wszystkich przystankach i stacjach. — Pociągi z towarami zatrzymują się na samych tylko stacjach.

W Niedzielę i Święta odchodzić będzie sam tylko Pociąg osobowy o godzinie 10⁰⁰ rano z Warszawy do Łowicza, a nadto o godzinie 3⁰⁰ po południu z Warszawy do Pruszkowa i Grodziska. — Powrót do Warszawy o godzinie 6 wieczór.

Taryfa szczególna opłat za przewóz towarów, produktów i innych ciężarów, wystawiona jest na każdej Stacji drogi żelaznej.

Opłata od jednej Osoby kupieckiej srebrem:

Dokąd?	do Pruszkowa	Grodziska	Rody Ławow.	Ławowicza	Ławowicza	Ławowicza	Płocin	Łagowa
Powoz klasowy	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Warszawy	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Pruszkowa	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Grodziska	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Rody	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Ławowicza	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Ławowicza z przystankami	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Płocin	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Łagowa	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2
z Ławowicza	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2	1 1/2 1 1/2 1 1/2

национальную струю представляла в нем имущая и отчасти средняя шляхта, которая в период общественного подъема либо довольно легко отказывалась от проведения возможных революционных преобразований, либо оставалась в движении для того, чтобы противодействовать его развитию изнутри.

Второй достаточно очевидный вывод заключается в том, что общей тенденцией всего рассматриваемого периода являлась демократизация движения, выражающаяся, с одной стороны, в активизации трудящихся слоев населения, а с другой — в постепенном уменьшении удельного веса и руководящей роли имущей шляхты, что в общем соответствовало усилению социального и ослаблению национального аспекта в движении.

Третий вывод касается той же проблемы взаимосвязей социального и национального аспектов движения, но применительно к бывшим «кресам» Речи Посполитой. Для территории Литвы, Белоруссии и Украины положение существенно осложнялось тем, что там между дворянским сословием и крестьянством вставали, кроме социальных, еще и не менее острые национально-религиозные противоречия. Даже в программно-теоретической сфере правильные пути преодоления этих противоречий видели лишь немногие руководящие деятели движения. На практике же они почти для всех оказались непреодолимыми по ряду объективных причин, в том числе из-за сословно-националистических предубеждений польской шляхты и политической неразвитости основной массы литовского, белорусского и украинского крестьянства. Совершенно очевидно, что это обстоятельство уменьшало возможности революционного сотрудничества указанных народов и ослабляло польское освободительное движение.

Четвертый вывод относится к особенностям освободительной борьбы польского народа по отношению к освободительным движениям других народов Европы. Если сравнивать Польшу с западной частью континента, то ее специфика весьма значительна и принципиальна; если же брать для сравнения Восточноевропейский регион, то здесь обнаруживаются лишь такие особенности польского освободительного движения, которые не могут быть отнесены в разряд качественных различий. Специфика Польши объясняется, во-первых, относительно замедленным темпом общественного развития, во-вторых, типичными для всей Восточной Европы, существенными несовпадениями социальной структуры общества с этнонациональной структурой населения соответствующей территории. На западе Европы формирование нации проходило, как правило, в едином государстве, а формирование буржуазной структуры — в рамках одной нации, что усиливало центростремительные факторы в обществе, содействовавшие его внутренней интеграции. На востоке же в рамках многонационального государства шло формирование наций с противоположными политическими интересами, а новая единая для всего государства социальная структура складывалась в значительной мере из разнонационального «строительного материала».

Р. Трауггут
Косинер
Варшавская
Национальная
гвардия
в 1831 г.

В середине 1860-х годов в польском освободительном движении закончилась эпоха крупных национальных восстаний, хотя польскому народу, несмотря на огромные усилия, не удалось добиться восстановления независимости. Это объясняется не столько внешнеполитическими, сколько внутренними факторами, связанными с окончательным падением феодально-крепостнических отношений в польской деревне. Восстание 1863—1864 гг. было обречено на поражение не действиями карательных войск, а царским указом о ликвидации феодально-крепостнических порядков в польской деревне. Не встретив понимания со стороны польских помещиков и получив землю в результате осуществленной царскими властями реформы 1864 г., крестьянство Королевства Польского в значительной мере утратило интерес к освободительной борьбе. Именно это было главной причиной поражения повстанцев, отдельные группы которых несколько месяцев продолжали героические, но бесперспективные стычки с карателями.

**РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ
В ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗИ С РОСТОМ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
(середина XVIII—середина XIX в.)**

Большие качественные изменения, происшедшие за этот период в культуре и общественном сознании поляков, были обусловлены развернувшимся на польских землях процессом становления капиталистического уклада, постепенного разложения феодально-крепостнических отношений. Существенное воздействие оказывала также внешнеполитическая обстановка, тесно связанная с борьбой между разноориентированными политическими группировками внутри польского общества. Рассматриваемое столетие явилось несомненно периодом заметного, хотя и не далеко зашедшего продвижения различных слоев населения к единой национальной культуре, к некоторому нивелированию нравов и обычаев, несколько уменьшившему непроницаемость межсословных перегородок как в материальной, так и в духовной сфере.

Характеризуя процесс развития польской культуры, очень важно не забывать о том, что этот период состоит из двух частей, четко отделяемых друг от друга датой завершения разделов Речи Посполитой и ликвидации польского независимого государства. Несомненно, польская культура и после 1794 г. опиралась на богатое наследие прошлого, во многом следовала сложившимся традициям; без этого не могло быть и речи о прогрессе культуры в целом, дальнейшем обогащении всех ее составных частей. Однако в условиях отсутствия политической независимости историческая роль культуры стала гораздо более значительной, ибо именно она была совершенно очевидным признаком сохранения национального единства в разделенной Польше и важным, во многих случаях важнейшим, орудием поддержания определенной части общества в постоянной готовности к более или менее активному участию в национально-освободительном движении.

Польская культура рассматриваемого периода отражала структуру тогдашнего общества. Ее составными частями были: придворная королевско-магнатная культура, поместно-дворянская культура средней и мелкой шляхты, культура мещан и неродовитого населения городов и местечек, крестьянская культура. Различия между ними постепенно уменьшались, взаимопроникновение и взаимовлияние усиливались как под воздействием социально-экономических факторов, связанных с процессом перехода от феодализма к капитализму, так и под влиянием чувства национального единства, обострившегося в результате раздела польских земель. Различной была и возможность пользоваться культурными

благами, способность их восприятия на уровне, адекватном замыслу автора. В этой области также происходили определенные сдвиги, но расширение круга потребителей культурных ценностей шло медленно, охватывало довольно тонкий слой городского населения и практически не затрагивало крестьянство. Не только расширялось, но и менялось по своему составу социальное положение создателей таких ценностей: полупрофессионализм и придворное дилетантство начали отходить на второй план еще на рубеже XVIII и XIX вв., а к середине XIX в. господствующее положение заняли профессионалы, понимавшие культурную деятельность как служение обществу и как главный, а то и единственный, источник существования.

По уровню развития культуры в целом и ее отраслей различные регионы Польши значительно отличались друг от друга. Роль главных культурных центров играли в соответствии с меняющимися обстоятельствами различные города. Например, в литературном движении на первом плане находились: в XVIII в. — Варшава с королевским двором, с 1784 по 1812 г. — магнатная резиденция Чарторыских в Пулавах, в 1815—1830 гг. — опять Варшава и Виленский университет, в 30—40-х годах — Галиция и Краковская республика, затем — Королевство Польское (прежде всего Варшава) и Галиция (Краков, Львов). Весьма значительный вклад в культуру вносила многочисленная и общественно активная политическая эмиграция. В какой-то мере это дало о себе знать вскоре после восстания Т. Костюшко. Весьма видное, в некоторых областях ведущее, положение заняли эмигранты после восстания 1830—1831 гг. Это широко отразилось на литературном процессе, но более всего на развитии общественной мысли, которую в эмигрантских условиях не стесняла цензура.

Рассматриваемое в данной главе столетие, особенно первая половина XIX в., являлось несомненно периодом быстрого и разностороннего развития польской национальной культуры. Не обособлявшаяся и ранее, она в этот период расширила и упрочила связи с западноевропейской культурой, а также с культурой русского и других славянских народов. Но характерным для рассматриваемого периода является то, что, осваивая иноземный опыт, польская культура не только не теряла своего специфического облика, но и приобретала все более отчетливые национальные черты. Это явственно отразилось в литературе, изобразительном искусстве, музыке, общественной мысли, на образе жизни, нравах и обычаях.

На протяжении рассматриваемого столетия ощутимо возросло значение городов как политических и культурных центров, как мест, где начало развиваться промышленное производство, росло предложение различных услуг и развлечений. Совершенствовалось городское хозяйство, менялся внешний вид административных и жилых построек. Каменное строительство сильно потеснило деревянное, расширялась водопроводная и канализационная сеть, поднимался уровень благоустройства улиц, уличное освещение

распространялось все шире, вместо масляных ламп к середине XIX в. начали кое-где ставить газовые фонари. Менялись вкусы в отношении одежды и обуви, особенно быстро у городской шляхты, а также у выходцев из других социальных слоев. Наряды «европеизировались» в смысле как силуэтов, так и материалов, используемых для их изготовления. Распространялось курение, причем сначала были модными трубки и сигареты, а затем более дешевые, «демократичные» папиросы.

С последних десятилетий XVIII в. в Польше выходило около 80 периодических изданий, тираж некоторых из них достигал 2 тыс. экземпляров. Во время подъема национально-освободительного движения количество названий и тиражи увеличивались: в 1848 г. было 105, в 1861—1864 гг. — около 100 в большинстве своем нелегальных изданий, а тиражи доходили до 5—8 тыс. Преимущественно это были журналы и газеты информационно-политического, культурного, научно-технического характера. К середине XIX в. появились богато иллюстрированные журналы, а также специализированные периодические издания для детей и простолюдинов.

В середине XVIII в. 93—95 % поляков были неграмотными, даже среди шляхты каждый второй не мог ни читать, ни писать. К началу 1870-х годов в Королевстве Польском и Галиции грамотных было около 20 %, а в Княжестве Познанском и Силезии — 60—70 % населения. В реформе образования и распространении грамотности большую роль сыграла Эдукационная комиссия. Это учреждение, созданное в 1773 г. и просуществовавшее до апреля 1794 г., было фактически первым в Европе министерством народного просвещения. Материальной базой для осуществления проведенных Эдукационной комиссией реформ послужили весьма значительные имущественные распущенного Ордена иезуитов. Активными деятелями комиссии являлись А. К. Чарторьский, Г. Коллонтай, И. Потоцкий. При их участии прошла реорганизация высшего образования, причем преподавание было в основном переведено с латинского на польский язык. В годы существования Комиссии в Речи Посполитой функционировали 74 средние и неполные средние школы в воеводствах и уездах, а также около 1600 начальных школ при парафиях (приходах). По инициативе Комиссии было создано специальное общество для издания «элементарных книг», т. е. букварей и других учебных пособий для парафиальных школ. Эдукационная комиссия просуществовала недолго, но дала мощный толчок развитию культуры и просвещения на польских землях. Однако после 1794 г. на это развитие оказывали воздействие специфические условия каждой из трех частей разделенной Речи Посполитой.

Основанное в 1800 г. варшавское Общество друзей науки существовало до 1831 г. и многое сделало для расширения научных исследований, особенно по естествознанию. Руководили Обществом виднейшие польские ученые и писатели, в том числе Ю.-У. Немцевич и С. Сташиц. В 1802 г. Академия в Вильно была

реорганизована в университет с теологическим, философским, юридическим и медицинским факультетами. Ректором Виленского университета стал Я. Снядецкий; воспитанник этого учебного заведения И. Лелевель — крупнейший из польских историков своего времени — с 1815 г. занял в нем кафедру истории. 1818 годом датируются основание Варшавского университета и учреждение в Королевстве Польском высших технических школ. Кроме этого, на территории России существовал созданный еще в 1804 г. Кременецкий лицей, где получали образование прежде всего польские шляхтичи Правобережной Украины. Преподавание в перечисленных учебных заведениях велось на польском языке, профессорами и преподавателями в них были видные польские ученые. Однако после подавления восстания 1830—1831 гг. царское правительство закрыло их в связи с тем, что студенты, а отчасти и преподавательский состав активно участвовали в национально-освободительном движении.

Австрийские власти сразу же перевели на немецкий язык преподавание в находившейся в Кракове Академии (так назывался до 1870-х годов Ягеллонский университет). С включением Кракова в Княжество Варшавское (1809 г.) польский язык возвратился в преподавание, а в Вольном городе Кракове Ягеллонский университет получил права академической автономии. Преподавание в Львовском университете до 1824 г. велось на латинском языке, а затем было переведено на немецкий. В 1817 г. во Львове Ю.-М. Оссолинским было основано библиотечно-книгоиздательское и научное учреждение Оссолинеум; его роль в собирании и изучении исторических памятников, в развитии польской культуры весьма значительна. В 1854 г. Польша оказалась лишенной собственных высших учебных заведений, поскольку после присоединения Кракова к Австрии в Ягеллонском университете преподавание было германизировано. В Варшаве вместо закрытого университета были созданы двухгодичные юридические, педагогические и медицинские курсы. В годы наместничества И. Ф. Паскевича практиковалось командирование молодых людей из Королевства Польского в Петербургский и Московский университеты, но охотников было сравнительно немного, хотя значительной части командироваемых назначалась стипендия. На отошедших к Пруссии польских землях не существовало польскоязычных высших и средних специальных учебных заведений. Там сравнительно широкой была сеть начальных школ, оставленных в ведении католической церкви. Однако, во-первых, качество обучения в них было невысоким, во-вторых, преподавание на польском языке разрешалось только в Познанском княжестве и Верхней Силезии, но и там примерно половина начальных школ была германизирована.

Довольно видную роль в накоплении научных знаний Польша играла еще в период средневековья. В конце XVIII—начале XIX столетия на польских землях сложились условия, позволившие изучению природы и общества стать наукой в современном понимании этого слова. Утрата политической независимости заста-

вила образованную часть общества с особой настойчивостью бороться за сохранение достигнутого уровня и дальнейшее развитие важнейших научных дисциплин. Большую роль сыграли при этом научные общества, успешная деятельность которых была бы невозможной без значительной материальной поддержки имущей части населения всех частей разделенной страны. Многие в этой области сделали уже упоминавшееся варшавское Общество друзей науки. Оно старалось объединить усилия как консерваторов, так и радикалов, отвергало чисто эрудиционный подход к научным знаниям и развернуло свою деятельность под лозунгом: «Наука на службе Отчизны». По словам представителя Общества С. Сташица, оно ставило перед собой три главные задачи: изучение и усовершенствование польского языка; сохранение священной памяти об исторических деятелях народа; всестороннее познание родной земли и ее плодов. Памятником деятельности Общества в области лингвистики является многотомный Словарь польского языка, подготовленный С.-Б. Линде и сохранивший научное значение до настоящего времени. Общество завершило начатое в 1780 г. издание семитомной Истории польской нации А. Нарушевича, охватывающей события от начала христианства до 1386 г.; оно инспирировало, а отчасти и финансировало плодотворную исследовательскую и популяризаторскую работу в этой области таких ученых и писателей, как Ю.-У. Немцевич, Т. Чацкий, В. Суrowецкий. В развитие природоведческих наук, особенно геологии, внес вклад С. Сташиц, при содействии Общества было существенно продвинуто вперед развитие технических дисциплин, агрономии, медицины. Материальным памятником деятельности Общества стало его монументальное здание, которое было построено архитектором А. Корацци и получило название «Дворец Сташица».

Кроме варшавского Общества друзей науки, существовало Научное общество Ягеллонского университета, возникшее в 1815 г. и ставшее позднее базой для создания в Кракове общепольской Академии знаний. С 1770-х годов и до восстания 1794 г. едва ли не самую заметную роль в краковских научных кругах играл известный ученый и общественный деятель Г. Коллонтай, занимавшийся закономерностями развития природы и общества. Традиции тех лет в определенной мере послужили опорой созданного после Венского конгресса Научного общества. По предложению его создателя К.-С. Бендке в Обществе были созданы специализированные отделы по теологии, юриспруденции, медицине, математике, а также посвященные наукам о литературе, хозяйстве и всяческих искусствах. Перипетии истории Кракова, разумеется, отражались на деятельности Научного общества, но оно так или иначе преодолеvalo возникавшие трудности, пока в 1852 г. австрийские власти не закрыли его за активное вмешательство в политическую жизнь. Восстановить Общество удалось лишь через четыре года, причем его деятельность пришлось сосредоточить в отраслевых комиссиях, из которых своей активностью выделялись бальнеологическая и физиографическая.

В Княжестве Познанском прусские власти долго препятствовали объединению польских научных и культурных сил. В 1828 г. соответствующие инстанции отказом ответили на просьбу разрешить Обществу друзей сельского хозяйства, промышленности и просвещения, несколько лет позднее они отвергли предложение о создании предназначенной для помощи ученым и писателям организации Гражданская помощь. Чем-то вроде такой организации, но в замаскированной форме, стало с 1835 г. «Казино» — клуб и гостиница в Познани, где встречались и получали поддержку деятели польской науки и культуры. Только в 1857 г. было наконец, получено разрешение на создание Познанского общества друзей наук, которое ставило перед собой задачу содействовать развитию польской науки и культуры. Возглавили Общество на первом этапе его истории известные общественные деятели — философ А. Цешковский и писатель, публицист и ученый К. Либельт.

Организацию и финансирование научных исследований осуществляли не только университеты, научные общества и другие упоминавшиеся выше учреждения. Этим занималось немалое число частных лиц, начиная с членов королевской семьи, крупных магнатов и высокопоставленных представителей духовенства и кончая состоятельными людьми из так называемого третьего сословия, причем значительная часть из них в этническом смысле не принадлежала к польской нации. Частные меценаты и государственные органы охотно финансировали исторические и беллетристические сочинения патриотического содержания. Мотивировалось это расширением народного образования, стремлением привлечь всю нацию под знамена борьбы за независимость. Но нередко такого рода популяризаторская деятельность приобретала отчетливый оттенок пропаганды национального мессианизма.

Вслед за материальными условиями и наукой существенным образом трансформировались общественная мысль, политическая культура. Для общественной мысли весьма важным оказалось, в частности, осознание, может быть, и не большинством, но значительной частью поляков того, что неотъемлемой частью польской нации являются наряду со шляхетским сословием также феодально зависимое крестьянство и мещане. Что касается политической культуры, то здесь заслуживающим особого внимания представляется разочарование очень многих в шляхетской демократии, крайности которой явились одной из причин потери независимости. Разочарование это было настолько сильным, что нередко даже в самых радикальных кругах оказывалось предпочтение монархической форме правления перед республиканской, ибо над участниками дискуссий довлел негативный опыт политической системы Речи Посполитой. Популяризировался и осваивался также опыт других стран, в том числе политические коллизии Великой французской революции, судьбы английского парламентаризма, входившая в жизнь республиканская Конституция Североамериканских Соединенных Штатов. Приобретали известность и своеоб-

разно приспособлялись к местным условиям теории утопического социализма (в частности, в воззрениях П. Сцегенного, Я. Чиньского, З. Свентославского), философия Гегеля (его последователями были Э. Дембовский, А. Цешковский, Б. Трентовский). Довольно широкий отклик получили романтические мессианистские философские концепции Ю. Гоене-Вроньского, А. Товьяньского.

В истории польской литературы рассматриваемое столетие является одним из наиболее интересных и плодотворных периодов. Это в значительной мере обусловлено тем, что многократно увеличилось общественное значение литературного и всего художественного творчества, ибо накануне, а тем более после разделов польская художественная литература осуществляла фактически особую общественно-политическую функцию, присущую ей в гораздо большей мере, чем иным национальным литературам Европы. В разделенной Польше она не только ярко отражала реальную жизнь народа, попавшего в очень трудное положение, но и успешно боролась за сохранение единства духовной жизни разделенной нации, активно содействовала бурному росту национального самосознания. При этом параллельно, в тесной взаимосвязи и соревновании друг с другом, развивались литературные центры в Варшаве, Кракове, Познани, Пулавах, а также в Вильно, Львове и центры многочисленной польской эмиграции в странах Западной Европы, прежде всего во Франции. В этих условиях, естественно, публицистика сближалась с художественным творчеством, а литература насыщалась политически злободневным содержанием.

Литераторы группировались вокруг существовавших печатных органов и финансирующих их творчество меценатов. Литературные салоны 1760—1780-х годов отличались характерными чертами эпохи — они возникали и функционировали около тех имущих власть и деньги, кто оказывал материальную поддержку и соответственно определял основную идейно-эстетическую направленность произведений данной группы писателей. Салон при дворе короля Станислава Августа, собиравшийся главным образом в Лазенках, был местом, где много лет на четверговых обедах бывали, в частности, такие известнейшие польские литераторы последних десятилетий XVIII в., как Ф. Богомолец (1720—1785 гг.), И. Красицкий (1735—1802 гг.), А. Нарушевич (1733—1796 гг.), С. Трембецкий (1735—1812 гг.). Их произведениям не был чужд сервильизм по отношению к меценату, но творчество в целом основывалось на просветительских идеях и пропагандировало те прогрессивные реформы, которые так или иначе поддерживал Станислав Август. Это особенно проявилось, например, у И. Красицкого в поэме «Мышеида», романах «Приключение Миколая Досвядчинского» и «Пан Подстолий», у А. Нарушевича — в его «Сатирах». В литературе польского Просвещения высмеивались нравы, быт и политические взгляды старозаветной шляхты и связанной с ней части духовенства, на ее страницах велась борьба за права и чистоту польского языка, обсуждалось неумеренное увлечение

латынью и французским языком. Писатели, развивая литературный язык, использовали нередко богатства народной речи. Сторонники этого направления верили в человеческий разум, который, по словам Г. Коллонтая, «выполнил уже две великие задачи: он познал, что такое фанатизм, и выкорчевал его, познал, что такое деспотизм, и начал под него основательно подкапываться».

Несколько позже видное место в польской литературе заняли идеологически связанные со своими предшественниками Т. К. Венгерский (1755—1787 гг.), Ф. Заблоцкий (1750—1821 гг.), Ф. Карпиньский (1741—1825 гг.), Ф. Князьнин (1750—1807 гг.), Ю.-У. Немцевич (1757—1841 гг.). Для части из них меценатом был также королевский двор, пока он существовал, другие пользовались материальной помощью и поддержкой семейств Чарторьских. Критичность художественной литературы по отношению к строю и традициям старой Речи Посполитой особенно усилилась во время Четырехлетнего сейма. Наиболее радикальных позиций придерживался поэт Я. Ясиньский (1759—1794 гг.) — «польский якобинец», резко осуждавший в своих произведениях сословные привилегии и различные формы социальной несправедливости. Этот поэт-революционер, погибший в ходе восстания Т. Костюшко, в своем последнем стихотворении, обращенном к польской нации, писал: «Там, где народ сказал: хочу быть свободным, он всегда добивался свободы».

В конце XVIII—начале XIX в. преобладающим литературным направлением у польских писателей был классицизм. Постепенно усиливаясь, рядом с ним развивался сентиментализм. По сравнению со своим западноевропейским собратом он был гораздо более салонным и вычурным. Но были в нем и обращение к крестьянскому быту, фольклорные мотивы. Будучи гуманистичным по своей основной направленности, он сосредоточивался в основном на том, что связано со сферой морали и нравственности. Крупнейшим представителем польского сентиментализма стал Ф. Карпиньский, занимавший должность секретаря А. К. Чарторьского и являвшийся одной из центральных фигур в пулавском литературном салоне. Любимым жанром Карпиньского были небольшие камерные стихотворения — любовная и религиозная лирика, а также песни, в значительной части посвященные переживаниям простых людей и до сих пор сохранившиеся в народной традиции.

На западе Европы романтизм в литературе отчасти был связан с реакционными и политическими течениями, отвергавшими идеалы Великой французской революции. По-иному обстояло дело в Восточноевропейском регионе, в том числе на польских землях, где становление капитализма и формирование буржуазных наций происходило со значительным запозданием. Романтизм здесь сделался составной частью идеологии революционных организаций и национально-освободительных движений.

Начало польской романтической литературы специалисты датируют 1822 г., когда в Вильно вышел первый томик произведений А. Мицкевича (1798—1855 гг.). Он родился в обедневшей

шляхетской семье тогдашней Гродненской губернии, в 1815—1819 гг. учился в Виленском университете, затем несколько лет учительствовал в Ковно (Каунасе). В 1824 г. царские власти выслали А. Мицкевича «во внутренние губернии» России за активное участие в польских патриотических организациях — обществах филоматов и филаретов. В ссылке он сблизился с А. С. Пушкиным и некоторыми декабристами, с 1829 г. находился в эмиграции, главным образом во Франции. Большую известность среди польской молодежи получили патриотические стихи А. Мицкевича — «Песнь филаретов» и «Ода к молодости» (1820). К числу его самых известных произведений относятся: поэмы «Дзяды» (1823) и «Конрад Валленрод» (1828), а также стихотворный цикл «Крымские сонеты» (1826), получивший особенно широкую известность у русского читателя.

В борьбе за утверждение польского революционного романтизма значительную роль сыграл М. Мохнацкий (1804—1834 гг.) — выдающийся публицист, литературный критик и активный политический деятель конца 20-х — начала 30-х годов. В своей книге «О польской литературе XIX в.» М. Мохнацкий попытался определить теоретические основы и специфические черты эстетики творчества польских писателей-романтиков. На первом этапе своего развития наряду с А. Мицкевичем романтическое направление было представлено творчеством А. Мальчевского (1793—1825 гг.), Б. Залеского (1802—1886 гг.), С. Гоциньского (1801—1876 гг.). В их произведениях видное место занимали исторические события более или менее отдаленного прошлого, широко использовались фольклорные мотивы и народная речь — не только польская, но также украинская и белорусская. В произведениях писателей-романтиков, посвященных прошлому, героем зачастую становился современный человек, одетый в исторический костюм, а их содержание воплощало актуальные политические идеи польского национально-освободительного движения.

Десятилетия между восстаниями 1830—1831 и 1863—1864 гг. ознаменовались в польской литературе сначала расцветом романтического направления, а затем появлением и заметным развитием реалистических тенденций.

Продолжалась творческая деятельность крупнейшего поэта-романтика А. Мицкевича. В 1832 г. появились третья часть его «Дзядов» и публицистическое произведение «Книги польского народа и польского пилигримства». В «Книгах» поэт изложил мессианистскую концепцию истории человечества, идеализируя при этом роль польской государственности, провозглашая поляков избранной нацией, которая своими страданиями обречена заплатить за будущую свободу и братство всех народов. Вышедшая в 1834 г. поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш» рисовала яркую картину нравов и обычаев польской шляхты. В ней уважение к национальным традициям сочеталось с осуждением неизжитых черт сарматизма, с пониманием неизбежности обреченности патриархальной старины.

После восстания 1830—1831 гг. рядом с А. Мицкевичем занял место другой великий поэт польского романтизма — Ю. Словацкий (1809—1849). Его широкая известность началась с появления в 1833 г. драмы «Кордиан»; во второй половине 30-х годов вышли из печати поэма «Ангелли», сказочные драмы «Балладина» и «Лилия Венеда», а в 1843—1845 гг. была создана реалистическая в своей основе пьеса «Фантазий», в которой дан обобщающий критический портрет польского помещичьего дворянства тех лет на примере разорившегося подольского шляхтича. Ю. Словацкий язвительно высмеивал ходульно-напыщенный консервативный романтизм Красиньского, романтическую позу людей, вся жизнь которых подчинена сугубо материальным интересам. Он осуждал и высмеивал своекорыстие и инертность польской шляхты, которую считал главной виновницей поражения польских повстанцев в 1794 и 1831 гг. Но это вовсе не было отказом от романтизма высоких идей, от преклонения перед готовностью к самопожертвованию. Будучи демократом, Ю. Словацкий нередко выступал против религиозного фанатизма и отрицательно оценивал роль папства. Однако в последние годы жизни в его произведениях («Король-Дух», «Серебряный сон Саломеи» и др.) появились отчетливо выраженные мистические тенденции.

В романтическом ключе, а с 40-х годов на грани романтизма и реализма звучало творчество многих в свое время весьма популярных польских поэтов. Среди них назовем, в частности, К. Балянского (1817—1864 гг.), Р. Бервиньского (1819—1879 гг.), В. Вольского (1822—1882 гг.), Г. Эренберга (1818—1895 гг.), но следует иметь в виду, что романтическая литература была гораздо шире и богаче. Она развивалась на польских землях в теснейшей связи с национально-освободительным движением. Эта связь была не только идейной и эмоциональной, но и персональной. Практически не было на польских землях конспиратора, у которого не находили бы при аресте полных текстов или выписок из произведений известных романтиков, а зачастую и собственных произведений подобной направленности. Большинство писателей-романтиков либо непосредственно участвовали в конспиративных организациях, либо имели постоянные контакты с конспираторами на польских землях и политической эмиграцией за их пределами. А. Мицкевич был участником филаретско-филаретского общества в Вильно, Г. Эренберг руководил варшавской организацией «Содружество польского народа» в 30-х годах, Э. Дембовский в начале 40-х годов фактически возглавлял варшавско-люблинское Демократическое общество, а затем активно участвовал в Краковском восстании 1846 г.

Одним из представителей консервативного направления в польском литературном романтизме являлся З. Красиньский (1812—1859 гг.). В «Небожественной комедии», драме «Иридион», в «Псалмах будущего» он, признавая слабость феодальных устоев, тем не менее тенденциозно и неприязненно изображал революционных вождей, проповедовал покорность воле божьей и власть

А. Мицкевич

Ф. Шопен

И. Лелевель

имущим, призывал к созданию возглавляемого шляхтой союза всех сословий. Консервативное направление было также представлено романистом Г. Жевуским и литературным критиком М. Грабовским.

Заканчивая обзор польской литературы первой половины XIX в., необходимо указать еще на три стоявшие несколько особняком крупные фигуры. Это Ю. И. Крашевский (1812—1887 гг.), который говорил о себе, что он «слишком красный для белых и слишком белый для красных». Гуманист по основной направленности своего творчества, он был сторонником отвлеченно понимаемого прогресса. Во множестве его повестей и романов, воссоздававших жизнь и быт польской шляхты и крестьянства, проповедовались патриархально-евангелические идеалы, патриотизм ставился выше религии и костела. Это умеренный консерватор А. Фредро (1793—1876 гг.), популярный и плодовитый драматург-комедиограф, углубивший реалистические традиции польского классицизма и на много десятилетий вперед обогативший репертуар польского театра. Объективно та критика, которой он подверг жизненный уклад и мировоззрение польской шляхты, носила несомненно прогрессивный характер. Это, наконец, Ц. К. Норвид (1821—1883 гг.) — оригинальный и высокоталантливый поэт философского склада, излагавший мысли, не всегда понятные его современникам, но получившие высокую оценку позднее. Он романтически верил в высокую миссию искусства, призванного к тому, чтобы философски переосмыслить реальный мир и обыденную жизнь, понять смысл истории человечества и предназначение человека. Хронологически выходя за рамки данной главы, творчество трех только что названных писателей прочно связывает описанный и последующий этапы литературного процесса.

На развитие архитектуры и изобразительного искусства оказывали воздействие те же основные объективные факторы, которые влияли на литературный процесс: социально-экономическая

и политическая обстановка, смена если не господствующих, то достаточно модных художественных направлений (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм).

В 1760—1780-х годах польской архитектуре были свойственны черты переходного периода, сочетавшие строгие формы классицизма с вычурностью барокко и рококо: Уяздовский дворец и первый вариант перестройки королевского замка в Варшаве. Окончательный проект этой перестройки следовал уже классицистическим канонам. Образцом польского классицизма в архитектуре может служить дворцовый ансамбль в Лазенках, спроектированный Д. Мерлини. На магнатском уровне такими образцами стали дворцовые ансамбли, принадлежавшие Чарторыским в Пулавах и М. Огиньскому, а затем Радзивиллам в Неборове. На протяжении последней четверти XVIII в. было спроектировано и построено немало заметных в архитектурном смысле общественных и жилых зданий, главным образом в Варшаве. За три первые десятилетия XIX в. там складываются такие крупные ансамбли, как Театральная и Банковая площади, а также улица Новый Свят, включая дворец Стащица, построенный архитектором А. Корацци (1792—1877 гг.). Постройки этих лет и сложившиеся традиции долго оказывали воздействие на архитектурный облик польской столицы.

В польское изобразительное искусство эпоха Просвещения внесла свойственный классицизму рационализм и стремление преодолеть разного рода религиозные запреты в отношении восприятия реальной действительности. Важнейшие художественные центры сложились при королевском дворе, в усадьбах крупных магнатов, прежде всего в Пулавах у Чарторыских. Большую ценность представляли реалистические виды Варшавы и бытовые сценки 60—80-х годов Б. Белотто (Каналетто), талантливые полотна придворного художника Станислава Августа М. Баччиарелли, в частности шесть его картин на исторические темы для королевского замка в Варшаве. Современное состояние польского общества, в том числе образы простых сельских тружеников, мастерски воспроизводили работы Я. П. Норблина (1745—1830 гг.). Среди профессиональных живописцев пользовались известностью Ф. Смуглевич (1745—1807 гг.), К. Войняковский (1771—1812 гг.), ученик Норблина А. Орловский (1772—1832 гг.), который с 1802 г. жил в России.

Патриотическая струя, характерная для польского изобразительного искусства эпохи Просвещения, заметно усилилась в первое тридцатилетие XIX в. Об этом свидетельствуют, в частности, произведения крупнейшего художника этого периода А. Бродовского (1784—1832 гг.), а также работы В. Ваньковича (1799—1842 гг.), М. Стаховича (1768—1825 гг.). Польские живописцы и скульпторы творили не только в Варшаве, где в 1816 г. для них было открыто специальное отделение — Школа изящных искусств при университете, не только в Кракове, где в 1818 г. была создана Академия изящных искусств, но также в Вильно и Львове, где

на рубеже веков сложились самостоятельные художественные центры.

Изобразительное искусство все шире отражало жизнь средних слоев общества, а отчасти и народных низов, оно становилось доступным все более широкому кругу ценителей прекрасного. Картины и скульптуры приобретали наряду со шляхтичами некоторые купцы и мещане, все чаще проводились публичные художественные выставки, привлекавшие немало посетителей. Шло становление художественной критики, появились теоретические сочинения, первым из которых стала вышедшая в 1815 г. работа С. К. Потоцкого «Об искусстве у древних, или Винкельман польский».

В 40—50-х годах процесс демократизации творческого процесса и восприятия изобразительного искусства продолжался. Многие художники стремились глубже проникнуть во внутренний мир обычного человека в типичной для него обстановке и реалистически воспроизвести результаты своего исследования. Такими чертами отличались портреты Б. Домбровского (1800—1861 гг.), в этом жанре успешно работали Я. Ф. Пиварский (1734—1859 гг.), Я. Н. Гловацкий (1802—1847 гг.). Пользовались популярностью у любителей живописи и у художников реалистически трактуемые батальные сцены, в особенности связанные с национально-освободительной борьбой польского народа. Речь идет, например, о творчестве баталиста Я. Суходольского (1795—1875 гг.).

В общем потоке развития польской культуры заметное место занимали музыка и театр. Их эволюция тоже шла от характерного для феодальной эпохи меценатства королевского двора и крупных магнатов к буржуазным по своему существу формам организации и финансирования творческого процесса. Первый драматический театр был основан в 1765 г. при королевском дворе, первая польская опера «Изменившийся философ» была поставлена в 1771 г. в Слониме магнатом М. Казимежем Огиньским, который написал для нее либретто и музыку. Ряд комических опер, а они преобладали в первое время, поставил, а отчасти и создал В. Богуславский (1757—1829 гг.), которого называют «отцом польского театра». Главным образом в жанре танцевальной музыки творил М. Клеофас Огиньский (1765—1833 гг.), один из его полонезов до сих пор пользуется популярностью в Польше и за ее пределами. С 1810 по 1842 г. дирижером варшавского оперного театра был К. Курпиньский, создавший ряд опер на сюжеты польской истории, в том числе «Ядвига» на слова Ю.-У. Немцевича. К. Курпиньский горячо отстаивал требование национального колорита в музыке и заявлял: «Будем петь красиво, но для всего польского народа». Видное место в польской музыкальной культуре уже занял в рассматриваемый период благодаря своей опере «Галька» (1848 г.) и песенному творчеству С. Монюшко (1819—1872 гг.).

К 30—40-м годам относится расцвет творчества одного из крупнейших деятелей мировой музыкальной культуры польского композитора Ф. Шопена (1810—1849 гг.). После восстания 1830—

1831 г. он вынужден был покинуть родину и творить в тяжелых условиях эмиграции. Несмотря на это, музыка Шопена была оптимистической, хотя в ней не могли не отражаться и трагические чувства польских патриотов, героически боровшихся за восстановление независимости своей многострадальной родины. Н. А. Римский-Корсаков, посвятивший Ф. Шопену свою оперу «Пан воевода», говорил: «Польский национальный элемент в сочинениях Шопена, которые я обожаю, всегда возбуждал мой восторг».

За 100 описанных нами лет в польской культуре произошли весьма существенные изменения. Прежде всего перемены сводятся к тому, что ее феодальный в начале этого периода облик приобрел так много буржуазных черт, что в 60-х годах они стали преобладающими на всех польских землях. Это нашло свое отражение в подъеме науки и просвещения, в демократизации процесса воспроизводства и потребления духовных ценностей во всех сферах культуры, в области финансирования литературы и искусства. В результате деятельности специальных учебных заведений, с появлением все расширяющегося рынка произведений искусства изменился социальный статус художественной интеллигенции. Вместе с работниками науки и просвещения она образовала большую общественную силу, значительная часть которой своим происхождением, положением и видами на будущее оказалась тесно связанной с развитием польского национально-освободительного движения.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ
ПОЛЬСКОГО НАРОДА
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ
В 1864—1914 гг.**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ СИТУАЦИЯ
И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ, ГЕРМАНИИ
И АВСТРО-ВЕНГРИИ**

За 50 лет после восстания 1863—1864 гг. в мире произошли перемены, имевшие большое значение для всей Европы и для государств, захвативших польские земли. Основным моментом было поступательное развитие капитализма и переход его в монополистическую стадию с вытекающими из этого экономическими, политическими, социальными последствиями, складывание в начале XX в. готовившихся к мировой войне империалистических блоков. В них вошли разделившие Польшу державы, впервые оказавшиеся не заодно. Изменилось и международное положение: Россия ослабела и потеряла роль жандарма Европы, тогда как Австрия стабилизировалась на основе преобразования в 1867 г. в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, а Пруссия добилась укрепления союза немецких государств и создания в 1871 г. Германской империи. Эти изменения происходили на фоне развивавшейся в Европе революционной борьбы за национальное и социальное освобождение. Возникли национальные рабочие партии и Социалистический Интернационал.

События европейского и мирового масштаба накладывали отпечаток на политику России, Германии, Австро-Венгрии, в частности, и в отношении Польши. Эта политика становилась важным фактором, осложнявшим процесс развития польского народа.

После подавления восстания 1863—1864 гг. царизм проводил в Королевстве Польском политику репрессий и национального гнета. Он стремился унифицировать систему администрации, судебных органов, просвещения в Королевстве с общероссийской системой, в то же время не распространяя на него общероссийских реформ. Были ликвидированы институт наместничества, Государственный и Административный советы, правительственные комиссии Королевства, а само оно переименовано в Привислинский край. В учреждениях насаждалась русская бюрократия. Шло русификаторское наступление на высшее и среднее образование, сельскую школу и гмину. Ряд мер был направлен против католической церкви, осуществлялось насильственное обращение униатов в православие. Ужесточение национального и религиозного гнета происходило на фоне общего наступления реакции в России,

особенно с 80-х годов XIX до начала XX в. Революция 1905—1907 гг. вынудила самодержавие пойти на уступки, в том числе и угнетенным народам, но в период разгула реакции все демократические завоевания были отняты. В 1907 г. число депутатов в Думе от Королевства Польского сократилось с 37 до 14. От Королевства была отторгнута Холмщина, населенная поляками. Против польских служащих Варшавско-Венской железной дороги был направлен закон о выкупе ее в казну. Принятый Думой проект городского самоуправления Королевства Польского ущемлял права трудящихся.

Антипольскую политику проводили и прусские власти, добивавшиеся ликвидации национальной особенности западных польских земель. С 1867 г. Великое княжество Познанское стало частью Северогерманского союза, а затем Германской империи. В годы осуществлявшейся О. Бисмарком кампании «культуркампа» (так называемой борьбы за культуру) велось наступление на поляков под флагом преследования католиков. В 80-е годы германизаторский курс продолжал усиливаться. Поляков вытесняли из муниципальных и государственных учреждений; искоренялся польский язык в суде, администрации, школе; польские имена и географические названия заменялись немецкими, данные о численности польского населения фальсифицировались. Закон 1885 г. изгонял с западных земель поляков, не имевших германского гражданства. Поощрялся бойкот польских товаров. Власти поддерживали немецкие политические и экономические организации, промышленность и торговлю, профессиональные школы и т. п., для чего был основан специальный фонд. Для скупки немцами польских земель в 1886 г. создали Колонизационную комиссию с капиталом в 100 млн марок (в 1913 г. он составлял уже 990 млн). Против польского землевладения, и прежде всего против польских крестьян, был направлен прусский закон 1904 г. о поселении: запрещая полякам возводить на приобретенной ими земле постройки, он оставлял людей без крова, их имущество и скот — без укрытия. Закон 1908 г. предписывал принудительное отчуждение польской собственности в Великой Польше и Гданьском Поморье. Хотя на практике он почти не применялся, раздавались требования распространить его на все западные польские земли. Предлагалось и право поляков на парцелляцию земли (раздел на участки для продажи) поставить в зависимость от санкции властей.

С 90-х годов борьбу за германизацию польских земель активно вели Всегерманский союз и «Гаката» (Союз для поддержки немцев на восточных окраинах) при покровительстве канцлера Б. Булова. Германские верхи, готовясь к войне, стремились «очистить» важную стратегическую территорию от ненадежного польского элемента. За проявлениями национальной жизни следил немецкий полицейский аппарат (в Познани существовало Центральное бюро по польским делам); польские деятели, организации, печать часто подвергались судебным репрессиям. Закон 1908 г. запрещал

проведение собраний на польском языке там, где поляки составляли менее 60 % населения.

Иная ситуация сложилась на польских землях под властью Австрии. В период образования и укрепления дуалистического Австро-Венгерского государства Габсбурги нуждались в поддержке польских имущих классов, и потому в 60—70-е годы Галиция получила автономные права, предоставленные на основе «милости» монарха. Боясь радикализации масс, галицийская верхушка отказалась от борьбы за федерализацию империи и широкую автономию для Галиции. Движение за проведение в жизнь резолюции галицийского сейма, содержавшей эти требования, закончилось в 1873 г. Институты автономии, утвердившиеся наряду со структурой центрального управления (наместник, старосты), давая Галиции возможности экономического и культурного развития, обеспечивали господство польским помещикам. Так, выборы в сейм по куриальной системе позволяли 3 тыс. землевладельцев избирать 30 % всех депутатов, тогда как около 1 млн выборщиков от городской курии избирали менее 50 %. Ограничено было также представительство украинцев, хотя они составляли почти половину населения Галиции. Недемократичной была и система выборов в венский рейхсрат. Лишь после введения всеобщего избирательного права в 1907 г. Галиция получила в рейхсрате 105 мест вместо 78, была расширена компетенция галицийского сейма и школьного совета. Накануне войны венское правительство пошло на известную демократизацию системы выборов в сейм, несколько расширило права украинцев.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛЬШИ

После аграрной реформы в руках крупных собственников в Галиции оказалось 42 % всей земли, в Королевстве Польском — 56,5, в прусской части Польши — около 50 %. Наряду с концентрацией земли в латифундиях, росших за счет мелких крестьянских владений, происходила и парцелляция фольварков. Это отражало процесс проникновения капитализма в помещичий фольварк, ведущий к адаптации в новых условиях либо к разорению. Так, за 40 лет после реформы 1864 г. общая площадь фольварков в Королевстве уменьшилась на 14 %, но 61,4 % всей земли по-прежнему находилось в руках помещиков.

Помещики сохранили также архаичные права пропинации (винокурения), охоты и т. п., оставались собственниками лесов (в начале XX в. в Галиции они владели 70 % лесных угодий) и пастбищ, на которые крестьяне имели сервитутные права пользования (лишь на западных польских землях сервитуты были ликвидированы). Это открывало простор для полуфеодальной эксплуатации крестьян, из-за сервитутов возникали конфликты. Помещики старались ликвидировать права крестьян, за отказ от них давали крестьянам землю. В Королевстве к началу XX в. крестьяне

сохранили лишь 31,4 % лесных и 41,2 % пастбищных сервитутов. Лишение угодий ставило их в тяжелое положение. Приобретение же земли в обмен на сервитуты не остановило роста крестьянского малоземелья, так как шел интенсивный процесс дробления крестьянских хозяйств. С 1864 по 1889 г. в Королевстве число мелких хозяйств (от 1,5 до 7,5 га) быстро увеличивалось. В Галиции и Тешинской Силезии хозяйства до 5 га составляли в начале XX в. более 80 %, в Великой Польше в 1895 г. их было 70 % и на их долю приходилось 6 % земли. В Гданьском Поморье 112,3 тыс. хозяйств размером менее 2 га и 22 тыс. хозяйств от 2 до 5 га занимали 5,5 % земли. В Восточном Поморье, Силезии, Вармии, на Мазурах карликовых хозяйств было более 70 %. Всего же на западных польских землях в начале XX в. существовало 400 тыс. мелких и карликовых хозяйств. Они оказывались нежизнеспособными и исчезали. В 1901 г. в Королевстве земли не имела почти 1/4 сельских жителей, в Галиции в деревне насчитывался 1 млн «лишних» людей. Одновременно происходил процесс расслоения крестьянства, наиболее быстро на западных польских землях, медленнее в Галиции. В Королевстве после реформы доминировали средние хозяйства, но к концу 80-х годов было уже около 40 тыс. хозяйств размером более 20 га.

Во всех трех частях Польши общим для развития капитализма в сельском хозяйстве был «пруссский» путь, связанный с наибольшими тяготами для крестьян. Малоземелье и чересполосица, кабальная зависимость от помещиков и ростовщиков, обремененность налогами и повинностями приводили их хозяйства к нищете, тормозилось развитие производства. Преобладали примитивная техника, трехполье и даже двухполье, урожайность была низкой. Некоторый ее рост в Королевстве (с 70-х годов) и Галиции (с 80-х годов) произошел в связи с введением плодосмена, многополья, более широким применением машин и удобрений, распространением кормовых и технических культур (сахарная свекла, картофель и др.). Но и в начале XX в. Галиция, где сбор зерна возрос на 23 %, не обеспечивала себя хлебом, машины здесь применяли лишь 26,4 % хозяйств. В Королевстве вдвое вырос сбор зерна, картофеля, свеклы, появилось в десять раз больше машин. Однако оно отставало от западных польских земель, где в земледелии применялись искусственные удобрения, а число машин в отношении к числу хозяйств составляло в 1895 г. 42 %. Урожай зерновых в начале XX в. был здесь вдвое выше, чем в Галиции и Королевстве, опережение касалось и всей сельскохозяйственной продукции в целом. Прогресс в сельском хозяйстве осуществлялся прежде всего в помещичьем фольварке. Крестьяне ориентировались главным образом на развитие животноводства, помещики же — на производство пищевых продуктов для внутреннего рынка, а также на экспортное производство зерна и лесных товаров.

Сельское хозяйство оставалось преобладающей отраслью польской экономики до конца XIX в. В Галиции и Королевстве с ним было связано более 2/3 жителей, на Познанщине и в Гданьском

Поморье — более 50 %. Вместе с тем активизировались процессы роста численности населения, усиления его мобильности, урбанизации. В Королевстве в конце XIX в. проживало 9,4 млн чел., из них 2 млн — в городе, в 1909 г. там жило уже 2/3 населения (только в Варшаве — 750 тыс. человек). В Галиции в 1910 г. было 8,1 млн жителей, в ряде городов их число выросло на 14—31 % (в 1900 г. в Кракове жило 146 тыс. человек). На Познанщине в 1880 г. поляков насчитывалось приблизительно 1,1 млн (65 % всего населения), в Восточном Поморье — более 693 тыс. (около 49 %), в Силезии — свыше 2 млн (51 %); особенно быстро здесь росло городское население. В Тешинской Силезии число поляков в 1910 г. достигло 435 тыс., а плотность населения равнялась 190 человекам на 1 кв. км (в Галиции соответственно 102, в Королевстве — 97, в Великой Польше — 72 человека).

Городское население пополнялось за счет притока из деревни. Шло также перемещение из одной части Польши в другую, а также по всей территории Германской, Российской, Австро-Венгерской империй и за их пределы. Большая часть поляков отправлялась на сезонную работу в Германию, одновременно происходил выезд за границу жителей западных польских земель (в 1885—1905 гг. выехали 1725 тыс. поляков). В развернувшейся с конца XIX в. массовой эмиграции в Западную Европу и Америку участвовало население всех частей Польши. 800 тыс. человек выехали из Галиции в 1890—1910 гг. и 1 млн — из Королевства в 1900—1914 гг. В общей сложности эмиграция на заработки и миграция в города охватила во второй половине XIX—начале XX в. более 9 млн поляков.

Все эти явления были связаны как с капиталистической перестройкой польской деревни, так и с развитием промышленного производства. К середине 70-х годов завершился промышленный переворот в Верхней Силезии. Отсюда в начале XX в. поступало 50 % всей польской товарной продукции металлургии (уголь и металл шел также в Королевство Польское и Галицию). Другим же польским землям под властью Германии предназначалась роль сырьевого придатка империи. Здесь в основном развивались легкая промышленность, переработка сельскохозяйственных продуктов, выпуск металлоизделий на местный рынок; более крупные предприятия были в судостроительной отрасли в Гданьском Поморье.

В Королевстве Польском промышленный переворот осуществлялся сначала в текстильном производстве (60—70-е годы), а затем в металлургии и каменноугольной отрасли (завершился в 80-е годы). В этих и других отраслях возобладали фабрично-заводское производство. Росту текстильной промышленности способствовало наличие обширного рынка сбыта в российских губерниях и на Востоке, куда вывозилось 75—80 % общего объема текстильной продукции Королевства. Возникший в конце XIX в. курс таможенной политики правительства, невыгодный для Польши, а также промышленный кризис 1883 г. не прервали этого роста. 80 % всех

хлопчатобумажных тканей производил Лодзинский промышленный район, насчитывавший в конце XIX в. 95 тыс. рабочих. Население самой Лодзи быстро росло, и большая его часть, как и жителей соседних местечек и деревень, была занята в домашних промыслах, связанных с текстильными предприятиями.

В 1885 г. текстильная и другие отрасли легкой промышленности обеспечивали более 50 % стоимости всей промышленной продукции Королевства. Тогда же стала расти добыча каменного угля и металлургия в Сосновецко-Домбровском районе. Центром металлообработки являлся Варшавский промышленный район. В начале XX в. промышленное производство в Королевстве сократилось на 35 % в связи с кризисом 1900—1903 гг., русско-японской войной и революцией 1905 г., последующей экономической депрессией, а также дискриминационным курсом царизма в отношении польской промышленности. Но перед мировой войной конъюнктура улучшилась и произошел подъем в основных отраслях.

С 80-х годов в промышленности Королевства происходила концентрация производства. В 1901—1913 гг. число предприятий увеличилось на 13 %, а контингент рабочей силы — на 37 %. Крупные предприятия преобладали прежде всего в сахароварении, горной, металлургической, текстильной промышленности. Доля мелкой промышленности в общем объеме производства упала за 1870—1900 гг. с 44 до 20 %, хотя стоимость продукции увеличилась втрое. Стоимость же всей промышленной продукции Королевства возросла с 67 до 500 млн руб.; в 1914 г. она достигла 1200 млн руб. И хотя темпы развития промышленности в крае замедлились, он оставался одной из наиболее развитых индустриальных областей Российской империи.

Галиция, напротив, принадлежала к промышленно отсталым провинциям Австро-Венгрии: к концу 90-х годов в промышленности (включая домашнее производство) было занято менее 1/10 всех жителей края. Промышленный переворот здесь начался лишь в конце XIX в. и шел медленно. Помещики боялись потерять преобладание в обществе, и хотя часть их активно занималась предпринимательством, сейм противился увеличению капиталовложений в промышленность. Тормозила ее рост и экономическая политика Вены, видевшей в Галиции поставщика сырья для империи. Галицийская промышленность, продукция которой не выдерживала конкуренции с немецкими и чешскими товарами, в 70-е годы переживала кризис. Ряд шагов в 80-х годах (создание Краевой промышленной комиссии, Краевого банка, Промышленного фонда) дал толчок ее развитию, в основном в добывающих отраслях, где господствовал австрийский и германский капитал. Выросла добыча угля и нефти (участие Галиции в мировой нефтедобыче составило в 1900 г. 1,18 %, по производству парафина она была монополистом).

Депрессия начала XX в. не прервала роста добычи угля (около 2 млн т в 1913 г.), свинцовой руды, соли, но добыча железной и цинковой руды пошла на убыль.

Экономические спады, связанные с Боснийским кризисом 1908 г. и Балканскими войнами, сказались на нефтедобыче: в 1913 г. она снизилась до уровня 1907 г. (1,1 млн т). К этому времени в Галиции сложились основные промышленные округа — Краковско-Хшановский угольно-металлургический, Бориславский нефтяной и Бельско-Бяльский текстильный. Развивались перерабатывающая, пищевая и химическая отрасли. Но стоимость всей промышленной продукции Галиции в 1900 г. составила лишь 2,14 % от общеимперской. На Тешинскую же Силезию приходилось 17 %. Она имела благоприятные условия для промышленного развития и использования природных богатств. Быстрая капиталистическая эволюция в деревне привела к тесной связи фольварка с перерабатывающим производством, создала рынок дешевой рабочей силы. Здесь развивались деревообрабатывающая, текстильная, угольная, металлургическая, металлообрабатывающая отрасли, машиностроение. Около 34 % всех занятых в промышленности и торговле в начале XX в. работали в тяжелой промышленности. В 1913 г. здесь добывалось 7,6 млн т угля (почти 50 % всей угледобычи Цислейтании).

Развитие железнодорожной связи с другими частями империи обеспечило промышленности Тешинской Силезии рынки сырья и сбыта. В Галиции же оно способствовало росту невыгодной для местных товаров конкуренции. К тому же прокладка дорог там велась австрийскими властями главным образом в стратегических целях, хотя польская буржуазия пыталась направить ее в русло своих интересов, основав в 1893 г. Краевой железнодорожный фонд и Техническо-торговое железнодорожное бюро. В Королевстве Польском железнодорожная сеть, связавшая его крупнейший город с Центром и Югом России, была наиболее развитой в империи (2300 верст в конце XIX в.). Густая сеть дорог в западных польских землях (в 1913 г. 3 тыс. км) обеспечивала, согласно военно-стратегическому плану правительства, связь промышленно развитых районов с другими частями Германской империи. Важную роль играли и водные пути, ведущие к балтийским портам.

С конца XIX в. в польской экономике появились черты монополистического капитализма — концентрация производства, централизация капитала, в том числе иностранного, создание картелей и синдикатов, образование финансового капитала. В 70-е годы преимущественно на основе немецкого капитала возникали акционерные общества в текстильной промышленности Нижней Силезии, в верхнесилезской металлургии, где росла концентрация рабочей силы. В начале XX в. картели Верхней Силезии конкурировали с рурскими монополиями, в пяти концернах-гигантах большую роль играл капитал крупных немецких помещиков. Германские промышленные магнаты действовали и в Поморье.

Немецкий капитал преобладал в Тешинской Силезии. Австрийский, германский, английский и даже американский капитал захватывал галицийскую промышленность, в частности нефтяную, где с конца 80-х годов появились монополистические объединения.

В начале XX в. польский капитал в нефтяной промышленности составлял всего 0,5 %. Иностраный капитал проникал и в горное дело, где также происходил процесс концентрации. На страже его интересов стояли таможенная политика Вены, австрийские банки. Пытаясь защитить польскую промышленность, галицийский сейм предоставлял ей ассигнования, налоговые льготы. Галицийский монополистический союз промышленности (часть общевстрийского объединения) в 1904 г. основал Лигу помощи промышленности. Польские акционерные общества, союзы, синдикаты создавались в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, торговле и т. п. Шло сращивание банковского и промышленного капитала: Краевой банк контролировал производство, торговлю, железнодорожное строительство, коммунальное хозяйство, кооперативы, сберкассы, занимался ипотекой, парцелляцией. В 1906 г. в нем был создан фонд для инвестиций в промышленность. В 1910 г. возник Промышленный банк. Действовали Союз частных сберкасс, Земельное кредитное общество, различные кредитные, страховые организации, частные акционерные банки (нередко являвшиеся филиалами венских и пражских).

Банковские объединения существовали на западных польских землях и в Королевстве Польском. В начале 70-х годов возникли в Варшаве Торговый и Дисконтный, в Лодзи — Торговый и Купеческий банки. Срастание банковского капитала с промышленным усилилось в начале XX в., когда возникли Варшавский промышленный банк, Банк кооперативных обществ, Банк для торговли и промышленности, Западный банк и др. Общий оборот банков достиг в 1913 г. 11,8 млрд руб., а капитал — 80,7 млн. В 1885 г. Польский банк стал варшавским филиалом Государственного банка, а в начале XX в. в Королевстве было уже десять отделений трех петербургских и Рижского банка. Наряду с русским сильные позиции имел немецкий, французский, бельгийский капитал, преимущественно в текстильном, угольном, металлургическом производстве, где также активно шел процесс концентрации.

В этих отраслях с 70-х годов создавались акционерные общества. В начале XX в. они составляли 2 % от крупных предприятий, но давали 55 % всей стоимости продукции и объединяли более 50 % всех рабочих. Возникали синдикаты и картели, сосредоточивавшие переработку сельскохозяйственной продукции, добычу угля, производство металла, текстиля. Нередко они входили во всероссийские картели и синдикаты, занимая там обычно подчиненное положение. Порой шла война польских и российских монополий, и в то же время они боролись с немонополизированными предприятиями, с мелкой промышленностью, которая также росла.

Специфика условий развития капиталистической экономики на различных польских землях не могла изменить общего характера этого развития, но обусловила различия в его уровне. На рубеже XIX—XX вв. в польской экономике сложились аграрная (в Галиции), аграрно-промышленная (в Королевстве Польском, Великой

Польше, Гданьском Поморье) и промышленная (в Силезии) структуры. Контрасты в уровнях и темпах экономического развития говорили о значительной деформации процесса. Он осложнился и тем, что, едва сформировавшись, капиталистическая экономика в Польше сразу переходила в монополистическую фазу развития, чему, в частности, способствовали ее зависимость от экономики государств, включавших в свой состав польские земли, и установление экономических связей со странами, уже вступившими в эту фазу.

То, что польская буржуазия с самого начала была обречена на конкуренцию со стороны западноевропейской (прежде всего немецкой), русской и еврейской буржуазии, во многом определяло ее слабость. К концу XIX в. в Польше сформировались все категории и типы буржуазии, но в отдельных землях они были представлены по-разному. Польский промышленный капитал преобладал в сахароварении, пищевой и деревообрабатывающей отраслях Королевства; торговая буржуазия здесь была сильнее, чем в Галиции и Великой Польше. Хотя число польских предприятий на Познанщине росло, их владельцы относились к мелкой буржуазии, державшей лишь 1/3 всего промышленного капитала. Наличие городской мелкой буржуазии — польских ремесленников и торговцев — было характерно также для Галиции и Королевства. Наряду с этим в Королевстве и на западных польских землях существовала польская средняя буржуазия. На Познанщине она в большой степени зависела от помещичьего капитала (в пищевом, химическом производстве, металлургии), который играл важную роль также в добывающей и перерабатывающей промышленности Галиции. К началу XX в. в Польше наметился союз промышленной, земельной, торговой и финансовой буржуазии, а сращивание промышленного и аграрного капитала с банковским создало основу для выделения группы рантье.

Развитие буржуазии представляло главную линию изменений в польском обществе, так же как и формирование пролетариата, активно происходившее во второй половине XIX в. К концу первого десятилетия XX в. число промышленных рабочих (включая горняков) достигло в Королевстве Польском 875 тыс., в Верхней Силезии — 474 тыс., весь же промышленный пролетариат прусской Польши насчитывал в 1914 г. 1 млн человек. В галицийской промышленности и ремесле, горном деле, торговле и на транспорте в 1912 г. было занято 302 тыс. человек.

В Галиции, на Познанщине и в Поморье имело место распыление рабочего класса по мелким и средним предприятиям. Крупнопромышленный пролетариат превалировал в Силезии и в промышленно развитых районах Королевства с такими центрами, как Лодзь, Варшава, Домброва-Гурнича и др. В текстильном производстве, горном деле и металлургии, металлообрабатывающей отрасли преобладала высокая концентрация пролетариата на крупных предприятиях (более 500 рабочих), где работало 43,5 % его общего числа. В то же время наблюдалось распыление

его на мелких предприятиях, например в пищевой промышленности. Армия сельскохозяйственных рабочих Королевства уступала по численности сельскому пролетариату западных земель.

Рабочий класс на польских землях формировался из разорившихся ремесленников, обезземеленных крестьян, деклассированной шляхты. Разнородные социальные элементы подвергались переплавке, и для 90-х годов можно говорить уже о преобладании в Королевстве потомственных пролетариев. Но источники рекрутации давали о себе знать в традициях, представлениях, определяли специфику классового и национального самосознания пролетариата, влияли на развитие рабочего движения.

Выходцами из разных социальных групп пополнялась и интеллигенция. Ее численный состав и структура в различных частях Польши были разными, так же как и степень влияния в обществе: более сильные позиции имела интеллигенция в Королевстве Польском и Галиции. Общей была тенденция к демократизации социальных источников формирования этого слоя: в 60—80-е годы интеллигенция складывалась преимущественно как шляхетская, следующее же ее поколение насчитывало уже, особенно в Галиции и западных польских землях, немало выходцев из буржуазии, мелкой буржуазии города, крестьян. Однако из рабочих низов путь в интеллигентскую среду был затруднен, и лишь немногие ее представители были пролетарского происхождения.

ПОЗИЦИИ ИМУЩИХ КЛАССОВ

Экономические и социальные интересы польских имущих классов обуславливали их стремление к соглашению с правящими кругами держав, разделивших Польшу. После 1864 г. возникла концепция «тройного лоялизма», предполагавшая лояльное отношение польских подданных России, Германии, Австро-Венгрии к своим правительствам взамен за предоставление национального равноправия, автономии или институтов самоуправления. Авторы концепции, галицийские консерваторы, выражали взгляды помещичье-буржуазной верхушки, заключившей соглашение с Габсбургами на условиях получения автономии и последовательно осуществлявшей курс на поддержку монархии и сохранение в Галиции помещичьего господства. В конце XIX в. консерваторы провели выгодный для помещиков закон о выкупе права пропинации, старались усилить их влияние в гминном управлении, подкрепить их попытки овладеть сельской курией на выборах в сейм.

В Королевстве Польском имущие классы, признав в 60-е годы идею борьбы за независимость неактуальной на данном этапе, выдвинули программу позитивизма, нацеленную на ускорение развития капитализма и приспособление шляхты к новым условиям. Варшавские позитивисты (А. Свентоховский и др.) призывали к «политическому реализму», «органической работе» в области экономики и культуры (прежде всего в среде крестьянства) ради прогресса, демократизации общества, освобождения его от консервативно-клерикальных влияний. Но в 70—80-е годы эта идеология либеральной буржуазии стала приобретать черты все большей умеренности. Напуганная развитием рабочего движения и распространением социализма, буржуазия начала искать опору в союзе с консервативной шляхтой, стоявшей за поддержку царизма как охранителя старых устоев, и с правящей верхушкой империи. Эта тенденция подкреплялась ростом экономических связей польских имущих классов с российским капиталом. На основе такого сближения возник блок сторонников «угоды» — соглашения с царизмом. «Угодовцы» во главе с В. Спасовичем и Э. Пильцем основали в Петербурге свою газету «Край»; в национальном плане они стремились к уступкам культурно-языкового характера и распространению на Королевство административных и судебных реформ, введенных в России.

Часть буржуазии и буржуазной интеллигенции не разделяла этой платформы. Процесс перехода ее к национализму, обуслов-

ленный как обострением классовой борьбы в польском обществе, так и все более ощутимым для польской буржуазии ущемлением ее экономических интересов со стороны царизма, нашел выражение в возникновении в 90-е годы национал-демократического течения (эндеции). Оформление в это время в Европе двух империалистических военных блоков также отразилось на позиции различных групп польских имущих классов: часть буржуазии Королевства стала делать ставку на поражение царизма в будущем военном конфликте.

На западных польских землях помещичье-буржуазный консервативный лагерь имел преобладающие позиции среди польских депутатов прусского и германского парламентов. В 60—70-х годах более решительная и активная группа патриотически настроенных депутатов (В. Неголевский, К. Кантак и др.) выступала в защиту национальных прав поляков, протестовала против включения Познанского княжества в Северогерманский союз. Но с 80-х годов в Польском коле (польской фракции в германском и прусском парламентах) усилились правые (Ю. Косцельский, Ф. Радзивилл и др.). Они шли на контакт с немецкими консерваторами — Католическим центром и, стремясь к «угоде» с правительством, проводившим выгодную для крупных собственников политику, поддерживали его законопроекты, но получили взамен лишь незначительные уступки. «Угода» не состоялась, и рубеж XIX—XX вв. ознаменовался усилением экономической борьбы между польской и немецкой буржуазией на восточных окраинах Германской империи.

РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Лоялизм имущих классов во многом определялся остротой конфликта между трудом и капиталом, ростом рабочего движения. Важным фактором развития пролетарской борьбы было наличие жестокой капиталистической эксплуатации и связанное с этим тяжелое положение рабочих. Оно усугублялось существованием феодальных пережитков и политического, прежде всего национального, гнета. На рост социально-политической зрелости рабочего класса влияли также уровень его концентрации и межнациональные отношения в пролетарской среде. Так, пролетариат в Королевстве Польском выделялся не только численностью и высокой степенью концентрации, но и национальной однородностью (немецкие и еврейские рабочие составляли незначительное меньшинство), и именно здесь борьба рабочих приобрела большую, чем в других частях Польши, остроту, была более сознательной и упорной. Здесь раньше произошло соединение социализма с рабочим движением.

Идеи утопического социализма активно разрабатывала польская эмиграция 60-х годов. Гминный (общинный) социализм Ю. Токажевича, Я. Домбровского и др. во многом был близок

социализму Герцена и Чернышевского. Левое крыло эмиграции установило связь с I Интернационалом; В. Врублевский и другие поляки — члены Международного товарищества рабочих — участвовали в борьбе против врагов марксизма, хотя и не сумели по-настоящему усвоить его идеи. Более 500 поляков (Домбровский, Врублевский и др.) приняли участие в Парижской Коммуне. Важнейшим моментом для идейного созревания возвращавшихся в Польшу участников Коммуны и членов МТР явился факт начала там рабочего движения. Они обратили взор в сторону трудящихся, так же как и часть польской демократической интеллигенции, увидевшей в борьбе рабочих новое общественное явление с серьезными революционными потенциями.

В 70-е годы в Королевстве Польском вопреки закону, запрещавшему забастовки и создание рабочих организаций, произошло 18 стачек, причем некоторые выделялись большой массовостью, проявлениями классовой интернациональной солидарности. Борьба пролетариата носила стихийный характер, но в его среде развернули пропагандистскую и организаторскую работу первые польские марксисты (Л. Варыньский и др.). В 1876 г. в Варшавском университете возник первый социалистический кружок. На основе «кассы сопротивления» (стачечного фонда), объединявших в 1878 г. 300 человек, была создана сеть революционных кружков, составивших нелегальную организацию. Здесь ковались кадры рабочих революционеров и родилась первая программа польских социалистов (по конспиративным соображениям названная Брюссельской), призывавшая польский народ к свержению капитализма во имя лучшего будущего. Польское рабочее движение провозглашалось частью международного движения пролетариата.

Вскоре на социалистов обрушились аресты. Варыньскому удалось уехать в Женеву, и с 1880 г. он вместе с С. Менделсоном, К. Длуским, В. Пекарским, Ш. Дикштейном активно работал в редакции созданного польской социалистической эмиграцией в 1879 г. журнала «Рувность», который разрабатывал марксистскую программу и тактику польского рабочего движения. Те члены группы «Рувность», кто отстаивал интернационалистский характер движения, боролись против сторонников Б. Лимановского, готовых во имя национальных целей пойти на классовый мир с буржуазией. В редакции произошел раскол, Лимановский организовал в 1881 г. общество «Люд Польский», а органом интернационалистов стал «Пшедсвит». В нем и было опубликовано письмо «К товарищам русским социалистам», содержавшее общую для рабочих всей России программу политической борьбы: свержение самодержавия, завоевание демократических свобод. Письмо звало к созданию общероссийской социалистической партии.

Рост стачечной борьбы в Королевстве с начала 80-х годов, организация рабочими первой самостоятельной манифестации в Варшаве в 1881 г. свидетельствовали о развитии их классового сознания. Зрела идея создания социалистической партии в Польше,

вернувшийся в Королевство Варыньский взялся за объединение рабочих и интеллигентских кружков. В августе 1882 г. была основана Социально-революционная партия «Пролетариат» — первая марксистская рабочая партия в Польше. Ее программа провозглашала целью борьбы польских рабочих обобществление средств производства и создание социалистического государства, подчеркивала их революционную и интернационалистскую позицию, но не давала правильной постановки национального вопроса и задач пролетариата в этой области. Признавался террор как средство борьбы, однако вначале он не играл большой роли в практике партии. Акцент делался на руководство стачками (они стали более боевыми, особенно значительной была успешная Жирандовская стачка 1883 г.) и другими массовыми акциями рабочих, на социалистическую пропаганду в рабочей и крестьянской среде, издательскую деятельность в Польше и за границей, на укрепление организации, объединение революционных групп в Королевстве и России. Сеть организаций «Пролетариата» распространялась также на Галицию и Познанщину.

В 1883—1885 гг. были арестованы лидеры партий Л. Варыньский, С. Куницкий, М. Богушевич. В деятельности «Пролетариата» наметился крен в сторону тактики террора, чему способствовало заключение в 1884 г. соглашения с «Народной волей». На суде над членами «Пролетариата» в 1885 г. среди обвиняемых было немало русских, в том числе П. В. Бардовский, один из четверых осужденных на смерть. Казнен был и Куницкий. Варыньский умер в 1889 г. в Шлиссельбургской крепости.

Первый (Великий) «Пролетариат» оставил прочные традиции в польском рабочем движении. На базе уцелевших от разгрома кружков М. Каспшак создал в 1888 г. II «Пролетариат», идейно продолживший линию интернационального единства рабочих в борьбе за осуществление социалистической революции и завоевание власти и выдвинувший также демократическую программу-минимум в национальном вопросе (автономия Королевства Польского). II «Пролетариат» унаследовал ошибочные взгляды на тактику террора, но практически не применял ее, делая упор на пропагандистскую деятельность. Организация, ослабленная арестами, не вела широкой массовой работы, между тем ряд польских социалистов придавали значение именно ей, и прежде всего руководству стачками. В 1889 г. из рабочих кружков и групп марксистской интеллигенции в Лодзи возник Союз польских рабочих во главе с Ю. Мархлевским и Я. Ледером, вскоре распространивший влияние на другие промышленные центры. Ориентируясь на экономическое движение пролетариата, он руководил стачечной борьбой, вел издательскую, просветительскую и агитационную работу. II «Пролетариат» и Союз приступили в 1890 г. к созданию «касс сопротивления», издали их устав. Обе организации вели первомайскую агитацию в 1890—1892 гг. Союз стал уделять больше внимания политической борьбе, призывал к свержению царизма.

Росла активность пролетариата. Первой 1890 г. в Варшаве отмечали 10 тыс. человек, 1 мая 1891 г. выступили 30 тыс. рабочих Варшавы, Лодзи, Жирардува. Через год в Лодзи упорные стачки переросли в кровавое столкновение с войсками, всеобщая забастовка рабочих Лодзинского района заставила хозяев пойти на экономические уступки. Небывалый по масштабам «Лодзинский бунт» (до 80 тыс. участников) стал вехой в польском рабочем движении, ясно показав необходимость партии для руководства борьбой пролетариата. Эту задачу в марте 1893 г. решило объединение членов II «Пролетариата» и Союза польских рабочих в Польскую социалистическую партию (позже названную «старой ППС»).

Между тем в эмиграции получила продолжение радикально-демократическая концепция «Люда польского». В 1889 г. в Париже возникла Польская национально-социальная гмина с печатным органом «Побудка». Она заявляла, что социализм возникнет в результате социальной эволюции, а для этого нужно сначала завоевать национальное демократическое государство. Путь к этому сторонники Гмины видели в восстании против России, такую пропаганду они вели в «Пшесдвите». Перешедшие на их сторону С. Мендельсон, Б. Лимановский и другие деятели эмиграции созвали в Париже в ноябре 1892 г. съезд, который принял программу, впервые связавшую социализм с независимостью Польши. Авторы программы считали, что ее осуществления можно добиться с помощью антирусского восстания. Члены созданного на съезде Союза заграничных социалистов попытались навязать свои идеи формировавшейся в Польше ППС, а потерпев неудачу, провозгласили создание другой партии с тем же названием. Чтобы отмежеваться от «новой ППС», «старая ППС» заявила о переименовании в Социал-демократию Королевства Польского. Созданную Б. Весоловским, Я. Росолом и др. СДКП поддержала группа польских социалистов в Швейцарии (Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, А. Варский, Л. Иогихес), их журнал «Справа роботника» стал органом партии. Так, в 1893 г. произошел раскол польского рабочего движения на два течения, наметившиеся еще в 70-е годы.

СДКП продолжила революционные и интернационалистские традиции Великого «Пролетариата», II «Пролетариата», Союза польских рабочих, унаследовав и некоторые их недостатки. Это подтвердила программа партии, принятая на I съезде в Варшаве в 1894 г. В ней выдвигалась цель свержения власти капитала, утверждения диктатуры пролетариата, создания социалистического общества, причем ожидалось, что произойдет это в результате революционных усилий международного пролетариата. Итогом совместной борьбы рабочих всей России должно было стать осуществление программы-минимум: свержение самодержавия и демократизация государства, в том числе в сфере национальных отношений. Ряд деятелей СДКП не отвергал возможности достижения Польшей независимости, но такой лозунг не был выдвинут. В то же время съезд осудил лозунг независимости в трактовке ППС как националистический, выступил против

планов сепаратного антирусского восстания и изоляции от российской революции. Партия заявила о верности принципам международной социал-демократии.

Съезд наметил задачи повышения сознательности рабочих, укрепления их организаций, создания партийных профсоюзов. В 1894 г. СДКП издала Устав цеховых союзов. Она вела издательскую работу, руководила стачками и первомайскими выступлениями рабочих (они проходили под лозунгами демократических преобразований и свержения царизма). Партия имела связи в ряде центров Королевства, но силы ее были малы. Поэтому репрессии 1895 г. привели к почти полному разгрому СДКП: отдельные группы в Варшаве, Домброве могли вести лишь пропаганду в кружках.

1895—1899 гг. были отмечены ростом стачечного движения, оно стало более упорным и организованным, охватило все районы Королевства. Забастовки сопровождались стычками с полицией и войсками. Столкновения произошли и в Варшаве во время первомайских выступлений 1899 г. Но возглавить рабочих было практически некому. ППС ставила иные цели, была слаба организационно, в партии шла борьба течений. Так называемые молодые (Я. Стржецкий и др.), т. е. левое крыло, опиравшееся на рабочих Варшавы, выступали за приоритет классовых задач и союз с русской революцией. Виленская группа ППС (Ю. Пилсудский, А. Сулькевич), овладевшая редакцией органа партии «Роботник», и Заграничный союз польских социалистов, издававший в Лондоне «Пшедсвит», стояли на платформе национального сепаратизма, недоверия к революционной России. Это течение получило название «старых». Однако с III съезда ППС в 1895 г. позиции левых в партии начали укрепляться.

В 1899 г. социал-демократы Варшавы (Ф. Дзержинский, Я. Росол и др.), усилившиеся за счет отколовшихся от ППС рабочих групп, создали Рабочий союз социал-демократии, вскоре объединившийся с виленскими группами того же направления. В августе 1900 г. в Отвоцке удалось созвать II съезд СДКП, которая стала называться Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Наметив задачи борьбы (свержение самодержавия, завоевание конституции и демократических свобод, предоставление автономии и самоуправления народам России с перспективой создания их федерации), съезд выдвинул лозунг сближения с РСДРП для объединения сил. Эту линию стало проводить руководство СДКПиЛ. С 1900 г. ее пропагандировал орган партии «Пшеглэнд роботничи».

Раскол польского рабочего движения отразил общую тенденцию борьбы революционного и реформистского течений в международном рабочем движении, но в Польше этот процесс осложнился остротой национального вопроса. Влияние реформистского крыла II Интернационала сказывалось на развитии рабочего и социалистического движения в Галиции. Существование там менее жесткого политического режима обусловило более раннее возникнове-

ние рабочих организаций. В 1868 г. рабочие-печатники с помощью демократической интеллигенции создали во Львове культурно-просветительное общество «Гвезда» с филиалами в других центрах. Первой классовой организацией галицийских рабочих было львовское Прогрессивное общество печатников (1869—1872 гг.). Печатники возглавили и стачечную борьбу: в 1870 г. во Львове они победили в общегородской забастовке, что послужило примером рабочим других отраслей. Это стимулировало рост классового сознания пролетариата Галиции, ядром которого были ремесленные рабочие. «Гвезда» и его орган «Ренкодзельник» проявляли интерес к I Интернационалу и Парижской Коммуне, международному рабочему движению, проблемам борьбы за демократию, против клерикализма.

Но в целом идейный уровень рабочего движения в Галиции из-за отсталости ее капиталистического развития был невысок; оно испытывало влияние шляхетской, буржуазной и мелкобуржуазной, клерикальной идеологии. Социализм еще не проник в среду рабочих. Прогрессивное общество печатников подходило к мысли о пропаганде социализма, но было закрыто властями.

Одним из первых его популяризаторов в Галиции стал в 70-е годы Лимановский, чьи взгляды представляли собой переплетение революционно-демократических, социал-утопических (в духе лассальянства) и позитивистских идей. Б. Лимановский, Э. Кобылянский, Э. Бжезинский имели связь с эмиграцией и революционными организациями Королевства Польского и России, помогали в пересылке туда социалистической литературы, преимущественно лассальянской и бланкистской. В Галиции с ними сотрудничали украинские социалисты И. Франко, М. Павлык. Солидарность польских и украинских социалистов была продемонстрирована во время процесса над ними в 1878 г. Ее упрочило сотрудничество их в первом польском легальном социалистическом издании — газете «Праца» (основана в 1878 г. как орган львовских печатников) и в слившемся затем с ее редакцией Социалистическом комитете. В 1879 г. «Праца» стала общерабочим органом. Это предложил Варыньский, который с 1878 г. вел работу во Львове и Кракове, пытался создать тайную организацию по типу варшавской. Она была вскоре разгромлена, и в 1880 г. в Кракове состоялся процесс над 35 социалистами. Обвиняемые, открыто защищавшие на суде социализм, были оправданы.

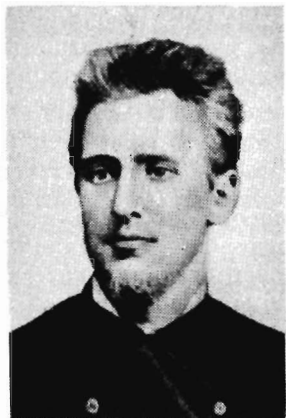
На переломе 70—80-х годов редакционный комитет «Працы», по существу, руководил рабочим движением, которое проявлялось как в деятельности рабочих союзов, организации митингов и собраний, так и в стачках, кровавых стычках с полицией (например, в Бориславе в 1881 г.). «Праца» возглавила борьбу за демократическую реформу избирательного права и изменение фабричного законодательства — лозунги, провозглашенные в 1881 г. рабочими Львова, Кракова, Дрогобыча. В 1879 г. социалисты разработали и обсудили на массовых собраниях во Львове программу демократических преобразований, отвечавших главным

образом интересам ремесленных рабочих; она легла в основу петиции, которую Польское коло отказалось представить венскому рейхсрату. Новый вариант Программы галицийских социалистов (1880 г.) содержал требования автономии и федерации, его авторы выступали против национального гнета и разжигания национальной вражды, за интернациональную солидарность рабочих. В 1881 г. была сделана первая в Галиции попытка обосновать сединение социализма с рабочим движением. Написанная Б. Червенышским и Л. Инлендером Программа галицийской рабочей партии утверждала основные положения социализма, провозглашала лозунг борьбы за демократические свободы. Подчеркивалось, что устранение социального и национального гнета возможно лишь в результате изменения всего общественного строя.

Название программы 1881 г. отражало стремление к созданию пролетарской партии, однако тогда для этого еще не было условий. Они появились после возникновения в 1889 г. социал-демократической партии Австрии. Группа «Працы» поддержала австрийских социал-демократов в борьбе за изменение рабочего законодательства и демократизацию избирательной системы: в 1890 г. лозунг всеобщего избирательного права был выдвинут на митинге, созванном комитетом из представителей всех социалистических кружков. В 1890—1891 гг. редакции «Працы» и возникшего во Львове «Роботника», стоявшего на классовых позициях, создали местное правление социал-демократической партии, в 1892 г. такое же правление возникло в Кракове на базе редакции «Напшуда». Польские социал-демократы участвовали в Венском съезде австрийской партии и в Брюссельском конгрессе II Интернационала в 1891 г. А в 1892 г. на съезде во Львове было провозглашено создание Социал-демократической партии Галиции и Силезии как части общеавстрийской социал-демократии. Новая партия приняла Гайнфельдскую программу; ее профсоюзы (они противостояли христианским, насаждавшимся клерикалами) входили в общеавстрийскую организацию и к концу века насчитывали более 1 тыс. членов.

Рабочая партия на польских землях под властью Австро-Венгрии родилась в годы подъема активности пролетариата. В Галиции и Тешинской Силезии происходили волнения безработных, демонстрации и стачки рабочих. С 1890 г. в Галиции Первوماй был отмечен массовыми митингами, забастовками, стычками с войсками. Первوماйские лозунги конкретизировались в требованиях ликвидации социального и национального гнета, предоставления демократических прав (в том числе на выборах), введения восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты и т. п. Экономические требования выдвигали и забастовщики и нередко добивались успеха.

Борьба пролетариата Галиции и Тешинской Силезии в конце XIX в. подтвердила, что рабочим движением пройден путь от кружковой замкнутости к массовости. Задачей социал-демократов было направить энергию рабочих в революционное русло, руко-

водство же партии (ее лидер И. Дашиньский и др.) делало упор на реформы, парламентскую борьбу. Дашиньского поддерживало руководство австрийской социал-демократии и II Интернационала. Общеавстрийская социал-демократическая партия подвергалась воздействию центробежных сепаратистских стремлений отдельных национальных социал-демократических групп. Об особом положении галицийской социал-демократии Дашиньский заявил уже на Венском съезде общеавстрийской партии в 1892 г., а на Вимбергском съезде 1897 г., по существу, произошло превращение последней в федеративный союз самостоятельных национальных социал-демократических партий, в том числе польской (ППСД) и украинской.

Похожие тенденции возникли к концу XIX в. в социалистическом движении на западных польских землях, где польские пролетарии начинали борьбу в тесном взаимодействии с немецкими, также испытывавшими тяжесть бисмарковских антирабочих законов. Несмотря на запрещение стачек в Пруссии, уже на рубеже 60—70-х годов они возникали в Великой Польше и Силезии. В 1869 г. два месяца бастовали 6400 горняков Валбжихского бассейна, поддержанные силезскими рабочими. Стачку в Крулевской Гуте (1871 г.) подавили войска. Забастовки проходили под экономическими лозунгами, но были и лозунги защиты рабочих организаций. В Силезии и Поморье в это время возникали мелкобуржуазные, так называемые гирш-дункеровские (по имени их создателей) союзы, нацеленные на организацию рабочей самопомощи. В Нижней Силезии преобладали классовые рабочие союзы, отождествлявшие в духе лассальянства экономическую деятельность с политической. К середине 60-х годов они объединяли более тысячи человек, входя в лассальянский Всеобщий немецкий рабочий союз. Лассальянская организация действовала в Познани.

Борьба лассальянцев с социал-демократами в рабочем движении Германии нашла отражение и на польских землях. При осно-

вании СДПГ на съезде в Эйзенахе присутствовали силезские сторонники социал-демократии, вскоре создавшие свою организацию. После Готского съезда 1875 г. в Силезии и Великой Польше появились филиалы социал-демократических профсоюзов, просветительных объединений, но они еще не имели большого влияния. Почти не было смешанных польско-немецких организаций: лишь один социал-демократический кружок такого типа существовал в 1876—1878 гг.; известна социалистическая организация «Конкордия» в Познани, выступавшая под лозунгом интернационализма. И все же оживление социалистической агитации на этих землях и в Поморье, факты основания в 1876 г. в Забже польской газеты социалистического направления, организации в Познани в 1877 г. первой массовой демонстрации безработных свидетельствовали о втягивании в движение польских трудящихся.

Исключительный закон против социалистов (1878 г.) затруднил развитие этого процесса. Лишь во Вроцлаве сохранилась социал-демократическая организация, которая устраивала рабочие митинги, проводила кампанию выборов в рейхстаг. Она стремилась охватить ряд районов, в том числе Познанщину. Там же с 1881 г. начали работу приехавшие из Женевы социалисты (С. Мендельсон, М. Янковская и др.), но вскоре они были арестованы и осуждены. Та же участь постигла С. Падлевского, который в 1881—1882 гг. создавал в Великой Польше тайные кружки и установил контакт с «Пролетариатом». Организация на Познанщине была не совсем разбита: связь с ней имела тайная социалистическая организация польских рабочих в Берлине (М. Каспшак и др.), возникшая в 1885 г. Не прекратилась и стачечная борьба: в 1889 г. войска подавили стачку 14 тыс. силезских шахтеров.

После отмены исключительного закона в Берлине возникло общество польских социалистов, а с 1891 г. там стала выходить «Газета работнича» — издание СДПГ на польском языке. В 1893 г. была создана Польская социалистическая партия на землях под властью Пруссии как часть СДПГ. Но в руководстве ППС проявлялась тенденция к национальному обособлению (так, на выборах в парламент отдельно выставлялись польские социал-демократические кандидаты). Реализация выдвинутого партией лозунга независимой Польской Республики связывалась не с совместной революционной борьбой польского и немецкого пролетариата, а с победой сложившегося в это время австро-германского блока в будущей войне против России.

Революционное крыло в ППС (Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, М. Каспшак), выступавшее за тесный союз с германским пролетариатом, имело поддержку рабочих в Верхней Силезии, Вроцлаве, Познани (познанская организация дала Люксембург мандат на Лондонский конгресс Интернационала в 1896 г.). Но борьба его против националистических тенденций осложнялась тем, что стимул для их роста в среде польского пролетариата давала политика руководства СДПГ, не выдвинувшей программы решения польского вопроса. Утверждению идей интернациона-

лизма в польском рабочем движении этого региона мешала и активная идеологическая деятельность польских имущих классов и церкви. Используя распыленность польского рабочего класса, играя на стремлении народа к отпору национальному гнету, они распространяли лозунги классового солидаризма и национализма. В 70-е годы в Силезии, Великой Польше, Поморье появились христианские рабочие организации, в противовес классовым создавались так называемые польские союзы вроде того, что сколотили буржуазные политики (А. Наперальский и др.) во время стачки горняков в Бытоме в 1889 г. В 90-х годах такие союзы действовали во всех польских провинциях под характерным лозунгом: «Против германизации и социализма!»

Левые стремились вывести рабочих из круга клерикально-консервативных идей. В конце века М. Каспшак и Ю. Гоговский руководили стачками в Познани, среди горняков Верхней Силезии создавались классовые профсоюзы. Росло число голосов, отданных за социалистов во время парламентских выборов, особенно в Верхней Силезии и Гданьском Поморье.

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

В период начавшихся аграрных кризисов усиление капиталистического гнета в польской деревне сопровождалось обострением противоречий на почве полуфеодальных методов эксплуатации. Крестьянство в целом продолжало противостоять помещикам, но в его среде в связи с расслоением нарастали антагонизмы. Имели значение политические условия в различных польских землях, национальная структура сельского населения этих земель. Все это определяло специфику крестьянского движения в разных частях Польши.

Для крестьян Королевства Польского, страдавших от безземелья и малоземелья, была характерна борьба с помещиками из-за земли и сервитутов, нередко принимавшая острые формы. Усмирителям — полиции и армии — они оказывали упорное, порой вооруженное сопротивление. Недовольство сельских масс бременем налогов, тяготами рекрутчины переплеталось с протестом против политического бесправия, произвола властей, национального и религиозного гнета, русификации школы, суда, администрации.

Крестьяне уклонялись от призыва в армию, отказывались от уплаты налогов, недоимок, от гминных повинностей и сборов. Они участвовали в патриотических манифестациях, бойкоте «царских дней». Бойкотировались русификаторская школа, насаждавшиеся царизмом «народные» учреждения — сельские библиотеки. Деревенская детвора обучалась тайно в частных польских школах. Крестьяне проявляли все больший интерес к кружкам народного просвещения, созданным прогрессивной интеллигенцией, и ее изданиям для села («Зожка», «Газета Свён-

течна»). Так росло национальное сознание польского крестьянина, он втягивался, хотя и медленно, в политическую жизнь.

Лучшие условия для участия в общественной и политической жизни имели крестьяне Галиции. Еще в 60-е годы их депутаты выступали в галицийском сейме, требуя передачи крестьянам земли и сервитутных прав, уменьшения налогов и повинностей, отмены ограничений прав бедноты. Имели место как стихийные выступления крестьян (самовольные порубки, потравы и пр.), так и судебные тяжбы их с панями и сопротивление исполнению судебных решений. Ограбленное в результате аграрных реформ, безземельное и малоземельное галицийское крестьянство находилось в особенно тяжелом положении из-за отсталости капиталистического развития края, узости рынка наемного труда, господства полуфеодальных, кабальных форм найма в фольварках. С 80—90-х годов процесс разорения крестьян усилился, увеличилась долговая кабала; ростовщиками выступали и кулаки, что говорило об обострении в деревне новых социальных антагонизмов. О том же свидетельствовало возникновение (впервые в 1896 г.) стачек сельскохозяйственных рабочих. Классовые противоречия частично совпадали с национальными, так как в Восточной Галиции польским помещикам противостояло украинское крестьянство.

Взрывоопасность галицийской деревни в социальном и национальном плане беспокоила польские верхи. Они старались обеспечить сохранение своего экономического, социального и политического преобладания, а власти помогали законодательно его закрепить. Им удалось в 1867 г. ограничить, а затем и свести к нулю число крестьянских депутатов в сейме; сократилось и представительство украинцев. Одновременно буржуазно-помещичьи круги и духовенство, пытаясь распространить на крестьян свое влияние, вели просветительную работу, выпускали специальную литературу, периодику («Дзвонек», «Хата» и др.). С 1875 г. ксендз С. Стояловский издавал газеты «Венец» и «Пщулка», где проповедовал классовый мир в деревне, национализм, монархизм. Звучал и призыв к созданию агрономических кружков, экономному хозяйствованию. Деятельность Стояловского положила начало крестьянскому политическому (людовскому) движению. Хотя попытка втянуть крестьянство в политическую жизнь была сделана с клерикальных позиций, она насторожила консерваторов. Стояловский казался им слишком левым и потому подвергался преследованиям, что создавало ему популярность среди крестьян.

Развитие людовского движения в 80-е годы шло в направлении утверждения политической самостоятельности крестьянства. Высвободить из-под влияния помещиков и духовенства крестьян стремились «Пшеглэнд сполечны» и «Пшияцель люду», которые издавали Мария и Болеслав Выслоухи, испытавшие воздействие идей народничества и социализма. Они выступали против пережитков феодализма в деревне, за демократические свободы и политические права крестьянства в рамках существующего строя.

Критикуя консервативных политиков, «Пшияцель люду» призывал избрать крестьянских депутатов; движение в поддержку этого лозунга усилилось с конца десятилетия.

В развитии политического сознания крестьян наряду с периодической большой ролью играла начальная школа. Важным был и сам факт обострения антипомещичьей борьбы: в 1886 г. слухи о готовящихся нападениях на помещичьи усадьбы вызвали ужас среди землевладельцев, усилив бдительность властей. Под знаком давления с их стороны прошли выборы 1889 г., но крестьяне все же провели в сейм нескольких кандидатов. В борьбе с радикализировавшимся крестьянским движением клерикально-консервативные круги пытались опереться на кулачество: в 1893 г. в Новом Сонче при их поддержке возник Крестьянский союз; в 1895 г. они добились проведения реформ, выгодных зажиточным крестьянам (комасации земель, организации кредитных обществ и т. п.).

Однако остановить политическое развитие крестьян не удалось. В 1894 г. близкие к Выслоуху интеллигенты Львова создали Польское демократическое общество. Оно содействовало созыву в Жешуве в 1895 г. съезда депутатов из числа крестьянских кандидатов на выборах в сейм. Съезд провозгласил создание Крестьянской партии (Стронництво людове). Лидером ее вскоре стал Я. Стапиньский. Программа партии носила прогрессивный характер. Выдвигались лозунги демократических свобод и реформы избирательной системы, выравнивания налогового бремени, облегчения в кредитовании мелких хозяйств, отмены архаичных законов, касающихся господского права охоты, проезда через помещичьи земли и т. п. Но о передаче крестьянам помещичьей земли не говорилось, не было и лозунга равного избирательного права.

Агитируя на выборах 1896 г., партия требовала также административного объединения крестьянской гмины с фольварком, развития промышленности, ремесла, народного просвещения. Несмотря на противодействие властей и духовенства, ей удалось получить в сейме девять мест, но его консервативное большинство провело ряд направленных против крестьян законов (о дорожных повинностях, о реорганизации системы образования). В 1897 г. людовцы, а также сторонники Стояловского, объединившиеся в 1896 г. в Христианско-крестьянскую партию, участвовали в выборах в рейхсрат. Они предлагали польским депутатам рейхсрата принять принцип солидарности партий в национальном вопросе, требовали реорганизации Польского кола, проведения прямых и тайных выборов в сельской курии, а также реформы страхового дела, отмены дорожного налога, ликвидации ограничения демократических свобод.

На выборах 1897 г. в ряде мест польские и украинские крестьяне выступали солидарно. Еще с середины 80-х годов людовцы сотрудничали с Франко, а затем с созданной им и Павлыком в 1890 г. Украинской радикальной партией, выражавшей интересы малоземельного и среднего крестьянства. Но в 1897 г. Франко, осуждавший проявления в людовском движении нацио-

налистических тенденций, прекратил с ним сотрудничество. Тогда же ухудшились отношения людовцев с ППСД, так как их правое крыло было враждебно социализму и рабочему движению. Социалисты поддержали более радикальную предвыборную платформу Стояловского, но в рейхсрате они выступали в защиту людовцев от преследований, разоблачали произвол помещиков. ППСД не имела аграрной программы, но вела агитацию среди крестьян, с 1898 г. издавала для них газету «Право люду». Партия пользовалась влиянием среди бедных крестьян Краковского округа, часть крестьян голосовала за нее в 1897 г. Сближение трудящихся города и деревни в борьбе против угнетения тревожило власть имущих в Галиции, и после назначения ее наместником в 1898 г. правого консерватора Л. Пининьского на социалистов и людовцев обрушились репрессии.

Создание первой в Польше крестьянской партии, развернувшей политическую деятельность, явилось важным этапом в развитии социального и национального сознания крестьянства на польских землях под властью Австро-Венгрии. В Тешинской Силезии шел подобный процесс, но особенности национальных отношений и политики, проводившейся здесь Веней, накладывали на него отпечаток, усиливая влияние польских имущих слоев. Созданная в 70-е годы газета для крестьян «Гвяздка цешиньска» проповедовала классовый солидаризм и христианскую мораль. Лишь в конце века оформилось национально-радикальное движение типа людовского, представленное выходившей во Фрыштате газетой «Глос люду слёнського». Нацеленное на просветительство, оно способствовало укреплению национального самосознания польских трудящихся, но в то же время несло и националистические тенденции.

Рост национального самосознания и общественной активности польского крестьянства происходил и на западных польских землях, но там крестьяне в гораздо большей степени оказались под влиянием польской имущей верхушки и клерикалов. В Силезии, Гданьском Поморье, Вармии и на Мазурах не было польских помещиков; польские крестьяне и батраки противостояли прусскому юнкерству. Совпадение классового и национального гнета, усиливая национальное сознание крестьян, одновременно создавало почву для классового солидаризма.

Крестьяне Познанщины и Поморья участвовали в «органической работе» под патронатом либеральных помещиков и буржуазии во имя сохранения и укрепления польского экономического и культурного достояния. Создавались сельскохозяйственные кружки и кооперативы, товарищества для заработка и хозяйствования, кредитные и ссудо-сберегательные общества, банки. Основанный в 1886 г. в Познани Земельный банк к началу XX в. имел уже капитал в 100 млн марок, в 90-х годах возникли Народные банки в Бытоме и Олштыне. Сбережения десятков тысяч польских крестьян и батраков направлялись на поддержку польского ремесла и торговли, противодействие немецкой колонизации. Благодаря широкому участию крестьян в скупке парцелированной

польской земельной собственности (в 1897 г. возник польский Парцелляционный банк) к концу века борьба за землю была выиграна поляками.

Велика была роль крестьян и в защите польского языка и культуры. В 1872 г. в Познани возникло Общество народного просвещения, его продолжением стало Общество народных читален с центрами в городах и селах. За право пользоваться родным языком боролись крестьяне на Мазурах, возрос их интерес к польской литературе. Росту национального сознания помогала работа интеллигенции. С 1896 г. К. Барке издавал «Газету людову», выражавшую интересы крестьян. Созданная им в 1897 г. Мазурская крестьянская партия шла на выборы в рейхстаг в 1898 г. с программой защиты трудящихся от эксплуатации. Заявляя о лояльности в отношении Германского государства, она требовала предоставления прав польскому языку, демократизации выборов.

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Активность польских крестьян в отпоре германизации на западных польских землях показывала, что они становились одной из главных сил национальной борьбы. Но контролировали движение имущие слои, направляя его к чисто экономическим целям, они же извлекали из «органической работы» основные выгоды в экономической борьбе с немецкими конкурентами (одним из лозунгов был бойкот немецких товаров). Движение, защищавшее экономические интересы «народа», т. е. мелкой и средней буржуазии, получило на западных землях название «людовского». С 1871 г. его рупором была в Познани газета Р. Шиманьского «Орендовник».

Путь национальной борьбы, обеспечивавший классовый мир в польском обществе, предусматривал наряду с «органической работой» сбор подписей под петициями, созыв митингов и собраний протеста, празднование знаменательных для польского народа дат, распространение польского языка и культуры. Развивалась польская пресса, росла тяга масс к знакомству с польской художественной литературой. В Великой Польше, Поморье, Силезии большую популярность снискали польское театральное искусство и музыка, серьезное внимание уделялось развитию польской науки.

Для польских земель, долгое время подвергавшихся германизации, это движение являлось, по существу, национальным возрождением. При этом борьба за польский язык, культуру, просвещение шла под флагом патриотизма, исключала моменты социальной критики и была проникнута клерикальным духом. В 60—70-е годы в таком ключе вел «органическую работу» в Верхней Силезии К. Мярка, издававший газету «Католик». В условиях преследования католического клира прусскими властями понятия «поляк» и «католик» как бы отождествлялись и влияние церкви росло, что позволяло, в частности, польской Католической партии

в Силезии проводить в рейхстаг кандидатов буржуазно-помещичьего блока, сотрудничавшего с немецким Католическим центром. Показательной была также эволюция прессы и ряда культурных организаций Познанщины, потерявших свой первоначальный либеральный, демократический и антиклерикальный характер. Но со временем католические круги оказались достаточно скомпрометированными. Национальное движение политизировалось и от лозунга защиты польского языка переходило к лозунгу независимости Польши.

В 80—90-е годы в Верхней Силезии представители радикальной интеллигенции, основавшие в 1880 г. Польско-Верхнесилезское общество, направляли борьбу как против германских властей, так и против духовенства. В 1893—1895 гг. они провели в рейхстаг трех кандидатов, независимых от Центра. В Вармии движение также радикализировалось: в борьбе с кандидатом Центра на выборах 1893 г. прошел польский кандидат; германизацию, политику Центра и католического клира атаковала «Газета ольштынська». Польским кандидатам отдавали голоса избиратели и на Мазурах, где тенденциям мазурского сепаратизма с 1872 г. противостояло тайное Общество мазурской крестьянской интеллигенции. Рост национального самосознания на Мазурах, где польский элемент представляли почти исключительно крестьяне, показывал, что сила сопротивления германизации определялась участием трудящихся в национальном движении. Процесс национального возрождения шел также в Поморье, среди кашубов. Еще в 50—60-х годах там издавались книги Ф. Цейновы на кашубском диалекте, направленные в защиту родного языка, на укрепление связи с польской культурой, заостренные против прусских германизаторов, польской шляхты и реакционного духовенства. В 80—90-е годы в Поморье стали выходить польские газеты и журналы, громче зазвучал призыв к отпору германизации.

Политический фактор (гнет самодержавия и русификация) имел первостепенное значение и для развития национального движения в Королевстве Польском. После восстания 1863 г. сил народа хватало лишь на пассивное сопротивление (патриотические манифестации и молебны, демонстративное ношение траура и национальной одежды, памятных знаков повстанческой борьбы, распространение портретов ее героев, празднование знаменательных дат польской истории, демонстрации протеста, бойкотирование «царских дней» и «оскорбление величества», уклонение от службы в армии, побеги за границу, сопротивление русификации в школе и пр.), но оно принимало широкие размеры, втягивая все больше представителей демократических слоев общества. В Королевстве действовали тайные кружки, распространявшие воззвания, направленные против царских русификаторов. Разрабатывались и планы вооруженной борьбы с царизмом. Военные приготовления и другие проявления национальной борьбы активизировались при обострении международной обстановки. И хотя поражение Франции в войне с Пруссией в 1870 г. сняло польский

вопрос с повестки дня европейской политики, надежды на его разрешение в ходе военного конфликта в Европе остались. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. созданная в Кракове тайная Конфедерация польского народа и так называемое Национальное правительство в Вене, опираясь на нелегальную организацию А. Шиманьского в Королевстве, готовили там восстание, чтобы создать возможность для вмешательства Запада в пользу польской автономии.

Неудача этой попытки подтвердила завершение этапа национально-освободительной борьбы поляков, связанного со шляхетской конспирацией и повстанческими планами. Разрешение национального вопроса становилось делом трудящихся, возглавить борьбу народа за социальное и национальное освобождение мог бы вступивший на общественную арену рабочий класс. Но марксистские организации в Польше, хотя и боролись против национального гнета, не сумели найти оптимальный путь сочетания пролетариатом социальных и национальных задач. Это отталкивало часть польских масс от СДКПиЛ, приводило их в лагерь национал-радикалов, пытавшихся проводить повстанческие концепции уже под социалистическими лозунгами, как это делала в эмиграции Польская национально-социальная гмина. Она все больше сближалась с течением мелкобуржуазного радикализма, активизация которого в Королевстве в 80-х годах была реакцией на усиление национального гнета, лоялизм имущих классов, на намечавшееся изменение международной ситуации. Выходивший в Варшаве с 1886 г. «Глос» поддержал созданную З. Милковским в 1887 г. в Швейцарии Польскую лигу, звавшую к «активной обороне» против царских властей и подготовке восстания в Королевстве в случае войны России с Австро-Венгрией. Курс повстанческой борьбы за независимость при опоре не на революцию, а на военный конфликт в Европе отвечал позиции Гмины: в 1889 г. она вошла в Лигу. В Королевстве одним из лидеров Лиги стал З. Балицкий — создатель Союза польской молодежи («Зет»). Подчиненный Лиге «Зет» был недоволен тактикой «собрания сил», требовал более решительных действий. Группа членов Лиги во главе с Р. Дмовским стремилась к активизации ее деятельности в самой Польше и в 1893 г. добилась преобразования ее в Национальную лигу с центром в Королевстве. В 1897 г. нелегальная Национальная лига заявила о создании своего политического представительства — Национально-демократической партии (народовцы, эндеки).

В 1893—1894 гг. Лига провела ряд выступлений против национального гнета в политической, экономической, культурной сферах. Протест носил подчеркнуто антирусский характер, хотя в принципе Лига осуждала «тройной лоялизм» и партикуляризм в политике польских имущих классов трех частей Польши. Об этом говорили и название ее печатного органа («Пшеглэнд вшепольски» — «Всепопольское обозрение»), основанного во Львове в 1895 г., и факты охвата Галиции ее деятельностью. Туда были переведены ее ЦК и печать после репрессий 1894 г., которыми царские власти

ответили на манифестацию к столетию восстания городского люда Варшавы под руководством Я. Килянского.

«Всепольский» характер движения подразумевал также единение в национальной борьбе всех классов польского общества. Поэтому эндеки стремились вести работу среди крестьян (для них с 1896 г. во Львове издавалась газета «Поляк» под редакцией одного из главных идеологов эндеции — Я. Поплавского). Что касается рабочих, то эндеки рассчитывали на сотрудничество с ППС, так как видели у нее за социалистической фразой ту же идею классового солидаризма, которую сами они облакали в радикальные одежды. Обе партии роднил дух национализма. Их близость подкреплялась и тем, что Балицкий был одним из учредителей ППС. Как бы на стыке двух партий происходил перелив членов из одной в другую, а в целом ППС, двигаясь вправо, занимала место эндеции, которая все дальше уходила с позиций мелкобуржуазной радикальной демократии и сближалась с платформой средней и крупной буржуазии. Эта тенденция проявилась уже в эндецкой программе 1897 г., где замалчивался вопрос о социально-политическом преобразовании Польши и конкретные задачи сводились к «культурной работе». Лозунги независимости и восстания сохранялись, но на практике вперед все больше выдвигался лозунг автономии Королевства, отвечавший экономическим интересам буржуазии «русской» части Польши. Это обусловило рост в ее среде доверия к эндекам, сопровождавшийся падением авторитета «угодовцев».

Царский режим ставил вне закона польское национальное движение в любых его формах. Система же галицийской автономии, утвердившаяся в 60—70-е годы, предоставляла полякам возможности для проявлений национальной жизни в области экономики, политики и культуры. В последней «органическая работа» шла особенно интенсивно: широко развивалась печать (издание польской литературной классики, публицистики, периодики), торжественно отмечались важные в истории польской культуры события.

Формой национального движения в Галиции была борьба за утверждение и расширение рамок автономии. Она протекала в сейме, рейхсрате и вокруг них, проявлялась в борьбе партий, газетной полемике. За широкую автономию Галиции при одновременной федерализации монархии Габсбургов выступали «львовские демократы», выражавшие интересы либеральной буржуазии и интеллигенции, а также мелкой буржуазии города. Эту программу поддерживала и часть западногалицийских консерваторов («молодые»). Но ни либералы во главе с Ф. Смолькой и Ф. Земьялковским, ни консерваторы не сумели последовательно бороться за ее реализацию, так как страшились радикализации масс. Сама программа связывалась с идеей сохранения монархии Габсбургов. Австрофильство было компонентом и всех концепций восстановления Польши. «Львовские демократы» признавали лишь легальные пути к этой цели. Программа созданного в 1868 г. во Львове на базе широких демократических слоев Национально-демократи-

ческого общества, связывая борьбу за лучшие условия развития нации с движением за демократию и социальный прогресс, самое социальную борьбу объявляла противоречащей демократии и на первый план ставила «органическую работу» по сплочению нации. Лозунг возрождения свободной единой Польши (порой приобретающий антиавстрийский акцент в дискуссиях) причудливо соединялся с лозунгом союза Галиции и Габсбургов «на основе федерации и признания исторической индивидуальности».

Расчет на Австрию, лежавший в основе «общепольских» планов, стал явно нереальным после 1870 г., но галицийские политики возвращались к мысли об опоре на Австрию и другие державы в случае их военного конфликта с Россией ради восстановления единой Польши. Эту идею развивала газета «Край», созданная А. Сапегой в 1869 г. в целях борьбы за резолюцию галицийского сейма, требовавшую федерализации империи Габсбургов и широкой автономии для Галиции. В 1877—1878 гг. Сапега поддержал попытку осуществить «общепольские» планы, войдя в венское «Национальное правительство»; в нем участвовали и галицийские демократы (В. Кошиц и др.), что говорило о распространении австрофильских настроений.

Но Вена отнюдь не одобряла проявлений не местного, галицийского, а более широкого, общепольского патриотизма. Было наложено вето на празднование столетия Барской конфедерации в 1868 г., трехсотлетия Люблинской унии в 1869 г. Запреты напоминали о существовании национального гнета, о достаточно узких рамках политической свободы в Австро-Венгрии. Поэтому борьба польских трудящихся вместе с трудящимися других народов империи за демократизацию политической жизни была борьбой за осуществление их национальных чаяний. Стремясь поколебать монополию польских консерваторов, сотрудничавших с монархией в сейме и рейхсрате, демократические круги Галиции требовали избирательной реформы. Борьба под лозунгом всеобщего избирательного права, проходившая во всех землях империи, заставила Вену пойти на уступки. Введение дополнительной «курии всеобщего избирательного права» на выборах в рейхсрат не ликвидировало привилегированного положения имущих классов, но дало некоторые шансы демократическим слоям выйти на трибуну парламента. Уже на выборах 1897 г. в Галиции, имевшей право избрать по новой курии 15 депутатов рейхсрата, 12 мандатов получили кандидаты ППСД, людовцев, сторонников Стояловского. Впервые в рейхсрате возникла группа польских депутатов, независимая от консервативного Польского кола, оппозиционная правительству.

Борьба поляков Галиции за политические, национальные права осложнилась тем, что они сами являлись господствующей нацией по отношению к украинцам. Нужно было объединить силы трудящихся обоих народов (и это нашло выражение в сотрудничестве польских социалистов и людовцев с украинскими социалистами и революционными демократами), но на пути стал рост нацио-

нализма, разжигавшегося польской и украинской имущей верхушкой. Если западногалицийские консерваторы, желая смягчить социальные и национальные конфликты, готовы были пойти на умеренные реформы в аграрной и политико-административной сфере, сделать некоторые уступки украинцам, то правые консерваторы (восточногалицийские помещики — подоляки) выступали против всяких реформ. Они сорвали «польско-украинское примирение», установившееся было в начале 90-х годов при поддержке наместника Галиции К. Бадени. Союзниками подоляков в деле разжигания антиукраинских и антисемитских страстей стали в это время эндеки. З. Балицкий еще в 1881 г. развернул пропаганду национализма среди рабочих Львова и Кракова, за ним пошла часть социалистов. Особый упор эндеки делали на создании в Галиции националистических молодежных организаций («Ожелбялый», «Жуавы» и др.). Идеи национализма пропагандировала местная эндецкая пресса.

В разжигании национальной розни между поляками и украинцами в Галиции были заинтересованы и правящие круги Австро-Венгрии, осуществлявшие в империи политику «разделяй и властвуй». Так, в Тешинской Силезии они старались натравить друг на друга польских, чешских, немецких трудящихся, поощряли силезский (слёнский) сепаратизм, акцентируя особенность «слёнзаков», якобы не имеющих ничего общего с поляками и близких к немцам. Но им не удалось приостановить процесс национального возрождения, проходивший среди польского населения Силезии. Борьбе за польский язык и польскую культуру там помогали созданная в 1885 г. просветительная организация Школьная матица и сеть народных читален. Права польского языка защищали и поляки — депутаты силезского сейма в Опаве и венского рейхсрата при поддержке депутатов-чехов. Большое значение имели установившиеся с 90-х годов контакты силезского и галицийского рабочего движения, пропагандистская деятельность социалистических и национально-радикальных органов печати, сотрудничество польских и чешских социалистов в борьбе за демократизацию, против национального гнета и буржуазного национализма.

РАЗВИТИЕ МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ
В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

В начале XX в. в Королевстве Польском нарастал подъем борьбы трудящихся. В 1900—1903 гг. в Варшаве, Лодзи, Пабянице происходили массовые стачки. Упорной была борьба за экономические цели, но рабочие бастовали (обычно успешно) и по политическим мотивам: так, забастовки 1903 г. в Ченстохове и Белостоке явились откликом на стачку в Ростове. Первомайские выступления 1900—1903 гг. заканчивались стычками с полицией и казаками, арестами участников. 1 мая 1903 г. в Радоме прошла демонстрация политзаключенных. Рабочие выступали в защиту арестованных, протестовали против репрессий.

Развязанная царизмом в 1904 г. война с Японией послужила предлогом для ужесточения репрессий. Она ударила по экономике Королевства (объем производства упал на 35 %), по рабочему классу (20 % осталось без работы, а в Лодзи — около 75 %), который ответил на это усилением борьбы. Политические стачки и демонстрации, первомайские выступления в Варшаве, Ченстохове, Люблине, Радоме проходили под антивоенными лозунгами. Лето было отмечено кровавыми столкновениями с полицией в Варшаве, победой всеобщей стачки строителей, митингами и демонстрациями, протестами против суда над М. Каспшаком. Осенью начались выступления против мобилизации, волнения запасных в Кутно и Варшаве, антивоенные демонстрации варшавских рабочих и солдат. Давая отпор усмирителям, рабочие заявляли: «Долой войну и самодержавие!» Они сразу откликнулись на весть о начале революции в России. Три недели в январе—феврале 1905 г. в Королевстве длилась всеобщая стачка, бастовали 93,2 % всех рабочих. Экономические и ряд политических (признание рабочих комитетов) требований были удовлетворены, но в Варшаве, Лодзи, Сосновце, Радоме, Скаржиске и других местах пролилась кровь пролетариев. Власть жестоко подавила первомайские выступления в Варшаве и Лодзи. В знак протеста и солидарности с жертвами расстрелов прошли стачки в Ломже, Калише и других центрах Королевства и России.

В Лодзи, где 1 мая бастовали 75 тыс. человек, не прекращались демонстрации, траурные процессии, митинги и т. п. Рабочие занимали здания фабрик («польская стачка»); учащались столкновения с хозяевами и полицией. После расстрела демонстрации 21 июня было построено около 100 баррикад. 23 июня рабочие поднялись на вооруженное восстание, которое явилось проявлением

как классовой, так и национальной борьбы — первым после восстания 1863 г. вооруженным выступлением против царизма. Оно носило стихийный характер и было подавлено через три дня, но стало важной вехой в развитии российской революции. Солидарность с рабочей Лодзью демонстрировал пролетариат всего Королевства и многих центров России, где проходили стачки, митинги, панихиды по жертвам. Поражение Лодзинского восстания не остановило роста борьбы в Польше: в августе прошли стачки протеста против Булыгинской думы; в сентябре рабочие протестовали против казни Каспшака; активность масс вызвало появление царского манифеста 17 (30) октября. В октябре—ноябре Королевство охватила самая упорная и длительная в истории польского рабочего движения всеобщая политическая стачка; в Варшаве и Лодзи в ней участвовало около 100 % рабочих.

10 ноября в Королевстве было введено военное положение, но накал борьбы не ослабевал. Были попытки освободить политзаключенных, во многих городах происходили кровавые стычки с войсками. В Белостоке еще в октябре возник Совет рабочих депутатов из делегатов СДКПиЛ и ППС. С 12 по 22 ноября межпартийный комитет стоял у власти в Славкове (Келецкая губерния), а в Домбровском бассейне десять дней существовала так называемая Домбровская республика. Против военного положения были направлены многочисленные митинги, стачки, росло и число экономических забастовок. Посланцы польских рабочих обратились за помощью в Петербургский Совет рабочих депутатов, и русские товарищи призвали к солидарной стачке протеста. А когда в декабре вспыхнуло вооруженное восстание в Москве, солидарность с борьбой русских рабочих продемонстрировали пролетарии Королевства: бастовали рабочие Варшавы, Люблина, Домбровы, Сосновца, Ченстоховы, Радома, Лодзи, Хелма; в Варшаве состоялся массовый митинг. В ответ царизм, едва успев отменить военное положение в Польше, вновь ввел его в действие.

С поражения восстания в Москве начался спад революционной волны, но стачечное движение в Королевстве оставалось в 1906 г. активным. Забастовки в годовщину 9 января носили в ряде городов почти всеобщий характер. Весной усилилась экономическая борьба (стачки против локаутов). 1 мая в Варшаве и Домбровском бассейне прошли всеобщие стачки, в Лодзи бастовали 64 тыс. человек на 500 предприятиях, стачки и демонстрации состоялись и в других центрах. Крупные выступления произошли в годовщину Лодзинского восстания: в Лодзи бастовали 500 тыс. человек. Осенью там имели место политические стачки, а с декабря развернулась борьба против массового локаута. 30 тыс. рабочих Лодзи оказались на улице, их семьи умирали от голода, они подвергались репрессиям властей и буржуазии. Против погромщиков рабочие создавали отряды самообороны. Межпартийная Рабочая комиссия руководила организацией помощи жертвам локаута. Ее оказывали пролетарии всего Королевства и России. После четырех месяцев борьбы лодзинцы потерпели поражение. Спадала и волна стачек:

9 января 1907 г. они были не столь массовыми; тем не менее 1 мая в Радоме, Стараховице, Домбровском районе бастовали все, а в Варшаве и Лодзи большинство рабочих.

Польский пролетариат выступал в революции 1905—1907 гг. как один из передовых отрядов многонационального рабочего класса всей империи. Как и в России, он был главной движущей силой борьбы. Но и в январско-февральской, и в октябрьско-ноябрьской всеобщих политических забастовках участвовали также широкие слои польского общества — служащие, интеллигенция, учащиеся. Пролетарская форма борьбы — стачка стала их оружием. Это ярко проявилось в движении молодежи, которая уже в начале XX в. активизировала борьбу за демократизацию школы, против национального гнета. Ее выступления в Варшаве, Седльце были откликом на волнения студентов в России в 1899 и 1901 гг., на стачку польских школьников Вжесни, направленную против прусских германизаторов. Рос отпор русификации в средней и высшей школе. С первых дней революции молодежь поднялась на забастовку солидарности с рабочими. Осенью 1905 г. школьный бойкот получил новый импульс, когда съезд учителей потребовал обучения на родном языке. Лозунг польского судопроизводства выдвинуло собрание юристов. Польский язык в школе и суде вводился явочным порядком, но при отливе революционной волны в 1906 г. власти возобновили атаку на него, отменив все уступки.

Национальное движение развернулось также в деревне. Крестьяне и ранее боролись с русификацией школы и гмины. С 1904 г. борьба за польский язык в сельской администрации усилилась. Крестьяне изгоняли администрацию, выбирали новую, громили казенные заведения, жгли царские портреты и делопроизводственные книги, захватывали кассу, отказывались от уплаты налогов и недоимок, от призыва в армию. Их политические лозунги становились более зрелыми: в конце 1905 г. в ряде гмин (из тех 500 в 86 уездах, что были охвачены движением) звучали требования демократических прав, автономии Королевства, отмены военного положения, освобождения политзаключенных и т. д.

Рост политической зрелости деревни был связан с влиянием рабочих выступлений, в которых нередко участвовали батраки и крестьяне. Батраки отмечали рабочие праздники, устраивали 1 мая стачки и демонстрации. В революции 1905 г. они явились самой активной силой польской деревни. Специфика аграрных отношений в Королевстве обусловила выдвижение на первый план стачечной борьбы батраков. Начавшись весной 1905 г., она охватила 45 уездов. Походы бастующих от деревни к деревне вовлекали в стачку новых участников. Особый накал движение приобрело летом 1906 г., когда имели место «черные» забастовки (уничтожался помещичий скот). Развивалась и антифеодалная борьба всего крестьянства против помещиков. Крестьяне захватывали как казенные, так и помещичьи угодья, защищая свои сервитутные

права, производили потравы и порубки, поджигали фольварочные строения, вступали в стычки с лесной стражей и с посланными для усмирения войсками. Осенью 1905 г. кое-где в Радомской и Келецкой губерниях развернулась настоящая партизанская война. На польское крестьянство влияла аграрная борьба, разгоревшаяся в России: в Королевстве возник лозунг конфискации помещичьей земли. Но основной была борьба за сервитуты, охватившая в 1905 г. 50 уездов.

Национальные, аграрные, стачечные выступления в общем затронули 2/3 всех гмин Королевства. Они испугали царизм, бросивший в польскую деревню войска, и помещиков, создавших антизабастовочные союзы, которые вместе с организациями основанного эндеками гимнастического общества «Сокол» устраивали погромы революционных батраков и крестьян. И хотя бастующим удавалось порой добиться уступок, в целом движение в деревне было подавлено. Его слабость заключалась в стихийном характере, отсутствии политического руководства. СДКПиЛ наладила связи с батраками Люблинской и Радомской губерний, создала крестьянскую организацию в Козеницком уезде, но ей мешало отсутствие аграрной программы, недооценка революционных потенций крестьянства. Левые в ППС летом 1905 г. выработали проект аграрной программы (проведение в деревне буржуазных преобразований, национализация и передача в аренду крестьянам казенных, церковных и крупных частных земельных владений), но не довели ее до крестьянских масс.

Политическим руководителем этих масс не смог стать и Польский крестьянский союз (ПКС). Созданный в конце 1904 г. прогрессивной интеллигенцией (С. Бжезинский и др.), работавшей в просветительском и кооперативном движении, он опирался на малоземельное и среднее крестьянство и выражал их интересы. Воззвание ПКС 3 мая 1905 г. содержало лозунги независимости Польши, а на данном этапе — поддержки пролетариата в борьбе против царизма за демократические и национальные свободы, за автономию Королевства Польского с сеймом в Варшаве; предполагалось решить аграрную проблему и улучшить положение крестьян путем покупки ими парцеллированных земель при помощи дешевого кредита, снижения налогов, создания кооперативов, агрономических и культурных обществ. ПКС призывал сбросить опеку помещиков и ксендзов, выступал против эндеков. Но, отмечая антагонизм крестьян и помещиков, он не ставил прямо вопроса о помещичьей земле, так как боялся расколоть силы деревни в борьбе с царизмом. Однако само развитие крестьянского движения повлияло на лозунги ПКС, который, действуя легально с конца 1905 г., все теснее связывался с массами. В 1906 г. он вел работу в 103 гминах восьми губерний Королевства, а летом созвал съезд крестьян этих губерний. Съезд принял революционно-демократическую программу принудительного отчуждения крупной собственности (государственных, майоратных, помещичьих, кулацких земель) и раздела ее между безземельными и малозе-

мельными, национализации лесов, вод и недр, ликвидации чересполосицы, введения прогрессивного подоходного налога. Земельный максимум при этом не определялся, предусматривалась компенсация за конфискованную землю.

ПКС сочувствовал русской революции и крестьянству России. Его делегаты в мае 1906 г. вошли в Петербурге в контакт с Всероссийским крестьянским союзом и трудовиками. О поездке рассказала печать ПКС. Его издания («Глос громадзки», «Жиче громадзке», «Сноп», «Весь польска», «Загон») разъясняли крестьянам экономические и политические лозунги. С конца 1906 г. стала выходить «Севба» — орган Союза молодой народной Польши; ее редколлегия состояла из крестьян и интеллигентов, близких к Прогрессивно-демократической партии. Программой-максимум Союза были независимость и объединение Польши, рост просвещения и благосостояния народа, его дружба с другими народами в рамках европейской федерации. Ближайшие требования сводились к созыву законодательного сейма на основе демократических выборов, установлению конституционной монархии, предоставлению Королевству автономии и демократических прав (в том числе языковых), осуществлению эволюционного преобразования строя на началах кооперации. Союз защищал экономические требования рабочих, включая сельских, предлагал в интересах безземельных и малоземельных экспроприировать крупное землевладение, уничтожить чересполосицу.

Деятели «Севбы» создавали сельскохозяйственные кружки, кооперативы. В 1906 г. они основали Общество сельскохозяйственных кружков им. Сташица. Социальную базу «севбярского» движения составляли как богатые крестьяне, так и бедняки, и это отражалось на страницах газеты, предлагавшей для решения аграрного вопроса разные пути: от добровольных уступок земли панам до конфискации ее без выкупа. Радикальные выступления «Севбы» стали поводом ее закрытия в мае 1908 г. Еще раньше, в 1907 г., были закрыты издания ПКС, а сам он также подвергся разгрому в результате победы реакции в России и Польше.

Революция в Королевстве разделила судьбу общероссийской, так как была ее частью. И в России, и в Польше в основном совпадали периоды подъема и спада движения. Как и во всем государстве, революция в Королевстве являлась пролетарской по облику руководящей и движущей силы, по методам борьбы. Массовый характер борьбы был здесь ярко выражен, широко применялась такая типично пролетарская форма, как стачка. Революция дала польскому народу конкретные экономические, социальные, политические, национальные завоевания, но после ее поражения реакция пошла в атаку на добытые им права: были закрыты органы печати, профсоюзы, культурно-просветительные общества, Польская школьная матица. Экономический террор, локауты сопровождалась политическими репрессиями (массовые аресты, ссылки, казни). До середины 1909 г. в Королевстве сохранялось военное положение.

В обстановке экономической депрессии и политической реакции резко упало стачечное движение: в 1908 г. в нем участвовало лишь 9 % рабочих Королевства, в 1909 г. — еще меньше. С 1910 г. началось оживление в экономической жизни, процент бастующих стал быстро расти (до 26,5 в 1913 г.). За семь месяцев 1914 г. в стачках участвовали уже 40 % всех пролетариев Королевства. По упорству стачек Польша шла впереди, и этим объяснялось то, что большинство их были успешными. Росло число политических стачек. Первой в Королевстве отмечался под лозунгами отмены смертной казни, свободы политзаключенным, под антивоенными лозунгами. Пролетарскую солидарность рабочие демонстрировали в дни памяти русской революции 9 января. Она проявилась в стачках протеста против Ленского расстрела в 1912 г., лодзинского локаута 1913 г., насилий над бакинскими рабочими в 1914 г. Польские пролетарии выступали в защиту политзаключенных в России в связи с событиями в Зерентуйской ссылке в 1910 г. и в Кутомарской тюрьме в 1912 г., собирали средства для рабочих депутатов II Думы, осужденных царизмом на каторгу, а в 1914 г. провели в Варшаве стачку в связи с удалением социал-демократов из IV Думы. Пролетариат Польши участвовал в общероссийских акциях протеста против празднования трехсотлетия дома Романовых, против антисемитского «дела Бейлиса» и царского страхового законодательства. Страховая кампания в Королевстве стала примером для всей страны.

Подъем политической активности охватил широкие слои польского общества. В 1909 г. начались студенческие волнения в Пулавском агрономическом институте; в 1910 г. стачка русских и польских студентов, требовавших автономии высшей школы, привела к арестам, но в 1911 г. борьба возобновилась под влиянием студенческих волнений в Петербурге. Платформа студентов Варшавского университета, связанных с питерской молодежью, имела уже политический характер: протест против смертной казни и истязаний политзаключенных, требование демократических свобод и автономии Польши связывались с задачей свержения царизма. Эту программу действий поддержали Политехнический и Ветеринарный институты в Варшаве, причем русские и поляки выступали вместе. Проблема интернационального единства молодежи встала в это время очень остро в связи с продолжавшимся школьным бойкотом. Лежавший в основе бойкота протест против русификации оставался актуальным и после революции, но, перестав быть частью революционной ситуации, он в то же время способствовал изоляции молодых поляков от революционного движения России. В 1908—1909 гг. доминировала позиция молодежи, требовавшей продолжения бойкота, однако в 1911 г. на съезде молодежи в Закопане выступило левое крыло, находившееся под влиянием революционных рабочих партий. Оно стояло за прекращение бойкота и союз с русской молодежью, с пролетариатом.

Национальный вопрос оставался в центре общественного внимания в Королевстве, особенно в связи с акцией протеста, вызванной изданием ряда антипольских законов, и прежде всего принятием в 1909 г. закона об отторжении от Королевства части Люблинской и Седлецкой губерний и создании на их основе Холмской губернии. Продолжалась борьба против русификации в деревне, переплетавшаяся с аграрными выступлениями. Идейным и организационным центром крестьянского движения стала газета «Заране», основанная в 1907 г. деятелями либеральной интеллигенции (М. Малиновский, И. Космовская, Т. Ночницкий и др.); в ней выступали крупные писатели (В. Оркан, М. Конопницкая, М. Домбровская). Газета занимала радикально-демократические, антиклерикальные, гуманистические позиции, выступала за независимость Польши и национальные права других народов, против шовинизма, антисемитизма. По мнению редакции, для самостоятельности крестьян нужны были просвещение и прогресс в сельскохозяйственном производстве, в крестьянском хозяйстве. Отсюда вытекали лозунг всеобщего бесплатного обязательного обучения на польском языке и практика создания культурно-просветительных обществ, агрономических школ, курсов, кружков, кооперативов. Центральное сельскохозяйственное общество, создававшее ссудо-сберегательные, кредитные общества, крестьянские товарищества, земледельческие кружки, находилось под контролем помещиков и духовенства. В противовес им «Заране» поддерживала общество им. Сташица: 140 сельскохозяйственных кружков объединили 3 тыс. крестьян, возникли потребительская кооперация, магазины, ссудо-сберегательные кассы. В кооперации «Заране» видела путь мирного преобразования общества, согласно теории кооперативного социализма Э. Абрамовского.

«Зараняское» движение подвергалось атакам правых, но на защиту его вставала прогрессивная печать. Газету поддерживали крестьяне: выходившая тиражом 8 тыс. экз., она имела 5 тыс. подписчиков и 400 корреспондентов-крестьян. «Заране» заложила основы массового политического крестьянского движения и облегчила создание в будущем самостоятельной крестьянской партии. Движение пока еще не могло вылиться в форму политической организации, отсутствие у него официальной программы определялось незрелостью и неоднородностью его социальной базы. Имела значение и известная изолированность крестьянского движения. «Заране» сочувствовала рабочим, но не хотела политического союза с ними. Влияние социалистов на «зараняское» движение было слабым. Патриотические стремления руководителей «Заране» обусловили их сотрудничество с национально-радикальным лагерем, готовившимся с оружием в руках поддержать австро-германский блок в случае его войны с Россией. Не случайно поэтому в 1915 г. власти закрыли газету и арестовали редакцию.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛАГЕРЕЙ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

В начале XX в. усилилось стремление помещиков и буржуазии Королевства к «угоде» с царизмом. Позицию земельной аристократии и финансовой верхушки отражала группа «угодников», издававшая газету «Слово» (Э. Пильц, Л. Страшевич и др.). Ее оформление в Партию реальной политики в октябре 1905 г. ускорила революция, укрепившая польские имущие классы на позиции лоялизма. Это выразилось в осуждении «угодниками» как социальной, так и национальной борьбы, в частности школьной забастовки, в попытке перевести польский вопрос в план языковых уступок. Выдвинув лозунг автономии Королевства, «реалисты» остались на позиции лояльности царизму, участвовали в I и II Государственных думах. Политику «угоды» они продолжали и после революции.

Активной силой становилась эндеция, хотя официально в составе Национальной лиги к 1905 г. числились всего 585 человек (из них только пять рабочих и девять крестьян). С 1900 г. Лига заявила о переходе к легальным действиям, обозначился эволюционный характер ее программы, принятой в 1903 г. Выдвигая лозунг независимого Польского государства, она отмечала, что создать его вооруженным или дипломатическим путем нет шансов, а потому надо в каждой из трех частей Польши добиться лучших условий для развития польской нации и «собрать силы». Тогда же, в связи с обострением германизаторского курса Берлина, Дмовский перешел с антирусских на антигерманские позиции, стал толковать «общепольский» интерес как вопрос «будущего польских земель, принадлежащих Российскому государству». Рассчитывая на уступки от будущей конституционной монархии, эндеки боялись связать себя союзом с русской либеральной оппозицией, выжидали, кто победит. Чтобы сохранить единство «национальных сил», они стремились нейтрализовать социалистическую пропаганду в массах, внедряя идеи национализма через созданные ими рабочий Союз им. Килиньского и Общество национального просвещения (более 200 кружков с 6 тыс. крестьян), через издания для рабочих («Килиньский»), крестьян (в 1900 г. тираж «Поляка» достиг 5 тыс. экз.), молодежи.

Эндеки были против планов вооруженного выступления поляков на стороне Японии в ее войне с Россией. Чтобы воспрепятствовать их осуществлению, Дмовский даже ездил в Японию в начале 1904 г. Правда, в октябре 1904 г. на парижской конференции революционных и либеральных партий России он подписался под лозунгами ликвидации самодержавия, установления демократического строя путем свободных выборов, самоопределения народов и свободы их национального развития. Но во время революции эндеция заслужила у властей имя «партии порядка», которая, как писал Дмовский, «без колебаний противопоставила себя революционному движению и вступила в ожесточенную борьбу с ним». Для борьбы с рабочими эндеки организовали летом

1905 г. Национальный рабочий союз (НРС), использовали «сокольские» организации, Общество национального просвещения, создали среди интеллигенции общество «Бачность». Эндеция приветствовала Булыгинскую думу и манифест 17 октября. Она отказалась от протеста против роспуска I Думы, в которой обладала 34 из 36 мандатов Королевства. Эндеки одобрили выдачу суду социал-демократических депутатов II Думы.

Поддерживая реакцию, эндеция, летом 1905 г. принявшая название Национально-демократической партии (НДП), надеялась получить за это уступки в национальной области именно от царизма, а не от революции или Думы; для нее автономия означала и изоляцию от революционной России. На парижской конференции лозунг автономии Королевства эндеки не выдвигали как неперспективный; в апреле 1905 г. на съезде русских и польских оппозиционных партий в Москве они выступили лишь с требованием полонизации административной системы; летом эндеция решила просить у царизма финансовой самостоятельности и самоуправления Королевства во главе с сеймом, а осенью Дмовский вел с С. Ю. Витте переговоры о польской школе. По существу, НДП добивалась даже не национального равенства поляков, а лишь права их занимать государственные и общественные должности, прав польского языка в школе, суде, администрации, свободы исповедания для униатов. На выборах в I Думу она шла под лозунгом автономии, но ссылалась при этом на царскую конституцию 1815 г. Ее декларация об автономии в I Думе была очень неясной, проект же автономии, представленный во II Думе, недвусмысленно отдавал центральной власти охранно-репрессивные функции, т. е. был нацелен против революции.

Та же направленность отличала позицию эндеков в вопросе школьного бойкота. Целью их было изолировать движение молодежи от общедемократической борьбы. «Мирный» (петиционный) характер пытались они придать и «гминному» движению, свести политические задачи к национальным, отвлечь крестьян от социальной борьбы. «Сокольские» дружины организовали террор против участников стачек и аграрных волнений. Эндеция атаковала ПКС и его печать, боролась с «севбярским» и «заранярским» движением, старалась насаждать в деревне свою агентуру. В конце 1905 г. она созвала Всепольский крестьянский съезд, используя это для проведения выборов в I Думу, в которой НДП поддержала аграрную программу кадетов (частичное принудительное отчуждение помещичьей земли за выкуп), способную, по ее мнению, снять напряжение и в польской деревне. В III Думе эндеки голосовали за аграрную реформу Столыпина. Их надежды связывались с созданием внутри крестьянства социальной опоры для утверждения «порядка». В 1912 г. под их эгидой возник Национальный крестьянский союз, выступавший против классовой борьбы, против «Заране». Перед первой мировой войной идеи эндеции несли в деревню «Газета людова», «Громада», частично молодежная «Дружина».

Польское коло в I и II Думах, состоявшее из эндецких депутатов, старалось выторговать у правительства то автономию, то польскую школу взамен за поддержку его политики. Оно одобряло бюджет и увеличение числа рекрутов, смягчило требования в отношении западных губерний, сговорившись с депутатами еще более лоялистского Территориального кола Литвы и Белоруссии. Усилившееся за счет объединения с ними во II Думе, Польское коло пыталось блокироваться и с «реалистами», и с представлявшей аристократию Королевства Национально-консервативной партией, и с помещицъей Национальной партией Литвы и Украины. Маневрируя, оно заигрывало с кадетами, а когда отвергли его проект автономии, демонстративно поддержало социал-демократов. Увидев в ходе революции бессилие русского либерализма, НДП стала делать ставку лишь на царизм. Поэтому в III и IV Думах Коло искало союза с поддерживавшими царизм октябристами, соглашавшимися ради унификации и укрепления империи дать окраинам то же устройство, что и в центре.

Надеясь привлечь эти круги идей антигерманизма, эндеки с 1908 г. вместе с ними включились в движение неославизма. Тогда же вышла книга Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос», где указывалось на необходимость «русско-польского примирения» перед лицом германской угрозы. Поляки участвовали в съездах и конференциях неославистов, но к 1910 г. стало ясно, что эта акция потерпела неудачу. Международные события показали слабость России как будущего противника Германии. К тому же русская реакция не хотела идти на уступки полякам, а галицийские политики боялись, что поддержка неославизма с его антигерманской направленностью осложнит их отношения с Веней. Прорусскую ориентацию эндеков отвергли молодые патриоты, рвавшиеся в бой с царизмом. В 1907—1908 гг. внутри НДП возникла «фронта» (А. Завадский, В. Студницкий и др.); резкая критика на съезде партии в 1909 г. заставила Дмовского выйти из Думы. Из лагеря эндеции ушли 10 тыс. членов НРС и 50 тыс. членов польских профсоюзов; отпали ряд изданий, организации молодежи («Зет», «Тека» и др.). Отказ эндеков в 1911 г. от тактики школьного бойкота, продолжение ими прежнего курса в Думе, принявшей ряд антипольских законов, привели к углублению раскола: в оппозицию НДП встали Национальный крестьянский союз и его газета «Люд польски».

Все это доказывало необоснованность претензий НДП на то, чтобы представлять польскую нацию. Не мог защитить интересы польского народа и созданный либерально-буржуазной интеллигенцией в конце 1904 г. Прогрессивно-демократический союз во главе с А. Свентоховским. Польские либералы сочувствовали борьбе рабочих России против царизма, но основные симпатии отдавали кадетам. Варшавская группа А. Немоёвского призвала к солидарности с российским либерально-конституционным движением и выдвинула лозунг автономии Королевства с отдельным учредительным сеймом. Члены Союза отходили все дальше от

лагеря революции; их правое крыло оформилось в Польскую прогрессивную партию (Г. Кониц и др.), и в конце 1907 г. обе партии временно создали Прогрессивное объединение. На выборах во II Думу они блокировались с эндеками и «реалистами». Союз с эндеками сохранился и в III Думе, а в 1912 г. прогрессисты проводили избирательную кампанию в IV Думу в блоке с кадетами. К этому времени основным направлением их деятельности стало просветительство.

Социальные и национальные интересы польских трудящихся стремились выразить революционные партии рабочего класса. В начале XX в. организации СДКПиЛ были в Варшаве, Лодзи, Ченстохове, Белостоке, Жирардуве, Кельце, Радоме, Плоцке, Домбровском бассейне, а также в Вильно, Ковно, Гродно. Партия стояла на классовых и революционных позициях, что подтвердил в 1901 г. ее III съезд. В соответствии с теорией одного из идеологов СДКПиЛ Р. Люксембург о «врастании» экономики Королевства в общероссийский хозяйственный организм, съезд заявил о невозможности создания независимой Польши при капитализме: ее свобода связывалась с социалистической революцией, мыслилась как решение культурно-языковых проблем в рамках общедемократического процесса на базе полной автономии. В этой ошибочной концепции важен был момент связи задачи национального освобождения с социальной революцией. Большое значение имело и отношение СДКПиЛ к российскому революционному движению: на съезде (а ранее на конференции в Белостоке) было решено объединить силы рабочих всей России в борьбе против царизма, содействовать созданию общероссийской федеративной партии. Об этом писали пресса СДКПиЛ (с 1902 г. выходили «Червоны штандар» и «Пшеглэнд социальдемократычны») и ленинская «Искра». Поляки наладили с ней сотрудничество, но, когда она напечатала проект программы РСДРП, выступили против пункта о праве наций на самоопределение, считая, что он открывает дорогу национализму. Из-за этого польские делегаты ушли со II съезда РСДРП, хотя IV съезд СДКПиЛ в 1903 г. выработал условия вступления ее в российскую партию.

Но стремление к совместной борьбе росло. Оно осуществилось в ходе революции 1905—1907 гг., во время которой СДКПиЛ направляла польских рабочих к общей с российским пролетариатом цели — свержению царизма, завоеванию демократических свобод, конституции, республики, преобразованию России в федерацию автономных народов. Польские социал-демократы, уже 10 (23) января 1905 г. призавшие к стачке в ответ на «кровавое воскресенье», приняли тактику большевиков, как и они, разоблачали маневры царизма и контрреволюционную роль буржуазии, видели в пролетариате гегемона революции. Считая революцию в Польше частью общероссийской, деятели СДКПиЛ на конференции в ноябре 1905 г. отметили, что ее развитие ведет к вооруженному восстанию. Когда оно вспыхнуло в Москве, партия призвала польские массы к стачкам солидарности. Хотя СДКПиЛ и не понимала

необходимости конкретной подготовки к восстанию, она осознала задачу превращения армии в революционную силу. Еще летом 1905 г. она заключила союз с Военно-революционной организацией РСДРП для работы в воинских частях, находившихся в Королевстве. Партия обращала внимание и на деревню, ориентируясь прежде всего на батраков, безземельных и малоземельных.

К лету 1906 г. СДКПиЛ стала массовой партией (около 30 тыс. членов). Под ее эгидой работали профсоюзы (более 10 тыс. членов). В это время организационно оформился союз польской и российской социал-демократии: на IV съезде РСДРП в апреле 1906 г. СДКПиЛ вступила в российскую партию, став ее автономной частью. Это способствовало укреплению революционного крыла РСДРП: на съезде польские делегаты выступили заодно с большевиками против меньшевиков; такую линию подтвердил V съезд СДКПиЛ, одобрявший объединение. С этого времени польские социал-демократы и ленинцы сотрудничали во всех сферах легальной и нелегальной деятельности в России и Польше, в эмиграции, в тюрьме и ссылке. Лидеры СДКПиЛ Р. Люксембург, А. Варский, Я. Тышка (Л. Иогихес) и другие активно участвовали в борьбе течений внутри РСДРП. Единым фронтом с большевиками выступали они на конгрессах Интернационала.

Опыт сотрудничества с РСДРП повлиял на развитие взглядов польских социал-демократов. VI съезд партии в конце 1908 г. заявил о неизменности лозунга революционной борьбы за демократию и классовые цели польского пролетариата в союзе с пролетариатом всей России. СДКПиЛ подтвердила близкую к большевистской формулу: революционно-демократическая диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство. Была поддержана ленинская идея национализации помещичьей земли в России, но для Королевства по-прежнему формулировались лишь задачи агитации среди батраков. Это мешало партии использовать революционные потенции крестьян. Консолидации масс под руководством партии мешала и ее позиция в национальном вопросе: в борьбе с национальным гнетом СДКПиЛ видела лишь часть борьбы за демократию; опасаясь национализма, она отказывалась от лозунга самоопределения наций (на съезде его поддержали немногие) и независимости Польши, ограничивалась требованием автономии Королевства и решения национальных проблем Учредительным собранием России.

Росту влияния партии на массы препятствовал и ее взгляд на профсоюзы: выступая против их нейтральности, СДКПиЛ не сумела найти гибкую форму связи их с партией и создавала только нелегальные союзы из одних рабочих — социал-демократов. Провозглашенный съездом курс на легализацию профсоюзов стал проводиться лишь с осени 1910 г., когда конференция СДКПиЛ приняла решение о сочетании легальных и нелегальных форм работы. Тогда же возник ряд легальных изданий партии, укреплялись ее связи с рабочей фракцией в Думе, стали расти ее ряды, оживились местные организации.

Начавшийся революционный подъем требовал сплоченности революционной социал-демократии. Но именно в эти годы блок большевиков и СДКПиЛ распался. Руководство СДКПиЛ не одобряло борьбу Ленина за партию нового типа, его стремления организационно размежеваться с ликвидаторами. Уже VI съезд партии, выступая за единство, осудил «фракционность» большевиков. На пленуме ЦК РСДРП в начале 1910 г. поляки, поддержав большевиков, проявили колебания. «Примиренческая» линия Главного правления (Зажонда) СДКПиЛ, его попытки «блюсти равновесие» между ленинцами и ликвидаторами привели к конфликтам в редакции ЦО и других учреждениях РСДРП. С лета 1911 г. отношения обострились в связи с подготовкой и проведением Пражской конференции, на которой в 1912 г. произошел организационный разрыв с ликвидаторами. СДКПиЛ, отозвавшая представителей из ЦК и ЦО, в конференции не участвовала. Не пошла она и на участие в ликвидаторском Августовском блоке, оставшись в итоге вне обоих лагерей в РСДРП.

Разрыв с РСДРП вызвал недовольство польских рабочих — социал-демократов, желавших укрепления союза с революционными рабочими России. Более тесной связи с РСДРП требовали делегаты VI съезда СДКПиЛ от Зажонда. Местные организации критиковали заграничное руководство за отрыв от польской действительности. В конце 1911 г. критика прозвучала на Варшавской и Лодзинской конференциях. В ответ Зажонд в 1912 г. распустил варшавскую организацию, объявив, что в нее проникли провокаторы. Отказ оппозиции подчиниться положил начало расколу на «зажондовцев» и «розламовцев» (розлам — раскол). Организации тех и других действовали параллельно — руководили стачками, направляли работу профсоюзов, проводили кампанию по выборам в IV Думу в 1912 г. и страховую акцию в 1913 г., вели издательскую работу.

«Розламовцы» в 1913 г. провели свою конференцию, а позже создали Краевой комитет, наладили издание легальной «Новой грыбуны» в Петербурге. Им помогал ленинский ЦК, с которым руководство «оппозиции» (С. Ганецкий, А. Малецкий и др.) сотрудничало в Галиции, где печатался ее орган «Газета работнича». Но в вопросах о праве наций на самоопределение и о расколе в РСДРП «розламовцы» разделяли взгляды «зажондовцев». И те, и другие не поддержали на Брюссельском совещании, созванном в 1914 г. Международным социалистическим бюро (МСБ), ленинские условия объединения общероссийской партии. В Брюсселе состоялось решение и о преодолении раскола в СДКПиЛ, но начавшаяся война помешала провести объединительный съезд.

Рабочее движение Королевства ослаблялось не только расколом социал-демократии, но и наличием в нем националистического течения, представленного «старыми» в ППС. Имея преобладание в руководстве, они сохранили его и после того, как VI съезд партии в 1902 г. расширил состав Центрального рабочего комитета (ЦРК). На съезде «молодые», опираясь на стремления рядовых пепеэсов-

цев — рабочих и интеллигентов, заявили о солидарности с революционным движением в России. Они имели влияние в самой активной организации — варшавской. Ячейки ППС были в Радоме, Кельце, Вильно, Гродно и других городах, в России и за границей.

Между местными организациями и заграничным центром возникло трение. В 1900 г. недовольство Львовской и Краковской секций ППС национализмом и недемократичной политикой ЦРК привело к расколу и созданию партии ППС-Пролетариат (III «Пролетариат») во главе с Л. Кульчицким. В своей программе 1902 г., в газете «Пролетариат» и серии брошюр партия выступала за самоопределение наций, за создание автономной Польши в конституционной России, трактуемое как шаг к независимости, за союз с русской революцией против планов сепаратного восстания. В этом духе ППС-Пролетариат высказывалась в своем обращении «К русским товарищам» в 1900 г. Тактика ее включала пропаганду, антиправительственные акции, первомайские демонстрации, террор, но на практике он не применялся из-за слабости партии. После репрессий ее организации остались лишь в Варшаве и Лодзи, руководящий центр был перенесен в Краков.

Для сторонников связи с революционным движением в России подъем его во время русско-японской войны был сигналом к совместным действиям. Но правые в ППС призывали ждать момента ослабления царизма, чтобы восстать против него в союзе с Японией. Пилсудский ездил туда договариваться о создании отрядов из пленных поляков, переброске их затем в Королевство; на антирусскую деятельность он получил от японцев 20 тыс. ф. ст. ЦРК делал также ставку на национальные движения в России как на фактор децентрализации и разрушения империи; его делегаты участвовали в парижской конференции 1904 г. вместе с кадетами, эсерами, армянской Дашнакцутюн, другими национальными партиями. Левые осудили действия Пилсудского и его сторонников, как и проведенные ими акты террора, националистические демонстрации, приведшие к бесплодным жертвам. Выступая за массовые формы борьбы, «молодые» в январе 1905 г. добились того, что ППС призвала к политической стачке под лозунгом борьбы за независимость, за созыв польского сейма в Варшаве, установление политических свобод и равноправия. Путь к этому они (как и III «Пролетариат») видели в объединении сил с рабочими России для свержения царизма. Они требовали сближения с РСДРП и Партией социалистов-революционеров в противовес тенденции «старых» к союзу со всеми слоями польского общества, включая буржуазию.

«Молодые» отражали позицию рядовых пепеэсовцев. Получив большинство в ЦРК на VII съезде весной 1905 г., они выдвинули лозунг созыва в Петербурге и Варшаве учредительных собраний, призванных после победы революции решить вопрос политического устройства Королевства. Новый ЦРК выступил против Булыгинской и I Думы, поддержал призыв к всеобщей стачке в декабре 1905 г. Еще до революции левые вели работу среди крестьян в Ра-

домском, Островецком, Люблинском, Седлецком, Ловичском уездах, издавали для них «Газету людову»; теперь они старались руководить революционной борьбой в деревне, разработали аграрную программу. Усилилась их конфронтация со сторонниками Пилсудского, окопавшимися в Боевом отделе ППС. По соглашению с эсерами, сторонниками тактики террора, боевики совершали экспроприации, акты террора против солдат, полицейских, чиновников. Это мешало революционной агитации в русской армии, наносило урон российско-польскому союзу. После крупного теракта под Роговом в августе 1906 г. ЦРК запретил деятельность Боевого отдела; в ноябре, на IX съезде ППС, боевики отказались подчиниться, требовали выдвижения лозунга независимости и в знак протеста вышли из партии. Так, в огне революции произошло размежевание националистическо-реформистских и революционно-интернационалистских элементов ППС: возникли ППС-революционная фракция, объединявшая сторонников Пилсудского, и ППС-левица.

За Левицей в конце 1907 г. шло около 12 тыс. человек (десять окружных и 35 районных комитетов), возглавляли ее М. Горвиц (Г. Валецкий), М. Кошутская (В. Костшева), П. Левинсон-Ляпинский, Ф. Кон, Т. Рехневский и др. На переломе 1907—1908 гг., на X съезде ППС-левицы (как преемница ППС партия продолжила счет съездов), они представили программу, соединявшую социалистические и национально-освободительные цели. Выдвигался лозунг автономии Королевства в демократической России. Лозунг независимой Польской Республики, включающей все польские земли, не был принят как неосуществимый на данном этапе, но значение его для перспективы ясно осознавалось: он связывался с социалистическими революциями в России, Австро-Венгрии и Германии и созданием социалистических республик, в том числе польской. Левица недооценивала лозунг самоопределения наций, противопоставляя ему требование равноправия народов, но ее позиция означала разрыв с национализмом, стремление к революционному союзу рабочих всей Российской империи. Партия выступила за политическую власть пролетариата, за гегемонию его в революции. Ее аграрная программа нацеливала на завоевание поддержки батраков, безземельных и малоземельных, но левищцы готовы были в будущем провозгласить лозунг конфискации крупной земельной собственности. Они были за единство и массовость профдвижения на основе деятельности беспартийных союзов, стоящих на почве классовой борьбы, т. е. осуждали как нейтральность их, так и превращение в часть партии.

Левищцы не отвергали возможности мирного осуществления задач буржуазно-демократической революции на основе борьбы в парламенте, но в отличие от меньшевиков они не отказались от революционной борьбы, видя в ней средство давления на Думу и правительство; Думу они считали ареной борьбы, трибуной, а не источником конкретных завоеваний. В первое время партия делала крен в сторону легальной работы — профсоюзной, просветитель-

ной, хозяйственной (о чем говорили решения ее I конференции в начале 1909 г.). II конференция осенью 1910 г. потребовала сочетания легальных и нелегальных форм, укрепления нелегальной организации, а XI съезд в апреле 1912 г. провозгласил переход к «тактике атаки». В 1907—1914 гг. Левица руководила экономической борьбой профсоюзов, политическими стачками, создавала культурно-просветительные общества, выпускала более 40 легальных и нелегальных («Работник», «Мысль социалистична») изданий, что помогало формировать актив не только из рабочих. Левицовцы принимали участие в петиционной, избирательной, страховой кампаниях, но не всегда умели правильно выбрать форму массовой акции. Так, участвуя в проходившей в 1911 г. по всей России петиционной кампании за свободу коалиции (свободу собраний, объединений и т. п.), они, как и меньшевики, не увязывали это отдельное требование с неурезанными демократическими лозунгами революции 1905 г. Кампанию по выборам в IV Думу Левица проводила в блоке с Бундом и еврейскими буржуазными националистами; избранный от партии депутат Э. Ягелло вступил в социал-демократическую фракцию Думы при поддержке семи депутатов-меньшевиков.

При помощи меньшевиков Левица надеялась войти в общероссийскую партию. Попытки объединения она делала еще в 1908 г., но V конференция РСДРП категорически отвергла их. Понимая стремления меньшевиков-ликвидаторов использовать Левицу для борьбы против блока СДКПиЛ и большевиков, последние хотя и отмечали идейные сдвиги в ППС-левице, но считали, что переход ее на социал-демократические позиции не закончен и вопрос о вступлении в РСДРП нельзя решать через голову СДКПиЛ. Польские же социал-демократы занимали в отношении левицовцев сектантскую позицию, обвиняя их в национализме за стремление к независимости Польши. На самом же деле Левица сочетала в своей платформе интернационализм и патриотизм, борясь против национализма «фраков» (членов ППС-фракции) и эндеков, против великодержавного шовинизма и национального гнета. I и II конференции, XI съезд партии провозглашали задачи такой борьбы на два фронта; Левица осудила отторжение Холмщины от Королевства. Выступая с интернационалистских позиций, она продолжала ставить вопрос об объединении с РСДРП на XI съезде, а затем и на III конференции в конце 1913 г. За ликвидацию раскола в польском и российском рабочем движении левицовцы голосовали на сессии МСБ в 1913 г. и на Брюссельском совещании. ППС-левица была представлена в Интернационале и играла активную роль на его форумах, все более прочно утверждаясь на революционных позициях.

Иным курсом шла ППС-фракция. В марте 1907 г. ее I съезд («фраки» называли его X, также претендуя на преемственность в ППС) принял программу, где целью объявлялись ликвидация наемного труда и эксплуатации, обобществление средств производства, но о диктатуре пролетариата, его гегемонии и революци-

онном пути борьбы не упоминалось. Выдвигался лозунг восстания против царизма за независимость демократической Польши. При этом идея солидарности польских рабочих с рабочими всей России сводилась к «координации» усилий. Отказ от революционной борьбы и интернационального пролетарского союза вел к поискам иных, неревolutionных путей и других, непролетарских союзников. На конференции осенью 1908 г. обсуждался план сотрудничества с НДП; требования расширить связи с польскими буржуазными партиями поддержал II съезд ППС-фракции в августе 1909 г. Предлагалось создавать беспартийные формирования под лозунгом подготовки восстания.

Военная подготовка стала главной сферой деятельности «фраков»: собирались средства на вооружение (в том числе путем экспроприаций), печаталась военная литература, создавались (в основном в Галиции) военные школы, кружки для военного обучения. В 1908 г. эту работу возглавил созданный «фраками» в Галиции Союз активной борьбы, с 1910 г. начавший формирование военных сил. В том же направлении, одобренном II съездом, действовали позже Польский военный фонд и Временная комиссия объединенных партий, выступающих за независимость, где «фраки» были на первых ролях. Они играли активную роль и в установлении связей с австрийской и германской разведками, с генштабами этих стран, ибо предполагалось, что поляки поддержат австро-германский блок в его войне с Россией. В декабре 1912 г. и октябре 1913 г. Партийный совет ППС-фракции обсуждал план вторжения польских формирований в Королевство в первые дни войны, провозглашения там независимости Польши и создания национальной администрации. Готовясь к власти, «фраки» реорганизовали Временную комиссию, которую трактовали как прообраз будущего правительства.

Акцентируя внимание на военно-технической стороне, ППС-фракция пренебрегала социально-политической подготовкой масс, так как считала их пассивным материалом, послушным воле вождей. Она не руководила экономической и политической борьбой в Королевстве, ограничиваясь наряду с проведением боевых акций скромной издательской деятельностью (нерегулярно выходили прокламации, газеты «Роботник», «На барыкады», «Гурник»). В общероссийских политических акциях (кроме первомайских) партия не участвовала из принципа, протестуя против «отождествления» польского революционного движения с русским. С тех же позиций «фраки» бойкотировали Думу. Они были против стачек, и их не волновал начавшийся в России новый революционный подъем. Тактика их осталась прежней, неизменна была линия на подготовку антирусского выступления. В этом плане их интересовала деревня: идеи национализма, вооруженного восстания и т. п. они пытались распространять через созданный в 1912 г. Крестьянский союз и легальные «заранярские» организации.

По существу, ППС-фракция превращалась из социалистической рабочей партии в мелкобуржуазную военно-политическую

организацию национально-освободительного характера. Ее социальная база в Королевстве таяла. В 1907 г. партия насчитывала 14 тыс. членов и имела влияние в Лодзи, Плоцке, Седльце, Ченстохове и Домбровском бассейне, а в 1909 г. в ней остались 2986 человек, влияние ее было слабым; в 1907—1914 гг. исчезли партийные организации в Кельце, Радоме, Люблине. Такое положение дел вызывало недовольство в рядах «фраков»: оппозиция (ее поддержали секции во Львове, Париже, Женеве), выступившая на Партийном совете в начале 1911 г., видела причину слабости партии в политике руководства, в его отрыве от борьбы масс, в сотрудничестве с буржуазией. В конце 1912 г. наступил разрыв; возникшая ППС-оппозиция избрала Центральную комиссию во главе с Ф. Перлем и Я. Цинарским, издавала журналы «Пляцувка» и «Валька», создала свои ячейки в Варшаве, Лодзи, Ченстохове, Домбровском бассейне. Но программа, принятая ею на I конференции, принципиально не расходилась с курсом «фраков». Перль критиковал фетишизацию военного фактора, но считал войну против царизма важной и нужной. Деятели ППС-оппозиции не связывали борьбу за независимость Польши с революцией в России, хотя и не соглашались с негативной оценкой русского революционного опыта. Партия обсуждала вопросы массовой работы в Королевстве на II конференции в конце 1913 г., но на практике слабо использовала профсоюзы, не принимала активного участия в стачечной борьбе и политических выступлениях (кроме страховой кампании). Это не могло обеспечить ей влияния в рабочей среде. В конце 1913 г. Оппозиция начала переговоры с «фракками», ставившими вопрос о примирении на Партийном совете в январе 1914 г. и в мае на конференции; с началом войны она вернулась в лоно ППС-фракции.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ГАЛИЦИИ И ТЕШИНСКОЙ СИЛЕЗИИ

Экономический кризис конца XIX в. резко ухудшил положение трудящихся отсталой Галиции. В 1901—1902 гг. из нее эмигрировали 224 тыс. чел. Начались волнения безработных (во Львове и Пшемьсле в 1901 и 1902 гг.), ширилась экономическая борьба рабочих: в 1904 г. в стачках участвовали 10 тыс. человек на 614 предприятиях. Крупными были выступления нефтяников Борислава в 1900—1901 гг., строителей в Бельско-Бялой и Львове в 1901—1902 гг. В упорной борьбе дело доходило до сооружения баррикад и кровавых столкновений с полицией, как, например, в 1902 г. во Львове.

В Тешинской Силезии в начале 1900 г. забастовали 23 тыс. шахтеров Островско-Карвинского бассейна, а затем число бастующих выросло до 60 тыс. В стачках 1900-1903 гг. вместе выступали рабочие многих национальностей. Интернациональный характер приобретали и политические выступления. Так, в Галиции 1 Мая 1902 г. праздновали польские, украинские, еврейские

рабочие. Они требовали восьмичасового рабочего дня, охраны труда, социального обеспечения, ликвидации национального гнета и прекращения террора властей, демократизации избирательной системы и всего политического строя. В 1902 г. в Кракове, Львове, Жешуве, Тарнуве состоялись акции протеста против гибели в шахтах 15 тыс. рабочих Борислава, против расстрела львовских рабочих; для пострадавших были собраны средства. Память жертв львовского расстрела отмечалась и в 1904 г. Рабочие чтити также борцов прежних поколений: в 1901 г. в Кракове прошло собрание, посвященное памяти I «Пролетариата».

С 1900 г. начались волнения в галицийской деревне. Экономические стачки батраков, борьба крестьян за право пользоваться бывшими сервитутными угодьями и передел помещичьей земли сопровождались поджогами, стычками с панской стражей и усмирителями. В борьбе против помещиков батраки и крестьяне — польские и украинские — выступали вместе, создавались стачечные комитеты. Выдвигались и требования демократизации выборов. К осени 1902 г. движение охватило 100 тыс. человек в 26 повятах Восточной Галиции (48 % ее территории) и было поддержано в Западной Галиции. Несмотря на массовые аресты, стачки продолжались и в 1903 г. Участникам не хватало организованности, но упорство не раз приводило их к победе.

Для борьбы с движением помещики создали в 1902 г. сельскохозяйственный синдикат и бюро по обеспечению рабочей силы. Они вербовали штрейкбрехеров, сеяли в деревне национальную рознь. Активно действовали эндеки, которые в 1900 г. создали в Галиции Краевой комитет Национальной лиги, издавали газеты («XX век», «Слово польске» и др.), в том числе для крестьян. Контролируя земледельческие кружки, кооперативы, сберкассы, Общество народной школы, они пытались противодействовать социальной борьбе, крестьянскому движению. Программа НДП, оформившейся в Галиции в 1904 г., давала консервативную трактовку социальных вопросов.

Политику эндеков в деревне поддерживали подоляки и часть «демократов», чья программа, принятая на съезде во Львове в 1900 г., содержала требования умеренных социальных реформ (повышение заработной платы, охрана труда, социальное обеспечение), но предусматривала также солидарность депутатов Польского кола в рейхсрате, т. е. сотрудничество с консерваторами. Часть «демократов» пошла на блок с ними на выборах в рейхсрат в 1900 г. Левое же крыло партии искало союза с людовцами, что отвечало желанию правого руководства СЛ. В 1901 г. людовцы и сторонники С. Стояловского создали Объединение народных партий, вошедшее вместе с «демократами» в Демократическую концентрацию. Но обе группировки вскоре распались: «демократы» и Стояловский окончательно перешли на сторону консерваторов и те победили на выборах в сейм в 1901 г.; людовцы же поплатились поражением. Оно было связано с умеренностью программы, принятой перед выборами на съезде СЛ (предоставле-

ние Галиции статуса наподобие венгерского, демократизация избирательной системы, поддержка крестьянского хозяйства). В новой программе, принятой на съезде в Жешуве в 1903 г., партия, поддерживавшая борьбу 1900—1903 гг. в деревне, защищавшая права крестьян в рейхсрате, учла их требования. Польске стронництво людове (ПСЛ), как стала называться партия, заявило о стремлении к национальному, политическому, экономическому подъему народа. Речь шла о поддержке мелкой крестьянской собственности, ремесла и местной промышленности, регулировании парцелляции земли, равномерном налогообложении, гарантии минимума зарплаты, нормировании рабочего времени и охране труда. Вопрос о малоземельных и батраках не ставился. Людовцы не отказывались от сотрудничества с помещиками и духовенством, но важен был лозунг самостоятельности крестьянского движения, отражавший рост политического сознания. Это подтверждали требования национального равенства и свободы вероисповедания, демократизации избирательной системы; конечной целью объявлялась независимость Польши, а ближайшей — расширение автономии Галиции и увеличение ее представительства в рейхсрате.

В политическом развитии трудящихся Галиции большую роль сыграла революция 1905—1907 гг. в России и Королевстве. Уже в январе 1905 г. прошли стачки во Львове, Бориславе, Саноке, а летом — в Ярославе, Бельско-Бялой, Кракове, Львове, Дрогобыче, Тарнуве, Пшемьсле, Тенчине, Закопане, Самборе и др. Забастовали и батраки. Осенью выступили шахтеры в Явожне. Главным лозунгом движения была солидарность с борьбой российских рабочих. В этой борьбе, как заявляли трудящиеся Львова, вырисовывался облик новой России, «которая будет способствовать освобождению Украины, Польши, Литвы и других народов». В городах Галиции проходили массовые собрания, демонстрации солидарности, митинги протеста против политики царизма. В Кракове и Пшемьсле они вылились в кровавые стычки с полицией; 1 мая то же самое произошло в Кракове, Львове, Ярославе, Тарнуве. Гневный протест вызвало подавление Лодзинского восстания. В кампании солидарности участвовали рабочие, мелкая буржуазия, интеллигенция, учащиеся, крестьяне, руководили ею социал-демократы и людовцы. Они же наладили помощь революционерам России: через Галицию шло оружие, революционная литература; границу переходили и сами участники борьбы. Все это способствовало радикализации галицийского общества.

Лозунг солидарности с революцией в России сочетался с экономическими (восьмичасовой рабочий день, охрана труда, ликвидация дороговизны) и политическими требованиями. В центре стояло требование всеобщего избирательного права, выдвинутое массами всего государства Габсбургов. Оно звучало на многочисленных демонстрациях в Новом Тарге, Ярославе и других центрах. В сентябре—октябре в Кракове на улицы выходили от 10 до 20 тыс. человек, а 2 ноября демонстрация переросла в столкновение с полицией. 28 ноября, в день общеавстрийской полити-

ческой стачки в поддержку требования реформы выборов, в Галиции бастовали десятки тысяч, масса людей участвовала в демонстрациях (во Львове более 40 тыс.). Требование реформы ППСД направила в рейхсрат, туда же была адресована петиция, подписи под которой собирали людовцы.

Выступление трудящихся заставило власти ввести всеобщее избирательное право. В этой победе была заслуга и галицийских масс, сохранявших боевой дух: стачечное движение пошло на спад, но усилилась борьба в деревне, чему способствовал рост крестьянского движения в соседних с Галицией украинских губерниях России. Требуя передачи помещичьих земель, крестьяне и батраки Восточной Галиции создавали комитеты и проводили стачки, а порой явочным порядком занимали панскую землю. Они выступали против национального гнета, за демократизацию выборов в галицийский сейм. Начало борьбы ознаменовалось тридцатитысячной манифестацией крестьян во Львове в феврале 1906 г. Летом движением было охвачено уже 200 сел. Всего в 1905—1907 гг. в нем участвовали более 350 сел в 40 повятах.

Врагами движения являлись эндеки, консерваторы и клерикалы, в частности Социально-католический союз в Пшемьсле и основанный С. Стояловским Народный центр. Для борьбы с крестьянами консервативно-клерикальные и эндецкие круги создавали «дружины бартопове» и «дружины подгалянське». Выступали они и против солидарности с русской революцией, резолюцию в таком духе приняло в рейхсрате Польское коло. Оно добивалось от правительства увеличения представительства Галиции в рейхсрате при сохранении привилегий избирателей-поляков. В результате новый закон о выборах в рейхсрат, вводивший всеобщее, прямое, равное и тайное голосование, предусматривал особую организацию избирательных округов и порядок выборов в Галиции, обеспечивавшие полякам перевес над украинцами (77 из 105 галицийских мандатов).

Новый закон расширил возможности для волеизъявления масс. Уже на выборах 1907 г. успеха добились людовцы (17 мандатов) и социалисты (шесть мандатов в Галиции, четыре — в Тешинской Силезии). За счет консерваторов выиграла эндеки (их поддержал наместник Галиции А. Потоцкий) и «демократы», составившие большинство в Польском коле. В сейме, которого реформа выборов не коснулась, консерваторы по-прежнему преобладали. Стремясь восстановить позиции в Коло и ища поддержки, они в 1907 г. заключили союз с ПСЛ, вместе с ним успешно выступили на выборах в сейм в 1908 г. и в рейхсрат в 1911 г. С помощью депутатов от ПСЛ, вступивших в Коло, им удалось отеснить от руководства эндеков.

Союз ПСЛ с консерваторами был связан с политическим расчетом его лидера: для укрепления позиций партии в отношении с Веней Я. Стапиньский надеялся использовать влиятельных союзников (позже он даже вел переговоры с эндеками). Съезд ПСЛ в 1908 г. одобрил новый курс, и это отразилось на пред-

выборной агитации людовцев (смягчение социальной и антиклерикальной направленности, акцентирование принципов законности и лояльности). Избирательная платформа содержала главные положения принятой съездом программы: содействие крестьянам в покупке земли и ликвидация чересполосицы, организация кредита и торговли сельскохозяйственной продукцией, проведение мелиорации, агротехнических улучшений, а в политическом плане — расширение автономии Галиции, демократизация выборов в сейм, проведение гминной реформы. Выражалось также стремление к соглашению с украинскими партиями, не выступающими против национальных прав поляков.

Этот момент был важен, так как борьба за демократическую реформу выборов в сейм осложнялась обострением польско-украинских отношений. Поддерживая лозунг избирательной реформы, украинские национал-радикалы требовали расширения своего представительства в сейме, украинизации Львовского университета, ставшего центром национальных конфликтов. Потоцкий обещал расширить права украинского языка в университете, содействовать развитию просвещения, культуры, экономики украинцев. На уступки были согласны западногалицийские консерваторы, но подоляки и эндеки возражали и на выборах 1908 г. поддержали украинцев-москвофилов — противников национал-радикалов. У последних ход и итоги выборов вызвали возмущение; обострение обстановки привело к убийству Потоцкого украинским студентом М. Сичинским в апреле 1908 г. Осложнившаяся в связи с боснийским кризисом международная ситуация диктовала Вене шаги по обеспечению спокойствия в Галиции, и новый наместник М. Бобжиньский постарался на базе уступок украинцам в отношении сейма и университета сплотить их с западногалицийскими консерваторами и их союзниками — людовцами и «демократами» («наместниковский блок»). Подоляки и эндеки создали «антиблок», но не сумели победить на выборах. Однако, когда в 1913 г. Бобжиньский попытался провести через сейм проект нового закона о выборах, они провалили его с помощью клерикалов. Бобжиньский ушел в отставку, а его преемнику В. Корытовскому пришлось распустить сейм и провести новые выборы. Лишь после долгих переговоров было достигнуто соглашение и закон удалось принять: курьяльная система сохранялась, но выборы становились прямыми и тайными; правом голоса пользовались все, кто выбирал в рейхсрат; 27 % мест выделялось для украинцев. Закон создавал условия для более широкого участия масс в политической жизни, но из-за начавшейся войны он не был введен в действие.

С завершением борьбы за реформу сейма изменилась расстановка политических группировок. К этому времени авторитет консерваторов пошатнулся, а людовцы выросли в одну из ведущих политических сил. В 1908 г. ПСЛ получило 19 мест в сейме, в 1911 г. — 24 мандата в рейхсрате и относительное большинство в Польском коле. Усилились его позиции в гминах и повятовых

правлениях. Вырос тираж «Пшияцеля люду» (с 1902 г. его редактировал Стапиньский). Расчеты на использование влияния консерваторов для получения уступок от Вены во многом оправдались: ПСЛ были даны привилегии и льготы в области экономики (предоставление субсидий, ссуд, концессий, создание Крестьянского банка и страхового общества и др.) и политики (назначение на должности в администрации края, включая пост министра по делам Галиции). Правда, выгоду от них получила не масса крестьян, а зажиточная верхушка и принятая в ПСЛ в эти годы часть помещиков и буржуазии.

Это вызывало недовольство в партии. В 1907—1908 гг. выступила оппозиция во главе с М. Ольшевским (группа «Газеты хлопской»), в 1908 г. — «львовская фронда», возглавленная Б. Выслоухом и Я. Домбским (группа «Газеты людовой») и имевшая связь с эндеками и подоляками. Борьба течений проявилась на съездах ПСЛ в 1908 и 1910 гг. В итоге «фронда» вышла из партии и в начале 1912 г. создала ПСЛ-Объединение независимых людовцев. Одновременно крестьянские массы требовали от руководства радикализации политики. Их мнение выразилось на выборах в сейм в 1913 г., когда партия получила лишь 15 мандатов.

В это время Стапиньский уже решил порвать с консерваторами, и в предвыборной агитации ПСЛ звучали критика помещиков и клерикалов, призывы к согласию с украинским крестьянством, к союзу с левыми. Съезд в Жешуве в декабре 1913 г. признал прежний курс ошибочным и заявил о независимой политике в союзе со всеми прогрессивными партиями. Но правые в ПСЛ атаковали Стапиньского, использовав случай обвинить его в финансовых аферах. Произошел раскол: часть партии во главе со Стапиньским образовала ПСЛ-левицу, правые создали ПСЛ-«Пяст» (по названию своей газеты).

В апреле 1914 г. на съезде в Кракове ПСЛ-левица приняла программу, содержащую лозунги широкой автономии Галиции, демократизации выборов в сейм, гминной и аграрной реформ. Выступив против помещиков и духовенства, партия вышла из Польского кола, заявила о сотрудничестве с левыми в социальных вопросах. Требуя уравнивания украинцев в правах с поляками, ПСЛ-левица осуждала все проявления национального гнета и антипольскую политику держав, разделивших страну, заявляла о поддержке партий и групп, выступавших за ее независимость. Сторонники Стапиньского отмечали, что национальное освобождение должно последовать за социальным, к этому они видели один путь — парламентскую борьбу. За Левицей шло среднее и малоземельное крестьянство, часть интеллигенции. Они поддерживали газету «Пшияцель люду», освещавшую жизнь трудящихся деревни и города, разъяснявшую программу партии.

Из-за нечеткости программ крестьянину трудно было выбрать «свою» партию. Но чаще богатые крестьяне и часть городской мелкой буржуазии и интеллигенции склонялись к «Пясту» во главе с В. Витосом и др. В начале 1914 г. «Пяст» слился с ПСЛ-

Объединением независимых людовцев. Выдвигая программу развития кооперации и улучшений в сельском хозяйстве, он призвал к классовому солидаризму и подтвердил этот призыв практикой участия в Польском коле, сотрудничества с правительством, буржуазными и клерикальными партиями, враждебным отношением к рабочему движению и социал-демократии. «Пястовцев» отличала нетерпимость в отношении евреев и украинцев. Выступая за создание в будущем независимой народной Польши, а на ближайшем этапе за широкую автономию Галиции на базе венгерской модели, они отвергали идею раздела края на польскую и украинскую части.

Раскол в политическом движении крестьян Галиции отражал процесс радикализации масс. Об этом говорил и рост активности галицийских рабочих. После спада стачечного движения в 1908 г. начался подъем; пик его пришелся на 1911 г., когда в 50 стачках на 600 предприятиях участвовал 8381 человек. Впереди шли шахтеры, нефтяники, строительные и железнодорожные рабочие, печатники. Рабочие выдвигали экономические требования, и стачки часто были успешными. В 1912 г. в стачечную борьбу вступили пролетарии Тешинской Силезии, но в Галиции волна ее стала спадать, рабочие чаще терпели неудачу. Это было связано с неблагоприятной политической и экономической конъюнктурой; получили распространение локауты, росла нищета пролетариата. В 1913—1914 гг. рабочие Галиции и Тешинской Силезии на массовых митингах протестовали против голода и дороговизны, требовали оказания социальной помощи, организации общественных работ. Борьбой руководили профсоюзы, они не имели политического статуса, но закон 1902 г. дал им право оказывать своим членам социальную помощь. Профсоюзное движение оставалось расколотым. В 1902 г. образовалась общеавстрийская Комиссия христианских союзов, и в 1913 г. они имели 3800 членов. Классовые же профсоюзы, как краевые (общегалицийские), так и филиалы центральных (общеавстрийских) союзов, развивались более интенсивно. В 1912 г. в 269 галицийских филиалах центральных союзов состояли более 16 тыс. человек. Всего же членов этих филиалов в Галиции и Тешинской Силезии насчитывалось около 30 тыс. Социал-демократические союзы имели свою печать, охватывали своим влиянием женщин и молодежь.

1907—1914 гг. были временем активизации молодежного движения в Галиции. В ноябре 1908 г. в Кракове бастовали студенты, поддержавшие общеавстрийскую акцию протеста против клерикализации высшей школы. В 1911 г. имела место «цимерманиада» — протест молодежи Краковского университета против преподавания реакционного профессора-клерикала К. Циммермана. Аксию поддержали другие учебные заведения Галиции, но власти подавили эти выступления. Молодежное движение быстро политизировалось; в «Промене», «Зниче», «Спуьне» и других обществах молодежи обсуждались проблемы революции в России, школьного бойкота в Королевстве, осуждалась сделка эндеков

с царизмом в вопросе школы. На съездах молодежи в Закопане и Кракове в 1909 и 1910 гг. большинство было за продолжение бойкота, но выявилось и левое крыло, разделявшее точку зрения СДКПиЛ и ППС-левицы на бойкот. Вскоре на такую платформу встала «Спуйня».

Вопрос о школьном бойкоте был одной из национальных проблем, волновавших галицийское общество. Живя в условиях, более благоприятных для национального развития, поляки Галиции болезненно реагировали на проявления национального гнета в других частях Польши, протестовали против прусских антипольских законов. В 1909 г. во Львове возник Комитет помощи Холмщине, в 1912 г. кампания протеста против ее отторжения охватила всю Галицию. Патриотический характер носило празднование важных дат польской истории: так, в 1910 г., когда отмечалось пятисотлетие Грюнвальдской битвы, подчеркивалось участие в ней поляков. Акцентирование польского национального момента — языка, культуры, истории приобретало особенное значение в Тешинской Силезии, где власти и местные немцы поддерживали движение «слэнзаков». «Слэнзак», орган основанной Козьдонем Силезской народной партии, пропагандировал идеи «силезской этнической отдельности», превосходства немецкого языка и культуры. В 1909 г. Козьдону удалось пройти в опавский сейм, польские же партии провели двух кандидатов в рейхсрат. Опорой в их борьбе против «слэнзаков» оставались польские культурно-просветительные организации.

Подъем рабочего, общедемократического, национального движения на польских землях под властью Австро-Венгрии ставил перед ППСД задачу осуществления авангардной роли в общественной борьбе. Для этого она имела авторитет и влияние и в рабочей среде, и в кругах мелкой буржуазии, интеллигенции, молодежи. В 1913 г. в партии было 15 тыс. членов, она руководила профсоюзами, учреждениями партийного просвещения и культурно-просветительными организациями, кооперативами и больничными кассами. Большими тиражами выходили партийная литература и пресса («Напшуд», «Право люду», «Глос» и др.). Социал-демократы были членами городских и гминных советов, депутатами сейма и рейхсрата. Они боролись против консерваторов и клерикалов, защищали права украинцев, поддерживали движение крестьян и батраков. ППСД шла во главе борьбы за демократизацию избирательной системы, проводила однодневные стачки, митинги и демонстрации.

На первый план выходили усилия партии по улучшению условий жизни и труда рабочих, просветительная работа и парламентская борьба. В резолюции ППСД, принятой в 1900 г., утверждалось, что оздоровления политических отношений в Австро-Венгрии и решения национального вопроса на базе культурно-национальной автономии всех ее народов можно достичь путем деятельности в рейхсрате, избранном на основе всеобщего избирательного права. Успехи ППСД на выборах укрепляли ее

руководство в признании парламента важнейшим инструментом борьбы. Такой взгляд определял отношение к революционным формам рабочего движения.

Еще в начале XX в. печать ППСД сообщала об Обуховской обороне в Петербурге, забастовках в Батуми, писала о бакинской стачке 1904 г. как о примере для пролетариата. На российский пример партия ссылалась и в листовке, призывавшей к борьбе за всеобщее избирательное право в 1905 г. Она создала комитет помощи революции в Королевстве, участвовала в акциях солидарности. После 1905—1907 гг. ППСД оказывала поддержку революционерам из России и Королевства, создавшим в Галиции руководящие центры своих партий, сотрудничала с ними в Краковском союзе помощи политзаключенным России. Ряд ее влиятельных деятелей в 1914 г. помогали освобождению Ленина из австрийской тюрьмы. Руководство ППСД видело в российском революционном движении важный фактор освободительной борьбы поляков, но от союза с ним отказывалось. В начале 1906 г. Дашиньский в Открытом письме к ППС подчеркнул, что поляки имеют цель, отличную от цели русских, — независимость; он осудил участие поляков Королевства в стачках, противопоставив «русским методам» тактику террора и боевых акций. Это была солидаризация с правым крылом ППС, соглашение с которой ППСД подтвердила на съезде в 1904 г. и которую поддерживала в ее борьбе с СДКПиЛ. После раскола ППС галицийские социалисты заявили о нейтралитете, но на деле взяли сторону «фраков» против ППС-левицы. ППСД разделяла их позицию «координации» с русской революцией, одобряла план сепаратного вооруженного выступления против России на стороне Австро-Венгрии, помогала в подготовке военных сил. Такой курс, в конце 1913 г. подтвержденный XIII съездом партии, пропагандировался в партийной печати, на собраниях. Он вел к сотрудничеству с австрийскими властями (ППСД была в контакте с Бобжиньским) и к «объединению оппозиционных элементов», т. е. к союзу со «своей» буржуазией.

Одновременно патриотическая деятельность ППСД — акции протеста против национального гнета (XII съезд партии в 1911 г. выступил против отторжения Холмщины), празднование памятных дат польской истории (восстание 1863 г., Грюнвальдская битва) — все больше приобретала антирусское звучание. Во время грюнвальдских торжеств в 1910 г. приглушался антигерманский акцент, замалчивалась идея единения славян как вредная для дела поляков (с тех же позиций осуждался и неославизм), демонстрировалось единение ППСД с буржуазией на почве национализма. Даже антивоенные выступления партии, проводившиеся на основании резолюции Базельского конгресса Интернационала, выливались в кампанию ненависти к России и призыв к войне с ней. Рост национализма вел к усилению тенденций сепаратизма в социалистическом движении. На XII съезде ППСД заявила, что будет работать лишь в польской среде. Ухудшились

ее отношения с украинской социал-демократией: украинские и еврейские сепаратисты пытались создать отдельные профсоюзы. Чешские социал-демократы, нарушив единство, положили начало «национализации социализма» в Австрии; в 1906 г. возникла ППСД Тешинской Силезии. Профсоюзы здесь не были расколоты, но влияние социалистов упало. Ситуацию осложняли чешско-польский и славяно-немецкий (обостренный наличием движения «слэнзаков») антагонизмы.

Все это вызывало тревогу у левых в ППСД. Они критиковали руководство за уклон в парламентаризм, за проводимую в рейхсрате политику, за поддержку ППС. На X съезде ППСД в 1906 г. оппозиция осудила Открытое письмо Дашиньского по поводу революции в России. Левые требовали от партии уделить больше внимания непосредственной борьбе польских и украинских масс Галиции, они издавали газету для сельских рабочих на двух языках. Но позиция их была непоследовательной, а порой и ошибочной. Так, А. Мослер, стоявший во главе оппозиции до 1905 г., отказывался от борьбы за всеобщее избирательное право. Накануне войны левых в ППСД возглавил Б. Дробнер. На XIII съезде они протестовали против участия в военных приготовлениях в блоке с буржуазией. Однако силы левого крыла были невелики.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ НА ЗАПАДНЫХ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ

В начале XX в. в общественной жизни западных польских земель на первый план вышло национальное движение. Сопrotивление германизаторской политике властей оказывали широкие слои польского народа. В 1900 г. в Познани и других центрах прошли массовые собрания протеста против германизации, в том числе митинги рабочих под руководством социал-демократии. В это время широко развернулась борьба за польский язык. Большую роль сыграли события 1901 г. во Вжесне, когда на запрет преподавания религии на родном языке в начальной школе польские учащиеся ответили стачкой, охватившей всю Познанщину и поддержанной в Галиции и Королевстве. Она была подавлена силой: власти арестовывали детей и родителей, преследовали их по суду; судили и тех, кто участвовал в тайном обучении польской литературе и истории, выступал в печати против германизаторов. Но репрессии лишь на время приглушили голос протеста. В 1906—1907 гг. под влиянием революционных событий в России и Королевстве такая форма борьбы, как стачка, вновь была применена в Великой Польше. Забастовка длилась десять месяцев, охватив 80—100 тыс. школьников; имели место массовые собрания протеста, стычки с жандармами; в Быдгощской регенции власти ввели осадное положение. Расправа над учениками и их родителями была жестокой — наказания, избиения, аресты, передача детей под опеку и в исправительные заведения, лишение права

обучаться в высшей школе, увольнения со службы, отдача под суд и т. п. К началу 1907 г. было вынесено 800 приговоров за содействие стачке, 200 судебных процессов возбуждено против тех, кто публично выражал возмущение политикой правительства. Тем не менее борьба поляков в защиту родного языка не прекращалась. В 1908 г. новый толчок для ее усиления дало принятие закона, ограничившего употребление польского языка на общественных собраниях. Против него были направлены петиции в рейхстаг, митинги (на них выступали заодно польские и немецкие рабочие).

Протест вызывали и атаки на польскую собственность. На применение закона 1904 г. о поселении поляки отвечали не только резолюциями и петициями, но и открытым неповиновением, приводившим порой к кровавым столкновениям. Были попытки обойти закон: так, крестьянин В. Джимала вместо дома поселился с семьей в фургоне, подав пример другим польским землевладельцам. Широкий отклик получила борьба против закона 1908 г. об отчуждении польской земельной собственности. Он встретил осуждение в прусском ландтаге, германском рейхстаге, венском рейхсрате. В Галиции и Королевстве протест вылился даже в призыв к бойкоту германских товаров. Отвечая на составленную Г. Сенкевичем анкету, видные деятели европейской науки и культуры клеймили политику вытеснения поляков с родной земли. В целом эта политика благодаря отпору польских масс потерпела крах. В 1900—1914 гг. Колонизационной комиссии удалось откупить у поляков лишь 15 % парцеллированной земли; польское землевладение росло: с 90-х годов XIX в. до 1914 г. в руки поляков от немецких собственников перешло земли на 100 тыс. га больше, чем от поляков к немцам.

Национальное движение на западных польских землях развивалось в основном легально. Тайно действовали возникшие в гимназиях Познанщины и Поморья под влиянием эндеции организации патриотической молодежи («Красная роза», «Филареты-филоматы» и др.). В 1901 и 1903 гг. состоялись судебные процессы над их участниками, но в 1905—1906 гг. возникли новые тайные молодежные общества, связанные с заграничными организациями польских студентов. Среди легальных форм движения все большую роль стала играть борьба за избрание в парламент польских кандидатов. Число отданных за них голосов росло, особенно в Верхней Силезии, где в 1907 г. были избраны пять депутатов-поляков. Поляк прошел в парламент от населения Кашубов, Вармии и Мазур.

Формой сопротивления национальной дискриминации было содействие развитию польской экономики. Перед первой мировой войной кооперативное движение на западных польских землях охватывало 150 тыс. человек; особенно сильным оно было в Великой Польше и Гданьском Поморье. Создавались крестьянские кооперативные банки, например в Ольштыне в 1911 г.; там же в 1913 г. возникло Польское крестьянское общество. Банк

(с 1909 г.) и Сельскохозяйственный кружок (с 1912 г.) действовали на Мазурах, развивалась кооперация и в Силезии. Кружки и общества выполняли также культурно-просветительные функции, внося вклад в борьбу против денационализации. Большую роль в этом плане играла польская пресса — ее органы часто становились легальными центрами национального движения.

В Вармии политические, хозяйственные, культурно-просветительные организации группировались вокруг «Газеты ольштыньской»; органом младокашубского движения, имевшего в основном культурно-просветительный характер, был «Гриф». Мазурская «Газета людова» не выходила с 1902 г., но в 1906 г. возникла новая радикальная газета «Мазур». Она давала бой прусской прессе, проводившей идею национальной особенности мазуров, отличия их от поляков по религиозному признаку (мазуры не были католиками). Для всего Поморья роль центра играла «Газета грудзёнзка», с 1894 г. издававшаяся В. Кулерским. В 1913 г. ее тираж достиг 128 тыс. экземпляров. Популярность газеты в демократических кругах, прежде всего у крестьян, объяснялась акцентированием ею своей прокрестьянской и национальной позиции. Газета отражала платформу Католическо-польской крестьянской партии Кулерского (создана в 1912 г.), который в начале XX в. сотрудничал с эндеками, а после 1910 г. порвал с ними и стал склоняться к компромиссу с германской властью. Основой его программы были лозунг защиты католицизма и национальной особенности поляков от германизации, призыв к классовому солидаризму, борьбе с социализмом. Целью объявлялась автономия поляков в Германии, а средством — использование германских законов и институтов, прежде всего парламента. Партия ставила задачи борьбы за мандаты, развития национального просвещения, экономики, укрепления польской собственности, обеспечения крестьянам политических прав и материального достатка. Этого она стремилась достичь путем создания организаций взаимопомощи, культурно-просветительных обществ и т. д.

Кулерский опирался на зажиточных крестьян, но в целом партия была пестрой по составу и не являлась самостоятельной политической организацией крестьянства. Участие крестьян в национальной борьбе помогало росту их национального и политического сознания, но одновременно создавало условия для классового солидаризма. Национальное движение и национальные институты были под контролем буржуазии и духовенства. То же касалось и партий, называвшихся крестьянскими. Действовавшая с 1911 г. в Гданьском Поморье и на севере Великой Польши Национальная крестьянская партия была создана эндецией и делала акцент на национальный момент и классовый солидаризм. Руководство Мазурской национальной партией, в начале XX в. переживавшей упадок, захватил в 1903 г. деятель буржуазно-клерикального толка С. Желиньский. Позже, когда партию возглавил Б. Лябуш, в ее состав входили и помещики. Она боролась

за польский язык, создавала хозяйственные и культурно-просветительные организации.

Польские имущие слои могли сохранять влияние в массах лишь при помощи идей национального радикализма. Лоялизм и сервиллизм консерваторов в отношении к властям сделали их весьма непопулярными. Поэтому эндеки, создавая на Познанщине свои группы, проникая в культурно-просветительные и «сокольские» организации, прибегали к радикальной фразе, выступали против лоялизма, за борьбу против всего немецкого. В 1901 г. они основали «Национальную оборону» для тайного обучения польской молодежи западных земель. Эндеки вербовали adeptов из демократических слоев и в среде помещиков и духовенства. В союзе с разными политическими группами они за несколько лет увеличили свое представительство в парламенте и к 1906 г. получили перевес в Польском коле. Депутаты-эндеки критиковали польскую политику правительства, но поддерживали его в социальных вопросах: вместе с консерваторами голосовали за косвенные налоги и против налога на наследство, за выгодные аграриям высокие таможенные пошлины. Консервативная и соглашательская позиция Коло была связана с враждебностью эндеки к социализму. О готовности бороться с ним и рабочим движением в союзе с реакцией Коло заявило публично.

Наибольшее влияние эндеки имели на Познанщине, в других землях были их ячейки либо близкие к эндецким организации. В Поморье близко к эндекам стоял В. Кулерский, в Верхней Силезии — А. Наперальский, а в начале XX в. они наладили связь с группой В. Корфантого, объединявшейся вокруг газеты «Гурно-слёнзак» (с 1901 г. выходила в Познани, затем — в Катовице). Группы выдвигала лозунг борьбы за национальные права, демократические и социальные реформы (восьмичасовой рабочий день, социальное законодательство), против реакции. На парламентских выборах 1903 г. ее поддержали рабочие, в том числе социалисты. Но Корфантый был против социалистов и лишь использовал социальную демагогию. В Польском коле он выступал заодно с правыми, а на выборах 1907 г. заключил союз с группой Наперальского. Успех их блока объяснялся выдвижением тех же радикальных лозунгов, но сдвиг вправо позиции Корфантого становился все заметнее. В 1910 г. он порвал с эндецией и теснее связался с Наперальским; в 1911 г. обе группы создали Польскую партию. Ее программу отличали клерикализм, лоялизм в отношении Прусского государства, узкий провинциализм. Такой поворот вызвал разочарование в массах, и сторонники Корфантого потеряли голоса на выборах 1912 г.

В это время рабочее движение постепенно освобождалось из-под влияния консервативно-клерикальных и буржуазно-националистических идей. Процесс шел медленно: сказывались и обусловленная национальным гнетом атмосфера классового солидаризма, и распыленность пролетариата, характерная для западных польских земель (кроме Силезии). Это отражалось и на развитии

стачечной борьбы. Впереди шли силезские шахтеры, чьи крупные экономические выступления имели место в 1900 и 1903 гг. В Великой Польше и Гданьском Поморье стачки проходили на мелких предприятиях. Влияние ППС в Великой Польше было слабым, а в Поморье ощущалось лишь в отдельных центрах (Гданьск, Эльблонг). Самые сильные позиции партия имела в Верхней Силезии. С 1901 г. «Газета работнича» издавалась в Катовице при помощи ППСД и ППС Королевства Польского. Газета, профсоюзы и другие институты, находившиеся под эгидой социалистов, подвергались репрессиям, но организация развивалась, и с 1906 г. уже сложились местные партийные кадры.

Руководство ППС и ее газета акцентировали внимание на национальных проблемах. Р. Люксембург от имени левых на V съезде партии в 1900 г. потребовала выдвинуть на первый план классовый момент и выступила против лозунга независимости Польши в соответствии с концепцией СДКПиЛ по национальному вопросу. Вопрос этот вновь возник на VI съезде ППС в 1901 г.: перспектива возрождения единой и независимой Польши не была отброшена, но в качестве актуальных выдвигались требования автономии и прав польского языка. Достиж этого можно было лишь вместе с немецкими рабочими. ППС как часть СДПГ строила работу своих местных организаций в контакте с ячейками германской социал-демократии на польских землях. Устав, принятый в 1902 г. на VII съезде ППС, регулировал их отношения: ППС получала автономию в агитационной и организационной работе среди польского населения. Это стимулировало активность польских социалистов, но возникала и опасность усиления сепаратистских тенденций. Противниками сепаратизма были левые во главе с Люксембург и Каспшаком. Их группа в Познани в 1902—1904 гг. издавала «Газету людову», выступавшую оппонентом «Газете работничей» прежде всего в национальном вопросе. Левые хотя и отвергали лозунг независимости, но не страдали национальным нигилизмом и шли в авангарде борьбы против национального гнета. Так, именно познанские делегаты на Майнцском съезде СДПГ предложили огласить в рейхстаге протест против германизации польских земель. Люксембург была привлечена к суду как автор опубликованной в 1900 г. брошюры в защиту национальных прав польского народа.

Следя за развитием революционного движения в государствах, захвативших польские земли, левые в 1903 г. приветствовали рост стачечного движения в России как предвестие революции, а когда она началась, призвали пролетариат западных польских земель к солидарности. Прошли массовые собрания рабочих во Вроцлаве, Бытоме, Катовице и других центрах Познанщины и Силезии; собирались средства в помощь российской революции. Была направлена помощь и горнякам Рура, поднявшимся в 1905 г. на стачечную борьбу. В Катовице, Вроцлаве, Забже, Валбжихе рабочие — немцы и поляки — вместе выступали на митингах солидарности с рурацами. В их поддержку бастовали 20 тыс. человек.

Движение охватило 20 округов в Силезии, весной и летом 1905 г. бастовали рабочие Поморья и Познанщины. Проходили митинги протеста против дороговизны и таможенной политики правительства. Экономические и национальные требования выдвинули несколько тысяч горняков Верхней Силезии осенью 1905 г. Их упорная стачка выливалась в кровавые столкновения с полицией. Кровавый исход имели стачки и демонстрации в Познани и Вроцлаве весной 1906 г., направленные в защиту 10 тыс. локаутированных. В целом стачечное движение сделало под влиянием революции в России резкий скачок: в Силезии в 1905 г. число стачек выросло по сравнению с 1904 г. на 143 %, а забастовщиков — более чем на 700 %. В Великой Польше и Гданьском Поморье пик движения пришелся на 1906—1907 гг. Отмечались рост политической активности польских масс, усиление национального сопротивления. В первую годовщину российской революции на собраниях и демонстрациях в Познани, Быдгоще, Вроцлаве, Катовице и других городах польские и немецкие рабочие выступали против реакционной прусской избирательной системы, требовали демократических избирательных прав. В это время учащиеся применили «русский метод» всеобщей стачки для защиты прав польского языка в школе.

Подъем рабочего движения и борьбы широких демократических масс являлся фактором, революционизировавшим немецких и польских социалистов. Полевение проявилось уже на VIII съезде ППС в 1905 г. Р. Люксембург, Ю. Мархлевский подчеркивали, что методы борьбы пролетариата России в революции 1905 г., в частности всеобщая стачка, имеют международное значение. Этот момент приобрел особую актуальность в канун мировой войны, когда волна стачек вновь стала расти. Особенно крупным было выступление в Верхней Силезии весной 1913 г. (бастовало 75 % всех рабочих). Росло упорство бастующих: стачка металлистов Вроцлава длилась полгода.

Все большую роль в борьбе пролетариата играли профсоюзы. Правда, лишь в Гданьском Поморье накануне войны перевес был у классовых союзов (филиалов общегерманских). Они объединяли 17 273 человека, а христианские союзы — 5459. Но на Познанщине соотношение было иное: 11 096 человек в христианских и 9038 в классовых союзах, а в Силезии — соответственно более 23 тыс. и 12 тыс. человек (из них 6 тыс. поляков). Кроме того, около 70 тыс. членов состояли в католических обществах Великой Польши и Силезии. Клерикальные организации направляли активность рабочих на решение культурно-просветительных задач, выступали против социализма и стачечной борьбы. Нередко их влияние было причиной пассивности бастующих и связанной с нею неудачи забастовки.

Устойчивость этого влияния объяснялась тем, что на него работали национальный и религиозный факторы. Тем не менее социалисты завоевывали позиции в профсоюзном движении. Рост их авторитета подтверждали и выборы в парламент. Уже во

время предвыборной кампании 1903 г. рабочие Силезии шли за социал-демократами. На выборах в рейхстаг в 1912 г. за социалистов в Силезии голосовали 256 тыс. человек, в Гданьском Поморье — 28 126, на Познанщине — 12 968, в Ольштынской регении — 2016. При выдвижении кандидатов между ППС и СДПГ возникали трения. Эти и другие конфликты ослабляли социалистическое движение, и потому заключение партиями в 1906 г. соглашения имело позитивное значение, благоприятствуя сотрудничеству. На XI съезде ППС в 1908 г. была подчеркнута связь национальной борьбы поляков с борьбой за демократизацию Пруссии.

Но вскоре отношения стали ухудшаться, так как в СДПГ усиливались реформистские и шовинистские элементы; хотя партия осуждала национальный гнет, она не выступала последовательно за признание права польского народа на самоопределение и независимость. В то же время и в ППС рос национализм, правые получили перевес на XII съезде в 1910 г. В партии усиливались сепаратистские настроения по мере сближения ее с ППС-фракцией и ППСД и поддержки их военно-политической доктрины. В 1912 г. ППС решила создать независимый печатный орган в связи с конфликтом из-за «Газеты рабочих», получавшей финансовую поддержку от СДПГ. Расхождение обнаружилось на XIII съезде партии в апреле 1912 г., а спустя четыре месяца еще более остро проявились на XIV чрезвычайном съезде. В 1913 г. ППС создала отдельную польскую профсоюзную организацию. Этот акт раскола вызвал бурную реакцию в СДПГ, она аннулировала соглашение 1906 г., что, в свою очередь, повлекло за собой протест польских социалистов. В декабре 1913 г. на XV съезде ППС, где присутствовали представители «фрактов» и ППСД, произошел окончательный разрыв с СДПГ. Следствием этого было почти полное прекращение социалистической работы на западных польских землях. ППС превращалась в один из отрядов «армии», готовившейся к военным действиям на стороне австро-германского блока.

Огромное влияние на развитие культуры польского народа продолжал оказывать факт его национального угнетения и отсутствия Польского независимого государства. В столь неблагоприятных для поляков условиях культура оставалась фактором сохранения и сплочения нации, ее развитие стимулировалось национальными нуждами, а ее творцы подчинялись императиву национального служения. Вместе с тем гнет инациональной власти, к тому же понимавшей роль культуры в усилении национально-освободительной борьбы польского народа, мешал развитию этой культуры. Это прежде всего проявлялось в сфере образования.

На западных польских землях прусское правительство планомерно стремилось превратить школу в средство германизации населения. С начала 70-х годов вводилось преподавание на немецком языке в начальной школе Силезии, а затем Поморья и Великой Польши; польский язык оставался в обучении закону божьему и изучался как иностранный. С конца 80-х годов последний предмет был отменен в народных школах, гимназиях и реальных училищах, а с начала XX в. и религию стали преподавать по-немецки в средних и высших учебных заведениях. Польской высшей школы вообще не существовало. Защиту родного языка и культуры поляки этого региона вели всеми средствами: широко использовалось тайное обучение, создавалась сеть легальных просветительных обществ, кружков, организаций молодежи, значительную роль играло Общество народных читален.

На польских землях под властью царизма также шло наступление на национальную школу. В годы, когда царский чиновник А. Л. Апухтин курировал школу в Королевстве Польском, началась русификация средних учебных заведений — классических и реальных гимназий, технических и торговых училищ, которые были как государственными, так и частными. Число частных школ возросло после 1905 г., обучение стало вестись на польском языке, но в 1910 г. вновь был введен русский язык преподавания истории и географии, ограничивалось изучение польской литературы. В «апухтинский период» произошла и русификация Варшавского университета. Такой же характер носили открытая в 1898 г. Варшавская политехника и другие институты. В связи с этим польская молодежь предпочитала им вузы Галиции, России и Запада. Что касается начального образования, то оно

с середины 80-х годов также подверглось русификации. Уровень его был низкий; школ, особенно в деревне, не хватало. Поэтому, в частности, в 1901 г. не училось 82 % детей школьного возраста. Пробелы в этой сфере восполнялись деятельностью различного типа и различной политической окраски просветительных организаций (Общество национального просвещения, Кружок народного просвещения, Школьная матица, Университет для всех, Общество курсов для неграмотных взрослых и др.), а также тайным обучением. Самообразованию, распространению общих и профессиональных знаний, а одновременно и патриотическому воспитанию способствовали сеть кружков, библиотек и читален, издательств, выпускавших популярную литературу (например, «Польская книжная лавка»), и периодическая печать.

В Галиции просветительные организации (Общество народной школы с сетью курсов и читален, Народный университет им. Мицкевича с филиалами в ряде галицийских центров и др.) также играли значительную роль, несмотря на наличие в крае официальной системы национального просвещения польского народа. Школьный совет, с 1886 г. стоявший во главе ее и определявший политику в области образования и культуры, находился под влиянием консерваторов, которые, сокращая бюджетные ассигнования на школу, тем самым тормозили развитие школьной сети, прежде всего на селе. В результате в начале XX в. более чем в 900 гминах не было школ и 41 % детей не учился, хотя существовало обязательное начальное обучение. В дальнейшем число начальных школ стало расти, но была сужена программа образования. В средних учебных заведениях акцент делался на классическое обучение (из 38 гимназий в пяти преподавание шло на украинском языке), меньше было реальных училищ. В целом профессиональная школа была слабой. Зато польская высшая школа получила в Галиции большие возможности развития. Молодежь со всех концов Польши обучалась в университетах Кракова и Львова, в Львовской политехнике, Сельскохозяйственной академии в Дублянах. В Кракове действовали также Торговая академия и Академия изящных искусств, высшие женские курсы, учительская семинария, готовившая кадры для начальной школы. На этом фоне благоприятного развития польского образования и просвещения в условиях галицийской автономии особенно рельефно выделялось положение польской школы в другой провинции Австро-Венгрии — Тешинской Силезии, где в начале XX в. шла упорная борьба за создание польской гимназии, поддерживаемая галицийской общественностью.

Уровень образования и просвещения, тесно связанный с социально-экономической и политической ситуацией, сам становился наряду с ней фактором, влиявшим на развитие всех сфер культуры и науки. Правда, в различных областях воздействие этой ситуации проявлялось по-разному. Так, например, отсталость экономики напрямую отражалась на материальной базе технических и естественных отраслей науки, что вело к оттоку из Польши

национальных научных кадров, искавших на Западе лучшие условия для работы. Это ни в коей мере не перечеркивало того факта, что многие ученые эмигрировали по политическим мотивам. Работая в зарубежных лабораториях, они сумели добиться выдающихся научных результатов, как, в частности, гениальная М. Склодовская-Кюри, открывшая радий и полоний и дважды (в 1903 и 1911 гг.) ставшая лауреатом Нобелевской премии. Но и в самой Польше научная мысль приносила плоды. Ее главными центрами были Академия знаний, созданная в 1872 г. на базе Краковского научного общества, имевшая научную станцию в Париже и связанная с 600 научными организациями, Фонд им. Мяновского в Варшаве, а с 1907 г. Варшавское научное общество с рядом исследовательских институтов. При Вроцлавском университете действовало еще с 50—60-х годов Общество верхнесилезских поляков, а в Познани — Общество друзей науки. Поляки работали также в научных центрах России, Германии, Австро-Венгрии.

Польские ученые внесли большой вклад в изучение физических и физико-химических процессов (работы М. Смолюховского по термодинамике, атомистике, исследования З. Врублевского и К. Ольшевского, а также А. Витковского в области термодинамики газов). На мировом уровне находились достижения польских химиков и биохимиков — Ю. Брюля, занимавшегося спектрохимией, С. Костанецкого, работавшего с красителями, М. Ненцкого, открывшего красящие вещества крови. В области биологии выделялись ботаники Э. Страсбургер (исследования по цитологии растений), Ю. Ростафинский и М. Рациборский, зоологи Ю. Нусбаум-Хилярович, М. Новицкий-Сила, А. Вжесневский. Изучением байкальской фауны прославился зоолог и палеонтолог Б. Дыбовский, а геолог и палеонтолог Я. Черский оставил свое имя в названии гор Сибири. В числе естественных наук, усиленно развивавшихся силами поляков, была медицина: Л. Тейхман открыл гормон адреналина, внес вклад в изучение лимфатической системы, способствовал созданию судебной медицины; К. Функ занимался проблемой витаминов; Н. Цибульскому принадлежит открытие возбудителя брюшного тифа, Т. Бровичу — заслуги в области патологоанатомии, Т. Халубиньскому — в области климатотерапии. Имелись достижения и в технике — в строительстве мостов (С. Кербедзь, Р. Моджеевский), железных дорог (Э. Малиновский), автострад, каналов, портовых сооружений (В. Ключер). В области строительной механики отличился З. Ясинский. В гидродинамике известно было имя конструктора подводных лодок С. Джевецкого.

Развитие гуманитарных наук зависело от экономических факторов меньше, чем от политических. Последние менее довели в сфере языкознания, где работали выдающиеся польские ученые Я. Бодуэн де Куртене, Я. Лось, К. Нич. В 1900 г. Я. Карловичем, А. Крыньским и В. Недзвецким было начато издание Словаря польского языка. Карлович подготовил и Словарь польс-

ких диалектов. Важное значение имело начатое в 1870 г. К. Эстрайхером (позже его продолжил С. Эстрайхер) многотомное издание «Польская библиография». Многотомная серия «Народ», подготовленная О. Кольбергом, была посвящена этнографии. В этой области работали также Карлович и И. Коперницкий.

Разработка проблем философии, социологии, политэкономии в Польше в последней трети XIX—начале XX в. шла под знаком господства позитивизма и его преодоления, с одной стороны, а с другой, — как возникновения и утверждения марксистской мысли, так и поворота к крайнему идеализму. В 70-е годы идеологи, развивавшие философию позитивизма (А. Свентоховский), агностицизма (Ю. Охорович), занимали преобладающее положение; в 80-х годах стало заметно влияние неокантианства, возник философский эклектизм (Г. Струве) и одновременно на борьбу против позитивизма выступил марксизм, начав с популяризации марксистской экономической мысли (Ш. Дикштейн). В трудах польских марксистов (Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, А. Малецкий и др.) разрабатывалась материалистическая концепция осмысления опыта, соотношения бытия и сознания, анализировалась экономическая основа социальных и политических явлений в Польше и угнетавших ее государствах. В то же время ряд польских идеологов (С. Крусиньский, К. Длуский, Л. Кшвицкий) пытались соединить критически осмысленный философский позитивизм с революционным марксизмом, они популяризировали марксистскую политэкономия, исследовали новые социальные явления, связанные с развитием капитализма и выходом на общественную арену пролетариата. Элементы марксизма содержались в теоретических построениях С. Бжозовского. Э. Абрамовский был автором теории кооперативного социализма. Оригинальные мысли внесли в социологию и психологию К. Келлес-Краузе (теория «возвращения идей»), Ф. Знанецкий (создатель «микросоциологии» — исследования «микроявлений»). Идеи К. Твардовского легли в основу польской школы неопозитивизма.

Особое место занимала в Польше историческая наука в силу специфики положения страны. В этот период сложились две основные исторические школы — краковская (Ю. Шуйский, В. Калинка, С. Смолька, М. Бобжиньский) и варшавская (Т. Корзон, В. Смоленский). Краковские историки, принадлежавшие к консервативному лагерю, еще в 60—70-е годы поставили вопрос о «вине народа» в бедах Польши, осудили конспирацию и восстания как бессмысленную и вредную трату сил нации. Их исторической концепции, служившей утверждению идей монархизма и лоялизма, противостояла либеральная позитивистская концепция историков варшавской и в известной мере примыкавшей к ней львовской школы (К. Лиске, Т. Войцеховский). Если краковская школа уделяла больше внимания политической истории Польши, истории государства и права, то варшавские ученые анализировали экономическую историю, развитие общественной мысли. В круг исследования стали все шире входить

Станьчик. Художник Я. Матейко

проблемы национально-освободительного и революционного движения, трактовавшиеся с позиций как мелкобуржуазного радикализма и утопического социализма (Б. Лимановский), так и марксизма. Расширение проблематики шло вслед за обогащением источниковой базы. Начавшаяся в Галиции активная разработка архивов и издание документов были продолжены в 80-х годах в Варшаве публикацией А. Павиньского. В 1891—1914 гг. Л. Финкель издал три тома «Библиографии польской истории».

В 60—90-е годы значительно возрос интерес польского общества к отечественной истории. Массы активно участвовали в праздновании таких важных исторических юбилеев (в связи с политическими условиями отмечавшихся преимущественно в Галиции), как трехсотлетие Люблинской унии, двухсотлетие победы Я. Собеского под Веной, столетие Конституции 3 мая, столетие восстания Костюшко, пятисотлетие Ягеллонского университета и др. Одновременно происходило укрепление связей деятелей исторической науки с общественностью и между собой. С 1886 г. в Галиции действовало Историческое общество, основанное К. Лиске, с 1887 г. во Львове начал выходить его орган «Квартальник хисторычны». Подобное издание в Варшаве появилось в 1905 г. («Пшеглэнд хисторычны»). Стали собираться съезды польских историков. III съезд в 1900 г. имел своего рода переломный характер: была осуждена лоялистская концепция краковской школы, отвергнута негативная оценка национально-освободительной борьбы. Последнее означало разрыв с по-

зитивизмом, заменившим лозунг национальной и социальной революционной борьбы идеей «органической работы». Тогда же наметился отказ и от позитивистской методологии, от тезиса о возможности познания закономерностей как в природе, так и в истории. Гуманитарные науки теперь оказывались как бы вне научной методологии, а история представляла как загадочная сила, что в целом соответствовало общим настроениям эпохи, характеризовавшимся крайним индивидуализмом и иррационализмом.

Несомненный факт распространения в польском обществе исторического сознания, как и в целом обусловившая его специфика положения польского народа, определял особое значение традиции в жизни поляков. Историческая традиция пронизывала все сферы культуры, как бы скрепляя ее единство, подвергнутое опасности из-за обособления разных частей Польши и проявившихся там чуждых влияний. Этим объяснялась, в частности, живучесть в польской культуре романтизма. Он сосуществовал с реализмом в период господства позитивизма, а после его упадка пережил возрождение, когда на переломе веков возникло новое философско-эстетическое направление, получившее название «Молодая Польша». Оно являлось модернистским бунтом как против современной социальной действительности, так и против прежних средств отражения ее в искусстве. На это течение неоромантизма, основой которого был индивидуализм и пессимизм, легла тень символизма и иррационализма. Предметом художественного анализа становилась «душа», человек отрывался от действительности. Таким образом, возврат к романтизму приобретал парадоксальную форму «чистого искусства», тогда как в прошлом романтическое творчество отличалось именно социальной ангажированностью.

Все эти тенденции нашли проявление в развитии различных областей культуры, в том числе литературы. Крупнейшие ее представители, исповедовавшие в 60—90-е годы философию позитивизма, принадлежали к направлению критического реализма. Критика феодальной заскорузлости, отсталости и традиционализма, праздности и пустого тщеславия шляхты и вместе с тем осуждение буржуазного города с его социальными контрастами, горячее сочувствие народу, страдающему от эгоизма имущих классов, и прежде всего крестьянству, восхищение талантом и моральной высотой простого человека — все эти черты были свойственны прозе Э. Ожешко (романы «В голодный год», «Дзюрдзи», «Хам», «Аргонавты»), Г. Сенкевича («Янко-музыкант» и др.), Б. Пруса (роман «Кукла» и рассказы), творчеству Г. Запольской («Кась-

Г. Сенкевич

ка-Кариатида» и др.), М. Конопницкой (рассказы и стихи). Отличительной чертой являлась и та симпатия, с которой были нарисованы образы не только поляков, но и белорусов, украинцев, евреев («Над Неманом», «Меир Эзофович» Ожешко, «Кукла» Пруса и др.).

В то же время национальная польская тема тоже звучала в литературе, в первую очередь в историческом романе. На историческую тему писали Ю. И. Крашевский, Т. Т. Еж (З. Милковский), Г. Сенкевич, чья знаменитая трилогия («Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский») и роман «Крестоносцы», героизирующие прошлое польского народа, сыграли огромную роль в формировании его национального самосознания. Отмеченный Нобелевской премией роман Сенкевича «Камо грядеши?» о начале существования христианства имел не только исторический, но и философский характер. Историческим романом являлся и «Фараон» Пруса, также написанный на сюжет не из польской истории. Но линия на художественный анализ прошлого Польши нашла продолжение уже в начале XX в. у таких разных писателей, как, например, К. Тетмайер, давший реалистический и вместе с тем романтизированный образ народа Подгалья («Легенда Татр» и др.), и С. Жеромский, трактовавший тему национально-освободительного движения поляков с внутренним трагизмом, жестко и с элементами натурализма («Пепел», «Верная река»).

Натурализм развивался на базе как реализма, так и завоевывавшего позиции модернизма. Это относилось не только к историческому роману, но и к произведениям, исследовавшим современную социальную действительность. С 90-х годов польская литература все пристальнее всматривалась в явления, связанные с противоречиями капитализма, шире представляя мир рабочих. Этой теме были посвящены романы А. Грушецкого («Углекопы», «Доменщик»), А. Дыгасиньского («На погибель»), новеллы З. Недавецкого. Антигуманный характер капитализма ярко показали Жеромский («Бездомные»), В. Реймонт («Земля обетованная»). Последний нарисовал эпический образ польской деревни в условиях капитализма (роман «Мужики», награжденный Нобелевской премией). Классовые конфликты в деревне находили художественное отражение в произведениях В. Оркана («Батраки», «В Розтоках»). Трактовка этих проблем была проникнута пессимизмом: негативное отношение к «хозяевам жизни» сочеталось с неверием в силы угнетенных, которые изображались как люди, движимые примитивными инстинктами; подчеркивалось одиночество героя, неспособность его победить обстоятельства.

Пессимизм, индивидуализм несли с собой модернистская философия и эстетика. С конца 80-х годов З. Пшесмыцкий развивал идеи «чистого искусства» в журнале «Жице», а с 1907 г. — в журнале «Химера». Аналогичные взгляды проповедовал С. Пшибышевский, основавший в 90-х годах в Кракове журнал «Жице». На его романах («Дети Сатаны», «Homo Sapiens») и драмах лежала печать анархического индивидуализма, символизма.

Развитие литературных течений в Польше было в большой степени связано с революцией 1905—1907 гг. И подъем борьбы, и поражение революции, приведшее к установлению реакции, отразились на польском художественном творчестве. Сенкевич отнесся к революции негативно («Водоворот»); Прус также не сразу понял ее смысл, о чем свидетельствовал его роман «Дети», однако к концу жизни он изменил свой взгляд на происшедшие события (роман «Перемены» не был завершен). Сочувственно отозвался на революцию Жеромский. Он, как и Реймонт, остался на позиции социальной ангажированности, но в его романах появились элементы социальной утопии («История греха», трилогия «Борьба с сатаной»).

Наибольшее влияние революция оказала на то поколение литераторов, многие представители которого были непосредственно связаны с революционными партиями. А. Немоёвский, автор рассказов о рабочих, в 1906 г. издал сборник «Люди революции», в котором основной являлась идея жертвенности. Жертвенность, трагизм, пессимизм окрашивали творчество Г. Даниловского, хотя в нем звучал и романтический пафос. Те же черты, соединенные с углубленным психологизмом, отличали произведения А. Струга, в которых героем выступал благородный и самоотверженный революционер-одиночка («Люди из подполья», «История одной бомбы»). О революции писала З. Налковская. Эта тема звучала также в поэзии, драматургии.

Однако в целом поэтический и драматический жанры уступали первенство прозе. За время, прошедшее после поражения восстания 1863—1864 гг., в Польше не появилось поэтического гения, равного Мицкевичу или Словацкому. Самый крупный поэт этого времени Ц. Норвид не был понят и достойно оценен при жизни, и это также свидетельствовало о смещении акцентов в общественном сознании. Свойственной польской поэзии романтической традиции приходилось пробиваться сквозь позитивизм. Поэтическое творчество Т. Ленартовича, А. Асныка, М. Конопницкой, создавшей прекрасные лирические произведения, было посвящено новой социальной действительности, отражало широкое распространение в обществе демократических тенденций.

Поэма Конопницкой «Пан Бальцер в Америке» несла в себе отзвуки революции 1905 г., так же как стихи А. Немоёвского, В. Оркана, Л. Стаффа. Последний находился под влиянием модернизма. Впрочем, стихи о революции писали многие литераторы из круга «Молодой Польши»: А. Ланге, Т. Мициньский, К. Тетмайер, Е. Жулавский, Я. Каспрович, в начале творческого пути активно разрабатывавший социальную тему. Для их поэзии характерны элементы мистики, мотивы жертвенности, обреченности. Таким настроениям противостояла полная оптимизма и веры в победу пролетарская поэзия, которая начала складываться еще в 80—90-х годах на основе стихов Б. Червеньского («Красное знамя»), В. Свенцицкого («Варшавянка»), Л. Варыньского («Кандалная мазурка»), ставших вскоре популярными

революционными песнями. Эти и новые, чаще всего написанные на тексты анонимных авторов, песни («На баррикады!», «Майский марш», «Песнь свободного духа» и др.) получили большое распространение в 1905—1907 гг.

В польской литературе 60—80-х годов жанр драмы также нелегко завоевывал позиции. Позитивизм рассматривал его как второстепенный, и потому, вероятно, как раз драматические произведения Норвида оказались неопубликованными и неизвестными обществу. Основными мастерами этого жанра оставались комедиографы А. Фредро и М. Балуцкий (пьесы последнего имели более отчетливый сатирический характер). В конце XIX—начале XX в. широкую известность получило творчество Г. Запольской, показывавшей в своих пьесах социальные конфликты, разоблачавшей буржуазное лицемерие («Мораль пани Дульской», «Жабуся», «Панна Маличевская» и др.). Революция вызвала к жизни новые драматические произведения, причем не только в лагере реализма («Роза» С. Жеромского), но и в кругу модернистов («Князь Потемкин» Т. Мициньского, «Революция» К. Тетмайера, драмы С. Пшибышевского).

Особое место в этом ряду занимало творчество С. Выспянского. Поэт, драматург, художник, он стоял в центре модернистского авангарда, но его формальные поиски шли не от эстетского изыска. Неоромантизм, неразрывно связанный с иррационализмом, символизмом, был для него формой адекватного отражения того нового, что возникало в жизни народа, шло от его корней. Драммы Выспянского «Варшавянка», «Освобождение», «Ноябрьская ночь» говорили о Польше, об историческом пути народа, его душе. Особенно велико было значение драмы «Свадьба», в которой с огромной силой художник показал противоречие между миром мифов прошлого и реальным земным миром человека. Появление «Свадьбы» в 1901 г. знаменовало переворот в сфере идейно-политических понятий, в самом национальном самосознании.

Польская драматургия — новая и классическая — составляла основу репертуара польского театра, который на рубеже веков наиболее успешно развивался в Галиции и отчасти в Королевстве Польском. Поддержку общественности обрел созданный в 1877 г. в Познани театр. В Варшаве в 1880 г. возник Малый театр, ставивший польские пьесы реалистического направления (преимущественно комедии Фредро). Наряду с ним существовало много небольших театриков, кабаре с репертуаром развлекательного характера. В этой части Польши театральное искусство испытывало влияние русского театра, в частности Художественного театра Станиславского. Особенное сближение произошло во время руководства варшавским театром А. Шифмана (с 1913 г.). В Кракове с 1865 г. драматическим театром руководил С. Козмян, поддерживавший реалистическое направление, в 1893 г. во главе театра стал Т. Павликовский, разделявший идеи авангарда. С 1905 по 1913 г. руководство осуществлял замечательный актер

и режиссер Л. Сольский. Он отстаивал идеи передового искусства вместе с актерами К. Каминьским, С. Ярачем, Ю. Остгровой (также известными впоследствии режиссерами). Актерское творчество стояло в Польше на большой высоте. Известны были имена талантливых А. Жулковского, В. Рапацкого и многих других, прежде всего гениальной Х. Моджеевской, дебютировавшей в конце 80-х годов в Варшаве, но широко гастролировавшей по всей Польше и за ее пределами.

Мировую известность снискали и актеры польского музыкального театра — знаменитые певцы М. Зембрих-Коханьская, Я. Королевич, В. Межвиньский. Они выступали в операх Монюшко (в частности, Сольский ставил «Гальку» во Львове), давших начало созданию музыкального театра в Польше. Одновременно шла борьба за его утверждение на основе новой музыкальной культуры при сохранении и развитии национальных традиций. На последнем делал акцент композитор З. Носковский, широко использовавший фольклор. Его вокальные, инструментальные, симфонические и оперные сочинения (некоторые из них, как кантата «Свитезянка», восходили к сюжетам польской литературы) были отмечены национальным своеобразием, так же как и произведения, созданные В. Желеньским, в творчестве которого в то же время прослеживались и западные веяния.

Более органичное соединение польской традиции и западного неоромантизма являла музыка Л. Ружицкого. В операх и программных симфонических сочинениях он разрабатывал темы как польской, так и античной истории и литературы («Станьчик», «Пан Твардовский», «Ангелли», «Варшавянка», «Болеслав Смелый», «Медуза», «Эрос и Психея»). Линия «Молодой Польши» на неоромантизм в музыке предполагала широкое использование формы симфонической поэмы. Ей отдавал дань М. Карлович, чье творчество отличалось большой эмоциональностью, лиричностью, проявлявшейся, в частности, и в его романсах. Карлович обращался не только к польскому фольклору, но и к темам белорусских, литовских народных песен («Литовская рапсодия»). И он, и Ружицкий были учениками Носковского, так же как и К. Шимановский, пошедший дальше в создании нового музыкального стиля: в его музыке ощущалось влияние модернизма и в то же время она носила печать ясно выраженной шопеновской традиции.

Развитие в Польше композиторского творчества сопровождалось оживлением всей музыкальной жизни. На западных польских землях создавались хоровые общества. В университетах Кракова и Львова появились кафедры музыковедения; действовали консерватории и музыкальные школы, Музыкальный институт в Варшаве. В 1871 г. образовалось Варшавское музыкальное общество. В 1886 г. композитором и дирижером П. Машиньским было основано хоровое общество «Лютня». В 1901 г. возникла Варшавская филармония, был создан большой симфонический оркестр, а также струнный оркестр при Варшавском музыкаль-

ном обществе. Активную роль в этом играли Карлович и другие композиторы и музыканты, которые популяризировали польскую музыку на концертах. В это время прославились выдающиеся исполнители-виртуозы: пианисты И. Падеревский, Л. Годовский, Ю. Гоффман, скрипач С. Барцевич, дирижер Г. Фительберг, скрипач и дирижер Э. Млынарский, пианист и дирижер Г. Мельцер. Большинство из них занималось композицией. Так, получили известность опера «Манру» Падеревского, его симфонические и фортепианные произведения, симфоническая поэма Фительберга «Песня о соколе» и др.

В музыке в силу специфики этого вида художественного творчества более ярко проявился закон неделимости национального искусства, его независимости от государственных границ. Сложнее обстояло дело с изобразительным искусством, где, как и в литературе, творцы вдохновлялись конкретным социальным опытом, непосредственно отражали окружающую действительность. Но и здесь единство национального духа пробивало себе дорогу, несмотря на то что польские мастера творили в различных художественных центрах — в Кракове (где в 1895 г. на основе Школы изящных искусств возникла Академия), а также в Париже, Мюнхене, Вене, Петербурге (с которым, в частности, было связано творчество блестящего представителя академической школы Г. Семирадзкого). Объединяющей была в первую очередь национальная, историческая традиция. Ее поддерживало творчество А. Гротгера, М. Герымского, Я. Мальчевского, посвященное теме национально-освободительной борьбы, Ю. Коссака, также развивавшего польскую военно-патриотическую тему, Ю. Брандта — автора батально-исторических полотен. Вершинным достижением в этой области была масштабная историческая живопись Я. Матейко («Станьчик», «Проповедь Скарги», «Рейтан», «Битва под Грюнвальдом», «Костюшко под Рацлавицами» и др.). Его образы выводили зрителя на философские обобщения и глубокие раздумья о прошлом Польши.

60—90-е годы явились высшим этапом развития критического реализма в польской живописи. В это время творили крупный мастер портретного жанра Г. Родаковский, талантливый пейзажист В. Герсон. Цевцами польской природы были Я. Станиславский, Ю. Фалат, М. Герымский. Его брат А. Герымский посвятил свое творчество проникновенному изображению жизни трудового люда — городских низов, крестьянства. Реалистическая картина города с его социальными контрастами предстает в работах В. Пеховского. Крестьянская тема была главной в творчестве А. Котсиса и Л. Вычулковского. Огромных достижений в пейзажной и жанровой живописи достиг Ю. Хелмоньский, чьи картины из жизни деревни были проникнуты поэзией и лиризмом. Глубокое проникновение в действительность отличало жанровые и пейзажные картины Ф. Рушица.

Стремление художников критически осмысливать противоречия окружающей жизни поддерживала художественная критика

80—90-х годов (С. Виткевич, А. Сыгетынский, Б. Прус). Но уже в это время ощущалось влияние авангардных веяний в искусстве, новых эстетических идей. В сфере их оказалось общество «Штука» («Искусство»), объединившее в 1897 г. ведущих польских мастеров, которые, отображая реальную жизнь, стремились развивать новые формы, освоить достижения западного импрессионизма. По этому пути пошли Я. Станиславский, С. Масловский, С. Дембицкий, Л. Вычулковский и др. Следование новым течениям нередко приводило к изменению в трактовке, например, крестьянской темы — к стилизации, декоративизму (у В. Тетмайера, Т. Аксентовича, А. Кендзерского). Влияние импрессионизма было заметно в пейзажах В. Подковиньского, портретах Ю. Панкевича, В. Вейса, Ю. Меххофера, К. Кшижановского. Ярким образцом портретного искусства явились работы О. Бознаньской, отмеченные тонким психологизмом. У Мальчевского углубленный психологизм выливался в символизм, переводил реальность в область фантастических видений. Черты символизма нашли отражение в живописи В. Прушковского и очень сильно проявились в разностороннем творчестве С. Выпяньского. В его портретах, пейзажах, витражах, как и в его поэзии и драмах, сложная модернистская форма служила для выражения глубоких идей, претворения в сознании сложных, противоречивых явлений современной жизни.

В кругу «Молодой Польши», являвшейся центром авангардистских течений, вопрос о социальной ангажированности искусства оставался предметом спора. Значительная часть художников по-прежнему отстаивала обязанность искусства отражать действительность, вторгаться в нее. В частности, такое отражение в творчестве С. Масловского, А. Каменьского, С. Ленца нашли события революции 1905 г. В нем звучали ноты оптимизма в противоположность настроениям мрачной безнадежности, окрашивавшим многие произведения символистов.

Борьба эстетических направлений, связанная с основными тенденциями развития польского изобразительного искусства, проявилась и в скульптуре. Наряду с академизмом, представленным блестящими по форме работами П. Веленьского («Гладиатор», «Боян»), позиции завоевывал реализм (творчество А. Кужавы, Ц. Гобебского — автора памятников Мицкевичу в Варшаве, Копернику в Кракове и др.). Влияние импрессионизма, символизма сказалось на творениях В. Шимановского (в будущем автора памятника Шопену в Варшаве) и отчасти К. Ляшки, скульптурные портреты которого создавались в целом на реалистической основе. В эти годы уже обратил на себя внимание большой выразительностью и динамизмом реалистической скульптуры К. Дуниковский.

Общественное значение того, что было достигнуто в этом жанре, связывалось прежде всего с развитием монументалистики, в частности с созданием памятников выдающимся деятелям польской истории и культуры. Но по политическим причинам воз-

возможности в этом плане (на западных польских землях и в Королевстве) были ограничены, так же как не было условий для интенсивного развития архитектуры, строительства общественных зданий и т. п. Мешало и отсутствие художественных институтов, широкой сети музеев, картинных галерей, выставочных залов. В этой связи, например, большим событием явилось открытие в Варшаве в 1898 г. здания художественных выставок «Захента» (архитектор С. Шиллер).

И тем не менее как в сфере изобразительных искусств, так и в целом в области культуры польским народом в конце XIX—начале XX в. были достигнуты высокие результаты. Польская культура того времени сумела сохранить и упрочить свое внутреннее единство. Она развивалась в соответствии с потребностями общества, в художественной форме определяла задачи нации. Вместе с тем культурные завоевания поляков органично вошли в мировую культуру, стали ее неотъемлемой частью.

Накануне первой мировой войны в польском обществе сформировались два лагеря, состоявшие из неревOLUTIONИОННЫХ партий и ориентировавшихся на один из двух военно-политических блоков, сложившихся в Европе. Большинство галицийских партий, и прежде всего ППСД, а также часть партий и политических группировок, действовавших в рабочем, крестьянском, молодежном движении Королевства Польского во главе с ППС-фракцией, делали ставку на Австро-Венгрию как на «лучшего из захватчиков». Они рассчитывали, что победа в войне австро-германского блока приведет если не к независимости Польши, то к преобразованию монархии Габсбургов в триадистическое государство, где Польша (Галиция с присоединенным к ней Королевством Польским) получит статус, аналогичный венгерскому.

Содействовать австро-германской военщине в разгроме России — такую задачу ставил перед сторонниками этой ориентации Ю. Пилсудский. Еще в 1906 г. он установил связь с военными кругами Австро-Венгрии. В 1908 г. «фраки» создали в Галиции под руководством К. Соснковского Союз активной борьбы, опиравшийся на патриотическую молодежь. На базе этой тайной организации при активном содействии ППСД и негласной поддержке австрийских властей и военщины с 1910 г. стали возникать легальные парамилитарные организации — стрелецкие дружины. Формированием стрелецких отрядов в Галиции занималась и эндецкая «фронда» (в 1910 г. группа журнала «Зажеве» создала тайную «Польскую армию»), милитаризовались дружины «бартошове» и «подгальянске»; украинские национал-радикалы формировали отряды сичевых стрельцов, также имевшие антирусскую направленность. Всего к весне 1914 г. в стрелецких организациях состояло около 6500 человек.

Во время Балканских войн над стрельцами было образовано общее командование. В августе 1912 г. партии, стоявшие на платформе вооруженной борьбы с царизмом, создали Польский военный фонд; в ноябре возникла Временная комиссия объединенных партий, выступающих за независимость, куда вошли политические партии и группы из Галиции (ППСД, ПСЛ, Польская прогрессивная партия) и Королевства Польского (ППС-фракция, Национальный рабочий союз, Национальный крестьянский союз, Крестьянский союз, Союз независимости). Ю. Пилсудский, назначенный военным комендантом, стремился утвердить в Комис-

сии свое влияние: секретарем ее стал представитель ППС-фракции В. Йодко-Наркевич, вскоре его сменил Л. Василевский. Однако внутренние противоречия привели к кризису в Комиссии. Весной 1914 г. из нее вышла эндецкая «фронта», отпали расколовшееся ПСЛ и ряд заграничных организаций.

К политическому лагерю, ориентировавшемуся на победу Антанты в войне и объединение польских земель под скипетром Романовых, принадлежали в Королевстве Польском «реалисты» и эндеки. Последние завершили формирование своих опорных пунктов, образовав на западных польских землях в мае 1909 г. Польское демократическое (с 1910 г. — национально-демократическое) общество. В сентябре 1912 г. на съезде всех эндецких организаций во Львове сторонники Р. Дмовского добились принятия своего курса. О перспективе создания независимой Польши в случае поражения Германии в войне заявил и Главный совет Национальной лиги на съезде в Вене весной 1914 г.

Однако не все сторонники эндеции готовы были активно проводить этот курс. Эндеки Галиции, связанные жизненными интересами с Австрией, не раз декларировали лояльность к ней. Они также формировали военные отряды на базе гимнастического общества «Сокол». Перед самой войной эндеция создала во Львове Центральный национальный комитет для переговоров с Комиссией, но они не дали результата. Неудачной была и попытка Р. Дмовского в 1914 г. добиться от галицийских эндеков поддержки линии Национальной лиги.

Пассивную позицию заняли ряд других политических группировок в Галиции. Консерваторы, в целом стоявшие на платформе австрофильства, не намеревались связывать себя со стрелецким движением. В 1912 г. депутаты Польского кола в рейхсрате заявили, что не имеют к этому движению никакого отношения. Польские буржуазные партии, не входившие в Комиссию, попытались выработать общую позицию и в конце 1912 г. собрались на съезд в Кракове, а затем провели ряд совещаний во Львове, но соглашения не достигли.

Пожар начавшейся 1 августа 1914 г. первой мировой войны охватил большую часть польских земель. В результате поражения северного крыла русской армии германские войска к осени 1915 г. оккупировали все Королевство Польское. Наступая на южном крыле, русская армия в 1914 г. заняла Галицию, но в 1915 г. была вынуждена отступить на линию Луцк—Дубно—Каменец-Подольский—Черновцы. Однако брусиловский прорыв и наступление 1916 г. южнее Луцка привели к занятию ею Галича, Станиславова и Делятина.

Война явилась бедствием для населения польских земель. Около 2 млн жителей Королевства Польского эвакуировались во внутренние губернии России. Были перемещены часть промышленных предприятий, ряд учебных заведений. На оккупированных польских землях немецкие власти установили режим военной диктатуры. Между зонами германской и австрийской оккупа-

ции (германское генерал-губернаторство имело центр в Варшаве, австрийское — в Люблине) почтовые и транспортные связи были затруднены. Власти конфисковывали продовольствие, промышленное сырье, вывозили машины, станки, что вело к росту безработицы и голоду. Около 200 тыс. поляков были направлены на дорожные работы, в промышленность, связанную с военными нуждами; рабочих насильственно вывозили в глубь Германии.

Война заставила правительства стран, разделивших польские земли, искать такие способы решения польского вопроса, которые соответствовали бы изменившимся условиям, но не ущемляли их своекорыстных интересов. Уже в августе 1914 г. главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич обратился к польскому народу с воззванием, утверждавшим, что польские земли нуждаются в объединении «под скипетром русского царя» и предоставлении им самоуправления. Англия и Франция одобрили эти планы. Что касается Центральных держав, вначале рассчитывавших на будущий раздел оказавшихся под их властью польских территорий, то нехватка людских ресурсов для пополнения армии заставила их в ноябре 1916 г. провозгласить создание «из оторванных от русского господства польских областей» государства «с наследственной монархией и конституционным строем». Заявлялось, что решение вопроса о границах этого союзного с Центральными державами государства «откладывается на будущее», а организация польской армии будет осуществляться «по взаимному соглашению». Речь шла о формировании «Польских вооруженных сил», которые бы действовали на стороне Центральных держав. Этим должна была заняться военная комиссия Временного государственного совета — органа, созданного оккупантами 6 декабря 1916 г. Поскольку эти шаги перечеркивали планы «воссоединения» Галиции и Королевства под скипетром Габсбургов, правящие круги Австро-Венгрии выдвинули идею развития автономии Галиции и подготовки проекта ее конституции.

Основные политические силы польского общества откликнулись на начало военных действий в соответствии со своими внешнеполитическими ориентирами. Эндеки и их сторонники в ноябре 1914 г. образовали Польский национальный комитет, руководящую роль в котором играли Р. Дмовский и З. Велепольский. В его воззвании определялись задачи народа: «Разгром зловещего могущества Германии и объединение Польши под скипетром русского монарха». Сторонники австро-германской ориентации, объединенные в Комиссии, создали Главный национальный комитет, куда вошли и представители краковских консерваторов, «демократов», пястовцев. Среди лидеров Комитета были В. Сикорский, В. Витос, И. Дашиньский. Ю. Пилсудский при активном содействии ППС-фракции создал нелегальное формирование — Польскую военную организацию (ПОВ). С октября 1914 г. ПОВ установила контакт с германским командованием и обязалась выполнять все его задания. Планируя воссоздание неза-

висимого государства с помощью Центральных держав, Пилсудский и его сторонники выражали готовность отказаться от западных польских земель, но мечтали о включении в будущую Польшу украинских, белорусских и литовских территорий, некогда входивших в Речь Посполитую. Когда был образован Временный государственный совет, Пилсудский стал одним из 25 его членов, а Сикорский возглавил военную комиссию.

Левое крыло польского общественного движения было убеждено, что освободить польский народ и восстановить польскую государственность может лишь победа революций в странах, захвативших польские земли. В воззвании СДКПиЛ и ППС-левицы от 2 августа 1914 г. говорилось, что польский пролетариат должен бороться за ускорение революции, согласовывая свои усилия с «выступлениями в России и Европе, поскольку они будут вытекать из революционного стремления к ниспровержению нынешних правительств и установлению народных правительств». В первомайской прокламации 1915 г. СДКПиЛ призывала «буржуазную войну заменить войной социальной — революцией». Такого рода лозунги не встречали широкого отклика среди польских трудящихся, особо чутких к проблеме национальной независимости. Большинству была ближе программа сторонников Пилсудского, хотя и социально ограниченная, но имевшая отчетливую национально-патриотическую окраску.

В феврале 1917 г. в России было свергнуто самодержавие. Сложившаяся ситуация — двоевластие революционно-демократических и либерально-буржуазных сил — нашла проявление и в вопросе о Польше. Так, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 14 (27) марта 1917 г. принял обращение к польскому народу, в котором провозглашал, что «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении», и выражал надежду на установление в независимой Польше «демократического республиканского строя». В появившемся два дня спустя воззвании Временного правительства было обещано содействовать созданию Польского государства на землях, населенных в большинстве поляками; при этом оговаривалось, что оно будет «соединено» с Россией «свободным военным союзом».

События в России вызвали различную реакцию на польских землях. Испуганная угрозой социальных потрясений часть буржуазно-помещичьих элементов, ранее не разделявшая позицию «активизма» — безоговорочной поддержки немецких оккупантов, стала рассматривать их как надежную защиту от революции. Для трудящихся известия о низвержении царизма, о работе Советов явились стимулом к борьбе против оккупантов и поддержавших их кругов. В ряде промышленных центров по инициативе СДКПиЛ и ППС-левицы происходили забастовки и демонстрации.

Размежевание политических позиций происходило в среде поляков, находившихся в России. В Петрограде, Москве, Краснояр-

ске, Нижнем Тагиле, Киеве, Туле и других городах возникли секции СДКПиЛ, являвшиеся в то же время организациями большевистской партии. 27 мая (9 июня) 1917 г. в Петрограде вышел первый номер газеты «Трыбуна» — органа группы СДКПиЛ в России. Многие из деятелей СДКПиЛ в России активно поддерживали борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, в том числе Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт, В. Матушевский, Ю. Лещинский (Леньский), С. Бобинский, Я. Ганецкий (Фюрстенберг), Ф. Гжельцак (М. Гжегожевский), С. Будзыньский, А. Кочаровский (А. Славинский), С. Пестковский, М. Козловский и др.

Заметное место в это время занял вопрос о формировании в России польской армии из числа поляков — военнослужащих русской армии и добровольцев. Этот вопрос стал центральным на I съезде военнослужащих-поляков, проходившем в Петрограде 25 мая (7 июня) — 9 (22) июня 1917 г. Съезд избрал Главный польский военный комитет во главе с В. Рачкевичем. Делегаты провозгласили Пилсудского почетным председателем съезда. Незадолго до Февральской революции царское правительство образовало 1-ю польскую стрелковую дивизию. Временное правительство согласилось на формирование трех польских корпусов. Некоторые подразделения и части этих корпусов (Белгородский запасной стрелковый полк и др.) вскоре стали составным элементом революционных сил России.

Польские буржуазно-помещичьи политические организации в России на съезде в Москве в августе 1917 г. создали Польский совет межпартийного объединения. На основе его полномочий 15 августа Р. Дмовский, М. Сейда, Э. Пильц и др. образовали в Лозанне Польский национальный комитет. В сентябре французское правительство признало Комитет, переехавший в Париж, чем-то вроде правительства будущего Польского государства, тогда же его признали Англия и Италия, а в декабре — США. Эти факты говорили о том, что в сложившейся международной обстановке западные державы взялись за решение польского вопроса в своих интересах. Подтвердил это и декрет президента Франции от 4 июня 1917 г. о формировании во Франции польской армии. С декабря для службы в этой армии прибывали добровольцы, значительная часть — из США, где жили около 3 млн поляков.

Усложнявшаяся внутривнутриполитическая и международная ситуация заставила Временный государственный совет сойти с позиций явного «активизма»: Пилсудский 2 июля вышел из его состава. Продолжалась деятельность ПОВ. Польские добровольческие части были сведены в легионы, затем — в бригады Польского вспомогательного корпуса. Когда в июле многие добровольцы отказались принести присягу, в которой говорилось о братстве по оружию с армиями Центральных держав, германские власти их интернировали, а Пилсудского и начальника его штаба К. Соснковского изолировали в крепости Магдебург, что способствовало росту популярности последних в массах. 30 августа прекратил существо-

вание Временный государственный совет. 12 сентября оккупанты объявили о создании нового органа власти — Регентского совета из трех членов. Но реальную власть сохраняли германский и австрийский генерал-губернаторы.

Большое значение для польского народа имела Великая Октябрьская социалистическая революция. Стремясь осуществить возведенные в Декрете о мире принципы перестройки международных отношений на основе свободы и независимости всех народов, добываясь мира без аннексий и контрибуций, Советское правительство особое внимание уделяло решению польского вопроса. Свободу, воссоединение, независимость польского народа оно отстаивало на мирных переговорах с Германией и Австро-Венгрией, состоявшихся в Брест-Литовске в конце 1917—начале 1918 г. 25 января (7 февраля) 1918 г. советская делегация огласила декларацию с требованием предоставить жителям трех частей Польши право свободно устраивать свою жизнь. Но Центральные державы отвергли дискуссию по польскому вопросу и не допустили к участию в переговорах представителей Регентского совета. Заключив 27 января (9 февраля) договор с Украинской центральной радой, они обязались содействовать установлению ее власти на Украине, уступить ей район Холмщины и некоторые другие польские земли, т. е. пошли на новый частичный раздел Польши.

Это вызвало возмущение польского народа. Одним из его проявлений явился переход линии фронта 15—16 февраля частью 2-й бригады польских легионов во главе с Ю. Галлером. Легионеры вошли в состав польского корпуса и других антисоветских сил, сам же Галлер примкнул в Москве к антисоветскому заговору, а затем выехал во Францию, где стал командующим польской армией.

В Варшаве еще с середины января происходили массовые стачки, начатые по инициативе рабочих коммунального хозяйства, возник Совет делегатов коммунальных рабочих. Его создание говорило о том, что рабочие приступили к формированию органов, являвшихся уже чем-то большим, чем обычные забастовочные комитеты. Всеобщая стачка рабочих Варшавы 19 января дала толчок массовому забастовочному движению, охватившему промышленные центры обоих генерал-губернаторств и Галиции. К обострению борьбы вело и все ухудшавшееся продовольственное положение. В Кракове в феврале в течение ряда дней по карточкам не выдавали хлеба, в Варшаве, Лодзи, Ченстохове и других местах норму выдачи сократили до 80—100 г в день.

Многие польские беженцы, оказавшиеся на вновь захваченных немцами территориях, старались вернуться домой, в зоны старой оккупации. Их рассказы о русской революции, о политике Советской власти способствовали распространению идей Октябрьской революции. Происходившее poleвение рабочего класса проявилось на XIV съезде ППСД в мае 1918 г. Съезд высказался за национализацию шахт, заводов и фабрик, средств сообще-

ния, за проведение земельной реформы, за создание независимой Польской Республики со свободным выходом к морю. Такие же позиции заняли многие депутаты XIV съезда ППС-фракции, состоявшегося в сентябре в Варшаве.

Между тем в Республике Советов назревала гражданская война. В ее разворачивании сыграли роль и происки польских контрреволюционных элементов, в том числе мятеж 1-го Польского корпуса под командованием Ю. Довбор-Мусьницкого. В то же время немало воинских частей бывшей царской армии, составленных из лиц, мобилизованных на польской земле, вступало в отряды Красной гвардии, в части формировавшейся Красной Армии.

На фоне продолжавшейся войны и событий, происходивших в России, вопрос о судьбах Польши приобретал все большее международное значение. Стремление ослабить резонанс ленинского Декрета о мире и борьбы Советского правительства за демократический мир, за справедливое решение вопроса о Польше заставило английского премьера Д. Ллойд-Джорджа 5 января 1918 г. заявить, что независимая Польша, «включающая в себя все исключительно польские элементы, которые пожелают стать ее частью», является необходимым условием стабилизации Восточной Европы. В опубликованных спустя три дня «14 пунктах» президента США В. Вильсона указывалось, что должно быть «создано независимое Польское государство, которое должно будет включать территории, заселенные неоспоримо польским населением». Тот же смысл содержала совместная декларация глав правительств Англии, Франции и Италии от 2 июня 1918 г. Все эти заявления не сулили воссоединения с будущей Польшей Познани, Силезии, Гданьска.

29 августа 1918 г. Совет народных комиссаров в развитие своих предшествующих актов принял декрет, где говорилось, что все заключенные царским правительством договоры, касающиеся разделов Польши, «ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно». Декрет закреплял международно-правовую основу воссоздания независимости Польши, которую Советская Республика хотела видеть демократическим государством, охватывающим все три части страны, свободно устраивающим свои внутренние порядки и находящимся в дружеских отношениях с соседями.

Как раз на соседних с Польшей землях — в Белоруссии, Литве, на Украине — был весьма высок удельный вес польского помещичьего землевладения, а также польского элемента в городах. Польские националистически настроенные круги противодействовали установлению на этих территориях Советской власти, создавали антисоветские отряды «самообороны», поддерживали различные антисоветские силы. После крушения царизма, а затем и Временного правительства Польский национальный комитет в

Париже стал вынашивать планы воссоздания великодержавной Польши, охватывающей земли бывшей Речи Посполитой. Эти планы поддержала Франция, заинтересованная в том, чтобы в лице Польши иметь в Восточной Европе надежного союзника и при ее помощи добиться гегемонии на континенте. 5 сентября 1918 г. французский премьер Ж. Клемансо письменно заверил Польский национальный комитет в Париже в том, что Франция ничего не пожалеет для того, чтобы возродить Польшу «в рамках ее исторических пределов». Если эндеки претендовали только на «исторические земли», то сторонники Пилсудского, соглашаясь на отказ от западных польских территорий, в то же время выдвигали концепцию превращения будущей независимой Польши в ядро обширной федерации, которая в той или иной форме включала бы значительную часть бывшей Российской империи с преимущественно нерусским населением, в том числе белорусские и прибалтийские земли, Украину, некоторые регионы Северного Кавказа.

**ФОРМИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ
ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ****ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ
И КОНКРЕТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛЬШИ**

В 1918 г., после 123 лет чужеземного ига, была восстановлена независимая Польша. Этому событию предшествовали длившиеся многие годы национально-освободительное движение польского народа и революционная борьба пролетариата. Восстановлению независимости способствовало то, что в ходе первой мировой войны произошли две революции в России, распалась Австро-Венгрия, потерпела крах Германская империя, а также произошло изменение позиций западных держав в польском вопросе.

Еще 28 октября 1918 г. из депутатов венского рейхсрата от Галиции была образована в Кракове Польская ликвидационная комиссия во главе с лидером партии ПСЛ-«Пяст» В. Витосом. В задачи комиссии входило осуществление переходных мер, обеспечивающих соединение Галиции с другими польскими землями в составе единого независимого государства. Фактически уже 31 октября завершился переход власти к Ликвидационной комиссии и ее местным органам во всей Западной Галиции. Сравнительно легко была устранена австрийская администрация и в оккупированных польских губерниях бывшей Российской империи. В административном центре этой зоны — Люблине 5 ноября возник Совет рабочих депутатов. Советы, образование которых было ярким выражением влияния российской революции, сложились в ряде промышленных центров зоны, а также во многих сельских населенных пунктах. В состав Люблинского Совета, как и большинства других городских Советов, входили деятели СДКПиЛ, ППС-левицы, ППС-фракции, а также Бунда и профессиональных союзов.

В противовес Совету в Люблине в ночь с 6 на 7 ноября было создано Временное народное правительство Польской Республики. Возглавил его И. Дашинский, являвшийся также членом Ликвидационной комиссии; в состав правительства входили сторонники Пилсудского — Е. Морачевский, Т. Арцишевский, Э. Рыдз-Смиглы, а также представители ПСЛ-«Вызволене» С. Тугутт, Ю. Понятовский и др. Люблинское правительство в манифесте «К польскому народу» провозгласило создание Польской народной республики, установление в стране парламентского строя и вынесение на рассмотрение будущего Законодательного сейма предложений об отчуждении крупной и средней земельной собственности, национализации угледобывающей, соля-

ной, нефтяной и некоторых других отраслей промышленности, участия рабочих в управлении национализированными предприятиями. Радикальный характер этих проектов, сочетавшийся с утверждением, будто сами собой «рассыпаются в прах правительства капиталистов и помещиков», отвечал стремлениям трудящихся, вселял в них радужные надежды. Во внешнеполитической части манифеста его авторы призывали к восстановлению Великого княжества Литовского, некогда являвшегося составной частью Речи Посполитой Польской, к мирному решению спорных вопросов, касающихся Западной и Приднепровской Украины, к созданию союза, охватывающего также чехов и словаков, и др.

В условиях начавшейся в Германии революции и приближавшейся неизбежной капитуляции перед западными странами одной из задач правящих кругов Германии стало принятие всех возможных мер к тому, чтобы в процессе воссоздания Польского государства в нем установилась власть, которая была бы готова сохранить в неприкосновенности восточную границу Германии, существовавшую до начала мировой войны. Наиболее подходящего деятеля для реализации такой политики германские власти видели в Пилсудском, находившемся под арестом в Магдебурге. В октябре 1918 г. по поручению кайзеровского правительства с ним вступил в переговоры Г. Кесслер, которого Пилсудский заверил в том, что он за месяц сформирует боеспособную польскую армию, что современное поколение поляков не будет вести войну за Познань или Восточную Пруссию, что для Польши, как и для Германии, главная опасность — это угроза большевизма. 6 ноября Кесслер доставил в Берлин Пилсудского и К. Соснковского. После двухдневных переговоров с высшими чинами кайзеровского режима они в сопровождении Кесслера выехали специальным поездом и 10 ноября прибыли в Варшаву. 11 ноября в Германии была свергнута монархия, и германское командование подписало в Компьене акт о капитуляции. Регентский совет передал власть Пилсудскому. День 11 ноября стал отмечаться в Польше начиная с 1926 г. как дата восстановления независимости страны, а с 1937 г. — как официальный, установленный законом праздник восстановления независимости и увековечения памяти Пилсудского.

После самоликвидации Регентского совета Люблинское правительство, а также действовавшая в Кракове Ликвидационная комиссия признали как полученные Пилсудским полномочия, так и назначение им 18 ноября Е. Морачевского главой польского правительства. В состав правительства, называвшего себя рабоче-крестьянским, вошли члены ППС-фракции Л. Василевский, Т. Арцишевский и др., людовцы из ПСЛ-«Вызволене» (С. Тугутт и др.), несколько беспартийных деятелей. Весьма энергично формировались местные и центральный органы власти, важными звеньями которых стали учреждения, образованные ранее Регентским советом. В изданном 22 ноября декрете о высшей власти, подписанном Пилсудским и Морачевским, первый из них был про-

возглашен «временным начальником государства» с правом смещать правительство, утверждать или отклонять правительственные законопроекты и бюджет, назначать высших должностных лиц и т. д.

16 ноября Пилсудский направил главам государств, одержавших победу в войне, а также главам ряда нейтральных стран телеграмму, извещавшую об образовании, согласно воле польского народа, независимого Польского государства, опирающегося на демократические основы. Советскому правительству, которое еще в октябре назначило Ю. Мархлевского своим дипломатическим представителем в Польше, аналогичная телеграмма не была послана; без ответа оставались также предложения Советского правительства об установлении дипломатических отношений и переговорах по всем вопросам, могущим интересовать обе стороны.

Неустойчивое политическое положение побудило Пилсудского обратиться к главнокомандующему армиями Антанты Ф. Фошу с просьбой прислать в Польшу войска «для защиты страны от большевизма». 16 ноября Пилсудский заключил с германским командованием соглашение об эвакуации немецких войск с территории, западная граница которой соответствовала русско-германской границе 1914 г.; переходя эту линию, немецкие войска передавали часть оружия польским властям, POW или другим польским военизированным организациям и группам. Признание границы 1914 г. было равнозначно фактическому согласию на сохранение германского господства в Познанщине, Верхней Силезии и других западных польских землях, что в корне противоречило национальным интересам польского народа. На этих землях в короткое время сложилось множество так называемых народных советов, действовавших под преобладающим влиянием национальных демократов. Стоявший во главе этих советов Главный народный совет, находившийся в Познани, считал представительством всей страны не варшавское правительство, а находившийся в Париже Польский национальный комитет.

Сейм представителей польского населения бывшей Германской империи, заседавший в Познани 3—5 декабря 1918 г., принял решение ждать рассмотрения вопроса о воссоединении западных этнически польских земель с остальной Польшей на предстоящей мирной конференции. Несмотря на это, обострение национальных отношений привело к тому, что на великопольских землях отдельные вооруженные столкновения с немецкими националистическими группами вылились 27 декабря в польское национально-освободительное восстание. При продлении Компьенского перемирия (первоначальный срок его действия был определен в шесть недель) было предусмотрено прекращение с 16 февраля 1919 г. военных действий на Познанщине, что закрепляло власть Главного народного совета на освобожденных к тому времени великопольских землях.

После того как 19 ноября образовавшийся в результате победы революции в Германии Совет народных уполномоченных приз-

нал независимую Польскую Республику, включавшую польские земли, ранее принадлежавшие распавшейся Австро-Венгрии, варшавское правительство расширило военные действия против провозглашенной 13 ноября Западноукраинской народной республики (ЗУНР). Эта война завершилась в июле 1919 г. оккупацией Западной Украины польскими войсками. Еще в январе 1919 г. они заняли Волинь, а «отряды самообороны», сформированные при поддержке варшавского правительства, приступили к захватам литовских и белорусских земель.

Сравнительно тесные отношения с Германией ставили варшавское правительство в сложное положение по отношению к странам Антанты — победительницам в мировой войне, затрудняли возможность участия Польши в предстоящей мирной конференции, вызывали недовольство населения. Варшавские власти посчитали наиболее целесообразным пойти 15 декабря 1918 г. на разрыв дипломатических отношений с Германией и активизацию поисков путей к соглашению с Польским национальным комитетом в Париже, к сближению с эндеками.

В ночь с 4 на 5 января 1919 г. группа связанных с эндеками лиц — М. Янушайтис, Е. Здзеховский и др. — предприняла попытку государственного переворота, арестовав главу правительства и нескольких министров. Заговор не удался, а его руководителей Пилсудский отпустил на свободу. Варшавское правительство и Парижский комитет пришли к соглашению о том, что Ю. Пилсудский сохранял свои прерогативы, но главой правительства с 19 января 1919 г. стал один из видных деятелей Парижского комитета — И. Падеревский.

ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНЕ

Вслед за Люблином Советы были созданы в Домброве-Гурничей, где был также образован один из первых в стране отрядов Красной гвардии; 11 ноября возник Совет рабочих депутатов в Варшаве. Затем образовались Советы в Лодзи, Ченстохове, Жирардуве, Радоме и ряде других городов. Во многих случаях Советы принимали решения об ограничении рабочего дня, улучшении снабжения городского населения и т. д. Советы возникали и в сельской местности. В районе Тарнобжега, где вели широкую агитационную деятельность ксендз Э. Оконь и леворадикальный деятель Т. Домбаль, сложилась своего рода «крестьянская республика» с самочинно действовавшими некоторое время органами крестьянского самоуправления, а в Замостье произошло вооруженное выступление солдат против буржуазной власти. Были случаи захвата фольварочными рабочими имений, создания ими собственных Советов.

Однако Советы практически не были связаны между собой, не создали единого общепольского органа. К тому же их ослабляла острая межпартийная борьба, в которой против депутатов —

сторонников СДКПиЛ и ППС-левицы выступали депутаты — члены ППС-фракции, Национального рабочего союза (НРС) и др. Нередко деятели ППС-фракции в противовес тем Советам, где их позиции были сравнительно слабы, создавали (так произошло, в частности, в Варшаве) параллельные Советы, усугубляя тем самым раскол рабочего движения. Ему способствовала левацкая установка СДКПиЛ и ППС-левицы на непосредственную борьбу за немедленное осуществление социалистической революции и превращение Польши в республику Советов, органически слитую с другими Советскими республиками. При этом упускались из виду как целый комплекс еще не решенных задач общедемократического характера, так и особая чувствительность польского народа к национальным проблемам, к вопросу о государственном суверенитете.

Польские социал-демократы, а также деятели ППС-левицы, упорно представляя перспективу развития всей Центральной Европы, недооценивали необходимость борьбы за создание широкого блока демократических сил, ядром которого послужил бы союз рабочих и крестьян. Предполагалось немедленно приступить к превращению крупной земельной собственности в общенародную, а также ограничить свободу производственной и торговой деятельности индивидуальных крестьянских хозяйств. Авангард рабочего класса подрывал ту основу, которая могла бы побудить крестьянство к поддержке революционных сил пролетариата. Не сумев уяснить правильное соотношение, взаимное переплетение социалистических и общедемократических задач, деятели СДКПиЛ и ППС-левицы даже в восстановлении Польского государства видели только преграду на пути к сотрудничеству со Страной Советов и революционной Германией.

Между тем новые польские власти наряду с разгоном рабочих демонстраций, нападением на их участников и другими репрессивными актами шли навстречу некоторым требованиям трудящихся. Так, еще правительство Морачевского 21 ноября издало декрет о введении восьмичасового рабочего дня, затем установило выплату пособий рабочим в случае болезни, установило гарантированный минимум заработной платы на государственных предприятиях, учредило инспекцию по вопросам труда. Избирательный закон от 28 ноября устанавливал равное, прямое, тайное всеобщее избирательное право (право выбора не предоставлялось лишь военнослужащим, находящимся на действительной службе). Словом, у трудящихся были основания прислушаться к утверждению как буржуазных, так и реформистских и людовских деятелей, партий, организаций о том, будто Учредительный сейм, выборы в который были назначены на 26 января 1919 г., установит в стране порядок, отвечающий их чаяниям. Надежды на то, что сами собой осуществляются их стремления, удерживали значительную часть рабочих, крестьян, городских средних слоев от активной борьбы за свои классовые интересы, ограждали их от влияния революционных партий.

Еще накануне переломных ноябрьских событий 1918 г. СДКПиЛ и ППС-левица начали переговоры об объединении в единую Коммунистическую партию. Комиссия из представителей обеих партий разработала проект объединительной платформы (в основном этим занимался Г. Валецкий при участии А. Варского, В. Кошутской, Ф. Фидлера и др.). ЦК РКП(б) безоговорочно поддерживал эту идею, многочисленные группы СДКПиЛ и секции ППС-левицы в Советской России, Р. Люксембург, Я. Тышка, К. Либкнехт считали объединение желательным и необходимым. 16 декабря 1918 г. в Варшаве состоялся Объединительный съезд, положивший начало существованию Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП).

ОТ ПЕРВЫХ ВЫБОРОВ В СЕЙМ ДО ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ 1921 г.

Большинство населения Польши оценивало выборы в сейм и свое участие в них как подтверждение воли всей нации сделать страну независимым государством с институтами парламентской демократии. Выборы проходили в условиях острой политической борьбы, главным образом между национальными демократами и клерикалами. Между их программами не было принципиальных различий. Обе партии старались привлечь избирателей обещаниями добиться помощи Польше продовольствием со стороны Франции и США, благоприятного решения территориальных вопросов, получения вооружения, обеспечения в стране законности, христианской справедливости и т. п. Либерально-демократическая часть буржуазных партий в основном ставила на первый план задачи упрочения независимости; в выборах также участвовали несколько людовских организаций, выдвигавших различные проекты аграрной реформы, а также ППС и другие политические направления, связанные с рабочим движением. Пилсудский, не отдавая предпочтения какой-либо отдельной партии или избирательному блоку, стремился выглядеть надпартийным лидером, представляющим общенациональные интересы. Фактически же тесно связанные с ним деятели составили Бельведерский лагерь, получивший свое название от Бельведерского дворца, который служил резиденцией начальника государства. Они входили в различные группировки, имеющие свои политические программы, но действовали как единое целое, оказывая значительное влияние на многие общественно-политические, военизированные, культурно-просветительские и другие организации. Бельведерский лагерь имел свою «экспозитуру» (своего рода агентов) в тех буржуазных организациях, которые противопоставляли себя политике начальника государства. Сторонники Пилсудского находились в числе депутатов, избранных почти по всем кандидатским спискам.

26 января 1919 г. состоялись выборы на территории бывшего Королевства Польского и Галиции, в дальнейшем проводились

дополнительные выборы на ряде территорий, присоединенных впоследствии к основному ядру польских земель. Относительное большинство мест в сейме оказалось у Народно-национального союза — блока проэндецких организаций, получивших при поддержке костела 116 депутатских мандатов из первоначально избранных 340 депутатов. Это побудило правых блокироваться с партиями центра — ПСЛ-«Пяст», который располагал 44 мандатами, Национальным рабочим союзом и др. Левое крыло сейма составили депутаты, принадлежавшие к ПСЛ-«Вызволене» (58 человек), ППС (32 человека) и некоторым другим, менее влиятельным группировкам.

10 февраля 1919 г. состоялось первое заседание сейма. Маршалом (председателем) сейма был избран В. Тромпчинский, предложенный правым Народно-национальным союзом. Этот адвокат из Познани, эндек, оказался в сейме как бывший депутат прусского ландтага и представлял в нем население западных польских земель. 20 февраля Пилсудский сложил с себя полномочия временного начальника государства. Ввиду того что выработка конституции требовала длительных обсуждений, сейм принял закон о временной организации высшей власти. На Пилсудского было возложено дальнейшее исполнение обязанностей начальника государства, при этом устанавливались некоторые пределы его полномочий: он признавался представителем государства и высшим исполнителем воли сейма, становился ответственным перед сеймом, мог формировать правительство лишь с его одобрения, принимать решения, предварительно согласовывая их с соответствующим министром. Этот акт сейма в дальнейшем получил название Малой конституции, сохранявшей силу вплоть до принятия конституции в марте 1921 г.

В противовес парламентской демократии КРПП выдвинула в середине февраля 1919 г. не соответствующий обстановке лозунг создания Польской республики Советов рабочих депутатов города и деревни. Лишь отчасти этот лозунг может быть оправдан тем, что деятельность сейма, принятие Малой конституции протекали в обстановке новой волны массовых выступлений народа.

Варшавский Совет рабочих депутатов еще в январе предложил провести Общепольский съезд Советов, и в феврале—апреле состоялся ряд региональных совещаний Советов. В феврале 1919 г. КРПП представляли в девяти крупнейших Советах 810 делегатов, ППС — 868, а Бунд, НРС и другие национально-реформистские организации — около 700 делегатов. ППС выступила против проведения всеобщей стачки, которую КРПП наметила на 12 и 13 марта. В ряде мест против забастовщиков были брошены полиция и войска. После провозглашения Венгерской, а затем Баварской советских республик Польшу охватила новая волна забастовок и демонстраций. Руководство ППС осуждало их, утверждая, что они ослабляют возрождающееся Польское государство.

23—27 апреля 1919 г. состоялся объединительный съезд трех партий — ППС-фракции, ППС бывшего прусского захвата, Социал-демократической партии Галиции и Силезии (ППСД). Правым лидерам удалось сохранить свои позиции. Объединенная ППС, располагая сильным организационным аппаратом, оказывала большое влияние на профсоюзы и кооперативные организации. Все это ослабляло движение за Советы. В марте из Советов вышли члены НРС; в мае—июле 1919 г. ППС отозвала своих членов из всех единых Советов рабочих депутатов и создала особые социалистически-независимые рабочие Советы. Такая линия руководства наталкивалась на противодействие внутри самой партии: в сентябре 1919 г. из нее выделилась ППС-оппозиция; позднее, в августе 1920 г., она вошла в состав КРПП, которая еще 1 апреля 1919 г. была вынуждена перейти на нелегальное положение. Примерно тогда же подверглись разгрому все революционные Советы.

Весной и летом 1919 г. эпицентр классовой борьбы переместился из городов в сельскую местность. Сельский пролетариат, значительная часть которого входила в незадолго до того созданный профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих, находившийся под влиянием КРПП, а также малоземельные крестьяне требовали быстрее проведения аграрной реформы. В ряде мест крестьяне самочинно захватывали помещичьи земли, сельскохозяйственные орудия. Даже эндеки были вынуждены согласиться на обсуждение в сейме аграрного вопроса. Началось оно 3 июня и продолжалось до 10 июля. Спор шел о предельном размере землевладений, не подлежащих разделу, о способах раздела, о неприкосновенности церковных владений и т. д. В ходе борьбы вокруг вопроса об аграрной реформе произошла некоторая перегруппировка сил; усилились партии центра и людовцы за счет Народно-национального союза, из состава которого вышла группа делегатов, образовавших затем Христианско-демократическую партию. Эндеки прилагали значительные усилия к сплочению близких им в политическом отношении групп и организаций в единую партию. Они направляли деятельность сложившегося в 1918 г. Национального объединения студенческой молодежи (с 1922 г. — «Всепольская молодежь»), Национальной организации женщин и других организаций.

В конечном счете большинством в один голос сейм принял предложенные ПСЛ-«Пяст» «Основы земельной реформы». Для различных регионов страны устанавливался допустимый размер землевладений (от 60 до 400 га); отчуждение земли должно было сопровождаться выплатой компенсации бывшим собственникам; ежегодно подлежали парцелляции не менее 100 тыс. га. Несмотря на свою крайнюю ограниченность, на то, что резолюция сейма не была оформлена в качестве закона и не определяла способов отчуждения земель и порядка их распределения среди крестьян, перспектива получения земли «законным путем» привела к ослаблению революционной напряженности на селе.

Все описанные социально-политические коллизии так или иначе отразились на генезисе и содержании принятой в 1921 г. конституции независимого Польского государства. Еще в феврале 1919 г., вскоре после начала своей деятельности, сейм образовал Конституционную комиссию в составе 30 человек. Председателем комиссии был эндек М. Сейда, его заместителем — людовец С. Тугутт, секретарем — деятель ППС М. Недзялковский.

В сентябре 1920 г. в сейме началась дискуссия по проекту, а 17 марта 1921 г. он принял Конституцию Польской Республики. Верховной властью в стране признавался народ, осуществляющий свою власть путем всеобщих, прямых, тайных, равных и пропорциональных выборов двухпалатного парламента, состоящего из сейма и сената. Активное избирательное право (право избирать) предоставлялось при выборах в сейм лицам, достигшим 21 года, в сенат — достигшим 30 лет; право быть избранным получили соответственно лица старше 25 и 40 лет. Военнослужащие избирательным правом не пользовались. Исполнительная власть вручалась президенту, избираемому на совместном заседании сейма и сената, и ответственному перед сеймом правительству, судебные органы объявлялись независимыми от исполнительной власти. Сенат мог задержать одобрение закона, принятого сеймом, но не располагал правом вето. Президент не нес ответственности за свои действия, кроме особых случаев — измены, уголовного преступления и т. д., но каждый исходящий от него акт должен был подтверждаться подписями премьер-министра и того министра, сферы деятельности которого этот акт касался.

Конституция признавала равенство граждан перед законом, предусматривала свободу совести, слова, печати и организаций, охрану собственности всех граждан, учреждений, обществ. Признав свободу совести, конституция в то же время устанавливала, что римско-католическая церковь «занимает в государстве главное место среди равноправных вероисповеданий».

Конституция 1921 г. соответствовала требованиям буржуазной демократии. Более того, в ряде случаев она шла дальше классических буржуазных конституций, так как содержала статьи об охране труда, социальном вспомоществовании в случае безработицы и болезни, об охране материнства и младенчества, о национально-культурной автономии для национальных меньшинств и др. Но в политической практике господствующих классов неудобные им конституционные статьи не находили применения, и конституция поэтому не смогла открыть путь к решению раздиравших Польшу глубоких социальных и национальных проблем. Как бы то ни было, Конституция 1921 г. завершила формирование Польского государства и стабилизировала на время его внутреннюю структуру.

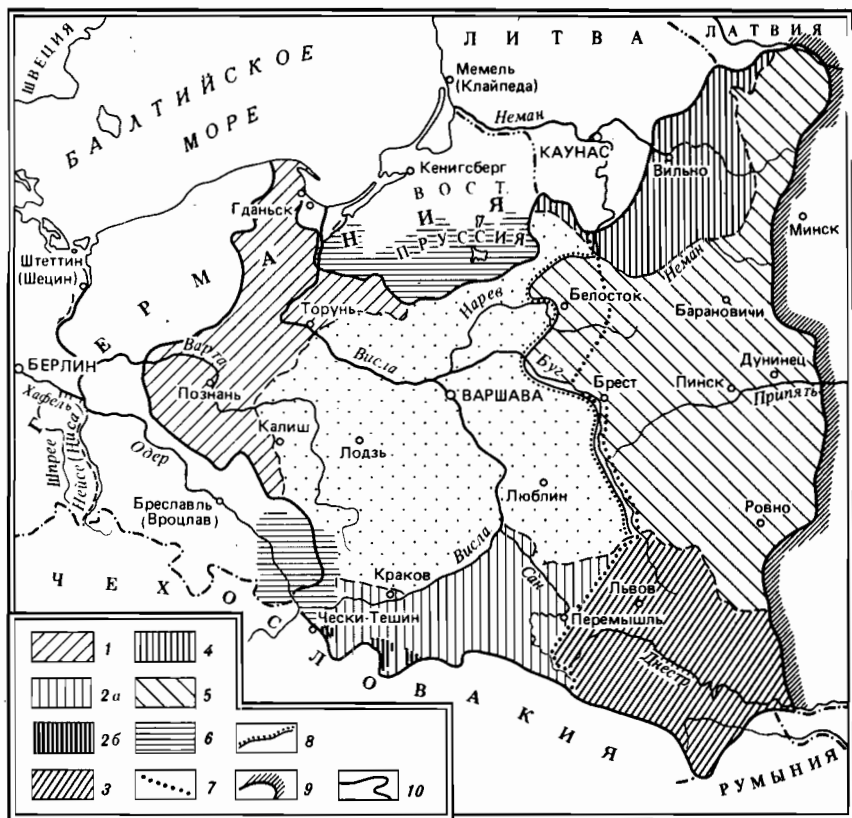
ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Вскоре после образования правительства И. Падеревского независимость Польши признали и заявили об установлении с ней дипломатических отношений США (30 января 1919 г.), Франция (24 февраля), Англия (25 февраля) и другие государства. Польша была приглашена участвовать в открывшейся 18 января 1919 г. в Париже мирной конференции. Ее представляли И. Падеревский и Р. Дмовский, а в состав аппарата делегации были включены и многие деятели, выразившие внешнеполитические концепции пилсудчиков.

29 января на заседании Совета десяти — руководящего органа конференции — Р. Дмовский изложил территориальные претензии Польши, заключавшиеся в признании границ 1772 г. с возможными их частичными изменениями. Таким образом, в основу определения границ Польши предлагалось положить исторический принцип, в случае реализации которого в состав Польши были бы включены Литва, Белоруссия, большая часть Украины, часть Латвии. Если эндеки во главе с Дмовским стремились к прямой инкорпорации этих земель, то сторонники Пилсудского предлагали план создания в Восточной Европе максимально обширной федерации государств под гегемонией Польши.

Для детального рассмотрения вопроса Совет десяти образовал комиссию по польским делам под руководством французского дипломата Ж. Камбона. Рассматривая вопрос об определении государственной границы между Польшей и Германией, комиссия в первую очередь учитывала национальную принадлежность населения соответствующих территорий. Земли с неоспоримо польским населением должны были стать составными частями Польши; предполагалось возвратить ей Данциг (Гданьск) и территории, лежащие вдоль железной дороги, ведущей от Варшавы к Данцигу, что при сохранении за Германией основной части Восточной Пруссии придавало польскому выходу к морю характер коридора, проложенного сквозь германские владения. Между прочим, Пилсудский не считал борьбу за Гданьск заслуживающей особых усилий. В одной из своих телеграмм, направленных в Париж находившемуся там в ту пору Л. Василевскому, начальник государства излагал тот взгляд, что вместо Гданьска Польша могла бы удовлетвориться портом, лежащим к востоку от Восточной Пруссии, и огибающей Восточную Пруссию территорией, выводящей к такому порту.

В конечном счете Д. Ллойд-Джордж, В. Вильсон, Ж. Клемансо договорились о выделении Гданьска в особое государственное образование — «вольный город». Это лишало Польшу того свободного и надежного выхода к морю, который ей был обещан тремя западными державами. Кроме того, эти же державы решили образовать не один, как предполагалось ранее, а несколько регионов, государственную принадлежность которых предстояло

ОБРАЗОВАНИЕ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1 — западные польские земли, включенные в состав Польского государства по Версальскому мирному договору 1919 г.; 2а — территории, возвратившиеся к Польше после распада Австро-Венгрии в 1918 г.; 2б — часть территории бывшей монархии Габсбургов, отошедшая к Польше по плебисциту; 3 — Восточная Галиция, захваченная Польшей в 1918—1919 гг.; 4 — литовские земли, аннексированные Польшей в 1920 г.; 5 — территории Западной Украины и Западной Белоруссии, захваченные Польшей в 1919—1920 гг.; 6 — плебисцитные зоны в Восточной Пруссии и Верхней Силезии; 7 — «линия Керзона»; 8 — восточная граница бывшего Королевства Польского; 9 — восточная граница Польского государства после заключения Рижского договора 1921 г.; 10 — прочие границы Второй Речи Посполитой на 1921 г.

определить в результате плебисцитов. К их числу была отнесена Верхняя Силезия с ее неоспоримо польским этническим большинством и высокоразвитой промышленностью. Глава польского правительства, не высказал возражений против такого решения, хотя и сомневался в исходе плебисцита. В целом предстояло провести плебисцит на территориях общей площадью 27,7 тыс. кв. км с населением 3 млн человек. Под немецким господством осталось 45 тыс. кв. км, польское население этих земель также составляло 3 млн человек.

Парижская мирная конференция юридически оформила воссоздание польского независимого государства. Большое значение

решений конференции для истории Польши несомненно. Однако не следует забывать о том, что кое в чем они ущемляли жизненные интересы Польши. В частности, за Германией сохранялся ряд польских земель, пограничной линии был придан причудливый, извилистый характер, создавалась неблагоприятная для Польши стратегическая обстановка, ее морские связи фактически ставились под германский контроль, почти все жизненные центры страны стали легко уязвимыми. Во многом неблагоприятными для Польши были и условия подписанного 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора, а также заключенного одновременно договора с державами-победительницами о правах национальных меньшинств в Польше, содержащего в себе статьи о транзите и торговле, выгодные великим державам.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В 1918—1919 гг.

И ВОЙНА 1920 г.

Народный комиссар по иностранным делам Советской Республики Г. В. Чичерин 28 ноября 1918 г. уведомил польского министра иностранных дел Л. Василевского о том, что Советское правительство охотно соглашается на приезд в Москву польского представителя и будет содействовать улаживанию всяких, могущих возникнуть конфликтов. Через две недели — 12 декабря 1918 г. — с советской стороны был сделан новый запрос о возможности установления дипломатических отношений между двумя странами; такой же запрос последовал 15 декабря. Вскоре, 28 декабря, отвечая на опасения польской стороны по поводу того, что восстановление Советской власти на некоторых освобожденных от германских оккупантов землях якобы таит в себе угрозу для Польши, советская сторона подчеркнула, что эти опасения «лишены всякого основания». Враждебность правящих кругов Польши к Стране Советов проявила себя в том, что прибывшая в Варшаву с согласия польского правительства миссия Российского общества Красного Креста во главе с Б. Весоловским была арестована. Возмущенные действиями властей варшавские рабочие по призыву КРПП провели 20 декабря 1918 г. митинг протеста, в котором приняли участие около 20 тыс. человек; войска и полиция разогнали участников митинга, убив и тяжело ранив при этом несколько человек. 2 января 1919 г. Б. Весоловский и еще три члена миссии Красного Креста, высланные из Польши под конвоем, были предательски убиты в Бельском лесу.

Хотя комиссия Камбона в свое время, исходя из фактических границ расселения поляков, предложила признать восточную границу Польши проходящей по линии, получившей позже название «линии Керзона», Парижская мирная конференция не установила эту границу. Западные державы поощряли Польшу к разрыванию антисоветской экспансии, предоставляли ей займы, снабжали оружием, боеприпасами. Содействие Польше в ее агрес-

сивной политике оказывала также и Германия. Уже в январе 1919 г. на Виленщине дело дошло до столкновений между польскими вооруженными формированиями, использовавшими оружие, оставленное отходившими германскими войсками, и частями Красной Армии. Весной 1919 г. в пределах Страны Советов находились польские войска, общая численность которых превышала 200 тыс. человек. В марте 1919 г. они захватили Слоним, затем Пинск, Лиду, Вильнюс. 22 апреля было опубликовано обращение Ю. Пилсудского к населению бывшего Великого княжества Литовского, призывавшее все народы, жившие в нем, к федеративному объединению с Польшей. Это обращение вызвало острую критику как в Польше, так и за ее пределами.

В апреле из Франции прибыла сформированная там семидесятитысячная польская армия, которой командовал генерал Ю. Галлер. Она была тотчас брошена на западноукраинский фронт. К середине июля польские войска дошли до рек Збруч и Стырь. Численность польской армии приблизилась к 500 тыс. человек. Около половины государственного бюджета Польши поглощали расходы на военные цели. На эти же цели шли многочисленные иностранные займы.

Против польских властей, проводивших на восточных «кресах» политику реставрации буржуазно-помещичьих отношений, началась борьба белорусского, украинского, литовского народов. В самой Польше также все заметнее становилось антивоенное движение. Работу по разоблачению захватнической политики правящих кругов пыталась развернуть КРПП. А поддержала такую политику, по-разному мотивируя свои позиции, все буржуазно-помещичьи, людовские, реформистские партии и организации, умело использовавшие национально-патриотические, религиозные настроения польского народа. Что касается поляков, находившихся в Стране Советов, то многие из них добровольно вступали в ряды Красной Армии.

В интересах борьбы с Советской властью польские правящие круги пытались сговориться с руководителями российской контрреволюции. Но последние стояли на позициях «единой и неделимой» России в границах 1914 г. Поэтому, когда летом 1919 г. деникинцы приближались к Москве, польские власти приостановили на время развертывание военных действий и даже согласились на секретные переговоры с Советским правительством, которые проходили в июле в Беловеже и в ноябре—декабре 1919 г. в Микашевичах. Советская сторона, успевшая к этому времени разгромить основные силы внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, стремилась обратиться к мирному труду и надеялась на установление добрососедских отношений с соседней страной. Она предлагала Польше заключить мир на весьма выгодных для нее условиях. В ноте, направленной польскому правительству 22 декабря 1919 г., Советское правительство еще раз отмечало, что мир между двумя государствами «является необходимостью для развития обеих сторон, для их благо-

состояния и экономической деятельности». Стремления Советской власти к миру подтверждаются опубликованным 28 января 1920 г. в Москве обращением Советского правительства к Польше и польскому народу, обращением ВЦИК к польскому народу от 2 февраля 1920 г. и другими проявлениями доброй воли. В одной из своих речей В. И. Ленин заявлял, что советская сторона предлагает мир на основе признания границей линии, на которой стоят польские войска, «а они стоят гораздо дальше, чем живет польское население».

Хотя, как правило, польские власти утаивали и не публиковали сообщений о советских мирных предложениях, они постепенно становились известными в стране и способствовали расширению борьбы передовых кругов польского народа за мир. Верховный совет Антанты, в очередной раз возвратившись к польским делам, 8 декабря 1919 г. принял решение об установлении польской администрации на востоке страны лишь до линии, рекомендованной комиссией Камбона. Но и приняв такое разумное решение, западные державы, особенно Франция и США, продолжали толкать Польшу на путь расширения антисоветской агрессии.

Пилсудский не прекратил попыток создания под главенством Польши антисоветской федерации из ряда восточноевропейских государств. С этой целью польское правительство созвало в январе 1920 г. конференцию с участием Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Конференция, проходившая в Хельсинки 15—22 января, не принесла успеха польским планам, но и не положила конец попыткам хотя бы частичного их осуществления.

С тем чтобы облегчить дальнейший захват украинских земель, польское правительство 21 апреля 1920 г. заключило договор с Директорией во главе с С. В. Петлюрой. При этом Польша соглашалась на то, чтобы власть «главного атамана» простиралась до границы 1772 г., т. е. распространялась на земли, которые она добудет у России силой оружия либо дипломатическим путем. Со своей стороны петлюровцы соглашались на присоединение к Польше Восточной Галиции, западной части Волыни, а также части Полесья. По данному договору, подписанному 24 апреля, петлюровская Директория, согласившаяся проводить военные операции под руководством польского командования, брала обязательство обеспечить продовольственное снабжение польской армии. Несколько позднее был подписан договор между Польшей и белорусской буржуазной Найвысшей радой, по которому предусматривалось вхождение Белоруссии на правах автономии в состав Польши, воссоздаваемой в границах 1772 г.

Польское правительство 25 апреля возобновило агрессию против Страны Советов. Используя значительные силы, сосредоточенные на юго-западном направлении, польские войска прорвали линию фронта и устремились к Киеву, которым овладели 7 мая 1920 г.; часть их была повернута на юг для движения в сторону

Одессы. Эти успехи опьяняюще подействовали на немалую часть польского народа, вызвали взрыв не только патриотических, но и националистических настроений.

14 мая 1920 г. войска Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского начали контрнаступление. Его успеху содействовали партизаны и население оккупированных земель. Тем временем на Юго-Западный фронт, которым командовал А. И. Егоров, прибыла 1-я Конная армия. Ведя ожесточенные бои, она прорвала 5 июня в районе Казатина фронт и вышла в тыл 3-й польской армии генерала Э. Рыдз-Смиглого. 10 июня польские войска оставили Киев; началось отступление и на одесском направлении. Не выручил польскую армию и удар, нанесенный из Крыма врангелевцами.

В связи с поражением на фронте 9 июня подало в отставку правительство Скульского. Общественное мнение стало более трезво оценивать авантюристическую политику Пилсудского. Ее остро критиковали и деятели ППС, и людовцы, и эндеки. Обострение внутривластной обстановки вынудило пойти на создание 23 июня внепарламентского, опирающегося на поддержку сейма правительства во главе с эндеком С. Грабским. 30 июня новый премьер выступил с предложением о создании чрезвычайного органа — Совета обороны государства, наделенного всей полнотой законодательной, исполнительной и военной власти. Такой орган в составе начальника государства, маршала сейма, главы правительства, десяти депутатов, трех министров, трех представителей военных властей был образован 1 июля. Вслед за тем Грабский отправился в Спа (Бельгия), где в июле происходило заседание Верховного совета держав Антанты. Там он обратился к руководителям Англии и Франции с просьбой о помощи. Решив расширить военную и дипломатическую поддержку Польше, западные державы по настоянию английского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа предложили ей согласиться на установление восточной границы по линии, определенной комиссией Камбона, а также урегулировать продолжавшийся с 1918 г. конфликт с Чехословакией из-за Тешинской Силезии, признать принадлежность Вильнюса Литве и принять некоторые другие условия, в той или иной мере направленные на достижение мирного урегулирования в Восточной Европе. Тогда же западные державы решили направить в Польшу специальную военно-политическую миссию во главе с французским генералом М. Вейганом. 25 июля эта миссия прибыла в Варшаву. Если находившаяся в Польше с апреля 1919 г. французская миссия занималась преимущественно вопросами организации вооруженных сил и обучения командного состава, то теперь многие генералы и офицеры, входившие в состав миссии, получили назначение в действующую армию.

Считая Пилсудского лично ответственным за политические и военные поражения, лидеры эндеков Р. Дмовский и С. Гломбиньский потребовали его смещения. После того как большинством

голосов Совет обороны государства отклонил их требование, они вышли из его состава. 6 августа в связи с новыми поражениями на фронте Пилсудский направил письмо лидеру партии «Пяст» В. Витосу, который еще 24 июля стал главой правительства национальной обороны с участием представителей всех сколько-нибудь значительных партийных клубов сейма. Пилсудский писал о том, что считает себя ответственным за катастрофическое военное положение, и сообщил о своей отставке; В. Витос не использовал сразу предоставленное ему право самому избрать момент для публикации письма, а потом обстановка изменилась, и его текст остался неизвестен народу.

Еще 11 июля английский министр иностранных дел Дж. Керзон в соответствии с решениями, принятыми в Спа, направил Советскому правительству ноту, в которой предлагалось приостановить военные действия против польских и врангелевских войск. В качестве советско-польской границы называлась линия, принятая западными державами по предложению комиссии Камбона; предлагалось начать советско-польские мирные переговоры при посредничестве Англии. В своем ответе Советское правительство сообщило, что оно готово к мирным переговорам непосредственно с Польшей, без постороннего вмешательства.

В период советско-польской войны в Коминтерне и РКП(б) сильно преувеличивали размах и значение революционной ситуации в Европе. Был популярен лозунг мировой социалистической революции. Многие тогдашние советские руководители рассматривали возможную победу над Польшей как этап переноса мировой революции в Европу, прежде всего в Германию. Но была и гораздо более реалистическая позиция Ленина, который расценивал наступление Красной Армии на польском фронте как вынужденное и скептически относился к лозунгу немедленного установления диктатуры пролетариата на польских землях.

Переноса боевые действия на собственно польскую землю, Советское правительство руководствовалось, во-первых, убеждением в необходимости поддержать революционные настроения трудящихся западных стран, особенно Германии, во-вторых, чисто военными соображениями — необходимостью воспрепятствовать вероятному возобновлению агрессии со стороны Польши, обеспечить себе лучшие позиции в мирных переговорах. Несомненно не упускалось из виду и то, что в Польше усиливалось антивоенное движение, хотя одновременно у населения росли и патриотические настроения, подогреваемые правящими кругами и костелом. Все чаще звучал призыв «Отечество в опасности!». В июне началось формирование добровольческой армии, в которую вступило свыше 100 тыс. человек — в основном старшеклассники, студенты, немало рабочей молодежи. Генерал-инспектором, т. е. командующим этой армией, был назначен Ю. Галлер.

В конце июля Красная Армия заняла город Белосток. Здесь 30 июля 1920 г. начал функционировать Временный революционный комитет Польши (Польревком), в состав которого вошли

Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт, Э. Прухняк, Ф. Кон и другие известные деятели польского революционного движения. В тогда же принятом Манифесте Польревкома говорилось о том, что трудовой народ Польши должен взять «свою судьбу в собственные руки».

Польревкому и революционным комитетам и Советам других населенных пунктов, освобожденных Красной Армией, удалось добиться возобновления работы на некоторых национализированных предприятиях и на отдельных железнодорожных линиях; принимались меры к обеспечению продовольствием городского населения, делались попытки сформировать свои вооруженные силы. Однако, придерживаясь ультралевых взглядов, Польревком вел политику, не пользующуюся особой популярностью среди населения. Большинство членов Польревкома не допустили раздела помещичьей земли среди крестьян, они хотели превратить помещичьи владения в обобщественные хозяйства; была ограничена свобода мелкой торговли, проводились другие меры, которые никак не отвечали задаче сплочения крестьянства и городских средних слоев вокруг зародившейся революционной власти. По другую сторону фронта усилились преследования сторонников мира со Страной Советов, была установлена такая система репрессий, при которой одна лишь принадлежность к КРПП и выражение солидарности с ней стали рассматриваться как государственное преступление. В то же время 15 июля сеймом был принят закон о способах осуществления аграрной реформы, предусматривающий возможность принудительной парцелляции крупных земельных владений по ценам, не превышающим 50 % рыночной, причем основная часть земли должна была поступать безземельным и малоземельным. Тем самым правящие классы и поддерживавшие их людовские и правосоциалистические круги стремились упрочить свой тыл как гибкой политикой в решении волновавших население вопросов, так и безудержной антисоветской и русофобской пропагандой.

К середине августа на фронтах продолжала сохраняться очень сложная обстановка. Красная Армия находилась на ближних подступах к столице Польши. В Варшаве имущие слои, многие учреждения, дипломатические представительства либо готовились к эвакуации, либо уже эвакуировались. Но произошло «чудо на Висле», обусловленное в значительной мере просчетами советского командования. Во-первых, в связи с высоким темпом продвижения наступавших частей Красной Армии они отрывались от баз снабжения, резервных частей, неся в то же время большие потери. Росла усталость бойцов. Во-вторых, план Тухачевского, принятый ЦК РКП(б) и Главным командованием Красной Армии, предусматривал на заключительном этапе кампании нанесение удара двумя фронтами, Западным и Юго-Западным, в одном направлении — на Варшаву, что могло привести к завершению войны и обеспечить благоприятные условия для мирных переговоров. Однако операцию сорвал И. В. Сталин. Под его нажимом

командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров в нужный момент не повернул свои армии на Варшавское направление, а продолжал бесполезное наступление на Львов. В связи с отказом выполнять директивы Политбюро, ЦК РКП(б) и Главкома Сталин был отозван и снят с фронтовой работы. Большая часть сил фронта, в том числе 1-я Конармия, были переданы Западному фронту. Но командование 1-й Конармии, возглавляемое С. М. Буденным и К. Е. Ворошиловым, под различными предлогами не выполнило приказа. Варшавская операция осталась незавершенной.

После контрудара польских войск 14—16 августа части Красной Армии начали откатываться на восток. Однако, добившись перелома в ходе военных действий, польские правящие круги не имели сил даже для того, чтобы попытаться вернуть свои войска на ту линию, с которой началось их наступление в апреле 1920 г.

Начавшиеся 17 августа в Минске мирные переговоры завершились 12 октября 1920 г. в Риге подписанием предварительных условий будущего мирного договора. Эндеки и связанные с ними круги считали урегулирование отношений с Советским государством необходимым для сосредоточения усилий на благоприятном для Польши решении вопроса о западных землях и упорядочении ее внутривнутриполитических проблем. Сторонники Пилсудского считали перемирие лишь вынужденной паузой в осуществлении своей федералистской «освободительной» миссии.

Польша пошла на подписание окончательного текста мирного договора только после разгрома Врангеля и выявившейся бесперспективности расчетов на новый поход Антанты против Советской России. Его условия, подписанные в марте 1921 г. в Риге, были несправедливыми, так как устанавливали границу, оставлявшую в составе Польши Западную Украину и Западную Белоруссию, но были более благоприятными для советской стороны, чем те, которые она соглашалась принять перед началом войны 1920 г. В то же время мирный договор совершенно не соответствовал тем планам, ради осуществления которых Пилсудский и поддерживавшие его круги вели более двух лет вооруженную борьбу, пренебрегая при этом интересами своей страны на западе и на севере.

Успехом для Польши был лишь захват Виленщины. Еще 15 декабря 1918 г. Вильнюсский Совет рабочих депутатов взял власть в городе. На следующий день Временное революционное правительство, образовавшееся 8 декабря, провозгласило независимую Литовскую Социалистическую Советскую республику. 22 декабря независимость Советской Литвы признало правительство РСФСР. В ночь на 2 января 1919 г. польские войска вошли в Вильнюс, но уже через четыре дня части Красной Армии освободили город. Только 21 апреля 1919 г. польские войска смогли там закрепиться. С конца августа 1919 г. в Литве установилась буржуазная власть. 12 июля 1920 г. ее правительство подписало в Москве советско-литовский договор, а 14 июля Крас-

ная Армия изгнала польских захватчиков из Вильнюса, и он был немедленно передан Литве. 22 сентября 1920 г. Польша начала войну против Литвы. По временному соглашению, заключенному между обоими государствами 7 октября в Сувалках, Польша признала Вильнюс и Виленскую область входящими в состав Литвы. Однако уже через день генерал Л. Желиговский, действуя якобы лишь по собственной инициативе, двинул подчиненную ему дивизию на столицу Литвы. 12 октября польские власти объявили о создании так называемой Средней Литвы, присоединившейся в 1922 г. к Польше. Правительство же Литвы после окончания боев в 1920 г. заявило, что оно продолжает считать себя в состоянии войны с Польшей.

**ПЛЕБИЦИТ В ВЕРХНЕЙ СИЛЕЗИИ.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬШИ
В КОНЦЕ 1921 г.**

В августе 1919 г. происходившая в Верхней Силезии забастовка польских рабочих переросла в освободительное восстание. Но, стихийное в своей основе, оно было быстро подавлено германскими властями. В соответствии с подписанным в июне 1919 г. Версальским мирным договором, предусматривавшим в одной из статей проведение плебисцита в Верхней Силезии, в течение января—февраля 1920 г. на ее территорию прибыли воинские части западных армий и Межсоюзническая правительственная и плебисцитная комиссия. Она практически не противодействовала деятельности немецких националистических кругов и обострению межнациональных отношений, которое привело к продолжавшемуся с 18 до 28 августа 1920 г. второму восстанию польского населения Верхней Силезии. В октябре местные организации ППС-левицы, Независимой социал-демократической партии Германии и Коммунистической партии Германии объединились и образовали Коммунистическую партию Верхней Силезии, насчитывавшую до 6 тыс. членов.

В атмосфере острых национальных и социальных конфликтов 20 марта 1921 г. в Верхней Силезии состоялся плебисцит. 707 тыс. проголосовало за сохранение территории в составе Германии, 479 тыс. — за присоединение к Польше, причем в ряде районов подавляющее большинство участников голосования выразили стремление к воссоединению с польскими землями. В связи с тем что решение вопроса затягивалось, в ночь с 2 на 3 мая значительную часть Верхней Силезии охватило новое, третье восстание. Вооруженная борьба продолжалась до конца июня.

Лишь 12 октября 1921 г. Совет Лиги Наций принял решение о разделе Верхней Силезии. Около 30 % территории, на которой проходил плебисцит, было передано Польше. С установлением, в этом регионе в июле 1922 г. польских административных органов в ее составе оказалась экономически развитая территория с большим количеством угольных и железнорудных шахт,

многими металлургическими и машиностроительными предприятиями. Так, на протяжении 1918—1922 гг. происходило складывание территории Польского государства. Значительная часть коренных польских земель на западе оказалась вне рамок государства, зато районы с белорусским, украинским и литовским населением были включены в состав Польши.

В эти же годы определились основные внешнеполитические позиции и связи Польши. Франция во время официального визита Пилсудского в феврале 1921 г. подписала с Польшей договор о союзе и военную конвенцию. Вслед затем 3 марта 1921 г. был заключен договор о союзе между Польшей и Румынией. Из союзниц по Малой Антанте установились у Польши более или менее тесные отношения с Югославией. Отношения с Чехословакией оставались и в дальнейшем напряженными из-за притязаний Польши на всю Тешинскую Силезию. Польские правящие круги оказывали поддержку обосновавшимся в стране контрреволюционным антисоветским организациям. Большие усилия прилагались к созданию под руководством Польши блока Прибалтийских государств, призванного играть роль «санитарного кордона» на советской границе.

**ПОЛЬША В ПЕРИОД
ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ
(1921—1926 гг.)****ТЕРРИТОРИЯ, НАСЕЛЕНИЕ
И ЭКОНОМИКА СТРАНЫ**

Территория возрожденной Польши составляла 388 тыс. кв. км., ее население, по данным переписи 1921 г., — около 27 млн человек. Поляков было в соответствии с этими данными 69 %. Ряд исследователей находят эту цифру завышенной, считая, что доля национальных меньшинств достигала примерно 40 %. Польша являлась аграрной страной. В сельском хозяйстве было занято около 65 % населения, в промышленности — только 9 %; 7 % занималось ремесленным производством, 6 % работало в торговле и на транспорте.

Из переписи 1921 г., не охватившей территорию Верхней Силезии и Виленщины, явствует, что в стране насчитывалось 3262 тыс. самостоятельных сельских хозяйств общей площадью 30 340 тыс. га, причем 34 % всех хозяйств имело менее 2 га, а 30 % — от 2 до 5 га. На другом полюсе были 18 тыс. поместий, которым принадлежало 45 % всей земли, находившейся в частной собственности. Кроме того, в польской деревне насчитывалось 1,3 млн безземельных сельскохозяйственных рабочих. Крупным земельным собственником оставалась католическая церковь. Лишь на церковные земельные владения, имевшие более 50 га каждое, приходилось 229 тыс. га.

По продуктивности сельского хозяйства, несмотря на достаточно благоприятные климатические и почвенные условия, Польша находилась на одном из последних мест в Европе.

Являясь государством со средним уровнем развития капитализма, Польша располагала в то же время высокоразвитой топливно-сырьевой базой и тяжелой промышленностью, сосредоточенной в Домбровском бассейне и Верхней Силезии, столь же развитой текстильной промышленностью Лодзинского района и Белостока, многочисленными сахароваренными, винокуренными и другими предприятиями. Но общий объем промышленной продукции за все время существования Второй Речи Посполитой не поднялся до уровня промышленного производства, который был в 1913 г. на соответствующей территории. Основные причины этого состояли в узости внутреннего рынка, сложности становления единого народнохозяйственного организма, слабой конкурентоспособности польских товаров на мировом рынке. Негативную роль играло и отсутствие торговых связей со Страной Советов.

Командные высоты в промышленности занимали крупные предприятия, принадлежавшие небольшому числу картелей и синдикатов, тесно связанных с банками и земельными магнатами, с ино-

странным, преимущественно американским и французским, капиталом.

Разорительные последствия господства промышленных и земельных магнатов всей своей тяжестью ложились на рабочих и трудовое крестьянство. Рабочий класс, численность которого в 1921 г. составляла около 700 тыс. человек, а во время высокой конъюнктуры (1928 г.) приближалась к 1 млн, страдал не только от прямой эксплуатации, но и от безработицы, которая не опускалась ниже 20 %, в отдельные же годы достигала примерно половины общей численности рабочих. На мелких предприятиях, насчитывавших до 15 человек, было занято в три раза больше рабочих, нежели на крупных и средних. По жизненному уровню польские рабочие находились на одном из последних мест в Европе. Большинство социальных завоеваний конца 1918 г. соблюдалось не полностью либо постепенно ликвидировалось. Немало сельскохозяйственных и промышленных рабочих в поисках средств к существованию уезжали за границу: только в 1921 г. из страны эмигрировали 100 тыс. человек. Социально-политическую консолидацию польского пролетариата в определенной мере сдерживали как различия в опыте, глубине и масштабах классовой борьбы, свойственные трем его частям, так и поддерживавшаяся господствующими классами политика взаимного противопоставления различных национальных и религиозных групп трудящихся.

Большинство рабочих имели низкий профессиональный и культурный уровень. По официальным данным, среди населения в возрасте от 20 до 60 лет было 35 % неграмотных. На территориях, вошедших в Польское государство, существовали значительные различия в социальных структурах и политико-правовой системе. Процесс интеграции польского общества осложнялся наличием инонациональных территорий, а также исторически сложившейся региональной спецификой. Социально-политические и культурные факторы обуславливали множественность партий, организаций и идейных течений.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВЫБОРОВ В СЕЙМ 5 НОЯБРЯ 1922 г.

Окончание польско-советской войны и принятие основного закона страны привели к падению накала патриотических, а отчасти националистических страстей. Принятие конституции возбудило у многих польских граждан радужные надежды на будущее. Однако народные массы постепенно убеждались, что соблюдение наиболее важных для них статей недостаточно гарантируется конституцией. Используя безудержную инфляцию, непрерывное падение курса польской марки, господствовавшие классы стремились переложить тяготы восстановления разрушенной экономики на трудящихся. Процессу нормализации экономического положения препятствовало и то, что, несмотря на постоянный дефицит

государственного бюджета, только на прямые военные цели ушло 42 % государственных расходов.

Экономическая нестабильность и нерешенность многих социальных вопросов вели к усилению стачечной борьбы. Если в 1921 г. в стране, по официальным данным, произошло 720 стачек, в которых участвовали 473 тыс. рабочих, то в 1922 г. было зарегистрировано 900 стачек, в которых приняли участие 607 тыс. человек. Волновалась и деревня, добиваясь осуществления обещанной земельной реформы. На территории Западной Украины и Западной Белоруссии учащались нападения крестьян на помещичьи имения, столкновения с полицией.

В связи с приближением парламентских выборов, предусмотренных конституцией, усилились конфликты между конкурировавшими между собой партиями. Конгломерат партий, входивших в коалиционное правительство Витоса, распался. В сентябре 1921 г. оно вышло в отставку. Его сменило непарламентское правительство А. Пониковского, назначенное Пилсудским без консультаций с сеймом. В июне 1922 г. во время кризиса кабинета Пониковского Ю. Пилсудский продолжал нарушать установленный порядок и без консультаций с сеймом пытался навязать правительство во главе с А. Сливинским, но сейм вскоре выразил ему недоверие. Правые фракции (клубы), существовавшие в сейме, добивались назначения премьером В. Корфаптого, опиравшегося на поддержку незначительного большинства депутатов, но Пилсудский не согласился на это. Конфликт между большинством депутатов и начальником государства принял столь острые формы, что эндеки 25 июля внесли предложение о выражении недоверия Пилсудскому, поддержанное 186 депутатами против 206.

Правительственный кризис завершился формированием 31 июля правительства во главе с ректором Ягеллонского университета, деятелем консервативного направления Ю. Новаком, оставившим за собой также Министерство по делам религии и народного образования; министром иностранных дел стал Г. Нарутович. Главной задачей правительства Ю. Новака являлось проведение парламентских выборов. В ранее действовавший избирательный закон был внесен ряд изменений ограничительного характера.

Выборы в сейм происходили 5 ноября 1922 г., в сенат — 12 ноября. Блок правых партий добивался колонизации страны, которая была бы построена на экономической и политической дискриминации национальных меньшинств. Выступая с требованием колонизации промышленности и торговли, вытеснения из них конкурентов непольского происхождения, крайне правые партии эндеков и христианских демократов, а также христианско-национальная группа образовали избирательный блок — Христианский союз национального единства (в просторечии он был иронически назван «Хьена» — гиена). «Хьена» рассчитывала полностью оттеснить бельведерскую группировку от власти. Блок опирался на поддержку помещичьего Союза землевладельцев и на объединение крупнейших финансовых и промышленных кругов — Нацио-

нальный союз польской промышленности, горного дела, торговли и финансов. «Хьена» проводила избирательную кампанию под клерикальными, шовинистическими, антисемитскими лозунгами, не скрывая также своих симпатий к итальянскому фашизму. С другой стороны, в целях борьбы против эндецкого национализма многие белорусские, немецкие, еврейские, а также часть украинских политических организаций вошли в Блок национальных меньшинств. Общей платформой его участников являлось требование национального равноправия; белорусские и украинские участники блока стремились также добиться прекращения польской колонизации «кресов», ликвидации «осадничества» — создания хозяйств польских переселенцев на восточных землях. В выборах участвовало 25 партий, блоков, союзов.

На выборах «Хьена» получила 29 % голосов и провела в сейм 169 депутатов, у ПСЛ-«Пяст» оказалось 70 мандатов, у Блока национальных меньшинств — 56, у ПСЛ-«Вызволене» — 49, ППС имела 41 депутата. За кандидатов Союза пролетариата города и деревни, т. е. за коммунистов, проголосовали всего 127 тыс. избирателей. Ни одна группировка не получила абсолютного большинства. Аналогичными были результаты выборов в сенат.

Голосами правых и центра маршалом сейма был избран деятель ПСЛ-«Пяст» М. Ратай, а маршалом сената — эндек В. Тромпчинский. В порядок дня стали выборы президента. Пилсудский от выдвижения своей кандидатуры отказался, заявив, что полномочия президента слишком ограничены сеймом и правительством. После нескольких туров голосования в списке кандидатов остались деятель эндеции земельный магнат М. Замойский и предложенный ПСЛ-«Вызволене» Г. Нарutowич, который и был избран президентом.

Против Нарutowича эндеки развернули злобную кампанию, заявляя, что он навязан стране национальными меньшинствами. На улицах происходили националистические демонстрации. 11 декабря президент приносил присягу в сейме. Разъяренные толпы националистически настроенных лиц задерживали многих депутатов сейма и сенаторов, направлявшихся на заседание Национального собрания; правые депутаты его бойкотировали. Когда весть о беспорядках вблизи и в самом сейме дошла до фабрик и заводов, тысячи рабочих двинулись к центру, разгоняя буйствовавшие толпы. В знак протеста против бесчинств правых ППС 12 декабря объявила всеобщую забастовку в Варшаве. Стараясь использовать трудное положение в своих интересах, Пилсудский пытался сохранить полномочия начальника государства и только 14 декабря передал власть избранному президенту. Однако 16 декабря при посещении выставки живописи Нарutowич был смертельно ранен выстрелами из револьвера. Убийца — художник и искусствовед Е. Невядомский был приверженцем эндеков.

Огромное возбуждение, вызванное убийством президента, попытались использовать приверженцы Пилсудского, чтобы вернуть его к власти. Приступивший к временному исполнению обязанностей

президента Ратай поручил сформировать новое правительство генералу В. Сикорскому — видному деятелю польских легионов, который занимал крупный военный пост во время похода против Западноукраинской народной республики и командовал армией во время польско-советской войны 1920 г. Идя на известный компромисс, Сикорский сформировал правительство, назначив военным министром Соснковского, а тот назначил Пилсудского начальником генерального штаба. 20 декабря новым президентом республики глосами той же части депутатов, которая обеспечила избрание погибшего президента, был избран деятель ПСЛ-«Пяст», в прошлом один из руководителей ППС С. Войцеховский.

То большинство, на которое опиралось в сейме правительство Сикорского, не было устойчивым. После того как эндеки заключили с ПСЛ-«Пяст» соглашение, предусматривавшее усиление полонизации политической, экономической и культурной жизни в стране, включая и ежегодную парцелляцию среди польского населения 200 тыс. га земли, был воссоздан блок правых и части центра, добившийся в мае 1923 г. падения правительства Сикорского и образования правоцентристского правительства во главе с Витосом. В нем все ключевые позиции заняли деятели эндеции и христианские демократы.

В июне военным министром стал С. Шептицкий, находившийся в остром конфликте с Пилсудским, последний демонстративно оставил посты начальника генерального штаба и председателя постоянного военного совета.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВЫХ ПАРТИЙ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ. ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ

II конференция КРПП, состоявшаяся в феврале 1921 г., пересмотрела ошибочную позицию бойкота сейма. В следующей конференции, проходившей в апреле 1922 г., участвовали представители Коммунистической партии Восточной Галиции (с 1923 г. — Коммунистическая партия Западной Украины, КПЗУ) и Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ); позднее в КРПП вступили Поалейсион-левица и так называемый Коммунистический бунд. В 1923 г. КРПП насчитывала всего 5 тыс. членов, важной вехой в ее развитии стал II съезд, который ввиду жесточайших преследований партии пришлось провести вне Польши: он работал с 19 сентября по 2 октября в Болшеве, под Москвой. Как говорил на съезде А. Варский, первые годы борьбы КРПП свидетельствовали о том, что «все мы были в то время слепы, не понимали азбуки большевистской тактики». Партия пересмотрела свое отрицательное отношение к самому факту образования суверенного Польского государства. На съезде рассматривались задачи сплочения вокруг рабочего класса трудовых слоев населения, в первую очередь крестьянства, подчеркивалось, что путь к крестьянству —

это путь к революции. Развивались представления о необходимости политики широких социальных союзов в целях борьбы за подлинную свободу польского и угнетенных народов, за землю для крестьян, за рабочий контроль в промышленности, за дешевый хлеб, за обеспечение жильем городского населения. Обсуждался вопрос об ориентации не на непосредственный переход к социализму, а на установление революционно-демократической диктатуры широких масс народа. Рабочий класс, «революционный пролетариат Польши, — говорилось в одной из резолюций съезда, — должен выступить на арене исторических событий не только как представитель интересов своего класса, но и как руководитель и защитник интересов всей нации». К сожалению, это не значит, что партией были преодолены многие сектантско-догматические ошибки.

1923 год ознаменовался в Польше нарастанием новой волны рабочего движения. Только в октябре, по официальным данным, бастовали 408 тыс. рабочих. Рабочие Силезии, в том числе железнодорожники, руководимые созданным по инициативе коммунистов единым стачечным комитетом, в который входили социалисты, члены Национальной рабочей партии и др., добились повышения заработной платы на 130 % и обязательства о еженедельном ее дальнейшем повышении, соответствующем росту дороговизны. Начавшаяся 6 октября стачка машинистов краковского железнодорожного узла постепенно охватила все железные дороги страны. Почти одновременно развернулись массовые стачки текстильщиков, горняков, почтовых работников, учителей. 29 октября, рассчитывая овладеть положением и сломить противодействие пролетариата, правительство В. Витоса решило ввести чрезвычайное положение на железных дорогах и военно-полевые суды. Под давлением рабочих масс руководящие органы ППС и профсоюзов были вынуждены согласиться на проведение в стране всеобщей стачки протеста, к объявлению которой призывала КРПП.

5 ноября забастовка началась. В Кракове тысячи рабочих собрались у Рабочего дома (Дома профессиональных союзов). Произошли столкновения с полицией. Когда на следующий день забастовщики опять направились к Рабочему дому, полицейские открыли огонь. Два человека были убиты, но рабочие бросились на полицейских и стали теснить их. За полицейскими стояли две роты пехотинцев. Солдаты, среди которых, как потом выяснилось, было много молодежи из украинских и белорусских крестьян, не оказали помощи полиции и без сопротивления отдали свое оружие. Завладев им, рабочие сумели разоружить еще одну группу полицейских и два эскадрона. Отбив одну атаку улан, захватив броневик, несколько пулеметов, другое оружие, рабочие стали хозяевами положения в значительной части города. Руководящую роль в городе играли деятели ППС, съезжавшиеся на предстоящий партийный съезд. Они убедили местные власти воздержаться от попыток вооруженной расправы и сами стали отбирать у рабочих захваченное ими оружие.

Крупные вооруженные столкновения между рабочими и войсками произошли 6 ноября в центре нефтедобывающего района Бориславе, а также в Тарнуве. Напуганное правительство отменило распоряжение о милитаризации железных дорог и введении военно-полевых судов. Со своей стороны остававшиеся еще в Варшаве лидеры ППС 6 ноября дали указание о прекращении всеобщей стачки.

В условиях углублявшегося экономического кризиса и обострения политических противоречий в ноябре 1923 г. в партии ПСЛ-«Пяст» произошел новый раскол. В связи с этим и блок «Хьена-Пяст» потерял то небольшое большинство в сейме, которое он имел в сравнении с другими партиями. Правительство Витоса ушло в отставку. Декретом президента от 19 декабря 1923 г. было образовано внепарламентское правительство во главе с В. Грабским, сохранившим за собой также портфель министра финансов. Военным министром стал К. Соснковский, но в феврале 1924 г. он был заменен В. Сикорским, стремившимся различными средствами ослабить позиции офицеров-пилсудчиков, которых он считал в профессиональном отношении дилетантами, а в политическом — авантюристами. Вице-премьером в правительстве Грабского стал С. Тугутт, один из лидеров ПСЛ-«Вызволене»; в связи с тем что «Вызволене» не поддерживало правительство, Тугутт вышел из партии.

Своей центральной задачей правительство Грабского считало оздоровление финансового положения государства и стабилизацию валюты. Практическую деятельность оно начало с повышения военного налога на потребление спиртных напитков в два раза, сахара — в десять, спичек — в 20 раз, некоторого сокращения военных расходов и ряда других мер. В феврале 1924 г. бюджет страны впервые был сведен с положительным сальдо. Но в значительной степени это было достигнуто за счет снижения жизненного уровня городских и сельских тружеников.

В апреле 1924 г. приступил к деятельности Польский банк и была введена новая валюта — злотый. Один злотый обменивался на 1,8 млн польских марок, которые с 1 июля изымались из оборота. Тогда как капитализм в целом вступил в стадию временной общей стабилизации, в Польше она проявлялась в незначительной степени. На положении трудящихся тяжело отразился неурожай, постигший страну в 1924 г. Продолжала расти безработица, практически во всех отраслях рабочий день был удлиннен до десяти часов. Усиление гнета на «кресках» вызвало волнения на Виленщине, значительное партизанское движение в Западной Белоруссии и на Западной Украине. По инициативе группы белорусских депутатов сейма — Б. Тарашкевича, С. Рак-Михайловского, П. Метлы и П. Волошина, порвавших со стоявшим на союзнических позициях Белорусским депутатским клубом, — в феврале 1925 г. была создана Белорусская крестьянско-рабочая громада, которая в короткий срок при поддержке КПЗБ превратилась в массовую — около 100 тыс. членов — организацию; разрозненные группы скла-

дывались в польском социалистическом движении на Западной Украине, в людовском движении. Все эти группы и организации сближались в какой-то мере с Коммунистической партией Польши (так с 1 февраля 1925 г. в соответствии с решениями III съезда, состоявшегося в январе—феврале 1925 г., стала называться КРПП). Действуя через легальный, хотя и подвергавшийся систематическим репрессиям Союз пролетариата города и деревни, КРПП стремилась к образованию блоков с ППС, Бундом, классовыми профсоюзами при выборах в органы местного самоуправления, больничные кассы, стачечные комитеты. В сейме двух депутатов-коммунистов обычно поддерживали более 20 депутатов, избранных по спискам других партий, в том числе бывшие деятели ПСЛ-«Вызволене» С. Воевудзкий, Ф. Головач и др., образовавшие в ноябре 1924 г. новую организацию — Независимую крестьянскую партию, в целом разделявшую в аграрном и некоторых других вопросах позицию, занятую КРПП на ее II съезде. Независимая крестьянская партия добивалась проведения глубоких социально-экономических реформ, замены полиции и армии вооружением трудящихся, отделения церкви от государства и школы, признания права на самоопределение за национальными меньшинствами, политики сотрудничества и союза с СССР. В борьбе против коммунистов, всех радикальных организаций и групп власти часто прибегали к различным репрессиям и провокациям.

В правящих кругах продолжались острые конфликты. Их отразила, в частности, не только замена Соснковского на посту военного министра Сикорским, но и замена в июле 1924 г. придерживавшегося профранцузской ориентации министра иностранных дел графа М. ЗамоЙского англофилом графом А. Сквинымским. Последний совершил длительную поездку в США, тщетно надеясь получить крупный заем, который позволил бы укрепить злотый и добиться оздоровления польской экономики. Не удалось Сквиныскому добиться и того, чтобы подготавливавшееся соглашение западных держав с Германией о гарантиях границ распространялось также и на польско-германскую границу. В свой актив он смог отнести лишь заключение конкордата от 10 февраля 1925 г., который урегулировал на весьма выгодных для Польши условиях отношения с Ватиканом.

Между тем Англия и США проводили политику широкой финансовой и политической поддержки Германии. Используя эту поддержку и стремясь к подрыву польской экономики, рассматривая Польшу как непрочное, «сезонное» государство, Германия отказалась от импорта польского угля и развязала против нее в июле 1925 г. таможенную войну. Союзница Польши — Франция не только не оказала ей поддержку, но и советовала урегулировать отношения с Германией за счет отказа от Поморья и согласия на включение Вольного города Гданьска в состав Германии. Этот совет сопровождался провокационным соображением о том, что выход к морю Польша сможет со временем получить в районах Клайпеды или Одессы.

Ухудшение международного положения, частичный провал плана финансово-экономической стабилизации, резкое падение курса золотого вынудили Грабского 14 ноября заявить об отставке. Правительственный кризис попытались использовать сторонники Пилсудского. Сам Пилсудский, некоторое время изображавший из себя затворника, уединившегося в своем подваршавском доме в Сулеювке, явился в Бельведер и предупредил президента о том, что армия ждет отвечающих ее моральному состоянию действий. 15 ноября в Сулеювке состоялась демонстрация нескольких сот сторонников Пилсудского. Они добивались учреждения поста генерального инспектора вооруженных сил, не подчиненного военному министру и не ответственного перед правительством и сеймом.

Ноябрьский правительственный кризис был разрешен на основе компромисса: главой правительства 20 ноября стал близкий к пилсудчикам Скшиньский, оставивший за собой также министерство иностранных дел; министром внутренних дел стал В. Рачкевич, военным министром был назначен после консультации с Пилсудским генерал Л. Желиговский. Кабинет не мог быть устойчивым, так как опирался на пеструю коалицию, в которой участвовали вместе с эндеками христианские демократы, Национальная рабочая партия, ПСЛ-«Пяст» и ППС.

С образованием нового правительства совпало резкое ухудшение экономического положения. Число официально зарегистрированных безработных возросло с 185 тыс. в конце 1925 г. до 500 тыс. в мае следующего года. По всей стране проходили демонстрации безработных. В Калише, Стрые, Люблине, Варшаве и многих других городах полиция нападала на демонстрантов.

Параллельно с политическим и экономическим кризисом вернулся кризис в армии, выразившийся в том, что под давлением сторонников Пилсудского ушла в отставку целая группа весьма компетентных генералов, в том числе Ю. Галлер, Т. Розвадовский, С. Шептицкий. Пытаясь вызвать падение правительства, в феврале 1926 г. вышел из его состава давний союзник Пилсудского, один из лидеров ППС — Морачевский. В самом правительстве шла острая борьба вокруг путей преодоления кризиса. 20 апреля его покинули члены ППС. 5 мая правительство Скшиньского в полном составе подало в отставку. Сеймовая фракция ППС официально просила Пилсудского стать во главе правительства. Но, не желая в какой-либо мере зависеть от сейма и считая, что создаются условия, благоприятствующие реализации его диктаторских планов, Пилсудский отклонил предложение ППС.

МАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1926 г.

Когда 10 мая Витос образовал правительство, по составу весьма сходное с возглавлявшимся им в 1923 г. правительством «Хьена-Пяста», глубокое беспокойство охватило самые широкие слои населения, обоснованно ожидавшего нового ухудшения своего

положения. Сеймовые клубы ППС, ПСЛ-«Вызволене», Крестьянской партии, парламентская оппозиционная «группа труда» выступили с совместным заявлением о реакционном, антиреспубликанском характере нового правительства.

11 мая власти конфисковали газету «Курьер поранны», опубликовавшую интервью Пилсудского, в котором он говорил о господстве в стране партий, преследующих лишь групповые цели; в интервью давалась весьма оскорбительная характеристика нового правительства и лично Витоса, содержался призыв к государственному перевороту. Вечером 11 мая в общественных местах состоялся ряд антиправительственных выступлений офицеров, симпатизирующих Пилсудскому, к Варшаве стягивались отдельные воинские части, в которых было немало его сторонников. Большую активность развили, в частности, начальник отдела военного министерства генерал Д. Конашевский, начальник генерального штаба генерал С. Бухард-Букацкий и его сослуживцы полковники Ю. Бек и В. Стахевич, командир дивизии генерал Г. Орлич-Дрешер, полковник В. Славек. Руководство ППС опубликовало 12 мая воззвание, призывавшее отстранить от власти правительство «Хьена-Пяста» как ставленника «наичернейшей фашистско-монархическо-спекулянтской реакции». Вообще ППС старалась сделать все возможное для того, чтобы Пилсудский в представлении широких народных кругов выглядел защитником демократии, выдвигающим требования всеобщего оздоровления — «санации».

Положение КПП было исключительно трудным. Сохраняя вполне обоснованное недоверие к самому Пилсудскому и его окружению, партия не могла не считаться с тем, что широкие массы трудящихся, в том числе и на восточных «кресах», враждебны правительству. Поэтому ее руководство решительно выступило против «Хьена-Пяста» и поддержало разворачивавшуюся против него борьбу.

К вечеру 12 мая начались вооруженные столкновения между войсками, поддерживавшими правительство, и воинскими частями, поднявшимися на борьбу против него. После первых успехов сторонников Пилсудского в ходе уличных боев, происходивших 13 мая, правительственные войска, которыми командовали Т. Розвадовский и В. Андерс, потеснили противника. Однако стачка железнодорожников, воспрепятствовавшая переброске правительственных войск к Варшаве, а затем и всеобщая стачка, сопровождавшаяся сооружением баррикад, формированием добровольческих отрядов, привели к решительному изменению обстановки. Продолжение боевых действий грозило превратить борьбу против авантюристического по своему замыслу «похода на Варшаву», в ходе которого в уличных боях были убиты 379 человек и зарегистрировано 920 раненых, в настоящую гражданскую войну. Этого боялись лидеры обеих сторон. 14 мая 1926 г. правительство приняло решение об отставке, а президент С. Войцеховский передал свои функции маршалу сейма М. Ратаю. Со своей стороны ППС тотчас же призвала к прекращению стачки.

Ю. Тувим

С. Жеромский

И. Дашиньский
и В. Витос

Ратай по рекомендации Пилсудского назначил главой правительства профессора Львовского политехнического института К. Бартеля, лидера малочисленной, располагавшей всего пятью мандатами в сейме «группы труда», которая была образована в апреле 1925 г. деятелями, вышедшими из состава ПСЛ-«Вызвoленe».

Формируя правительство, Бартель вопреки традициям не консультировался с депутатскими клубами. Не сомневаясь в поддержке партий, активно участвовавших в майском выступлении, он пригласил войти в состав правительства деятелей более правых, чем те, которые оказали поддержку государственному перевороту. Тем самым обеспечивалось выжидательное или благожелательное отношение к перевороту «Левиафана» — объединения крупнейших капиталистов и Союза землевладельцев. Себе Пилсудский оставил портфель военного министра.

**ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ
ПОСЛЕ МАЙСКОГО ПЕРЕВОРОТА**

31 мая 1926 г. состоялось объединенное заседание сейма и сената для выборов нового президента. За два дня до этого Пилсудский принял представителей ряда партий и весьма недвусмысленно предупредил их, что если выборы пройдут не так, как он ожидает, то ему придется «править с помощью кнута». Выдвинутый кандидатом в президенты от ППС, Пилсудский в первом же туре был избран подавляющим большинством голосов. Узаконив таким образом произошедший переворот, он, чтобы сохранить неограниченную конституционными нормами свободу для своих дальнейших действий, отказался занять пост главы государства, порекомендовав на него своего давнишнего друга и единомышленника профессора Львовского политехнического института И. Мосьцицкого, который и был избран президентом 1 июня.

Исход переворота, первые действия нового режима давали достаточно оснований уже тогда считать, что суть событий состояла не в таком оздоровлении страны, которого добивались прогрессивные силы, а в поисках новых способов упрочения буржуазно-помещичьего строя. Это признавали и сторонники «санации». Острота социальных и национальных противоречий побуждала установившийся в Польше режим приспосабливать к своим интересам уже существовавшие институты государственно-политической системы, лишь постепенно их модифицируя. Так, 2 августа 1926 г., после длившегося почти месяц обсуждения в сейме и сенате, вступила в силу поправка к конституции, которая существенно ограничивала права законодательных органов, освобождая правительство в ряде вопросов от контроля сейма и сената, резко расширявшая права и полномочия президента. В тех отдельных случаях, когда сейм и сенат принимали решения, не отвечавшие интересам правящей верхушки, исполнительная власть почти всегда находила способ действовать, игнорируя основные нормы парламентской демократии.

«Санационному» правительству пришлось считаться с тем, что майские события дали толчок новым выступлениям рабочих, крестьян, угнетенных национальностей, страдавших от существовавшего строя и разочарованных тем, что переворот не пошел дальше некоторых верхушечных изменений. Вопреки ожиданиям широких кругов населения не были амнистированы политические заключенные, не последовало каких-либо изменений в политике на «кресах». Без всяких последствий остался внесенный в августе

в сейм срочный запрос депутатов-коммунистов, членов Белорусской громады, Независимой крестьянской партии и других левых депутатов об амнистии, о преследовании независимых органов печати и т. п.

Пренебрежение «санации» к тем кругам, которые в какой-то мере способствовали захвату ею власти, отчасти объясняется начавшимся оживлением экономики. Упрочению позиций нового режима способствовало то, что в связи с продолжительной забастовкой своих углекопов Англии пришлось с начала лета впервые прибегнуть к закупкам польского угля. Министром промышленности и торговли в 1926 г. стал инженер-химик Э. Квятковский, показавший себя крупным хозяйственным руководителем, многое сделавшим, в частности, для строительства железнодорожной магистрали, связавшей Верхнесилезский угольный бассейн с Гдыней. Если в первой половине 1926 г. Польша экспортировала только 3,5 млн т угля, то во второй половине того же года уже 10 млн т. Резко возросли транспортные перевозки, новые заказы получили машиностроительная и другие отрасли промышленности, уменьшилась безработица, несколько укрепился курс золотого. К тому же 1926 год оказался весьма урожайным. Оживлению экономики способствовали внедрение в польскую — преимущественно добывающую — промышленность английских, американских, а также немецких капиталов, бурный рост в стране картелей, появление ряда новых отраслей промышленности, получение в октябре 1927 г. займа в 62 млн долларов и 2 млн фунтов стерлингов в целях стабилизации золотого.

Эти изменения в экономике на какое-то время стабилизировали внутривнутриполитическую обстановку. Они способствовали тому, что сохранялись некоторые надежды на подлинное оздоровление, существовавшие в пору майского переворота. Эти надежды и иллюзии в целом разделяли члены ППС и многие участники крестьянских и мелкобуржуазных партий.

Резко против режима «санации» выступала только подвергавшаяся тяжелым репрессиям КПП. В резолюции, принятой ЦК партии в июне 1926 г., указывалось, что капиталисты хотят «освободиться от парламентской демократии. . .», что «только рабоче-крестьянская революция может спасти Польшу от угрозы утраты независимости», что признание за угнетенными в Польше народами права на самоопределение «является условием подлинной независимости польского народа». Много времени и сил поглощала у КПП внутренняя борьба, обострившаяся в результате различной оценки позиции большинства руководства партии во время майских событий. Против большинства руководящих деятелей, считавших власть Пилсудского меньшим злом, чем господство блока «Хьена-Пяст», выступили Ю. Ленский, Я. Пашин, А. Лямпе, Е. Рынг. Спор по конкретному вопросу перерос в дискуссии об общих тактических и стратегических задачах. При этом «большинство» утверждало, что у партии не было иной возможности, кроме активного участия в майских событиях, и полагало, что перед

рабочим классом стоит задача борьбы за демократическую революцию и ее перерастание в дальнейшем в революцию социалистическую. «Меньшинство» же считало, что Польша находится непосредственно перед совершением социалистической революции. Разногласия перешли в острую фракционную борьбу, в течение 1926—1929 гг. раздиравшую партию.

НЕСВИЖСКАЯ ВСТРЕЧА И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Распустив сейм и сенат на кааникулы и используя конституционную поправку, вступившую в силу 2 августа 1926 г., правительство 5 августа повысило оклады офицерам. На следующий день президентским декретом был учрежден пост генерального инспектора вооруженных сил. Лицо, занимающее этот пост, не несло ответственности за свои действия ни перед правительством, ни перед сеймом. 27 августа 1926 г. Пилсудский занял и пожизненно сохранил этот фактически диктаторский пост, как и портфель военного министра. 2 октября 1926 г. он возглавил новое правительство, в состав которого были включены некоторые близкие ему деятели из различных партий, а также два видных представителя консервативных кругов. В правительство вошел также ряд бывших офицеров генерального штаба. Военные, принадлежавшие к ближайшему окружению Пилсудского, получили название «группы полковников». С образованием этого правительства связано появление «советников» — пользовавшихся особым доверием Пилсудского офицеров, которые назначались либо вице-министрами, либо начальниками департаментов; в воеводствах и в более мелких административных единицах «окекупами», «советниками» руководителей административно-территориальных органов назначались начальники отделов безопасности.

Пилсудский сразу же решил продемонстрировать свое неуважение к сейму. Вместо того чтобы немедленно представить кабинет парламенту, он 25 октября 1926 г. отправился вместе с членами правительства в замок Несвиж, принадлежавший одному из крупнейших магнатских родов Польши и расположенный в непосредственной близости от границы с СССР. Туда съехались около 400 представителей высшей польской аристократии, полностью поддерживавших внутреннюю и внешнюю политику Пилсудского, включая стремление к тому, чтобы Польша завладела территорией «от моря до моря». Поводом для торжественного собрания явилось возложение орденового знака на гробницу одного из Радзивиллов, погибшего во время советско-польской войны 1920 г. Это обстоятельство придавало всей процедуре явный оттенок антисоветской демонстрации. Несвижская встреча стала наглядным подтверждением того, что правительство «санации» не собирается считаться с позицией ППС и других демократических партий, поддержавших майский переворот, что, свергнув правительство «Хьена-Пяста», оно намерено проводить курс отвечающий интересам тех самых

социальных сил, на которые опирался прежний политический блок, не собирается смягчать политику национального гнета на «кресах», ограничивать помещичий и чиновничий произвол. Не случайно там вскоре начались массовые судебные процессы над лицами, обвинявшимися в «государственной измене». В январе 1927 г. власти приступили к разгрому Белорусской крестьянско-рабочей громады; среди арестованных были и депутаты сейма, что явилось грубейшим нарушением конституции, гарантировавшей личную неприкосновенность депутатов. Таким же образом «санация» расправилась с деятелями Независимой крестьянской партии, выразившей интересы польской деревенской бедноты, а в 1932 г. запретила деятельность возникшего в октябре 1926 г. Украинского крестьянско-рабочего объединения («Сельроб»), подавила революционные круги ППС, создавшие партию ППС-левица. В короткий срок в тюрьмах оказалось свыше 6 тыс. политических заключенных.

Явно необходимая нормализация отношений между Польшей и Советским Союзом в форме заключения торгового договора, соглашения о транзите товаров и особенно договора о ненападении затягивалась. Польша налаживала сотрудничество с Англией и Германией. Последней польские правящие круги в ходе секретных переговоров обещали некоторые территориальные уступки в обмен на согласие на захват Польшей Литвы, а в дальнейшем — и ряда советских территорий. В свою очередь, СССР в сентябре 1926 г. заключил с Литвой договор о дружбе и нейтралитете.

Внутри страны польские власти поддерживали антисоветски настроенную часть таких организаций, как белорусский Селянский союз и Украинское национально-демократическое объединение, а также различные осевшие в Польше российские контрреволюционные группы. Из среды последних вышел преступник, который 7 июня 1927 г. выстрелом из револьвера в спину смертельно ранил находившегося на вокзале советского посла П. Л. Войкова. Это стало возможным в обстановке антисоветской кампании, развернувшейся в Польше с новой силой после того, как в мае 1927 г. английское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР. Широкие круги польского народа поддержали протест Советского правительства против этого злодеяния. В течение двух дней, когда был открыт доступ к находившемуся в советском дипломатическом представительстве телу П. Л. Войкова, мимо его гроба прошли около 56 тыс. человек; около 20 тыс. вышли на улицу, чтобы проводить его останки к поезду, увозившему их в Москву.

Политическое положение в стране, несмотря на некоторое оживление экономики и репрессивные меры правительства, оставалось неустойчивым. В ноябре 1926 г. ППС приняла решение о переходе в оппозицию, добиваясь при этом не ликвидации существующего режима, а лишь реорганизации правительства, устранения из его состава наиболее реакционных министров. Этот сдвиг в расстановке политических сил, обещавший дальнейшее осложнение отношений с сеймом, сторонники «санации» попытались компенсировать введением обязательного преподавания религии

в школах, что отвечало интересам клерикальных элементов. «Санации» оказывали все большую поддержку финансовая олигархия, промышленная буржуазия, помещики, убедившиеся в том, что новые власти более успешно, чем правительство «Хьена-Пяста», проводят отвечающую их интересам политику.

БЕСПАРТИЙНЫЙ БЛОК И ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1928 И 1930 гг.

Острые социальные и национальные противоречия, невозможность опоры на какую-либо из сильных политических партий обуславливали стремление «санационных» правителей к сохранению института представительных органов. Несмотря на свою ограниченность, система самим фактом своего существования, множественностью составлявших ее надстроечных элементов открывала определенные возможности для различных политических маневров фактически существовавшего авторитарного правления. Сравнительно благоприятная экономическая конъюнктура, которую деятели «санации» выдавали за результат предпринятых ими действий, и завершение срока полномочий сейма и сената побудили «санацию» назначить на март 1928 г. очередные выборы.

Перед выборами был создан Беспартийный блок сотрудничества с правительством маршала Юзефа Пилсудского (ББ). Возглавил его близкий диктатору полковник В. Славек. На проведение Блоком избирательной кампании из государственных средств было отпущено по личной записке Пилсудского 8 млн злотых. Весь административный аппарат должен был служить делу избирательной борьбы Блока. Помимо прямых сторонников Пилсудского в него вошла часть пястовцев, часть деятелей, ранее принадлежавших к ППС, некоторые украинские и белорусские буржуазно-националистические группы.

Сам Пилсудский, рассчитывая на полный избирательный успех, согласился стать первым кандидатом в списке ББ. Выборы превращались тем самым в своеобразный плебисцит, который должен был отразить отношение к режиму и его главе. Несмотря на нажим, который оказывался на избирателей, ББ хотя и получил в сейме 125 мест из 444 и стал там самой многочисленной группой, но не имел даже простого большинства. В ряде избирательных округов конкурировавшие с кандидатами ББ деятели оппозиции убедительно доказывали произвол и злоупотребления, допущенные избирательными комиссиями в интересах ББ. По сравнению с результатами выборов 1922 г. серьезную неудачу потерпели эндеки, хадеки, ПСЛ-«Пяст», Блок национальных меньшинств; увеличили свое представительство в сейме левые партии — ППС, ПСЛ-«Вызволене». Кандидаты избирательного блока Рабоче-крестьянского единства, в состав которого входила жестоко преследуемая КПП, собрали 920 тыс. голосов, что вынудило власти признать избрание семи коммунистов, которые на открытии 27 марта 1928 г.

первой сессии нового состава сейма выкрикивали: «Долой фашистское правительство Пилсудского!»

Своим маршалом сейм избрал не предложенного ББ К. Бартеля, а И. Дашиньского. Последний, как и избравшее его большинство, в ту пору не помышлял о противодействии режиму. Более того, Дашиньский выразил уверенность в «гармоничном сотрудничестве правительства и сейма».

Еще 27 июня Пилсудский, для которого исход выборов явился личным поражением, сославшись на ухудшение здоровья, сложил с себя полномочия главы правительства, передав их Бартелю. В опубликованном 1 июля интервью Пилсудский возобновил свои нападки на сейм и на конституцию, ограничивающую свободу действий президента и правительства. Сейм и сенат в известной мере облегчали положение режима, способствуя поддержанию иллюзий, будто они действительно ограничивают произвол «санации». К тому же во второй половине 1928 г. стали проявляться признаки экономического застоя. Ранее других они дали себя знать в одной из ведущих отраслей польской промышленности — текстильной. Отстаивая свои интересы в борьбе против попыток капиталистов сохранить прибыли путем сокращения зарплат рабочих, текстильщики Лодзи провели 17—22 сентября стачку. 4 октября стачка возобновилась, охватив вскоре и другие текстильные центры. 15 октября в знак солидарности с текстильщиками в стачку включились почти все рабочие Лодзи. В ее ходе складывался снизу единый фронт рабочих, принадлежавших к различным профсоюзным объединениям и политическим партиям. Хотя продолжавшаяся до 23 октября стачка текстильщиков не была успешной, она явилась предвестницей новой полосы острых классовых боев.

В апреле 1929 г. на смену кабинету Бартеля пришло правительство во главе с К. Свистальским. В нем «группа полковников» играла еще большую роль. Участились и приняли предельно острый характер конфликты между сеймом и правительством. Большинство депутатов обвиняли власти в махинациях с бюджетом, в частности в связи с финансированием за государственный счет избирательной кампании «санации» в 1928 г. Немалая часть государственных средств, остро необходимых для удовлетворения социальных нужд населения, для поддержания народного образования и т. п., использовалась в интересах промышленных монополий, банков, крупнейших земельных собственников, доходы которых стали снижаться в связи с начавшимся в 1929 г. мировым экономическим кризисом. Особо опустошительные последствия приобрел кризис в сельском хозяйстве. Доходы крестьянских хозяйств непрерывно сокращались.

Правящий в стране ББ не выходил из состояния конфликтов с парламентом, пытаясь навязать ему новую конституцию, направленную на дальнейшее расширение прав исполнительной власти. Против «санации» и ее попыток ликвидации остатков демократически-парламентской системы постепенно в сейме формировался блок, включавший ППС, ПСЛ-«Вызволене», а также ПСЛ-«Пяст»,

христианских демократов и еще несколько парламентских клубов. Этот блок, проявивший себя еще в конце 1929 г., официально называвшийся Союзом защиты права и свободы народа, а обычно именуемый Центролевом, провел в Кракове 29 июня 1930 г. съезд, на котором была принята резолюция, резко осуждавшая диктатуру Пилсудского. КПП, ошибочно усматривая в деятельности Центролева только стремление к поддержанию иными средствами господства эксплуататорских классов, заняла сектантскую позицию, изолировавшую партию от широких антисанационных сил, объединенных в этом блоке.

Внутри «санационного» лагеря происходила довольно острая борьба. «Полковничьей группе» в ряде вопросов противодействовала клика «славных генералов» с Э. Рыдз-Смиглым во главе. Сложность положения в известной мере обуславливала неустойчивость правительства: кабинет Свитальского пробыв у власти лишь с апреля до начала декабря 1929 г.; на смену ему пришло правительство, которое опять возглавил Бартель; затем, с марта по июль 1930 г., главой правительства был Славек; после длившегося более месяца правительственного кризиса 25 августа 1930 г. пост премьер-министра снова занял Пилсудский, а для систематической работы в правительственном аппарате пост вице-преьера был поручен адъютанту маршала полковнику Ю. Веку.

27 августа 1930 г. в «Газете польской», отражавшей взгляды «группы полковников», появилось интервью Пилсудского с грубейшими выпадами против конституции и сейма. Еще через день — 29 августа — декретом президента были распущены сейм и сенат и назначены на ноябрь новые выборы. Избирательную кампанию «санация» начала своеобразно: чтобы не допустить такого провала, который в 1928 г. потерпел ББ, в ночь с 9 на 10 сентября были по списку, составленному Пилсудским, арестованы, а затем заточены в военную тюрьму в Брестской крепости виднейшие деятели Центролева — лидеры ППС и ПСЛ-«Вызволене», деятели ПСЛ-«Пяста», хадеков, а также многие другие лица. Вскоре были произведены новые аресты. Всего были арестованы 84 бывших депутата и сенатора. В официальном сообщении об арестах указывалось, что арестованные совершили уголовные и политические преступления. В дальнейшем в ходе избирательной кампании были арестованы еще около 5 тыс. человек. В ответ на террористические акты, осуществленные ОУН в 1930 г., на «кресах» «санационными» властями проводились «пацификации» — карательные экспедиции с массовыми арестами, разгромом неугодных правительству организаций, даже с атаками самолетов на отдельные населенные пункты.

В результате проходивших в условиях террора и фальсификации выборов, состоявшихся 16 ноября 1930 г., ББ получил 46 % голосов и 249 из 444 мест в сейме. Некоторого успеха добились эндеки — 12,7 % голосов избирателей и 63 мандата. Примерно половину голосов избирателей потерял Центролев, неудачу потерпели партии национальных меньшинств. Списки Рабоче-крестьян-

Р. Дмовский

Ю. Пилсудский

ского единства собрали, по официальным данным, лишь 2,3 % голосов избирателей, что все же обеспечило избрание в сейм четырех коммунистов. Никаких принципиальных отличий не имели результаты выборов в сенат. 4 декабря 1930 г. пост премьер-министра занял Славек. В составе правительства преобладала «группа полковников».

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ

В 1931—1935 гг.

Признаком постепенной переориентации внешней политики Польши на улучшение взаимоотношений с Германией явилась осуществленная в 1932 г. ликвидация французской военной миссии в Польше. В июле того же года Польша и СССР подписали договор о ненападении (трехлетний срок его действия в мае 1934 г. был продлен до 31 декабря 1945 г.). Министром иностранных дел стал Бек, который был близок Пилсудскому и ориентировался на сближение с Германией. Правящие круги Польши рассчитывали с помощью дипломатических акций добиться сотрудничества с производившей ремилитаризацию нацистской Германией, которая в октябре 1933 г. вышла из Лиги Наций и покинула конференцию по разоружению. В начале ноября 1933 г. Пилсудский и Бек поручили польскому послу в Германии Ю. Липскому заявить фюреру, что с того времени, когда Гитлер стал главой германского правительства, наступило улучшение польско-германских отношений. Со своей стороны Гитлер, принимая несколькими днями позднее Липского, просил выразить Пилсудскому благодарность за занимаемую им позицию в отношении Германии и выразил сожаление по поводу того, что Версальский мир породил трудности в польско-германских отношениях, предоставив Польше выход к морю по «коридору», а не восточнее германских земель. При этом Гитлер подчеркнул, что у Германии и Польши есть общий враг — коммунизм.

26 января 1934 г. Польша подписала в Берлине польско-германское соглашение «о мирном разрешении споров» сроком на десять лет. В конце января 1934 г. прибывший в Польшу Г. Геринг был принят Пилсудским. В беседах с польскими военными деятелями Геринг подчеркивал особую заинтересованность Польши в Украине, а Германии — в территории Прибалтийских государств. В середине февраля 1934 г. Бек посетил Москву. В ходе переговоров М. М. Литвинов обратил его внимание на то, что пакт о ненападении с СССР заключен в соответствии с позицией польской стороны всего на три года, а с Германией — на десять лет. Позитивным результатом переговоров явилось соглашение о взаимном преобразовании дипломатических миссий в посольства.

Не получили поддержку Варшавы предложения французского министра иностранных дел Л. Барту о заключении многостороннего пакта о неагрессии и взаимопомощи, сделанные им во время визита в Польшу в апреле—мае 1934 г. Больше того, Пилсудский пытался «предостеречь» Барту от политики сближения, сотрудничества Франции с СССР. По отношению к французско-советскому проекту так называемого Восточного пакта Польша заняла отрицательную позицию.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х ГОДОВ И КОНСТИТУЦИЯ 1935 г.

Избирательная кампания 1930 г. совпала с периодом резкого обострения социально-экономических трудностей в стране. Источником существования 61 % населения продолжало оставаться сельское хозяйство. Происходившее с 1928 г. падение цен на сельскохозяйственную продукцию при сравнительно высоком уровне цен на промышленные изделия порождало «ножницы» цен, особенно ущемлявшие сельскую бедноту. В 1930 г. произведенная польской промышленностью продукция в целом сократилась на 18 % по сравнению с 1929 г., в 1935 г. — на 34 %. Количество официально зарегистрированных безработных возросло с 162 тыс. человек в декабре 1928 г. до 343 тыс. в декабре 1933 г., фактическое же их количество составляло более 740 тыс. человек. Национальный доход снизился с 26 млрд злотых в 1929 г. до 12,5 млрд в 1935 г.

Произошедшие в мае 1931 г. массовые выступления против социальной политики правительства показали укрепление единства действий рабочих и трудящегося крестьянства. В ряде местностей происходили столкновения рабочих с полицией. Принявшая особенно широкие масштабы стачка горняков вынудила шахтовладельцев отказаться от намеченного снижения заработной платы. Стремление к активной защите своих интересов и к активному противодействию курсу «санации» отразило объединение в 1931 г. ПСЛ-«Пяста», ПСЛ-«Вызволене» и Стронництва хлопского в единое Стронництво людове (СЛ). У руководства партии находи-

лись М. Ратай, С. Миколайчик и выехавший за границу после освобождения из Брестской крепости В. Витос.

Шаткость положения правящего режима отразили, с одной стороны, проект новой конституции, внесенный в сейм в мае 1931 г., а с другой, — разногласия в связи с непомерным раздуванием военных расходов, достигших 70 % всей расходной части бюджета. Происходили постоянные перемены в составе правительства. Пост премьер-министра вместо Славека в мае 1931 г. занял полковник А. Пристор. Министром финансов «семейного правительства» стал брат диктатора Я. Пилсудский. Правительство Пристора продержалось почти два года — с 27 мая 1931 г. до 9 мая 1933 г. — время, полное забастовочных выступлений, демонстраций безработных и бездомных, различных форм протеста деревенской бедноты против налогового гнета, разорения крестьянских хозяйств. В 1932 г. крестьянство прибегло к новой форме протеста: широкое распространение получил бойкот рынков — своеобразная крестьянская забастовка. На стекольном заводе «Гортензия» во время стачки с 29 февраля по 17 марта рабочие заняли и удерживали предприятие. Пример их был подхвачен трудящимися других предприятий. «Польские стачки», т. е. стачки с захватом предприятия, пополнили формы борьбы международного рабочего класса. Некоторое осложнение рабочему движению принесло создание в мае 1931 г. нового профсоюзного объединения — Союза профессиональных союзов (Звёнзек звёнзкув заводовых, ЗЗЗ) под руководством Е. Морачевского. Союз стремился отделить от остальных рабочих более высокооплачиваемые круги — рабочую аристократию.

В рассматриваемый период несколько усилилось идейное влияние КПП в рабочем классе; партия росла численно и укреплялась организационно: если в 1929 г. в КПП, не считая КПЗБ и КПЗУ, состояли 3415 членов, то в 1933 г. партия насчитывала 8394 члена, примерно по 4 тыс. человек состояло в КПЗБ и КПЗУ и около 16 тыс. — в Коммунистическом союзе польской молодежи (КСМП). В 1932 г. на VI съезде КПП была одобрена левацкая программа партии, в которой указывалось, что рабочие и крестьянские массы Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии должны вести борьбу за свое социальное освобождение, за рабоче-крестьянское правительство, за диктатуру пролетариата. Съезд не уделил необходимого внимания глубокой оценке положения в партии, борьбе с сектантством и догматизмом.

В мае 1933 г. Мосьцицкий в третий раз был переизбран президентом. Новым премьером стал Я. Енджеевич, которого в мае 1934 г. сменил Л. Козловский. Не считаясь с действующими нормами права, С. Цар, один из ближайших сотрудников Пилсудского, вместе со Славеком представили сейму проект новой конституции. В нарушение традиций, принятых при подготовке актов такого значения, ББ практически без обсуждения поддержал проект и направил его в сенат. Там, также с нарушениями закона, проект был одобрен, а 23 апреля 1935 г. подписанная президентом конституция обрела силу нового основного закона страны.

Президент теперь избирался на семь лет всеобщим голосованием. Допускалась возможность выдвижения на президентский пост лишь двух кандидатов. Одного из них могло назвать специально с этой целью сформированное собрание электоров в составе 50 лиц, избранных сеймом из своего состава, 25 — от сената, а также маршалов сейма и сената, премьер-министра, генерального инспектора вооруженных сил и председателя Верховного суда. Другого кандидата выдвигал завершающий срок своих полномочий президент. Согласно новой конституции, президент наделялся широкими полномочиями: он назначал премьера, а по предложению последнего — министров, созывал и распускал сейм и сенат, был верховным командующим вооруженных сил, решал вопросы войны и мира, располагал прерогативой издания различных актов без предварительного согласования с премьером или отдельными министрами, назначал треть состава сената. Располагая этими и многими другими правами, президент считался ответственным за свои действия «лишь перед Богом и историей». Конституция, резко ограничив избирательное право, стала еще одним шагом от демократическо-парламентской системы к авторитарному устройству государства.

Перед введением новой конституции премьером в третий раз стал Славек. Пилсудский умер вскоре после ее принятия, в мае 1935 г. Военным министром был назначен Т. Каспшицкий; ожидалось, что пост главного инспектора вооруженных сил займет Соснковский, но Славек, представлявший «группу полковников», добился, чтобы на этот пост был назначен Рыдз-Смиглы, который в 1936 г. получил звание маршала. В связи с принятием новой конституции наметилось сближение между «санацией» и отдельными группировками эндеции, особенно лагерем «Фаланги», стоящим на крайних антидемократических, националистических и антисемитских позициях.

Вслед за конституцией 8 июля 1935 г. был введен новый избирательный закон. Право выдвижения кандидатов в депутаты предоставлялось только окружным избирательным комиссиям; на каждое депутатское место могло быть выдвинуто не более двух кандидатов. Демонтаж принципов парламентаризма продолжался ускоренными темпами.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ
В СТРАНЕ В 1935—1937 гг.

Массовое антифашистское, демократическое, антивоенное движение в Польше непрерывно росло с момента установления в Германии гитлеровской диктатуры. Польские трудящиеся выражали свои симпатии Г. Димитрову, Э. Тельману и другим узникам нацизма, а также жертвам судебных и внесудебных расправ, чинимых «санацией», требовали ликвидации созданного в марте 1934 г. по гитлеровскому образцу концентрационного лагеря в Березе Картузской. Руководство КПП, не без труда преодолевая противодействие левацких кругов, подходило к пониманию того, что задачи борьбы против фашизма, за мир, за независимость Польши диктуют необходимость сплоченных действий с широким кругом социальных и политических сил.

Летом 1934 г., когда Димитров выступил с критикой «теории» социал-фашизма, его поддержал представитель ЦК КПП при Исполкоме Коминтерна Б. Бортовский. Большое практическое и идейно-теоретическое значение приобрела нелегально выпущенная КПП в Варшаве в сентябре 1934 г. брошюра Леневского «Правда о едином фронте». В ней говорилось, что как накопленный КПП опыт, так и развитие всего международного рабочего движения побуждали руководство партии к творческому пересмотру своих взглядов и развитию стратегических и тактических задач, отвечавших настоятельной необходимости сплочения всех демократических антифашистских сил, борьбе за создание единого рабочего и широкого народного фронтов. Брошюра обращала внимание на то, что в ППС, Бунде, Центральной комиссии профессиональных союзов (ЦКПС), других массовых организациях растет стремление к совместной борьбе против фашизма, против внутренней и внешней политики «санации». Именно единство действий обеспечило в 1934 г. успех стачек лодзинских и ченстоховских текстильщиков, варшавских литейщиков, портных.

В июле—августе 1935 г. между КПП и ППС была достигнута договоренность о том, что обе партии будут воздерживаться от взаимных нападок и совместно бороться за освобождение политических заключенных. На VII конгрессе Коминтерна Леневский отмечал, что в Польше в связи с остротой аграрного вопроса и размахом крестьянского движения народный фронт может сложиться раньше единого рабочего фронта.

О возможности складывания народного фронта в известной мере свидетельствовали результаты состоявшихся 8 сентября 1935 г. выборов в сейм. Даже по официальным данным, 55,5 % избирате-

лей, откликаясь на призыв оппозиции, бойкотировали выборы. Практически «санацию» поддерживали лишь государственные служащие, офицерство, часть буржуазии, работники государственных предприятий. Примерно такими же итогами завершились состоявшиеся 15 сентября выборы в сенат. Новый сейм назвали «сеймом назначенцев». Провал «санации» был столь значителен, а борьба в правящем лагере между «президентской», или «замковой», группой, «генеральской», или «бельведерской», группой, которую возглавлял Рыдз-Смиглы, «полковничьей» и другими группами, столь ожесточенной, что в октябре было объявлено о роспуске ББ. Не сумев создать своей массовой партии, «санация» в целях сохранения режима была вынуждена и дальше мириться с легальным существованием мелкобуржуазной и буржуазной оппозиции. Руководящая роль в правящей клике перешла к «генеральской группе»: 13 октября 1935 г. премьер-министром стал генерал М. Зындрам-Косцялковский, 15 мая 1936 г. он уступил место Ф. Славой-Складковскому. Для упрочения позиций «санации» вместо ББ в феврале 1937 г. был образован Лагерь национального единства (Обуз зъєдночєня народоєого, ОЗН), который возглавил полковник А. Коц, позднее замененный генералом С. Скварчиньским.

Однако перетасовки в правящей верхушке не могли остановить новой волны массовых выступлений. Застрельщиком их явился рабочий класс. Если в 1934 г. в стране произошло 946 забастовок с 396 тыс. участников, то в 1935 г. — 1165 забастовок с 450 тыс. участников, в 1936 г. — 2040 забастовок и 662 тыс. участников, а из общего количества стачек 952 носили оккупационный характер. Когда в ночь с 20 на 21 марта 1936 г. полиция силой очистила от забастовщиков химическое предприятие «Семперит» в Кракове, то по призыву КПП, ППС и ЦКПС была проведена всеобщая двадцатичетырехчасовая стачка. В Кракове полиция стреляла в рабочих, были убитые, во Львове во время демонстрации был убит безработный. Почти повсеместно прошли многочисленные первомайские демонстрации.

Большое оживление наступило в крестьянском движении. Массовая крестьянская партия на съезде, происходившем в декабре 1935 г., выдвинула требования распределения без выкупа крупных земельных владений, амнистии политических заключенных, ликвидации концентрационного лагеря в Березе Картузской, роспуска сейма, проведения демократических выборов, изменения внешнеполитического курса. Хотя ее руководство продолжало уклоняться от единых действий с ППС, КПП, в партии, особенно в молодежной организации «Вици», возрастало стремление к единым действиям с рабочим классом. 29 июня 1936 г. президенту от имени крестьянской партии были вручены предварительно обсуждавшиеся требования о восстановлении демократической конституции, проведении свободных выборов, создании правительства народного доверия. Бурные антисанационные выступления произошли во многих сельских местностях, особенно на «кресах».

В массовое антифашистское движение все шире втягивалась прогрессивная интеллигенция. Писатели и поэты Л. Кручковский, В. Василевская, В. Броневский, Ю. Тувим, Л. Шенвальд, Э. Зегадлович и др. систематически сотрудничали в появлявшихся время от времени периодических изданиях, выпускавшихся левыми деятелями ППС Н. Барлицким и С. Дюбуа и др. Крупным событием общественно-политической жизни явился состоявшийся в мае 1936 г. во Львове съезд работников культуры в защиту мира от гитлеровских, итальянских, японских агрессоров. В заключительной резолюции съезд «выразил полную солидарность с формирующимся, несмотря на все трудности, народным фронтом в Польше».

Тотчас после начала в июле 1936 г. фашистского мятежа в Испании и последовавшего за этим вооруженного вмешательства фашистской Италии и гитлеровской Германии в испанские дела польские антифашисты, возглавляемые КПП, поспешили на помощь испанскому народу. Всего в борьбе за свободу испанского народа сражались около 5 тыс. польских интернационалистов-добровольцев, вступавших в подразделения и части, состоявшие целиком или в значительной мере из польских патриотов-антифашистов. Командовал бригадой участник Великой Октябрьской социалистической революции, командир Красной Армии К. Сверчевский, известный в Испании как «генерал Вальтер».

В Польше, несмотря на репрессии со стороны властей, происходили широкие народные выступления против «санации». Около 2 млн человек приняли участие в отмечавшемся 15 августа 1936 г. Дне крестьянских действий. 16—25 августа 1937 г. произошла всеобщая крестьянская забастовка, которая в некоторых местах сопровождалась столкновениями с полицией. В ходе забастовки в отдельных повятах людовцы действовали совместно с левыми социалистами и коммунистами.

РОСПУСК КПП

Преследования, репрессии, которым подвергались коммунисты в большинстве капиталистических стран, были неизбежны. Но ожесточенный террор обрушился и на деятелей КПП, оказавшихся по условиям партийной работы или в силу иных обстоятельств на территории Советского Союза. Еще в 1931 г. был арестован незадолго до того приехавший в СССР С. Воевудзкий. Ранее (с 1922 г.) он являлся активным деятелем левой крестьянской партии ПСЛ-«Вызволене», затем — одним из организаторов Независимой крестьянской партии, а в 1922—1927 гг. — депутатом сейма, постоянно сотрудничавшим с КПП. В 1933 г. в Москве был арестован и вскоре покончил жизнь самоубийством Е. Чешейко-Сохацкий — член Политбюро ЦК КПП, с 1930 г. представитель КПП при Исполкоме Коминтерна. Он начинал свою политическую деятельность в ППС-фракции, одно время был Генеральным секретарем ППС, оставил этот пост в июле 1920 г. в знак протеста против участия ППС в правительстве и во главе оппозиционной левой

группы весной 1921 г. вступил в КРПП. Примерно в то же время были арестованы члены ЦК КПП К. Гресер и С. Будзыньский, деятели КПП В. Врублевский, Т. Жарский. Покончил жизнь самоубийством член Политбюро и Секретариата ЦК партии Л. Пурман. Жертвами фальшивых обвинений стали многие оказавшиеся в СССР деятели Белорусской крестьянско-рабочей громады, деятели КПЗБ и КПЗУ. «В засорении партийных рядов провокаторами» обвинялись А. Варский, М. Кошутская, Г. Валецкий. В 1936 г., а особенно в 1937 г. жертвами произвола, насилия, беззакония оказались сотни и тысячи тех польских коммунистов, которые безупречно с Октября 1917 г. служили делу государственного, социально-экономического, политического, военного строительства Советского государства. Многие из них находились на партийной работе в третьих странах, но по первому же вызову выезжали в СССР. Так, из республиканской Испании прибыл начальник отдела кадров интернациональных бригад, член ЦК КПП К. Циховский, из Праги — руководитель базы Политбюро ЦК КПП А. Мартенс, из Парижа — Генеральный секретарь ЦК КПП Ю. Ленский. Были репрессированы также А. Сливинский (Кочаровский), писатели Б. Ясенский, С. Р. Станде, поэт В. Вандурский.

Инициатором расправ над польскими коммунистами был И. В. Сталин. Он усиленно насаждал версию о превращении КПП в шпионскую организацию, искусно дискредитировал руководителей партии, натравливал их друг на друга. Его неприязнь к КПП, вероятно, возникла в 1923—1924 гг., когда польские коммунисты выступили с критикой методов внутрипартийной борьбы в РКП(б). ИККИ, обсудив в январе 1936 г. отчет ЦК КПП и отметив ее определенные достижения, под давлением Сталина заявил о якобы имевшей место засоренности партии враждебными элементами и указал на необходимость «срочных радикальных мер по оздоровлению партии», очищению ее от будто бы подвизавшихся в ее рядах троцкистских и полутроцкистских элементов, от всяческой агентуры классового врага.

Пятый, оказавшийся последним, пленум ЦК КПП состоялся в феврале 1937 г. Он ориентировал партию на создание единого рабочего и народного фронта, на борьбу за мир, за дружбу с СССР, против угрозы гитлеровской агрессии и политики «санации», ведущей страну к катастрофе. В августе 1937 г. партия своим призывом «К людям труда — верующим католикам» расширяла фронт антифашистской патриотической борьбы за единство действий, активно поддержала забастовку учителей, крестьянские забастовки. Несмотря на это, был подготовлен «Проект постановления ИККИ о роспуске КПП». 2 декабря Сталин на проекте постановления сделал надпись: «С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но опубликовывать в печати, по-моему, не следует». Так фактически был вынесен приговор КПП, а также КСМП, КПЗУ, КПЗБ.

16 августа 1938 г. опросным голосованием, в котором приняли

участие всего шесть из 19 членов Президиума ИККИ, было утверждено постановление о роспуске КПП. В места сосредоточения польских коммунистов в разных странах и в саму Польшу Исполком Коминтерна направлял своих представителей, которым было поручено претворить в жизнь это постановление.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ РЕЖИМА «САНАЦИИ»

После смерти Пилсудского «санация» осталась без своего идеолога и руководителя. Как раз в это время начала складываться в Польше относительно благоприятная экономическая конъюнктура. Под руководством министра финансов Э. Квятковского продолжалось развитие Центрального промышленного округа, о создании которого официально было сообщено еще 5 февраля 1935 г. В междуречье Вислы и Сана происходило сооружение ряда новых промышленных предприятий, преимущественно военного назначения. В целом промышленное производство, уровень развития которого в 1932 г. составлял по отношению к 1926 г. 54 пункта, поднялось в 1938 г. до 119 пунктов. Вместе с тем ввиду роста народонаселения общее количество безработных почти не уменьшалось. Принятый в 1936 г. четырехлетний инвестиционный план успешно осуществлялся. Но ни этот план, ни дополнительные капиталовложения, ни ряд иностранных займов, ни увеличивающаяся доля участия иностранного капитала — в основном немецкого и американского — в польской экономике не выводили Польшу в число индустриально развитых стран. За 1921—1939 гг. ее население возросло с 27 до 35 млн человек, а удельный вес сельского населения за это время снизился с 75 до 70 %. Рост национального дохода значительно отставал от роста населения. Прямым следствием этого являлось снижение жизненного уровня трудящихся, неодинаковое для разных районов страны и наиболее ощутимое на восточных «кресах».

В условиях происходившего обострения социальных и национальных противоречий наметились определенные тенденции к сближению буржуазно-помещичьих и клерикальных кругов с правящей верхушкой. Легальная оппозиция, несмотря на радикализацию и возросшую активность левых элементов в ИПС, СЛ и некоторых других организациях, не смогла существенно повлиять на заметное скатывание вправо правительственного курса внутренней и внешней политики. Некоторые, более реалистические буржуазные круги прилагали известные усилия к тому, чтобы потеснить «санацию», сплотиться в борьбе против нее. Проявилось это, в частности, в том, что сложилось неустойчивое, чисто верхушечное сотрудничество влиятельных политических деятелей, в известной мере пытавшихся противодействовать «санации», — Падеревского, Сикорского, Галлера, Корфанто. По местности, в которой жил Падеревский в Швейцарии, этот круг деятелей получил название «Фронта Морж». Но не решавшиеся опереться на массы

участники «Фронта» не смогли в чем-либо воздействовать на правительственную политику, хотя Сикорский пытался объединить тех, кого он считал добросовестными и честными демократами, в нелегальный Союз возрождения республики. Столь же безрезультатными были усилия начавших складываться в конце 1937 г. клубов антифашистски настроенной интеллигенции, послуживших в 1939 г. базой для Демократической партии (Стронництво демократычне, СД), лидерами которой были М. Михалович, В. Жимовский и др. Всему антисанационному кругу общественно-политических сил не хватало ни энергии, ни сплоченности, ни желания и умения опереться на складывавшийся антифашистский фронт, не хватало авангарда, способного отстоять независимую Польшу, спасти ее от катастрофы, надвигавшейся со стороны гитлеровской Германии.

В канун 1 мая 1938 г. КПП, призывая еще раз в одном из своих последних документов к сплочению всех демократов, указывала, что палачи польского народа, угнетатели Западной Украины и Западной Белоруссии хотят вместе с Гитлером разграбить Чехословакию, а это создает смертельную опасность для Польши, жизненные интересы которой требуют политики взаимопомощи с СССР, Чехословакией, Литвой. О том, что примерно те же чувства и стремления разделяет значительная часть народа, говорил массовый характер первомайских демонстраций в Польше. В них в 1938 г. участвовали до 1,5 млн человек — больше, чем когда-либо за все годы существования режима «санации».

Захват у Чехословакии в сентябре 1938 г. Тешинской Силезии — экономически высокоразвитого района площадью 801 кв. км с 227 тыс. жителей — «санационные» правители использовали для раздувания национально-патриотической кампании, которую так или иначе поддержали и эндеки, и сторонники «Фронта Морж», и лидеры ППС. В обстановке разгула шовинистических страстей «санация» решила упрочить свой режим проведением новых выборов в сейм и сенат. Еще накануне Мюнхена декретом президента от 13 сентября обе палаты были досрочно распущены, избрание нового состава сейма было назначено на 6 ноября, сената — на 13 ноября 1938 г. Хотя партии оппозиции настаивали на восстановлении демократического избирательного закона и призывали бойкотировать выборы, в них приняли участие 67 % избирателей, т. е. намного больше, чем в предыдущих избирательных кампаниях. Это явилось результатом не только различных способов давления сверху, но и шумного прославления «Тешинской победы».

Искусственный и временный характер ситуации, сказавшийся на ходе ноябрьских выборов, в полной мере обнаружили результаты проходивших в декабре муниципальных и общинных выборов. Накануне их был введен в действие ряд чрезвычайных антидемократических декретов. Но, несмотря на эти акты, оппозиция в муниципалитетах получила 56 % всех мандатов, а на общинных выборах около 70 % избирателей проголосовали за оппозиционную крестьянскую партию.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ

В 1935—1939 гг.

Выйдя из Лиги Наций (октябрь 1933 г.), Германия приступила к созданию военной авиации, в 1935 г. в рейхе была введена всеобщая воинская повинность, в 1936 г. немецкие войска заняли демилитаризованную Рейнскую зону, затем поддержали франкистов в борьбе против республиканской Испании.

В июле 1933 г. Польша совместно с рядом других государств подписала предложенную СССР конвенцию об определении агрессора.

В связи с выходом Германии из Лиги Наций Франция и СССР для укрепления системы коллективной безопасности выступили с проектом создания Восточного пакта. Когда в сентябре 1934 г. Берлин отказался от участия в нем, Бек направил в Париж меморандум о том, что Польша может стать участницей пакта только в том случае, если к нему присоединится Германия, и что она отказывается от совместных обязательств в отношении Литвы и Чехословакии, а многосторонним договорам предпочитает двусторонние.

Польское правительство негативно оценило подписанные в 1935 г. советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи, а равно и высказанные советской стороной в августе 1936 г. пожелания о сближении Польши с Францией.

Иным было отношение польского правительства к заключенному в ноябре 1936 г. Антикоминтерновскому пакту Германии и Японии, к которому в ноябре 1937 г. присоединилась Италия. О подготовке пакта Польша была поставлена в известность еще в августе 1936 г. Во время беседы в феврале 1937 г. Рыдз-Смиглого с Герингом речь шла о том, что Германия заинтересована в дружеских отношениях с Польшей, что обеим странам угрожает опасность со стороны России независимо от того, является ли она коммунистической, монархической или либеральной, и что в этом отношении интересы Польши и Германии едины. В ноябре того же года Геринг заявил посетившему Берлин вице-министру иностранных дел Польши Я. Шембеку: Германии «нужна сильная Польша», которая вправе иметь выход к Черному морю. В таком же духе высказывался и Гитлер.

Принимая в январе 1938 г. Бека, фюрер не скрывал особых интересов Германии в отношении Австрии и Чехословакии, но подчеркивал, что ликвидация большевизма является первейшей задачей его политики. Бек ответил заверением в стремлении польского правительства «сохранить с Германией дружеские отношения и продолжить политику маршала Пилсудского». В переговорах с Герингом 23 февраля Бек заявил о готовности Польши считаться с германскими интересами в Австрии, т. е. не противодействовать подготовлявшемуся гитлеровцами «анш-

люсу», и подчеркнул заинтересованность Польши «в чешской проблеме».

Используя резкое обострение международной обстановки, вызванное ликвидацией независимости Австрии, «санационное» правительство предприняло попытку добиться полного подчинения Литвы. Однако предостережение Советского Союза о недопустимости разжигания польско-литовского конфликта заставило «санационных» правителей ограничиться ультимативным требованием к литовскому правительству, чтобы оно установило дипломатические отношения с Польшей. Этот вынужденный акт польская дипломатия выдавала за признание Литвой совершенной Польшей аннексии Виленщины.

После захвата Австрии гитлеровская Германия заявила о своих претензиях на часть территории Чехословакии. Советский Союз сообщил чехословацкому правительству о готовности принять все меры к обеспечению ее безопасности. Польша игнорировала советы Франции встать на путь улучшения отношений с СССР и не только отвергла возможность прохождения советских войск через ее территорию и перелетов советской авиации через польское воздушное пространство в целях помощи Чехословакии, но и оказывала дипломатическую помощь гитлеровской Германии, рассчитывая на поддержку в деле аннексии Тешинской Силезии.

Чехословакия 21 мая 1938 г. объявила частичную мобилизацию; СССР безоговорочно стоял на ее стороне; Франция также выражала ей поддержку. Это вынудило гитлеровскую Германию вместо вооруженного вторжения в Чехословакию пойти на дипломатические переговоры с Англией и Францией. Велись также переговоры с Польшей. В беседе с Липским, состоявшейся 11 августа, речь шла о том, что после достижения своих целей в отношении Чехословакии Польша может рассчитывать на понимание Германии в ее заинтересованности территорией Советской Украины. Споспобствуя гитлеровцам, а также сторонникам политики умиротворения агрессора, Бек поручил польскому послу в Англии уведомить британское правительство о том, что Чехословакия, которая заходит во фланг Польше с юга, связана договором с ее потенциальным врагом — Советским Союзом. Еще через несколько дней, 19 сентября, он попросил Липского довести до сведения Гитлера, что Польша считает Чехословацкую Республику образованием искусственным и поддерживает венгерские претензии в отношении Прикарпатской Руси (Закарпатской Украины), что проходит концентрация польских войск в приграничных с Чехословакией районах. На приеме 20 сентября Гитлер заявил Липскому, что в случае польско-чехословацкого военного конфликта Германия будет на стороне Польши. Уже на следующий день Польша направила Чехословакии ноту, содержащую требование о решении «проблемы» проживавшего в Тешинской Силезии польского национального меньшинства.

В связи с действиями Польши Советское правительство 23 сентября заявило, что будет рассматривать переход польскими

войсками границы Чехословакии как акт агрессии, который вынудит СССР без предупреждения денонсировать советско-польский договор о ненападении.

Вопреки интересам мира и безопасности в Европе, рассчитывая направить гитлеровскую экспансию на восток, против СССР, западные державы интенсивно вели переговоры об удовлетворении притязаний Германии. Эти переговоры закончились в Мюнхене в ночь на 30 сентября 1938 г. подписанием соглашения Англии, Франции, Италии и Германии, которое обязывало Чехословакию передать часть ее территории — Судетскую область — гитлеровской Германии.

Как только было заключено это соглашение, польское правительство, угрожая использованием военной силы, предъявило Чехословакии ультимативное требование о передаче Тешинской Силезии. Руководители Чехословакии предпочли политике отпора агрессорам при опоре на СССР политику удовлетворения требований Германии и Польши.

Осенью гитлеровская Германия стала приоткрывать свои агрессивные замыслы в отношении Польши. 24 октября гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине Липским предложил Польше выразить согласие на присоединение Вольного города Данцига к Германии и на постройку ею экстерриториальных автострасы и многоколейной железной дороги через «польский коридор» в Восточную Пруссию. В самой Польше активизировались подрывные элементы, особенно из нацистских кругов местного немецкого населения.

В сентябре 1938 г. Советский Союз сделал польскому правительству предупреждение в связи с подготовкой захвата Тешинской Силезии. В то же время СССР и Польша согласились на переговоры об урегулировании советско-польских отношений. Это было зафиксировано в сообщении, опубликованном 29 ноября 1938 г. в Варшаве и Москве.

Начало 1939 г. ознаменовалось попыткой привлечь Польшу к нацистскому походу против СССР. 5 января 1939 г. в Берхтесгадене Бек был принят Гитлером, который говорил о том, что существует «единство интересов Германии и Польши в отношении Советского Союза», но ответы польского министра были уклончивыми.

По случаю пятой годовщины со дня подписания польско-германского договора 1934 г. Риббентроп прибыл в Варшаву. В беседе 26 января 1939 г. он снова соблазнял Бека далеко идущими обещаниями. На этот раз Бек обещал Риббентропу обдумать возможность присоединения Польши к Антикоминтерновскому пакту, если Германия поддержит польские желания овладеть Советской Украиной и получить выход к Черному морю. Именно в связи с этим, выступая 11 марта 1939 г. в сенатской комиссии по иностранным делам, Бек счел уместным подчеркнуть заинтересованность Польши в получении колоний.

15 марта 1939 г. гитлеровские войска вторглись в Чехословакию и полностью оккупировали чешские земли, которые были объявлены «протекторатом Богемия и Моравия». Словакия, южная часть которой еще в ноябре 1938 г. была «уступлена» хортистской Венгрии, уже 14 марта провозглашена особой «независимой республикой», а еще через несколько дней Германия оккупировала «уступленные» ей литовский порт и город Клайпеду. 7 апреля Италия напала на Албанию.

Ход событий показал нацистам, что их агрессивные действия не вызывают сколько-нибудь серьезных акций со стороны западных держав. Правда, в ответ на яростную антипольскую кампанию в германской прессе британский премьер Н. Чемберлен 31 марта 1939 г. заявил в палате общин, что в случае угрозы независимости Польши Англия окажет ей всю поддержку, которая в ее силах. Однако часть английских политиков не утратила надежды на обострение польско-немецких отношений, предотвращение возможного польско-германского соглашения на основе диктуемых Берлином условий и подталкивала гитлеровскую Германию к развязыванию такой войны в Восточной Европе, в которую даже ценой потери польской независимости оказался бы втянут Советский Союз.

2 апреля 1939 г. Бек отправился в Лондон. Там, подтвердив польскую «политику равновесия» между Берлином и Москвой, он договорился о том, что в развитие гарантий, взятых на себя Англией в отношении Польши, она также берет на себя аналогичные гарантии в отношении Англии. Такое соглашение, связывая Польшу невыполнимыми обязательствами, нисколько не гарантировало ей какой-либо реальной помощи со стороны Англии.

Еще 3 апреля, когда Бек находился в Лондоне, германское верховное командование представило Гитлеру план развертывания военных операций против Польши. Когда Бек возвращался в Варшаву, от Берлина до Франкфурта-на-Одере ему сопутствовали Липский и польский военный атташе в Германии; они обрисовали министру действительную картину приготовлений Германии к войне. О нараставшей опасности говорило и сделанное германской стороной 28 апреля уведомление о том, что в связи с заключением англо-польского соглашения о гарантиях Германия считает потерявшей силу польско-немецкую декларацию о ненападении от 1934 г.

Советский Союз, стремясь усилить противодействие агрессивным планам гитлеровской Германии, одобрил английское предложение о том, чтобы Англия, Франция, СССР и Польша огласили декларацию, указывающую на их заинтересованность в сохранении независимости государств Центральной и Юго-Восточной Европы, на готовность взаимно гарантировать целостность и неприкосновенность территорий этих стран. Узнав об этом, Бек тогда же, 22 марта, уведомил английское правительство о нежелании входить в какие-либо антигитлеровские соглашения, в которых участвовал бы Советский Союз, и о готовности вступить в более тесный союз с Англией и Францией.

В мае 1939 г. Варшаву посетил заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин, чтобы изложить точку зрения Советского правительства на международное положение. 11 мая, на следующий день после встречи Потемкина с Беком, в Москве состоялась беседа вновь назначенного народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с польским послом в СССР В. Гжибовским. Посол, действуя в соответствии с инструкцией своего правительства, заявил Молотову: «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу». Но Советский Союз ожидал не помощи со стороны Польши, а ее согласия на военное сотрудничество с СССР в случае нападения на нее гитлеровской Германии.

В середине мая Польша направила в Париж особую военную миссию. 19 мая там был подписан протокол, в соответствии с которым Франция обязалась в случае нападения гитлеровской Германии на Польшу немедленно оказать ей помощь действиями своих военно-воздушных сил, на третий день войны развернуть ограниченные военные действия своих сухопутных сил, а на пятнадцатый день — обрушиться против агрессора всей мощью. Примерно такого же рода обязательства дала английская военная миссия, посетившая Варшаву в конце мая. В случае их выполнения гитлеровская Германия оказалась бы перед угрозой катастрофы, ведь к началу сентября 1939 г. она имела 103 дивизии, а Англия, Франция и Польша, вместе взятые, — 172 дивизии, танков — соответственно 3, 2 тыс. и 4 тыс., самолетов — 4 тыс. и 7,6 тыс.

Позиция польских правящих кругов по отношению к СССР продолжала оставаться непоследовательной и враждебной. 25 мая 1939 г. советский посол в Варшаве Н. И. Шаронов подтвердил Беку готовность оказать военную помощь Польше, но предложение это было отвергнуто. Негативной оказалась позиция Варшавы и тогда, когда в ходе англо-франко-советских переговоров возник вопрос о пропуске через польскую территорию советских войск в случае германской агрессии. Это стало одной из причин срыва трехсторонних переговоров в Москве. Какие-то возможности соглашения Советского Союза с Англией и Францией, может быть, еще и оставались, но Сталин и Молотов пошли на резкое изменение курса: 23 августа 1939 г. они подписали советско-германский договор о ненападении. В секретном приложении к договору, подлинник которого до последнего времени не обнаружен, было зафиксировано противоправное решение о фактической ликвидации независимого Польского государства и разделе его территории между подписавшими договор сторонами. Сферы своих интересов Германия и СССР разграничили по линии рек Нарев, Висла и Сан, а вопрос о желательности сохранения разделенного государства решили окончательно выяснить позже, договорившись определить его возможные границы «в порядке дружественного обоюдного согласия».

Внешняя политика межвоенной Польши вытекала из концепции «двух врагов», объективно требовавшей от польской дипломатии постоянного лавирования между более сильными соседями — Советским Союзом на востоке и III рейхом на западе. Разумеется, польская дипломатия вообще, и в том числе накануне второй мировой войны, была далеко не безгрешной: ее ошибки объясняются главным образом идейно-политическими позициями господствующих классов, для которых Запад (за исключением Германии) был всегда ближе и понятнее Востока. Однако далеко не безгрешны в своей внешней политике и остальные участники международных отношений тех лет, в том числе Советский Союз, Англия и Франция, без помощи которых Польша не могла устоять против гитлеровской агрессии, тем более что от подчинения рейху она решительно отказалась. Вторую Речь Посполитую обрекли на гибель не столько колебания и ошибки «санационного» правительства, сколько сложные перипетии исторического процесса, в ходе которого внешние факторы явно сыграли более весомую роль, чем внутренние.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ

Единство нации создается многими факторами социально-экономического, политического и культурного характера. Далеко продвинувшийся процесс формирования польской нации был насильственно прерван разделами польских земель между Австрией, Пруссией и Россией. На длительный срок польский народ был лишен такой важной движущей силы национального развития, каким является собственная государственность. Сжатые прессом иноземного господства жизненные силы нации были настолько велики, что в межвоенное двадцатилетие процесс национальной консолидации продвигался вперед очень быстрыми темпами и к 1939 г. был практически завершен. В предшествующих главах были отмечены результаты этого процесса в экономической и административно-правовой сфере, в структуре общегосударственных и местных учреждений, в организации транспорта и связи. Теперь речь пойдет о различных формах духовной культуры, образующих постепенно сложную систему стереотипов общественного сознания, в одной части единую для всей нации, в другой — дифференцированную в соответствии с социальной принадлежностью и политическими позициями определенных групп населения.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И СРЕДНЯЯ ШКОЛА

В 1921 г., по официальным данным, 33% населения Польши составляли неграмотные. За десятилетие, хотя и произошли некоторые сдвиги, положение, однако, мало улучшилось. В 1931 г. 23% населения в возрасте старше 10 лет продолжало оставаться неграмотным. Фактически же уровень неграмотности был еще выше. Особенно тяжелым было положение среди национальных меньшинств — украинцев, белорусов, литовцев, евреев.

Серьезные сложности в организации школьного образования вытекали из того, что к моменту создания независимой Польши в каждой из ее трех составных частей существовала своя школьная система. В апреле 1919 г. в Варшаве состоялся общепольский съезд делегатов всех учительских и педагогических организаций, получивший название Учительского сейма. На съезде четко выявились две позиции. Первая — создание в стране светского образования на основе всеобщего обучения детей. Эта позиция была представлена видными общественными деятелями и педагогами

С. Семполовской, С. Калиновским, В. Спасовским и др. Вторая позиция, поддерживаемая правящими кругами, отражала стремление подчинить школу костелу, ограничить развитие просвещения. Верх одержала вторая линия, что нашло отражение в Конституции 1921 г., статья 120 которой предусматривала, что в каждом учебном заведении, рассчитанном на обучение молодежи до 18 лет, обязательно преподавание религии.

Клерикализация польской школы сопровождалась полонизацией школ на Западной Украине, в Западной Белоруссии и на Виленщине, что нашло отражение в законе о школах 1924 г., создавшем два их типа, не связанных между собой. С одной стороны, сохранялись гимназии, дававшие образование, достаточное для поступления в высшие учебные заведения, а с другой — одноклассные школы. Гимназии были рассчитаны по преимуществу на детей из зажиточных слоев населения. Одноклассные школы кончали не менее 20% детей, по преимуществу из малосостоятельных семей.

После майского переворота 1926 г. режим «санации» усилил реакционный курс в деле народного образования и культуры. На «кресах» началась массовая ликвидация украинских и белорусских школ. И без того мизерные государственные ассигнования на нужды образования и науки были урезаны. Многие видные ученые были вынуждены эмигрировать. Наиболее рельефно политика «санации» в деле народного образования проявила себя в школьной реформе 1932 г., в соответствии с которой создавались два типа средних учебных заведений — семилетняя общеобразовательная школа и гимназия, в которую можно было поступить после окончания шести классов общеобразовательной школы. Семилетние общеобразовательные школы были рассчитаны на сельскую местность и небольшие города, но для бедноты обучение чаще всего сводилось к двум классам. Гимназии сосредоточивались исключительно в крупных городах, что само по себе затрудняло дальнейшую учебу даже при условии окончания общеобразовательной школы. По статистике 30-х годов в старших классах общеобразовательной школы дети из семей рабочих и крестьян составляли только 13 %, а в высших учебных заведениях — 8,8 %. Не менее 1,2 млн детей школьного возраста вообще оказались вне стен школы.

Реформа 1932 г. вызвала решительное противодействие со стороны демократической польской общественности, добивавшейся общедоступности всеобщей семилетней школы с обучением на родном языке, улучшения школьных программ, строительства новых школьных зданий и повышения материального обеспечения учителей. В 1932 г. по инициативе левых сил было создано Общество демократического просвещения — Новые пути. В 1935 г. общество стало издавать свой журнал «Месячник научительски». В деятельности Общества активно участвовали широкие демократические круги — коммунисты, левые социалисты, людовцы и другие представители прогрессивной интеллигенции. В марте

1937 г. был проведен Чрезвычайный съезд делегатов Союза польских учителей, избравший Главное правление, ядром которого стали связанные с единым фронтом левые силы польского учительства.

Польское правительство вступило в конфронтацию с Союзом польских учителей. Выборное Главное правление не было признано, вместо него был назначен правительственный комиссар. Учителя ответили забастовкой, видную роль в организации которой сыграла молодая учительница и писательница В. Василевская. Забастовка получила значительный размах и вынудила правительство пойти на некоторые уступки.

НАУКА И ВЫСШАЯ ШКОЛА

Восстановление независимого государства стимулировало развитие в Польше естественных наук, прежде всего таких отраслей, как физика, математика и химия. Но прогресс сдерживался низким уровнем производительных сил страны, систематическим сокращением государственных ассигнований на науку.

Наряду с существовавшими ранее центрами физических исследований, находившимися в Кракове и Львове, возникали новые.

В 1919 г. были учреждены отделения физики в новом Познанском университете, во вновь созданной Горной академии в Кракове, расширился центр физических исследований в Варшаве. Центр экспериментальной физики в Варшаве, получивший международную известность, связан с именем С. Пеньковского. Разработкой проблем теоретической физики руководил Ч. Бялобжеский. При Варшавской политехнике профессор М. Вольфке занимался физикой низких температур. В Ягеллонском университете исследовались диэлектрики (К. Закшевский), термодинамика и оптика (В. Натансон). В 1920 г. возникло Польское физическое общество, имевшее свой печатный орган.

Серьезное развитие в межвоенные годы получила химическая наука. Центрами теоретической химии в первую очередь стали университетские города Краков и Варшава. Прикладная химия серьезно разрабатывалась в Варшавской политехнике и Горной академии в Кракове. Крупным центром прикладной химии стал также научно-исследовательский химический институт в Варшаве, созданный в 1928 г. Действовали исследовательские лаборатории химической промышленности в Хожуве, Мостиске, Згеже и других городах. Особо следует сказать о Ягеллонском университете, на химическом факультете которого проводились серьезные исследования, в области неорганической химии, криогенные исследования, изучение проблем электрохимии и поведения сплавов при низких температурах. Изыскания в области кинетики растворения и хлорирования насыщенных углеводородов проводились во Львовском университете.

Значительным центром химической науки был Львовский политехнический институт. Большие результаты были достигнуты

профессором И. Мосьцицким в получении азотной кислоты из воздуха, газolina из природного газа, циана из азота и углеводов. В области технологии нефти и природного газа, красящих веществ, пластмасс работали В. Леснянский, С. Пилят; последний активно сотрудничал с научными учреждениями Советского Союза.

В реорганизованном в 1918 г. Варшавском университете профессором В. Лямпе были проведены ценные исследования по изучению многих натуральных красящих веществ, профессором М. Центнершвером исследовалась химическая кинетика, коррозия и диссоциация электролитов. Профессор С. Вондзинский ставил эксперименты по обмену белков, холестерина и других составных частей желчи в человеческом организме. В Варшавском политехническом институте работали Я. Завидзкий, Т. Милобендзкий, В. Свентославский. Учеными Варшавской политехники были созданы оригинальные учебники, некоторые из них были переведены на западно-европейские языки.

Ряд крупнейших польских ученых-химиков трудились за рубежом. Среди них следует назвать прежде всего М. Кюри-Склодовскую и ее дочь И. Жолио-Кюри, а также К. Фаянса — выдающегося физиохимика.

Состояние польской экономики мало способствовало развитию технических наук, но ими все же были достигнуты известные успехи. Центром стал созданный в Варшаве в 1915 г. Политехнический институт. В Кракове после создания Горной академии образовался центр горной и металлургической науки. В стране возникли технические общества, по инициативе которых в 1937 г. во Львове был проведен конгресс инженеров. Его участники пытались найти пути к подъему хозяйства. Определенный толчок в развитии технических наук дала государственная промышленность, занимавшаяся вооружениями. Были созданы Технический институт авиации, Государственный институт телекоммуникаций и др. Из достижений польской технической мысли следует отметить вклад профессора Варшавской политехники М. Губера в прикладную механику, особенно в науку о сопротивлении материалов. Профессором этого же института В. Вежбицким были исследованы проблемы безопасности в строительстве. Ч. Витошинский организовал на базе Варшавской политехники Аэродинамический институт и проводил исследования, позволившие при конструировании спортивных самолетов достичь уровня, не уступающего развитым странам.

Наибольших успехов добились польские математики. Большая научная школа, сформировавшаяся во главе с В. Серпинским, работала в области теории функций (раздел анализа, изучающего основы последнего). В круг научных интересов Серпинского входили прежде всего теория множеств и топология. Эта школа имела много точек соприкосновения с московской школой Н. Н. Лузина.

По инициативе З. Янишевского, при поддержке В. Серпинско-

го и С. Мазуркевича с 1920 г. в Варшаве стал издаваться журнал международного значения «Fundamenta Mathematica». Сильная математическая школа сложилась во Львове. Г. Штейнгауз разработал проблемы ортогональных функций. Во Львовском университете протекала деятельность видного математика С. Банаха, одного из основателей современного функционального анализа. Вокруг него в 30-е годы сложилась научная школа в области функционального анализа и его применения. С. Банах и его ученик Ю. Шаудер трагически погибли в гитлеровских застенках. Польские математики издали в Варшаве серию обобщающих трудов под общим названием «Монографии математики».

Развитие математики в Польше сказалось на смежных отраслях знаний, прежде всего в области логики. Во вновь открытых университетах возникли философские общества и стали издаваться четыре философских журнала: «Пшеглэнд философичны» в Варшаве, «Рух философичны» и «Студия философика» во Львове, «Квартальник философичны» в Кракове. В 1922, 1927 и 1936 гг. состоялись съезды польских философов. Сложилась львовско-варшавская школа математической логики. Основателями и крупнейшими представителями этой школы были Я. Лукасевич, Ст. Лесневский, А. Тарский и А. Мостовский. Достижения математической логики философски интерпретировались в русле идей неопозитивизма, названном К. Айдукевичем «логическим антииррационализмом». Неопозитивистская трактовка математической логики принесла определенную пользу современному математизированному естествознанию, но в то же время сделала ее уязвимой для различных нематериалистических трактовок. К. Айдукевич, возглавивший Познанское философское общество, в дальнейшем приблизился к материализму.

Прогрессивную роль в развитии польской философии 20—30-х годов сыграл Т. Котарбиньский. Он стремился интерпретировать принципы неопозитивизма в материалистическом духе. Но при этом Котарбиньский считал материализм лишь наиболее вероятным из учений, применяемых в результате соглашений между учеными. Многие годы он занимался «праксеологией» — наукой об организации труда. Ему принадлежат большие заслуги в пропаганде атеистических идей и антицерковной просветительской этики. С общедемократических позиций Котарбиньский боролся против насаждения «санационной» идеологии в высшем образовании, против антисемитизма и католицизма в стране.

Вторым крупным направлением в польской философии был томизм. Его главным очагом являлись Люблинский католический университет и Краков. Представителями этого направления были проведены некоторые изыскания в истории средневековой философии, а также в истории религии и мессианизма. Разрабатывались проблемы теории познания, этики и эстетики, истории философии. Католическая философия использовалась для противодействия распространению материалистических и революционных идей.

В межвоенный период выдвинулись несколько крупных специалистов в области социологии: Л. Кшивицкий, С. Чарновский, З. Лемницкий, Ф. Знанецкий. Их изыскания, ценные в конкретно-социологическом, этическом и историческом плане, в то же время не отличались четкостью и единством своих теоретических концепций. В отношении методологии они были, как правило, эклектичны, а иногда и реакционны. Л. Кшивицкий начал свою многостороннюю научную деятельность в 80-е годы XIX в. с популяризации исторического материализма и марксистской политэкономии, с выступлений против народничества и анархизма. В начале XX в. Кшивицкий отошел от рабочего движения, но еще продолжал придерживаться марксистских взглядов при решении отдельных проблем социологии (соотношение идей с социальной средой, закономерности развития первобытного общества, генезис наций, аграрный вопрос). В тогдашних условиях творчество Кшивицкого оказывало прогрессивное воздействие на общественные науки.

В последние годы жизни некоторые идеи исторического материализма освоил С. Чарновский. Он высказывал мысли о диалектике противоречий, о поляризации общества как о движущей силе социального развития. Чарновский был крупным историком общественной мысли и социальных движений, известен исследованиями в области истории и теории культуры. Всемирную известность ему принесли исследования культуры кельтов.

Восстановление независимости Польши стимулировало развитие исторической науки. Значительно расширило свою деятельность польское Историческое общество, появились университетские центры, в которых развивалась историческая наука. К уже существовавшим периодическим изданиям исторического профиля («Квартальник хисторычны», «Пшеглэнд хисторычны») прибавились новые («Архейон», познанский «Рочник хисторычны», «Атенеум виленьски»). После долгого перерыва возобновились съезды польских историков: в 1925 г. в Познани состоялся IV съезд, в 1930 г. в Варшаве — V съезд и в 1935 г. в Вильнюсе — VI съезд. В 1933 г. в Варшаве состоялся VII Международный съезд историков, в котором принимала участие советская делегация.

Больших успехов добилась польская археология (В. Антоневич, Ю. Костшевский). Были проведены раскопки на территории городов и городищ Великой Польши. Заметным явлением в этнографии стало большое исследование К. Мошиньского «Народная культура славян». Значительными были успехи в области экономической истории. Я. Рутковский ввел в научное обращение большой материал, важный для понимания феодальных отношений в Польше. Однако он не сумел его правильно обобщить, рассматривая экономические отношения вне сферы производства. Рутковским, работавшим в Познани, совместно с профессором Львовского университета Ф. Буюком в 1931 г. основано издание «Рочники дзеюв сполечных и господарчих». Одним из самых известных

историком межвоенного периода был М. Хандельсман, занимавшийся среди прочих и проблемами методологии истории.

Марксистское направление в польской историографии на протяжении межвоенного периода только начинало формироваться. Среди тех профессиональных историков, на которых марксизм оказывал в то время более или менее значительное влияние, могут быть названы Н. Гонсеровская, Г. Яблоньский, М. Мелох, Я. Рутковский, З. Млынарский. Воздействие теоретиков и публицистов КПП в обстановке нелегального существования партии было довольно ограниченным. Однако на страницах партийной печати все же появлялись работы, анализировавшие проблемы истории польского народа. К их числу относится статья Ф. Фидлера «По крестьянскому вопросу». Генезис польского империализма исследовал Е. Рынг. Большой вклад в историографию польского рабочего движения внесли польские марксисты Г. Биг, Ю. Красный, Б. Шмидт, работавшие в эмиграции в Советском Союзе.

Существование польской нации в составе разделивших ее империй на первый план ставило проблему сохранения и развития языка. Язык являлся важнейшим условием сохранения национального самосознания. Поэтому польское языкознание имело богатые традиции и к моменту восстановления независимости достигло высокого уровня. Итоги были подведены в двух языковедческих томах «Энциклопедии польской», вышедших в 1915 г. После восстановления независимой Польши были созданы три лингвистические кафедры в университетах в Варшаве, Познани и Вильнюсе, расширилось число лингвистических изданий. В страну вернулись многие известные польские лингвисты, в том числе Я. Бодуэн де Куртэне и В. Пожезиньский. Широкую известность приобрела краковская лингвистическая школа. Ведущий характер этой школы определило содружество трех крупнейших ученых — Я. Лося, К. Нитша и Я. Розвадовского. Я. Лось был крупнейшим историком польского языка и специалистом по древнеславянскому языку с широкими филологическими интересами. Им, по существу, была создана первая научная историческая грамматика польского языка. К. Нитш дал характеристику диалектного состава польского языка, общую и полную картину польских говоров. Я. Розвадовский руководил кафедрой сравнительного языкознания индоевропейских языков. На основе общего языкознания, исторического и общественного развития языков он внес большой вклад в изучение польского языка. Органами краковских лингвистов являлись журналы «Ензык польски» и «Рочник славистычны».

Научные основы фонетики и фонологии польского языка были заложены в Варшавском университете учеными, группировавшимися вокруг Я. Бодуэна де Куртэне, который в прошлом возглавлял казанскую лингвистическую школу. В Варшаве протекала деятельность А. Крыньского — автора ценных исследований по истории польского языка, а также редактора ежегодника «Праце фи-

логичне». После смерти А. Карловича Крыньский возглавил работу над восьмитомным «Словарем польского языка», последний том которого вышел в 1927 г. В 1931 г. в Варшаве стала выходить в переработанном издании описательная «Грамматика польского языка», составленная С. Шобером. Третьим центром польского языкознания была Познань. Издаваемый здесь журнал «*Slavia Occidentalis*» занимался по преимуществу диалектологией и связями польского и лехитских языков.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Межвоенное двадцатилетие в сфере художественной литературы характеризовалось борьбой двух основных направлений. Первое критически отображало социальную действительность, выступало с общедемократических и гуманистических позиций. В русле этого течения формировалась пролетарская литература, вдохновляемая идеями социалистической революции. Прогрессивно-демократическому течению противостояло течение, которое пользовалось открытой поддержкой официальных властей.

Представители прогрессивно-демократического направления, стараясь в своем творчестве развивать лучшие традиции польской классической литературы, претерпели сложную идейную и художественную эволюцию, отражавшую их стремление сблизиться с народом, найти формы художественного познания действительности. Для них характерным было негативное отношение к политическому режиму в стране, к социальной несправедливости, желание изменить общественную жизнь к лучшему. Эти писатели искренне верили в то, что, обретя независимость, Польша станет страной справедливости, благоденствия и свободы. Но реальность несла разочарование и прозрение, заставляла их высказывать суровую правду об этой действительности.

Наиболее последовательными в критическом восприятии современной польской жизни были те художники, на чьи позиции оказывали идейное воздействие левые политические партии. Немалое влияние на польских литераторов оказывала и зарубежная литература. В межвоенное двадцатилетие виднейшими польскими литераторами были переведены произведения прогрессивных художников, в том числе Р. Роллана, А. Барбюса, Б. Шоу, Ст. Цвейга, Т. Манна, И. Бехера и др. Огромное культурное значение имели переводы зарубежной классики. Так, например, Т. Бой-Желеньским сделаны классические переводы французских авторов, составившие многотомную «Библиотеку Боя». Переводилось и русская классика. Великолепным образцом переводческого искусства явились переводы Ю. Тувима из Пушкина. С живым интересом польская общественность относилась к советской литературе. Несмотря на противодействие официальных властей, в Польше были переведены произведения М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, И. Эренбурга, В. Иванова, К. Федина, М. Шолохова, С. Есенина, Б. Пастернака и др.

Среди переводчиков В. Маяковского были такие выдающиеся поэты, как Ю. Тувим и В. Броневский. В эти годы продолжалось взаимообогащение двух культур — польской и советской. В Советском Союзе переводились и печатались произведения как современной польской литературы (С. Жеромского, З. Налковской, В. Броневского, Ю. Тувима, Я. Курека, Г. Джевецкого и др.), так и классики.

Влияние на польскую культуру оказывала модернистская и декадентская литература. Уже в первые годы независимости Польши зародились различные течения, школы и группировки в литературе, особенно в поэзии. В эти годы остро встал вопрос об идейности литературы. Б. Ясенский, начав свой путь футуристом, остался в истории литературы зачинателем польской пролетарской поэзии.

События осени 1923 г. в польской общественной жизни привели к ослаблению внимания к поэтическим школам и группам, появился ряд художественных произведений, в которых затрагивались злободневные социально-политические проблемы. К середине 20-х годов определились позиции многих писателей, произошла перегруппировка литературных сил. В 1920 г. Ю. Тувим, Я. Лехонь, А. Слонимский, а затем Я. Ивашкевич и К. Вежиньский объединились в группу «Скамандр». Впоследствии к ней присоединились еще несколько поэтов. Ввиду разнородности своего состава группа не имела четкой программы. Ее участники провозглашали, что «величие искусства проявляется не в темах, а в формах», что главными их принципами являются: быть «поэтами сегодняшнего дня», добиваться синтеза старых и новых традиций. Тувим и Слонимский отражали настроения демократической польской интеллигенции, в творчестве Ивашкевича тех лет преобладали индивидуалистическо-эстетические тенденции. У Вежиньского встречалась и проповедь лозунгов в духе идеологии правящих кругов. «Скамандр» был самым широким объединением польской литературной интеллигенции межвоенного двадцатилетия. Им издавались в 1920—1929 и 1935—1939 гг. ежемесячник «Скамандр» и с 1924 г. по сентябрь 1939 г. еженедельник «Вядомосьци литератцке», пользовавшиеся большой популярностью. В названных изданиях печатались представители почти всех литературных течений. Издания носили расплывчатый либерально-демократический характер и были трибуной писателей и критиков самых различных политических убеждений.

В 20-е годы появился «Авангард», представленный рядом писателей (Т. Пейпер, Ю. Пшибось, А. Вазик и др.). Его представители занимались формалистическими экспериментами, зачастую сводившими на нет усилия некоторых представителей этого направления создать общественно значимое искусство. Так, Ю. Пшибось, выступив с рядом антифашистских по своему содержанию стихотворений, придавал им такую форму, которая не была доступна широкому кругу читателей. «Авангардисты» в основу своих исканий положили художественную форму как самостоятельное

явление. Призывая к ломке традиций польской поэзии, разрушая поэтическую фразу, представители этого течения отказывались от объективного содержания художественного образа, даже от логической и синтаксической связи между словами (например, Т. Пейпер). Группировка издавала свои журналы, среди которых дольше других просуществовали «Звротница» и «Линия» (1922—1927 гг.).

В конце 20-х годов возникла группа «Квадрига», объединявшаяся вокруг одноименного журнала. Эта группа не имела отчетливо выраженного идейно-эстетического облика и вскоре распалась (1927—1929 гг.). С ней связано начало творчества таких видных поэтов, как К. И. Галчиньский, Л. Шенвальд, С. Р. Добровольский.

Всем названным группам с самого начала противостояли пролетарские писатели. Они в ноябре 1925 г. создали свое объединение, которое провозгласило о стремлении действовать на основе солидарности с революционной борьбой рабочего класса. Молодые поэты В. Броневский, В. Вандурский и Ст. Р. Станде выпустили сборник «Три залпа». Творческая и общественная деятельность литераторов, связавших себя с рабочим классом, находилась под идейным влиянием компартии Польши. В 20-е годы эти литераторы были тесно связаны с общественно-литературными журналами «Нова культура» (1923—1924 гг.), «Дзвигня» (1927—1928 гг.), «Месячник литерацики» (1929—1931 гг.). Названные журналы действовали в условиях жесткой цензуры, часто конфисковывались и закрывались, но, несмотря на это, оказывали влияние на польское общество. Они приобщали к пролетарской литературе ту часть интеллигенции, которая сочувствовала рабочему классу, вносили в польскую культуру социалистическую идейность, помогали совершенствованию пролетарского искусства.

Выдающуюся роль в польской литературе начала 20-х годов играл крупнейший писатель-демократ и патриот С. Жеромский (1864—1925 гг.). Чутко реагируя на всякую социальную несправедливость, он призывал польскую интеллигенцию обратиться к жизненным проблемам. Жеромский пережил восторженные настроения первых лет независимой Польши, но в ряде его художественных и публицистических произведений, вышедших после трилогии «Борьба с сатаной» (1919 г.), слышатся нотки разочарования в иллюзиях, связанных с независимостью («Начало мира труда», «Висла», 1918 г., «Ветер с моря», 1922 г., «Улетела от меня перепелочка», 1924 г., «Еловая пуца», 1925 г., и др.). Художник все больше убеждался в эгоизме правящих классов, видел нищету народа и его стремления к справедливости. Под влиянием революционных событий 1923 г. он написал свой знаменитый роман «Канун весны» (1925 г.). В нем реалистически воспроизведены нищета и бесправие трудящихся в буржуазно-помещичьей Польше, паразитизм имущих классов и полицейский произвол. Этот роман стал одним из высших достижений польского критического реализма в межвоенный период. Он вызвал бурные дискуссии не только литературного, но и общественно-политического характера. Этим воспользовался один из видных

деятели КПП — Ю. Брун, выпустивший брошюру «Трагедия ошибок Стефана Жеромского», в которой было изложено его понимание проблемы взаимосвязей между национально-освободительными стремлениями польского народа и социальной борьбой польских рабочих.

Свой вклад в критический реализм внесла З. Налковская (1885—1954 гг.). Ее произведения проникнуты сочувствием к униженным и страдающим людям. В межвоенное двадцатилетие началась творческая жизнь виднейшего мастера польской прозы М. Домбровской (1889—1965 гг.). В центре ее внимания человек и человеческое счастье. Например, в цикле рассказов «Люди оттуда» (1925 г.) писательница показала обстановку в деревне начала XX в., создала образы людей из народа, нравственно чистых, мудрых и жизнелюбивых. Гуманизм писательницы проявлялся в том, что среди забитого и неграмотного люда она находила героев, обладающих высокими человеческими качествами.

Наибольшую роль в поэзии межвоенного двадцатилетия сыграл Л. Стафф (1878—1957 гг.). В те годы он выпустил шесть сборников стихов. Его поэзия, насыщенная интеллектуально-философским содержанием, во многом отличалась от декадентско-модернистского искусства, воплощала мечту о добром, красивом и сильном человеке. В конце первой мировой войны вступил в литературу один из крупнейших польских поэтов XX в. — Ю. Тувим (1894—1953 гг.), чей путь в поэзии был сложен и труден. Ведущие начала творчества Тувима связаны с идейно-художественными традициями классической поэзии, в которую Тувим внес свое, новое. Поэзия Тувима многооттеночна. Не находя себе места в сложной общественной обстановке двадцатилетия, он часто проявлял в своем творчестве настроения неуверенности и одиночества.

В 20-е годы, как уже указывалось, значительное место в польской литературе принадлежало пролетарским писателям и поэтам. Среди них — поэт и прозаик Б. Ясенский (1901—1942 гг.), крупнейший революционный поэт В. Броневский (1897—1962 гг.). Б. Ясенский с конца 20-х годов выступает как прозаик, автор романов «Я жгу Париж» (1928 г.), «Человек меняет кожу» (1934 г.), незаконченного романа «Заговор равнодушных» и ряда литературно-критических статей. В. Броневский во второй половине 20-х годов твердо встал на путь революционной борьбы против буржуазного строя. Его революционный оптимизм, революционно-романтические начала нашли отражение в поэме «Парижская Коммуна» (1928 г.).

30-е годы ознаменовались обострением классовой борьбы в стране. Стремление «санационного» режима подавить революционно-демократические силы, нарастание угрозы войны — все это поставило перед польской интеллигенцией вопрос о том, с кем она. В мае 1935 г. в Кракове состоялся съезд крестьянских писателей. Он принял резолюцию о необходимости создания единого фронта «эксплуатируемых классов, о единстве действий рабочих и крестьян для беспощадной борьбы с фашизмом и его гнетом». В мае

1936 г. во Львове состоялся всепольский антифашистский конгресс работников культуры, созданный по инициативе прогрессивных писателей и поэтов В. Броневского, В. Василевской, Л. Кручковского, Э. Шиманьского, Ст. Р. Добровольского, Л. Шенвальда, А. Ольхи, Е. Путраменты, Я. Галана, Ст. Тудора и др. Этот конгресс стал крупнейшим событием в культурной жизни двадцатилетия и имел большой международный резонанс. В его резолюциях была поддержана идея народного фронта. Конгресс высказался за решительную борьбу с режимом «санации», заклеил шовинизм и антисемитизм, национальный гнет. Он заявил: «В настоящее время пассивное, якобы нейтральное отношение писателя к общественным явлениям и к борьбе за человеческие права равнозначно поддержке реакции, угрожающей прогрессу и свободе».

Характерной чертой польской литературы 30-х годов было преобладание современной тематики. В центре внимания польских литераторов оказались все слои общества. Произведения носили реалистический характер. В 1932—1934 гг. увидело свет одно из выдающихся произведений двадцатилетия — тетралогия М. Домбровской «Ночи и дни». Видную роль в эти годы сыграли прозаики Е. Богушевская, Е. Корнацкий, З. Налковская, В. Ковальский, Б. Шульц и др., объединившиеся в литературную группу «Предместье», которая ставила целью приблизить литературу к широким слоям общества.

Крупнейшим событием в литературе 30-х годов стали выступления В. Василевской, Л. Кручковского и других писателей, которые в своих реалистических произведениях изображали явления с позиций социалистического мировоззрения. На эти годы падает расцвет поэтического творчества Ю. Тувима, А. Слонимского, В. Броневского.

ТЕАТР, КИНО, МУЗЫКА

Развитие театрального искусства в межвоенное двадцатилетие протекало сложно и противоречиво. Творческие достижения польского театра связаны прежде всего с именами Ю. Остэрвы, Л. Шиллера, С. Ярача, А. Зельверовича, С. Высоцкой, К. Адвентовича.

Режиссер и актер Ю. Остэрва в 1919 г. создал в Варшаве театр «Редута». Творческая программа этого театра была сродни Московскому Художественному театру, с которым Остэрва и другие польские актеры познакомились во время пребывания в России в годы первой мировой войны. В 1924 г. Остэрва становится и руководителем Театра Народового. Но его попытки объединить этот старейший польский театр и «Редуту» потерпели неудачу. Причиной этого явилось то, что программа Остэрвы противоречила навыкам старого театра, делавшего ставку на «звезд», и встретила сопротивление городских властей. Наибольший творческий расцвет театра «Редута» приходится на вторую половину 30-х годов. Его деятельность была тесно связана с творчеством С. Жеромского, а также Е. Шаняевского и С. Выспянского. С «Редутой» было непосред-

ственно связано большинство названных выше выдающихся польских режиссеров и актеров.

В межвоенное двадцатилетие сохранял свое значение Театр Народов в Варшаве, объединявший плеяду крупнейших мастеров сцены. Творческой деятельности театра серьезно мешали узость и ограниченность правивших им чиновников варшавского магистрата. Но несмотря на это, в нем был поставлен ряд спектаклей, прежде всего польского классического репертуара, привлекавших внимание зрителей. На его сцене не раз выступали представители передовой польской режиссуры (Ю. Остерва, Л. Шиллер, Э. Верцинский).

Большой вклад в развитие театральной культуры, особенно режиссуры, внес Л. Шиллер, начавший свою режиссерскую деятельность в 1917 г. в Театре польском в Варшаве. Этому выдающемуся польскому театральному режиссеру было присуще стремление к созданию монументального поэтического театра, восходившего к художественным истокам А. Мицкевича и Ю. Словацкого, близкого к театральной эстетике С. Выспянского. В содружестве с Л. Шиллером развивалась творческая деятельность выдающегося польского актера К. Адвентовича. В августе 1931 г. К. Адвентович в театре «Атенеум» проявил себя и как режиссер. С 1932 г. он руководил Камерным театром в Варшаве, в котором осуществлял свою прогрессивную общественно-художественную программу. С деятельностью Л. Шиллера и К. Адвентовича связана творческая деятельность выдающегося актера и режиссера С. Ярача, особенно близкого демократическому зрителю.

Важное место в театральной жизни занимал Театр польский. В его труппу входили такие мастера сцены, как С. Высоцкая, В. Семашкова, И. Сольская, М. Пшибылко-Потоцкая, М. Цвиклинская, М. Дулемба, К. Адвентович, Ю. Венгжин, К. Юноша-Стамповский, Е. Лещинский и др. На его сцене дебютировали многие крупные мастера польской сцены. Выдающимся достижением в утверждении героического монументального театра явилась постановка в Театре польском в 1934 г. «Дядов» А. Мицкевича. Этот спектакль в условиях режима «санации» вызвал широкий общественный резонанс.

Польский кинематограф начал развиваться довольно рано. К 1918 г. польская кинематография насчитывала около 70 игровых фильмов. Но это наследие не представляло значительной художественной ценности. Положение существенно не изменилось и в межвоенное двадцатилетие. В организации кинопроизводства продолжали господствовать частнопредпринимательские интересы. Дело усугублялось также конкуренцией иностранных кинофирм, особенно американских и немецких, наводнявших польский кинорынок своей продукцией. Польское кино не выдвинуло таких талантливых режиссеров, каких имел театр.

Особое место в польском кинематографе занимают фильмы — экранизации популярных литературных произведений (в 20-е годы около 40% всех выпущенных фильмов). Но эти экраниза-

ции, несмотря на участие крупнейших актеров, были несовершенно, часто не только обедняли, но и искажали литературную основу. Положительно можно оценить лишь некоторые постановки Ю. Лейтаса.

Правящая «санационная» группировка стремилась использовать кино для пропаганды своей политики («Чудо на Висле», «Пламенные сердца»). С этой целью в 1935 г. была создана студия «Пантафильм».

При всем том в польском киноискусстве появились люди, стремившиеся противопоставить господствующим буржуазно-коммерческим тенденциям подъем общественно-художественного уровня кино. Работавшие в основном в Варшаве, Кракове, и Львове представители этого направления, получившего название «Авангард», использовали опыт советского и западноевропейского кино. В 1931 г. возникло объединение «Стар». С его деятельностью связано начало творческого пути многих известных в дальнейшем кинематографистов, в том числе А. Форда и В. Якубовской.

В межвоенный период произошло обострение идейно-эстетических противоречий в польской музыкальной культуре. Речь шла прежде всего о сохранении ее национального, самобытного характера, об отношении к классике. Исполнителями произведений Шопена были талантливые ученики И. Падеревского. С 1927 г. в Варшаве стали периодически проводиться международные конкурсы пианистов им. Ф. Шопена. В 1934 г. по инициативе группы польских музыкантов и общественных деятелей в Варшаве был создан Институт Фредерика Шопена, призванный собрать и издать все произведения великого композитора, популяризировать его творчество. Однако за пять предвоенных лет ввиду материальных затруднений так и не удалось издать ни одного тома.

Правящие круги не оказывали поддержки польской музыкальной классике. Партитура одной из лучших опер основоположника польской национальной оперы С. Монюшко «Зачарованный замок» была издана только в 1939 г., а многие его произведения, как и других отечественных композиторов, продолжали оставаться в рукописях. В 1928 г. в Варшаве было создано Общество любителей старой музыки, которое предприняло издание серии неопубликованных памятников польской музыкальной культуры XVI—XVIII вв., что способствовало устойчивости национально-самобытных традиций. Обращение к национальной музыкальной культуре было призвано противодействовать веяниям модернизма, получившего широкое распространение в 20—30-е годы.

Наиболее значительной фигурой польской музыкальной культуры межвоенного двадцатилетия был К. Шимановский. Его место определяется не только масштабами дарования и мастерства, но и своеобразием творчества, связями с народными истоками и классическими традициями отечественного музыкального искусства.

В развитие музыкального образования большой вклад внесли

К. Сикорский, Б. Войтович, популяризации творчества польских композиторов содействовали такие выдающиеся дирижеры, как Л. Бердяев и Г. Фительберг. Непревзойденным исполнителем концертов и музыкальных поэм Шимановского был знаменитый польский скрипач П. Коханьский. Европейскую известность в 30-е годы завоевала певица Э. Бандровска-Турска.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО, АРХИТЕКТУРА

В 20 — 30-е годы продолжалась творческая деятельность многих живописцев старшего поколения, подавляющее большинство которых группировалось вокруг давно существовавших организаций — краковской «Штуки» («Искусство») и варшавской «Захенты» (Общество поощрения изящных искусств). В рассматриваемые годы характер объединений изменялся. Они превратились в полуофициальные организации.

Видное место в польской живописи занял формизм. Его последователи в основном разрабатывали проблемы объемно-плоскостной формы, композиции линий, плоскостей, масс, объемов, конструктивной организации холста. Главой и пионером этого направления был Т. Чижевский. В школе краковского формизма следует выделить Т. Нёселовского, абстракциониста А. Прошаско, футуриста Л. Хвистека, экспрессиониста С. И. Виткевича, среди варшавских формистов — Р. А. Витковского и В. Рогусского.

После распада формистов некоторые его сторонники примкнули к варшавскому обществу «Ритм», организованному в 1922 г. по инициативе Е. Зака, В. Скочиляса и Г. Куна. Надо отметить, что «ритмисты» в своем творчестве стремились смягчать «революционное новаторство» формизма. В противовес им сторонники общества «Блок», возникшего в 1924 г., наоборот, доводили формизм до крайностей.

Сторонникам формизма и его разновидностей противостояли художники-колористы, провозгласившие культуру цвета основой живописи. Они опирались на творчество французских импрессионистов и постимпрессионистов.

Одним из наиболее значительных явлений польской живописи был капизм. Этому течению была присуща высокая живописная культура, основанная на традициях мировой классики. Это направление, хотя и не вышедшее за рамки чисто профессиональных задач и узко эстетского понимания искусства, несомненно, является одним из положительных явлений польского искусства.

Особое место в польском искусстве занимает Т. Маковский (1882—1932 гг.), создавший свой индивидуальный стиль, характеризующийся каким-то наивным, но искренним примитивизмом, своеобразным восприятием мира, лиризмом, нотами гротеска и скрытой иронии.

Заметный вклад в польскую культуру внесли революционно настроенные художники, которые объединялись вокруг возникшей в 1932 г. Краковской группы. Ее организаторами были Вициньский, И. Штерн и Л. Левицкий. Под влиянием КПП во второй половине 30-х годов возникло в Варшаве объединение «Фригийский колпак». Творчество художников этих объединений сосредоточилось на изображении труда и быта пролетариев, социальных конфликтов.

Не менее сложными и противоречивыми были пути развития польской архитектуры межвоенного двадцатилетия. В связи с восстановлением польской государственности центром строительства стала Варшава. Потребовалось возведение представительных общественных зданий. Строились здания Военного министерства и Национального театра (архитектор Ч. Пшыбыльский), Геологического института и Сельскохозяйственного банка (архитектор М. Ляевич), банка «Под орлами» (архитектор Я. Теурих), Министерства иностранных дел (архитектор Б. Пневский).

В эти годы работала группа архитекторов старшего поколения (В. Климчак, Ч. Пшыбыльский, А. Шишко-Богущ, М. Ляевич и др.), для которых при всем разнообразии творческих индивидуальностей объединяющими были прочные реалистические принципы, стремление к образным решениям, интерес к историческим формам национальной польской архитектуры, а также известная эклектичность в сочетании старых архитектурных традиций с веяниями современности. Под влиянием вкусов заказчиков появилась устремленность к поиску национального стиля в архитектуре на основе либо классицизма XVIII — первой трети XIX в., либо народного, так называемого закопанского зодчества (архитекторы Р. Миллер, Я. Кошиц-Виткевич и др.). Но эти попытки кончились неудачей.

В 20-е годы широкое распространение в польской архитектуре получил конструктивизм, в основу которого были положены утилитарность, ясность и простота конструкций, выявление строительного материала, отсутствие декоративных украшений. Этот стиль широко применялся при строительстве доходных домов. После экономического кризиса 1929—1933 гг. произошло разочарование в конструктивизме. Господствующим в 30-е годы стало экспериментаторство, внешнее украшательство, поиск виртуозных эстетских эффектов. Более спокойно и гармонично развивалось жилищное строительство в Кракове, Гданьске и других городах.

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССА НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Постепенная смена шляхетско-крестьянской культуры эпохи феодализма более дифференцированной культурой буржуазного общества осуществлялась на протяжении ряда десятилетий и завершилась после 1918 г. В межвоенной Польше специалисты

выделяют, пять основных моделей культуры: шляхетскую, крестьянскую, интеллигентскую, рабочую и мелкобуржуазную, или мещанскую.

Две первые модели были унаследованы от феодализма в значительно трансформированном виде. Шляхетская модель охватывала несколько десятков тысяч владельцев поместий, богатых обладателей высоких шляхетских званий. Культура крестьянства, составлявшего более половины населения Второй Речи Посполитой, в межвоенное двадцатилетие сохраняла значительную долю традиционности и не была тождественна со старой народной культурой, сфера влияния которой все более сокращалась. Сложившаяся в XIX в. интеллигентская модель культуры охватывала все разновидности умственного труда, творческие профессии, часть государственных и частных служащих. Рабочий класс испытывал воздействие крестьянской и мелкобуржуазной культуры; черты чисто пролетарской культуры только начинали складываться среди рабочих крупных промышленных предприятий. Мелкобуржуазная модель формировалась на основе традиций цехового ремесла, народной культуры, привносимой выходцами из деревни, а отчасти под влиянием нравов «просвещенного общества». Процесс национальной консолидации сближал перечисленные модели культуры, усиливал их взаимопроникновение, расширял те сферы духовной жизни, в которых восприимчивость культурных ценностей в той или иной мере унифицировалась, несмотря на различия в социальной принадлежности и имущественном положении.

Еще до разделов отдельные части Польши обладали значительной региональной спецификой; иноземное господство препятствовало стремлениям к консолидации в общенациональном масштабе, хотя как раз в культурной сфере черты регионализма преодолевались польским народом наиболее успешно. После восстановления независимости расширение и углубление процесса консолидации сказалось на всех отраслях культуры — на просвещении и науке, на литературе и изобразительном искусстве, театре и архитектуре. Весьма существенное значение имело при этом складывание такого общественного сознания, которое соответствовало социально-политическим реалиям вновь воссозданного государства.

В эпоху разделов иноземный гнет в той или иной мере испытывали на себе все слои польского населения, в том числе широкие массы трудящихся. Преданность национальной идее, готовность отстаивать независимость страны стали характерными чертами большинства польских крестьян, особенно после их освобождения от феодальной зависимости, значительной части рабочего класса буржуазной Польши. Как и другие социальные слои, они не забывали, конечно, о своих классовых интересах, но когда речь шла о защите обретенной с таким трудом государственной независимости, то они были готовы принести большие жертвы, чем трудящиеся стран, не испытывавших иноземного гнета. Без учета

этой особенности общественного сознания межвоенной Польши трудно понять объективную обусловленность и правильно оценить важнейшие черты ее внутренней и внешней политики, такие, в частности, как большая популярность Ю. Пилсудского, преобладающее влияние пепеэзовских традиций на рабочее движение, устойчивый патриотизм верхов и низов общества.

Сложившемуся в межвоенное двадцатилетие общественному сознанию поляков, несомненно, были свойственны более обычного обостренные национальные, а нередко и националистические, чувства. Кроме указанных выше причин это обуславливалось вхождением во Вторую Речь Посполитую наряду с населением польских территорий также живущих на восточных «кресах» украинцев, белорусов и литовцев. Население «кресов» испытывало не только социальный, но и национальный гнет; по отношению к инациональной части населения страны правящие круги проводили политику колонизации, которую пыталась, но фактически не могла смягчить демократическая оппозиция.

**ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1939 г.,
ГИТЛЕРОВСКАЯ ОККУПАЦИЯ
И РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ
СОПРОТИВЛЕНИЯ
ДО 22 ИЮНЯ 1941 г.**

**ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АКЦИИ
В СЕНТЯБРЕ 1939 г.**

Уверенный в том, что участники мюнхенского сговора и на этот раз не осмелятся действовать, Гитлер лишь перенес срок нападения на Польшу с 26 августа на 1 сентября. Зная об этом, западные державы добились того, что польское правительство, не терявшее надежды на мирное урегулирование, отсрочило всеобщую мобилизацию до 31 августа. Под аккомпанемент гитлеровской пропаганды, обвинявшей Польшу в «неуступчивости», в ночь с 30 на 31 августа была проведена операция «Гиммлер»: группа немецких уголовников, переодетых в польскую форму, под руководством офицеров СС совершила нападение на радиостанцию в г. Глейвиц (ныне Гливица). Эта провокация имела целью оправдать агрессию против Польши.

1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут утра немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн», находившийся с «визитом вежливости» в Данцигской бухте, открыл огонь по позициям польских войск на полуострове Вестерплатте. Одновременно немецкие войска перешли в наступление на Польшу вдоль всей границы от Балтийского моря до Карпат. Народ, шесть поколений которого боролся за независимость, не согласился на капитуляцию. 2 сентября на последнем заседании сейма все парламентские фракции, включая украинские и еврейские, выразили поддержку правительству и уверенность в конечной победе. С восторгом и надеждой было воспринято в стране сообщение о том, что 3 сентября Великобритания, Франция и ряд других держав объявили войну Германии.

Гитлер бросил на Польшу 58 дивизий, включая шесть танковых и восемь моторизованных, общей численностью 1,8 млн человек; на их вооружении были 11 тыс. орудий, 2,5 тыс. танков и 2 тыс. самолетов. Польша могла противопоставить им лишь 37 пехотных дивизий и две моторизованные бригады, 11 бригад кавалерии, всего около 1 млн человек, располагавших 4,5 тыс. орудий, 700 танками, преимущественно легкими, и 400 самолетами. Перед началом войны Гитлер объявил своим генералам: «Уничтожение Польши является нашей первой задачей. Целью должно быть не достижение какой-либо обозначенной линии, а уничтожение живой силы...» Реализация этой задачи была возложена на следующие войсковые группы: «Юг» (командующий фон

Рунштедт), наступавшую из Силезии, Моравии и Словакии, и «Север» (фон Бок), действовавшую из Западной Померании и Восточной Пруссии. Они должны были соединиться и уничтожить окруженные польские армии. Планы польского командования, утвержденные маршалом Э. Рыдз-Смиглым, предусматривали ведение оборонительной битвы западнее Вислы в расчете на то, что действия союзников на Западном фронте дадут возможность сдержать наступление гитлеровских армий.

Первые бои с гитлеровцами показали высокий моральный и патриотический дух армии и народа. Небольшой гарнизон Вестерплатте (майор Х. Сухарский), имея приказ защищать склады всего 12 часов, в течение недели оказывал сопротивление превосходящим силам гитлеровцев, поддержанных огнем артиллерии «Шлезвиг-Гольштейна». В неравный бой вступили служащие польской почты в Данциге. Используя свое численное и техническое превосходство, гитлеровцы в течение первых шести дней заняли «польский коридор», захватили Поморье, Силезию и продвинулись далеко в центр страны. 6 сентября Рыдз-Смиглы отдал приказ об отходе на оборонительную линию по рекам Нарев—Висла—Сан. Польское правительство тщето призывало своих западных союзников выполнить обязательства и начать активные действия против рейха. 110 французских и пять английских дивизий, противостоящих на Западном фронте 23 немецким, бездействовали. Франция и Англия вели «странную войну». Польша должна была сражаться в одиночку.

8 сентября гитлеровцы подошли к Варшаве, но взять столицу с ходу им не удалось. В ночь с 9 на 10 сентября началась ожесточенная битва на р. Бзуре (приток Вислы): польская армия «Познань» перешла в контрнаступление севернее Лодзи, но была вынуждена прекратить его 12 сентября из-за отсутствия взаимодействия с армиями «Поморье» и «Лодзь». К 15 сентября гитлеровцы, заняв западную и частично центральную части Польши, вышли к Бресту, Львову и Замостью. Тем временем Варшава укрепила свою оборону, душой которой стал президент города С. Стажинский. Десятки тысяч жителей приняли участие в защите столицы, по инициативе ППС была сформирована Рабочая бригада.

В то время как на польско-германском фронте шли бои, Советский Союз и Германия на основе секретного протокола к договору от 23 августа вели тайные переговоры о судьбе польских земель. 3 сентября Риббентроп поручил послу в Москве Шуленбургу поставить перед В. М. Молотовым вопрос о возможности для СССР «в подходящий момент» занять ту польскую территорию, которая секретным протоколом была отнесена к «русской сфере влияния». Молотов ответил, что «время еще не наступило», но, когда 9 сентября от немецкого посольства было получено (позднее не подтвердившееся) сообщение о падении Варшавы, он заявил, что «военные действия начнутся в течение ближайших несколько дней».

14 сентября «Правда», анализируя причины поражения Польши, сочла уместным указать не только на такие факторы, как военное превосходство Германии и отсутствие эффективной помощи со стороны Англии и Франции, но и на внутреннюю слабость Польши, прежде всего национальное угнетение украинцев, белорусов и евреев, составлявших 40% населения. На следующий день Риббентроп поручил Шуленбургу передать, что такой мотив, как угроза со стороны Германии украинскому и белорусскому населению, противоречит соглашениям, заключенным в Москве. Риббентроп предлагал, чтобы правительство СССР и Германии опубликовали совместное коммюнике о необходимости положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях, с тем, чтобы установить там «новый порядок». Это предложение не было принято.

В третьем часу ночи 17 сентября польский посол в Москве В. Гжибовский был вызван в НКВД, где ему была вручена нота Советского правительства, в которой утверждалось, что польское правительство «распалось и не подает признаков жизни», а это означает, что Польское государство фактически перестало существовать. СССР, говорилось в ноте, не может относиться безразлично к тому, что «единокровные украинцы и белорусы... брошенные на произвол судьбы, останутся беззащитными», и поэтому частям Красной Армии отдан приказ перейти границу Польши для того, чтобы «взять под свою защиту жизни и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Эти положения были повторены Молотовым в его выступлении по радио 17 сентября.

Действия Советского Союза, хотя и мотивированные благой целью защиты угнетенного национального меньшинства, были нарушением международного права и соглашений, подписанных правительствами СССР и Польши: Рижского договора 1921 г. и договора о ненападении 1932 г., а также конвенции об определении агрессора, признававшей таковым государство, вооруженные силы которого хотя бы и без объявления войны вторгнутся на территорию другого государства. Польское правительство и главное командование были в растерянности. В тот же день президент Мосьцицкий и правительство перешли польско-румынскую границу и были интернированы. Части Красной Армии вели действия силами двух фронтов — Белорусского (командарм 2-го ранга М. П. Ковалев) и Украинского (командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко), общая численность которых достигала 1 млн человек. У Польши на ее восточной границе находились 25 батальонов Корпуса пограничной охраны, которые не могли оказать действенного сопротивления Красной Армии.

18 сентября было опубликовано германо-советское коммюнике, в котором говорилось, что действия обоих государств не противоречат «духу и букве пакта о ненападении» и что их задача состоит в том, чтобы «восстановить в Польше порядок и спокойствие... и помочь населению... переустроить условия своего государствен-

ного существования». Это означало, что Германия и СССР будут сотрудничать в решении «польского вопроса». Часть украинского и белорусского населения приветствовала Красную Армию, связывая с ее действиями надежды на освобождение от национального угнетения. Отношение польского населения было враждебным, а правительство Польши, покидая территорию страны, протестовало против вторжения советских войск в тот момент, когда польский народ прилагает все усилия, чтобы дать отпор немецкому агрессору. Части Красной Армии, не встречая серьезного сопротивления, продвигались к демаркационной линии, которая, как говорилось в германо-советском коммюнике от 22 сентября, была установлена по рекам Писса—Нарев—Буг—Висла—Сан. В отличие от германского командования советское командование не стремилось к разгрому польской армии и уничтожению живой силы, призывало ее солдат не подчиняться своим офицерам и переходить на сторону Красной Армии. Но в ряде мест происходили столкновения между советскими и польскими частями: так, в районе Перемышля кавалерия генерала В. Андерса вступила в бой с отрядами Красной Армии. Когда советские войска подошли ко Львову, который с 10 сентября был осажден немцами, командующий обороной города генерал В. Лянгнер предпочел сдать его советскому командованию, заявив: «Они, германцы, враги всего славянского, а вы — славяне». Однако советское командование не выполнило условия капитуляции — разрешить польским частям свободный проход через территорию, занятую советскими войсками, в сторону Венгрии и Румынии. После выхода из Львова гарнизон города был отправлен в лагерь для военнопленных. Всего же Красной Армией было взято в плен около 250 тыс. солдат и офицеров.

Оказавшись во второй половине сентября под двойным ударом и не имея никакой помощи от союзников, Польша не могла продолжать сопротивление. 18—19 сентября остатки армий «Краков» и «Люблин» дали бой гитлеровцам под Томашовом-Любельским, но им не удалось прорвать фронт. 29 сентября, подвергавшаяся ожесточенным бомбардировкам артиллерии и авиации, исчерпавшая все возможности для обороны, капитулировала Варшава, и в тот же день пал Люблин. 2 октября сложил оружие гарнизон полуострова Хель, а 5 октября в районе Коцка был подавлен последний очаг сопротивления. 28 сентября в Бресте, который был взят немецкими войсками 17 сентября, состоялся совместный парад советских и немецких войск. Его принимали комбриг С. Кривошеин и генерал Г. Гудериан.

Поражение Польши в сентябре 1939 г. было результатом не только превосходства военной машины Германии. Острые социальные и национальные противоречия, близорукая внешняя политика, основанная на «теории двух врагов», которая привела Польшу к длительному сотрудничеству со своим главным врагом — гитлеровской Германией, все это, вместе взятое, определило внутреннюю слабость Польского государства. Ответственность за поражение ло-

жится на тех, кто стоял у руля правления в течение межвоенного двадцатилетия, — на польские имущие классы и их политические партии. Существенную роль в поражении Польши сыграли и те, кто не пришел ей на помощь в час труднейших испытаний. Союзники оставили Польшу на произвол судьбы в момент, когда польский народ героически боролся с гитлеровской агрессией. Гитлеровцы потеряли 16 тыс. убитыми и около 30 тыс. ранеными, 674 танка и 300 самолетов. Тяжелые потери понесла и Польша — около 70 тыс. убитых и умерших от ран, 130 тыс. раненых. В плену оказались свыше 350 тыс. солдат и офицеров. Эти жертвы не были напрасными: своим сопротивлением Польша дала возможность союзникам в течение девяти месяцев готовиться к войне с гитлеровской Германией.

Дальнейшие судьбы Польши были определены советско-германским договором 28 сентября 1939 г. «О дружбе и границе». Во время переговоров о заключении этого договора Сталин высказал мнение, что нельзя оставлять независимым остаток Польского государства и предложил разделить его территорию между СССР и Германией. К договору, который определил советско-германскую границу, был приложен секретный протокол, согласно которому по сравнению с ранее установленной демаркационной линией Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отошли в «сферу влияния Германии» взамен ее отказа от Литвы, на которую она претендовала по секретному протоколу к договору от 23 августа. Дополнительным протоколом обе стороны обязались не допускать на своих территориях «никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны». Как бы ни были тяжелы обстоятельства, в которых оказался Советский Союз в 1939 г., ими нельзя оправдать договор «О дружбе и границе», он был сговором между Гитлером и Сталиным, вопиющим нарушением важнейших принципов внешней политики. Мировая общественность осудила гитлеровскую Германию и Советский Союз как агрессоров.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА

1 сентября 1939 г. Гданьск был включен в состав III рейха; о судьбе остальных польских земель официальных заявлений вплоть до начала октября сделано не было. Надеясь договориться с Англией и Францией о прекращении военных действий, Гитлер давал понять, что существует возможность сохранения небольшого польского буферного государства, находящегося в полной зависимости от Германии. Но возражения Сталина против этого намерения и отказ Англии и Франции принять предложенные Гитлером в его речи 6 октября условия мира окончательно определили участь польских земель.

Декретами Гитлера от 8 и 12 октября 1939 г. польские земли были разделены на две части. Великая Польша, Западное Поморье,

часть Верхней Силезии и Сувальское воеводство, объявленное «исконно немецкими территориями», включались непосредственно в состав империи, остальные образовали так называемое Генерал-губернаторство для оккупированных польских провинций. В состав рейха вошли наиболее экономически развитые земли площадью 91 774 кв. км с населением 10 139 тыс. человек, в том числе 8,9 млн поляков и 607 тыс. немцев. Площадь «присоединенных земель» в два раза превышала немецкие владения в Польше в границах 1914 г. Генерал-губернаторство занимало площадь 94 тыс. кв. км с населением 12,3 млн человек, в том числе 9,7 млн поляков, 1,5 млн евреев, 656 тыс. немцев, 526 тыс. украинцев и белорусов.

Общая концепция политики нацистов в отношении поляков, разработанная в так называемом Генеральном плане «Ост» (его текст не сохранился), состояла в быстрой и полной их германизации. По одному из вариантов этого плана — «меморандуму Ветцеля и Гехта» — предполагалось выселить в Губернаторство 5 636 тыс. поляков, непригодных для германизации, а также всех евреев, а на их место поселить немцев. Для германизации предназначались также поляки с примесью немецкой крови, к которым были отнесены силезцы, кашубы, мазуры. Вводилась система «немецких национальных списков» (фолькслисты), которая особенно широко применялась в Силезии и Поморье. Специальные комиссии, руководствуясь принципами «расового отбора», выясняли происхождение лиц, способных стать «полноценными членами германского национального сообщества». Лица, внесенные в фолькслисты, делились на четыре группы, которые различались между собой по государственно-правовому положению. Лишь те, кто был включен в две высшие категории, получали германское гражданство. Принадлежавшие к третьей категории могли получить его после десятилетнего испытательного срока, а лица, отнесенные к четвертой категории, подлежали безусловному выселению в империю для германизации под полицейским надзором. Включение в фолькслисты было обязательным для тех, кто подлежал германизации, в случае неповиновения они наказывались заключением в тюрьму или в концлагерь. Многих толкало на этот шаг бесправное положение, в котором оказалось польское население.

Сразу после оккупации нацистские власти на чали конфискацию государственного и частного имущества поляков и евреев, которое переходило в руки германского государства и крупных концернов или частного владения немцев. Поляков отправляли в империю на принудительные работы или выселяли в Генерал-губернаторство, на их место поселялись немцы из Прибалтики или рейха.

Генерал-губернаторство рассматривалось нацистами в качестве колонии рейха, хотя генерал-губернатор Г. Франк в обращении к населению 26 октября 1939 г. заявил, что будет уважать обычаи, культуру и хозяйственные нужды подчиненной ему территории. На самом деле здесь также предполагалось осуществить германи-

зацию, только позднее, чем на «присоединенных землях». В июле 1940 г., после победы над Францией, по предложению Г. Франка в названии Генерал-губернаторства было отброшено определение «для оккупированных польских земель». Это, как заявил Гитлер, должно было показать, что «Генерал-губернаторство в действительности является составной частью немецкого рейха и останется ею навсегда». Резиденцией Франка была избрана не Варшава, а Краков (Вавельский замок), польскую же столицу в отдаленных планах гитлеровцев («план Пабста») предполагалось уничтожить, а на ее месте создать чисто немецкий город с населением в 200 тыс. человек.

Полновластным правителем Губернаторства вплоть до конца его существования был Г. Франк, которого в нацистских кругах называли «некоронованным польским королем», а его владения — «империей Франка» («Франкрейх»). Ему подчинялось местное правительство из немецких чиновников, польский государственный аппарат был уничтожен, но в отличие от «присоединенных земель» сохранены некоторые местные органы — гминные управления, войты, солтысы. В дальнейшем, весной 1941 г., были учреждены органы польского экономического самоуправления — центральная и отраслевая палаты экономики. Сохранилась и польская уголовная полиция. Поляков судили по старым законам, если они не противоречили распоряжениям губернатора, немцев — по немецкому судебному праву.

В исключительно тяжелое положение были поставлены евреи. Они были обязаны носить на одежде желтую шестиконечную «звезду Давида», а вскоре после начала оккупации — заключены в гетто. Самым крупным было варшавское гетто, образованное в октябре 1940 г. в юго-восточной части польской столицы, где до войны проживала значительная часть еврейского населения. Гетто было обнесено высокой стеной, а его жителям под страхом смерти запрещено выходить в польскую часть города. Все еврейское имущество было конфисковано.

К захвату польского имущества оккупанты приступили с весны 1940 г. путем передачи под принудительное управление или в концессию промышленных предприятий. Над предприятиями, оставшимися у польских владельцев, был установлен контроль в форме «опеки». В отличие от «присоединенных земель» помещичьи имения и крупные сельские хозяйства не экспроприировались, а получали кредит, удобрения. В 1940 г. была введена система «контингентов» — принудительных поставок «излишков» продовольствия. Гитлеровцы намеревались провести в Губернаторстве «упорядочение аграрных отношений» путем ликвидации мелких крестьянских хозяйств размером 2—10 га и создания вместо них крупных хозяйств, которые передавались бы в аренду до их перехода в руки немецких переселенцев.

Губернаторство рассматривалось нацистскими властями как источник дешевой рабочей силы и сырья для рейха. Для польского населения в возрасте от 14 до 60 лет была введена трудовая повин-

ность, рабочие и служащие не могли оставить свое место работы без разрешения властей. Заработная плата не обеспечивала элементарных потребностей, калорийность питания, выдававшегося по карточкам в 1941 г., составляла всего 27 % довоенного уровня. Для того чтобы спастись от голодной смерти, многие люди шли на нарушение законов, установленных оккупантами. В Губернаторстве существовал черный рынок, через нелегальные каналы польские фирмы получали сырье и материалы. В незаконных операциях принимали участие и немцы, скупавшие у поляков за бесценок меха, драгоценности, антиквариат.

С первых же дней оккупации германские власти начали политику террора. Весной 1940 г. стал осуществляться «План А-В», в соответствии с которым были уничтожены 6 тыс. человек, в том числе 3,5 тыс. политических деятелей. В рамках этой акции были расстреляны видный деятель ППС М. Недзьялковский, маршал сейма людовец М. Ратай. В то же время были пущены в ход гитлеровские «фабрики смерти» — концлагери в Освенциме, Майданеке и др., в которые заключались для уничтожения десятки тысяч поляков и евреев. Акты террора направлялись прежде всего против тех, кто был известен своей патриотической деятельностью, против деятелей культуры и всей интеллигенции. В ноябре 1939 г. профессора и преподаватели Ягеллонского университета, собравшиеся по приказу немецкой администрации для того, чтобы прослушать лекцию о политике Германии в области высшего образования, были отправлены в концлагерь Заксенхаузен.

В Губернаторстве, как и на «присоединенных землях», гитлеровцы проводили целенаправленную политику ликвидации польской культуры и просвещения. Были закрыты все высшие и средние учебные заведения, запрещена деятельность всех культурных, научных, общественных организаций. Польские названия заменялись немецкими, так, например, Лодзь была переименована в Литцманштадт, Жешув — в Рейхсхоф и т. п.

Политика немецких оккупантов, имевшая целью не только уничтожение польской государственности, но и превращение жителей в бесправных рабов, а в перспективе и их физическое уничтожение (хотя об этом, естественно, вслух не говорилось), привела к тому, что главным противоречием стало противоречие между оккупантами, господствующей немецкой нацией и всем угнетенным ненемецким населением независимо от его классовой принадлежности. В отличие от других поработанных нацистами государств в Польше не сложилось условий для политического коллаборационизма. Общество в целом, включая имущие классы, было враждебно настроено по отношению к гитлеровцам. Прежние классовые противоречия временно отошли на второй план, что потенциально создавало возможность образования широкого антифашистского, патриотического фронта против оккупантов.

ПОЛЬСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В ЭМИГРАЦИИ И ЕГО СВЯЗЬ С АНТИФАШИСТСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В СТРАНЕ

Интернированный в Румынии президент И. Мосьцицкий, используя право, данное ему Конституцией 1935 г., назначил своим преемником В. Рачкевича, занимавшего до войны пост поморского воеводы. Тот, в свою очередь, поручил формирование правительства бывшему министру иностранных дел А. Залесскому. Это была попытка деятелей «санационного» режима сохранить свои позиции. Но в конце сентября во Франции уже находилась группа оппозиционных по отношению к «санации» политиков, многие из которых были связаны с французскими правящими кругами. Опираясь на поддержку этих кругов, группа, принадлежавшая к «Фронту Морж», вынудила В. Рачкевича поручить создание правительства В. Сикорскому. Выступая по радио, президент заявил, что будет действовать в тесном контакте с правительством. Это означало отказ от исключительных прерогатив, которые предоставляла главе государства Конституция 1935 г.

Состав правительства, сформированного 30 сентября 1939 г. генералом В. Сикорским, отражал компромисс между умеренными деятелями «санационного» лагеря и бывшей оппозицией. Наряду с А. Залесским и полковником А. Коцем в него вошли представители Стронництва народового (СН), ПСС и Стронництва працы (СП).

9 декабря 1939 г. декретом президента был образован Национальный совет (Рада народова) — совещательный орган, в который вошли представители всех политических направлений, действовавших в эмиграции. Председателем Рады народной был избран И. Падеревский, вице-председателями — С. Миколайчик (СЛ), Х. Либерман (ППС) и Т. Белецкий (СН). Рада народова была призвана играть роль преемника парламента и тем самым продемонстрировать разрыв с практикой «санационных» правительств, не считавшихся с волей сейма и отказавшихся от совместных действий с демократическими силами общества.

Образование правительства В. Сикорского и Рады народной означало, что вопреки заявлениям Гитлера и Молотова о ликвидации польской государственности Польша продолжает существовать, а ее вооруженные силы совместно с союзниками будут вести войну против гитлеровской Германии во имя восстановления национальной независимости. Польское правительство было официально признано Францией, Великобританией, а затем и США, как представляющее суверенные права народа.

Основные положения внешней политики были сформулированы в правительственной декларации от 18 декабря 1939 г. Главной целью провозглашалось освобождение польских земель от оккупации и обеспечение Польше в будущем наряду с широким и непосредственным выходом к морю гарантии прочной безопасности. Правительство Сикорского считало себя в состоянии войны

не только с Германией, но и с Советским Союзом, хотя формально заявления по этому поводу оно не сделало.

В правительственной декларации и в выступлениях Сикорского не содержалось какой-либо программы социально-экономических и политических преобразований в стране после освобождения, кроме заявления о том, что Польша будет «демократическим государством, опирающимся на широкие слои народа». Позднее, в выступлении по радио 1 марта 1940 г., Сикорский высказался за восстановление страны «на принципах социальной справедливости» и обещал позитивно решить вопрос о праве крестьян на землю.

В целом и во внешней, и во внутренней политике Сикорский постоянно стремился подчеркнуть ее отличие от политики «санационных» режимов, показать, что его правительство установит буржуазно-демократический строй. Своей главной задачей премьер считал создание на территории Франции стотысячной армии из польских эмигрантов и тех патриотов, которым удалось покинуть оккупированную гитлеровцами страну. К весне 1940 г. в польских вооруженных частях и подразделениях во Франции насчитывалось 82 тыс. солдат и офицеров, в числе которых было 38 тыс. беженцев из Польши. Первое боевое крещение они приняли во время норвежской кампании союзников (апрель—июнь 1940 г.) и в боях во Франции, в которых понесли большие потери. Лишь около 25 тыс. человек удалось эвакуировать в Великобританию, куда по приглашению ее правительства прибыли и высшие власти Польши.

Поражение Франции поставило Сикорского в сложное положение. Потерпела неудачу его концепция освобождения Польши с помощью Франции, которую он рассматривал как главного союзника. Надежд на формирование крупных польских сил в Англии не было, так как там в отличие от Франции не было значительной польской эмиграции.

После поражения Франции основные направления внешней политики правительства Сикорского не претерпели изменений: действуя совместно с Великобританией, продолжать войну вплоть до полного освобождения Польши. 1-й Польский корпус охранял побережье Шотландии, а польские летчики принимали участие в «Битве за Англию»; с середины июля до конца 1940 г. они сбили 203 немецких самолета из 1733, потерянных за это время гитлеровцами.

Считая, как и Черчилль, неизбежной войну между Германией и СССР, Сикорский допускал, хотя и не без колебаний, возможность соглашения с Советским Союзом, имея в виду прежде всего создание на его территории польской армии. В то же время он поддерживал выдвинутую английской дипломатией еще в ноябре 1939 г. идею создания после войны федерации государств Восточной Европы. В результате переговоров В. Сикорского с президентом Чехословакии Э. Бенешем 11 ноября 1940 г. была подписана совместная декларация, участники которой заявляли о своем желании

заклЮчить тесный политический и экономический союз, который стал бы основой нового порядка и гарантией его прочности. Сикорский, как и английские политики, рассматривал будущую федерацию в качестве нового «санитарного кордона», призванного предотвратить распространение коммунизма в Европе.

В то время как правительство Сикорского стремилось отстаивать интересы Польши на международной арене, напоминая союзникам и всему миру о существовании Польского государства, в поработанной гитлеровцами стране постепенно разворачивалось движение Сопротивления. Оно началось спонтанно в первые же дни войны, когда группы патриотов, преимущественно молодежи, стали собирать оружие и боеприпасы на полях сражений. Вплоть до весны 1940 г. в Калецком воеводстве и на левом берегу р. Пиллицы действовал отряд майора Х. Добжанского — «Хубали», состоявший из избежавших плена солдат и офицеров. Но партизанское движение не получило сколько-нибудь заметного размаха — до войны не было создано для этого баз и запасов оружия, не подготовлены кадры руководителей. Наиболее распространенными формами движения Сопротивления были саботаж, замедленные темпы работы, диверсионные акты. Специфической, из всех оккупированных стран существовавшей только в Польше формой Сопротивления было тайное обучение школьников, которое проводилось с осени 1939 г. подпольной учительской организацией.

Первые конспиративные группы стали возникать уже в сентябре 1939 г. С целью их объединения в ноябре 1939 г. Сикорский издал приказ об образовании Союза вооруженной борьбы (Звёзек вальки збройной, ЗВЗ) во главе с полковником С. Ровецким (псевдоним «Грот»), который подчинялся находившемуся в Лондоне председателю комитета по делам страны генералу К. Сосновскому. Сикорский рассматривал ЗВЗ в качестве безоговорочно ему подчиненного «аполитического и беспартийного войска». Действовавшие в подполье три довоенные политические партии — СН, СЛ и ППС — признавали правительство Сикорского и ЗВЗ, но, опасаясь восстановления в Польше «санационного» режима (командные посты в ЗВЗ занимали «санационные» офицеры), стали создавать собственные военные организации. СН образовало Народову организацию войскову (НОВ). СЛ-«Рох» (так стало называться СЛ в подполье) первоначально признало ЗВЗ «армией в конспирации», но затем, в июле 1940 г., создало свои вооруженные силы — Крестьянские батальоны (Батальоны хлопске, БХ).

Из всех подпольных политических групп ближе всех к ЗВЗ стояла возникшая в октябре 1939 г. взамен распущенной ППС новая организация — Центральное руководство движением трудящихся масс города и деревни — Свобода, Равенство и Независимость (Вольносьць, Рувносьць, Неподлеглосьць), известная под названием ППС-ВРН. Она предоставила в распоряжение ЗВЗ свои вооруженные отряды. 26 февраля 1940 г. при Главном командовании ЗВЗ был создан Политический согласительный комитет (ПСК) — в него входили комендант ЗВЗ С. Грот-Ровецкий,

К. Пужак (ВРН), С. Корбонский (СЛ-«Рох»), А. Дембский (СН). Правительство Сикорского, несмотря на сопротивление командования ЗВЗ, добилось подчинения себе политической конспирации: в феврале 1940 г. была образована Делегатура правительства, которой вменялось в обязанность осуществлять политику эмигрантского правительства в стране и не допустить формирования конкурентного органа власти. В конце 1940 г. в состав ПСК был кооптирован представитель связанной с Сикорским партии Стронництво працы (СП) и таким образом ПСК стал органом четырех партий. Делегатом правительства был назначен выдвинутый СН К. Ратайский, а его заместителем — людовец Я. Пекалкевич. Ратайский возглавил и ПСК, а Ровецкий перестал участвовать в его деятельности. В военных вопросах комендант ЗВЗ был независим от делегата и подчинялся непосредственно Верховному командующему, т.е. генералу Сикорскому.

Движение Сопротивления, связанное с правительством Сикорского, имело весьма широкую социальную базу. В нем участвовали буржуазия, мелкая буржуазия, интеллигенция, католическое духовенство, рабочие, крестьяне, стоявшие на различных идейных и политических позициях, но объединенные общей целью — борьбой за восстановление независимого Польского государства. Разнородность социального и политического состава этого движения обуславливала отсутствие в нем внутреннего единства, противостояние различных партий и направлений, чему способствовали и личные амбиции политических деятелей.

Восстановление независимости Польши как эмигрантским правительством, так и его сторонниками в стране мыслилось как результат поражения гитлеровской Германии в войне с западными державами и связанного с этим отступления его войск с оккупированной польской территории. Разработанный штабом ЗВЗ оперативный план предусматривал в этой ситуации возможность кратковременного, в течение 2—3 дней, восстания силами конспиративных организаций, без участия «посполитого рушения», т.е. народных масс. В случае, если вслед за отступающими немцами на территорию Польши вступят советские войска, намечалось организовать на «линии Вислы» фронт против СССР, повторить «чудо на Висле» 1920 г. Этот план был получен в Лондоне 25 июня 1941 г., через три дня после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В СОПРОТИВЛЕНИИ

Левое направление в антифашистском движении Сопротивления на протяжении 1939—1941 гг. не имело организационного оформления. Трудящиеся массы в то время с доверием относились к эмигрантскому правительству и связанным с ним конспиративным организациям. В условиях конспирации левым, радикальным элементам в СЛ было сложно выступить против авторитетных

лидеров партии, тем более, что СЛ была представлена как в эмигрантском правительстве, так и в ПСК. Левые социалисты, опасаясь раскола в социалистическом движении, долгое время не считали для себя возможным порвать с ППС-ВРН. На рубеже 1939—1940 г. по мере того, как лидеры ВРН укрепляли взаимодействие с «санационными» элементами, в Варшаве группа левых социалистов стала объединяться вокруг Н. Барлицкого, С. Дюбуа и других известных в прошлом сторонников единого народного фронта. Они установили связи с группой радикальных людовцев, а весной 1940 г. вокруг редакции журнала «Баррикада вольности» сложилась левая группа («баррикадовцы»), но вскоре ее руководители — Барлицкий, Дюбуа и А. Курилович — были арестованы гестапо. В дальнейшем в рядах «баррикадовцев» произошел раскол — одна часть искала пути к объединению всего социалистического движения, другая стала сближаться с коммунистами, а затем создала собственный орган «Штандар вольности». Группа «баррикадовцев», среди которых видную роль играли А. Прухник и С. Худоба, продолжая усилия по объединению социалистического движения, выдвинула ряд программных положений. Она выражала убеждение, что мировая война, которая носит империалистический характер, закончится социалистической революцией. Главной силой ее будет революционное движение на Западе и в Германии, в результате возникнут Соединенные штаты социалистической Европы, в состав которых войдет и Польша. Вместе с тем «баррикадовцы» занимали отрицательную позицию по отношению к СССР, где, как они считали, после нэпа победила контрреволюция, а Советское государство является своеобразной формой господства госкапитализма (другой формой госкапитализма они считали государственное устройство гитлеровской Германии). Многие социалисты-единофронтовцы не разделяли позиции «баррикадовцев» и порвали связи с ними, часть из них стала постепенно сближаться с коммунистами.

Положение коммунистов на первом этапе войны было очень трудным. Те, кто сумел перебраться в Советский Союз, не пользовались там доверием, и многие коммунисты вместе с тысячами жителей присоединенных к СССР территорий были депортированы в Сибирь и другие отдаленные районы или оказались в тюрьме. Оставшиеся в стране продолжали конспиративную деятельность, но были связаны директивой Коминтерна о роспуске КПП. Договор 23 августа 1939 г. вызвал замешательство среди коммунистов, а особенно нелегко им было принять договор о «границе и дружбе» между СССР и Германией. Враждебность населения по отношению к Советскому Союзу как участнику раздела Польши вынуждала коммунистов соблюдать конспирацию не только перед гитлеровцами, но и перед другими группами Сопротивления.

В отличие от «баррикадовцев» польские коммунисты считали СССР оплотом социалистической революции и были убеждены, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией неизбежна и что она приведет к освобождению Польши от фа-

шистского ярма и образованию народного правительства. Исходя из известных им установок Коминтерна о второй мировой войне как империалистической с обеих сторон, они негативно оценивали как действия гитлеровской Германии, так и действия Англии и Франции и их союзника — польского эмигрантского правительства. Тем не менее постепенно коммунисты включались в движение Сопротивления.

Вокруг возобновившей свою деятельность группы «Спартак», находившейся под патронатом ППС, объединялись молодые социалисты и коммунисты. В феврале 1940 г. в Варшаве был создан Союз крестьян и рабочих, установивший связь с радикальными люддовцами, а в марте возникла группа Революционные рабочие-крестьянские советы (РРКС), издававшая журнал «Молот и серп». Она начала подготовку к вооруженной борьбе с оккупантами, образовав отряды Красной милиции, численность которых к маю 1941 г. достигла 1 тыс. человек. Весной 1941 г. возникло Общество друзей СССР, с которым группа РРКС начала переговоры об объединении, но аресты многих ее членов и разгром гитлеровцами Красной милиции помешали этому.

Коммунисты остро ощущали необходимость воссоздания партии, пытались установить связь с Коминтерном через действовавшую с весны 1940 г. советскую миссию по переселению, но ответа от Коминтерна не получили. В этих условиях они начали разрабатывать свою концепцию освобождения Польши. Краковская группа, в которую входили также социалисты и радикальные люддовцы, в начале 1940 г. приняла декларацию, в которой в соответствии с установками Коминтерна, данными в начале второй мировой войны, высказывалась за социалистическую революцию, образование в Европе союза свободных народных республик, превращение Польши в социалистическую республику, охватывающую все «бесспорно этнографические польские земли». Курс на социалистическую революцию в условиях победы Советского Союза над гитлеровской Германией провозгласили в начале 1941 г. и РРКС. Идеи социалистической революции и ориентации на Советский Союз, которые отстаивали коммунисты, не могли получить поддержки у польского народа, большинство его по-прежнему рассматривало Советский Союз, как и гитлеровскую Германию, в качестве своего врага.

Но постепенно стала складываться иная концепция. Группа Рабоче-крестьянское действие в документах, опубликованных в марте 1941 г., продолжая утверждать, что правительства Англии и США преследуют свои собственные империалистические цели, высказала мнение, что необходимо поддержать их против гитлеровской Германии, так как поражение Гитлера освободит из-под ярма фашизма рабочий класс и крестьянство и создаст возможности для осуществления их революционных стремлений.

Таким образом, к лету 1941 г. коммунистическим группам, действовавшим в Польше, еще не удалось выработать программу борьбы за национальное и социальное освобождение, вокруг которой могли бы объединиться широкие слои польского народа.

**ПОЛЬША И СССР
В АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ
В 1941—1944 г.****ОТКАЗ В. СИКОРСКОГО
ОТ «КОНЦЕПЦИИ ДВУХ ВРАГОВ»
И ОФОРМЛЕНИЕ
СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И СССР**

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз привело к коренным переменам в польско-советских отношениях. В речи по радио 23 июня 1941 г. В. Сикорский, выразив надежду на то, что «Россия признает недействительным пакт с Германией 1939 г.», заявил, что отныне «в международной политике исчезает польско-российская проблема». Практически это означало отказ от состояния войны с СССР и готовность к переговорам, которые и начались при посредничестве английской дипломатии 5 июля. С советской стороны в них участвовал посол И. И. Майский, с польской — премьер-министр В. Сикорский и министр иностранных дел А. Залесский. Самым трудным оказался вопрос о границах. Майский, говоря о том, что Советский Союз ни в коем случае не согласится на восстановление прежней границы, предлагал оставить этот вопрос открытым. Сикорский был склонен ограничиться заявлением, что СССР считает недействительными соглашения с Германией, касающиеся Польши, но президент В. Рачкевич и министр Залесский, поддержанный генералом К. Соснковским, выдвигали требование восстановления довоенных границ Польши. Английское правительство оказало давление на польских политиков, подчеркивая, что «границы не являются проблемой первоочередного значения». Несмотря на оппозицию президента и трех министров своего правительства, Сикорский 30 июля 1941 г. в присутствии У. Черчилля и А. Идена подписал польско-советское соглашение.

По условиям соглашения Советский Союз и Польша брали на себя обязательства оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии. На территории СССР создавалась польская армия, в оперативном отношении подчиненная советскому командованию, что подразумевало использование ее на советско-германском фронте. Вопрос о границе остался открытым. В соглашении говорилось: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу. Польское правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза». 14 августа было подписано военное соглашение о формировании на территории СССР польской армии, оснащение которой

частично брало на себя Советское правительство, а частично должно было осуществляться на основе ленд-лиза.

Советско-польские соглашения от 30 июля и 14 августа 1941 г. создавали предпосылки для коренного изменения отношений между двумя государствами. Сикорский показал себя реалистически мыслящим политиком, способным ради главной цели — восстановления независимости Польши — пойти на соглашение с государством, о враждебности к которому он столь недавно заявлял. В свою очередь, Советский Союз, денонсируя тезис о Польше как об «уродливом детище Версальского договора», провозглашенный В. М. Молотовым в октябре 1939 г., признал Польшу суверенным государством.

Подписание соглашения с Советским Союзом и отставка возражавших против него трех министров, включая А. Залесского, укрепили позиции Сикорского. В правительство были включены представители левых кругов эмиграции — С. Миколайчик (СЛ) и Х. Либерман (ППС). Руководство министерством иностранных дел было возложено на посла Польши в Лондоне Э. Рачинского, что позволило Сикорскому практически взять в свои руки определение внешнеполитического курса. В правящем лагере произошел некоторый сдвиг влево.

АРМИЯ В. АНДЕРСА И ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии польских граждан, находившихся в советских тюрьмах и лагерях, дал возможность сотням тысяч поляков, депортированных органами НКВД в 1939—1941 гг. из Западной Украины и Западной Белоруссии в восточные и северные области СССР, избрать себе другое место жительства. Многие из них стали вступать в польскую армию, которая начала формироваться в конце августа как из добровольцев, так и из подлежащих призыву лиц, имевших до сентября 1939 г. гражданство Польши. К концу октября численность польской армии достигла 41,5 тыс. человек. Настроения в ней, отношении к Советскому Союзу определялись тем, что подавляющее большинство личного состава, как и командующий армией генерал В. Андерс, прошли через сталинские лагеря и ссылки и совсем недавно рассматривались советскими властями в качестве «классово враждебных элементов».

Черчилль, заинтересованный в том, чтобы использовать польскую армию для защиты британских интересов на Ближнем Востоке, рекомендовал Сикорскому добиваться от Советского Союза согласия на ее перевод в Иран. Заинтересованность в этом проявляло и правительство США. Сикорский, опасаясь, что в случае поражения Советского Союза повторится история с польскими войсками во Франции, был склонен, хотя и не без колебаний, последовать советам западных союзников.

3 декабря 1941 г., во время первого в истории визита главы польского правительства в СССР, Сикорский был принят Сталиным. Сталин заявил, что является сторонником воссоздания Польши как сильного, независимого и союзного СССР государства, границы которого на западе должны включать Восточную Пруссию и «опираться на реку Одер». Он дал понять, что существует возможность соглашения и о границах Польши на востоке. Однако Сикорский, разделявший убеждение членов своего правительства и деятелей эмиграции, что вопрос о границах Польши будет решен после окончания войны с помощью Запада, отказался вообще его обсуждать, заявив, что границы 1921 г. не могут подвергаться сомнению.

Главным для Сикорского на переговорах был вопрос о польской армии. Он представил Сталину список 3845 офицеров, интернированных в сентябре 1939 г., настаивая на включении их в армию Андерса. Сталин заявил, что они, вероятно, бежали в Маньчжурию (позднее, в марте 1942 г., на встрече с Андерсом, Сталин утверждал, что советским властям неизвестна судьба польских офицеров, и выразил предположение, что они разбежались из лагерей и попали в руки немцев).

Позицию Сикорского, который настаивал на выводе польской армии в Иран, где она будет вооружена и экипирована Великобританией, Сталин расценил как нежелание поляков воевать вместе с Советским Союзом, прямо заявив, что за этим предложением скрывается англо-американская интрига. Сикорский, понимая, что вывод армии из СССР лишит ее возможности в дальнейшем пополняться за счет огромных людских резервов, остающихся в Советском Союзе, вопреки обещанию, данному Черчиллю, снял свое предложение. В итоге на переговорах было достигнуто соглашение об увеличении численности польской армии до 96 тыс. человек и ее участия в боях на советско-германском фронте.

4 декабря 1941 г. была подписана Декларация о дружбе и взаимопомощи, в которой правительства Советского Союза и Польши выражали готовность совместно с другими союзниками «вести войну до полной победы над немецко-гитлеровским империализмом», оказывать друг другу во время войны «полную военную помощь», а в мирное время строить свои отношения на принципах добрососедского сотрудничества, дружбы и честного выполнения принятых на себя обязательств.

Дальнейшее развитие советско-польских отношений осложнялось нерешенностью вопроса о границе. Посол С. Кот протестовал против того, что Львов, Брест и другие города в советских документах рассматривались как входящие в состав Советского Союза, но его протесты отвергались. Недовольство СССР вызвал отказ генерала Андерса направить на фронт подготовленную к участию в боевых действиях 5-ю дивизию. Он мотивировал это тем, что действия всего одной дивизии в массе советских войск не принесут политического и военного эффекта.

В марте 1942 г., когда Советское правительство решило сократить количество продовольственных пайков для польской армии ввиду невыполнения США обязательств по поставке пшеницы в СССР, Андерс с согласия Сталина эвакуировал часть своих подразделений в Иран. К 1 апреля 1942 г. базу в Красноводске покинули 31 488 солдат и офицеров и 12 455 членов их семей. В дальнейшем при поддержке Черчилля Андерс вопреки позиции Сикорского добился согласия Советского правительства на эвакуацию из СССР остальной части польской армии. Всего к 1 сентября 1942 г. из Советского Союза выехало около 114 тыс. человек.

Ухудшение отношений с СССР ослабило международные позиции эмигрантского правительства. Попытки Сикорского добиться на переговорах в марте 1942 г. от Черчилля и Рузвельта поддержки польской позиции в вопросе о границах с Советским Союзом не дали заметных результатов. Единственным, чем мог быть удовлетворен Сикорский, явилось то, что в англо-советский договор о союзе, подписанный в Лондоне 26 мая 1942 г., не было включено обсуждавшееся в ходе переговоров положение о признании Великобританией изменений границ СССР в 1939—1940 гг.

Переход в советско-польских отношениях от сотрудничества к конфронтации был умело использован гитлеровцами. 13 апреля 1943 г. по радио рейха было объявлено, что в Катынском лесу близ Смоленска обнаружены массовые захоронения польских офицеров — жертв НКВД. 16 апреля ТАСС заявил, что эти офицеры были убиты гитлеровцами летом 1941 г. при оккупации Смоленской области.

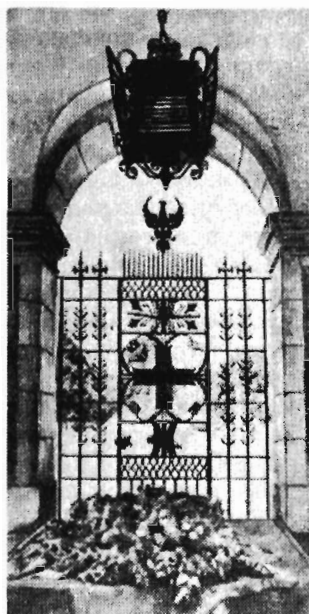
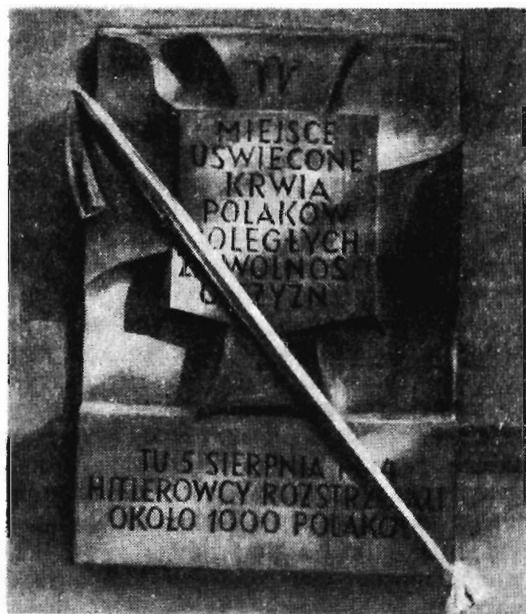
16 апреля министры обороны М. Кукель и информации С. Кот по согласованию с премьером Сикорским опубликовали заявление, в котором, фактически соглашаясь с версией гитлеровского радио, считали необходимым провести расследование с участием Международного Красного Креста (МКК). На следующий день представители Красного Креста гитлеровской Германии и Польши обратились почти одновременно с соответствующей просьбой в МКК. Такие действия вызвали резкую реакцию со стороны СССР. Сталин в послании к Черчиллю от 19 апреля обвинил правительство Сикорского в «сговоре» с Гитлером, перечеркивающим союзные отношения этого правительства с СССР. 25 апреля было заявлено, что Советское правительство прерывает отношения с польским эмигрантским правительством. Международная комиссия из представителей 12 стран, находившихся под контролем рейха, а вслед за ней группа польского Красного Креста, исследовавшая останки 4143 польских офицеров (по другим данным — 4151), пришли к выводу, что они были расстреляны весной 1940 г. После того как 25 сентября 1943 г. советские войска освободили Смоленск, советская комиссия под руководством академика Н. Н. Бурденко провела расследование, в результате которого было объявлено, что польские офицеры стали в июле 1941 г. жертвой немецких оккупантов. На Нюрнбергском процессе главных немец-

Генерал В. Сикорский

Мемориальная доска
в память о варшавянах,
расстрелянных гитлеровцами
в августе 1944 г.

Могила
неизвестного солдата
в Варшаве

ких военных преступников «Катынское дело» рассматривалось, но в обвинительный акт не было включено. В течение последующих лет в Советском Союзе придерживались официальной версии и лишь в результате исследования разнообразной документации советско-польская комиссия по изучению «белых пятен» в истории отношений между двумя странами признала ответственность НКВД за трагедию в Катыни. После разрыва с СССР Сикорский мог полагаться лишь на действия Великобритании и США, для ко-

торых в их международной политике польские интересы имели второстепенное значение, хотя они и были заинтересованы в том, чтобы эмигрантское правительство после изгнания гитлеровских захватчиков возвратилось в Польшу и получило власть.

Сикорскому не удалось добиться и осуществления плана создания конфедерации в центре Европы. Переговоры с правительством Чехословакии по этому вопросу, которые велись с 1940 г., в январе 1942 г. привели к подписанию соглашения двух государств о принципах конфедерации с возможным участием других государств, но по мере обострения польско-советских отношений перспектива будущей конфедерации становилась все более призрачной. Президент Чехословакии Э. Бенеш, несмотря на то что разделял взгляды Сикорского на необходимость «сдерживания коммунизма», был более, чем его польский партнер, склонен искать пути соглашения с СССР, понимая, что от позиции Советского Союза будет зависеть многое в решении проблем послевоенного устройства Центральной Европы.

В ноябре 1942 г. Э. Бенеш заявил, что правительство Чехословакии не может взять на себя каких-либо обязательств относительно конфедерации с Польшей без предварительного согласия «некоторых великих держав». Переговоры о конфедерации были прерваны, а в дальнейшем Бенеш, хотя и не без колебаний, взял курс на заключение союзного договора с СССР. Идея конфедерации была похоронена.

Политика Сикорского подвергалась резкой критике как со стороны прогрессивных кругов польской эмиграции, так и в английской и американской прессе, поскольку шла вразрез с общей тенденцией укрепления антифашистской коалиции. С другой стороны, он постоянно находился под давлением антисоветски настроенных польских кругов, требовавших от него проведения «твердого курса» по отношению к СССР. В поисках выхода из того трудного положения, в котором оказалось его правительство, Сикорский намеревался совершить вторую поездку в Москву, надеясь в личных переговорах с Советским правительством добиться восстановления прерванных отношений. Для того чтобы укрепить свои позиции в армии и получить поддержку ее командования, премьер в июне 1943 г. направился на Ближний Восток, где провел инспекцию польских вооруженных сил. На обратном пути в Лондон самолет Сикорского при вылете с аэродрома в Гибралтаре 4 июля 1943 г. потерпел катастрофу. Гибель генерала Сикорского — энергичного политика, горячего патриота, сумевшего, несмотря на определенные неудачи своего политического курса, завоевать авторитет и уважение не только в идейно и политически ему близких слоях польского общества, но и среди тех, кто не разделял его концепций, — была невосполнимой утратой. В польской эмиграции в Англии не было второго столь же авторитетного политика, каким был Сикорский.

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА НА ТЕРРИТОРИИ, ОККУПИРОВАННОЙ ГИТЛЕРОВЦАМИ.

СОЗДАНИЕ ШПР

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз руководство подполья, связанного с эмигрантским правительством, оценило с позиции теории «двух врагов». «Информационный бюллетень», издаваемый Делегатурой, выражал удовлетворение тем, что «руки одного из наших врагов разят другого», и требовал, чтобы поляки на оккупированной территории занимали нейтральную позицию по отношению к обоим противникам. Весьма сдержанным было и отношение к советско-польским соглашениям. Сообщая в Лондон о реакции на эти соглашения, Ровецкий писал, что они приняты доброжелательно, поскольку отражают военную необходимость, но выражал уверенность, что отношения между Польшей и СССР будут зависеть от соотношения сил. Эмигрантское правительство и руководство подполья считали, что какие-либо активные действия против гитлеровцев являются преждевременными. Теория «двух врагов» обусловила и тактическую линию — «стоять с оружием у ноги» в ожидании того момента, когда оба врага настолько обессилят друг друга, что появится реальная возможность осуществления планов освобождения Польши.

Осенью 1941 г. была создана организация «Вахлаж» («Веер») с целью проведения диверсионных актов в тылу немецких войск на территориях, расположенных восточнее довоенной границы Польши. 14 февраля 1942 г. с целью объединения всех вооруженных формирований подполья Сикорский издал приказ о переименовании ЗВЗ в Армию крайову (АК). Еще в сентябре 1941 г. Ровецким был разработан «Оперативный план № 154», предусматривавший не только восстание в Генерал-губернаторстве в момент, когда англо-американские войска достигнут Рейна, но и противодействие Красной Армии при ее вступлении на территорию довоенной Польши. Однако в инструкции Ровецкому от 8 марта 1942 г. Сикорский, ссылаясь на соглашения с СССР, писал, что он отказался от плана сопротивления Красной Армии.

В польском подполье с началом войны между гитлеровской Германией и Советским Союзом произошла некоторая перегруппировка сил. Группа «баррикадовцев» еще до подписания советско-польских соглашений заявила, что все поляки должны активно поддержать Красную Армию. 1 сентября 1941 г. на съезде ряда левых групп, созванном по инициативе «баррикадовцев», была создана организация Польских социалистов (ПС) во главе с А. Прухником. В то же время ВРН, не высказываясь открыто против политики соглашения с Советским Союзом, заявила о выходе из состава ПСК. Ее место занял представитель ПС, а на первый план стало выдвигаться СЛ-«Рох».

Антифашистские группы, находившиеся под руководством или идейным влиянием коммунистов, активизировались. В конце августа — начале сентября 1941 г. по инициативе группы варшав-

ских коммунистов был создан Союз освободительной борьбы, который выдвинул идею объединения всех патриотических сил в национальный фронт и перехода к партизанским действиям, перерастающим в вооруженное восстание. Действовали и другие антифашистские группы, объединявшие коммунистов, левых социалистов, радикальных людовцев.

В это же время в Советском Союзе группа польских коммунистов, в которую входили М. Новотко, П. Финдер, офицер интернациональной бригады им. Я. Домбровского Б. Молоец, на встрече с Генеральным секретарем ИККИ Г. Димитровым достигла договоренности об образовании Инициативной группы по восстановлению марксистско-ленинской партии в Польше. По совету Г. Димитрова было решено назвать ее «Польская рабочая партия» (Польска партия роботнича, ППР), что учитывало реальную обстановку и подчеркивало национальный, польский характер новой партии.

В конце декабря 1941 г. Инициативная группа была перебросена в Польшу, и на ее встрече 5 января 1942 г. с представителями Союза освободительной борьбы и других организаций было принято решение, что все представленные на встрече формирования прекращают свою деятельность, а их члены вступают в ППР. Руководство партии, в которое вошли П. Финдер и Б. Молоец, возглавил М. Новотко. В первом манифесте ППР «К рабочим, крестьянам, интеллигенции, ко всем польским патриотам!», опубликованном 10 января 1942 г., выдвигалась идея создания национального фронта с участием всех поляков, за исключением «предателей и капитулянтов», для решения главной задачи — восстановления независимого, демократического Польского государства. ППР выражала готовность к самому тесному сотрудничеству с другими партиями, борющимися за национальное освобождение. В своих воззваниях она избегала употреблять термины «социалистическая революция», «социализм», «коммунизм», а призывала к борьбе за такую Польшу, в которой «народ будет сам решать свою судьбу».

В отличие от большинства партий «лондонского лагеря» ППР недвусмысленно высказывалась за участие в борьбе против фашизма совместно с советским народом и заявляла, что, заняв осенью 1939 г. линию Сана и Буга, Советский Союз «создал барьер против агрессии гитлеровской Германии». Осудив тактику пассивного сопротивления как «английский способ ведения военных действий», ППР призвала к вооруженной борьбе с оккупантами.

Образование ППР положило начало формированию второго центра Сопротивления в Польше, который брал на себя организацию вооруженной борьбы с оккупантами не в отдаленном будущем, а немедленно. На пути осуществления этого плана стояли большие трудности: ППР не располагала кадрами, имеющими военную подготовку, нужными для боевых действий оружием и боеприпасами, финансовыми средствами, ей было необходимо преодолеть укоренившееся в народе недоверие к коммунистам и Советс-

кому Союзу. Это недоверие усиливалось и пропагандой «лондонского лагеря»: пресса АК и политических партий, особенно ВРН, расценила образование ППР как «провокацию Коминтерна», «советскую диверсию», обвиняя ППР в стремлении «включить Польшу в Советский Союз». Не только правые партии «лондонского лагеря», но и людовцы, и Польские социалисты отрицательно отнеслись к призывам ППР о развертывании вооруженной борьбы, считая их преждевременными. Тем не менее ППР удалось на базе вооруженных отрядов коммунистического подполья создать Гвардию людову (ГЛ), первым начальником штаба которой стал М. Спыхальский. В мае 1942 г. начал действовать первый небольшой партизанский отряд во главе со студентом Варшавской политехники Ф. Зубжицким. До конца 1942 г., по данным Главного штаба ГЛ, было пущено под откос 20 немецких эшелонов, взорвано семь шоссе и железнодорожных мостов, из лагерей и тюрем освобождено более 600 человек.

УСИЛЕНИЕ ОККУПАЦИОННОГО ГНЕТА И ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В 1941—1943 гг. политика гитлеровских властей в польских землях была направлена на использование их в военных целях. Приостановив демонтаж предприятий и вывоз оборудования, проводившийся в 1939—1941 гг., гитлеровцы перевели оставшиеся фабрики и заводы на военное производство, систематически сокращая производство предметов потребления. Резко уменьшилось число ремесленных и мелких торговых предприятий, в пользу рейха конфисковывались многие польские фирмы, другие переходили под принудительное управление оккупационных властей. В связи с ростом военного производства в Генерал-губернаторстве в 1942—1943 гг. практически исчезла безработица. Этому способствовал и массовый вывоз рабочей силы на принудительные работы в Германию, где к концу декабря 1942 г. работали около 940 тыс. поляков. Из польских земель, присоединенных к рейху, на работы в Германию к концу 1942 г. были отправлены 193 тыс. человек и 365 тыс. переселены в Генерал-губернаторство. На улицах польских городов часто проводились массовые облавы, а схваченных в это время людей расстреливали на месте либо отправляли в концлагери и на работы в Германию. В польской деревне по сравнению с 1939—1941 гг. резко возросли конфискации земельной собственности помещиков и крестьян и увеличивались размеры контингентов.

Усиление экономической эксплуатации польских земель сопровождалось обострением террора. В газовых камерах Освенцима, превратившегося в крупнейший лагерь смерти на территории Польши, Майданека, Трешлинка и др. уничтожались сотни тысяч поляков, евреев, советских военнопленных и граждан других оккупированных гитлеровцами стран. Движение Сопротивления продолжалось в различных формах. Широкий размах приобрело тай-

ное обучение школьной молодежи: в 1941/42 учебном году 5 тыс. учителей вели занятия с 40 тыс. учеников, в 1942/43 г. было уже 5,6 тыс. учителей и 48 тыс. учеников. Занятия со студентами вели профессора Варшавского, Ягеллонского и других университетов. Росло число подпольных изданий: в 1941 г. издавались 336, в 1942 г. — 388, а в 1943 г. — 506 названий газет и журналов. Польское население оказывало помощь беглецам из концлагерей и лагерей военнопленных, прятало евреев. Значительный вклад в борьбу с оккупантами внесло католическое духовенство, большая часть которого занимала патриотические позиции.

Тактика пассивного сопротивления вызывала разочарование молодежи, которая предпочитала переходить к активным действиям, а не выжидать в безопасном месте сигнала к будущей борьбе. В июне 1942 г. С. Ровецкий в депеше в Лондон признавал, что действия ГЛ пробуждают население «от продолжавшегося несколько лет пассивного ожидания» и что «симпатии к большевикам проявляют безземельные, малоземельные крестьяне, работники фольварков, а также радикально настроенные элементы городских рабочих и интеллигенции». В октябре 1942 г. Главным командованием АК было создано специальное Руководство диверсиями (Керовництво диверсыями, Кедив), в состав которого вошли различные ранее существовавшие подразделения, занимавшиеся диверсионной деятельностью, а также харцерская организация «Серые шеренги». Перед Кедивом были поставлены задачи осуществления диверсий, актов саботажа на железных дорогах, ответных акций против действий оккупантов, для чего были выделены несколько тысяч человек из общего числа 200 тыс., принявших до конца 1942 г. присягу в АК. В октябре—декабре 1942 г. Кедивом была осуществлена операция «Венец» — ряд взрывов на железных дорогах Генерал-губернаторства.

Гитлеровцы в ответ на первую из этих акций — 8 октября 1942 г. на железнодорожных линиях около Варшавы — повесили 50 человек, в том числе 39 членов ППР и ГЛ. 24 октября ГЛ провела ответную акцию — три ее отряда одновременно атаковали два кафе «только для немцев» в Варшаве и типографию газеты, издаваемой гитлеровцами на немецком языке. 30 ноября отряд ГЛ в здании сберегательной кассы в центре Варшавы конфисковал 1 млн злотых контрибуции, наложенной оккупантами на население столицы за действия ГЛ. 17 января 1943 г. в ответ на массовые облавы в Варшаве, проведенные по приказу Гимmlера, гвардейцы осуществили взрыв двух кинотеатров, посещавшихся немцами, после чего командующий СС и полицией в Генерал-губернаторстве Ф. Крюгер приказал прекратить облавы. В течение 1942—1943 гг. партизанские отряды ГЛ совершили около 280 нападений на посты и патрули полиции, вермахта, провели более 120 боев с гитлеровцами. Эти действия имели не только военный эффект, но и морально-психологический, поднимая настроение населения и вызывая беспокойство у оккупантов.

На рубеже 1942—1943 гг. важным очагом борьбы против гитлеровцев стал район Замосць (Люблинское воеводство), где в то время оккупанты проводили массовое выселение польского населения. В рамках Генерального плана «Ост» предполагалось переселить сюда немецких колонистов. Зверства оккупантов вызвали сопротивление местных жителей, на помощь которым пришли отряды ГЛ, а также БХ. Генерал С. Ровецкий приказал штурмовым отрядам АК противодействовать выселению, но в то же время не допустить перерастания этих действий в партизанскую борьбу. Бои в районе Замосць продолжались до середины 1943 г. Гитлеровцам здесь не удалось полностью осуществить свои планы.

18 апреля 1943 г. по приказу Гимmlера немецкие власти приступили к ликвидации еврейского гетто в Варшаве. Еврейская боевая организация установила связи с главным командованием ГЛ и АК, подготовилась к обороне. Отряды ГЛ и АК помогли подземными каналами эвакуировать из гетто многих людей и нанесли ряд ударов по атаковавшим его гитлеровцам. Несмотря на мужество его защитников, после нескольких недель упорных боев восстание в гетто в июле 1943 г. было подавлено. В течение всего 1943 г. гитлеровцы осуществляли акции по «решению еврейского вопроса», в результате которых в общей сложности было уничтожено более 3,2 млн польских граждан еврейской национальности.

Страшная судьба еврейского населения произвела огромное впечатление на польский народ. Становилось очевидным, что в удобный для себя момент гитлеровские власти могут приступить и к массовому уничтожению поляков, тем более что облавы на улицах и расстрелы становились повседневным явлением. ППР считала, что террор оккупантов можно остановить только усилением вооруженного отпора, эффективность которого показали действия ГЛ, БХ и отрядов АК по защите жителей Замосць.

Победа Красной Армии под Сталинградом оказала огромное морально-психологическое воздействие на настроения польского населения, особенно молодежи. В конце 1942 — начале 1943 г. активистами ППР была создана революционная молодежная организация, идейно, политически и организационно связанная с ППР и ГЛ, которая позднее получила название «Союз борьбы молодых». Ее первым руководителем стала Х. Шапиро-Савицкая. Многие члены Союза пришли в него из АК, привлеченные возможностью принять активное участие в боевых действиях. В феврале 1943 г. разведотдел АК признал, что в польском обществе террор оккупантов пробудил стремление к активной самообороне.

ППР, продолжая курс на создание национального фронта, 15 января 1943 г. обратилась с «Открытым письмом... к Делегатуре правительства генерала Сикорского», в котором, призывая порвать с пассивным ожиданием с «оружием у ноги», выражала готовность к сотрудничеству. Сикорский в депеше Делегатуре требовал «безусловно отвергнуть тех, кто стремится к советизации Польши». В подполье же по вопросу об отношении к ППР мнения разделились: левые партии СЛ-«Рох» и ПС, как и делегат профессор

Я. Пекалкевич (людовец), сменивший на этом посту К. Ратайского в сентябре 1942 г., были склонны к переговорам с ППР, но «санационные» и эндецкие круги решительно возражали. Арест 19 февраля Я. Пекалкевича и его замена Я. Янковским (СП), до войны принадлежавшим к правому крылу христианских демократов, усилили позиции противников переговоров с ППР. Тем не менее переговоры в феврале 1943 г. все же состоялись. ППР была готова подчинить ГЛ командованию АК на условии ее полной автономии, перехода к активной вооруженной борьбе и «сотрудничества с Восточным фронтом», соглашалась признать эмигрантское правительство в качестве временного. Делегатура же требовала от ППР безоговорочного признания этого правительства и полного ему подчинения, публичного заявления, что ППР независима от каких-либо «непольских центров» и готова к бескомпромиссной борьбе с любым, кто вторгнется на территорию Польши. ППР должна была также признать довоенные польские границы.

Переговоры не дали никаких результатов. Антисоветские настроения всех партий «лондонского лагеря», их отношение к ППР как «агентуре Москвы» не изменились. Разрыв отношений между польским эмигрантским правительством и СССР еще больше усугубил негативное отношение к Советскому Союзу и ППР.

В ПСК произошел сдвиг вправо: новый делегат Янковский разрешил длившийся с 1942 г. спор между ВРН и ПС о представительстве в пользу ВРН, от имени которой в ПСК вновь вошел К. Пужак. 21 марта 1943 г. ПСК был переименован в Национальное политическое представительство (Крайова репрезентация политична, КРП). Но борьба между ПС и ВРН не прекратилась. В ПС произошел раскол между правым крылом, склонявшимся к сотрудничеству с ВРН, и левым, выступавшим против этого, и 11 апреля 1943 г. на съезде ПС была создана Рабочая партия польских социалистов (РППС), которая порвала с ВРН. Оценивая позицию «лондонского лагеря», резолюция съезда отмечала, что в нем происходит процесс «сближения... с эндецией и санацией и создание основ единого реакционного фронта». Участники съезда высказались против сотрудничества с ППР, как с партией, «призванной к жизни советскими элементами и не имеющей самостоятельной политической линии». На такую оценку ППР оказало влияние негативное отношение РППС к Советскому Союзу. Но в отличие от других партий «лондонского лагеря» РППС соглашалась с ППР в том, что настало время переходить к партизанской борьбе с гитлеровскими оккупантами.

Неудача попыток объединения всех сил движения Сопротивления обозначилась тогда, когда гитлеровцы усилили террор на всей территории Польши. Продолжался процесс ликвидации еврейских гетто, массовые расстрелы узников Павяка и других тюрем, выселения крестьян с территории Люблинского, Келецкого и других воеводств. И в то же время расширились действия партизанских отрядов ГЛ, советских партизан. В борьбу включались и Батальоны хлопске. В этих условиях командование АК изменило тактику —

вместо лозунга «ожидать с оружием у ноги» в начале апреля 1943 г. был выдвинут лозунг «ограниченной борьбы», которую должны проводить специальные отряды в зависимости от поведения оккупантов: «На усиление зверств немцев отвечать усилением наших акций». По-прежнему все действия АК были подчинены главной цели — подготовке всеобщего восстания в надлежащий момент и по приказу Главного командования.

ППР приветствовала частичное изменение тактики АК, которое создавало объективные возможности для расширения борьбы с гитлеровцами.

**АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ППР.
КРАЙОВА РАДА НАРОДОВА
И ДИВИЗИЯ им. Т. КОСТЮШКО**

К весне 1943 г. ППР превратилась в единую, действующую на всей территории страны партию. После гибели М. Новотко (он был убит на улице Варшавы 27 декабря 1942 г.) во главе партии встал П. Финдер. ЦК ППР поддерживал связь с Коминтерном, главным образом с Г. Димитровым, которая продолжалась и после роспуска этой организации в мае 1943 г. 1 марта 1943 г. ППР опубликовала декларацию «За что мы боремся?», в которой была сформулирована программа политических и социально-экономических преобразований в Польше после ее освобождения: создание временных демократических органов «от гминных и городских советов до правительства включительно», передача государству предприятий, захваченных оккупантами, и установление над ними контроля рабочего класса, возвращение мелким собственникам города и деревни их имущества, раздел между крестьянами помещичьих имений, союз с СССР и др.

Г. Димитров, ознакомившись с декларацией ППР, высказал ряд замечаний, направленных на то, чтобы более четко определить демократический характер органов власти. Он рекомендовал гарантировать неприкосновенность крестьянской собственности вне зависимости от ее размеров, исключить принцип плановости «во всех сферах экономической и культурной жизни», который ППР предлагала положить в основу восстановления экономики Польши. Замечания Димитрова были направлены на то, чтобы предлагаемая ППР программа стала приемлемой для людовцев и других демократов. «Мы не даем на данном этапе платформы социалистического строя», — подчеркивал Димитров.

Эта программа не получила положительного отклика в «лондонском лагере», который противопоставил ей свою точку зрения на преобразования в Польше после освобождения. 15 августа 1943 г. все четыре партии, входящие в Национальное политическое представительство, огласили декларацию о сотрудничестве до выборов в сейм, где заявляли о поддержке внешнеполитической деятельности эмигрантского правительства. Социальная программа была достаточно радикальна — она предусматривала передачу

в руки государства или органов самоуправления промышленных предприятий, находившихся под немецким управлением или принадлежащих Германии, а также бесхозных предприятий, что составляло примерно 90% их общего числа, проведение аграрной реформы за счет земель, принадлежавших немцам. СЛ-«Рох» пошло на значительные уступки, отказавшись от принципа изъятия без выкупа земли у крупных собственников.

Уступив в аграрном вопросе, руководители СЛ-«Рох» смогли усилить свое влияние в эмигрантском правительстве, которое после гибели генерала Сикорского возглавил в августе 1943 г. людовец С. Миколайчик и в котором из десяти мест людовцы получили три. Но руководство «лондонского лагеря» в Польше — делегат Янковский и новый командующий АК генерал Т. Коморовский (псевдоним — Бур), занявший этот пост после ареста гестапо 30 июня 1943 г. генерала С. Ровецкого, — стремилось действовать более самостоятельно, чем это было возможно при Сикорском.

Коренные изменения в международной обстановке в 1943 г. после разгрома гитлеровцев под Сталинградом и Курском и дальнейшее укрепление антигитлеровской коалиции не привели к пересмотру «лондонским лагерем» отношения к СССР и ППР. Действовавшая вне рамок АК крайне правая вооруженная группировка СН — Национальные вооруженные силы (Народовые силы збройне, НСЗ), провозглашавшая СССР и коммунистов «врагом № 1», — начала братоубийственную войну: 9 августа 1943 г. отряд НСЗ уничтожил у деревни Борув (Люблинское воеводство) группу ГЛ — 26 гвардейцев и четырех местных крестьян.

ППР, убедившись в том, что позиция «лондонского лагеря» делает невозможным создание широкого национального фронта, изменила курс. В ноябре 1943 г. была опубликована вторая декларация «За что мы боремся?», написанная секретарем ЦК ППР В. Гомулкой. В ней были сформулированы более радикальные требования, чем в мартовской декларации: создание демократического государства, в рамках которого «рабочий класс и трудящиеся массы будут стремиться к переходу к социалистическому строю», национализация крупной промышленности, банков и транспорта, введение рабочего контроля на производстве, планирование экономики, экспроприация без выкупа помещичьих земель и их раздел между крестьянами и сельскохозяйственными рабочими и т. п. Отказывая эмигрантскому правительству в праве на власть, ППР тем самым заявляла, что она начинает борьбу за народный строй, основанный на союзе рабочего класса и крестьянства. Это была новая стратегическая концепция ППР — концепция демократического национального фронта, рассчитанная на осуществление при поддержке Советского Союза.

Для реализации этой программы ЦК ППР приступил к созданию в стране противостоящего «лондонскому лагерю» второго политического центра — Крайовой рады народной (КРН), надеясь привлечь на свою сторону РППС и левое крыло СЛ-«Рох». Руководство РППС, безуспешно пытавшееся договориться с СЛ-

«Рох» об образовании в Польше «третьей силы», помимо «лондонского лагеря» и ППР, отказалось сотрудничать с ППР, однако группа членов РППС, несогласная с такой линией руководства (Э. Осубка-Моравский, С. Швальбе и др.), установила контакты с ППР. Согласие принять участие в КРН вопреки позиции руководства СЛ-«Рох» дала группа левых деятелей этой партии (В. Ковальский, А. Кожицкий). В середине декабря 1943 г. был опубликован Манифест демократических социально-политических и военных организаций, которые признавали цели и задачи КРН.

Подготовку к созданию КРН осуществлял новый руководитель ППР — В. Гомулка, возглавивший партию после того, как 27 ноября 1943 г. П. Финдер был арестован гестапо. В новогоднюю ночь 1944 г. на конспиративном собрании в Варшаве было принято решение об образовании Крайовой рады народной, которая провозгласила главной задачей вооруженную борьбу против гитлеровских оккупантов вплоть до полного освобождения страны. Из 31 члена КРН 11 представляли ППР, 9 — РППС, 5 — людовцев, остальные были беспартийными или принадлежали к мелким группам. Председателем КРН был избран Б. Берут (ППР). КРН приняла декрет об образовании Армии людовой (АЛ) как основной вооруженной силы польского народа. Командующим АЛ был назначен генерал М. Жимерский («Роля»), начальником штаба — полковник Ф. Юзвяк.

С образованием КРН в Польше возник противостоящий «лондонскому лагерю» политический центр, который рассчитывал при освобождении Польши Красной Армией, опираясь на ее поддержку, овладеть властью и создать правительство, призванное осуществить программу революционных преобразований.

В то время как в стране в условиях гитлеровской оккупации шла подготовка к борьбе за власть после освобождения, в Советском Союзе по инициативе эмигрантов-коммунистов возникла идейно близкая ППР организация — Союз польских патриотов (СПП) во главе с писательницей В. Василевской. Принятая съездом СПП в июне 1943 г. Идеино-политическая декларация провозглашала задачей Союза борьбу за демократическую Польшу, основанную на принципе народовластия. Как и ППР, СПП заявлял о необходимости ликвидации помещичьего землевладения, но не ставил вопроса об изменении форм собственности в промышленности. Советское правительство в мае 1943 г. дало согласие на просьбу СПП сформировать в СССР пехотную дивизию, которая в отличие от армии Андерса примет участие в войне совместно с Красной Армией. Во главе 1-й дивизии, которой было присвоено имя Т. Костюшко, был поставлен полковник Э. Берлинг, один из небольшой группы польских военнослужащих, оставшихся в СССР после эвакуации армии Андерса. Дивизия формировалась из польских граждан и ощущала острую нехватку офицерского состава, в связи с чем в нее была направлена большая группа советских офицеров, преимущественно польской национальности, прошедших школу войны.

12—13 октября 1943 г. 1-я дивизия им. Т. Костюшко приняла боевое крещение у местечка Ленино в Белоруссии. Этот бой положил начало действиям на советско-германском фронте возрождающегося Войска Польского как союзника Красной Армии.

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

С приближением Красной Армии к границам Польши международное положение эмигрантского правительства становилось все более сложным. Его расчет на то, что с помощью Англии и США удастся добиться восстановления отношений с СССР, не оправдался. Условия, предложенные Советским Союзом, — исключить из своего состава тех министров, которых Сталин считал «наиболее реакционными», и согласиться на границу с СССР по «линии Керзона» — были отвергнуты. Польское правительство отклонило и предложенную Великобританией формулу компенсации за утрату восточных провинций присоединением к Польше Восточной Пруссии, Гданьска и Опольской Силезии. В ноябре 1943 г. Тегеранская конференция Большой тройки, невзирая на эту позицию польского правительства, приняла предложение Черчилля, что «очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер», а также о передаче Польше части Восточной Пруссии и Опольской Силезии.

11 января 1944 г., уже после того как Красная Армия перешла довоенную границу Польши, Советское правительство выразило готовность к переговорам о возобновлении советско-польских отношений при условии принятия польским правительством «линии Керзона» как восточной границы Польши. Одновременно было впервые публично заявлено, что западные границы Польши должны быть расширены путем присоединения к ней исконных польских земель, захваченных в прошлом Германией. Несмотря на энергичное давление Черчилля, польское правительство отклонило это предложение.

«Лондонский лагерь» рассчитывал, что ему удастся заставить Советский Союз признать де-факто юрисдикцию эмигрантского правительства и Делегатуры действиями АК при вступлении на территорию Польши Красной Армии. Разработанный Главным командованием АК в ноябре 1943 г. на основе инструкции из Лондона план «Буря» предусматривал активные операции АК против отступающих немецких тыловых частей. При этом по отношению к советскому командованию командиры частей АК совместно с представителями подпольной гражданской администрации выполняли бы «роль хозяина» освобождаемой территории. Как признал несколько позднее генерал Т. Коморовский, этот план «давал Советам минимальную военную помощь», но создавал им политические трудности, вынуждая «силой сломить нашу волю».

В политической жизни «лондонского подполья» важным собы-

тием явилось решение делегата правительства и партий, входящих в состав Национального политического представительства, без предварительного согласия Лондона образовать 9 января 1944 г. Совет национального единства (Рада едності народовой, РЕН) в качестве противовеса КРН. РЕН возглавил К. Пужак (ВРН). Фактически РЕН начала функционировать в марте 1944 г. 15 марта была опубликована ее декларация «За что борется польский народ», в которой, подчеркивая необходимость полной победы над гитлеровской Германией, авторы выступали за возрождение Польши как парламентарной республики с сильным правительством и с границами на востоке, основанными на Рижском договоре 1921 г., а на западе включающими в состав Польского государства всю Восточную Пруссию, Гданьск, «клин поморский между Балтикой и устьем Одры, Опольскую Силезию». Декларация РЕН предусматривала осуществление решениями парламента ряда социально-экономических преобразований: переход в руки государства всех частных земельных владений размером свыше 50 га с возможным выкупом их государством и образование таким путем крестьянских хозяйств по 8—15 га, обобществление предприятий, если этого «потребует всеобщая необходимость», передача государству руководящих и контрольных функций в экономике, осуществление принципа планирования при поддержке государством частной инициативы и т. п. Включение в Декларацию положений, которые противоречили традиционным программам партий «лондонского подполья», должно было продемонстрировать их стремление к единству ценой взаимных уступок (СН даже обвинила авторов в стремлении к «коммунизированию Польши») для того, чтобы противостоять «неслыханным притязаниям восточного соседа» и попыткам «навязать нам образцы правления с востока».

В силу того что усилия командования АК в конце 1943 — первой половине 1944 г. были направлены на подготовку к осуществлению плана «Буря», АК, численность которой достигала 150—250 тыс., не развертывала активных действий против оккупантов. Отряды Кедива продолжали тактику «ограниченной борьбы», ликвидируя гестаповцев, чиновников немецкой администрации и коллаборационистов. Большой эффект произвело убийство командующего войсками СС в Варшавском дистрикте генерала Ф. Кучеры. Действия создававшихся партизанских отрядов АК, в рядах которых к началу 1944 г. насчитывалось около 3700 человек, были по приказу командования направлены в основном против немецких коммуникаций, идущих с востока на запад.

Армия людова, созданная на базе ГЛ, в течение первой половины 1944 г. включила в свой состав некоторые отряды БХ, Милиции людовой РППС и группы АК. Ее численность достигла 55 тыс. человек, в том числе в партизанских отрядах и группах действовало около 11 тыс. бойцов. Кроме того, с февраля 1944 г. ряд советских партизанских соединений перешли на польские земли за реку Буг. Совместные действия АЛ и советских партизан развертывались главным образом в Люблинском воеводстве.

В то время как КРН и РЕН готовились к схватке за власть в стране после ее освобождения, в Советском Союзе руководство СПП в конце 1943 г. выступило с инициативой образования альтернативного лондонскому эмигрантскому правительству Польского национального комитета из 20 человек, в котором десять мест отводилось СПП, пять — лондонской эмиграции и лишь пять — представителям из страны. Эта идея не была реализована, поскольку стало известно об образовании в Польше КРН. Но в январе 1944 г. без ведома и согласия ППР было создано Центральное бюро польских коммунистов (Центральное бюро коммунистов польских, ЦБКП) в СССР, действовавшее под руководством ЦК ВКП(б). В его состав входили А. Завадский (секретарь) и члены: Я. Берман, В. Василевская, С. Радкевич, К. Сверчевский. Узнав об образовании ЦБКП, Гомулка, обеспокоенный появлением еще одного центра польских коммунистов, направил в Москву декларацию ППР «За что мы боремся?» и другие документы, в которых подчеркивалось, что все вопросы, касающиеся Польши, должны решать только те органы, которые созданы в стране, а не в эмиграции.

ЦБКП пытался оказать воздействие на определение политического курса ППР. Критикуя линию ППР на образование национального фронта «снизу», путем соглашения с низовыми организациями, ЦБКП считал, что необходимо создавать его путем соглашения с руководством социалистов, людовцев и даже эндеков, связанных с лондонским правительством и его сторонниками в стране. Не зная хорошо ситуацию в Польше, ЦБКП упрекало ППР в сектантстве. Отвечая на эти упреки, ППР указывала, что неудача попыток образовать широкий национальный фронт объясняется не сектантством, а слабостью партии в глазах общества, связанной главным образом с отношением партии к проблеме восточных границ. ЦК ППР принял решение направить делегацию в Москву для переговоров с ЦБКП и Советским правительством.

Тем временем в Польше по инициативе руководства РПС в феврале 1944 г. был образован Центральный народный комитет (Центральный комитет людовы, ЦКЛ), объединивший ряд мелких группировок. Идеино-политическая декларация ЦКЛ была весьма радикальной — она содержала требования обобществления всех основных средств производства, частной торговли и доходных домов. ЦКЛ высказался за реконструкцию эмигрантского правительства путем удаления из него реакционных министров. Образование ЦКЛ было попыткой создать третий, помимо КРН и РЕН, политический центр в Польше типа межвоенного Центролева.

В СЛ-«Рох» после образования КРН и РЕН шел процесс консолидации левого крыла, которое осуждало политику руководства партии как несовместимую с интересами и традициями крестьянского движения. В феврале 1944 г. на съезде левых людовцев была образована группа «Воля люду», которая высказалась за участие СЛ в КРН и за вступление БХ в АЛ, но верхи партии по-прежнему отвергали предложения ППР о сотрудничестве.

ППР приветствовала образование группы «Воля люду» и оппозиционных групп в РППС, видя в этом потенциальную возможность переориентации в будущем СЛ и РППС. С ЦКЛ весной 1944 г. велись переговоры, но они не дали результата: предложение ЦКЛ войти совместно с КРН в состав РЕН в качестве объединенной оппозиции было отвергнуто ППР. По вопросу о дальнейших отношениях с ЦКЛ в ЦК ППР возникли разногласия: часть членов ЦК ППР — Б. Берут, Ф. Юзьвяк, Х. Хелховский, — оценивая ЦКЛ как агентуру руководства «лондонского подполья», считали, что с ним необходимо вести борьбу, другая часть — В. Гомулка, А. Ковальский, И. Лога-Совиньский — указывали, что такая борьба будет на руку реакционным силам. По настоянию Гомулки ЦК ППР принял решение продолжать переговоры с ЦКЛ, с тем чтобы после его очищения от реакционных элементов принять в КРН. Недовольный этим решением Б. Берут без ведома других членов ЦК направил письмо Г. Димитрову, в котором, обвиняя Гомулку в диктаторских замашках и постоянных колебаниях от сектанства к оппортунизму и наоборот, призвал вмешаться в дела ППР.

Накануне освобождения Польши от оккупации в стране действовали два противоборствующих политических центра, каждый из которых готовился взять власть в свои руки. Вокруг КРН под руководством ППР, которая была в этом лагере основной политической силой, объединялись численно небольшие организации и группировки, представлявшие левые направления в рабочем социалистическом и крестьянском движении. КРН была связана с заграничным центром — СПП и ЦБКП, опиравшимся на довольно внушительную вооруженную силу — 1-ю Польскую армию, в рядах которой к июню 1944 г. насчитывалось 78 тыс. солдат и офицеров. Ориентация на Советский Союз, чьи войска неуклонно шли на запад, обеспечивала КРН мощную внешнюю поддержку в борьбе за власть.

Второй центр представляли Делегатура и командование АК, тесно связанные с лондонским эмигрантским правительством. Участие в этом лагере СЛ-«Рох» и ППС-ВРН давало возможность буржуазии, занимавшей в нем руководящие позиции, удерживать под своим влиянием значительные массы рабочего класса и крестьянства. Однако, как неоднократно признавалось в документах АК весной 1944 г., для настроений польского общества характерным был постоянный сдвиг влево, «сильная радикализация, особенно среди крестьян и нищающей интеллигенции».

Эти настроения усиливались в связи с тем, что после принятия декларации «За что борется польский народ» Делегатура не приняла никаких конкретных шагов, которые бы свидетельствовали о намерении руководства «лондонского лагеря» осуществить при освобождении аграрную реформу и национализацию промышленности. Эмигрантское правительство также не сделало каких-либо заявлений о своих планах относительно социальных реформ.

Международные позиции «лондонского лагеря» накануне освобождения были слабее, чем КРН. Внешнеполитические союзники — Великобритания и США — не поддерживали эмигрантское правительство в его главном споре с СССР — в вопросе о восточной границе, а рассчитывать на поддержку вооруженных сил западных союзников, находившихся далеко от границ Польши, было не реально. Столь же далека была и польская армия на Западе — ее 2-й корпус, основу которого составляли части, покинувшие СССР, весной 1944 г. сражался в Италии и не мог служить оружием в борьбе за власть в стране. Оставалась надежда на то, что слабо-вооруженные части Армии крайовой, используя страх основной массы населения перед «советской оккупацией Польши», о которой постоянно говорила пропаганда «лондонского лагеря», смогут при вступлении в страну Красной Армии попытаться поставить Советский Союз перед фактом появления политических структур, подчиненных эмигрантскому правительству, пользующемуся поддержкой союзных СССР западных держав.

К лету 1944 г. в еще находившейся под гитлеровской оккупацией Польше фактически уже существовали два «подпольных государства»: одно — во главе с КРН, в соответствии с решениями которой создавались подпольные рады народовы всех уровней — от гминных до воеводских, и другие — администрация, подчиненная Делегатуре и командованию АК. Решающее слово в признании того или иного «подпольного государства» принадлежало не польскому народу, а правительству той страны, чьи войска несли ему освобождение от фашистского яра.

УСТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ И РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦАХ (1944—1947 гг.)

ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Миколайчик, по-прежнему рассчитывая на поддержку западными союзниками польской позиции в вопросе о границах на востоке, на переговорах в Лондоне 20 и 23 июня с советским послом Лебедевым отверг предложенные ему условия: признание «линии Керзона» как окончательной границы, отказ от обвинений СССР по «Катынскому делу», реорганизация правительства путем смещения президента Рачкевича, генералов Соснковского, Кукеля и министра Кота. А в это время в Москве вела переговоры с Советским правительством делегация КРН, добиваясь признания ее в качестве полномочного представителя польского народа. Сталин, заявив, что эмигрантское правительство «в его сегодняшнем составе никогда не будет признано», вопрос о признании КРН в то время считал еще не созревшим, поскольку Рузвельт и Черчилль настаивали на том, что возможности урегулирования отношений с эмигрантским правительством еще не исчерпаны.

Одновременно делегация КРН вела переговоры и с СПП и ЦБКП. Главное правление СПП заявило о признании КРН как «истинного представителя польского народа», но, как и ЦБКП, не хотело подчинить КРН 1-ю Польскую армию. Они надеялись, что, опираясь на нее, эмигрантам, пришедшим из СССР, удастся занять решающие позиции в Польше после ее освобождения. Однако Сталин считал, что новое правительство должно возглавляться людьми из страны, а не из эмиграции.

23 июня 1944 г. Красная Армия, осуществляя операцию «Багратион», начала широкое наступление и, нанеся поражение группе немецких армий «Центр», вышла на линию Буг—Нарев. Командование АК пыталось осуществить план «Буря», но, когда 13 июля совместными действиями АК и советских войск был взят Вильнюс, попытка командования АК выступить в роли «хозяина» освобожденной территории и его отказ передать свои части в состав 1-й Польской армии привели к тому, что они были разоружены и интернированы. Таким же результатом закончилась и политическая демонстрация АК при освобождении Львова.

Между тем 21 июля завершились переговоры в Москве об образовании в Польше временного органа власти, который по настоянию Сталина получил наименование Польского комитета национального освобождения (ПКНО). Председателем ПКНО был избран Э. Осубка-Моравский (РППС), заместителями — В. Василевская (СПП) и А. Витос (СПП). Одновременно был принят декрет КРН

об объединении 1-й Польской армии в СССР и АЛ в единое Войско Польское во главе с генералом М. Жимерским. Его заместителями были назначены генералы Э. Берлинг и А. Завадский, начальником штаба — М. Спыхальский.

22 июля в первом освобожденном советскими войсками городе за Бугом — Хелме был опубликован Манифест ПКНО, провозглашавший, что эмигрантское правительство и его Делегатура в стране являются самозванной, нелегальной властью, которая своей авантюристской политикой толкала Польшу к новой катастрофе. «Единственным легальным источником» власти объявлялась КРН, действующая на основе Конституции 1921 г. Главной задачей новой власти было названо освобождение страны от гитлеровских захватчиков. Основой внешней политики Манифест ПКНО провозглашал «прочный союз с нашими непосредственными соседями — Советским Союзом и Чехословакией», стремление к дружбе и союзу с Великобританией, США и Францией.

Социальная программа Манифеста была менее радикальной, чем декларация ППР «За что мы боремся?». По настоянию ЦБКП в него не было включено требование национализации крупной промышленности, транспорта и банков, их предполагалось, как и всю немецкую собственность, передать под временное государственное управление. Для ускорения восстановления страны и удовлетворения «извечного стремления крестьян к земле» в Манифесте объявлялось о проведении аграрной реформы путем конфискации собственности немцев и предателей, а также помещичьих имений размерами выше 50 га. Такая программа была рассчитана на то, чтобы привлечь на сторону ПКНО не только рабочий класс, но и массы крестьянства, городской мелкой буржуазии.

Советское правительство с образованием ПКНО отказалось от выдвигавшихся ранее требований о реорганизации эмигрантского правительства и сразу же приступило к оформлению отношений с ПКНО как с единственно законной властью в Польше. 26 июля 1944 г. в Москве было подписано советско-польское соглашение о границе на основе «линии Керзона» с некоторыми отступлениями от нее в пользу Польши: к ней отходили Белосток и часть Беловежской пуши. СССР заявлял о поддержке требования Польши установить западную границу по рекам Одра и Ныса Лужицкая с включением в нее города Щецина. 1 августа 1944 г. Советское правительство признало официально ПКНО как фактическое правительство Польши.

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ

При освобождении Красной Армией восточной части Польши действовавшая в конспиративных условиях администрация «лондонского лагеря» пыталась выйти из подполья и взять власть. 25 июля представитель Делегатуры в Люблине объявил о том, что он приступает к осуществлению власти в городе от имени эмигрантского правительства, но уже на следующий день там начала функ-

ционировать Рада народов. Помимо Люблина, в течение непродолжительного времени в городах Замосць, Хрубешув, Билгорай, Лукув, Жешув, Тарнобжег, Пшемьсль и Белосток действовали две власти, но двоевластие было ликвидировано частями АЛ и советской военной администрацией, не признававшей органов «лондонского лагеря». Вооруженные отряды АК и других формирований, если они отказывались вступить в ряды Войска Польского, разоружались.

Хотя планом «Буря» не предусматривалась возможность восстания в Варшаве, форсирование Красной Армией Буга 21 июля ускорило принятие предварительного решения высшим командованием АК в Варшаве, которое было одобрено делегатом Янковским и руководителем РЕН Пужаком. После того как в Лондоне стало известно об образовании ПКНО, эмигрантское правительство уполномочило Янковского дать сигнал к восстанию в тот момент, который он сочтет для этого подходящим. Перед АК была поставлена задача овладеть столицей по крайней мере за 12 часов до вступления советских войск, с тем чтобы подпольные власти могли выступить от имени эмигрантского правительства в роли полномочных представителей польского народа. Победоносное восстание должно было вынудить Советский Союз признать лондонское правительство.

Предоставив руководству «лондонского подполья» выбор срока восстания, С. Миколайчик в сопровождении министра иностранных дел Т. Ромера и председателя Рады народной С. Грабского направился 26 июля для переговоров в Москву. Эта поездка была инспирирована Черчиллем, который рассчитывал, что образование ПКНО вынудит Миколайчика согласиться принять решения Тегеранской конференции и пойти на объединение «всех поляков» и создание временного правительства. Миколайчик же видел свою задачу в том, чтобы добиться восстановления польско-советских отношений, он выражал готовность признать «линию Керзона» в качестве временной демаркационной линии.

Во время пребывания в Москве Миколайчик 6 и 7 августа имел встречи с председателем КРН Б. Берутом, председателем ПКНО Э. Осубкой-Моравским и другими представителями ПКНО. Премьер эмигрантского правительства отверг предложение возглавить единое правительство из 14 членов ПКНО и четырех министров из эмиграции. Не было достигнуто и соглашение по вопросу о конституции Польши: Миколайчик настаивал на сохранении Конституции 1935 г., тогда как ПКНО считал необходимым заменить ее более демократической Конституцией 1921 г. Неуступчивость Миколайчика объяснялась тем, что он по-прежнему рассчитывал на поддержку своей позиции США и Великобританией, а также на успех восстания в Варшаве, которое укрепило бы позиции эмигрантского правительства внутри страны и в переговорах с СССР.

Во время как Миколайчик направлялся в Москву, линия фронта приближалась к Варшаве. 23—25 июля началась эвакуация

немецких учреждений из столицы. Командование АК пришло к выводу, что в ближайшее время возможно занятие Варшавы Красной Армией и переход власти к ПКНО. Но уже с 27 июля ситуация начала меняться. Гитлеровцы подтянули в район Варшавы крупные силы, в том числе танковые дивизии, и вынудили Советские войска, которые вели наступление на этом направлении, перейти с 1 августа к обороне. В командовании АК не было единодушия в вопросе о том, созрела ли обстановка, благоприятная для восстания, но, когда 31 июля появилось непроверенное сообщение, что якобы советские танки вступают в восточное предместье польской столицы, на совещании штаба АК генерал Т. Бур-Коморовский с согласия делегата Янковского отдал приказ начать восстание в Варшаве в 17 часов 1 августа.

Решение о восстании было принято без согласования с советским командованием и командованием Войска Польского, а также командованием АЛ и других конспиративных военных группировок, находившихся в Варшаве. Руководству АК было известно, что английское правительство обещало лишь незначительную помощь восстанию, ответив отрицательно на просьбу выслать бригаду парашютистов из Англии. Польский Верховный главнокомандующий генерал Соснковский, находившийся с 11 июля в Италии в расположении польских войск, не давал санкции на восстание. Принимая решение, командующий АК Бур-Коморовский, делегат Янковский и премьер Миколайчик руководствовались прежде всего политическими соображениями — поставить Советский Союз и его западных союзников перед фактом перехода власти в Варшаве к органу, противостоящему ПКНО и Советскому Союзу, для чего 26 июля эмигрантское правительство назначило трех министров Краевого совета министров во главе с вице-премьером Янковским.

Восстание в Варшаве начиналось в неблагоприятных условиях. Против 15—16 тыс. немецких солдат и офицеров сражались 1,5—2,5 тыс. повстанцев. Попытки захвата важных стратегических пунктов столицы — мостов через Вислу, вокзалов, аэропорта, цитадели и др. — закончились неудачей. Не удалось восстание в правобережной Варшаве — на Праге и в Грохове. Некоторые отряды АК стали уходить из города в близлежащие леса. Положение изменилось с присоединением к восставшим гражданского населения. На рассвете 2 августа началось строительство баррикад, которые помешали передвижениям по улицам немецких танков. Десятки тысяч жителей, прежде всего молодежь, вступали в повстанческие отряды, оказывали им всевозможную помощь. Участие гражданского населения и находившихся в городе частей АЛ в восстании превратило его из политической демонстрации, направленной против ПКНО и СССР, в массовое национально-освободительное, антифашистское выступление.

В планы Советского командования не входило немедленное взятие Варшавы, главный удар по гитлеровцам наносился южнее столицы, где 1 августа был создан плацдарм в районе Магнушева. Угроза Варшаве с юга вынудила немецкое командование пере-

бросить сюда танковые и другие части, что позволило повстанцам продолжать борьбу. Прямой помощи восстанию со стороны Советского Союза оказано не было. Сталин продолжал оценивать его только как политическую демонстрацию и в ответ на призыв Черчилля о помощи повстанцам в своем послании от 16 августа 1944 г. заявил: «... Советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры». Вплоть до середины сентября Сталин не давал согласия даже на использование советских военных аэродромов союзными летчиками, сбрасывавшими повстанцам оружие и боеприпасы.

В начале сентября восстание переживало кризис. Гитлеровцы зверски расправлялись с повстанцами и гражданским населением. Энтузиазм первых недель постепенно, по мере того как исчезали надежды на быстрое освобождение, сменился пессимистическими настроениями, а в некоторых случаях — и капитулянтскими. Этому способствовали непомерные тяготы, которые переносили варшавяне, — голод, нехватка воды, болезни. 8—10 сентября с помощью польского Красного Креста была проведена эвакуация 20—25 тыс. больных, женщин, детей и стариков. В этой ситуации Краевой совет министров и Главное командование АК по-прежнему отвергали возможность взаимодействия с советским командованием и командованием Войска Польского. 9 сентября Бур-Коморовский по соглашению с Янковским принял решение начать с гитлеровским генералом фон ден Бах-Залевским переговоры о капитуляции. Эти переговоры затянулись в связи с тем, что части 1-го Белорусского фронта силами 47-й и 70-й армий перешли в наступление, в котором приняла участие дивизия им. Т. Костюшко. 14 сентября Прага была освобождена; одновременно к Варшаве с плацдарма под Магнушевом, где она находилась в течение всего августа — начала сентября, была переброшена 1-я Польская армия.

В ночь с 13 на 14 сентября советская авиация начала сбрасывать оружие, боеприпасы и продовольствие повстанческим частям, а 18 сентября над Варшавой появились 110 американских «летающих крепостей», но большая часть сброшенных ими грузов досталась в руки гитлеровцев. 1-я Польская армия, стремясь оказать прямую помощь повстанцам, по приказу генерала Берлинга в ночь с 15 на 16 сентября начала форсирование Вислы в районе Чернякува, где немцы вели наступление против повстанцев. 19 сентября была предпринята попытка переправы 8-го пехотного полка севернее Чернякува, но гитлеровцам, применившим танки, удалось нанести поражение польским частям, понесшим тяжелые потери. Приказом командующего 1-м Белорусским фронтом маршала К. Рокоссовского операция была прекращена.

Во время этих боев главные силы повстанцев, находившиеся в центре Варшавы и на Жолибоже, оставались пассивными, не предпринимая попыток облегчить положение Чернякува. Предложение командования Войска Польского оказать помощь в эвакуации повстанцев из Жолибожа на Прагу было отвергнуто. В конце

сентября гитлеровцы развернули наступление на оставшиеся центры сопротивления, а 2 октября 1944 г. в штаб-квартире фон ден Баха генерал Бур-Коморовский подписал акт капитуляции, согласно которому повстанцы получили права комбатантов, а гражданское население эвакуировалось из города. В плен попали 11 668 повстанцев, в том числе пять генералов. Общие потери повстанцев оцениваются в 22—25 тыс. убитыми и пропавшими без вести, гражданского населения — в 150—200 тыс. человек. По приказу Гитлера после эвакуации населения специальные команды приступили к уничтожению городских зданий.

Длившееся 63 дня Варшавское восстание явилось героической страницей в истории освободительной борьбы польского народа. Борьба с гитлеровцами на баррикадах Варшавы объединила всех польских патриотов независимо от их политических взглядов и принадлежности к различным вооруженным формированиям. Действия повстанцев и гражданского населения сковали крупные силы гитлеровских войск и тем самым оказали помощь Красной Армии. Немецкая 9-я армия, занятая подавлением восстания, потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 26 тыс. человек.

Политические расчеты эмигрантского правительства и руководства АК, принявших решение о восстании, провалились — «лондонский лагерь» проиграл борьбу с ПКНО и Советским Союзом. Авторитет эмигрантского правительства в глазах населения пошатнулся.

ОТ ПКНО

К ПРАВИТЕЛЬСТВУ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

ПКНО, избравший своей резиденцией Люблин, опирался лишь на революционно настроенное меньшинство польского народа, а его большая часть, прежде всего крестьянство и интеллигенция, с недоверием и опасением относились к правительству, прибывшему с востока и не признанному западными союзниками. Этому способствовали глубоко и издавна укоренившиеся в сознании поляков антикоммунистические и антисоветские настроения, сложившийся образ Советского Союза как тоталитарного государства. Но наличие на территории «люблинской Польши» 2,5 млн советских солдат и военных комендатур дало возможность подавить попытки подпольной администрации «лондонского лагеря» взять в свои руки власть на местах. Органы НКВД разоружили отряды АК.

Другой опорой ПКНО было Войско Польское, численность которого к концу 1944 г. была доведена до 290 тыс. человек. Командующим 1-й Польской армией взамен отправленного на учебу в Академию Генерального штаба СССР З. Берлинга был назначен советский генерал В. Корциц. Советский Союз направил в Войско Польское дополнительно 12 тыс. офицеров. Постепенно шел процесс создания органов безопасности и милиции, а также центрального и местного аппарата.

Ведущие позиции в новой власти занимала ППР, в рядах которой на освобожденной территории насчитывалось около 6 тыс. человек. В августе 1944 г. было сформировано Политбюро ЦК ППР во главе с В. Гомулкой. Все остальные посты в нем заняли прибывшие из СССР члены ЦБПК Я. Берман, Х. Минц, С. Радкевич, А. Завадский. В работе Политбюро принимал участие Б. Берут, но в октябре 1944 г. он формально был освобожден от обязанностей члена ППР, поскольку по Конституции 1921 г. глава государства не мог быть членом какой-либо партии.

С ППР сотрудничала возрожденная ППС, основу которой составила часть РППС, взаимодействовавшая с коммунистами в период оккупации. В ее рядах было всего несколько сот человек. На состоявшейся 10—11 сентября 1944 г. в Люблине партийной конференции (позднее она была названа XXV конгрессом ППС) были приняты решения, в которых подчеркивалось, что возрожденная ППС продолжает курс, разработанный РППС, а также следует традициям левого крыла социалистического движения. Конференция осудила антикоммунистические и антисоветские позиции довоенной ППС и ВРН, участие правых социалистов в «лондонском лагере» и призвала всех членов РППС и ВРН объединиться в единой, возрожденной, новой ППС, поддержать программу революционных преобразований, провозглашенную в манифесте ПКНО. В резолюции конференции подчеркивалось, что «ППС и ППР являются двумя братскими организациями, действующими среди рабочего класса». В состав временного руководства ППС вошли: Б. Дробнер — председатель Верховного Совета, Э. Осубка-Моравский — председатель ЦИК и С. Матушевский — генеральный секретарь ЦИК ППС.

17 сентября 1944 г. в Люблине по инициативе группы «Воля люду» собрался съезд леворадикальных людовцев, который критически оценил деятельность С. Миколайчика и высказался за поддержку ПКНО. В то же время многие людовцы выражали недовольство руководящей ролью ППР и требовали, чтобы состав ПКНО отражал и роль крестьянства как наиболее многочисленной части польского населения, имеющей право на управление страной. Председателем Главного правления был избран С. Котек-Агрошевский.

Четвертой политической партией в национальном фронте стала Демократическая партия (Стронництво демократычне, СД). На собрании группы демократических деятелей в Люблине 22 августа 1944 г. было решено возобновить деятельность СД как представителя части интеллигенции, которая, «не будучи еще сторонником социализма, ясно отдает себе отчет в том, что только путем широких реформ Польша может прорубить окно в Европу». В СД входили также мелкие предприниматели, ремесленники, торговцы. Шел процесс возрождения профсоюзного движения, связанного с ППР и ППС, и молодежных организаций, находившихся под идейным влиянием политических партий, — Союза борьбы молодых (ППР), Организации молодежи Товарищества рабочих университетов —

ОМТУР (ППС). Союза крестьянской молодежи «Вици» (СЛ). Все они поддерживали ПКНО.

После освобождения восточной части Польши вопреки положению Манифеста ПКНО о восстановлении права польских собственников начался процесс фактической национализации предприятий. Фабрично-заводские комитеты, которые сыграли большую роль в сохранении предприятий от разграбления гитлеровцами или их эвакуации, брали в свои руки руководство ими, стремились не допустить к управлению бывших собственников. По решению ПКНО национализации подлежали предприятия, принадлежавшие до войны Польскому государству, немецкому капиталу или рейху, а также коллаборационистам, остальные же либо оставались у польских владельцев, либо — в случае их отсутствия — переходили под временное государственное управление. Кредитно-финансовая система практически оказалась в руках государства, что лишило возможности сохранившуюся небольшую часть частных банков свободно распоряжаться своими капиталами. 6 сентября 1944 г. ПКНО издал декрет, по которому земли немцев, коллаборационистов, а также земли польских собственников, если их размер превышал 100 га общей площади или 50 га пахотных угодий, конфисковывались и передавались в госфонд для раздела их между крестьянами, причем максимальный размер вновь созданного хозяйства устанавливался в 5 га. Наделы за небольшую плату крестьяне получали в собственность, свободными от долгов и каких-либо обязательств. Часть земли предназначалась для организации государственных хозяйств. Реально же ввиду недостатка земли новые наделы не превышали 2—3 га. Середняки, составлявшие основную массу участников людовского движения, на увеличение своих наделов не могли рассчитывать. Безземельные крестьяне, не получившие заветных 5 га, были также недовольны. Большинство крестьянства оказалось в стороне от реализации реформы и продолжало занимать выжидательную позицию.

На встрече с делегацией ПКНО в Москве 28 сентября — 3 октября 1944 г. Сталин потребовал от Берута проводить аграрную реформу «революционными методами». Тогда в деревню были направлены рабочие бригады из членов ППР и ППС, а также солдат и офицеров Войска Польского. Право на получение надела получили многосемейные середняки. Эти меры позволили ускорить осуществление реформы. К 20 декабря 1944 г. 200 тыс. га были распределены между 100 тыс. семей.

К концу 1944 г. были пущены многие промышленные предприятия, возобновились занятия в школах, был подготовлен к открытию Люблинский университет, стали издаваться газеты — орган ППР «Глос люду», пепеэсовский «Роботник» и др.

Новой власти приходилось преодолевать и сопротивление подпольных структур. Генерал Л. Окулицкий, покинувший Варшаву вместе с гражданским населением, 4 октября 1944 г. возглавил АК и приступил к созданию на ее базе конспиративной организации, целью которой была борьба уже не против гитлеровских

окупантов, а против администрации ПКНО и его политики. В ответ на это ПКНО 30 октября 1944 г. издал декрет об охране государства, предусматривавший суровые кары противникам нового строя вплоть до смертной казни.

На международной арене правительство Миколайчика пыталось добиться путем маневра согласия Советского Союза на признание его в качестве законной власти в Польше. На советско-английских переговорах в Москве 9—19 октября 1944 г. Миколайчик выразил готовность включить в свой кабинет трех коммунистов (он отождествлял ПКНО с ППР), отвергнув предложение ПКНО предоставить эмигрантским деятелям 20—25 % мест в едином правительстве. Убедившись в том, что в вопросе о границе с Советским Союзом нельзя рассчитывать на поддержку западных держав, Миколайчик по возвращении в Лондон предложил принять «линию Керзона», но кабинет отверг его позицию, и 24 ноября 1944 г. он был вынужден уйти в отставку. Новый кабинет, в который не вошли людовцы, возглавил представитель правого крыла ППС Т. Арцишевский. Правительство направило генералу Окулицкому инструкцию усилить борьбу против ПКНО.

В это же время ППР, оценивая положение в стране, предложила КРН преобразовать ПКНО во Временное правительство. Главой Временного правительства, сформированного указом КРН 31 декабря 1944 г., стал Осубка-Моравский, первым вице-премьером — В. Гомулка. ППР, ППС и СЛ получили по пять портфелей, СД — два. Председатель КРН Б. Берут начал именоваться президентом КРН. 4 января 1945 г. Советский Союз заявил о признании Временного правительства и установлении с ним дипломатических отношений.

ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАНЫ. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НА ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

12 января 1945 г. части 1-го Украинского фронта перешли в наступление, в котором принимала участие и 2-я Польская армия под командованием советского генерала С. Поплавского. 17 января была освобождена Варшава, 19 января — Краков и Лодзь. В этот день части 1-го Украинского фронта пересекли довоенную польско-германскую границу восточнее Вроцлава и, освободив всю Силезию, в конце января форсировали Одру. 1-я Польская армия приняла участие в составе 1-го Белорусского фронта в прорыве мощной полосы укреплений, прикрывавших выход к Балтийскому побережью, — Поморского (Померанского) вала. После упорных боев, начавшихся 8 марта, польские дивизии прорвали кольцо обороны Колобжега и 18 марта овладели городом. Здесь был совершен обряд «обручения Польши с морем» в знак возвращения Польше морского побережья. При звуках государственного гимна был водружен польский флаг, а один из солдат бросил в море золотое обручальное кольцо.

Войска 2-го Белорусского фронта, начавшие 10 февраля 1945 г. Восточно-Померанскую операцию, овладели Гданьско-Гдыньским укрепленным районом. 30 марта польские танкисты из танковой бригады имени Героев Вестерплатте водрузили над дворцом Артуса в Гданьске бело-красный польский флаг. На юге Польши части 1-го Украинского фронта вышли на рубеж Нысы Лужицкой. Таким образом, к весне 1945 г. не только вся территория Польши в ее довоенных границах была освобождена, но и фактически под ее контролем оказались те земли на западе, о возвращении которых в лоно Польского государства было заявлено в Манифесте ПКНО.

Польские вооруженные силы, в рядах которых к весне 1945 г. насчитывалось около 400 тыс. солдат и офицеров, в том числе 200 тыс. принимавших участие в боевых действиях в составе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, внесли значительный вклад в победу над фашизмом. Части 1-й Польской армии приняли участие в Берлинской операции и над рейхстагом рядом со Знаменем Победы было поднято и польское национальное знамя. 2-я Польская армия приняла боевое крещение в боях при форсировании Нысы Лужицкой, а затем в районе Дрездена и завершила свой путь в 30 км севернее Праги. Войско Польское, основу которого составили дивизии, сформированные при помощи Советского Союза, избрало кратчайший путь к освобождению страны — идя с востока, оно дошло до Берлина, и 3 мая его передовые части находились уже на берегах Эльбы.

Далеко от границ Польши сражались польские войска, основу которых составила покинувшая СССР армия Андерса. Они принимали участие в боях с немецкими и итальянскими войсками в Африке, затем в Италии, где покрыли себя славой в боях под Монте-Кассино в мае 1944 г., во Франции и Голландии, закончив боевые действия в немецком порту Вильгельмсхафен. Их общая численность достигала 200 тыс. человек. Если сравнить весь состав войск, развернутых странами антифашистской коалиции, то по их численности Польша уступала лишь Советскому Союзу, США и Великобритании.

По мере освобождения польских земель постепенно укреплялись международные позиции Временного правительства Польши. Еще в декабре 1944 г. глава Временного правительства Французской республики генерал Ш. де Голль во время переговоров со Сталиным выразил согласие на признание ПКНО без разрыва отношений с польским эмигрантским правительством и на установление новых границ Польши на востоке и западе. 30 января 1945 г. последовало официальное признание польского Временного правительства со стороны эмигрантского правительства Чехословакии.

На Ялтинской конференции глав правительств трех великих держав (4—11 февраля 1945 г.) «польский вопрос» занял одно из центральных мест. Черчилль заявил, что Великобритания не может признать Временное правительство, поскольку оно представляет лишь треть польского населения, и предложил создать

новое правительство, которое бы заменило и лондонское, и люблинское и действовало бы как временное до создания путем свободных выборов постоянного правительства. Рузвельт предлагал образовать «президентский совет» из польских руководителей, который бы затем создал правительство из представителей пяти партий. Западные лидеры надеялись таким образом обеспечить ведущие позиции в Польше за «лондонским лагерем», хотя в беседе с Миколайчиком (11 января 1945 г.) А. Иден сказал, что, «очевидно, в недалеком будущем мы будем вынуждены признать временное люблинское правительство и ввиду этого отказаться от признания польского правительства в Лондоне».

Сталин заверял своих партнеров, что Временное правительство пользуется популярностью среди поляков, поскольку его руководители не бежали из Польши, а боролись в подполье, а освобождение страны Красной Армией принято польским населением как великий национальный праздник и вследствие этого изменились настроения по отношению к России. Он заявил, что Временное правительство готово расширить свой состав за счет включения не скомпрометировавших себя деятелей эмиграции, но возражал против предоставления поста премьера Миколайчику.

В конечном итоге участники Ялтинской конференции приняли компромиссное решение, предложенное США и предусматривавшее реорганизацию Временного правительства «на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Для достижения соглашения о создании нового правительства, получившего наименование Польского правительства национального единства, была образована «комиссия трех» (Молотов, послы США и Англии в Москве). На новое правительство возлагалась обязанность как можно скорее провести всеобщие выборы, а участники конференции заявили о готовности признать его.

Вопрос о восточной границе Польши не вызвал особых дискуссий — было признано, что она должна идти по «линии Керзона» с отступлениями от нее на 5—8 км в пользу Польши. Относительно западной границы на конференции шли жаркие споры. Сталин предложил установить ее по линии Одра—Ныса Лужицкая (Западная) с включением Щецина. Черчилль, ссылаясь на негативное отношение британского общественного мнения к возможности выселения с этой территории 6 млн немцев и на трудности освоения их поляками, настаивал на ее ограничении линией Одра—Ныса Восточная. Рузвельт счел перенесение границы на Западную Нысу «малооправданным». После того как был решен вопрос о создании Временного правительства национального единства, участники конференции приняли компромиссное предложение Рузвельта: «Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе» и «по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет опрошено мнение нового Польского правительства национального единства».

Решение Большой тройки о Польше и границах, принятое без участия ее полномочных представителей, было неоднозначно оценено как в стране, так и в эмиграции. Многим полякам было трудно представить Польшу без ее восточных провинций и таких центров польской культуры, как Вильно и Львов, вернуться от вековой ягеллонской традиции к традиции Пястов. В кругах польской эмиграции Англию и США обвиняли в «предательстве польского дела», выражая согласие с позицией правительства Арцишевского, заявлявшего: «Мы не хотим ни Вроцлава, ни Щецина». Временное правительство Польши признало решения Ялтинской конференции.

Границы Польши на западе де-факто были установлены в феврале 1945 г., когда ГКО СССР объявил о передаче польской администрации по мере продвижения фронта территории до линии Одра—Ныса Лужицкая. С 27 февраля 1945 г. на Одре, в районе Челина, были установлены польские пограничные столбы.

НА ПУТИ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

На освобожденной территории был сразу же установлен контроль государства над немецкой собственностью, а по декрету КРН от 30 марта 1945 г. она переходила в собственность Польского государства. В связи с освобождением польских земель и фактическим присоединением к Польше территории до линии Одра—Ныса Лужицкая в декрет ПКНО об аграрной реформе были внесены дополнения и изменения: там, где для этого имелась возможность, создавались хозяйства размером 7—8 га, право на получение дополнительных наделов получили середняки, а тем, кто не мог рассчитывать на увеличение своего хозяйства до 5 га, предоставлялась возможность получить большой надел на возвращенных Польше территориях на западе и на севере. К середине 1945 г. в Центральной и Юго-Восточной Польше получили землю около 1,7 млн крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

В результате политики, проводившейся гитлеровцами, и военных действий Польша понесла огромные материальные и людские потери. Ее национальное достояние сократилось на 38 %. В развалинах лежала столица страны, а также возвращенные города — Вроцлав, Гданьск. Весной 1945 г. продовольствия не хватало даже для обеспечения снабжения по скудным нормам, а недостаток промышленных товаров вынудил правительство ввести такую меру, как самообеспечение рабочих коллективов путем продажи части производимой продукции на свободном рынке. На предприятиях нередким явлением были стачки рабочих, добивавшихся повышения заработной платы и улучшения снабжения.

Трудное экономическое положение осложнилось тем, что подполье продолжало борьбу против нового строя. 19 января 1945 г. генерал Л. Окулицкий издал приказ о роспуске Армии крайовой и освобождении бойцов АК от данной им присяги. Однако тем же

приказом офицерам АК предлагалось не выходить из подполья, сохранить оружие, штабы либо пытаться проникнуть в ряды Войска Польского.

Взамен АК была создана новая подпольная организация — «Неподлеглоць» («Независимость») — «Не», перед которой ставилась задача продолжать борьбу против Временного правительства и СССР, как «нового оккупанта».

Часть аковцев вышла из подполья и пыталась включиться в новую жизнь. Они имели все основания считать, что возрожденная Польша по достоинству оценит их участие в освободительной борьбе против немецких оккупантов. Однако органы НКВД и сотрудничавшие с ними польские органы безопасности применяли необоснованные репрессии против вышедших из подполья членов бывших АК и БХ. Арестованные НКВД или советскими военными властями предавались суду на основе советских законов. Действовал и декрет ПКНО об охране государства.

Оценивая ситуацию, сложившуюся после подписания Ялтинских соглашений, подпольная Рада Едносъци народовой в конце февраля 1945 г. заявила о своей готовности в качестве представителя «подпольной Польши» участвовать в работе по созданию Временного правительства национального единства. Генерал Окулицкий принял приглашение о встрече с представителем командования 1-го Белорусского фронта, но когда делегация, в которую входили, помимо Окулицкого, делегат Янковский, председатель РЕН К. Пужак и ряд деятелей подпольных партий — всего 16 человек, явилась на переговоры, то она была арестована, отправлена в Москву и предана суду по обвинению в совершении диверсий в тылу Красной Армии. Попытка Временного правительства добиться их передачи польским правоохранительным органам оказалась безуспешной.

После ареста Окулицкого вместо «Не» была создана Делегатура вооруженных сил (Делегатура сил збройных, ДСЗ) во главе с полковником Я. Жепецким. Перед ДСЗ была поставлена задача организации вооруженного сопротивления. Помимо ДСЗ действовал еще ряд вооруженных организаций — Гражданская АК (Обывательска армия крайова, ОАК), Польская организация (Организация польска, ОП) и др., которые проводили террористическую деятельность. Весной 1945 г. эта деятельность приобрела наибольший размах — в мае действовало, преимущественно в восточных воеводствах, 240 вооруженных отрядов и групп численностью около 32—33 тыс. человек. 24 мая 1945 г. для борьбы с вооруженным подпольем был создан Корпус внутренней безопасности.

Помимо этого в восточных воеводствах действовали отряды украинских националистов — Украинская повстанческая армия (УПА). Она противодействовала взаимной репатриации польского и украинского населения на основе соглашения, подписанного 9 сентября 1944 г. между ПКНО и правительством УССР. На западных и северных землях определенную опасность представляли

остатки частей вермахта и СС, а также подпольные нацистские группы «Вервольфа».

В сложной военной, политической и экономической обстановке первой половины 1945 г. шел процесс развития национального фронта. Ведущую роль в нем играла ППР, которая из кадровой партии к весне 1945 г. превратилась в массовую — в апреле в ее рядах насчитывалось около 300 тыс. человек, главным образом промышленных и сельскохозяйственных рабочих. На пленуме ЦК ППР в феврале 1945 г. Гомулка подчеркивал, что национальный фронт, сложившийся в годы войны, рассчитан на длительный исторический период, что объединившиеся в нем четыре партии ориентируются на создание в Польше строя новой, народной демократии. Однако, как признавало руководство ППР, в осуществлении этого курса в партии допускались сектантские извращения. Некоторые ее члены и партийные организации не сумели должным образом оценить сложные процессы, происходившие в союзных партиях, особенно в СЛ-«Рох», действуя по принципу «Кто не с нами, тот против нас», требовали установления диктатуры пролетариата по советскому образцу. Эти тенденции были осуждены Гомулкой на пленуме ЦК ППР в мае 1945 г., который подчеркнул, что «линия Центрального комитета и Политического бюро — это линия широкого сотрудничества с правительственной коалицией, линия связи партии с народом».

Шел процесс возрождения второй рабочей партии — ППС. 29 июня — 1 июля 1945 г. в Варшаве собрался XXVI конгресс ППС, на котором были представлены 150 тыс. членов партии. В докладах и решениях конгресса указывалось, что ППС является революционной марксистской партией, отвергающей идеологию и практику реформизма, она ставит перед собой цель в конечном итоге создать социалистическую Польшу. Конгресс высказался за то, чтобы ППС выступала в качестве равноправного партнера ППР и что строительством социализма должна руководить не одна партия, а рабочий класс. В решениях конгресса подчеркивалось, что политика дружбы с СССР может гарантировать Польше независимое существование, а трудящимся массам — осуществление их требований. Генеральным секретарем ЦИК ППС был избран освобожденный из немецкого концлагеря Ю. Циранкевич, председателем ЦИК — Э. Осубка-Моравский, а председателем Верховного совета — С. Швальбе.

В СЛ, численность которого к середине 1945 г. достигла 200 тыс. человек, среди которых было немало членов СЛ-«Рох», вышедших из подполья, пользовался популярностью Миколайчик, с именем которого многие связывали надежды на пересмотр аграрной реформы и на то, что он не допустит насильственной коллективизации. Весной 1945 г. многие воеводские организации СЛ фактически находились под контролем сторонников Миколайчика.

Идейная и политическая борьба шла в четвертой партии национального фронта — СД, где наметилась тенденция противопоставить партию другим участникам фронта, расширить ее социальную

базу за счет рабочих и крестьян, однако победу одержали сторонники сохранения СД как партии, представляющей интересы мелких предпринимателей и торговцев, участвующих в восстановлении страны, а также части интеллигенции.

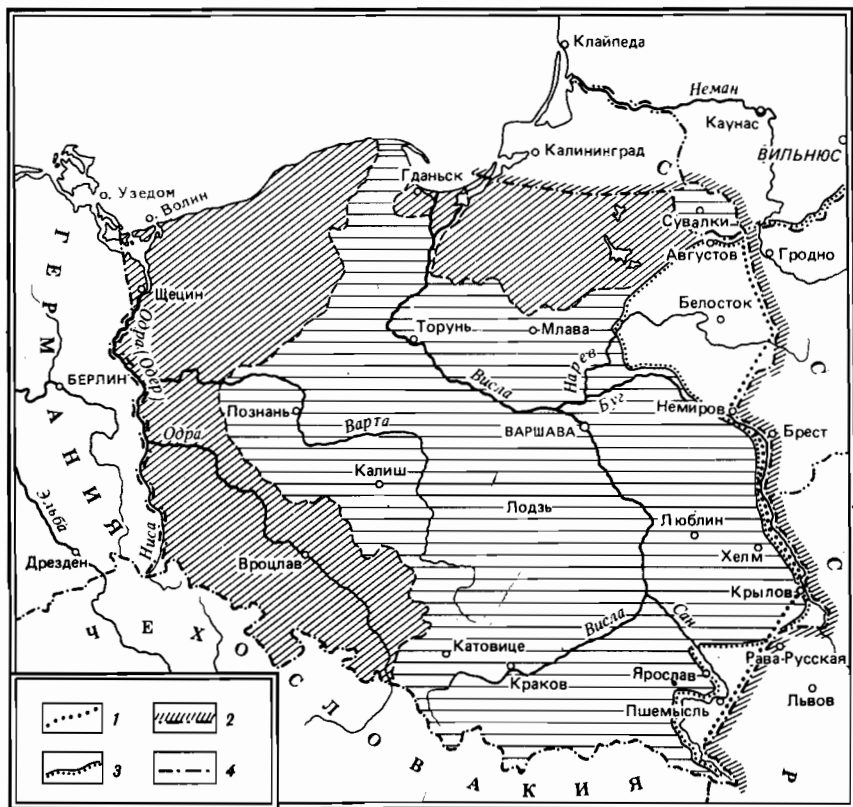
При всех слабостях и противоречиях, характерных для партий национального фронта, к середине 1945 г. обозначился перевес тех сил, которые поддерживали Временное правительство, над силами «лондонского лагеря». Помимо более чем 500 тыс. членов ППР, ППС, СЛ и СД, в стране насчитывалось уже около 700 тыс. членов профсоюзов. Временное правительство опиралось не только на довольно значительную социальную базу, но и на мощную внешнюю поддержку — 21 апреля 1945 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между Польшей и СССР.

Часть политических деятелей «лондонского лагеря» как в эмиграции, так и в стране была вынуждена признать реальность перемен в Польше и укрепление позиций Временного правительства. Миколайчик заявил о признании ялтинских решений о Польше, в том числе и о ее границах на востоке. На переговорах в Москве 17—21 июня 1945 г. между представителями Временного правительства и группой демократических и либерально-буржуазных деятелей из страны и эмиграции было достигнуто соглашение об образовании Временного правительства национального единства. Попытка Миколайчика добиться предоставления ему поста премьера не увенчалась успехом. «Мы вам предлагаем только такие места в правительстве, которые сами признаем возможными, — заявил на переговорах Гомулка. — Власти, нами завоеванной, мы не отдадим никогда».

Премьер-министром Правительства национального единства, состав которого 28 июня был утвержден президентом КРН Берутом, стал Э. Осубка-Моравский. Миколайчик получил пост вице-премьера, министра сельского хозяйства и по делам аграрной реформы; вице-премьером был назначен и В. Гомулка. В правительстве семь министерских постов занимали члены ППР, шесть — ППС, столько же — людовцы, в том числе четверо из группы Миколайчика, два — представители СД. В состав КРН вошли В. Витос* и С. Грабский. 29 июня Правительство национального единства было признано Францией, 5 июля — Великобританией и США, затем другими государствами. Дипломатические отношения с правительством Арцишевского сохранили лишь Ватикан, Ирландия, Куба и Ливан.

Делегация Правительства национального единства, возглавляемая президентом КРН Берутом, в состав которой входили Гомулка, Миколайчик, Роля-Жимерский и другие министры, на Потсдамской конференции глав правительств великих держав 17 июля — 2 августа 1945 г. отстаивала право Польши на границы по Одре

* Витос из-за болезни не участвовал в переговорах в Москве, а затем и в работе Президиума КРН.

ОБРАЗОВАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

1 — «линия Керзона»; 2 — советско-польская граница по договору от 16 августа 1945 г.; 3 — западная граница СССР к концу 1939 г.; 4 — прочие государственные границы Польши на 1945 г.

и Нисе Лужицкой. Черчилль и новый президент США Г. Трумэн были недовольны тем, что в польском правительстве преобладали «люблинские», а не «лондонские» поляки, Сталин настаивал на ликвидации правительства Арцишевского. Миколайчик стремился использовать свое пребывание в Потсдаме для того, чтобы заручиться поддержкой Запада в решении внутренних проблем Польши. Он представил члену американской делегации А. Гарриману три меморандума, в которых в качестве условий сохранения Польшей независимости ставил вывод советских войск с ее территории, обеспечение свободы деятельности крестьянской и других оппозиционных партий, гарантию прав частной собственности, скорейшее проведение свободных выборов под международным контролем и др.

Но, несмотря на давление со стороны английской делегации, польская делегация, поддерживаемая Сталиным, добилась того,

что вопрос о границах был решен без увязывания его с внутренними проблемами страны. Польше передавались территории восточнее линии, идущей от Балтийского моря через Свиноуйсьце (Свинемюнде) вместе с Щецином вдоль реки Одры и Нысы Лужицкой до границы с Чехословакией, а также часть Восточной Пруссии и округ бывшего Вольного города Гданьска. Хотя в решениях конференции оговаривалось, что окончательно границы Польши должны быть утверждены мирной конференцией, передаваемые ей земли рассматривались в качестве интегральной части. Немецкое население с этих территорий подлежало переселению в зоны, находящиеся под оккупацией союзных держав.

16 августа 1945 г. между Польшей и СССР было подписано соглашение, окончательно установившее границу между двумя государствами по «линии Керзона», но с отступлениями от нее не на 5—8 км, как это предусматривалось решениями Ялтинской конференции, а на 17—30.

Площадь Польского государства в новых границах составляла 312,5 тыс. кв. км, меньше по сравнению с довоенной на 77,2 тыс. кв. км. Линия морского побережья увеличилась с 140 до 581 км. В результате изменений границы на западе и на севере в состав Польши вошли крупные морские порты Гданьск и Щецин и промышленно развитые районы Силезии. По переписи, проведенной в феврале 1946 г., в Польше насчитывалось 23,7 млн жителей — на 11 млн меньше, чем до второй мировой войны. Это сокращение явилось результатом как войны, так и послевоенных миграционных процессов. По национальному составу Польша стала более однородным государством, подавляющее большинство населения которого было польской национальности.

ИЗМЕНЕНИЯ В РАССТАНОВКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Положение Польши после окончания войны было очень трудным. Страна находилась в движении — из Германии и Австрии возвращались поляки, угнанные на принудительные работы и освобожденные из концлагерей; начался процесс репатриации из СССР поляков и евреев, которые до 17 сентября 1939 г. имели польское гражданство. Многие из них направлялись властями на возвращенные земли, откуда велось переселение немцев в советскую и британскую зоны оккупации Германии. Из восточных воеводств шло переселение в СССР украинцев, белорусов и литовцев.

Те огромные потери, которые в годы войны понесло сельское хозяйство, — в 1945 г. сохранилось лишь 40 % довоенного количества лошадей. 34 % рогатого скота и 17 % свиней — определяли остроту продовольственной проблемы. Особенно трудным было положение рабочего класса — его реальная заработная плата в октябре 1945 г. составляла всего 20—40 % достаточно низкого довоенного уровня. Тяжелое материальное положение было одной из главных причин многочисленных стачек того времени.

Помощь Польше, оказываемая по линии ЮНРРА, и особенно советские поставки продовольствия и промышленных товаров позволили несколько смягчить трудности. Польско-советский торговый договор, подписанный в Москве 7 июля 1945 г., предусматривал взаимные поставки сырья и товаров, причем в 1945 г. из Советского Союза в Польшу доставлялось больше, чем из Польши в СССР. Советское правительство отказалось в пользу Польши от всех претензий на немецкое имущество на всей ее территории. По оценке советских экспертов, принятой польской стороной, разница между стоимостью имущества на землях, ранее принадлежавших Польше и отошедших к СССР, и возвращенных ей землях составила 5,5 млрд долларов в пользу Польши. В этой связи Польша обязалась доставлять Советскому Союзу каменный уголь по низкой цене — 1 доллар за тонну в течение всего времени оккупации Германии.

Возвращение в страну Миколайчика привело к серьезным изменениям в расстановке политических сил. Миколайчик, как ближайший сотрудник популярного руководителя людовского движения В. Витоса, сторонник парламентской демократии и традиционной ориентации на Запад, был восторженно встречен теми крестьянами-людовцами, которые опасались советизации Польши и введения колхозов. Первым его шагом явилось создание параллельно существующему руководству СЛ нового руководства. А когда радикальные людовцы отвергли предложения об объединении людовского движения при условии предоставления руководящих постов сторонникам Миколайчика, следующим его шагом стало образование 22 августа 1945 г. новой партии — Польске стронництво людове (ПСЛ). Хотя это означало нарушение соглашения о создании Правительства национального единства и раскол людовского движения, президиум КРН, желая сохранить только что образовавшийся широкий национальный фронт, дал согласие на существование в рамках фронта новой партии.

Численность ПСЛ стала быстро расти — в его ряды массами вступали, покидая СЛ, крестьяне как в основных регионах страны, так и на возвращенных землях. К январю 1946 г. в ПСЛ насчитывалось уже около 540 тыс. членов, и эта партия стала самой массовой в стране. Как признавал Миколайчик, его партия стала не классовой, а «общенациональной»: помимо крестьянства в нее вступали представители городской средней и мелкой буржуазии, интеллигенции. 19—21 января 1946 г. в Варшаве собрался конгресс ПСЛ, который принял программу партии. В соответствии с идеями аграризма об особой роли крестьянства, которое рассматривалось как единый социальный слой общества, программа ПСЛ подчеркивала «превосходство» крестьянского движения и право крестьянства сыграть наряду с рабочим классом роль «главного соправителя в государстве». Выдвигая популярную среди крестьянства идею «третьего пути» развития общества, ПСЛ выступало за сочетание государственной, кооперативной и частной собственности, отдавая при этом предпочтение мелкой частной собственности крестьян,

мелких и средних городских предпринимателей, торговцев и ремесленников. Считая, что основой экономики Польши должно быть сельское хозяйство, ПСЛ призывало руководствоваться примером Дании, отрицая необходимость индустриализации страны, создания крупной промышленности.

Политическая часть программы ПСЛ не содержала прямых нападок на Манифест ПКНО, с положениями которого Миколайчик согласился на переговорах о создании Правительства национального единства, однако выдвигала постулаты «защиты демократии», борьбы с «сверхцентрализацией», чрезмерной ролью государства. Требование ликвидации Министерства общественной безопасности, руководимого членом ППР С. Радкевичем, и передачи милиции в ведение Министерства государственной администрации во главе с членом ПСЛ В. Керником имело целью ослабить борьбу с оппозиционными силами. Миколайчик надеялся, что после возвращения с Запада польских офицеров удастся заменить ими советских, находящихся на службе в Войске Польском.

В целом ПСЛ, опираясь на широкую социальную базу в лице крестьянства, на рубеже 1945/1946 гг. представляло собой легально действующую оппозиционную ППР и строю народной демократии партию, стремящуюся к восстановлению существовавшей до 1926 г. парламентарной демократии. Прийти к власти Миколайчик и его сторонники рассчитывали путем свободных выборов, предусмотренных ялтинским и потсдамским соглашениями. Опыт выборов в Венгрии в ноябре 1945 г., где Партия мелких сельских хозяйств — аналог ПСЛ — завоевала 57 % голосов, как казалось лидерам ПСЛ, подтверждал их надежды.

Помимо ПСЛ на арене легальной политической борьбы стремились занять место и другие партии. В ноябре 1945 г. КРН дала согласие на легализацию Стронництва працы (СП). Программные тезисы СП, принятые в декабре 1945 г., провозглашали необходимость «великой моральной реформы», основанной на принципах христианской нравственности. Отмежевываясь от марксизма и всяких форм диктатуры, СП выступало в защиту частной собственности и буржуазной парламентарной демократии.

Неоднозначную позицию по отношению к новой власти занимала католическая церковь. 12 сентября 1945 г. правительство аннулировало конкордат 1925 г. между Польским государством и Ватиканом в связи с тем, что Ватикан нарушал его в годы гитлеровской оккупации, когда управление польскими епархиями на землях, присоединенных к рейху, было передано папой Пием XII немецким епископам. Одновременно правительство заявило, что католическая церковь получает полную свободу действий в рамках существующих законов. Примас Польши кардинал А. Хлонд в октябре 1945 г. сказал, что церковь не опасается «ни социальных перемен, ни народной формы правления, если не будут нарушены принципы неизменной христианской морали».

В июле 1945 г. пыталось возобновить легальную деятельность Стронництво народове (СН), но в соответствии с Манифестом

ПКНО, исключавшим возможность легализации реакционных партий, КРН отвергла просьбу СН. Оно продолжало действовать в подполье, сохраняя связь с правительством Арцишевского. Руководство СН выступило против поддержки Миколайчика, обвиняя его в том, что проводимый им курс сглаживает противоречия в обществе и ослабляет позиции подполья.

В первую годовщину опубликования Манифеста ПКНО декретом КРН день 22 июля был объявлен национальным праздником Возрождения Польши. В связи с этим была провозглашена амнистия участников подпольной борьбы, за исключением тех, кто выполнял руководящие функции. Но многие из них были арестованы до того, как декрет об амнистии вошел в силу 2 августа 1945 г. В результате амнистии сложили оружие и вышли из лесов около 42 тыс. человек. Однако в подполье в сентябре 1945 г. Жепецким была создана новая организация «Свобода и независимость» («Вольносьць и неподлеглосьць», ВиН). Продолжали действовать НСЗ, различные отряды СН и другие вооруженные формирования. ВиН провозглашала целью «воплощение в жизнь принципов демократии в западноевропейском понимании этого слова» и считала себя политическим объединением, фактически же была военной организацией, руководимой офицерами, и ставила своей целью свержение нового строя.

При общности целей методы борьбы легальной и нелегальной оппозиции против властей были различными. ПСЛ добивалось изменения аграрной реформы, увеличения наделов на возвращенных землях до 15—20 га. Министерство сельского хозяйства, которое возглавлял Миколайчик, в ряде случаев мирилось с таким нарушением условий реформы, как фиктивные парцелляции крупных имений или возвращение помещикам земли, переданной крестьянам. Для того чтобы приостановить эти процессы, правительство в ноябре 1945 г. издало декрет о неприкосновенности крестьянской собственности, полученной по реформе. Используя недовольство крестьян обязательными поставками, ПСЛ выступало за их отмену.

Нелегальная оппозиция вела вооруженную борьбу, направленную против органов безопасности, работников государственной администрации и политических деятелей. Для подавления подполья и действовавшей в восточных воеводствах УПА были направлены несколько дивизий Войска Польского.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ППР

Анализ сложившегося в конце 1945 г. положения был дан I съездом ППР, состоявшимся 6—13 декабря. К этому времени в рядах партии насчитывалось 225 тыс. членов, среди которых было 61 % промышленных и сельскохозяйственных рабочих, а также 11 % работников умственного труда. Из 1087 делегатов съезда 372 вступили в ППР в период оккупации, 659 были членами КПП, в числе которых значительную группу составляли коммунисты, прибыв-

В. Гомулка

Б. Берут

Солдаты
Войска Польского
раздают хлеб
жителям
освобожденного
варшавского
района Прага

шие из Советского Союза. Гомулка, выступавший с Политическим докладом ЦК, охарактеризовал единый рабочий фронт, единство действий обеих партий рабочего класса как гарантию «демократических форм, на которые опирается возрожденная Польша». Оценивая характер власти в Польше, Гомулка указывал, что в правительственную коалицию входят «демократические силы, состоящие из элементов либеральной и народной демократии», и делал вывод, что в дальнейшем, при укреплении политической власти последовательно демократическими элементами, возможен переход к социалистическому строю путем эволюционных социальных из-

менений, без диктатуры пролетариата. А. Фидлер, в прошлом член ЦК КПП, поддерживая Гомулку, говорил, что о социализме нужно вести речь в такой форме, «которая бы не отпугнула мелкобуржуазные массы». Э. Охав в докладе «О работе партии в деревне» заявил, что ППР является решительным противником коллективизации, ибо объективные условия, национальные традиции и психология польского крестьянства определяет иной, нежели советский, путь развития.

Некоторые участники съезда, выражая несогласие с такой позицией, считали, что в перспективе ППР предстоит борьба с ППС и СЛ, сотрудничество с ними носит лишь временный характер. Они настаивали на установлении «сильной власти», требовали разрыва с «кретинизмом легальности», усиления репрессий против оппозиции. Отвергая эти положения как сектантские, Гомулка указывал, что «правительство сильной руки — это прежде всего сильная партия, а борьбу с реакцией необходимо вести политическими средствами», отношение к ПСЛ определяется наличием в его рядах как реакционных, так и демократических элементов: с первыми нужно бороться, со вторыми — сотрудничать, завоевывать их для политики демократического фронта.

Дискуссия на съезде показала, что ее участники были едины в вопросе о необходимости нанести поражение главному противнику — партии Миколайчика, но расходились в тактике борьбы. Большинство признавало, что от прямого подавления следует отказаться, а нужно вести с нарастающей силой наступление на позиции ПСЛ среди крестьянства и мелкой буржуазии путем осуществления социально-экономических реформ, которые позволили бы сузить социальную базу ПСЛ и укрепить позиции ППР в обществе и национальном фронте. Съезд высказался за завершение аграрной реформы, юридическое оформление фактической национализации основных средств производства, транспорта и банков, одобрил проект трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства на 1947—1949 гг.

На съезде был избран Центральный комитет ППР. Генеральным секретарем ЦК ППР стал В. Гомулка, членами Политбюро, помимо Гомулки, — Я. Берман, А. Завадский, Р. Замбровский, Х. Минц, С. Радкевич, М. Спыхальский; Б. Берут, также избранный в состав Политбюро, формально оставался беспартийным, как президент КРН.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1946 г.

Одним из важнейших экономических вопросов, по которому шла борьба между ПСЛ и другими партиями коалиции была национализация промышленности. ППР стремилась не допустить осуществления принятого в мае 1945 г. закона КРН о возвращении владельцам части предприятий, находившихся под временным государственным управлением, в то время как ПСЛ настаивало

на его выполнении. ППР, ППС и Общепольский съезд профсоюзов, состоявшийся в ноябре 1945 г., высказались за принятие закона о национализации. ПСЛ, не возражая в принципе против этого, предлагало обобществлять предприятия, на которых было не менее 100 рабочих, занятых в одну смену. ПСЛ считало, что национализация приведет к «небывалому преимуществу государства над гражданами», а к тому же государство «никогда не было и не будет хорошим хозяином производства». Альтернативу национализации ПСЛ видело в передаче предприятий кооперативам и органам местного самоуправления. Такая позиция разделялась и частью деятелей СЛ, выступавших за передачу предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, крестьянским кооперативам. Большое значение развитию кооперативного сектора придавала и ППС.

После бурной дискуссии законопроект о национализации, представленный в КРН совместно ППР и ППС, был принят 3 января 1946 г. голосами всех партий, включая ПСЛ. Этот закон носил компромиссный характер: национализировались предприятия с числом рабочих более 50 в одну смену, но одновременно любой польский гражданин получал право создать новое промышленное или торговое предприятие, гарантировалось сохранение частной собственности, не подлежащей национализации, и ее возвращение владельцам, если она находилась под государственным управлением. Предприятия пищевой промышленности передавались кооперативам. Собственники национализированных предприятий получали возмещение от государства, размер которого и сроки выплаты законом не оговаривались. Без возмещения национализировалась собственность III рейха и его граждан, а также лиц, сотрудничавших с оккупантами. Законом о национализации юридически закреплялись изменения в сфере собственности, фактически осуществленные после освобождения страны.

Процесс национализации на старых землях занял весь 1946 г. и продолжался в 1947 г. На возвращенных землях к моменту принятия закона о национализации советские военные власти практически передали польским государственным органам все немецкое имущество, за исключением того, что было вывезено в СССР в качестве репарационных платежей Германии (его общая стоимость составила около 500 млн долларов).

В ноябре 1945 г. было создано Министерство по делам возвращенных земель, которое возглавил вице-премьер Гомулка. Возвращенные земли по своему экономическому потенциалу были более развитыми, чем многие другие регионы страны, но в ходе военных действий полностью или частично было разрушено около 70 % промышленных предприятий. Хозяйственное освоение этих территорий сопровождалось крупными миграциями населения. Помимо 1,2 млн немцев, покинувших эти земли в 1945 г., с февраля 1946 г., когда в соответствии с потсдамскими соглашениями началась их плановая эвакуация в различные зоны оккупации Германии, преимущественно в советскую и британскую, было переселено

еще 2,2 млн человек. Одновременно шел процесс заселения возвращенных земель репатриантами из Советского Союза и других стран, а также переселенцами из восточных воеводств. Проводилась верификация — проверка принадлежности к польской нации автохтонов, коренного польского населения, жившего здесь тогда, когда эти земли принадлежали Германии. Переселенцы и репатрианты получали немецкие хозяйства, а крупные поместья имения превращались в государственные. Из-за земли и имущества у вновь прибывших часто возникали конфликты с местным населением, во время которых власти нередко ущемляли права последнего, особенно в Вармии и Мазурах. Трудности освоения возвращенных земель усугублялись тем, что сюда в 1945 г. хлынули банды мародеров, которые занимались грабежом оставленного имущества и разбоем. К концу 1948 г. численность населения возвращенных земель составляла 5,2 млн человек, в том числе 1,3 млн репатриантов из СССР, 2,5 млн выходцев из восточных воеводств. 1017 тыс. автохтонов получили польское гражданство.

В конце 1945—начале 1946 г. оставалась нерешенной важнейшая политическая проблема — выборы в сейм. ЦК ППР в сентябре 1945 г. предложил создать блок всех шести легально действующих партий, которые выступали бы с единым списком кандидатов в сейм. Руководство ППС поддержало эту инициативу и 5 декабря 1945 г. от имени обеих рабочих партий предложило ПСЛ принять участие в этом блоке. На переговорах с ПСЛ представители ППР и ППС мотивировали необходимость сохранения блока всех демократических партий тем, что задачи восстановления страны и освоения возвращенных земель требуют единства всего народа. СЛ и СД заявили о поддержке идеи избирательного блока шести партий.

ЦК ППР и ЦИК ППС в письме к руководству ПСЛ предлагали предоставить в Законодательном сейме по 20 % мандатов ППР, ППС, ПСЛ и СЛ и по 10 % — СП и СД, в соответствии с этой пропорцией распределить и министерские портфели, принять новую конституцию, которая бы закрепила осуществленные преобразования, а в области внешней политики — укреплять дружбу с Советским Союзом и поддерживать дружественные отношения с США, Великобританией и Францией. ПСЛ выдвинуло контрпредложение, требуя для «представителей деревни» — ПСЛ и СЛ — 75 % мандатов (в том числе лишь 5 % для СЛ), ликвидации руководимых ППР министерств безопасности, снабжения, информации и пропаганды.

Отказ ПСЛ от предложений ППР и ППС фактически означал его переход к открытой конфронтации с рабочими партиями. Это привело к изменению тактики по отношению к ПСЛ. 27 февраля 1946 г. на совместном совещании актива ППР и ППС в Варшаве Гомулка выступил с резкой критикой Миколайчика, его политики в качестве премьера лондонского правительства, обвинил ПСЛ в связях с реакцией и в том, что в его рядах находятся элементы, не имеющие ничего общего с людовским движением. ППР и ППС

развернули пропагандистскую кампанию против ПСЛ, которая сопровождалась административными мерами, направленными на ограничение участия пеэселовцев в органах центральной и местной власти, сужение полномочий возглавляемых Миколайчиком и Керником министерств сельского хозяйства и общественной администрации, ужесточение цензуры над изданиями ПСЛ. Одновременно усилилась борьба с вооруженным подпольем. В феврале был создан Добровольный резерв гражданской милиции (Охотничья резерва милиции обывательской, ОРМО), в который направлялись члены ППР и ППС, молодежных организаций для содействия органам безопасности и милиции. Тогда же подразделения Войска Польского начали операции в Белостокском, Люблинском и части Варшавского воеводств, где действиями подполья фактически была парализована деятельность государственных учреждений.

РЕФЕРЕНДУМ И ВЫБОРЫ В СЕЙМ

В связи с отказом ПСЛ от участия в избирательном блоке на совместном заседании руководителей ППР и ППС в марте 1946 г. по инициативе ППС было выдвинуто предложение провести референдум, который позволил бы выяснить отношение польского общества к уже осуществленным преобразованиям и намечавшимся изменениям конституции. СД и СЛ поддержали это предложение, в то время как ПСЛ оспаривало его необходимость. Высказывая опасение, что проведение референдума может привести к отсрочке выборов, ПСЛ настаивало на определении их точной даты.

27 апреля 1946 г. Крайова рада народов приняла закон о референдуме, в котором могли принять участие все граждане, достигшие 21 года. На всенародное голосование были поставлены три вопроса: одобряешь ли Ты упразднение сената; хочешь ли утверждения в будущей конституции экономического строя, основанного на аграрной реформе и национализации основных отраслей народного хозяйства при сохранении определенных законом прав частной инициативы (последнее положение было принято по инициативе СД); хочешь ли утверждения западных границ по Балтике, Одре и Нысе Лужицкой.

Тактика ППР по вопросу о референдуме была определена пленумом ЦК, состоявшимся 2 июня 1946 г. В докладе Гомулки была дана оценка строя народной демократии в Польше, который, как он подчеркивал, «не является демократией того типа, которая существует в западных странах... и не подобна советской демократии». Развивая положения, высказанные на I съезде ППР о возможности перехода к социализму мирным путем, без диктатуры пролетариата и Советов, Гомулка указывал, что в рамках существующего парламентарного строя может действовать легальная оппозиция, не претендующая на его свержение и представляющая интересы средних слоев, мелкобуржуазных или мелкокапиталистических. ПСЛ же выходит за рамки легальной оппозиции,

поскольку стремится к уничтожению нынешнего режима и связано с реакцией, которая, не будучи в состоянии участвовать в выборах, всеми силами поддерживает ПСЛ. С самой решительной критикой ПСЛ выступило СЛ, обвиняя Миколайчика в том, что он своей политикой может привести к восстановлению власти помещиков.

На заседаниях руководства ПСЛ в мае 1946 г. было принято решение дать отрицательный ответ на первый вопрос. Свою позицию руководителя ПСЛ объясняли необходимостью создать вместо сената Главную экономическую палату, наделенную законодательной инициативой, в которой были бы представлены органы хозяйственного самоуправления. Часть руководящих членов партии (Т. Рек, Э. Бертольд и др.) 9 июня стали издавать еженедельник «Нове вызволене», в котором призывали к положительному ответу на все три вопроса референдума. Группа Река была исключена из рядов ПСЛ. Молодежная людовская организация «Вици», находящаяся под влиянием ПСЛ, вместе с молодежными организациями других партий заявила о своем позитивном отношении к вопросам, вынесенным на референдум, но предоставляла своим членам право свободного голосования. Руководство СП высказалось за отрицательное голосование по первому вопросу, выдвигая предложение создать вторую палату, состоящую на 2/3 из представителей органов хозяйственного самоуправления и на 1/3 из представителей органов самоуправления в области культуры и просвещения. Левое крыло СП во главе с З. Фельчаком призывало к положительному ответу на все три вопроса. Католическая иерархия заняла нейтральную позицию и не вмешивалась в политическую борьбу, связанную с референдумом, но в католической прессе преобладали высказывания в пользу двухпалатного парламента. Вместе с тем еженедельник «Дзись и ютро», издаваемый группой «светских католиков» во главе с Б. Пясецким, призывал избирателей выполнить гражданский долг, но не оговаривал своего отношения к поставленным вопросам. «ВиН» призывала ответить «нет» на первый и второй вопросы, а НСЗ — на все три.

В течение трех месяцев, предшествовавших референдуму, все политические партии и группировки, как легальные, так и нелегальные, вели активную пропагандистскую кампанию. Распространялись десятки тысяч листовок, действовали созданные Министерством информации и пропаганды пропагандистские и агитационные бригады, проводились массовые митинги и собрания. Наиболее активно действовали ППР и Союз борьбы молодых. Войско Польское принимало участие в агитационно-пропагандистской работе и в то же время выполняло охранные функции. Органы безопасности проводили массовые аресты, а на процессах над деятелями подполья выдвигались обвинения о их связях с ПСЛ. В мае—июне был распущен ряд местных организаций ПСЛ. Репрессии приняли такой размах, что Гомулка на пленуме ЦК ППР в мае 1946 г., признавая их необходимость в борьбе с реакцией, в то же время выразил обеспокоенность действиями органов безопасности. Они, как он говорил, проводят собственную политику, «в которую никто

не может вмешиваться», а в результате «в нашем государстве над нашими головами начинает вырастать второе государство».

Результаты референдума, состоявшегося 30 июня 1946 г., были следующими: приняли участие в голосовании 85 % лиц, внесенных в списки, из них положительно ответили на первый вопрос 68 %, на второй — 77,2 и на третий — 91,4 %. Особенно большое число негативных ответов было дано в Кракове: 84 % «нет» на первый вопрос, 59 — на второй и 30 % — на третий.

ПСЛ опротестовало результаты референдума, утверждая, что в ряде районов они были фальсифицированы, но протест был отклонен, как необоснованный. Значительное число отрицательных ответов, которые были даны в среде рабочего класса и крестьянства, объяснялось их тяжелым материальным положением. Выступая на активе ППР и ППС в Варшаве, руководители партий Гомулка и Циранкевич резко осудили тех, кто ответил отрицательно на все вопросы, особенно краковян, но вместе с тем признали, что среди тех, кто пошел за ПСЛ и СП, есть немало лиц, которые, не одобряя деятельность правительства, одновременно одобряют основы существующего строя, — это оппозиция, действующая в рамках демократической Польши.

После референдума обозначились сдвиги в СД и СП. I конгресс СД (13—15 июля 1946 г.) высказался против тенденции его превращения в массовую партию с широкой социальной базой и за партию, представляющую средние слои населения. В СП одержало победу левое крыло и созданное в августе 1946 г. новое руководство было склонно к сотрудничеству с партиями демократического блока.

Внутри ПСЛ усилились противоречия: члены руководства партии В. Керник, Ч. Выцех и др., признавая что ПСЛ «не имеет полного влияния на массы», считали, что нужно возобновить переговоры с ППР и ППС. Оппозиция в ПСЛ, выступая без согласия Миколайчика, потребовала на переговорах с ППР в августе 1946 г. для своей партии сперва 50 %, а затем 40 % мест в будущем сейме, но ППР соглашалась лишь на 25 %.

Позиции ПСЛ серьезно ослабила речь Черчилля в марте 1946 г. в Фултоне, положившая начало холодной войне, и особенно выступление госсекретаря США Д. Бирнса, который заявил, что решение о границах Польши не является окончательным. Эти высказывания вызвали многочисленные протесты, ибо показали, что Англия и США не заинтересованы в Польше как в союзнике и, следовательно, ориентация на Запад, которой придерживался Миколайчик, является ошибочной.

Курс ППР, направленный на борьбу с ПСЛ, вызвал беспокойство у руководства ППС, не без оснований опасавшегося, что он в конце концов приведет к установлению в Польше однопартийной системы. Оно добивалось равноправия с ППР при определении основных направлений политики государства и распределении постов в администрации. Э. Осубка-Моравский, С. Швальбе, Б. Дробнер и др. считали, что ППС может вполне обоснованно

претендовать на роль ведущей партии. ППС не была склонна к тому, чтобы поддержать безоговорочно ППР против ПСЛ, не хотела допустить ее полного разгрома.

13 октября 1946 г. ППР и ППС, осуждая речь Бирнса, обратились с открытым письмом к руководству ПСЛ, в котором повторяли предложение об участии ПСЛ в избирательном блоке и требовали от партии решительной защиты западных границ Польши и борьбы с подпольем. Но уже 18 сентября на пленуме ЦК ППР Гомулка обвинил ППС в стремлении привлечь ПСЛ к избирательному блоку за счет уступок, затем вместе с Миколайчиком образовать большинство в сейме. Эти обвинения не были обоснованными, в действительности лишь правое крыло ППС во главе с Жулавским выступало за неограниченную игру политических сил, центристское же руководство признавало необходимость ограничения свободы для противников рабочих партий.

26 сентября на заседании межпартийной согласительной комиссии было принято решение создать демократический блок четырех партий и распределить в будущем сейме мандаты таким образом: ППР и ППС — по 32 %, СЛ — 25 % и СД — 10 %. Избирательным законом были лишены права голоса те, кто сотрудничал с оккупантами или выступал с оружием в руках против нового строя. ПСЛ безуспешно протестовало против этого закона, справедливо указывая, что его расширительное толкование может быть использовано против тех избирателей, которые могли бы голосовать за эту партию. Руководство ПСЛ пыталось найти поддержку у великих держав. В октябре через посла Лебедева оно направило письмо Сталину, в котором жаловалось на преследования со стороны ППР, обвиняя ее в том, что она пришла к власти вопреки воле народа и узурпировала право на польско-советскую дружбу. Позднее Миколайчик в меморандуме, адресованном Англии, США и СССР, обвинял польское правительство в дискриминации ПСЛ.

Сталин внимательно следил за развитием ситуации в Польше. Во второй половине ноября 1946 г. в Сочи на встрече с руководителями ППР и ППС — Гомулкой, Циранкевичем и др. Сталин требовал, чтобы обе партии объединили усилия в борьбе против ПСЛ. «Если бы в Польше не было Миколайчика, — говорил Сталин, — то его нужно было бы создать», так как для демократических партий он играет роль громоотвода, предохраняющего их от натиска со стороны реакции. Очевидно, давление Сталина сыграло свою роль — 28 ноября было подписано соглашение о единстве действий ППР и ППС. Была достигнута договоренность о распределении постов в будущем правительстве и о том, что в организации избирательного процесса главную роль будет играть ППР. В знак протеста против этого соглашения из ППС вышел Жулавский.

В период предвыборной кампании репрессии против ПСЛ были усилены. В сентябре по предложению генерала М. Жимерского были лишены польского гражданства генерал В. Андерс и другие генералы и офицеры польских вооруженных сил на Западе, кото-

рые после их роспуска вступили в польский вспомогательный корпус под английским командованием. Это сделало невозможным их возвращение в Польшу, как рассчитывал Миколайчик. По обвинению в связях с реакционным подпольем были арестованы 147 кандидатов в депутаты от ПСЛ, а в десяти округах (из общего количества 52) списки ПСЛ были объявлены недействительными. В 36 повятах (уездах) деятельность ПСЛ была приостановлена.

1 декабря 1946 г. демократический блок обратился с воззванием к населению, призывая избрать такой сейм, который примет новую конституцию, закрепит проведенные реформы, обеспечит независимость Польши, нерушимость ее границ, прочный союз с СССР и другими народами. ПСЛ в своих воззваниях также заявляло об одобрении аграрной реформы, национализации промышленности, западных границ, союза с СССР, осуждало реакционное подполье. Но главное различие между противоборствующими сторонами было в вопросе о путях дальнейшего развития страны — идти ли ей по пути народной демократии и ориентироваться на СССР или по пути буржуазной демократии западного образца и ориентироваться на страны Запада во внешней политике.

В выборах в сейм, состоявшихся 19 января 1947 г., приняло участие, по официальным данным, 89,9 % имеющих право голоса. За демократический блок было подано 80,1 % голосов, за ПСЛ — 10,3 %. Выступавшие с отдельными списками СП и ПСЛ-«Новые вызволене» получили соответственно 4,7 и 3,5 %, прочие — 1,4 % голосов. При распределении мандатов в сейме демократический блок получил 394, ПСЛ — 28, СП — 12, ПСЛ-«Новые Вызволене» — 7, независимые католики — 3. ПСЛ опротестовало результаты выборов, утверждая, что они были фальсифицированы; Миколайчик обратился с соответствующим заявлением к правительствам США и Англии.

Поражение ПСЛ на выборах сделало невозможной реализацию отстаиваемой Миколайчиком концепции развития Польши. Не оправдались его надежды на решительную помощь со стороны США и Англии, которые выступили с заявлением, что Польша не выполнила обязательств, взятых на себя в Потсдаме, однако не решились на разрыв дипломатических отношений. Победа демократического блока показала, что силы, возглавляемые ППР, которые в 1944 г. представляли лишь революционное меньшинство населения, сумели завоевать на свою сторону значительную часть рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Завершился первый этап развития Польши по пути народной демократии. Она превратилась в страну, где не было больше помещиков и капиталистов, а власть представляла собой революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В СЕЙМ

На первом заседании сейма 4 февраля 1947 г. были избраны его руководящие органы и принят закон о президенте страны. На этот пост по инициативе партий демократического блока, поддержанной СП и ПСЛ-«Нове Выволене», был избран Б. Берут, партийная принадлежность которого не объявлялась. Новое правительство возглавил Генеральный секретарь ЦИК ППС Ю. Циранкевич. ППС в новом кабинете получила семь портфелей, включая премьера, ППР — шесть, СЛ — пять, СД — три, СП — два и ПСЛ-«Нове Выволене» — один. 19 февраля сейм принял Конституционный закон о государственном устройстве и высших органах власти, так называемую Малую конституцию, которая сочетала принципы буржуазно-демократической Конституции 1921 г., основные положения Манифеста ПКНО 22 июля 1944 г. и реформ, одобренных референдумом 1946 г. Сохранилось традиционное для парламентской демократии деление власти на законодательную (сейм), исполнительную (президент и правительство) и судебную. Преемником Президиума стал новый коллективный орган — Государственный совет, действовавший под руководством президента. Он был наделен правом законодательной инициативы, издания декретов, осуществления контроля над органами власти на местах — радами народowymi — и Высшей контрольной палатой, занимавшейся надзором за финансовой и экономической деятельностью органов власти, учреждений, предприятий.

Демократическому блоку, располагавшему абсолютным большинством в сейме, противостояла оппозиция в лице ПСЛ, имевшая всего 28 мандатов. В рядах этой партии начался разброд: весной 1947 г. оформилась оппозиционная Миколайчику фракция во главе с Ч. Выцехом, Ю. Нецько, К. Банахом, которая приняла наименование ПСЛ-левица (ПСЛ-Л). К ней примкнули десять депутатов сейма, избранных по списку ПСЛ. Молодежная организация ПСЛ «Вици» выступала за возвращение в коалицию всех депутатов ПСЛ.

Поражение ПСЛ на выборах способствовало и ослаблению деятельности вооруженного подполья, многие отряды которого стали вырождаться в обычные банды, занимавшиеся разбоем. Но в юго-восточных районах, особенно в Бещадах, еще продолжалась борьба с УПА, жертвой которой пал вице-министр обороны генерал К. Сверчевский, попавший в засаду на шоссе Санок — Балигруд. В результате операции «Висла», осуществлявшейся

в апреле—июле 1947 г. силами Войска Польского и Корпуса внутренней безопасности, основные силы УПА были уничтожены. Всего к лету 1947 г. было ликвидировано около 3,5 тыс. различных вооруженных формирований, в борьбе с которыми погибло 12 тыс. военнослужащих и милиционеров, 10 тыс. активистов ППР и других партий, а также около 1 тыс. советских солдат. Было убито около 8 тыс. членов различных подпольных группировок, многие тысячи украинцев подверглись переселению в северные и западные воеводства. Среди погибших защитников нового строя преобладали рабочие и крестьяне, среди его противников — крестьяне, опасавшиеся «советизации Польши», о которой постоянно предупреждало политическое подполье.

**ОБСУЖДЕНИЕ В ППР И ППС
ПРОБЛЕМ РЕОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОППОЗИЦИИ**

Анализ ситуации, сложившейся к весне 1947 г., был сделан пленумом ЦК ППР 13 — 14 апреля 1947 г. Гомулка, оценивая итоги выборов, пришел к выводу, что центр тяжести в политической борьбе переместился с ПСЛ на ППС, которая занимает в демократическом блоке место на правом фланге, «где-то перед Стронництвом працы». На ППС начинает ориентироваться, не меняя своих политических взглядов, та часть общества, которая до того шла за ПСЛ. В этой связи Гомулка счел необходимым дать оценку ППС как партии немарксистской, в которой сохраняется наследие пилсудчины и влияние правого крыла — ВРН. Популярные в ППС идеи «социалистического гуманизма» Генеральный секретарь ЦК ППР назвал «вздорными теориями», якобы имеющими цель оправдать компромисс с реакцией. Он категорически возражал против стремления ППС добиться паритета с ППР в Войске Польском, органах безопасности и милиции, заявлял, что это может привести к ослаблению борьбы с реакцией.

Хотя Гомулка неоднократно повторял слова о необходимости укрепления единства рабочего класса и сотрудничества двух рабочих партий, фактически он отстаивал право ППР занять монопольное положение как в политической жизни страны, так и в рабочем движении. О последнем свидетельствовало его высказывание о том, что инициатива и решение вопроса о создании единой партии рабочего класса должны исходить от ППР. ППР претендовала также на то, чтобы занять ведущие позиции в деревне, помогая СЛ как союзнической партии. Право ППР на руководящую роль Гомулка обосновывал тем, что она является единственной в демократическом блоке марксистской партией.

По вопросу о характере государства на пленуме разгорелась дискуссия. Х. Минц доказывал, что поскольку в Польше помимо ППР имеются и другие политические партии и на определенных условиях допускаются капиталистические элементы, то мож-

но говорить лишь о гегемонии пролетариата, а не о его диктатуре. А. Шафф считал, что диктатура пролетариата может иметь разные формы, в том числе и парламентской республики, существующей в Польше.

В докладе о положении в народном хозяйстве Х. Минц настаивал на необходимости поставить под контроль государства частный и кооперативный секторы. Это положение было поддержано Гомулкой и другими участниками пленума.

Апрельский пленум 1947 г. был первым форумом ППР после победы, одержанной над главным политическим противником — ПСЛ. Принятые им решения, которые тогда не публиковались, были направлены на то, чтобы обеспечить ППР ведущие позиции в руководстве как государством, так и экономикой. Курс на усиление роли государственного сектора в экономике и на национализацию как высшую форму обобществления, провозглашенный Минцем, выражал стремление к постепенной ликвидации капиталистического сектора и тех позиций, которые еще занимала в экономике страны буржуазия. Была поставлена задача, используя государственный аппарат и растущие позиции государства в экономике, подчинить рынок и сделать промышленность полностью социалистической, превратив при этом частнокапиталистический сектор в государственно-капиталистический. Таков был путь перехода к социализму, принятый ППР.

Иных взглядов придерживалась ППС. Соглашаясь с ППР, что переход к социализму может быть осуществлен эволюционным путем, без диктатуры пролетариата, теоретики ППС были против контроля со стороны государства над кооперативным сектором, мотивируя это тем, что кооперация непосредственно связана и с производителем, и с потребителем. В кооперации, а не в национализации они видели высшую форму обобществления. ППС выступала за сохранение в течение всего переходного периода трех секторов — государственного, кооперативного и частного, соглашаясь при этом с тем, что в руках государства можно сосредоточить производство средств производства, финансы, внешнюю торговлю.

Видный теоретик ППС Ю. Хохфельд высказал мнение, что эволюционный путь к социализму означает «синтез революционности и демократичности социалистической теории и практики» при одновременном отказе ППР и ППС от ошибочных концепций как коммунистического, так и реформистского крыла рабочего движения. Решение вопроса о создании единой партии рабочего класса в ППС считалось делом далекого будущего, на данном же этапе развития ППС отводила себе место своеобразного центра между ППР и СЛ.

Полемика между двумя партиями не ограничивалась только вопросами теории. 7 мая 1947 г. ЦК ППР, ссылаясь на ухудшение экономического положения Польши по сравнению с 1946 г., обратился к ЦИК ППС с письмом, в котором предлагал ввести строгий контроль над «рыночно-капиталистическими элемен-

тами», подчинить кооперацию государственному контролю. В ответном письме от 14 мая ЦИК ППС, признавая опасность дезорганизации рынка и нарастания инфляции, предлагал перенести центр тяжести борьбы за преодоление трудностей в сферу производства, увеличив средства на развитие легкой промышленности. Предложение ППР о создании государственного аппарата по закупке сельскохозяйственных продуктов ППС оценила как политический удар, направленный против кооперации.

Разногласия между ППР и ППС обнаружались и при подготовке плана восстановления экономики страны. Обе партии были согласны в том, что его основной целью должно быть повышение жизненного уровня населения по сравнению с 1939 г., но ППР считала, что этого можно достичь путем развития в первую очередь производства средств производства, а ППС отдавала приоритет производству средств потребления. В то время как Минц и другие экономисты ППР были сторонниками централизованных методов управления, теоретик ППС О. Ланге обоснованно указывал на опасность концентрации управления экономикой в руках бюрократии и связанных с этим привилегий в распределении национального дохода. ППС считала, что укрепление роли органов рабочего самоуправления на крупных предприятиях и развитие кооперации могут ограничить государственный централизм.

Под натиском ППР ППС была вынуждена постоянно отступать. 2 июня 1947 г. сейм принял предложенный министром промышленности Минцем закон, по которому правительство наделялось чрезвычайными полномочиями для борьбы против дороговизны и спекуляции. Специальные комиссии получили право контроля над ценами, были увеличены размеры налога с оборота. Государственные органы могли за злоупотребления закрывать частные магазины. Эти меры положили начало «битве за торговлю», которая фактически была направлена на значительное ограничение частной инициативы, подчинение ее, а также и кооперативного сектора в торговле государству.

Но при принятии 2 июля 1947 г. сеймом закона о Трехлетнем плане были утверждены положения, разработанные Центральным бюро планирования (ЦБП), которое возглавлял Ч. Бобровский (ППС). Главной задачей плана провозглашалось восстановление народного хозяйства, постепенное преобразование его структуры и повышение жизненного уровня населения. На начальном этапе намечалось развивать производство средств потребления, а в конечной фазе перенести центр тяжести на производство средств производства. Предполагалось добиться самообеспечения Польши продовольствием, за исключением молока и жиров. Ставилась задача объединить в единое целое возвращенные земли с другими областями страны. Таким путем можно было добиться в течение относительно короткого времени существенного улучшения экономического положения страны, после чего, как считал Бобровский, можно было приступить к решению проблемы развития промышленности.

Руководство ППР было несогласно с такой стратегией развития. При обсуждении в феврале 1948 г. проекта плана на 1948 г., предложенного ЦБП, в котором помимо экономистов ППР и ППС приняли участие Гомулка и Циранкевич, представители ППР подвергли резкой критике методы планирования ЦБП. Руководство Бюро обвинялось в том, что оно не учитывает достижений советской экономической мысли, не принимает во внимание классового деления польского общества, неправильно определяет национальный доход, отдает примат потреблению над производством. Бобровский был смещен с поста руководителя ЦБП, а план на 1948 г. был составлен в соответствии с предложениями Минца о формировании развития промышленности за счет сельского хозяйства.

Находившееся в оппозиции ПСЛ при обсуждении Трехлетнего плана выступало за предоставление приоритета сельскому хозяйству, ссылаясь на то, что в Польше нет условий для развития промышленности. Восстановление экономики ПСЛ считало возможным лишь при условии получения значительной помощи от Запада. Но ППР и ППС отвергали этот путь. 9 июля 1947 г. польское правительство дало негативный ответ на предложение принять участие в конференции по вопросу о «плане Маршалла», предусматривавшем оказание помощи со стороны США европейским государствам для восстановления их экономики.

Внутри ПСЛ все большей критике подвергались руководство и глава партии Миколайчик, требование отставки которого выдвигало ПСЛ-Л. Актив ПСЛ, созданный 5 октября 1947 г. по инициативе ПСЛ-Л, высказался за одобрение реформ, проведенных после 1944 г., за союз рабочего класса и крестьянства и за союз с СССР, как основу внешней политики Польши. 19 октября Миколайчик с помощью посольств Великобритании и США нелегально покинул пределы страны. 27 октября был сформирован новый временный состав Исполкома ПСЛ, в который вошли Ч. Выцех, Ю. Нецько, ряд других деятелей оппозиции.

Бегством из Польши завершилась политическая карьера Миколайчика. Его политическое поражение было одновременно и поражением партии, объединявшей в своих рядах не только массы крестьянства, но и значительную часть людей, недовольных существующим строем, его внешнеполитической ориентацией. Такая ситуация была результатом взаимодействия ряда факторов — разочарования в программе ПСЛ, которая не имела реальных шансов на осуществление, широкого использования ее противниками во главе с ППР административного натиска и репрессий, укрепления демократического блока, который, если судить по результатам выборов в январе 1947 г., сумел убедить большинство избирателей в том, что предлагаемый им курс может обеспечить лучшее будущее для Польши. Определенную роль в утрате ПСЛ позиций в обществе сыграло и разочарование в политике Запада: США и Великобритания не только не смогли оказать действенной поддержки своему стороннику в Польше, но и поставили под сомнение

правомерность возвращения ей земель на западе и на севере, куда уже переселились миллионы поляков.

С переходом в конце 1947 г. ПСЛ от позиций конфронтации к сотрудничеству с демократическим блоком завершился процесс ликвидации легальной оппозиции. Организованное крестьянское движение было представлено СЛ, занимавшим радикальные позиции, а также сближавшимся с ним ПСЛ. Это движение не заявило о признании руководящей роли рабочего класса в преобразовании общества, но поддерживало идею дальнейшего развития и укрепления существующего строя, которую отстаивали ППР и ППС. В Декларации о сотрудничестве СЛ и ПСЛ, подписанной в мае 1948 г., обе партии заявляли, что признают рабоче-крестьянский союз в качестве «фундамента народной демократии» и отбрасывают «ошибочные аграристские концепции».

К концу 1947 г. ППР в основных чертах сформировала свое представление о переходе к социализму. В выступлениях Гомулки в 1946—1947 гг. неоднократно подчеркивалось, что народно-демократическая власть в Польше родилась в иных условиях, чем Советская власть в России: ППР установила ее в коалиции с ППС и радикальными левыми, а наличие национального фронта дает возможность миновать этап диктатуры пролетариата, тем более что реакция не смогла поднять широкую волну контрреволюции; слабость реакции позволила применить демократические методы осуществления власти. Польский путь к социализму, говорил Гомулка, отличается от советского тем, что сохраняются многопартийная система, парламентарная демократия, при этом он делал акцент на том, что строительство социализма должно осуществляться в независимой, суверенной Польше.

ППС также придерживалась мнения, что Польша должна пойти к социализму своим путем, отличным от Советского Союза. В решении Верховного Совета ППС 30 июня 1947 г. говорилось: «Специфической чертой польской революции, польского пути к социализму является его эволюционность при опоре на революционные перемены и завоевания». При этом в решении Совета подчеркивалось, что Польше не нужен период диктатуры пролетариата, но в то же время не могут быть сохранены формы «мещанского либерализма». Как и ППР, ППС подчеркивала необходимость союза с СССР и сохранения Польшей суверенитета и независимости. Делая больший, чем ППР, акцент на осуществление демократических преобразований, ППС настаивала на постепенности их проведения как в политической, так и в экономической сфере.

ПОВОРОТ В ПОЛИТИКЕ ППР

Представления ППР и ППС о возможности мирного перехода к социализму соответствовали взглядам, распространенным тогда в международном коммунистическом движении. В июле 1946 г. Сталин в беседе с руководителем Компартии Чехословакии К. Готвальдом говорил ему, что для стран народной демократии возмо-

жен иной, чем для Советского Союза, путь к социализму — без диктатуры пролетариата и Советов. Руководители компартии этих стран в своих выступлениях 1945-1947 гг. подчеркивали значение национальных особенностей, отличия строя народной демократии от советского строя. Так продолжалось до осени 1947 г. В сентябре 1947 г. после консультаций руководства ВКП (б) с рядом коммунистических партий в Шклярской Порембе (Польша) собралось совещание представителей девяти коммунистических и рабочих партий — шести из стран народной демократии Европы (кроме Албании) и двух из капиталистических стран — Франции и Италии, а также из СССР. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов охарактеризовал народную демократию как новый тип государства, где «власть принадлежит народу, крупная промышленность, транспорт и банки принадлежат государству и ведущей силой является блок трудящихся классов во главе с рабочим классом». На этом основании был сделан вывод, что народы этих стран «закладывают основы перехода на путь социалистического развития». Жданов говорил об образовании двух лагерей — империалистического, антидемократического и антиимпериалистического, демократического — и негативно оценил деятельность социал-демократических партий на Западе, большая часть руководства которых, по его словам, выступала как «агентура империалистических кругов США».

Гомулка в докладе упомянул о «так называемом польском пути к социализму», о «польской революции», совершающейся в «рамках закона», хотя признавал, что этот путь «заключает в себе острую и кровавую классовую борьбу». Он говорил о необходимости ликвидации очагов оппозиции, создания заслона на пути проникновения английской и американской агентуры и враждебной идеологии, но его оценки положения в Польше во многом не были созвучны тезисам Жданова. Гомулка подчеркивал, что трехсекторная экономика находится под контролем государства, а ППС порывает с традициями антисоветизма и пилсудчины и хочет сотрудничать с ППР.

Признавая необходимость обмена мнениями и опытом между коммунистическими партиями, Гомулка опасался, что принятое совещанием решение об образовании Информационного бюро коммунистических и рабочих партий будет означать возрождение Коминтерна и установление контроля над суверенными партиями. Не имея возможности противостоять решениям, исходившим от Сталина, Гомулка добился того, чтобы не был создан постоянный секретариат Информбюро, и, ссылаясь на то, что в разрушенной Варшаве невозможно обеспечить условия для нормальной работы, отклонил предложение сделать ее резиденцией Информбюро. Отрицательное отношение Гомулки к образованию Информбюро не встретило поддержки членов Политбюро ЦК ППР, присутствовавших на совещании.

ЦИК ППС в своем решении от 21 октября 1947 г. приветствовал создание Информбюро, но заявил, что ППС имеет свой собст-

венный взгляд на проблемы международного рабочего движения, и выразил надежду, что в будущем может быть создана международная организация, объединяющая как коммунистов, так и социалистов. В ППС в это время шла подготовка к XXVII конгрессу. Программные тезисы к конгрессу были подготовлены Ю. Хохфельдом. По его мнению, рабочее движение должно отбросить как реформизм, свойственный социал-демократам, так и сектанство — характерное для коммунистов представление, что нужно использовать не только опыт, но и все образцы, заимствованные из истории Октябрьской революции. Хохфельд развивал ранее высказывавшийся им тезис о необходимости синтеза «социалистического демократизма и гуманизма и коммунистического революционного размаха». Прежде чем созреют условия для объединения обоих направлений в рабочем движении, необходим длительный период сотрудничества в едином фронте; к социализму можно прийти в рамках строя народной демократии, который не должен быть диктатурой пролетариата. Польское правительство Хохфельд характеризовал как осуществляющее «эволюционный путь к социализму».

XXVII Конгресс ППС, состоявшийся во Вроцлаве 14—17 декабря 1947 г., прошел под лозунгом, что ППС нужна польскому народу. Призыв Генерального секретаря ЦК ППР Гомулки, выступившего с приветствием конгрессу, ускорить процесс объединения не нашел поддержки у делегатов. Партийный актив ППС не был готов пойти на объединение с ППР, но Генеральный секретарь ЦИК ППС Ю. Циранкевич и другие участники дискуссии говорили о необходимости усиления сотрудничества с ППР на всех уровнях. Конгресс утвердил политическую резолюцию, в которой констатировалось «углубление сотрудничества обеих рабочих партий». Программные тезисы Хохфельда были признаны основой для дальнейшей дискуссии над программой партии.

Но ППС не смогла отстоять свою позицию и уступила натиску ППР. Сыграла свою роль та кампания, которую сталинское руководство ВКП(б) вело против международной социал-демократии, обвиняя ее в сотрудничестве с империализмом. 22 марта 1948 г. ППС заявила о выходе из Комитета международных социалистических конференций (КОМИСКО), созданного как реакция на образование Информбюро для координации действий социал-демократических партий. 23 апреля Верховный совет ППС заявил, что партия уже созрела для того, чтобы «в своем историческом марше сомкнуть ряды единства». Решительным сторонником объединения с ППР выступал Ю. Циранкевич. Конгресс, несмотря на сопротивление ряда делегатов, принял решение о проведении «чистки» в партии от так называемых правых элементов. Многие пепеэсовцы вышли из партии, выражая недовольство решением об объединении.

К декабрю 1948 г. численность ППС по сравнению с XXVII конгрессом сократилась на 220 тыс. человек — с 750 до 531 тыс. Из партии ушли или были исключены многие пепеэсовцы

с довоенным стажем, участники освободительной борьбы и строительства строя народной демократии, которые не могли согласиться на переход ППС по основным вопросам на позиции ППР.

По мере приближения объединения двух партий в руководстве ППР обнаружилось разногласия в оценках прошлого рабочего движения. 3 июня 1948 г. Гомулка выступил на пленуме ЦК ППР с докладом о традициях рабочего движения в Польше. Из-за напряженных отношений с другими членами Политбюро Гомулка не поставил его содержание на предварительное обсуждение, а представил непосредственно на пленарное заседание ЦК. Критически оценивая позицию СДКПиЛ, Гомулка высказал мнение, что негативное отношение этой партии к требованию независимости Польши не позволило ей занять в 1918 г. ведущие позиции в рабочем движении, ППС же в этом вопросе проявила больше политического реализма. «Борьба за независимость принадлежит к той прекрасной традиции ППС, которая должна быть положена в основу объединенной партии» — такой вывод сделал Гомулка, критикуя одновременно характерный для старой ППС реформизм. Подчеркивая заслуги СДКПиЛ и КПП в борьбе за социализм, он указывал на сектантско-догматические ошибки этих партий, такие, как выдвижение в 1918 г. КПП лозунга Польской республики Советов. По мнению Гомулки, объединенная партия должна продолжать лучшие традиции своих предшественниц — СДКПиЛ, КПП, ППР и ППС.

Положения доклада Гомулки, особенно его оценка ППС, не нашли поддержки пленума ЦК, а на заседании Политбюро, которое после пленума вопреки уставу ППР состоялось без участия Генерального секретаря, его взгляды были подвергнуты резкой критике за то, что он якобы хотел положить в основу объединенной партии «шовинистически-буржуазную концепцию ППС». Это означало возникновение кризиса в ППР. Углублению этого кризиса способствовала ситуация, сложившаяся в международном коммунистическом движении в связи с конфликтом между ВКП(б) и Коммунистической партией Югославии. Информбюро 28 июня 1948 г. приняло резолюцию «О положении в Коммунистической партии Югославии», в которой руководство КПЮ огульно обвинялось в отходе от марксизма-ленинизма и проведении ошибочной внутренней и внешней политики. Делегация ППР голосовала за эту резолюцию, хотя Гомулка был не согласен с той ее частью, где коллективизация деревни перед странами народной демократии ставилась в качестве непосредственной задачи.

О разногласиях в ППР Берут сообщил Сталину, который принял его 15 августа 1948 г. в Кремле, где, очевидно, и был решен вопрос о смещении Гомулки. На состоявшемся 31 августа — 3 сентября 1948 г. пленуме ЦК ППР Берут, официально вернувшийся к участию в работе ЦК ППР, сделал доклад «О правонационалистическом уклоне в руководстве партии и путях его преодоления». В нем Гомулка обвинялся в антиленинской оценке прошлого

польского рабочего движения, готовности сделать идеологической основой объединенной партии пепезовскую концепцию борьбы за независимость, непонимании идеологических принципов марксизма-ленинизма, недоверии к ВКП(б). Оппортунизм Гомулки по мнению Берута, особенно проявился в 1948 г. в связи с обострением классовой борьбы, прежде всего в деревне. В то время как рабочий класс, говорил Берут, стремится вести дальнейшее наступление на капиталистические элементы, а крестьянство хочет освободиться от кулацкой эксплуатации, эти элементы хотят «заморозить» существующую расстановку сил; Гомулка же, выступая против коллективизации, занимает оппортунистическую позицию. Берут обвинил «правую группу в партии» в том, что она высказывалась за концепцию сосуществования трех секторов в экономике. Из доклада Берута Гомулка с удивлением узнал, что тот еще в 1943 г. в письме к Димитрову обвинил его в оппортунизме.

Большинство из 30 членов ЦК, выступавших в прениях, поддержали основные положения доклада Берута. Гомулка, трижды бравший слово на пленуме, счел необходимым согласиться с большинством предъявленных ему обвинений, защищая лишь свою позицию как руководителя партии в период оккупации. Касаясь проблемы коллективизации, Гомулка по-прежнему настаивал на том, что ее можно решать только при условии добровольного согласия самих крестьян, лишь тогда, когда после восстановления экономики страны и освоения возвращенных земель для этого сложится благоприятная обстановка. В заключение Гомулка просил освободить его от обязанностей члена Политбюро.

Пленум ЦК ППР единогласно принял резолюцию «О правонационалистическом уклоне», в которой указывалось, что расхождения между Гомулкой и другими членами Политбюро носят не тактический, а принципиальный и идеологический характер и что партия в целом не была свободна «от проникновения чуждой, националистической и оппортунистической идеологии». Гомулка был освобожден от обязанностей Генерального секретаря ЦК ППР, З. Клишко — секретаря ЦК, И. Лога-Совиньский, А. Ковальский, М. Барыля, Г. Корчинский переведены из членов ЦК в кандидаты, а В. Беньковский выведен из состава ЦК. Генеральным секретарем ЦК ППР был избран Б. Берут.

Решения пленума ЦК ППР были поворотом в политике партии. Если, начиная с I съезда ППР, в партии говорилось о «польском пути к социализму», то теперь акцент делался прежде всего на опыт социалистического строительства в СССР. Это еще не было механическим копированием советской модели, в резолюции пленума упоминалось о необходимости учета «возможностей и специфических условий исторического развития Польши», но это уже представляло собой дань традиции.

Поворот в политике ППР был результатом не только разногласий в ее руководящем ядре, но и поворота в международном коммунистическом движении, связанного с образованием Ин-

формбюро и резолюцией «О положении в КПЮ». Принятие коммунистическими и рабочими партиями восточноевропейских стран диктата Сталина положило конец поискам собственных путей к социализму. Если Тито в конфликте со Сталиным получил поддержку ЦК КПЮ, то Гомулка практически оказался в изоляции в партии. Члены Политбюро, когда-то входившие в состав Центрального бюро польских коммунистов в СССР, оказались на стороне Берута, который был доверенным лицом Сталина. Сам Гомулка, как можно судить по его выступлениям на пленуме ЦК, не имел намерения противостоять давлению на него со стороны Берута, которого поддерживал Сталин. В партийном активе ППР поворот в политике ее руководства не встретил сопротивления. Многие активисты ППР были в прошлом членами КПП и рассматривали концепции, выдвигавшиеся в партии в 1945—1947 гг., лишь как тактическую линию, уступку ППС ради сохранения с ней единого фронта. Признание Гомулкой ошибочности своих взглядов также сыграло свою роль.

Практически без попытки отстоять свою позицию поворот в политике ППР приняла и ППС. 6 сентября 1948 г. Президиум ЦИК ППС, политическая комиссия ЦИК и Генеральный секретариат, ознакомившись с итогами пленума ЦК ППР, приняли его решения к сведению и выразили надежду, что Берут встанет во главе объединенной партии. 18—22 сентября на заседании Верховного совета ППС после бурной дискуссии по политическому докладу Циранкевича была принята резолюция, в которой была дана оценка прошлого ППС, допущенных ею «ошибок», осуждены как «ложные» теория «синтеза демократического социализма и революционного социализма», понимание народной демократии как золотой середины между революцией и реформизмом, убеждение в том, что трехсекторная экономика стихийно, без классовой борьбы рождает социализм, недооценка фронта классовой борьбы в деревне и в заключение — «непреодоленный национализм, связанный с некритическим культом исторической традиции ППС».

Таким образом, в обстановке, созданной курсом Сталина на дискредитацию позиций международной социал-демократии, ППС уступила давлению ППР и полностью отказалась не только от своего видения социализма, но и от попытки внести в платформу будущей единой партии хотя бы частично свои идеологические позиции. Капитуляция ППС была не только результатом натиска на нее извне, но и перехода на позиции, близкие ППР, части ее центристского крыла — Ю. Циранкевича, А. Рапацкого, Г. Яблоньского и др. Накануне объединения из ППС уже были исключены или утратили в ней влияние те, кто выступал за сохранение партии, — председатель ЦИК К. Русинек, председатель Верховного совета С. Швальбе, член ЦИК Э. Осубка-Моравский, член Верховного совета Б. Дробнер и др.

ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (ПОРП)*

Подготовка к объединению ППР и ППС происходила в обстановке «чистки» обеих партий от «идейно чуждых и классово враждебных элементов», которая наибольший размах приняла в ППС. В ППР исключались носители «правого уклона», «гомулковщины». В то же время усилились репрессии против лиц, обвинявшихся в подпольной деятельности, в первую очередь офицеров бывшей АК. Был арестован В. Лехович, который еще в сентябре 1948 г. занимал пост министра юстиции. В ноябре 1948 г. военный суд в Варшаве приговорил к различным срокам заключения ряд деятелей, участвовавших в подпольной борьбе в 1944—1947 гг., — членов ППС-ВРН К. Пужака, Т. Штурм де Штрема и др. Они были необоснованно обвинены в том, что намеревались силой свергнуть существующий строй. Так в Польше начал широко осуществляться тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере движения к социализму.

14 декабря XXVIII конгресс ППС и II съезд ППР приняли решение об объединении двух партий, и на следующий день в здании Варшавского политехнического института открылся Объединительный съезд, в котором приняли участие 1526 делегатов, в том числе 1006 от ППР и 520 от ППС. Доклад «Идеологические основы объединенной партии» сделал Б. Берут. Говоря о предшественниках единой партии, Берут высоко оценил роль революционного направления в польском рабочем движении от «Пролетариата» до КПП. Касаясь прошлого ППС, Берут характеризовал ее как реформистскую, националистическую партию, обойдя полным молчанием роль ППС в борьбе за независимость Польши. Ю. Циранкевич, выступавший в качестве содокладчика, делал акцент на роли левого течения в ППС, осуждая, как и Берут, ее правое крыло.

В докладе Берута и в принятой съездом «Идейной декларации ПОРП» строй народной демократии в Польше характеризовался как новая, своеобразная форма диктатуры пролетариата, задачей которой является «ликвидация капиталистических элементов и организация социалистической экономики». Оценка строя народной демократии как диктатуры пролетариата совпадала с той, которая была дана в Отчетном докладе руководителя Болгарской коммунистической партии Г. Димитрова V съезду БКП (декабрь 1948 г.) и которая была согласована со Сталиным. Эти оценки тогда разделялись и остальными коммунистическими и рабочими партиями тех стран, которые стремились построить социализм. Специфика возникновения и развития строя народной демократии в Польше, особенности ее политической системы при этом во внимание не принимались. Главное отличие пути к социа-

* Некоторые названия польских партий в соответствии со сложившейся в советской литературе традицией даны по-русски.

лизму в условиях Польши от советского пути Берут видел в том, что она получает всестороннюю помощь от Советского Союза и может использовать опыт и достижения «победоносной диктатуры пролетариата в СССР».

Объединительный съезд принял устав ПОРП, избрал центральные органы. Из 72 членов ЦК 49 в прошлом принадлежали к ППР, 23 — к ППС. Председателем ЦК ПОРП был избран Б. Берут, в состав Политбюро вошли: Берман, Ю. Юзвяк, Х. Минц, С. Радкевич, М. Спыхальский — от ППР, Ю. Циранкевич, А. Рапацкий, Х. Свентковский — от ППС.

Гомулка, несмотря на настояния Сталина, не согласился войти в Политбюро, но не возражал против избрания в ЦК. В своем выступлении на съезде он отверг обвинения в предательстве интересов рабочего класса. Делегаты съезда, выступив с осуждением «правонационалистического уклона» в партии, тем не менее избрали Гомулку в состав ЦК ПОРП.

Образование ПОРП явилось составной частью процесса объединения коммунистов и социал-демократов, который почти одновременно происходил во всех странах народной демократии. Создание единых рабочих партий в то время оценивалось как победа марксизма-ленинизма в рабочем движении, ликвидация его многолетнего раскола, что давало возможность ПОРП, как и аналогичным партиям других стран, взять на себя руководящую роль в осуществлении поставленной ею цели — построении социализма. Но при этом в качестве образца была взята сталинская модель социализма. В «Идейной декларации ПОРП» нашли отражение те сектантско-догматические тенденции, которые одержали верх на августовско-сентябрьском пленуме ЦК ППР. Похоронив концепцию «польского пути к социализму», приняв на вооружение сталинскую «теорию» об обострении классовой борьбы, ПОРП должна была воплощать в жизнь во всех сферах заимствованную извне модель, которая не соответствовала традициям исторического прошлого, национальному характеру, психологии польского народа.

ИТОГИ ВЫПОЛНЕНИЯ ТРЕХЛЕТНЕГО ПЛАНА

Осуществлению сталинской модели в сфере экономики было положено начало еще тогда, когда Минцу удалось добиться внесения изменений в план на 1948 г., после чего был взят курс на форсированное развитие промышленности в ущерб сельскому хозяйству и жизненному уровню трудящихся. В плане 1949 г. капиталовложения в промышленность были увеличены с 35,4% в 1947 г. до 41,2%, а на сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство сокращены соответственно с 15,9 до 12,2 %. Помимо работ по восстановлению разрушенных во время войны предприятий начали создаваться новые — в 1949 г. приступили к строительству крупного металлургического комбината «Нова Гута» под Краковом.

вом, который должен был работать на советской железной руде. Возникли новые отрасли промышленности, такие, как судостроение (в 1948 г. с верфи в Гданьске был спущен первый морской корабль), тракторостроение (завод «Урсус» под Варшавой) и др. Одновременно росло число новых рабочих мест — в 1946—1949 гг. численность занятых в тяжелой промышленности увеличилась с 1,2 млн до 1,7 млн человек. Значительно медленнее развивалось производство средств потребления. Производство промышленной продукции в 1949 г. приблизилось к довоенному уровню.

В результате «битвы за торговлю» к концу 1949 г. число частных магазинов в розничной торговле сократилось почти вдвое — со 131 тыс. до 76 тыс. Такой же процесс шел в ремесле, где число занятых уменьшилось с 225 тыс. в 1946 г. до 117 тыс. в 1949 г. В целом же доля социалистического сектора в валовой продукции промышленности и ремесла в 1949 г. достигла 89%.

В сельском хозяйстве шел процесс завершения аграрной реформы — к концу 1949 г. в собственность крестьян перешли 6070 тыс. га земли, были созданы 814 тыс. новых крестьянских хозяйств, а 254,4 тыс. — увеличили свои наделы. Но отсутствие средств у крестьян, сложности в освоении новых земель, недостаточные капиталовложения со стороны государства обусловили отставание производства сельскохозяйственной продукции от нужд потребителей. Валовая продукция сельского хозяйства составляла в 1949 г. лишь 86 % довоенного уровня. В январе 1949 г. были отменены карточки, но уже в августе возникли трудности в снабжении населения. В целом за год осуществления Трехлетнего плана несколько повысился жизненный уровень, хотя было бы преувеличением считать этот период «трехлетней сытостью».

Социалистические цели, провозглашенные ПОРП, получили поддержку основной массы рабочего класса, многие представители которого выдвигались на руководящие посты в государственном и партийном аппарате, пришли к руководству предприятиями. Крестьяне, особенно получившие землю, были удовлетворены результатами аграрной реформы. С открытием доступа к образованию выходцам из рабочего класса и крестьянства начался процесс создания новой интеллигенции. Значительно труднее адаптировалась к новой ситуации довоенная интеллигенция, утратившая свое прежнее привилегированное положение в обществе и место в администрации. Городская мелкая буржуазия была недовольна продолжающимся вытеснением ее из экономики.

В общественно-политической жизни в 1949 г. шел заметный процесс усиления роли ПОРП. К апрелю завершилось объединение организаций ППР и ППС, создание организационно единой партии. По сравнению с положением на 1 декабря 1948 г. численность ПОРП сократилась с 1 461 тыс. до 1 367 тыс. членов. В это время прием в партию не проводился, а продолжалась «чистка», начатая обеими партиями еще накануне объединения.

В выступлениях руководителей ПОРП подчеркивалась необходимость очищения как от «носителей правого уклона», так и от «остатков социал-демократизма» внутри партии.

В конце ноября 1949 г. на Конгрессе единства людовского движения, созванном по решению чрезвычайных съездов СЛ и ПСЛ, была образована Объединенная крестьянская партия (ОКП). В ее рядах насчитывалось 256 тыс. членов, из которых ранее в ПСЛ состояли 25 тыс. ОКП заявила о признании руководящей роли ПОРП. Такую же позицию заняло Стронництво демократичне. Конгресс СД, состоявшийся 30 сентября — 2 октября 1949 г. определил его роль как политической партии, представляющей интересы городских средних слоев. СП, имевшее такую же социальную базу, как СД, 9 июля 1950 г. приняло решение о самороспуске, после чего его члены стали пополнять ряды СД, а многие вообще отошли от политики.

Таким образом в Польше сформировалась трехпартийная система, в которой роль союзнических партий — ОКП и СД — по сравнению с ПОРП была незначительной. В этих партиях на руководящих постах было немало тех, кто в прошлом вступил в их ряды по указанию ППР и послушно осуществлял линию ПОРП. Как говорил член Политбюро ЦК ПОРП Х. Минц, союзнические партии выполняли роль своеобразного связующего звена между передовым отрядом рабочего класса и частью трудящихся масс, особенно крестьянства. Признавая целесообразность и необходимость на данном этапе развития союзнических партий, Минц в то же время высказал мнение, что их существование «в некоторых условиях может быть связано с определенной опасностью, в случае если классовый враг попытается проникнуть в их структуру». Но, учитывая традиции людовского движения и социальную базу ОКП, руководство ПОРП все же было вынуждено прислушиваться к мнению этой партии, в то время как СД утрачивало всякое влияние на решение политических вопросов.

Профсоюзное движение ПОРП ориентировала в первую очередь на решение производственных вопросов, организацию социалистического соревнования, движения новаторов и рационализаторов. Вопросы защиты повседневных нужд трудящихся отходили на второй план.

На общественно-политическую жизнь в стране оказывали значительное воздействие международная обстановка и ситуация в коммунистическом движении: холодная война, раскол Германии с одной стороны, и обострение конфликта с КПЮ после принятия второй резолюции Информбюро в ноябре 1949 г., объявившей югославское руководство «бандой шпионов и убийц», борьба с космополитизмом в СССР и очередное усиление репрессий, с другой стороны. В апреле 1949 г., на II пленуме ЦК ПОРП, Б. Берут в докладе «Задачи партии в борьбе за мир», говоря о формировании агрессивного империалистического блока, направленного против СССР, призывал усилить бдительность и борьбу с враждебной агентурой, а также с явлениями космополитизма.

В докладе Ю. Циранкевича подчеркивалась важность воспитания членов партии на «Кратком курсе истории ВКП(б)».

В ноябре 1949 г. было объявлено, что по просьбе президента Б. Берута, учитывая польское происхождение Маршала Советского Союза К. Рокоссовского и его популярность в польском народе, правительство СССР дало согласие направить его на службу в Войско Польское. Рокоссовскому было присвоено звание маршала Польши, и он сменил маршала М. Жимерского на посту министра обороны. Вместе с Рокоссовским в Польшу прибыла большая группа советских генералов и офицеров, которые заняли ключевые посты в вооруженных силах. Став министром обороны, Рокоссовский действовал практически без контроля со стороны руководства ПОРП и правительства.

На III пленуме ЦК ПОРП (ноябрь 1949 г.), который вошел в историю как «пленум бдительности», Берут нарисовал мрачную картину политической диверсии империализма с помощью «титовской агентуры», которая якобы глубоко проникла в страну и партию. Главную вину за это он возложил на Гомулку, вице-министра обороны М. Спыхальского и З. Клишко, который до сентября 1948 г. руководил кадровой политикой партии. Берут призывал до конца ликвидировать правонационалистический уклон в ПОРП. Гомулка протестовал против отождествления его с Тито и отвергал ответственность за то, что в годы оккупации в партию проникла группа провокаторов. Отвечая на обвинения, что он ставит под сомнение положение о народной демократии как форме диктатуры пролетариата, Гомулка указывал, что его взгляды на народную демократию, которые он высказывал в прошлом, разделялись тогда и другими руководителями партии. Самобичевание Спыхальского, который признавал себя ответственным за кадровую политику в армии и пытался отвести от себя обвинения в правонационалистическом уклоне, не встретили понимания у участников пленума. Клишко признал себя виновным в «оппортунистической, вредной деятельности».

Выступившие на пленуме бывшие деятели ППС Ю. Циранкевич, Г. Яблоньский и др. негативно оценили прошлое своей партии, призывая пепезовцев, вступивших в ПОРП, к «двойной бдительности».

Решением пленума Спыхальский был исключен из Политбюро и ЦК, Гомулка — из ЦК, а Клишко — из кандидатов в члены ЦК. В состав ЦК был кооптирован маршал К. Рокоссовский.

III пленум ЦК ПОРП, осудив и окончательно похоронив «польский путь к социализму», завершил поворот к политике, начатый в 1947 г. ПОРП стала осуществлять польскую версию «Краткого курса истории ВКП(б)». В стране всячески раздувался культ личности Сталина, семидесятилетие которого было широко отмечено.

Начал на практике осуществляться взятый ПОРП на вооружение тезис Сталина «об обострении классово-борьбы». Органы государственной безопасности, руководимые членом Политбюро

ЦК ПОРП С. Радкевичем, повсюду выискивали врагов и диверсантов. В понятие «диверсия» включались не только аварии, которые часто происходили на предприятиях, но и задержки в поставке запасных частей, отказ от участия в социалистическом соревновании. В стране была создана широкая сеть информаторов, которые были обязаны сообщать о настроениях населения. Позднее Радкевич признавал, что под надзором службы безопасности находилось около одной трети взрослого населения.

Массовые репрессии проводились в вооруженных силах. Шли аресты бывших участников Сопротивления, прежде всего членов АК, офицеров, служивших в довоенной армии, вернувшихся на родину из воинских частей, участвовавших в войне в составе армий западных союзников. Репрессии не миновали и коммунистов, бойцов ГЛ и АЛ, офицеров интернациональных бригад, сражавшихся против фашизма в Испании.

Большую роль в организации репрессий играли направленные в Польшу Л. Берия советские офицеры. X департамент Министерства госбезопасности, которым руководил полковник А. Фейгин, сфабриковал дело группы генералов и офицеров Войска Польского — С. Татара, С. Моссора, Е. Кирхмайера, Ю. Куропески и др. Они были обвинены в том, что якобы в 1947—1948 гг. готовили заговор, направленный на свержение народной власти. Путем побоев, лишения сна и другими подобными методами руководивший следствием советский подполковник А. Скульбашевский выбивал показания об их связях с М. Спыхальским, арестованным в апреле 1951 г. В июле—августе 1951 г. состоялся процесс над руководством «шпионско-диверсионной организации», якобы руководимой и финансируемой разведывательными центрами в Вашингтоне и Лондоне. Он должен был стать прелюдией к процессу над Спыхальским и Гомулкой, который был арестован в августе 1951 г. Санкции на аресты давались комиссией по вопросам безопасности, в которую входили члены Политбюро ЦК ПОРП Берут, Берман и Радкевич. Берут лично следил за ходом следствия по «делу генералов».

Приговором суда, который был заранее составлен партийно-государственным руководством, генералы Татар, Моссор и др. были осуждены на пожизненное лишение свободы.

Всего на политических процессах 1951—1954 г. были осуждены 92 человека, в том числе 83 офицера, из них 19 приговорены к смертной казни. Берут не воспользовался правом помилования, принадлежавшим ему как президенту. Ответственность за массовые репрессии лежит не только на польском руководстве: на него оказывалось давление со стороны Сталина и Берия, которые требовали проведения суда над Гомулкой и Спыхальским. И сами польские руководители находились на подозрении у сотрудников X департамента.

В атмосфере тотальной подозрительности Польша жила на положении «осажденной крепости».

КУРС НА УСКОРЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО «ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИЗМА»

В «Идейной декларации», принятой Объединительным съездом, был провозглашен курс на построение «фундамента социализма в Польше» под руководством ПОРП. Поставленная съездом задача превратить отсталую аграрно-индустриальную страну в индустриально-аграрное государство должна была быть решена путем планового развития производительных сил, расширения и укрепления государственной собственности, полной ликвидации частнокапиталистического и мелкотоварного секторов, социалистического преобразования деревни. На основе этих принципов съездом были приняты Директивы по Шестилетнему плану 1950-1955 гг. Первоначальные наброски плана в июле 1950 г. V пленумом ЦК ПОРП были изменены в сторону увеличения, и в этом виде он был принят сеймом. По сравнению с 1949 г. промышленная продукция должна была возрасти на 158,3% (вместо намечавшихся ранее 85-90%), а сельскохозяйственная — на 63% (вместо 35-45%). Как и во всех странах, принявших сталинскую модель построения социализма, упор делался на развитие тяжелой промышленности, которая рассматривалась как база для всех остальных отраслей. В отличие от Трехлетнего плана группе «Б» отводилось второстепенное место. На сельское и лесное хозяйства выделялось всего 11,9% капиталовложений. Это означало, что индустриализация страны будет проведена за счет недоразвития деревни. Расчет был также на поддержку СССР, с которым в июне 1950 г. Польша подписала соглашения о взаимных поставках товаров и поставке оборудования для 30 ключевых объектов Шестилетки. Польша должна была компенсировать их экспортом в СССР каменного угля по ценам, установленным советско-польским соглашением от августа 1945 г. Как и другие страны народной демократии, в 1949 г. Польша вступила в Совет Экономической Взаимопомощи. Из Советского Союза были заимствованы не только принципы и главные направления развития плановой экономики, но и методы управления, получившие впоследствии наименование командно-административных. Все партийные инстанции, от ЦК до районного комитета ПОРП, командовали хозяйственными и государственными органами, требуя от них выполнения планов любой ценой, и при этом не несли какой-либо ответственности за свои указания. Стали внедряться такие советские методы повышения производительности труда, как социалистическое соревнование, принятие трудовыми коллективами повышенных социалистических обязательств. Средства массовой информации, пропагандируя имена передовиков производства, таких, как В. Маркевка, В. Пстровский и др., создавали образы тружеников, отдававших все свои силы осуществлению великой идеи социализма.

В деревне после II пленума ЦК ПОРП стала проводиться новая политика, основанная на тезисе об обострении классовой борьбы. Объединенная крестьянская партия поддержала курс ПОРП на

коллективизацию сельского хозяйства, которая начала осуществляться по советскому образцу, хотя термины «колхоз», «коллективизация» заменялись терминами «сельскохозяйственный кооператив» и «кооперирование деревни». По образцу советских МТС стали создаваться государственные машинные центры, а при них политотделы, призванные убеждать крестьян вступать в кооперативы.

В пленум ЦК ПОРП (июль 1950 г.) выдвинул задачу к концу Шестилетки кооперировать не менее 25 % крестьянских хозяйств. Это мотивировалось необходимостью ликвидировать диспропорции между крупной социалистической промышленностью и отсталым мелкотоварным крестьянским хозяйством. Официально крестьянам предлагалось на выбор три типа кооперативов, но на практике партийные и государственные органы добивались образования кооперативов высшего типа, с максимальной степенью обобществления. При создании кооперативов преобладали командно-административные методы, проводился курс: «Чем хуже для индивидуального крестьянина, тем лучше для производственной кооперации». Увеличением налогов, отказом в продаже промышленных товаров, обещаниями различных льгот крестьян вынуждали вступать в кооперативы.

В 1951 г. Польша, как и другие страны «социалистического содружества», была вынуждена пересмотреть плановые задания в сторону увеличения расходов на развитие оборонного потенциала. Это объяснялось тем, что в обстановке усиливавшейся «холодной войны» и роста международной напряженности Советское правительство потребовало от своих союзников значительного увеличения расходов на оборону. Началось строительство стратегических железных и шоссейных дорог, аэродромов, предприятий, производящих вооружение и боеприпасы. Численность польских вооруженных сил с 250 тыс. в 1949 г. возросла до 500 тыс. в 1952 г. Милитаризация экономики усилила диспропорции, заложенные в Шестилетнем плане. Увеличение расходов на оборону с 2 млрд злотых в 1949 г. до 6,6 млрд в 1955 г. привело к резкому сокращению тех средств, которые выделялись на мирные отрасли, прежде всего на сельское хозяйство. В 1950—1953 гг. они составляли в среднем всего 8 % от общего размера капиталовложений и направлялись главным образом в госхозы.

Форсирование индустриализации привело к форсированию коллективизации деревни, которое сопровождалось ликвидацией многих высокопродуктивных зажиточных крестьянских хозяйств, причем в категорию «кулаков» нередко зачисляли и средних крестьян. Нарушения принципов добровольности при создании кооперативов приняла такой размах, что в мае и сентябре 1951 г. ЦК ПОРП был вынужден издать постановления, в которых вина за эти нарушения была возложена на местные партийные организации. Это привело к некоторому ослаблению нажима на крестьян, но VII пленум ЦК ПОРП (июнь 1952 г.) потребовал усилить темпы кооперирования и после некоторого замедления этого процес-

са, начавшегося в мае 1951 г., с лета 1952 г. и до середины 1953 г. вновь начало расти число новых кооперативов.

В то же время индивидуальное крестьянство, не получившее кредитов и иной помощи от государства, резко сократило в 1952 г. свои капиталовложения. В 1951 г. были введены обязательные поставки зерна, а в 1952 г. — мяса, молока и картофеля по ценам, которые были ниже себестоимости. Лишь после выполнения этих поставок крестьяне могли продавать излишки своих продуктов на рынке. При сокращении производства зерновых и продукции животноводства на 10—13 % в год сельскохозяйственный экспорт в 1949—1953 гг. возрос с 15,4 до 18,2 %. За его счет оплачивалась часть импорта машин и оборудования из капиталистических стран. Процесс инфляции был приостановлен обменом денег в октябре 1950 г. на «классовой основе» таким образом, что зажиточные слои города и деревни были лишены 2/3 своих средств. Реформа замедлила падение покупательной способности польской валюты.

Нараставшие трудности в снабжении населения привели к тому, что весной 1952 г. была восстановлена карточная система на продовольственные и некоторые промышленные товары (мыло, стиральный порошок). Отмена этой системы в январе 1953 г. сопровождалась повышением цен. Реальная заработная плата большинства категорий населения, по сравнению с 1949 г., понизилась.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. КОНСТИТУЦИЯ 1952 г.

Социалистические цели, провозглашенные ПОРП, разделялись значительной частью рабочего класса, численность которого быстро росла, составив в 1953 г. 2,5 млн человек. Повысилась его роль не только в общественном производстве, но и в общественно-политической жизни. Назначение на руководящие должности по принципу классовой принадлежности, широко практиковавшееся ПОРП, привело к тому, что в 1954 г. 28 тыс. выдвиженцев из рабочей среды занимали должности в партийном аппарате, профсоюзах, Союзе польской молодежи и других организациях, а 7 тыс. выполняли руководящие функции на предприятиях, в центральных и местных государственных учреждениях. Шел процесс формирования нового типа рабочего — человека более культурного, лучше профессионально подготовленного, чем в довоенное время. Однако массовый переход в ряды рабочего класса выходцев из деревни привел к ослаблению его классовой сплоченности, распространению мелкобуржуазной и клерикальной идеологии, сохранению традиций, характерных для крестьянства. Эта группа рабочих, как правило, не проявляла интереса к общественной жизни, была далека от идей социализма.

Негативное отношение к этим идеям сохраняла и основная масса крестьянства, упорно сопротивлявшаяся переходу на путь производственной кооперации. Такие настроения привели к сокращению численности ОКП с 400 тыс. в 1949 г. до 200 тыс. человек

к концу 1953 г. Политика «ограничения кулачества» приводила не только к разорению зажиточных хозяйств, но и к антисоциалистическим настроениям значительной части крестьянства, прежде всего среднего, опасавшегося, что его может постигнуть участь кулака.

При всех отрицательных последствиях курса на форсирование темпов социалистического строительства начала 50-х годов положительным явлением было широкое распространение образования и культуры. В результате кампании по ликвидации неграмотности, начатой решением сейма в апреле 1949 г., создавались всевозможные курсы, кружки и число неграмотных значительно сократилось. Широкий размах приобрело профессиональное обучение.

Политика ПОРП в области просвещения и культуры была направлена на распространение марксистско-ленинской идеологии, от работников, занятых в этой сфере, требовалось активное участие в пропагандистских акциях, борьбе с буржуазной идеологией. И здесь действовал тезис, что путь к социализму идет через классовую борьбу, которая направлена как против остатков собственных эксплуататорских классов, так и империалистической агентуры. Движение сторонников мира, которое получило широкий размах в 1950—1951 гг., также разворачивалось под флагом борьбы против угрозы мировой войны со стороны международного империализма и враждебных социализму сил внутри страны.

В феврале 1951 г. ПОРП выдвинула задачу создания Национального фронта борьбы за мир и выполнение Шестилетнего плана, который должен был сплотить все слои польского народа. Однако на практике сплочению мешала политика руководства ПОРП по отношению к партиям-союзникам. Признавая необходимость сохранения трехпартийной системы, оно стремилось ограничить самостоятельность ОКП и СД, рассматривая их лишь в качестве «приводных ремней» от ПОРП к массам, призванных доводить решения ПОРП до сознания широких масс города и деревни. Такая же роль отводилась и профсоюзам, в деятельности которых все больше отодвигались на задний план такие функции, как защита интересов трудящихся. Результатом такой политики было не только сокращение численности ОКП, о чем говорилось выше, но и сокращение сферы влияния СД — в феврале 1953 г. руководство партии приняло решение о прекращении деятельности среди интеллигенции, оставив за ним только представительство интересов ремесленников в крупных городах. В его рядах насчитывалось всего 60 тыс. членов.

Сложно складывались отношения с католической церковью, которая негативно относилась к стремлению ПОРП добиться господства социалистической идеологии. По обвинению в политической деятельности многие священники были арестованы и переданы суду, а объединение «Каритас», занимавшееся оказанием помощи бедным, было запрещено. В марте 1950 г. сеймом был принят закон, по которому принадлежавшие церкви так называемые имущества мертвой руки были переданы государству, с тем что до-

ходы от них должны были составить специальный фонд, предназначенный для дотаций церкви. В знак протеста против лишения церкви ее имущества епископат принял решение отказаться от использования этого фонда. 14 апреля 1950 г. было подписано соглашение между епископатом и правительством, по которому государство гарантировало церкви свободу исполнения католического культа, ведения благотворительной деятельности, а епископат брал на себя обязательство воспитывать у верующих уважение к законам, не чинить препятствий кооперированию деревни, обратиться к Ватикану с просьбой заменить в западных и северных воеводствах временную церковную администрацию на постоянную. Этот компромисс ослабил напряженность в отношениях между церковью и государством, хотя обе стороны в последующем его неоднократно нарушали. Ватикан по-прежнему не признавал право Польши на возвращенные земли, и в январе 1951 г. правительство ликвидировало временное церковное управление на этих землях и удалило духовных лиц, исполнявших функции «апостолических администраторов», которые назначались Ватиканом. В церковные приходы епископатом были назначены постоянные настоятели.

Изменения в базисе и надстройке, которые произошли после 1947 г., потребовали принятия новой конституции, подготовка к разработке которой началась весной 1951 г. 22 июля 1952 г. сейм утвердил Конституцию Польской Народной Республики (ПНР), закрепившую политические и социально-экономические преобразования, осуществленные в 1944—1952 гг. В конституции было отражено существование трех экономических укладов — социалистического (государственного и кооперативного), мелкотоварного и частнокапиталистического, причем подчеркивалось, что государственная собственность, как социалистическая, составляет экономическую основу ПНР. Польская Народная Республика провозглашалась государством народной демократии, где власть принадлежит трудящимся города и деревни, а политическую основу составляют местные органы — рады народов и сейм — высший орган власти. Традиционный пост президента был упразднен и заменен коллегиальным органом — Государственным советом, подотчетным сейму. Ряд статей конституции был посвящен правам и обязанностям граждан, в том числе правам на труд, гражданские свободы.

На выборах в сейм, состоявшихся в октябре 1952 г., ПОРП и ее союзники — ОКП и СД — вместе с профсоюзами и различными общественными организациями выступали единым списком, составленным национальным фронтом. В отличие от выборов 1947 г. борьбы между кандидатами не было: избирательный закон предусматривал, что «число кандидатов не может превышать числа депутатов, приходящихся на данный избирательный округ». Распределение мест в сейме было заранее согласовано таким образом, что более половины мест — 273 из 425 — было предоставлено ПОРП, 90 — ОКП, 25 — СД и 37 депутатов были беспартийными.

Сейм избрал Председателем Госсовета члена Политбюро ЦК ПОРП А. Завадского, Председателем Совета министров — председателя ЦК ПОРП Б. Берута.

ПЕРВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

1953 г. начался в прежней удушливой идейно-политической атмосфере. Руководство ПОРП рассматривало представленные ему отделом информации Войска Польского материалы по обвинению ряда членов Политбюро и ЦК. В январе 1953 г. в Кракове за антигосударственную деятельность и шпионаж была осуждена группа католических священников. Смерть Сталина не внесла каких-либо изменений в практику работы органов безопасности. 14 марта 1953 г. был арестован маршал М. Жимерский, до 1949 г. занимавший пост министра обороны. Против него военная прокуратура сфабриковала обвинения в том, что он вместе с Моссором и Спыхальским якобы возглавил заговор группы польских и находившихся на службе в Польше советских генералов, сотрудничал с разведкой США и своими действиями ослабил обороноспособность страны. 28 марта на пленуме ЦК ПОРП Берут призывал следовать курсу, начертанному Сталиным, и усилить бдительность. В тот же день газеты сообщили о смертных приговорах, вынесенных шпионам США и участникам «кулацко-террористической деятельности» в Лапах.

В марте были также изданы декреты Госсовета об усилении охраны общественной собственности, которые повышали наказания за мелкие кражи и спекуляцию, что еще больше сгустило атмосферу страха. Продолжали обостряться отношения с католической церковью. В сентябре на показательном процессе был осужден на 12 лет тюремного заключения келецкий епископ Ч. Качмарек, который после продолжавшегося почти три года следствия «признал» себя виновным в том, что якобы в годы оккупации сотрудничал с гитлеровцами, а затем вел антигосударственную деятельность. Епископат протестовал против вмешательства государства во внутренние дела церкви, но 26 сентября правительство объявило, что примасу католической церкви С. Вышиньскому запрещается исполнение обязанностей, но ему разрешается жить в одном из поместий. Конфликт с церковью оказывал негативное влияние на отношение верующих к государственной власти и ПОРП.

Перемены в Советском Союзе, связанные со смещением со всех партийных и государственных постов Л. Берия и провозглашением Председателем Совета министров Г. Маленковым курса на ускорение развития сельского хозяйства и увеличение производства потребительских товаров, оказали воздействие и на политику ПОРП. На IX пленуме ЦК ПОРП 29—30 октября 1953 г. в докладе, посвященном росту жизненного уровня трудящихся масс, эта проблема была названа Берутом как основная для последних двух лет

Шестилетнего плана. Подчеркивая значение индустриализации, Берут признавал, что возникли неравномерности в развитии экономики, прежде всего отставание сельского хозяйства. Пленум провозгласил борьбу на два фронта — против сектантства и оппортунизма, что означало сохранение курса на производственное кооперирование деревни и прекращение экономического нажима на индивидуальное крестьянство. Указывалось на необходимость расширения льгот и кредитов, замораживания уровня обязательных поставок, увеличения продажи сельскохозяйственных машин.

Новый курс ПОРП был частью перемен, которые начало осуществлять руководство СССР, ГДР, Венгрии и других стран народной демократии, однако он не сопровождался отказом от прежних методов политики в аграрной сфере. Во многих случаях партийный актив, считая невозможным проводить одновременно курс на производственное кооперирование и оказание помощи индивидуальному крестьянству, продолжал добиваться в первую очередь создания новых кооперативов. В 1953 г. число кооперативов увеличилось с 4478 до 7772, т.е. на 73,6%, а обязательные поставки зерна составили 85 % товарной продукции индивидуального крестьянства. На повышении цен в 1953 г. деревня потеряла 5,2 млрд злотых.

II съезд ПОРП, состоявшийся 10—17 марта 1954 г., наметил курс осторожных перемен в политике партии. В Отчетном докладе Берута признавалось, что сельское хозяйство по-прежнему отстает от развития промышленности и задачи повышения жизненного уровня оказались выполненными не полностью. В этой связи было решено увеличить расходы на сельское хозяйство с 8 % в 1953 до 13,5 % в 1955 г., а также капиталовложения на развитие отраслей, обслуживающих сельское хозяйство. Эти средства были недостаточны для коренного изменения положения аграрного сектора, тем более что большая их часть направлялась в обобществленный сектор сельского хозяйства.

Съезд провозгласил необходимость развития внутривнутрипартийной демократии, усиление коллективного руководства, подверг критике административные методы, призвал покончить с чрезмерным количеством заседаний и «бесплодной болтовней». Никаких существенных изменений в этом эшелоне партийной власти не было проведено — избранный съездом ЦК ПОРП в количестве 77 человек состоял преимущественно из представителей центрального аппарата. Вместо Председателя ЦК ПОРП съездом был учрежден пост Первого секретаря ЦК, на который был избран Б. Берут. После съезда Берута на посту главы правительства сменил Ю. Циранкевич.

В 1954—1955 гг. производство сельскохозяйственной продукции возросло на 9 % по сравнению с 1953 г.; этот рост был несколько выше, чем в первые четыре года Шестилетнего плана, но не соответствовал затраченным средствам. Несколько больших успехов достигла промышленность, где вступали в строй крупные предприятия: в июле 1954 г. дал первую плавку металлургический

комбинат «Новая Гута им. Ленина», начал выпускать продукцию алюминиевый завод в Скавине.

Появились первые признаки восстановления законности. В результате деятельности созданной в июне 1953 г. комиссии по «оказанию помощи следствию» под руководством члена Политбюро Э. Охаба были отстранены от своих постов советские офицеры полковники Д. Вознесенский и А. Скульбашевский, занимавшиеся расследованием «заговора» в Войске Польском. В конце 1953 г. они были отозваны в СССР. Бежал на Запад вице-директор X департамента Министерства госбезопасности полковник Ю. Святло, который по радиостанции «Свободная Европа» выступил с разоблачениями действий органов госбезопасности, в том числе и по делу Спыхальского и Гомулки. В 1954 г. на некоторых политических процессах выносились оправдательные приговоры. В ноябре 1954 г. на совещании центрального партийного актива был поставлен вопрос о нарушении законности и необоснованности обвинений в адрес Гомулки. Вслед за тем было упразднено Министерство госбезопасности, вместо него созданы Министерство внутренних дел и Комитет государственной безопасности, прежний министр госбезопасности С. Радкевич был назначен на пост министра по делам госхозов. 13 декабря 1954 г. был освобожден из-под ареста Гомулка.

В январе 1955 г. III пленум ЦК ПОРП в решении по докладу Берута «О полном соблюдении ленинских норм партийной жизни и коллегиальности руководства и о преодолении бюрократических извращений в работе партии и государственного аппарата» признал, что вульгарное понимание процесса классовой борьбы привело к преувеличению роли органов безопасности в этой борьбе, их необоснованному вмешательству в различные сферы жизни, незаконным арестам и применению недозволённых методов следствия. Создание X департамента Министерства госбезопасности, который практически взял на себя функцию контроля над партией, было названо ошибочным. Было решено исключить из партии бывшего замминистра этого министерства Р. Ромковского. Пленумом была дана критическая оценка экономической политики, которая не привела к коренному повороту положения в деревне, улучшению снабжения потребительскими товарами. На 1955 г. была поставлена задача повысить реальную заработную плату и доходы крестьянства на 15—20 % по сравнению с 1953 г.

Эти решения оказались невыполнимыми. К концу Шестилетнего плана страна убедилась, что напряженный и самоотверженный труд не принес ожидавшихся результатов. На совещании в ЦК ПОРП в декабре 1955 г. Минц был вынужден признать, что жизненный уровень за шесть лет вырос на 26—27 % вместо планируемых 40 %, и объяснил это недостаточным производством сельского хозяйства и необходимостью повысить расходы на оборону. За это время население Польши выросло на 3 млн человек, примерно на 10 %, а производство сельскохозяйственной продук-

ции увеличилось на 13 %. При этом городское население возросло с 36,2 % в 1949 г. до 43,8 % в 1955 г. при соответственном сокращении численности сельского населения. Политика форсированной индустриализации привела к росту населения, занятого в обобщественном секторе, с 4 млн в 1949 г. до 6,5 млн в 1955 г., а занятость в необобщественном секторе сократилась почти в три раза (с 308 тыс. до 108 тыс.). В частнокапиталистическом секторе из 191 тыс. наемных рабочих остались всего 11 тыс.

Все это свидетельствовало об изменении классовой структуры населения, росте численности и значения рабочего класса, что совпадало с общей тенденцией развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, но в отличие от большинства этих стран, несмотря на попытки форсировать процесс коллективизации, удалось добиться объединения в производственных кооперативах всего 6 % крестьянских хозяйств. 10 тыс. кооперативов занимали к концу 1955 г. 1638 тыс. га земли — 8 % общего ареала сельскохозяйственной площади. Доля земли, принадлежавшей госхозам, выросла с 1,8 млн до 2,5 млн га, а число занятых — с 200 до 300 тыс. Три четверти сельскохозяйственной площади остались во владении индивидуальных крестьян, причем самую значительную группу в деревне составляли хозяйства, насчитывавшие от 5 до 14 га (37,4 % общего их числа). В то же время в деревне сложился новый слой — крестьяне-рабочие, которые, сохраняя собственные хозяйства, большую часть дохода получали за счет работы в промышленности. Им принадлежало около 15 % всех хозяйств. Доля зажиточных хозяйств, которые рассматривались как кулацкие, сократилась с 6 % в 1948 г. до 3,5—4 % в 1954 г.

Таким образом, социальная структура сельского населения страны не претерпела кардинальных изменений по сравнению с периодом до начала строительства «фундамента социализма». Польское крестьянство, не ощутившее существенных перемен к лучшему в своем положении, оказалось маловосприимчивым к идеям социалистического переустройства деревни, которыми стремились увлечь его ПОРП и следовавшая за ним ОКП.

За годы Шестилетки демократизм политической системы, провозглашенный Конституцией 1952 г., не получил развития. Сейм практически был лишен функций, возложенных на него Основным законом страны: в течение 1952—1955 гг. депутаты заседали всего 17 дней и утвердили всего 11 законов, в то время как Госсовет издал 115 декретов, получивших затем формальное утверждение сейма. Выборы в сейм, как и в местные органы власти, сводились к простому голосованию по предложенным свыше кандидатурам. Партии-союзники начали выражать недовольство своим принижением положением: в активе ОКП нарастало критическое отношение к аграрной политике ПОРП, пленум СД в мае 1955 г. выдвинул задачу активизации партии в общественно-политической жизни.

В сфере идеологии годы Шестилетки были временем расцвета сталинизма в его польской форме. Культ личности Сталина как

«великого друга польского народа» насаждался ПОРП. Берут, считавший себя учеником Сталина, не только ревностно выполнял все указания «вождя народов», но и насаждал культ собственной личности. Сталинизм находил свое выражение в борьбе против «гомукловщины», в фальсификации истории польского рабочего движения и освободительной борьбы в годы второй мировой войны, в односторонней негативной трактовке роли АК в движении Сопротивления, в преувеличении роли ППР и АЛ и т. п.

После 1953 г. в различных слоях общества стало нарастать критическое отношение к догмам, провозглашенным ПОРП, выражаться сомнение в соответствии слова и дела партии. Это находило отражение в негативных оценках литературы предшествующего десятилетия, метода социалистического реализма, которому она следовала, что было особенно характерно для краковского центра культуры. В молодежной прессе появились новые темы — место призывов к бдительности и борьбе против классового врага заняли дискуссии о том, что такое счастье. На фестивале молодежи и студентов, который проходил летом 1955 г., контакты с представителями иной культуры и образа мыслей и жизни открыли для его участников закрытый дотоле мир. Руководство ПОРП осуждало как антипартийные, искажающие действительность произведения, авторы которых допускали отклонения от господствующей идеологии. Тем не менее к концу 1955 г. и в активе ПОРП начало складываться представление о необходимости внесения корректив в политику партии при условии, что они не нанесут ущерба делу социалистического строительства и авторитету ПОРП. Ситуация в экономике, политике и идеологии свидетельствовала о нарастании кризисных явлений во всех сферах.

НАРАСТАНИЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОТИВОРЕЧИЙ

Выводы XX съезда КПСС о разнообразии форм перехода к социализму, признание социалистического характера Югославии, критика культа личности Сталина и др. оказали глубокое воздействие на развитие общественно-политической ситуации в Польше. Среди бывших членов КПП широкий резонанс вызвало заявление четырех коммунистических партий — КПСС, Итальянской, Французской, Болгарской — и ПОРП о необоснованности роспуска Коминтерном в 1938 г. Коммунистической партии Польши. Уже 10 марта 1956 г. орган ЦК ПОРП «Трибуна люду» опубликовал редакционную статью «О культе личности и его последствиях», которая в критике культа Сталина вышла за рамки доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. 12 марта в Москве скончался Б. Берут. Прибывший в Варшаву на его похороны Н. С. Хрущев на встрече с членами Политбюро ЦК ПОРП рассказал об ошибках и преступлениях Сталина. Пленум ЦК ПОРП 20 марта 1956 г. избрал Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Охаба, секретарями ЦК Е. Альбрехта и Э. Герека. Руководство ЦК ПОРП приняло решение опубликовать доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда для ознакомления центрального партийного актива. В это время другим коммунистическим партиям текст этого доклада оставался неизвестным.

Избранный на пост Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Охаб и остальное руководство партии и государства, значительная часть которого несла ответственность за политику, проводившуюся после августовско-сентябрьского пленума ЦК ПОРП 1948 г., стремились ограничиться лишь незначительными переменами. На совещании партийного актива в Варшаве в ответ на требования о возвращении к политической деятельности Гомулки Охаб, признавая необоснованность обвинений бывшего генсека «во враждебной и диверсионной деятельности», не отказался от обвинений его в «правонационалистическом уклоне».

Однако в польском обществе стали выдвигаться требования анализа допущенных ошибок, ответственности за них руководства. На страницах прессы развернулась критика прошлого, начиная с событий второй мировой войны. На первое место было выдвинуто требование признания заслуг АК в борьбе с гитлеровскими оккупантами. Широкий отклик получила статья в студенческой газете «По просту» «Навстречу людям из АК», авторы которой, не отказываясь от критики политической позиции руководства АК, по-

ставили вопрос о том, что нужно покончить с дискриминацией членов АК, дать им возможность участвовать в строительстве социализма. В дискуссии, начатой «По просту», приняли участие ряд других органов печати. Вскоре она вышла за рамки вопроса об оценке АК. Многие ее участники выступали против фальсификации истории Польши, особенно истории польского рабочего движения. На собраниях в Союзе польских писателей выдвигались требования неограниченной свободы творчества, изменения отношения к западной культуре, демократизации общественно-политической жизни. Популярным было требование расширения полномочий сейма, ответственности перед ним правительства.

Выступая 23 апреля на заседании сейма, премьер Ю. Циранкевич признал, что парламент не выполнял роли, предназначенной ему конституцией. Сейм принял закон об амнистии, которым воспользовались около 80 тыс. человек, в том числе 9 тыс. осужденных по политическим мотивам. Верховный суд отменил приговоры группе генералов и офицеров — Татару, Моссору, Кирхмайеру и др., осужденным в 1951 г. Из состава правительства был выведен бывший министр госбезопасности С. Радкевич, занимавший до этого пост министра госхозов. В начале мая Политбюро ЦК ПОРП приняло отставку Я. Бермана, который нес ответственность за деятельность органов безопасности.

К лету 1956 г. политическая атмосфера в стране все больше накалялась. «По просту» развернул дискуссию о Союзе польской молодежи, обвиняя его в том, что он воспитывает поколение потребителей, а не революционеров, требовал его революционизирования и превращения в организацию социалистической молодежи. В сложной политической обстановке вспыхнул социальный конфликт в Познани. На крупном машиностроительном заводе, носившем имя И. Сталина (бывший завод И. Цегельского), рабочие протестовали против введения новых, повышенных норм выработки, сокращения заработной платы, незаконных вычетов. Администрация игнорировала справедливые требования рабочих. Приехавшая на завод из Варшавы комиссия, в которую входили председатель Центрального совета профессиональных союзов В. Кloseвич и министр машиностроения Р. Фидельский, признала невозможным выполнить обещания, данные ранее делегации предприятия, выезжавшей в столицу, относительно пересмотра системы оплаты труда. В ответ на это 28 июня 1956 г. началась забастовка, участники которой вышли на улицу, где к ним присоединились рабочие других предприятий Познани. Наряду с экономическими требованиями стали выдвигаться и политические, а вслед за тем группа манифестантов ворвалась в здание местного комитета ПОРП и разгромила его; другая группа овладела тюрьмой, захватив оружие охраны. Были атакованы также здания отделения госбезопасности и милиции. Для подавления этих выступлений по решению Политбюро ЦК ПОРП в Познань были направлены войска Силезского военного округа, которые, применив силу, 30 июня восстановили положение. Были убиты 75—100 человек,

несколько сот ранены. 54 человека были отданы под суд, но впоследствии из них только трое были осуждены за убийство, а остальные освобождены из заключения.

Первоначально руководство ПОРП и правительство выдвинули версию, что события в Познани были организованы враждебной агентурой, связанной с американской разведкой, якобы ассигнованной на эти цели 25 млн долларов. Однако на совещании в ЦК первые секретари ряда воеводских комитетов и руководители отделов ЦК указывали на экономические причины забастовки. Бурный протест рабочего класса — первый в истории послевоенной Польши — получил широкий отклик в ряде промышленных центров, где рабочие вывозили с предприятий на тачках директоров, выражая тем самым недовольство условиями труда и заработной платы.

Через три недели после событий в Познани был созван VII пленум ЦК ПОРП (18—22 июля 1956 г.). Дискуссия по докладам Охаба «О политической и экономической ситуации и об узловых задачах партии» и премьера Циранкевича о заданиях пятилетнего плана 1956—1960 гг. носила бурный характер. Ее участники, признавая некоторые достижения, отмечали, что было совершено немало ошибок как в осуществлении экономической политики, так и в развитии социалистической демократии, подчеркивая необходимость ликвидации последствий культа личности во всех сферах. Был поставлен вопрос о расширении полномочий профкомов на предприятиях, повышении роли сейма, соблюдении законности, демократизации. Пленум признал, что выступление в Познани явилось результатом того, что партийные и государственные власти не прислушались к справедливым требованиям рабочих; в то же время он охарактеризовал познанские события как «преступную провокацию против народной власти», вызванную действиями «подпольных контрреволюционных групп».

В ходе дискуссии на пленуме сложились две группы членов ЦК, которые получили известность по наименованиям тех мест, где они чаще всего собирались. «Натолинская» (Натолин — дачный поселок под Варшавой) — в нее входили Ф. Юзьвяк, Ф. Мазур, Б. Румынский, В. Клосевич и др. — опасалась, что курс на демократизацию и реформы может привести к ослаблению существующего строя. Члены этой группы высказывались за продолжение политики ограничения кулачества и кооперирования деревни. «Пулавская» группа (ее участники жили или собирались на ул. Пулавской в Варшаве), в которой активно выступали молодые секретари ЦК ПОРП Е. Моравский, В. Матвин, Е. Альбрехт, а также Э. Охаб, Ю. Циранкевич, Р. Замбровский и др., настаивала на необходимости изменения системы управления, демократизации общественно-политической жизни.

Большое место на пленуме занял вопрос о возвращении к политической жизни Гомулки, который после освобождения из заключения в письмах в Политбюро требовал своей реабилитации, но его предложение вернуться на VII пленуме к проблеме

так называемого «правонационалистического уклона» было отклонено. Многие члены ЦК не были готовы к тому, чтобы признать ошибочной борьбу с «гомулковщиной», которую они вели в течение восьми лет, не хотели допустить привлечения к ответственности членов руководства партии и государства, виновных в деформациях и извращениях. Пленум подтвердил отзыв из Политбюро Я. Бермана («по состоянию здоровья») и принял отставку Ф. Юзвяка с поста председателя Центральной комиссии партийного контроля. В Политбюро ЦК ПОРП были введены три новых члена — Э. Герек, Р. Новак и А. Рапацкий.

Решения VII пленума были приняты единогласно, хотя это не означало консолидации ЦК на базе принятой им программы. Ни одна из противоборствующих группировок не смогла одержать верх, а это и привело к тому, что пленум не внес кардинальных перемен в курс партии. Польское общество ожидало демократизации общественно-политической жизни, повышения роли конституционных органов власти, честного «расчета с прошлым», но эти ожидания не оправдались. Материалы пленума не были опубликованы, и консервативно настроенный партийный и государственный аппарат не спешил с осуществлением его решений. В партийном активе ходили слухи о разногласиях в руководстве ПОРП, но когда вопрос об этом ставился на собраниях, то их участников заверяли в том, что никаких группировок не существует. Недовольство вызвало то, что не была дана оценка решениям о «правонационалистическом уклоне». Требования политических перемен выдвигали самые широкие круги общества — рабочие, крестьяне, интеллигенция. На предприятиях выражалось недоверие профсоюзным органам, недостаточно защищавшим их права. Около 12 тыс. крестьян из общего числа 200 тыс. членов кооперативов вышли из них. Интеллигенция в дискуссионных клубах обсуждала политические проблемы. Активизировалась католическая церковь — впервые за много лет 26 августа у монастыря в Ясной Гуре собралось несколько тысяч паломников.

Партийное руководство выпустило из своих рук контроль за средствами массовой информации. Союз журналистов требовал законодательного ограничения цензуры и установления над ней контроля сейма. Самой популярной газетой стала «По просту», которая выдвигала требования довольно серьезных изменений в политической сфере, в том числе развития рабочей демократии, возвращения рабочему классу чувства личного достоинства и суверенитета. Рабочий класс, писала «По просту», требует «для себя власти, т. е. полной свободы».

VIII ПЛЕНУМ ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.)

В начале октября, после того как студенты вернулись с каникул, на многочисленных митингах в вузах стали выдвигаться требования созыва очередного пленума ЦК и смены руководства. На ряде предприятий, прежде всего в Варшаве, партийные собрания принимали резолюции о необходимости введения рабочего

самоуправления. Во многих из них указывалось, что руководство ПОРП утрачивает доверие партии и народа, а в ЦК и Политбюро прослеживается тенденция затормозить процесс борьбы за социалистическую демократию. Общим требованием польского общества было возвращение к руководству Гомулки, с именем которого ассоциировались идея «польского пути к социализму», прекращение насильственной коллективизации, урегулирование отношений между государством и церковью. Оценив ситуацию, сложившуюся в начале октября, как «очень тяжелую и критическую», Политбюро приняло решение об участии Гомулки в подготовке нового пленума ЦК, а с 12 октября он стал участвовать в работе Политбюро. При рассмотрении вопроса о возможности выдвижения Гомулки на пост Первого секретаря ЦК ПОРП Охав, сперва выступивший против этого, согласился уйти в отставку.

Обострением ситуации в Польше было обеспокоено советское руководство, которое расценило выдвигавшиеся на ряде митингов требования равноправных отношений между Польшей и Советским Союзом как проявление антисоветизма, стремление к разрыву и рассматривало процесс борьбы за демократизацию общественно-политической жизни как угрозу социализму в Польше. 18 октября, за день до заседания VIII пленума ЦК ПОРП, советский посол П. К. Пономаренко уведомил Э. Охаба о прибытии 19 октября в Варшаву советской делегации для обсуждения с руководством ПОРП создавшегося положения. Встреча на аэродроме прошла в нервной обстановке. Как впоследствии вспоминал Охав, Н. С. Хрущев, «едва выйдя из самолета, начал размахивать кулаком перед моим носом...». Еще до прибытия советской делегации по приказанию маршала С. Конева советские танковые части начали движение со своих баз к Варшаве. Переговоры, начавшиеся в Бельведере, шли весьма напряженно. Как позднее говорил участвовавший в переговорах Гомулка, польская сторона расценила передвижения советских войск как нажим на правительство ПНР и ПОРП и настаивала на том, чтобы «маневры», как их называли члены советской делегации, были прекращены. В ходе дальнейших переговоров, которые продолжались во время работы VIII пленума, советские подразделения получили приказ вернуться на свои базы. После завершения переговоров было опубликовано коммюнике о предстоящем в ближайшее время визите в Советский Союз польской делегации с целью дальнейшего укрепления политического и экономического сотрудничества между СССР и ПНР.

Заседания VIII пленума ЦК ПОРП открылись 19 октября. Охав предложил кооптировать в ЦК В. Гомулку, М. Спыхальского, З. Клишко, И. Логу-Совиньского и изменить состав Политбюро, избрав Первым секретарем Гомулку. После перерыва, вызванного советско-польскими переговорами, заседания пленума возобновились 20 октября. Вместо обычного на пленумах доклада Политбюро слово было предоставлено Гомулке, который дал критический анализ всего политического курса ПОРП после 1948 г. Говоря о Шестилетнем плане, он отметил как положительный

результат развитие тяжелой промышленности, но подчеркнул, что это было достигнуто путем чрезмерного напряжения сил и средств, роста задолженности, отрицательного баланса внешне-торгового оборота. Весьма негативно Гомулка оценил аграрную политику ПОРП, в результате которой сельхозкооперативы и госхозы, несмотря на значительные кредиты и другие виды помощи от государства, уступают индивидуальным крестьянским хозяйствам по производительности труда, превосходя их по стоимости продукции с 1 га площади. Гомулка требовал ликвидации ошибок, допущенных по отношению к индивидуальному крестьянскому хозяйству, оздоровления экономических отношений в кооперативах и госхозах — поддержки здоровых кооперативов и отказа в кредитах тем, у которых нет условий для дальнейшего развития. Не отрицая идеи кооперирования, Гомулка подчеркивал, что путь к ее осуществлению в условиях Польши будет очень долгим, и призывал к использованию разнородных форм кооперации. Оценивая события в Познани, Гомулка назвал «политической наивностью» попытку представить их делом рук агентов империализма и провокаторов, так как протест рабочего класса был направлен против «зла, которое широко укоренилось в нашем социальном строе... против извращений основных принципов социализма». Важнейшей внутренней задачей Гомулка назвал процесс демократизации, который ПОРП, действуя в согласии с другими партиями национального фронта, должна осуществить таким образом, чтобы укрепить основы социалистического строя. В этом процессе важное место отводилось сейму, которому предлагалось вернуть роль высшего органа власти, призванного контролировать работу правительства и государственных органов. Основные положения предложенного Гомулкой курса означали возвращение в новых условиях к концепции «польского пути к социализму», хотя этот термин не был назван. В целом предложения Гомулки получили одобрение, но обвинения в «правонационалистическом уклоне» с него не были сняты.

Участники дискуссии на пленуме подвергли резкой критике ряд членов прошлого руководства, ответственных за экономическую политику и нарушение законности. Охав, говоря о кризисной ситуации, сложившейся к осени 1956 г., главной причиной назвал слабость руководства ПОРП, его неспособность выработать собственную концепцию, механическое перенесение советского опыта в польские условия.

В принятой VIII пленумом резолюции «Об актуальных политических и экономических задачах партии» осуждались «отжившие доктрины и схемы», попытки возврата «к старым методам руководства и управления», поддерживалась инициатива рабочих коллективов по созданию на предприятиях органов рабочего самоуправления, указывалось на необходимость повышения роли сейма как высшего законодательного органа страны. В области аграрной политики был провозглашен курс на укрепление кооперативов, имеющих условия для дальнейшего здорового развития, и роспуск

тех, которые компрометируют идею производственной кооперации, при одновременной поддержке индивидуальных крестьянских хозяйств.

Впервые в истории ПОРП пленум путем тайного голосования избрал новый состав Политбюро. В него вошли новые члены: В. Гомулка, С. Ендриховский, И. Лога-Совиньский, Е. Моравский, а из старого состава — А. Завадский, Р. Замбровский, А. Рапацкий и Э. Охаб. Кандидатура маршала К. Рокоссовского не собрала необходимого числа голосов. Первым секретарем ЦК ПОРП был избран В. Гомулка.

Решения VIII пленума были компромиссом между Гомулкой и старым руководством ПОРП — на своих постах остались люди, в прошлом активно выступавшие антагонистами нового Первого секретаря (Охаб, Замбровский, Завадский), хотя наиболее одиозные личности (Мазур, Юзвяк, Минц, Берман, Р. Новак) были вынуждены расстаться со своими креслами. Представители сектантско-догматического направления в ЦК, сохранившие в нем большинство, не могли не одобрить курса, предложенного Гомулкой, хотя в выступлениях на пленуме некоторые из них выражали сомнения в правильности аграрной политики. На всю работу пленума и позицию членов ЦК оказывала мощное воздействие «улица», требовавшая, чтобы партия сказала правду о прошлом и дала гарантии, что оно больше не повторится. В ЦК поступали многочисленные резолюции митингов и собраний, выражавших поддержку Гомулке. 20 октября Гомулка, Охаб, Циранкевич приняли делегации таких крупных предприятий Варшавы, как автомобильный и тракторный заводы, студентов Варшавы и Кракова, которые заявили о своей поддержке курса на демократизацию и восстановление суверенитета Польши. Гомулка заверил их, что ошибки прошлого будут исправлены «не только на словах, но и на деле». Митинги и собрания продолжались и после завершения работы пленума.

Таким образом, кризис в Польше был решен политическими средствами. В обстановке всеобщего подъема, вызванного возвращением к руководству партией Гомулки, польское общество выражало уверенность в том, что курс, принятый VIII пленумом, явится гарантией демократизации общественно-политической жизни, приведет к восстановлению нормального хода экономического развития и позволит на основе принципов равенства и уважения национального суверенитета урегулировать отношения с Советским Союзом.

РЕАЛИЗАЦИЯ НОВОГО КУРСА

Среди многих проблем, которые предстояло решать новому руководству, на первый план выдвинулась проблема польско-советских отношений. Передвижения советских войск вызывали обостренное беспокойство населения, и этот вопрос неоднократно поднимался на митингах и собраниях, где можно было увидеть

и антисоветские лозунги. Возмущение в стране вызвала перепечатанная в газете «Трибуна люду» статья собственного корреспондента «Правды» в Варшаве, где давалась искаженная картина ситуации в Польше накануне и во время работы VIII пленума, а польская печать обвинялась в ведении «антисоциалистической кампании». «Трибуна люду» не согласилась с оценками «Правды». Как выступления на митингах, так и беспрецедентная полемика между центральными органами КПСС и ПОРП свидетельствовали о напряженности в польско-советских отношениях, и в этой связи Гомулка был вынужден обратиться с призывом давать отпор попыткам нарушить дружбу между Советским Союзом и Польшей. Гомулка настаивал на том, что государственные интересы страны требуют, чтобы советские войска оставались в Польше, но признавал необходимость отъезда советских офицеров из Войска Польского. Рассматривая положение в армии, Политбюро признало, что в связи с падением авторитета маршала Рокоссовского представляется невозможным его пребывание на посту министра обороны. На службу в Войско Польское были возвращены генерал Ю. Куропеска и ряд других генералов и офицеров. 13 ноября министром обороны был назначен М. Спыхальский. Маршал Рокоссовский и большая группа советских генералов и офицеров, которые несли службу в Войске Польском в 1943—1956 гг., вернулись в Советский Союз.

В результате переговоров, которые 16—18 ноября 1956 г. вела в Москве польская партийно-правительственная делегация во главе с Гомулкой, была подписана декларация о дальнейшем сотрудничестве и взаимных отношениях между двумя странами, в которой говорилось, что в условиях сложившейся международной ситуации временное пребывание советских войск на территории Польши является целесообразным, но оно не может ни в чем нарушать ее суверенитет и приводить к их вмешательству во внутренние дела ПНР. Советский Союз аннулировал задолженность Польши в сумме 2,1 млрд рублей за предоставленные ей кредиты, поскольку она была полностью покрыта поставками в 1945—1953 гг. угля по заниженной цене на основе соглашения от 16 августа 1945 г. Польше был предоставлен кредит в 700 млн рублей с выплатой его в 1961—1962 гг., и, кроме того, Советский Союз обязался поставить в кредит 1,4 млн т зерна.

Гомулка, восторженно встреченный десятками тысяч людей после его возвращения из Москвы, оценил подписание декларации 18 ноября как выражение «коренного перелома в отношениях между правительствами ПНР и СССР и между ПОРП и КПСС».

В дальнейшем были подписаны еще два соглашения: 17 декабря — о статусе советских войск, находящихся на территории Польши по условиям Варшавского договора, и 25 марта 1957 г. — о репатриации из СССР лиц польской национальности, имевших польское гражданство до 1 сентября 1939 г., на основе которого в Польшу до марта 1959 г. возвратились 224 тыс. человек.

Быстро был урегулирован сложный вопрос об отношениях между государством и церковью. 23 октября группа светских католических деятелей и писателей в «Жиче Варшавы» заявила о поддержке решений VIII пленума, а на следующий день Политбюро приняло решение начать переговоры с находившимся в монастыре кардиналом С. Вышиньским, в результате которых Вышиньский, позитивно оценивший перемены, вернулся к исполнению обязанностей примаса римско-католической церкви. Образованная вслед за тем комиссия из представителей государства и церкви урегулировала спорные вопросы. Епископат выразил поддержку деятельности правительства, направленной на укрепление Народной Польши, а правительство отменило декрет от 9 февраля 1953 г. о назначении на церковные должности. В качестве факультативного предмета в школах вводилось преподавание уроков религии. Верховный военный суд отменил приговор епископу Качмареку.

На решение внутриполитических проблем в ПНР значительное воздействие оказали события в Венгрии. Весть о начавшейся там борьбе против тоталитарного режима вызвала у значительной части поляков взрыв симпатии к борцам за свободу. На многочисленных митингах принимались резолюции солидарности, а Политбюро в обращении к народу от 1 ноября назвало решение венгерского руководства обратиться за советской помощью «трагическим по своим последствиям», подчеркнув при этом, что все проблемы должны решать «внутренние силы венгерского народа, а не интервенция извне». Но когда Советское правительство 4 ноября приступило к разрешению венгерского кризиса военным путем, польское руководство поддержало его действия, поручив делегации ПНР в ООН выступить вместе с СССР и другими социалистическими странами против американской резолюции по «венгерскому вопросу».

В обстановке резко обострившейся международной ситуации — одновременно с венгерским кризисом Великобритания, Франция и Израиль начали военные действия против Египта — рамки начавшегося в Польше демократического процесса начали сужаться. Гомулка был обеспокоен тем, что в стране и после оглашения решений VIII пленума продолжались митинги и манифестации, а во многих воеводствах шла смена секретарей местных комитетов. Оценивая на совещании партийного актива 4 ноября эти изменения, Гомулка говорил, что многие из них были «нездоровыми», и отстаивал тезис, что ошибки, допущенные в прошлом, не могут быть основанием для отстранения от занимаемых постов. Он выступил в защиту аппарата госбезопасности, подчеркивая его необходимость для борьбы со «смутьянскими и провокационными элементами» и силами «международной реакции».

Полемизируя с теми, кто надеялся на кардинальные политические изменения в Польше, возврат к ценностям буржуазной демократии, Гомулка постоянно указывал, что перемены совершаются в рамках социализма, направлены на укрепление со-

циалистической политической системы и руководящей роли ПОРП. В самой же партии он требовал соблюдения принципа демократического централизма, строгой дисциплины, прекращения борьбы прежних группировок. Гомулка призывал оценивать членов партии только в зависимости от того, какую позицию они занимают в настоящее время, выбросить из «партийного языка» названия «пулавская или натолинская группа».

Выступая за изменение отношений между ПОРП и союзными партиями, Гомулка не допускал возможности их соперничества с ПОРП. В ОКП и СД накануне и после VIII пленума проявилась тенденция к повышению их роли в управлении государством, но на совещании руководства всех трех партий 22 ноября 1956 г. Гомулка добился подтверждения ОКП и СД руководящей роли ПОРП, признав справедливыми требования о расширении их участия в решении экономических проблем. Он не только решительно отрицал возможность возвращения к многопартийной системе довоенного образца, но и стремился ограничить участие союзных партий в политической жизни.

Вместе с тем Гомулка сделал уступку католическим кругам — было дано согласие на создание Общепольского клуба прогрессивной католической интеллигенции, на избрание светских католиков в сейм. В состав образованного вместо национального фронта Фронта единства народа (ФЕН) вместе с ОКП, СД, профсоюзами, молодежными организациями вошли и католические клубы.

В молодежном движении официальная организация — Союз польской молодежи — осенью 1956 г. оказалась в состоянии глубокого кризиса. Вне рамок СПМ действовали клубы самых различных направлений: революционные, демократические, сельские. «По просту» обвинял СПМ в стремлении сохранить свою монопольную позицию и выдвинул идею плюрализма в молодежном движении, которая не была поддержана ПОРП, считавшей недопустимым создание молодежных организаций при политических партиях. Тем не менее по инициативе «По просту» в Варшаве на совещании молодежных групп 6—7 декабря было принято решение образовать Революционный союз молодежи. Одновременно на другом совещании образовался Союз сельской молодежи, который объявил себя самостоятельной организацией, признающей программу социалистического строительства, но не связанной с ПОРП и ОКП. Еще раньше образовался Союз молодых демократов. Таким образом, СПМ практически прекратил свое существование (официально он был распущен в январе 1957 г.). Гомулка высказался за разделение молодежного движения на городское и сельское, организации которого действовали бы под руководством ПОРП, и предостерег, что иного рода организации не будут признаваться. В результате вместо СПМ в январе был образован Союз социалистической молодежи и в феврале также и Союз социалистической сельской молодежи.

Одной из составных частей процесса демократизации должны были стать выборы в сейм, срок которых ввиду сложности политической обстановки был передвинут с 16 декабря на 20 января 1957 г. Гомулка стремился к тому, чтобы не допустить свободной игры политических сил, ограничить круг возможных кандидатов рамками ФЕН, т. е. провести выборы под контролем ПОРП. Из общей массы кандидатов, которые выдвигались в избирательных округах, комитеты ФЕН, как говорил Гомулка, должны были выбрать «несколько наиболее достойных и зрелых» кандидатов и включить их в списки ФЕН. По сравнению с избирательным законом 1952 г. допускалось выдвижение большего числа кандидатов, чем было мест в данном округе.

Предвыборная кампания проходила в напряженной обстановке. Кандидаты, связанные с политикой прошлого, не только члены ПОРП, но и союзных партий, подвергались резкой критике. В то же время Окружная комиссия в Люблине по предложению ЦК ПОРП исключила из числа кандидатов бывшего премьера Э. Осубку-Моравского за позицию, «принципиально отличающуюся от программы ФЕН». Был исключен и ряд других кандидатов.

По предложению Гомулки Согласительная комиссия всех партий обратилась к избирателям с призывом «голосовать без вычеркивания», т. е. за всех кандидатов, чьи фамилии были включены в бюллетени в порядке, согласованном комитетами ФЕН. В выборах, состоявшихся 20 января 1957 г., приняло участие 91,4 % имеющих право голоса, из них за кандидатов ФЕН проголосовало 98,4 %. Из 458 депутатов 238 принадлежали к ПОРП, 115 — к ОКП, 41 — к СД, 64 были беспартийными. На состоявшейся через месяц первой сессии сейма его маршалом был избран Ч. Выцех (ОКП), председателем Госсовета — А. Завадский, премьером — Ю. Циранкевич (ПОРП).

По существу, выборы явились плебисцитом, участники которого выразили доверие Гомулке и новому руководству ПОРП. Они завершили период «ста дней», когда определились основные контуры нового курса ПОРП. Этот курс не означал создания новой модели социализма, а был попыткой внести определенные коррективы в старую модель, отказаться от ее наиболее одиозных черт. Термин «польский Октябрь», которым публицистика часто характеризовала курс, определенный VIII пленумом, приравнивая его, таким образом, к Октябрю 1917 г., на самом деле не был новой революцией, и об этом вполне определенно говорил сам Гомулка. В ответ на вопрос, можно ли назвать «польский Октябрь» революцией, он ответил: «...Никакой революции у нас не было, и никто не ставил перед собой цели делать такую революцию. Мы только изменили методы нашей работы. И если мы употребляем слово обновление, то с этим можно согласиться».

ПОСТЕПЕННЫЙ ОТХОД ОТ КУРСА VIII ПЛЕНУМА

Значительная часть польского общества, одобряя решения VIII пленума, рассчитывала, что они приведут к ликвидации сталинской модели социализма с характерной для нее командно-административной системой управления, монопольным положением ПОРП как правящей партии, подчинением духовной и культурной жизни идеологии марксизма-ленинизма. Эти надежды были распространены прежде всего среди интеллигенции и молодежи. Ссылаясь на провозглашенный VIII пленумом тезис «о свободе критики во всех формах», многие члены Союза польских писателей стали выступать против идейного руководства ПОРП литературой, отвергали метод социалистического реализма. Философ Л. Колаковский, оценивая соотношение философии и политики, призывал освободить науку от «ненаучного нажима», а социолог Ю. Халасиньский рассматривал как отрицательный фактор отрыв новой, возникшей в период народной власти интеллигенции от ценностей, созданных буржуазной культурой. Студенты многих вузов бойкотировали изучение таких предметов, как марксизм-ленинизм и диалектический материализм, в результате чего были введены курсы политической экономии и философии на принципе «соревнования и конкуренции между марксистской философией и буржуазной».

Политбюро ЦК ПОРП в письме к партийным организациям в феврале 1957 г. осудило стремления предоставить свободу деятельности «всем политическим силам и направлениям, а на практике и реакционным элементам, враждебным социализму». На IX пленуме ЦК ПОРП (май 1957 г.) Гомулка подверг резкой критике Л. Колаковского, назвав «вредным nonsensом» противопоставление им социалистической демократии буржуазной. Взгляды представителей этого направления IX пленум определил как ревизионистские.

В партийной печати подвергались резкой критике такие издания, как «По просту», «Культура» и др., которые, по оценке руководства ПОРП, примирительно относились к ревизионизму. Был смещен редактор «Трибуны люду» в связи с тем, что, как определил Секретариат ЦК ПОРП, эта газета «не вела полемики с ревизионистскими взглядами». 2 октября 1957 г. Секретариат одобрил закрытие одного из самых популярных еженедельников «По просту», редакция которого критиковала руководство ПОРП за слишком медленные перемены после VIII пленума. В знак протеста против этого решения в Варшаве и ряде других городов состоялись студенческие демонстрации, разогнанные милицией. Партийные организации Ягеллонского университета и университета им. Коперника в Торуне оценили закрытие «По просту» как возвращение к положению, существовавшему до VIII пленума. Курс на борьбу с ревизионизмом как главной опасностью соответствовал положением Декларации Международного совещания коммунистических

и рабочих партий в Москве 14—16 ноября 1957 г., в котором принимала участие и делегация ЦК ПОРП. В этой Декларации осуждались также догматизм и сектантство, как препятствующие развитию марксизма-ленинизма.

В 1957—1958 гг. на основе решений X пленума в ПОРП проводилась проверка рядов партии, целью которой было ее очищение от ревизионистов и догматиков, а также от преступников и коррумпированных элементов. В инструкциях Секретариата ЦК ПОРП давались очень широкие определения того, что необходимо понимать под термином «ревизионистские взгляды»: наряду с отрицанием классовой сущности диктатуры пролетариата и ее достижений ревизионизмом считалось и некритическое отношение к капиталистической действительности и восхваление всего того, что приходит с Запада.

Практически провозглашенная ЦК ПОРП борьба на два фронта — против ревизионизма и догматизма — приобрела односторонний характер: в сторонники ревизионизма нередко зачисляли тех, кто пытался творчески подходить как к теоретическим, так и к практическим проблемам того времени. Многие писатели, артисты, художники выходили из ПОРП, выражая несогласие с тем, что их творческая деятельность оценивается партийными инстанциями.

В то же время сектантско-догматические элементы сохранили свое влияние в партии, прежде всего в ЦК ПОРП, состав которого после II съезда (1954 г.) практически не изменился, пополнившись в 1956 г. всего четырьмя новыми лицами. Гомулка отверг предложение о ротации партийного и государственного руководства.

В окружении Первого секретаря и в партийно-государственном аппарате не оказалось людей, убежденных в необходимости глубоких структурных реформ. В июле 1957 г. сейм утвердил пятилетний план развития экономики на 1956—1960 гг. По сравнению с Шестилетним планом он не содержал принципиальных изменений — продолжался курс на индустриализацию, преимущественное развитие химической, судостроительной промышленности. Новым было выделение несколько больших средств на отрасли, производящие продукцию для сельского хозяйства. Сокращалась доля накопления, и возрастала доля потребления в распределении национального дохода, но повышение жизненного уровня рассматривалось лишь как средство не допустить возникновения социальной напряженности, а не как главная цель развития экономики.

В аграрной политике произошли некоторые изменения — в 1956—1957 гг. были снижены размеры обязательных поставок зерна, картофеля и мяса, повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, увеличены капиталовложения в аграрный сектор, однако недостаток финансовых средств не давал возможности удовлетворить потребности деревни.

Не оправдались надежды рабочего класса на повышение заработной платы; правительство отвергло эти требования, ссылаясь

на трудное экономическое положение государства. Попытки добиться этого повышения путем стачек, которые в 1957—1958 гг. неоднократно вспыхивали на ряде промышленных предприятий Варшавы, Познани, Вроцлава и других городов, не дали результата. Гомулка возложил вину за их возникновение на «подстрекательские и враждебные народной власти элементы». В августе 1957 г. Секретариат ЦК ПОРП в письме «Ко всем комитетам и партийным организациям ПОРП» осудил стачки как форму защиты интересов рабочего класса в социалистическом государстве.

На ряде предприятий возникали конфликты между рабочими советами и партийными комитетами, связанные с отрицательным отношением советов к руководящей роли ПОРП, что находило выражение в лозунге «рабочие советы без членов партии». В свою очередь, партийные комитеты во многих случаях рассматривали рабочие советы как проявление анархо-синдикализма, считали, что они не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата и социализмом, хотя Гомулка признавал советы «формой рабочей демократии в системе диктатуры пролетариата». В то же время он решительно выступал против создания рабочих советов по вертикали, как центральных органов. Опыт 1956 г. в Венгрии, где Центральный рабочий совет в Будапеште противостоял Революционному рабоче-крестьянскому правительству во главе с Я. Кадаром, внушал опасения, что и в Польше может возникнуть конфронтация между советами и правительством. В апреле 1958 г. на IV конгрессе профсоюзов Гомулка выдвинул идею образования Конференции рабочего самоуправления (КСР), согласно которой на всех предприятиях стали создаваться единые КСР, включавшие в себя представителей рабочих советов, профкомов и парткомов. Закон о рабочем самоуправлении был принят сеймом в декабре 1958 г. Практически КСР, где руководящую роль играла местная партийная организация (по закону председателем КСР был секретарь парткома), не стала органом рабочего самоуправления. В условиях господства командно-административной системы Конференции было практически невозможно реализовать предоставленное ей законом право утверждения планов предприятий.

Итоги развития Польши в 1956—1958 гг. подвел III съезд ПОРП 10—19 марта 1959 г. Созыв съезда, первоначально намечавшийся на декабрь 1956 г. (решение ЦК ПОРП от 28 июля 1956 г.), неоднократно откладывался в связи с необходимостью провести проверку членов партии, в результате которой с ноября 1957 до мая 1958 г. из рядов ПОРП были исключены свыше 206 тыс. человек, около 16 % ее состава. В Отчетном докладе ЦК, с которым выступил Гомулка, и в решениях съезда подчеркивалось, что, руководствуясь линией VIII пленума, партия укрепила единство своих рядов, преодолев догматические и сектантские ошибки, и нанесла поражение ревизионистским и оппортунистическим силам. Съезд отменил, как ошибочное, решение о наличии «правонационалистического уклона» в партии, полностью реабилитировав, таким образом, Гомулку. Борьба с ревизионизмом по-преж-

нему признавалась главной задачей партии на идеологическом фронте, и в то же время оценки догматических тенденций были смягчены. Говоря о политике партии на культурном фронте, съезд указал на необходимость окончательного устранения ревизионистских, буржуазных и антисоциалистических тенденций в деятельности творческих организаций.

На съезде не было дано развернутых оценок политики ПОРП до 1956 г. и такому явлению, как культ личности. В докладе Гомулки и в выступлениях на съезде проводилась мысль, что на протяжении всех лет существования Народной Польши генеральная линия была правильной. О «польском пути к социализму» вообще не упоминалось, а в резолюции съезда в общей форме констатировалось, что ПОРП характеризует «принципиальная верность принципам марксизма-ленинизма с творческим их применением в конкретных, исторически сложившихся национальных условиях».

Определяя основные направления развития экономики на 1959—1965 гг. — последние два года пятилетнего плана 1956—1960 гг. и второго пятилетнего плана 1961—1965 гг., — III съезд ПОРП поставил задачу преодолеть отставание Польши от экономически развитых стран. Как и в предыдущих планах, сохранилось стремление к развитию прежде всего сферы А, что означало продолжение осуществления концепции индустриализации, опирающейся на советскую модель.

На съезде был избран новый состав ЦК ПОРП, который, в свою очередь, избрал Политбюро во главе с В. Гомулкой, вновь занявшим пост Первого секретаря ЦК ПОРП.

III съезд ПОРП не выдвинул каких-либо новых конструктивных идей ни в сфере политики, ни в сфере экономики. Его значение заключалось в том, что он завершил процесс консолидации партии после кризиса 1956 г., положил конец идейно-политическим дискуссиям и формально подтвердил правильность курса, принятого VIII пленумом. На практике же съезд знаменовал отход от идей «польского Октября». Демократизация общественно-политической жизни в 1956—1958 гг. не пошла дальше изменений в избирательном законе, некоторого расширения возможностей деятельности союзнических партий и полномочий сейма. Идея рабочего самоуправления с созданием КСР была фактически похоронена, как и идея расширения местного самоуправления. В ПОРП сохранили свои позиции носители сектантско-догматических тенденций, в то время как сторонники реформ, зачастую необоснованно обвиненные в ревизионизме, не смогли добиться признания. Борьба с ревизионизмом, который трактовался весьма широко, привела к тому, что в партии вообще прекратились идейно-политические дискуссии, была ограничена внутрипартийная демократия. Разочарование в Гомулке и его политике, наметившееся еще с осени 1957 г. в первую очередь в среде интеллигенции, становилось все более заметным.

РЕГРЕСС В ПОЛИТИКЕ И ЗАСТОЙ В ЭКОНОМИКЕ

По новому пятилетнему плану 1961—1965 гг., принятому сеймом в феврале 1961 г., капиталовложения увеличивались на 53 %, главным образом для развития металлургии, машиностроения, химической промышленности и производства строительных материалов. Из общей суммы капиталовложений лишь 14,6 % предназначалось для сельского хозяйства. Новый пятилетний план по-прежнему был основан на экстенсивных факторах развития, рассчитан на создание новых рабочих мест для молодежи, вступающей в производственный возраст, при сохранении старых методов планирования и управления. Мнения многих экономистов, предлагавших ввести децентрализованную систему управления, предоставить самостоятельность социалистическим предприятиям, ввести на них полноправное самоуправление, во внимание не принимались. В 1959 г. в состав КСР были включены дополнительно представители Социалистического союза молодежи и кружков Технической организации, что окончательно лишило их характера органа рабочего самоуправления. Проект экономической реформы, предусматривавшей экономическую самостоятельность предприятий, применение экономических стимулов, развитие рабочего самоуправления, был отвергнут без дискуссии.

В отличие от других социалистических стран, где к концу 50-х—началу 60-х годов было осуществлено производственное кооперирование деревни, в Польше эта проблема осталась нерешенной. Курс на продолжение политики кооперирования на основе добровольности, который был провозглашен ПОРП и ОКП, с 1956 г. приступивших к совместной разработке аграрной политики, не встретил поддержки крестьянства. Несмотря на некоторые льготы, предоставлявшиеся кооперативам, их число практически не росло. В январе 1960 г. насчитывалось всего 1905 производственных кооперативов, объединявших 23 605 семей. Сельскохозяйственные кружки, которые стали создаваться с 1957 г. и с которыми Гомулка связывал надежды на постепенный переход деревни на путь коллективного труда, росли медленно. В середине 1959 г. в них состояло всего 17 % крестьянских хозяйств. Члены кружков, помимо собственного хозяйства, сообща обрабатывали землю, предоставленную им из государственного земельного фонда, занимались улучшением агрикультуры, создавали машинные товарищества. В апреле 1959 г. ЦК ПОРП и Главное правление ОКП приняли постановление «Об узловых задачах развития сельского хозяйства в 1959—1965 гг.», предусматривавшее выделение крупных ассигнований на мелиорацию и механизацию сельского хозяйства, увеличение числа тракторов с 80 до 112 тыс., причем подавляющее большинство их должно было стать собственностью сельскохозяйственных кружков. Был образован специальный фонд развития сельского хозяйства. В него направлялась половина стоимости обязательных поставок, полученная в результате раз-

ницы между ценами на свободном рынке и государственными ценами. Девять десятых фонда, которым распоряжались кружки, предназначалось для механизации деревни. Предполагалось, что механизация будет способствовать тенденции к объединению крестьянами своих полей, а также создания коллективных хозяйств на государственных землях. Однако эта политика не дала ожидавшегося результата: крестьяне по-прежнему негативно относились к идее кооперирования и не стремились к образованию коллективных хозяйств. Техника в кружках, где не было квалифицированных кадров, использовалась плохо.

Индивидуальное крестьянское хозяйство, несмотря на помощь государства, не могло удовлетворить потребности страны в сельскохозяйственной продукции. Выступая на XII пленуме ЦК ПОРП (февраль 1963 г.), Гомулка признал, что «сельское хозяйство является самым слабым звеном народного хозяйства». Хотя в 1965 г. средняя урожайность четырех зерновых культур достигла 19,2 ц с га, в 1961—1965 гг. Польша импортировала 12 млн т зерна, преимущественно из капиталистических стран. По такому показателю, как рост национального дохода, пятилетка 1961—1965 гг. оказалась отчасти не выполненной — в 1965 г. этот рост составил 35,2 % вместо планировавшихся 40 %. Несмотря на то что за эти годы появилось много новых товаров, спрос удовлетворялся не полностью. Не хватало мясных продуктов, жиров, одежды, обуви, шел скрытый рост цен. Реальная заработная плата выросла всего на 8 % вместо 23 % по плану. В стране постепенно нарастало недовольство.

Отношения ПОРП с союзническими партиями в 60-е годы стали возвращаться к уровню до 1956 г. Они рассматривались не как партнеры ПОРП в руководстве страной, а как помощники в осуществлении разработанного ею курса, который они должны безоговорочно одобрить. ОЖП на своем III съезде (ноябрь 1959 г.) заявила, что ее представления о строительстве социализма в Польше в основном совпадают с представлениями ПОРП и что она стремится к тому, чтобы «мелкие единоличные крестьянские хозяйства объединялись в коллективные земледельческие хозяйства». Свою роль ОЖП видела в реализации аграрной политики, разработанной совместно с ПОРП.

СД в программных документах, принятых VIII конгрессом (февраль 1965 г.), заявляло, что оно представляет интересы различных слоев интеллигенции, ремесленников и городских средних слоев, которые готовы принять участие в строительстве социализма в Польше, но основываются на собственных мировоззренческих принципах.

Курс на демократизацию, провозглашенный VIII пленумом 1956 г., не привел к серьезным изменениям в практике работы представительных органов. Их роль постепенно сокращалась, а недемократический способ избрания кандидатов, выдвигавшихся аппаратом, не способствовал повышению авторитета этих органов в глазах населения. Сейм вновь стал собираться редко, он был

занят в основном утверждением хозяйственных планов и бюджета, а клуб депутатов сейма от ПОРП обеспечивал принятие им решений руководства партии, причем большинство членов ЦК ПОРП имели депутатские мандаты, так же как и большинство министров. В сеймах 1957—1972 гг. депутаты от ПОРП составляли 52—55 % их общего числа.

В ПОРП уроки кризиса 1956 г. были практически забыты, к их анализу больше не возвращались. Вскоре после III съезда из Политбюро и Секретариата ЦК стали удалять молодых членов руководства (Е. Моравский, Е. Альбрехт, В. Матвин), что многими расценивалось как отход от курса VIII пленума. ЦК ПОРП, где 67% составляли представители партийного, хозяйственного и административного аппарата и было лишь трое рабочих и двое крестьян (3,6 %), не был склонен к каким-либо радикальным переменам. В ПОРП была ограничена внутривнутрипартийная демократия: начиная с III съезда, делегаты должны были заранее представлять секретариату тексты своих выступлений. Такая же практика стала применяться на воеводских и районных партийных конференциях. Партийные организации главное внимание уделяли производственным проблемам, подменяя администрацию. В деятельности профсоюзов первое место занимали производственные проблемы, а не защита интересов трудящихся.

С критикой политики ПОРП выступили различного рода клубы, наиболее известным был «Клуб кривого колеса», возникший в 1955 г., в заседаниях которого принимали участие журналисты, литераторы различных направлений. После того как в 1962 г. его деятельность была запрещена, в Варшаве появляется «Клуб искателей противоречий», пользовавшийся поддержкой Варшавского комитета Союза социалистической молодежи и ряда профессоров столичного университета. Членами клуба были ученики столичных школ, в том числе те, чьи родители занимали высокие посты в государственном и партийном аппарате. Они в полном составе вошли в созданный в университете под руководством ассистента К. Модзелевского «Клуб политической мысли». На его заседаниях обсуждались вопросы теории и практики социализма в ПНР. Помимо этого действовали различные неформальные группы и объединения, многие из которых были связаны с польской эмиграцией на Западе. В кругах интеллигенции росло недовольство ограничениями демократии, пренебрежительным отношением руководства партии к общественному мнению и мнению специалистов.

Руководство ПОРП, занятое решением экономических проблем, лишь один раз за эти годы — на XIII пленуме в июле 1963 г. — обсудило вопросы идеологии. Пленум принял решение об усилении борьбы с буржуазными взглядами в области науки, культуры, искусства и потребовал улучшить политико-воспитательную работу среди молодежи и интеллигенции. Гомулка вновь повторил тезис о ревизионизме как главной опасности и обрушился на средства массовой информации, заявив, что они занимаются «демаго-

гическим и вредным политиканством, делают акцент на выявлении негативных сторон жизни». Была создана Идеологическая комиссия ЦК во главе с секретарем ЦК З. Клишко.

На жесткую позицию ПОРП в вопросах идеологии оказывала влияние ситуация в международном коммунистическом движении, конфликт КПСС и ряда других партий с Коммунистической партией Китая. Гомулка и руководство ПОРП на Международном советении коммунистических и рабочих партий в 1960 г. и других форумах поддерживали КПСС в этом конфликте, выступали в защиту принципов марксизма-ленинизма, заявляли о необходимости непримиримой борьбы против ревизионизма и догматизма.

Придавая важное значение воспитанию молодежи в духе марксизма-ленинизма, руководство ПОРП приняло решение о введении в 1964/65 учебном году в вузах преподавания политических наук, что должно было заменить упраздненный в 1956 г. предмет «основы марксизма-ленинизма». Большие надежды возлагались на Союз социалистической молодежи и Союз социалистической сельской молодежи, находившиеся под руководством ПОРП. Однако идеологическая деятельность ПОРП и молодежных союзов не приносила большого эффекта. Конфликт между партией и интеллигенцией продолжал углубляться.

14 марта 1964 г. группа писателей и научных работников направила премьер-министру Ю. Циранкевичу документ, известный как «Письмо 34-х», в котором заявляла, что ограничение фондов бумаги, выделяемых на печатание книг и журналов, и ужесточение цензуры «создают ситуацию, угрожающую развитию национальной культуры». Авторы письма требовали изменения политики в области культуры «в духе прав, гарантированных Конституцией ПНР». Текст письма, опубликованного средствами массовой информации на Западе, был широко распространен членами варшавских нелегальных клубов, а 14 апреля в его поддержку высказался митинг студентов Варшавского университета, в котором приняли участие около 1 тыс. человек. После этого ассистенты Варшавского университета члены ПОРП К. Модзелевский и Я. Куронь разработали Программный манифест, в котором говорилось, что экономика Польши, как и других социалистических стран, находится в состоянии кризиса, являющегося следствием господства «партийно-государственной элиты», эксплуатирующей рабочий класс. Авторы Манифеста призывали к политическим стачкам. За публикацию этого документа Куронь и Модзелевский в ноябре 1964 г. были исключены из партии. Однако в марте 1965 г. они выступили с «Открытым письмом» к членам ПОРП и организации ССМ при Варшавском университете, в котором повторили основные положения Манифеста. В июле 1965 г. Куронь и Модзелевский за «составление и распространение произведений, вредных для интересов Польского государства», были приговорены варшавским воеводским судом к тюремному заключению соответственно на три и три с половиной года, но их выпустили на свободу досрочно, в 1967 г.

Наряду с оппозицией в студенческой среде, в которой документы Куроня и Модзелевского получили широкое распространение и поддержку, складывался оппозиционный центр и в кругу профессоров Варшавского университета. 21 октября 1966 г. на митинге в связи с десятилетием VIII пленума ЦК ПОРП заведующий кафедрой философии Варшавского университета профессор Л. Колаковский в присутствии около 500 студентов подверг острой критике деятельность ПОРП за истекший период. Он подчеркнул, что неприятие политических свобод является характерной чертой социалистического строя. За это Колаковский был исключен из ПОРП, но продолжал работать профессором кафедры философии.

Неоднократные призывы руководства ПОРП оживить борьбу с воздействием буржуазной идеологии не давали большого результата. ПОРП и Союз социалистической молодежи утрачивали влияние среди студенческой молодежи.

Общественно-политическую ситуацию наряду с выступлением оппозиции осложнил и конфликт с епископатом римско-католической церкви. Нормализация отношений между государством и церковью, наступившая после 1956 г., оказалась непродолжительной. В связи с политикой епископата, направленной на расширение прав церкви и усидение ее влияния на общественно-политическую жизнь страны, эти отношения стали ухудшаться.

В июле 1961 г. преподавание религии в школах было прекращено и перенесено в пункты катехизиса при костелах. Отношения особенно обострились в середине 60х годов, когда проводилась широкая общественно-политическая кампания, связанная с празднованием тысячелетия Польского государства. Католическая иерархия делала акцент на тысячелетие принятия Польшей христианства, стремясь представить католичество в качестве решающего фактора ее исторического развития.

Конфликт достиг особой остроты, когда в ноябре 1965 г. 36 польских епископов, участвовавших в работе II Ватиканского собора, обратились с посланием к «немецким братьям» — епископам ФРГ, в котором призывали их прекратить «холодную войну» и начать диалог. Они заявили при этом в духе христианского мировоззрения: «Мы вас прощаем и просим прощения». Это заявление, а также содержащееся в послании положение, что граница по Одре и Нысе для Германии является «горьким плодом последней войны», вызвало резкую критику польской печати. Авторы послания обвинили в том, что они считают дискуссионной польскую западную границу. Руководство ПОРП выступило с осуждением епископата за попытку выйти за рамки чисто конфессиональной деятельности и выступить с инициативой в международных отношениях, прерогатива которой принадлежит государству. Епископат, оправдывая свою позицию, был вынужден выступить с разъяснением, что, по его мнению, «пястовские земли» необходимы для существования польского народа.

В 1967 г. продолжался конфликт с епископатом ввиду отказа

властей предоставить заграничный паспорт примасу католической церкви кардиналу С. Вышиньскому, обвиненному в «недружественной и нелояльной позиции по отношению к Польскому государству». Это обстоятельство привело к тому, что делегация польских епископов не приняла участия в заседании синода епископов в Риме. Вместе с тем несколько улучшились отношения с Ватиканом: папа Павел VI в мае 1967 г. назначил польских епископов апостольскими администраторами на Западных землях, на чем в течение длительного времени настаивала ПНР.

На развитие общественно-политической ситуации в Польше в середине 60-х годов повлияли события на Ближнем Востоке. В июне 1967 г. СССР, ПНР и другие социалистические государства Центральной и Юго-Восточной Европы (за исключением Румынии) осудили Израиль как агрессора в очередной израильско-арабской войне и порвали с ним дипломатические отношения. Однако часть средств массовой информации ПНР оценила израильско-арабскую войну как борьбу «двух национализмов», а в кругах еврейского населения открыто выражались симпатии к Израилю. В этой связи Гомулка, выступая на IV конгрессе профсоюзов в июне 1957 г., назвал сторонников Израйля «пятой колонной» и потребовал от польских граждан еврейской национальности «политического самоопределения», заявив, что те, кто пожелает, могут выехать в Израиль.

В сфере экономики руководство ПОРП продолжало действовать старыми методами. IV съезд ПОРП (15—20 июня 1964 г.) не изменил прежнего курса экономической политики. Производственные задачи предполагалось решить путем дальнейшего увеличения инвестиционных расходов на 36—38% по сравнению с планом 1961—1965 гг. Новый пятилетний план не предусматривал каких-либо структурных перемен и проведения экономической реформы.

В избранном съездом ЦК ПОРП наряду с группой новых членов и кандидатов в члены ЦК треть составляли те, кто избирался в его состав четвертый или третий раз, причем, как и прежде, преобладали работники партийного, государственного аппарата, общественных организаций, военные (90 % членов ЦК и 80 % кандидатов). В Политбюро произошли незначительные изменения. Первым секретарем ЦК ПОРП был вновь избран В. Гомулка.

Десятилетие, истекшее после VIII пленума ЦК ПОРП (1956 г.), не привело к осуществлению надежд, которые выражало польское общество в связи с возвращением к руководству партией и страной Гомулки. Процесс демократизации, едва начавшись завершился восстановлением так и не разрушенной командно-административной системы. Отношения ПОРП с союзническими партиями были далеки от подлинно равноправных и партнерских, а конфликт с интеллигенцией, открыто выражавшей недовольство авторитарными методами управления Гомулки, все больше углублялся. Гомулка, особенно после IV съезда ПОРП, утрачивал авторитет, завоеванный им как в годы войны и оккупации, так и во время пребывания на посту руководителя партии до 1948 г. и после

1956 г. Конфликт с католической церковью также отражался на отношении к руководству партии и государства со стороны общественности. Положение усугублялось застойными явлениями в польской экономике. Все это, вместе взятое, привело к новому политическому кризису.

СОЦИАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

В 1968—1970 гг.

Конец 60-х годов характеризовался дальнейшим обострением экономического, социального и политического положения. Реализация курса, разработанного IV съездом ПОРП, шла с большими трудностями. В 1966—1970 гг. вступили в строй новые предприятия — алюминиевый завод в Конине, нефтехимический комбинат в Плоцке, фабрика по производству азота в Пулавах и др., но отставание легкой и пищевой промышленности от тяжелой продолжало углубляться. Слабо развивались наукоемкие отрасли — электроника, информатика, производство вычислительных машин. Несмотря на значительные средства, направленные на расширение сырьевой базы, оно не успевало за растущими потребностями. Капиталовложения на развитие производства средств производства были настолько велики, что не давали возможности решить социальные проблемы. Средства на жилищное строительство и социальные нужды оставались незначительными. Реальная заработная плата в 1966—1970 гг. росла всего лишь на 2 % в год; явное и скрытое повышение цен на предметы первой необходимости сказывалось на материальном положении значительных групп трудящихся. В сельском хозяйстве не произошло крупных перемен к лучшему; хотя в 1965—1968 гг. производство здесь росло в среднем на 3,9 % в год, продукции по-прежнему не хватало. Деревня остро нуждалась в удобрениях и строительных материалах, а также в машинах, потребность в которых промышленность удовлетворить оказалась не в состоянии. Возможности импорта машин, оборудования, сырья были ограничены. Гомулка был решительным противником получения кредитов на Западе, опасаясь, что значительная задолженность может неблагоприятно отразиться на состоянии экономики. Получению же валюты за счет экспорта мешала низкая конкурентоспособность польских товаров.

При росте численности рабочего класса до 6,8 млн человек (1970 г.) и признании на словах его ведущей роли в обществе интересы этого слоя населения не занимали должного места в социально-экономической политике. Органы рабочего самоуправления и профсоюзы на предприятиях находились в полной зависимости от партийных комитетов и администрации и в очень слабой мере выполняли функции защиты прав трудовых коллективов, занимались преимущественно производственными проблемами.

В ПОРП, осуществлявшей свое господство от имени рабочего класса, вся власть находилась в руках партийного аппарата,

который подменял выборные органы. Принцип коллективного руководства, особенно после IV съезда ПОРП, нарушался. Вокруг Гомулки сложились так называемое узкое руководство, в состав которого входили секретари ЦК ПОРП З. Клишко, ведавший кадрами и идеологией, и Б. Ящук, занимавшийся экономическими проблемами. Гомулка, обладавший сильной волей и твердым характером, сосредоточил в своих руках огромную власть. Деятельность Политбюро не подлежала контролю со стороны ЦК, а работа правительства направлялась секретарями ЦК, которые не несли за свои действия конституционной ответственности. При этом отсутствовал научный анализ происходящих в стране процессов. Попытки высказывать иные, чем у руководства, мнения рассматривались как ревизионистские, направленные против единства партии.

Характерной чертой деятельности руководства ПОРП было также мелочное вмешательство в дела правительства и отдельных ведомств, что приводило к замазыванию их ответственности и способствовало пассивности и бюрократизации многих звеньев государственного и хозяйственного аппарата. При чрезмерно централизованной системе управления страной все насущные проблемы решались командно-административными методами, главное внимание уделялось экономической сфере, а вопросы социальные, идейно-политические и культурные находились на втором плане. Уровень развития инфраструктуры, финансирования культуры и науки ПНР был в числе самых низких среди социалистических стран Европы. Все это способствовало нарастанию кризиса в отношениях между ПОРП и интеллигенцией, особенно творческой.

С осени 1967 г. оживилась деятельность закрытых молодежных политических клубов — клуба «Бабель» при Еврейском культурном центре, Политического дискуссионного клуба при Варшавском университете, «Клуба ползучих ревизионистов». Поводом для выступления молодежи в Варшаве явилось запрещение инсценировки режиссером К. Деймеком в Национальном театре поэмы А. Мицкевича «Дяды», в которой отдельные реплики действующих лиц воспринимались зрителями как антирусские и антисоветские. Спектакли театра приобрели характер политических демонстраций. 30 января 1968 г. в связи с последним представлением «Дядов» состоялась политическая манифестация у памятника Мицкевичу в Варшаве, 35 наиболее активных участников которой были арестованы.

Протест против запрещения «Дядов» выразило варшавское отделение Союза польских писателей, на заседаниях которого члены Союза А. Слонимский, Е. Анджеевский, Л. Колаковский и др., ссылаясь на «оттепель» в Праге, требовали прекратить преследования польской культуры. В связи с выступлением писателей и исключением двух студентов из университета в кругах интеллигенции опасались возможности усиления репрессий, тем более что в средствах массовой информации велась кампания против ревизионизма, носителей которого необоснованно отожде-

ствляли в силу национальной принадлежности некоторых из них с сионизмом.

События в соседней Чехословакии, где по инициативе руководства Коммунистической партии развернулась борьба за демократизацию общественно-политического строя, оказали сильное воздействие на польскую молодежь, в среде которой лозунги «пражской весны» стали пользоваться популярностью. 8 марта 1968 г. в Варшавском университете состоялась политическая манифестация, в которой приняли участие около тысячи студентов. Предлогом к ней послужило исключение студентов А. Михника и Х. Шляйфера как организаторов январского митинга, но главное место среди политических лозунгов заняли требования гражданских свобод. Манифестации продолжались до 11 марта и приняли бурный характер. К студентам присоединились учащиеся средних школ. Митинги и манифестации происходили и в других городах. Власти бросили против манифестантов милицию и рабочие отряды. Выступления молодежи удалось подавить. Под суд были отданы 132 человека, в том числе 46 студентов. По обвинению в идеологической подготовке студенческих выступлений из Варшавского университета были уволены профессор Л. Колаковский, Б. Вачко, З. Бауман и др.

Мартовские события получили оценку на XII пленуме ЦК ПОРП в июле 1968 г. Гомулка главную причину конфликта усматривал в действиях оппозиционных сил — ревизионистских и сионистских, признав при этом, что характерной чертой ПОРП явилась слабость идеологической деятельности, корни которой — в политической пассивности интеллигенции, особенно гуманитарной, частично — в ее антикоммунистических настроениях. Руководство ПОРП полностью разделяло оценки руководства КПСС, рассматривавшего события в Чехословакии как угрозу социализму. Гомулка давал очень широкое толкование понятия «ревизионизм», утверждая, что оно выходит за строго партийные рамки и выражает антисоциалистические стремления всех правых социальных сил. Ревизионизмом он называл и позицию католической иерархии, и выдвигавшиеся в среде экономистов идеи реформы с использованием рыночных механизмов. Под флагом борьбы с ревизионизмом и космополитизмом развернулась борьба с «сионистскими элементами» — был использован тот факт, что среди участников мартовских событий было немало лиц еврейской национальности. Пресса начала кампанию против «сионистов», в результате которой много людей было изгнано из средств массовой информации, учреждений науки, культуры, высших учебных заведений. Следствием этого явилась эмиграция из Польши 15—20 тыс. евреев, что вызвало протесты мировой общественности и нанесло ущерб международному престижу ПНР.

В этой обстановке обострилась борьба внутри ПОРП между группами, претендовавшими на занятие ведущих позиций в руководстве. Во главе одной из них — технократической —

стоял Э. Герек, с именем которого многие связывали определенные достижения в развитии экономики одного из важных регионов Польши — Катовицкого воеводства. Эти достижения были умело разрекламированы его сторонниками. На одном из выступлений Гомулки в марте 1968 г. группа слушателей выкрикивала лозунг, выражающий их желание видеть Герека на посту Первого секретаря ЦК ПОРП. Впоследствии Герек пазвал этот эпизод провокацией, организованной его политическим противником М. Мочаром.

Этот деятель, возглавлявший в то время Министерство внутренних дел, образовал так называемую «партизанскую группу», в которой было много участников второй мировой войны. Она выступала за очищение партийного и государственного аппарата от «сионистских элементов», спекулируя на лозунгах «национального единства» и подогревая антисемитские настроения определенной части населения. В результате в период между мартом и маем 1968 г. только в Варшаве были сняты со своих постов 483 лица еврейского происхождения, в том числе 365 из министерств и центральных ведомств. По тем же мотивам из партии был исключен 341 офицер. Министр иностранных дел А. Рапацкий отказался подписать представленный ему список кандидатов на увольнение. Такую же позицию заняли Председатель Госсовета Э. Охав и министр финансов Е. Альбрехт. На XII пленуме ЦК ПОРП (июль 1968 г.) Гомулка заявил, что в Политбюро существует полное единство, а разногласия касаются лишь некоторых частных вопросов. Тем не менее были проведены изменения — Охав и Рапацкий утратили свои посты в Политбюро и правительстве, Мочар был избран кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК ПОРП. Гомулка сумел добиться временного равновесия в руководстве партии, где ни одна из группировок не получила преобладания.

V съезд ПОРП (11—16 ноября 1968 г.) весьма позитивно оценил положение в партии и стране, не дав глубокого анализа мартовских событий, которые были охарактеризованы как «самый острый политический конфликт с антисоциалистическими силами». Съездом были утверждены директивы по пятилетнему плану 1971—1975 гг. На период 1969—1970 гг. предполагалось осуществить некоторую перегруппировку сил и средств с целью подготовить реализацию задач очередной пятилетки путем некоторого ограничения директивных плановых заданий и использования экономических стимулов для увеличения производства. Однако возможность применения рыночных механизмов для регулирования экономических процессов была отвергнута — такого рода идеи, которые стали одной из составных частей реформы венгерской экономики, начатой в январе 1968 г., были названы «ревизионистскими концепциями некоторых экономистов». Таким образом, V съезд, как и предыдущий IV, не внес принципиальных изменений в социально-экономическую политику ПОРП.

В состав ЦК ПОРП, избранного V съездом, впервые была включена группа из 15 рабочих (16,5 % численности ЦК), кандидатами в члены ЦК стали 11 рабочих (12,1 %), но, как и ранее, в нем преобладали работники партийного, государственного и хозяйственного аппарата (73,8 % членов ЦК и 72,4 % кандидатов). Несколько обновилось Политбюро. Первым секретарем ЦК ПОРП остался Гомулка, но усилились позиции группы Герека.

В 1969—1970 гг. не произошло улучшения экономического положения страны. Начавшаяся в 1968 г. стагнация в развитии народного хозяйства продолжалась. При наличии на складах изделий и товаров, не пользующихся спросом, выпуск продукции, в которой нуждалось население, сокращался. Произошел спад и сельскохозяйственного производства, одной из главных причин которого явилась недостаточная материальная заинтересованность крестьян. Нарушение рыночного равновесия сопровождалось явным и скрытым повышением цен на товары широкого потребления. Рост реальной заработной платы в последние три года пятилетки 1966—1970 гг. не превышал 2 % (в 1968 г. он составил 1,3 %, в 1969 г. — 1,7, в 1970 г. — 1,4 %). Такие темпы роста поставили ПНР на последнее место среди стран — членов СЭВ.

Результатами развития экономики и своим материальным положением вызывали недовольство широкие слои населения, в том числе рабочих класс. Это недовольство использовалось оппозиционными кругами, в борьбе с которыми власти усиливали репрессии. В начале 1969 г. состоялись судебные процессы К. Модзелевского, Я. Куроня, А. Михника и других участников мартовских событий 1968 г., обвиненных в организации незаконных антигосударственных и антипартийных выступлений, участии в нелегальных союзах.

Гомулка и его окружение недооценивали нарастающую социальную напряженность, не давали себе отчета в том, что в конце 60-х годов Первый секретарь ЦК уже не пользовался тем авторитетом, который он завоевал в 1956—1957 гг. Подписание 7 декабря 1970 г. договора о нормализации отношений между ПНР и ФРГ, что означало международное признание западных границ Польши, и тот положительный отклик, который получил этот акт как в польском обществе, так и у международной общественности, создали у Гомулки иллюзию в том, что население страны полностью поддерживает проводимый им политический курс. В этой благоприятной обстановке было решено провести существенные изменения в политике цен на внутреннем рынке.

Трудности в снабжении населения, вызванные недостаточным развитием животноводства, не имевшего должной кормовой базы, побудили оказать воздействие на ситуацию путем повышения цен на мясо и ряд других продовольственных товаров. Совет министров 12 декабря 1970 г. принял постановление, по которому наряду с повышением примерно на 30 % цен на продовольствие, а также на строительные материалы, мебель, металлические изделия были несколько снижены цены на товары дли-

тельного пользования — холодильники, телевизоры, стиральные машины и т. п. Это решение являлось составной частью принятого V пленумом ЦК ПОРП (май 1970 г.) курса на замораживание заработной платы, ограничение личного потребления как средства преодоления трудностей в экономике. Время для его осуществления было выбрано без учета того, что в канун официально празднуемого в стране Рождества, когда население традиционно увеличивает покупки, это может вызвать негативную реакцию.

В ответ на повышение цен 14 декабря забастовали рабочие судовой верфи Гданьска и Гдыни. Проходивший в тот же день VI пленум ЦК ПОРП, обсуждавший экономическое положение и узловые задачи экономической политики на 1971 г., не был информирован о событиях на побережье Балтики. В Гданьск выехал Коцёлек — член Политбюро, незадолго до этих событий занимавший пост первого секретаря воеводского комитета ПОРП. Вслед за ним последовали члены Политбюро З. Клишко и И. Лога-Совиньский.

К забастовке присоединились многие предприятия Гданьска и Гдыни, а затем Щецина, Эльблонга и Слупска. Созданные бастующими забастовочные комитеты вырабатывали требования и руководили всеми действиями. Стачки сопровождались массовыми демонстрациями, участники которых в Гданьске и Щецине атаковали здания местных партийных комитетов. Было сожжено и частично уничтожено 19 общественных зданий, разгромлено 220 магазинов. На Гданьском побережье стачки и демонстрации продолжались до 19 декабря, в Щецине забастовка была закончена лишь 25 января 1971 г. Возникла угроза забастовок в Лодзи, Варшаве и других городах.

Гомулка на заседании Политбюро 15 декабря оценил события на Балтийском побережье как выступления контрреволюционного характера и отдал распоряжение о применении оружия против бастующих. Против рабочих были направлены значительные силы милиции и армейские подразделения. Действия находившихся на Побережье членов Политбюро были нескоординированными и противоречивыми. В то время как 16 декабря Коцёлек призывал рабочих Гданьской судовой верфи вернуться на работу, 17 декабря входы в судовой верфь по распоряжению Клишко были заблокированы. Применение оружия силами порядка привело к трагическим последствиям — 44 человека были убиты (в том числе два милиционера и один солдат) и 1164 ранены (в том числе 600 милиционеров и солдат).

20 декабря, на VII пленуме ЦК ПОРП, была принята отставка Гомулки с поста Первого секретаря и члена Политбюро. От обязанностей членов Политбюро были освобождены принадлежавшие к «узкому руководству» Клишко, Ящук, а также Спыхальский, Р. Стшелецкий и Лога-Совиньский. Первым секретарем ЦК ПОРП был избран Э. Герек, а членами Политбюро — Э. Бабюх, П. Ярошевич, М. Мочар и др.

Кризис 1970 г., приведший к окончательному уходу с политической арены Гомулки, явился результатом того, что возглавляемое им в течение 14 лет руководство ПОРП, в котором сохранили ведущие позиции сектантско-догматические элементы, практически не отказалось от осуществления сталинской модели социализма. Курс, провозглашенный VIII пленумом ЦК ПОРП в 1956 г., не привел к серьезным политическим и экономическим переменам, а начавшееся очень скоро отступление от него обеспечило сохранение командно-административной системы. Определенную роль сыграли и личные качества Гомулки, который был авторитаром, склонным к силовому разрешению возникающих конфликтов и противоречий. Особенности Польши — сильное влияние католической и буржуазной идеологии — определяли опасения руководителя ПОРП, что далеко идущая демократизация политической системы может создать угрозу для социализма. Особенно его убедили в этом события «пражской весны» 1968 г. Гомулка, как и руководитель ГДР В. Ульбрихт, был решительным сторонником ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. Неудавшаяся попытка силовым путем разрешить кризис 1970 г. поставила перед новым польским руководством вопрос о необходимости серьезного изменения политического курса, методов и стиля управления, поисков иных способов решения социально-экономических и политических конфликтов.

КОНЦЕПЦИЯ УСКОРЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Смена политического и государственного руководства в ПНР, происшедшая в контексте драматических событий на Побережье, явилась первым шагом на пути к стабилизации в стране. Новым руководителям предстояло в самые короткие сроки убедить широкие слои населения в правильности избранной стратегии, восстановить пошатнувшиеся ценности социализма. Однако еще на протяжении десяти недель после VII пленума ЦК ПОРП и пленарного заседания сейма (20 и 23 декабря 1970 г.) в крупных промышленных центрах продолжало сохраняться напряжение. В январе 1971 г. разразилась повторная забастовка рабочих судовой верфи им. А. Варского в Щецине, поддержанная некоторыми другими предприятиями города. Митинги и забастовки продолжались и на предприятиях текстильной промышленности Лодзи. Лишь после встреч Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека с судостроителями Щецина и Гданьска 24 и 25 января, на которых состоялся нелицеприятный и твердый разговор о путях выхода из тупика, общественная напряженность стала постепенно ослабевать. Правительство предприняло ряд экстренных мер для улучшения экономической ситуации наименее обеспеченных слоев населения: постановление о повышении цен от 12 декабря 1970 г. было отменено, стабилизированы цены на продовольственные товары на ближайшие два года, повышена заработная плата низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих и т. д. Обновилось руководство профсоюзов; Центральный совет профессиональных союзов возглавил член Политбюро ЦК ПОРП В. Кручек.

VIII пленум ЦК ПОРП (6—7 февраля 1971 г.) коллективными усилиями выработал объективную, хотя и не всестороннюю оценку сложившейся в стране ситуации. Пленум сформулировал принципиально важный вывод: главной причиной декабрьского кризиса 1970 г. было недовольство экономической и социальной политикой, методами руководства делами партии и государства. Пленум принял важные стратегические решения, направленные на дальнейшее социально-экономическое и культурное развитие Польши. Предусматривались тесная увязка производительных сил страны с постоянным ростом жизненного уровня населения, углубление социалистической демократии, укрепление единства ПНР со странами социалистического содружества. Ставилась задача совершенствовать методы руководства обще-

ством со стороны ПОРП. Э. Герек от имени политического руководства сообщил о предстоящих реформах в экономической, политической и социальной сферах. Были произведены кадровые изменения в высших эшелонах власти. В развитие решений пленума вскоре Политбюро ЦК ПОРП создало авторитетную партийно-правительственную комиссию, поручив ей разработать направления модернизации системы управления и функционирования народного хозяйства.

Начиная с апреля 1971 г. вся промышленность Польши работала бесперебойно, наверстывая отставание в выполнении плановых заданий, срывавшихся из-за забастовок и простоев на государственных предприятиях в первом квартале года. Общественное мнение начало склоняться в сторону нового партийного и государственного руководства, видя в его активности стремление исправить допущенные ошибки, улучшить экономическую ситуацию в стране, привлекать широкие слои населения к решению актуальных общественных проблем на демократической основе. Это положительно сказалось на росте производительности труда в государственном секторе и, как следствие, на улучшении состояния внутреннего рынка.

Стратегия экономического ускорения была закреплена VI съездом ПОРП, состоявшимся в начале декабря 1971 г. Ему предшествовали специальный пленум ЦК по узловым социально-экономическим проблемам развития ПНР на 1971—1975 гг., обсуждение на страницах печати проекта директив «За дальнейшее социалистическое развитие Польской Народной Республики», ставившее целью пробуждение политической и производственной активности как членов ПОРП и союзнических партий, так и беспартийных, всех слоев и групп, заинтересованных в укреплении социализма. Высший партийный форум впервые в истории ПОРП отошел от традиционного порядка работы: с текстом Отчетного доклада ЦК можно было ознакомиться заблаговременно, а дискуссии происходили на пленарных и секционных заседаниях, что позволило высказать свою точку зрения 733 делегатам и участникам съезда, а еще 633 делегата внесли свои выступления в протокол. Это импонировало коммунистам, подчеркивало их заинтересованность в делах партии и государства. Однако съезд проходил в атмосфере оптимизма, искусственно создаваемого средствами массовой пропаганды. Именно в это время появился пресловутый лозунг «поляк все может», на деле не способствовавший глубокому и всестороннему осмыслению происходивших в стране процессов.

Программный доклад Политбюро ЦК ПОРП «Задачи партии по дальнейшему социалистическому развитию Польской Народной Республики», с которым выступил Э. Герек, доклад Председателя Совета министров ПНР П. Ярошевича «Главные направления социально-экономического развития Польской Народной Республики в 1971—1975 гг.» определили конкретные рубежи, на которые необходимо было выйти в ближайшее пятилетие в

политической, социальной и культурной сферах, чтобы вывести страну на достойные позиции в мировом сообществе, обеспечить реализацию принципов социальной справедливости и социалистической демократии. Технократически ориентированная группа Герека—Ярошевича, поддерживаемая промышленным комплексом Верхней Силезии, уповала на то, что мощная экономика будет в состоянии разрешить все остальные проблемы. Из такой посылки вытекала недооценка политических и особенно идеологических аспектов деятельности ПОРП. Не случайно как в программном докладе, так и в решении VI съезда «За дальнейшее социалистическое развитие Польской Народной Республики в 1971—1975 гг.» эти проблемы заняли весьма скромное место.

Внешнеэкономическая конъюнктура складывалась в тот момент для Польши весьма благоприятно. Наступила разрядка международной напряженности, и это создавало возможность получения на выгодных условиях кредитов в высокоразвитых западноевропейских странах и США: С помощью зарубежных займов предполагалось начать строительство новых промышленных объектов, модернизировать машинный парк и производственные процессы, с тем, чтобы увеличить экспорт польских товаров на мировой рынок и тем самым погашать задолженность.

Значительные средства правительство выделило на расширение металлургического производства. В апреле 1972 г. при технической помощи СССР началось строительство гигантского металлургического комбината «Катовице» (близ Домбровы-Гурничей); пять лет спустя вступила в строй первая очередь комбината, дав ощутимую прибавку стали в общем объеме сталелитейного производства. Столь же значительные средства были вложены в кораблестроение, продукция которого в основном шла на экспорт, самолето- и автомобилестроение. Началось строительство ряда электростанций, в том числе первой польской атомной электростанции. Интенсивно насыщался товарам внутреннего рынок. Отечественная продукция легкой и пищевой промышленности, хотя и отставала по многим параметрам от западноевропейских стандартов, тем не менее удовлетворяла возраставший спрос населения. Заметную роль на внутреннем рынке и в сфере услуг играли кооперация и мелкое товарное производство. Страна успешно справлялась с устранением последствий декабрьского кризиса 1970 г. Результаты экономического развития ПНР в начале «декады семидесятых» казались впечатляющими, о чем свидетельствовала динамика национального дохода: в 1971 г. он составил 108,1 % от предыдущего года, соответственно в 1972 г. — 110,8 % и столько же в 1973 г. Стабильный рост национального дохода удавалось удерживать не только благодаря зарубежным кредитам, но также росту производительности труда, укреплению дисциплины на производстве, вступлению в эксплуатацию в 1971—1973 гг. новых производственных объектов, инвестированных еще в 60-е годы. В начале 70-х годов задолженность Польши западным кредиторам —

преимущественно ФРГ, США, Франции — была еще сравнительно невелика и составляла в 1971 г. 1,1 млрд, в 1972 г. — 1,6, в 1973 г. — 2,8 млрд долларов.

Успехи польской экономики в начале 70-х годов оказались неожиданными для многих, в том числе для руководителей партии и государства. Был сделан вывод, что используются далеко не все резервы производства, что наращивать экономические показатели следует и дальше. В октябре 1973 г. I общепольская конференция ПОРП скорректировала уже принявший силу закона пятилетний план 1971—1975 гг. в сторону значительного увеличения ряда его показателей. Следуя примеру других социалистических стран, участники конференции выдвинули тезис о том, что Народная Польша вступает в этап строительства развитого социалистического общества. Это не соответствующее действительности утверждение нанесло значительный ущерб социалистической идеологии в Польше и практической деятельности ПОРП.

АКТИВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Помимо более гибкой экономической и социальной политики, в большей степени учитывавшей интересы и настроения широких кругов населения, на стабилизацию страны воздействовал фактор углубления процессов демократизации общественной жизни. Командно-бюрократические методы управления обществом входили в противоречие со стремлением политических партий и общественных организаций к реальному участию в выработке и принятии общезначимых решений в сфере экономики, политики и идеологии.

Руководителям ПОРП приходилось принимать во внимание тенденции, проявившиеся как у части членов партии, так и у других организованных групп, в большей мере проявлять себя субъектами общественно-политической жизни.

Союзнические партии поддержали новую политическую линию ПОРП. На состоявшихся в начале 1971 г. пленумах ОКП и СД была проанализирована сложившаяся в стране ситуация, произведены кадровые перемещения, определены стратегические и тактические установки. Сотрудничество между партиями и общественными организациями, включая профсоюзы и молодежное движение, получило новый импульс. На серии совместных совещаний руководства ПОРП и ОКП были согласованы мероприятия по реализации планов развития сельского хозяйства и производства продовольственной продукции на 1971—1975 гг., а также социальной политики в аграрном секторе. Это было новое явление в деятельности рабочей и крестьянской партий. То же можно сказать и о формах межпартийного сотрудничества ПОРП и СД. Здесь в центре внимания находилась политика

экономической активизации мелкотоварного сектора в городе, улучшения обслуживания населения.

Чтобы закрепить выработанную VII и VIII пленумами ПОРП политическую линию в сфере государственного управления, было принято решение о досрочном прекращении деятельности сейма V каденции (созыва) и проведении новых выборов. Выборы в сейм VI каденции (19 марта 1972 г.) свидетельствовали о высокой политической активности населения, высказавшегося в своем подавляющем большинстве за кандидатов Фронта единства народа. В соответствии с основным законом ПНР в состав сейма были избраны 460 депутатов, из них 255, или 55,5 %, — члены ПОРП, 117 (25,4 %) — ОКП, 39 (8,5 %) — СД, 49 (10,6 %) — беспартийные.

Первая сессия сейма (28 марта 1972 г.) обновила состав высших государственных руководителей. Пост Председателя Государственного совета занял известный историк и политический деятель профессор Г. Яблоньский (ПОРП), маршалом сейма стал видный деятель крестьянского движения С. Гуцва, председатель Главного комитета ОКП. Председателем Совета министров ПНР был назначен П. Ярошевич (ПОРП). В Государственном совете и правительстве интересы католических кругов представлял только Б. Пясецкий (объединение ПАКС), что порождало недовольство светских католиков иных общественно-политических ориентаций. В то время политическое руководство не считало возможным открывать доступ более широкому представительству интересов всех слоев и групп польского общества в высших законодательных и управленческих органах.

В соответствии с решениями VI съезда ПОРП в 1972—1975 гг. была проведена глубокая реформа структуры местных органов власти и административно-территориального деления страны. Преследовалась цель усовершенствовать систему государственной администрации и управления народным хозяйством. На первом этапе реформы (1972 г.) вместо 4 тыс. небольших и экономически слабых громад (низших административно-территориальных единиц) было создано более 2 тыс. гмин, представлявших своеобразные экономические микрорегионы. Компетенции гминных властей были значительно расширены. На втором этапе (1973 г.) коллегиальные органы администрации — президиумы рад народных — были упразднены, а исполнительная власть передана воеводам и городским президентам и начальникам, подчиненным непосредственно правительству, но и одновременно подотчетным радам народным. Считалось, что это соответствует достигнутому уровню развития социалистического государства. На третьем этапе (1975 г.) трехступенчатая система административно-территориального деления (повят—гмина—воеводство) была заменена на двухступенчатую за счет упразднения повятов. Страна была разделена на 49 воеводств (в том числе три города, наделенные правами воеводств: Варшава, Краков и Лодзь). Довольно скоро выяснилось, что вместо ожидавшие-

гося сближения территориальных властей с населением, прогнозирувавшегося укрепления народовластия произошли разрастание административного аппарата и его централизация.

Радикальные изменения происходили в молодежном движении. В 1971—1972 гг. развернулась широкая дискуссия о путях его дальнейшего развития. В итоге родилась концепция Федерации социалистических союзов польской молодежи с целью объединения всех массовых молодежных организаций, ориентированных на строительство социализма в Польше. VII пленум ЦК ПОРП (март 1972 г.), специально рассматривавший проблемы молодежи, поддержал эту идею и принял развернутое постановление, которое на длительную перспективу определило задачи партии и государства по воспитанию молодого поколения в духе приверженности социалистическому строю. В марте 1973 г. интеграционные тенденции в студенческой среде привели к созданию единого Социалистического союза польских студентов, а в апреле того же года было провозглашено создание Федерации молодежных организаций. Она объединила более 5 млн человек и в идеологическом смысле находилась под патронатом ПОРП.

Существенным элементом общественно-политической ситуации начала 70-х годов стала официальная встреча премьера П. Ярошевича и кардинала С. Вышиньского 3 марта 1971 г. Она положила начало длительному процессу нормализации отношений между государством и католической церковью, основательно подорванных в предшествующее десятилетие. В конце апреля 1971 г. в Риме проходили первые после окончания второй мировой войны официальные переговоры представителей ПНР и Ватикана, продолженные в ноябре в Варшаве. 23 июня 1971 г. сейм принял закон, на основании которого католической и другим церквям возвращалась вся недвижимая собственность на западных и северных польских землях, конфискованная после войны государством. В ходе реализации закона в 1971—1973 гг. были возвращены почти 7 тыс. сакральных и иных объектов, из них более 90 % — католической церкви. 28 июля 1972 г. последовало решение папы Павла VI о приведении в соответствие с государственными границами ПНР административных границ польской римско-католической церкви, что отвечало национальным чаяниям поляков и заметно подняло статус польского духовенства. С 1973 г. установились постоянные рабочие контакты между ПНР и Ватиканом на уровне руководителей ведомств внешней политики, состоялся также визит министра иностранных дел ПНР к главе Ватикана. Епископат Польши позитивно оценил эти события и использовал их для укрепления своей позиции в обществе. Глава польской католической церкви кардинал С. Вышиньский, будучи еще с довоенных времен убежденным противником социализма, вместе с тем трезво оценивал политические реальности Народной Польши и в соответствии с доктриной папы-реформатора Иоанна XXIII (отказ от «крестового похода» против стран,

в которых господствовала социалистическая идеология) стремился обеспечить интересы церкви и верующих в рамках религиозных свобод, гарантированных Конституцией ПНР.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Благополучное состояние польской экономики продолжалось недолго. Чрезмерный рост инвестиций и значительное расширение импорта отягощали экономику, препятствовали ее эффективному функционированию, что ставило под сомнение правильность избранной руководителями страны линии на непрерывное, не считаясь с меняющимися условиями, увеличение национального дохода.

С конца 1973 г. вследствие мирового топливно-энергетического кризиса, вызванного значительным ростом цен на арабскую нефть, начала резко ухудшаться мировая экономическая конъюнктура. В связи с этим выросли цены на нефть и нефтепродукты также и в рамках европейского социалистического содружества. Между тем потребление нефти увеличилось под влиянием модернизации промышленности, индивидуальной моторизации и механизации сельского хозяйства. Не избежала этого и Польша. Вдобавок с неблагоприятными симптомами в сфере международных экономических отношений совпал цикл неурожайных лет, осложнивших положение в сельском хозяйстве Польши. В конце 1975 г. задолженность капиталистическим странам возросла почти до 8,5 млрд долларов. Именно тогда была достигнута так называемая граница опасности, т. е. положение, когда ежегодный рост выплаты заграничных долгов превысил 25 % ежегодных доходов по экспорту товаров и услуг. Страна вновь оказалась на пороге тяжелых испытаний.

В польской экономике уже с 1974 г. были отмечены первые признаки инфляции (исчезновение с внутреннего рынка ряда товаров), обозначился неконтролируемый процесс роста цен, усилились такие явления общественной патологии, как спекуляция, неформальная система продажи труднодоступных товаров, коррупция во внутренней торговле, взяточничество и т. п. Высшие эшелоны партийной и государственной власти осознавали эти негативные явления, но фактически мирились с ними. Информация органов внутренних дел и учреждений по изучению общественного мнения, сигнализировавших ухудшение настроений в обществе, не принималась во внимание, равно как и соответствующие сигналы отдельных политиков и ученых. Руководители ПОРП ориентировали идеологический аппарат партии на пропаганду успехов. В партийной печати, по радио и телевидению, на помпезных политических мероприятиях все больше писали и говорили о развитии социалистической демократии, в то время как в действительности работу центрального партийного аппарата все в большей мере характеризовал волюнтаризм, а с обще-

ственным мнением считались все меньше. В сентябре 1975 г. VIII пленум ЦК ПОРП принял решение о созыве очередного съезда партии. Пленум предложил на широкое обсуждение директивы «За динамичное развитие социалистического строительства, за более высокое качество труда и условий жизни нации». Однако в ходе дискуссии выяснилось, что конструктивное критическое осмысление происходящих в стране процессов нежелательно. Противоречие между декларировавшейся теорией и практикой строительства социализма в Польше становилось все более очевидным.

Понимая всю сложность накапливавшихся социально-экономических проблем, партийно-государственное руководство пыталось найти выход в так называемом хозяйственном маневре — провозглашении в 1975 г. новой тактической линии, суть которой сводилась к значительной корректировке пагубной структуры инвестиций, торможению их чрезмерного роста в пользу расширения производства средств потребления. Однако заинтересованные в продолжении прежней экономической политики технократические круги, связанные с тяжелой промышленностью и машиностроением, успешно сопротивлялись этому. Фактически все усилия правительства свелись не к последовательной переориентации приоритетов, а к попыткам борьбы против отдельных проявлений нараставшего быстрыми темпами экономического кризиса.

В первой половине декабря 1975 г. в Варшаве работал VII съезд ПОРП. Его делегаты представляли 2359 тыс. членов и кандидатов в члены партии. В дискуссии, на пленарных заседаниях и в проблемных секциях выступили 886 человек, к протоколу съезда свои предложения приобщили 690 делегатов. Но общее направление определяли не эти показатели демократизма. В программном докладе Политбюро ЦК ПОРП, с которым выступил Э. Герек, была нарисована радужная картина процветающей экономики, единодушно одобряемой всеми слоями польского общества внутренней политики правительства. Доклад и соответствующее решение неадекватно оценивали достигнутый уровень общественного и политического развития Польши. Утверждалось, что в стране уже построены основы социализма со свойственными данному этапу политическими и социально-экономическими структурами, достигнуто морально-политическое единство народа. Наличие выраженной многоукладности экономики и множественности идеологий игнорировалось. Процессы развития социалистических отношений в польской деревне преувеличивались. В решении по программному докладу было сказано: «Благополучно осуществлено большинство задач переходного периода от капитализма к социализму. Это позволяет Польше вступить в новый и более высокий этап строительства развитого социалистического общества». Высказывалось мнение, что реализация запланированных на пятилетие 1976—1980 гг. социально-экономических заданий позволит сделать значительный шаг

на этом пути. Теоретически ошибочные положения, сформулированные в докладе Э. Герека и закрепленные в решении съезда, давали неправильное направление основной деятельности ПОРП и дезориентировали ее пропагандистский аппарат.

В соответствии с решениями VII съезда на заседании сейма 19 декабря 1975 г. было объявлено о предстоящих изменениях в Конституции ПНР с целью укрепления народного государства и учета тех общественно-политических процессов, которые произошли в стране после принятия в 1952 г. Основного закона. 10 февраля 1976 г. сейм одобрил обновленный текст Конституции, первая статья которой гласила, что ПНР является социалистическим государством. Тем самым произошло правовое закрепление социалистических преобразований в Польше. Наиболее важными из принятых дополнений к Конституции стали положения о том, что ведущей политической силой общества является ПОРП и что Верховная контрольная палата, призванная следить за хозяйственной, финансовой и организационно-административной деятельностью высших и местных органов государственного управления, общественных и кооперативных организаций, выходит из компетенции сейма и передается в ведение Председателя Совета министров. Последнее фактически означало дальнейшее укрепление централизованного начала в деятельности государственной администрации, делая ее практически бесконтрольной.

Тезис о ведущей роли ПОРП в обществе, а также закрепленная конституционно внешнеполитическая ориентация ПНР на союз и сотрудничество с СССР оспаривались независимыми радикальными кругами интеллигенции и иерархией католической церкви. Еще в конце 1975 г., когда был обнародован проект новой Конституции, возникло движение, выразившееся в подаче в высшие государственные органы протестов, что свидетельствовало о политической поляризации общества и противоречило утверждению идеологов ПОРП о морально-политическом единстве нации.

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ 1976 г.

21 марта 1976 г. состоялись выборы в сейм. За кандидатов фронта единства народа было подано 99,4 % голосов. Мандаты распределились следующим образом: ПОРП — 261, ОКП — 113, СД — 37, беспартийные — 49. Результаты выборов укрепили уверенность группы Герека—Ярошевича в правильности избранной стратегии. Между тем общая экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться и находилась в разительном противоречии с радужными заявлениями руководящей элиты. Задолженность Польши западным кредиторам в 1976 г. достигла уже 11,5 млрд долларов. В стране явно накапливалось недовольство командно-административной системой. Чувствительным симптомом надвигавшегося кризиса стали события в Радоме, Плоцке

и на тракторном заводе «Урсус» под Варшавой 25 июня 1976 г. Их непосредственной причиной было намеченное правительством повышение цен на некоторые продовольственные товары. Такое решение, не сразу созревшее в руководящих кругах, ставило целью создать условия для рентабельности производства основных видов продовольствия. Под нажимом премьера П. Ярошевича был избран одноразовый вариант значительного повышения цен.

21 июня в Варшаве на собрании партийного актива ПОРП было предложено предпринять все меры, чтобы убедить общественное мнение в необходимости повышения цен на ряд продовольственных товаров, чтобы изменить общую структуру цен. Идеологические работники получили текст доклада, с которым они должны были выступить на собраниях трудовых коллективов в день объявления новых цен. Через три дня на заседании сейма премьер П. Ярошевич заявил, что 26—27 июня предполагается повысить цены, в частности на мясо и мясные изделия — на 69 %, на сахар — на 100, рыбу и рыбные изделия — на 69, сливочное масло — более чем на 50 % и т. п. Предлагавшаяся правительством компенсация населению в виде прибавок к заработной плате была такова, что не обеспечивала требований социальной справедливости. Сейм фактически без дискуссии принял резолюцию, рекомендовавшую передать решение правительства на обсуждение представителей трудовых коллективов. Для этой процедуры отводился только один день. Непопулярность правительственной акции была предопределена.

25 июня на многих предприятиях было беспокойно, в десяти воеводствах отмечались забастовки и митинги. Стихийно складывалось убеждение, что правительство пойдет на уступки в случае массового протеста. На заводе им. Вальтера в Радоме забастовщики вышли за пределы предприятия и направились к зданию воеводского комитета ПОРП, где выражали требование отменить решение правительства. Контроль над ходом демонстрации был упущен, начались опасные эксцессы, перешедшие затем в ожесточенное столкновение с подразделениями милиции, возведение баррикад, поджоги общественных зданий. Такой же серьезный оборот приняло развитие забастовки на заводе «Урсус». Было заблокировано движение железнодорожного транспорта, в том числе на международной трассе. Столкновения с милицией имели место в Плоцке. Недовольство рабочего класса приняло крайние формы и поставило правительство перед необходимостью немедленно отказаться от повышения цен. В тот же день вечером премьер П. Ярошевич по центральному телевидению заявил, что правительственный проект отзывается из сейма и цены на продовольственные товары останутся на прежнем уровне. Волна забастовок и митингов схлынула, хотя общее недовольство сохранялось. Учитывая трагические уроки 1956 и 1970 гг., правительство категорически запретило милиции пользоваться огнестрельным оружием и совсем отказалось от привлечения воинских

подразделений для наведения порядка. В то же время были допущены новые серьезные промахи. К участникам забастовок и демонстраций не было строго дифференцированного подхода, многие были подвергнуты административным и дисциплинарным наказаниям. В Радоме 939 человек были немедленно уволены, в «Урсусе» — 180. Ни Центральный комитет, ни Политбюро ЦК ПОРП, ни Совет министров не выступили с публичным анализом происшедших событий, напротив, средства массовой информации старательно замалчивали их. Правда, вскоре часть репрессированных рабочих вышла на свободу, а в следующем году Государственный совет принял решение об амнистии всех участников событий в Радоме, на «Урсусе» и в Плоцке.

Нежелание скорректировать обнаружившуюся неэффективность экономической политики, отказаться от волюнтаристских методов во внутригосударственной и внутрипартийной жизни вело неизбежно к отрыву партийно-государственного руководства от общества и правящей партии. Тем самым был сделан решающий шаг навстречу глубокому экономическому и политическому кризису, самому тяжелому и продолжительному в истории Польши.

СКЛАДЫВАНИЕ ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Прежде довольно аморфная и разобщенная политическая оппозиция после рабочих волнений в Радоме, Плоцке и на «Урсусе» начала приобретать определенные организационные формы, резко усилила свою пропаганду в кругах научной, технической и творческой интеллигенции, среди студенческой молодежи и особенно среди индустриальных рабочих. Активизация оппозиционных сил внутри страны была энергично поддержана администрацией США. Действуя под лозунгом «защиты прав человека», она старалась реализовать свою заинтересованность в том, чтобы в восточноевропейских странах сложились постоянные политические структуры антиправительственной ориентации.

Идеологическое «обеспечение» оппозиционных кругов взяла на себя эмиграция, прежде всего польский Литературный институт в Париже и его ежемесячник «Культура», а также польская редакция мюнхенской радиостанции «Свободная Европа». На страницах «Культуры» в 70-е годы вырабатывались основные идейные принципы, цели, методы и средства организованной политической оппозиции в стране. Именно здесь сначала Л. Колаковским, а затем группой хорошо законспирированных интеллектуалов (так называемое Польское независимое соглашение, созданное З. Найдером) была сформулирована хронологически самая первая целостная концепция борьбы против существующего в ПНР социально-политического строя.

Непосредственно в стране начало организованному оппозиционному движению положил Комитет защиты рабочих (Коми-

тет обороны роботников, КОР), образованный в сентябре 1976 г. усилиями Я. Куроня, А. Михника и профессора Я. Ю. Липского для оказания материальной и правовой помощи рабочим и их семьям, пострадавшим за участие в волнениях в Радоме и на «Урсусе». Среди членов комитета были известные деятели польской культуры и науки, например писатель Е. Анджеевский, ветераны движения Сопротивления и социалистического движения, а также бывшие члены ПОРП, исключенные в разные годы из партии «за приверженность к социал-демократическим и ревизионистским взглядам». Позднее, когда рабочие были амнистированы и вернулись на прежние места работы, комитет получил новое название — Комитет социальной самозащиты (КСС—КОР) — и практически стал координатором оппозиционной деятельности в стране. К нему присоединились группа люблинской католической молодежи, руководимая Б. Борусевичем, и довольно разветвленная группа варшавской научной и студенческой молодежи во главе с А. Мацеревичем. В октябре 1977 г. была создана нелегальная полиграфическая база Комитета (издательство «Нова»), которая позволила развернуть широкую пропаганду с помощью печатного слова (газета «Роботник», журналы «Крытыка», «Запис» и др.). Среди студенчества Кракова, Познани, Гданьска, Вроцлава возникли так называемые студенческие комитеты солидарности, поддерживавшие КСС—КОР, а в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Торуне и Познани — «летучие университеты» (курсы лекций и семинары по изучению «белых пятен» польской истории). Политические концепции Я. Куроня и А. Михника в основе своей имели стремление к дестабилизации командно-административной системы в стране и устранению ПОРП с политической арены.

Если КСС—КОР в своих воззваниях, петициях и прокламациях привлекал внимание общественности преимущественно к положению рабочих (по крайней мере первоначально), то возникшее в марте 1977 г. Движение защиты прав человека и гражданина с самого начала ориентировалось на поддержку всех недовольных правящим режимом. Инициаторы движения не скрывали своего сочувствия национально-патриотическим, христианско-демократическим и пилсудчиковским традициям. Но в конце 1978 г. активность движения ослабла в связи с выходом из него на почве острой борьбы за лидерство варшавской группы деятелей во главе с историком и журналистом Л. Мочульским, а также гданьской и лодзинской групп, самоопределившихся летом 1979 г. как Движение молодой Польши и Движение свободных демократов, прочно укоренившихся в среде студенческой и научной молодежи.

Процесс углубления политической дифференциации научной и творческой интеллигенции выразился в создании в январе 1978 г. Общества научных курсов, объединивших тех, кто на общественных началах вел среди населения лекционную работу, свободную от влияния официальной идеологии и контроля цен-

зуры. Многие члены Общества вели просветительскую деятельность в «летучих университетах», публиковали свои лекции и другие материалы без контроля цензуры, причем освещение истории и культуры Польши, российско-польских и советско-польских отношений отходило от официально провозглашавшихся концепций. Своеобразной попыткой организации (в ноябре 1978 г.) легального форума интеллигенции для выражения политического и мировоззренческого плюрализма стал конверсаториум «Опыт и будущее», созданный при Обществе свободного польского университета. Результатом его деятельности стали несколько докладов о дисгармоничном состоянии польского общества и развитии кризисогенных явлений, подготовленных для руководящих партийных и правительственных органов. Однако эти исполненные тревоги за будущее страны документы были оценены как очернительские и оставлены без внимания.

В начале 1978 г. сперва в Катовице, а потом в Гданьске независимые активисты-рабочие основали полулегальные комитеты свободных профсоюзов. Фактически это означало разрыв с забюрократизированными официальными профсоюзами, было новым явлением общественной жизни ПНР. Декларация гданьского комитета подчеркивала, что целью свободных профсоюзов является защита экономических, правовых и гуманитарных интересов работников без различия убеждений и квалификации, призывала к солидарным действиям. Католическая церковь оказывала свободным профсоюзам моральную поддержку.

Новым элементом структуры оппозиционного движения стала Конфедерация независимой Польши (КНП), которая заявила о своем существовании 1 сентября 1979 г. демонстрацией перед могилой Неизвестного солдата в Варшаве. Акт об образовании Конфедерации подписали представители нескольких нелегальных группировок, идеологически восходящих к концепциям польских национально-освободительных, демократических, людовских, социалистических и национальных движений конца XIX—начала XX в. Доминировал культ Ю. Пилсудского. По своим программным установкам КНП выделялась откровенно воинственным, фанатичным антикоммунизмом и антисоветизмом. Лидер и идеолог Конфедерации Л. Мочульский везде и всегда подчеркивал, что его организация ставит своей целью насильственную ликвидацию политического строя в ПНР, устранение ПОРП, разрыв с Советским Союзом и выход ПНР из содружества восточноевропейских государств. «Идейная декларация КНП» формулировала концепцию борьбы за так называемую Третью Демократическую Республику, что в политическом смысле означало восстановление строя межвоенной Польши. Не располагая массовой поддержкой, эта организация, обладающая типичными чертами политической партии, оказалась тем не менее весьма живучей.

К концу 70-х годов в Польше в основном сложилась структура оппозиции. Оппозиционные настроения, прямая оппози-

ционная деятельность захватили довольно значительные общественные слои: научную, прежде всего гуманитарную, интеллигенцию, деятелей литературы и искусства, студенческую молодежь, часть рабочего класса. Оппозиция была далеко не однородна по своей политической и мировоззренческой ориентации, придерживалась разных целей, причем не всегда враждебных порядкам, установленным Основным законом ПНР. Государство, однако, не искало смягчения напряженности в общественной жизни с помощью политических методов, а однозначно становилось на путь административного воздействия, что, как показали события начала 80-х годов, только усугубляло положение.

16 октября 1978 г. в Ватикане кардинальский конклав избрал польского кардинала К. Войтылу главой римско-католической церкви. Провозгласив себя верным последователем своих ближайших предшественников на папском престоле, он принял имя Иоанн Павел II, что означало его открытость в рамках христианской доктрины к проблемам социалистического мира, стремление решать взаимоотношения с социалистическими государствами на пути диалога и взаимопонимания.

Избрание папы-поляка главой Костела для Польши — страны, где подавляющее большинство населения исповедует католическое вероучение, — имело далеко идущие последствия. Авторитет и роль церкви возросли чрезвычайно, что создавало новую ситуацию в общественно-политической жизни. Это особенно чувствовалось в дни визита Иоанна Павла II в ПНР 2—10 июня 1979 г. В своих выступлениях и проповедях папа недвусмысленно высказал поддержку всем тем, кто противопоставлял себя командно-административной системе.

В стране нарастало недовольство. Было очевидно, что экономическая политика партийно-государственного руководства зашла в тупик, что только кардинальные реформы могут изменить положение. Государственный долг Польши непрерывно возрастал (в 1977 г. он составил уже 14 млрд долларов, в 1978 г. — 17,8, в 1979 г. — 21,1 млрд) и становился непосильным бременем, но этот важнейший экономический показатель скрывался от общественного мнения. В 1979 г. впервые в истории Народной Польши наступил спад национального дохода. Выполнение текущего пятилетнего плана (1976—1980 гг.) не могло быть обеспечено. Признаки экономического кризиса были налицо.

Прямым следствием ухудшения жизненного уровня значительной части населения, остроты важнейших социальных проблем (жилищной, здравоохранения, социального обеспечения и др.), утраты молодым поколением веры в достоинства социализма были забастовки и иные формы протеста. Наиболее напряженная ситуация складывалась на Побережье, особенно в Гданьске на судостроительных предприятиях. На многотысячных митингах в связи с годовщинами декабрьских событий 1970 г., а также в ходе непродолжительных забастовок выдвигались радикальные экономические и политические требования.

В атмосфере нараставшего общественного недовольства состоялся VIII съезд ПОРП (11—15 февраля 1980 г.), вошедший в историю партии как съезд нереализованных возможностей. Подготовка его сопровождалась острокритическими выступлениями во многих партийных организациях, стремлением объективно проанализировать причины обозначившегося упадка авторитета партии. В ходе съезда критические замечания уже не звучали, господствовали настроения благодушия и апатии. Тем не менее под давлением части делегатов с повестки дня съезда был снят доклад премьера П. Ярошевича о директивах хозяйственно-экономического развития на новую пятилетку, а сам он не был избран в состав Центрального комитета. Через три дня после съезда Ярошевич подал в отставку, и пост главы правительства занял Э. Бабюх, ближайший сотрудник Э. Герека. В средствах массовой информации публичная критика промахов в экономической политике была запрещена.

Отчетный доклад ЦК ПОРП затушевывал провалы в экономике, невыполнение решений предыдущего съезда. Вместо того чтобы мобилизовать коммунистов на борьбу с назревшим кризисом, группа Э. Герека приняла все меры, чтобы съезд одобрил оценки и решения, скрывавшие истинное положение дел. Как в партии, так и в обществе в целом все сильнее укреплялось убеждение, что политическое руководство не в состоянии делать правильных выводов из своих ошибок.

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ
ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1980 г.

70-е годы заканчивались под знаком повсеместного недовольства ухудшавшимся экономическим состоянием и очевидным несовершенством политической системы ПНР. В условиях рельефно выраженного идеологического плюрализма политическая система не обеспечивала представительства интересов всех классов, общественных слоев и групп. Все более явно ощущалось, что командно-административные методы управления экономикой, политической, идеологической и культурной сферами компрометируют идею социализма, не будучи в состоянии гарантировать стабильность и благополучие населения. Ситуация чрезвычайно обострилась в связи с волюнтаристским решением правительства Э. Бабюха ввести с 1 июля 1980 г. коммерческие цены на мясо. Как и в 1976 г., эта акция осуществлялась без предварительной подготовки общественного мнения и консультации с рабочими коллективами. Нет ничего удивительного в том, что в тот же день стихийно возникли забастовки на тракторном заводе «Урсус», металлургическом комбинате «Варшава», на предприятиях Лодзи, а в последующие дни — в Жирардуве, Мельце, Хелме, Сталевой Воле, Белостоке, Вроцлаве, Познани и других городах; всеобщая забастовка охватила Люблин. Всего в июле бастовали 177 предприятий (около 81 тыс. человек). Официальная печать впервые сообщила о рабочих протестах 19 июля, что свидетельствовало о том, что руководители страны явно недооценивали серьезности положения. В этот период забастовки носили исключительно экономический характер: выдвигались требования повысить заработную плату и улучшить социальные условия. В политическом руководстве разгорелись споры о путях выхода из положения. Верх взяла точка зрения, согласно которой снять напряжение следовало удовлетворением требований о повышении заработной платы, для чего было изыскано дополнительно 22 млрд злотых. Действительно, сначала казалось, что забастовочная волна пошла на убыль, и Э. Герек в конце месяца беспечно отправился на отдых в Крым. Это только лишний раз подчеркнуло, что ни лидер партии, ни его ближайшее окружение (Э. Бабюх, Я. Шидляк, Е. Лукашевич и Т. Вжашчик) не увидели глубоких социальных и политических причин рабочего протеста.

Еще более мощные волны забастовок прокатились по стране в августе, когда прервали работу около 750 тыс. рабочих 750

крупных промышленных и транспортных предприятий. Они привели к необратимым процессам в общественно-политической жизни Польши. В первой декаде августа восстановленный было нормальный производственный ритм нарушили забастовки в Лодзи, Вроцлаве, Кельце, Калише, Тарнуве, Свиднице, Люблине (здесь бастовали более 150 предприятий). 12 августа в Варшаве с ощутимыми перебоями функционировал городской транспорт. Третья, самая мощная волна забастовок, полностью изменившая общественно-политическую ситуацию, началась 14 августа, когда в Гданьске забастовали сразу 140 предприятий (130 тыс. человек) и остановился городской транспорт. Центральное место в этом лавинообразном движении массового протеста заняли события на крупнейшей польской судоверфи им. Ленина, приковавшие к себе внимание всей страны. Созданный здесь забастовочный комитет во главе с 37-летним электриком Л. Валенсой сумел обеспечить общественный порядок, твердо и решительно добивался переговоров с правительством в целях разрешения конфликта политическими средствами. Завидная организованность, достоинство, с которыми рабочие защищали свои права и интересы, пробуждали повсеместное сочувствие к забастовщикам. 15 августа началась всеобщая забастовка в Гдыне, 18 августа — в Щецине, а на следующий день — в Эльблонге. Ряд забастовочных комитетов заявил, что протесты рабочих связаны не с отрицанием основ государственного строя, а с неприятием деформаций социализма. При этом доминировали экономические требования, и лишь после того, как в забастовочные комитеты внедрились деятели оппозиционного движения, прежде всего КСС—КОР, появились требования политического характера: признать независимые от правящей партии свободные профсоюзы, свободу печати, право использовать свободными профсоюзами средства массовой информации, освободить всех заключенных по политическим мотивам.

Забастовочное движение вызвало растерянность в политическом руководстве. В своем выступлении по телевидению 15 августа премьер Э. Бабюх пытался сгладить все острые углы в анализе общественно-политической ситуации, но это только усилило напряженность. Бабюх заявил об отставке, вследствие чего правительство фактически перестало функционировать.

В Гданьск для переговоров с рабочими направилась правительственная комиссия, руководимая кандидатом в члены Политбюро ЦК ПОРП, вице-премьером Т. Пыкой, но он оказался не на высоте поставленной задачи и был вскоре отозван. Его заменил член Политбюро, вице-премьер М. Ягельский. В Щецине переговоры вела правительственная комиссия во главе с кандидатом в члены Политбюро, вице-премьером К. Барчиковским. Переговоры шли трудно, хотя и обозначилась тенденция взаимных уступок. Многие предприятия по всей стране объявили забастовки солидарности в поддержку корабелов и докеров.

В такой обстановке 24 августа состоялся IV пленум ЦК ПОРП. В ходе дискуссии острой критике подверглись методы управления экономикой и обществом в целом; массовые рабочие протесты были признаны обоснованными. Вместе с тем было принято традиционное решение выхода из кризиса — произведены кадровые изменения в высших эшелонах власти (из состава Политбюро ЦК ПОРП вывели Э. Бабюха, Е. Лукашевича, ответственного за идеологическую работу, и др.). С поста председателя Центрального совета профессиональных союзов отозвали Я. Шидляка. В тот же день новым премьер-министром был назначен Ю. Пиньковский. Это был своеобразный косметический ремонт политического руководства, свидетельствующий о том, что высшие звенья партии недооценили глубины кризиса.

Между тем волна забастовок усиливалась. Опасаясь дальнейшего нарастания напряженности, Главный совет епископата Польши 26 августа призвал восстановить доверие между обществом и властями. Из Ченстоховы по радио и телевидению транслировалась проповедь кардинала Вышиньского, который просил рабочих восстановить нормальный производственный ритм на предприятиях. На 28 августа планировалось выступление по телевидению Л. Валенсы, намеревавшегося просить рабочих воздержаться от забастовок и тем самым облегчить путь принятия компромиссного решения по вопросу о свободных профсоюзах, однако в последний момент власти не решились предоставить ему общепольскую трибуну. 29 августа начались забастовки на крупнейших угледобывающих предприятиях Катовицкого воеводства; выдвигались, как и повсюду, экономические требования. Для улаживания конфликта в Ястшембе прибыла правительственная комиссия во главе с вице-премьером А. Кошцем.

30 августа экстренно собрался V пленум ЦК ПОРП, который одобрил ход переговоров правительственных комиссий с бастовавшими предприятиями Побережья и Верхней Силезии. Было ясно, что без разумных уступок и немедленной подготовки программы кардинальных экономических и политических реформ стабилизация невозможна. В тот же день в Щецине состоялось подписание протоколов соглашения между правительственной комиссией и забастовочным комитетом, 31 августа было подписано соглашение в Гданьске, а 3 сентября — в Ястшембе. Общественное мнение с огромным облегчением восприняло этот факт. Казалось, что достигнутый компромисс ослабит напряженность в стране и позволит выработать разумные меры для подъема польской экономики. Однако, как стало ясно впоследствии, принятие договорных документов означало лишь завершение первой, вступительной фазы глубочайшего экономического и политического кризиса.

«СОЛИДАРНОСТЬ»: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?

Самым существенным моментом в подписанных соглашениях было признание факта существования независимых рабочих профсоюзов. И это обстоятельство оказывало чрезвычайно серьезное воздействие на общественное мнение. Вопреки ожиданиям напряженность сохранялась. Только в первой половине сентября во всех воеводствах забастовками были охвачены около 650 предприятий с участием более 350 тыс. бастовавших. На многих предприятиях и даже в целых отраслях выдвигались все новые экономические, а нередко и политические требования, подчас совершенно нереальные; предприятия добивались от правительственных органов подписания и с ними соответствующих соглашений (всего тогда было подписано свыше 300 соглашений). Спад производственной и общественной дисциплины, многочисленные требования заменить неугодных администраторов, председателей заводских советов, секретарей партийных комитетов и партийных активистов, бесконечные споры в рабочее время неизбежно вели к снижению производительности труда и ощутимым материальным потерям, не говоря уж об издержках социально-психологического плана. Подавляющая часть общества возлагала вину за провалы в экономической политике на руководителей ПОРП. Не случайно на очередном заседании сейма 5 сентября 1980 г. ряд депутатов — членов ПОРП прямо или косвенно вынуждены были признать, что развернувшееся в стране широкое движение общественного протеста имеет под собой серьезные основания.

На VI пленуме ЦК ПОРП (5—6 сентября и 4—5 октября 1980 г.) на пост Первого секретаря ЦК партии вместо Э. Герека был избран С. Кая. «Самой важной нашей задачей является восстановление общественного доверия к народной власти, доверия всех людей труда к партии рабочего класса, — заявил он. — Мы должны обеспечить крепкую связь власти с обществом. Такой связи не хватает, и это вызвало взрыв недовольства, широкого и грозного по своим последствиям». Развернувшаяся на пленуме дискуссия показала, что в оценке кризиса, охватившего экономику и политическую систему Польши, столкнулись консервативное и критическое течения в партии. Было принято решение разработать программу выхода страны из кризиса и в возможно короткие сроки созвать чрезвычайный съезд ПОРП. В резолюции пленума подчеркивалось, что Центральный комитет партии стоит на почве полной и последовательной реализации соглашений, подписанных представителями правительства и рабочих коллективов в Гданьске, Щецине и Ястшембе.

Несмотря на «общественные соглашения» и заявления Л. Валенсы о необходимости воздерживаться от перерывов работы, 3 октября на многих промышленных предприятиях, строительных площадках и транспорте состоялась общепольская часовая

предупредительная забастовка. Особенная напряженность сложилась в Гданьске, Эльблонге, Катовице, Вроцлаве, Слупске и Валбжихе.

В глазах широкого общественного мнения профсоюзы, руководимые Центральным советом профессиональных союзов, полностью себя скомпрометировали недостаточным вниманием к социальным нуждам трудящихся, бюрократизмом, несамостоятельностью. Неудивительно поэтому, что идея свободных, независимых профсоюзов была подхвачена в трудовых коллективах с большим энтузиазмом и надеждами на изменение положения. Очень скоро определилась тенденция консолидации независимых профсоюзов. Благодаря поддержке советников и экспертов общегородского забастовочного комитета в Гданьске был подготовлен и 17 сентября 1980 г. утвержден устав независимого самоуправляющегося профессионального союза «Солидарность». Тогда же на собрании представителей свободных профсоюзов всех воеводств было принято решение создать временную согласительную комиссию во главе с Л. Валенсой для координации деятельности новых профсоюзов и объединения их в одну организацию.

Инспирирующую роль в политизации новых профсоюзов сыграли представители оппозиционных группировок, особенно КСС—КОР, а также католические деятели (главный редактор католического журнала «Веньзь» Т. Мазовецкий, известный историк и католический публицист Б. Цивиньский и некоторые другие), видные юристы (В. Сила-Новицкий и др.). Обращаясь к их помощи, забастовочные комитеты и «Солидарность» намеревались создать своеобразный «мозговой трест» для разработки документов, необходимых в деятельности профсоюза, для юридической и иной интеллектуальной помощи, но в реальной жизни институт советников и экспертов превратился в сферу ожесточенной конкурентной борьбы за формирование идейного облика «Солидарности». Советники и эксперты придерживались разных идеологических ориентаций; наибольшим влиянием первоначально пользовались те, кто исповедовали общественную доктрину католицизма; четко прослеживалась также социал-демократическая и социалистическая линия, выросшая из неприятия идеологической платформы ПОРП. На Л. Валенсу и его ближайшее окружение наибольшее влияние оказывали деятели из круга КСС—КОР. Разнородность идейного воздействия сказалась в значительной мере на идеологическом плюрализме «Солидарности».

24 сентября «Солидарность» представила в Варшавский воеводский суд необходимые документы для официальной регистрации. С этого момента начался стремительный численный рост профсоюза, он принял весьма внушительные размеры, и к концу октября насчитывал уже около 8 млн членов, т. е. почти половину всех рабочих и служащих, занятых в государственном секторе. На этом этапе подавляющее большинство адептов «Солидарности» видели в ней новый массовый профессиональный

Э. Герек —
Первый секретарь
ЦК ПОРП
в 1970—1980 гг.

В. Ярузельский —
президент Польши
в 1989—1990 гг.

Старе Място
в Варшаве

союз, способный эффективно преодолевать деформации экономической и социальной жизни. Именно этим объясняется вступление в «Солидарность» многих членов ПОРП, в том числе значительной группы членов ЦК. После довольно продолжительной проволочки с рассмотрением документов «Солидарности», острой полемики и предъявления взаимных претензий независимый профсоюз был зарегистрирован 10 ноября 1980 г. Тем самым юридически закреплялось появление нового элемента политической системы ПНР, что 21 ноября было подчеркнуто в постановлении сейма, выразившего надежду на позитивный вклад «Солидарности» в развитие социалистической демократии. В то же время объективным следствием легализации независимого профсоюза стал фактический организационный раскол

недавно еще единого польского профессионального движения. Помимо «Солидарности» продолжали активную деятельность традиционные отраслевые профсоюзы, объединявшие около 4 млн членов (здесь особенно большой была прослойка членов ПОРП), и, кроме того, так называемые автономные профсоюзы (работники административных органов, предприниматели и некоторые другие). В начале 1981 г. последние добились создания своей конфедерации, в которую вошло около 30 самостоятельных объединений (всего примерно 500 тыс. членов). Формировавшийся слой функционеров «Солидарности» считал себя единственным и подлинным представителем трудящихся, отказывался сотрудничать с отраслевыми профсоюзами.

На первых порах Л. Валенса и его ближайшее окружение ограничивались намерением создать некую формацию, ориентированную исключительно на защиту экономических интересов рабочего класса. Сам рабочий лидер неоднократно заявлял, что собирается заниматься исключительно профсоюзной деятельностью, что политика ему чужда. Однако темпы роста профобъединения, очень активная идеологическая и организаторская работа различных оппозиционных группировок привели к тому, что политические проблемы вышли на передний план. Уже осенью 1980 г. «Солидарность» выступала как массовое демократическое движение рабочего класса и интеллигенции, направленное на противодействие командно-административной системе. Поскольку значительное большинство членов профобъединения были в той или иной степени связаны с католицизмом, церковь играла роль интегрирующего фактора, оказывала движению моральную поддержку. В этом заключалось своеобразие «Солидарности». Достаточно скоро стало очевидным, что членские массы «Солидарности» могут быть объектом манипуляции различных группировок, в том числе антисоциалистических. Серьезную материальную помощь (валюта, средства полиграфии, компьютерная техника и т. п.) ей оказывали западные профсоюзы, всевозможные благотворительные и иные фонды, польские эмигрантские организации. Нескрываемый интерес к движению проявляли спецслужбы государств, настроенных враждебно по отношению к социалистическим странам.

КОНФРОНТАЦИЯ

По мере обострения кризиса в стране в ПОРП усиливалась борьба между консервативным и реформаторским течениями. Внутрипартийные противоречия естественным образом сказывались на боеспособности ПОРП: партия не успевала за событиями, не могла перехватить инициативу и предложить обществу понятную, эффективную программу преодоления негативных тенденций в экономике, выработать тактику борьбы с политической оппозицией. Наряду с виной за драматические события 1956, 1970, 1976 гг. ПОРП пришлось принять на себя моральную и полити-

ческую ответственность за новый, еще более глубокий и всеохватывающий кризис. Создавалась ситуация кризиса доверия к власти. В массовом сознании достаточно широкое распространение получили идеи, направленные на дискредитацию ценностей социализма, в том числе демонтаж социалистических государственных структур, устранение ПОРП из политической системы, пересмотр государственных договоров и союзнических отношений ПНР. В полулегальных и нелегальных изданиях, приобретших огромный и неконтролируемый размах, пропагандировалась ничем не прикрытая враждебность по отношению к СССР.

В обстановке нервозности и недоверия к ПОРП, к государственным властям в многомиллионном профобъединении «Солидарность» шел процесс формирования организационных структур и управленческих звеньев. В ходе выборов, проведенных в целом с соблюдением демократических процедур, руководящие должности занимали, как правило, наиболее радикальные деятели, при этом в силу господствовавшей атмосферы недоверия к ПОРП члены партии в руководящие органы «Солидарности», за редкими исключениями, не попадали.

Радикалы в «Солидарности» делали ставку на обострение ситуации с тем, чтобы вырвать у правительства как можно больше уступок и расшатать государственные структуры. Самым эффективным инструментом дестабилизации считались забастовки и разнообразные акции протеста. В январе 1981 г. «Солидарность» организовала забастовки и акции протеста почти на 2 тыс. предприятий (участвовало около 1,7 млн человек). Выдвигалось чаще всего требование ввести пятидневную рабочую неделю, несмотря на то что такая мера еще более подрывала польскую экономику. Правительству Ю. Пиньковского уступило. Серия конфликтов возникла на почве требований региональных организаций «Солидарности» сменить воеводские власти либо удовлетворить особые требования местного населения. Наибольшую известность получила всеобщая забастовка предприятий Бельска и Бельского воеводства 23 января—6 февраля, которая закончилась подписанием соглашения в пользу забастовщиков.

В общественные конфликты втягивались высшие учебные заведения. Молодежные организации социалистической ориентации вступили в полосу затяжного идеологического кризиса, теряли свою базу вследствие дезинтеграционных процессов в молодежном движении. В высших учебных заведениях на арену политической жизни вышла новая студенческая организация — Независимое объединение студентов, впервые заявившее о себе в сентябре 1980 г. В конце ноября в Варшаве состоялся общепольский съезд делегатов Объединения, на котором были представлены более 80 высших учебных заведений. Было решено придать студенческой организации черты независимого профессионального союза и поддержать «Солидарность». Хотя в уставе и декларации подчеркивалась аполитичность Объединения, достаточно скоро выяснилось, что его деятельность носит преимущественно

политический характер, будучи направлена на дискредитацию политической системы ПНР. Студенческие волнения начались 21 января 1981 г., когда забастовочный комитет Лодзинского университета объявил о забастовке и его поддержали Медицинская академия и Политехнический институт. Поводом к выступлению были вопрос об автономии университета, реорганизация обучения военному делу, иностранным языкам и политическим наукам и др. Переговоры с представителями Министерства науки, высшего образования и техники зашли в тупик, так как студенты требовали немедленной регистрации Независимого объединения и не соглашались внести в устав поправку, согласно которой оно обязывалось соблюдать положения Конституции ПНР. В начале февраля забастовки солидарности объявили вузы Люблина, Ольштына, Варшавы, университет в Познани, а 15 и 16 февраля — еще 25 вузов. Под этим натиском правительство уступило и 17 февраля подписало соглашение с лодзинскими студентами и зарегистрировало общепольскую независимую студенческую организацию.

Правительство подвергалось острой критике как со стороны оппозиции, «Солидарности», так и ПОРП, союзнических партий; премьер-министра Ю. Пиньковского упрекали в нерешительности и непоследовательности. На VIII пленуме ЦК ПОРП 9 февраля он заявил о своей отставке. Выступая на пленуме, Первый секретарь ЦК партии С. Кая сказал, что внутреннее положение Польши необычайно сложное и что социалистические завоевания находятся под угрозой. Перед партией ставилась задача преодолеть хаос, обеспечить социалистический характер новых профсоюзов, изолировать политических противников, пресечь всякие контрреволюционные тенденции и попытки организации беспорядков. Коммунисты призывались воздерживаться от участия в политических забастовках.

Правительственный кризис был преодолен 11 февраля, когда сейм ПНР назначил министра национальной обороны, члена Политбюро ЦК ПОРП генерала В. Ярузельского главой правительства. Общественное мнение в подавляющей своей части встретило это назначение с ощущением надежды, поскольку Ярузельский пользовался репутацией профессионала, сторонника реформ и политических методов разрешения общественных конфликтов. Новый премьер выдвинул реалистическую программу преодоления кризисных явлений в экономике и социальной сфере, обратился к обществу с призывом о прекращении всех забастовочных акций на 90 дней, чтобы в спокойных условиях реализовать все намеченное. Ярузельский заявил, что правительство будет добросовестно и последовательно действовать в интересах социалистического обновления, устранять деформации экономической и общественной жизни, бороться с любыми проявлениями зла. Вместе с тем было решительно заявлено о сознании правительством конституционного долга защищать ценности, связанные с существующим государственным устройством, подчеркивалась

незыблемость дружбы и сотрудничества с СССР. Для регулирования взаимоотношений с расколовшимся профсоюзным движением, прежде всего с профобъединением «Солидарность», при Совете министров создавался специальный комитет во главе с заместителем премьера известным публицистом М. Раковским.

Однако относительное спокойствие продолжалось недолго. Лидеры «Солидарности» и их советники, пребывавшие в состоянии эйфории, вызванной непрерывными уступками кабинета Ю. Пиньковского, оценивали ситуацию как благоприятную для дальнейшей эскалации напряжения. С этой целью оказывалась всяческая поддержка стремлению части индивидуальных сельских хозяйств создать собственные независимые профсоюзные организации. Для «Солидарности» было важно канализировать социальную активность занятого в индивидуальном секторе крестьянства в строго заданном направлении — оппозиционном по отношению к власти, чтобы создать впечатление, будто все польское общество противостоит государству. Но полностью реализовать такую идею лидерам «Солидарности» не удалось, и польское крестьянство, взятое в целом, в период кризиса не проявляло такой ангажированности в политические акции, как индустриальные рабочие. 8—9 марта 1981 г. в Познани на крестьянском съезде произошло объединение трех до той поры самостоятельных крестьянских профорганизаций («Сельской солидарности», «Крестьянской солидарности» и профсоюза индивидуальных хозяйств «Солидарность») в новую общепольскую организацию — Независимый самоуправляемый профессиональный союз индивидуальных хозяйств «Солидарность»; его возглавил Я. Кулай. В декларации Союза утверждалось, что он намерен бороться за равноправие всех секторов сельского хозяйства, не ставит перед собой политических целей, признает руководящей политической силой в стране ПОРП, авторитет Объединенной крестьянской партии на селе. Тем не менее экстремистски настроенные региональные организации профсоюза пошли на захват земельных участков, принадлежащих сельскохозяйственным кружкам, пытались оккупировать помещения старых профсоюзов.

Острые конфликтные ситуации возникали то в одном, то в другом воеводстве. 9 марта профобъединение «Солидарность — Радомская земля» заявило о забастовочной готовности и требовании замены руководителей воеводской организации ПОРП и воеводского совета, привлечения к ответственности виновных за драматические события в Радоме в 1976 г. Таким образом, призыв премьера В. Ярузельского о «90 спокойных днях» не был поддержан радикалами в «Солидарности». С каждым днем напряжение нарастало. Обвинения были несправедливы, но первый секретарь воеводского комитета ПОРП и воевода подали в отставку, чтобы не инспирировать всеобщей забастовки. «Солидарность» расценила исход конфликта как доказательство того, что с помощью нажима можно вынудить власти идти на любые уступки.

Радомский прецедент породил своеобразную цепную реакцию во многих воеводствах.

Однако наибольший резонанс, причем не только в Польше, но и за ее пределами, получил так называемый быдгоцкий инцидент. Конфликт в Быдгощи, кульминационный момент которого пришелся на 19 марта, когда в ходе работы воеводской рады народной из зала заседания были удалены нарядом милиции с помощью физических методов воздействия представители местного профобъединения «Солидарность» и бастовавших крестьян-единоличников, был расценен общественностью Польши как политика решения спорных вопросов силовыми методами. Политическая ситуация в стране осложнилась до крайних пределов. На митингах, в средствах массовой информации, в многочисленных прокламациях и иных нелегальных изданиях требовали расследовать инцидент и наказать виновных. Нередко появлялись лозунги, призывавшие к физической расправе с коммунистами. Повсеместное возбуждение подогревало решение «Солидарности» начать 27 марта всеобщую четырехчасовую предупредительную забастовку, а 31 марта — всеобщую забастовку, если переговоры с правительством не дадут желаемого результата. После забастовочной волны в августе 1980 г. это был наиболее высокий пик общепольского кризиса. Обеспокоенность развитием событий выражалась в многочисленных резолюциях общественных организаций, творческих и научных союзов, высших учебных заведений, партийных инстанций, в выступлениях церковных деятелей. Переговоры на правительственном уровне (М. Раковский — Л. Валенса) протекали в атмосфере нервозности, неуступчиво; в конце концов возобладало стремление к улаживанию конфликта путем взаимных уступок и ослабления конфронтации. Правда, предупредительная забастовка 27 марта состоялась, но она носила достаточно спокойный характер, а всеобщую забастовку «Солидарность» отменила. В принятом совместном заявлении правительство взяло на себя ответственность за инцидент в Быдгощи, а «Солидарность» обязалась проявлять сдержанность в организации забастовок. Было заявлено о стремлении к конструктивному сотрудничеству в деле преодоления кризиса. В июне и первой половине июля забастовочную волну удалось заметно ослабить. Но в целом реализация совместного заявления натолкнулась на непреодолимые трудности: обе стороны были полны недоверия друг к другу.

14—20 июля 1981 г. в Варшаве работал IX чрезвычайный съезд ПОРП, цель которого состояла в консолидации рядов партии и разработке программы намеченной хозяйственной реформы, новой социальной и культурной политики. По данным мандатной комиссии, 56 % делегатов съезда (1099 человек) состояли в профобъединении «Солидарность». В отчетном докладе Центральной комиссии партийного контроля отмечалось, что принятый в 70-е годы курс на ускоренный рост партийных рядов привел к негативным последствиям, снизив идейно-политическую требова-

тельность к коммунистам. За период с 1971 по июнь 1980 г. в число кандидатов в члены ПОРП было принято свыше 1,5 млн человек, причем большинство из них вступили в партию между VII и VIII съездами. В этот же период из ПОРП вышли свыше 500 тыс. человек, преимущественно рабочие и крестьяне. Выработанная съездом стратегия преодоления кризиса в стране опиралась на два важнейших элемента: демократические реформы и политику широкого национального согласия со всеми слоями польского общества на основе конституционных принципов. Избранный съездом Центральный комитет отличался сильным рабочим костяком, что должно было гарантировать политическую и идеологическую устойчивость руководящего партийного органа.

С конца июля заметно ухудшилось снабжение населения товарами первой необходимости, что естественно отразилось на общественных настроениях. Крайне экстремистские элементы оппозиционного движения немедленно использовали ситуацию в своих целях. Конфедерация независимой Польши занялась подготовкой пропагандистских «звездных маршей» (из крупных регионов в направлении Варшавы) в защиту политических заключенных (Л. Мочульского, Р. Шереметьева и др.). Региональные профобъединения «Солидарности» организовали несколько массовых демонстраций («голодные марши») в Лодзи, Щецине, Кросно и др. Центрами наибольшей напряженности стали Катовицкое воеводство, Лодзь и Варшава. В столице 3—5 августа водители городского транспорта под нажимом «Солидарности» заблокировали центр города, парализовав все движение. Премьер-министр В. Ярузельский заявил, что положение в стране опасно обострилось. Начал действовать правительственный оперативный штаб по преодолению кризиса. В те же дни прошли переговоры представителей правительства и «Солидарности» с целью снятия напряженности. Но 6 августа лидеры последней сорвали переговоры после того, как был подготовлен согласованный проект совместного заявления, предусматривавшего сотрудничество правительства и профсоюза в области реализации хозяйственной реформы. Это было одно из звеньев в цепи многих фактов, свидетельствовавших о том, что радикалы в «Солидарности» взяли курс на постепенное овладение рычагами власти, прежде всего на крупнейших промышленных предприятиях.

Вновь синусоида кризиса достигла самой высокой отметки. Во многих воеводствах региональные управления «Солидарности» организовали акции протеста в виде демонстраций, митингов, забастовок, транспортных блокад и т. п. В Катовицком воеводстве была объявлена четырехчасовая забастовочная готовность. Призывы союзнических партий и общественных организаций к сохранению спокойствия и улаживанию конфликтов на основе взаимных уступок не достигали цели.

Неуправляемость радикального крыла «Солидарности» становилась очевидной.

В такой обстановке началась первая часть I съезда «Солидарности» (Гданьск, 5—10 сентября 1981 г.). По данным профобъединения, 892 избранных на съезд делегата представляли 9447 тыс. членов, объединенных в 38 региональных организаций. Состав съезда рельефно отразил тенденции внутреннего развития «Солидарности»: 74,6 % делегатов принадлежали к интеллигенции и только 25,4 % были рабочими. Таким образом, в процессе выборов делегатов на высший форум значение представителей рабочего класса и их представительская роль в региональных организациях постоянно снижались. Фактически I съезд «Солидарности» оказался съездом функционеров профобъединения, их советников и экспертов. Они составляли 92,1 % делегатов. Показательны данные об организационной принадлежности. Члены ПОРП составляли 7,8 % делегатов, молодежных организаций — 1,1, СД — 0,8, ОКП — 0,3 %. Беспартийными назвали себя 90 % делегатов. В эту группу входили 5,3 % исключенных из ПОРП и 4,2 % вышедших из партии по политическим мотивам. Среди делегатов съезда были также представители официально незарегистрированных оппозиционных групп: члены и сочувствующие КСС—КОР составляли 17 %, Конфедерации независимой Польши — 8,6 %. При такой представительской структуре любое выступление в защиту народной власти и социалистических ценностей подвергалось ядовитой критике, одергиванию и обструкции. Каждое заседание съезда сопровождалось экспонированием польской национальной патриотической символики, исполнением национального гимна, католических песнопений и богослужениями. Работу съезда освещала большая армия журналистов, радио- и телекомментаторов из многих зарубежных стран, в том числе восточноевропейских. В то же время представители польского телевидения на него допущены не были. Это была своеобразная контракция «Солидарности», безуспешно пытавшейся овладеть государственными радио и телевидением.

Вторая часть съезда состоялась 26 сентября—7 октября. Линия на оппозиционность в отношении конституционных принципов ПНР, ее международных союзов, тотальная критика ПОРП демонстрировались открыто. Решения IX съезда ПОРП, направленные на преодоление экономического и политического кризиса, высмеивались; вся ответственность за экономические трудности, непрерывные забастовки и общественные конфликты возлагалась на партию. Призывы отдельных делегатов к национальному согласию, к соблюдению «Солидарностью» статуса профессионального объединения подавлялись.

В отчетном докладе Общепольской согласительной комиссии — высшего исполнительного органа «Солидарности» — утверждалось, что в Польше налицо революция, ведущей силой которой выступает профобъединение; что государственная власть не в состоянии служить обществу ввиду своей неспособности и злой воли; что все позитивные процессы в стране являются исключительной заслугой «Солидарности»; что последняя утратила всякую надежду

на возможность эффективной деятельности власти и поэтому обязана взять дело обновления страны в свои руки.

Съезд принял несколько документов, раскрывавших идеологические установки профобъединения. Центральное место среди них заняла программа «Солидарности». Она не оставляла сомнений в направленности всей деятельности профобъединения: противостояние существующей общественной системе и ПОРП, как ее ключевому элементу. Программа не усматривала ничего позитивного во всей послевоенной истории Польши, трактуя ее как непрерывную цепь кризисов и конфликтов. Подчеркивалось важное значение христианской этики и новейших папских энциклик, а также национальных традиций польского народа в идеологии «Солидарности». Государственная власть обвинялась в неспособности провести радикальные реформы экономической и политической системы. Вместо централизованного партийно-государственного аппарата предусматривалась модель «самоуправляющейся демократической Польши». В области экономики предлагалось устранить командно-административную систему руководства хозяйственной жизнью путем отделения органов хозяйственной администрации от политической власти. Основу экономической системы, согласно программе «Солидарности», должны были составить предприятия, управляемые рабочими советами и директорами, избранными на конкурсной основе. Демократизм самоуправляющейся республики гарантировался мировоззренческим, социальным, политическим и культурным плюрализмом.

На съезде было заявлено о самороспуске группы КСС—КОР, все функции группы переадресовывались «Солидарности». Тем самым подчеркивалось идейное родство демократической оппозиции 70-х годов и радикального крыла профобъединения.

Важным моментом съезда были выборы руководящих органов «Солидарности» и ее председателя. В острой борьбе с бескомпромиссно настроенными конкурентами (Я. Рулевский, А. Гвезда и М. Юрчик) победил Л. Валенса, занимавший в основном центристские позиции. Он собрал 55% голосов.

Правительственная коалиция восприняла итоги съезда «Солидарности» с большой обеспокоенностью. Принятые им документы однозначно расценивались как выражение линии на конфронтацию и подрыв конституционных основ народного строя. Эта обеспокоенность возрастала тем больше, чем яснее становилось, что страна погружается в состояние анархии. Несмотря на призывы «Солидарности» к спокойствию, забастовки и акции протеста имели место в ряде воеводств. Участились случаи нападения на милицию. В ПОРП усилилось недовольство руководящими органами партии, которые действовали недостаточно энергично. На IV пленуме ЦК, 16—18 октября 1981 г., большинство выступавших говорили об угрожающем развитии политической ситуации в стране. Центральный комитет потребовал от всех членов партии однозначного самоопределения в политической борьбе; все коммунисты, состоявшие в «Солидарности», обязывались покинуть ее ряды. Партия ориентирова-

лась на бескомпромиссную борьбу с антиправительственными силами. Пленум избрал Первым секретарем ЦК генерала В. Ярузельского, который сохранил за собой посты премьер-министра и министра национальной обороны. В постановлении пленума говорилось, что в сложившейся ситуации «высшие органы ПНР в случае необходимости должны применять предоставленные конституцией полномочия, чтобы защитить жизненные интересы народа и государства». От руководства «Солидарности» требовалось соблюдения Конституции ПНР, «отмежевания от действий врагов социализма», незамедлительной приостановки забастовочных акций, конструктивного подхода к правительственной программе преодоления экономического кризиса. Развивалась идея соглашения всех патриотических сил, стоящих на почве фундаментальных принципов политического строя Польши, международных союзов ПНР, мирного урегулирования всех проблем общества и государства.

Во второй половине октября многие регионы страны захватила новая волна забастовок и акций протеста. Помимо экономических и политических требований они сопровождались эскалацией антисоветизма. По состоянию на 19 октября резкое ухудшение общественной ситуации констатировалось почти в половине воеводств. 22 октября началась всеобщая забастовка предприятий и городского транспорта в Зеленогурском воеводстве. 23 октября руководители «Солидарности» заявили о всепольской часовой забастовке протеста, назначенной на 28 октября. Была объявлена всеобщая забастовка в Тарнобжегском воеводстве (200 предприятий, около 120 тыс. бастующих). В связи с выборами ректора в Радомской высшей инженерной школе разразились студенческие волнения, которые в ноябре очень быстро распространились практически на все высшие учебные заведения Польши. Обращение руководителей ПОРП, ОКП и СД к «Солидарности» занять конструктивную позицию и начать совместные действия по преодолению экономической разрухи встретило демонстративный отказ. Во всеобщей часовой забастовке 28 октября, по данным из 45 воеводств, приняли участие около 2 млн человек из 7 млн работавших в первую смену. Это означало своеобразное голосование общества против непрерывной эскалации забастовок, усталость и разочарованность населения. 31 октября сейм ПНР принял постановление, в котором осудил радикальные силы в «Солидарности» и выразил поддержку правительству и его премьеру. В. Ярузельский заявил, что основная причина сохранения напряженности состоит в том, что экономика стала ареной борьбы радикалов из «Солидарности» с органами власти. Забастовки и падение трудовой дисциплины блокировали все меры правительства по преодолению экономических трудностей. Премьер предостерег крайние силы от дальнейшего продолжения дестабилизации общественной жизни, заявил о ведущейся подготовке чрезвычайных правительственных мер по защите интересов граждан и государства. Это заявление в кругах «Солидарности» было воспринято как угроза и повлекло за собой новые нападки на правительство.

4 ноября общепольская комиссия «Солидарности», заседавшая в Гданьске, приняла решение сформулировать для переговоров с правительством следующие постулаты: создать альтернативный общественный совет народного хозяйства, обладающий правом вето в отношении правительственных мероприятий; определить направления хозяйственной реформы; заключить с правительством при участии «Солидарности» крестьян-единоличников соглашение для реализации продовольственной программы; предоставить общественным организациям доступ к средствам массовой информации; реформировать правосудие и карательные органы; обсудить альтернативный проект закона о местных органах власти, территориальном самоуправлении и положении о выборах; подготовить закон, обеспечивающий право на независимую общественно-политическую деятельность. В решении ультимативно заявлялось, что в случае неподписания соответствующего соглашения руководство «Солидарности» обратится к членам профобъединения с призывом организовать общепольские акции протеста, включая всеобщую забастовку. Нежелание идти на разумные компромиссы находило поддержку и в региональных организациях «Солидарности», несмотря на призывы к благоразумию со стороны католической церкви, либерально настроенной интеллигенции, ряда общественных организаций.

Правда, к середине ноября забастовочное движение заметно пошло на убыль; напротив студенческие волнения достигли своего апогея. Из локального конфликта в Радоме они переросли в общестуденческий протест по поводу бюрократических проволочек в ходе разработки закона о высшей школе. В конце ноября в ряде воеводств некоторые организации «Солидарности» вновь выдвинули лозунги вытеснения комитетов ПОРП с предприятий, усилили нападки на членов партии. Участились случаи захвата силой административных и иных помещений «Солидарностью» крестьян-единоличников. 3 декабря съезд делегатов «Солидарности» региона Магзеве постановил устроить в Варшаве 17 декабря массовый митинг под лозунгами борьбы с ПОРП и правительством. Складывалась ситуация, чреватая открытыми столкновениями. Когда стали известны подробности закрытого заседания президиума общепольской комиссии «Солидарности» в Радоме (3 декабря), на котором фактически обсуждался вопрос о захвате власти, всякие сомнения относительно возможности достижения каких-либо договоренностей отпали. Ведь руководители профобъединения считали неприемлемыми любые решения правительства и сейма, если бы они не учитывали полностью всех требований «Солидарности». 11—12 декабря в Гданьске состоялось пленарное заседание общепольской комиссии профобъединения. Оно протекало в атмосфере готовности к силовым методам борьбы с существующим строем.

Стремясь остановить процесс разрушения экономических и политических структур, сползание страны к хаосу и анархии, высшее политическое и государственное руководство пришло к выводу, что следует прибегнуть к чрезвычайным мерам. В ночь с 12 на 13 декаб-

ряд 1981 г. Государственный совет ПНР принял решение о введении на всей территории Польши военного положения. Всю полноту власти принял Военный совет национального спасения под председательством В. Ярузельского.

В ПОИСКАХ ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Военный совет национального спасения ставил перед собой задачу, не подменяя конституционных органов власти, обеспечить правопорядок в стране и создать необходимые предпосылки, гарантирующие восстановление общественного спокойствия и дисциплины как условия выхода из кризиса. В крупные индустриальные и культурные центры вводились воинские части для патрулирования; устанавливался комендантский час. На всех уровнях государственной администрации и на наиболее важных промышленных предприятиях учреждался институт военных комиссаров. На первых порах армия взяла под контроль телефонно-телеграфную связь и средства массовой информации. Существенным ограничением подлежали гражданские права и свободы населения. Деятельность общественных организаций (за исключением политических партий правительственной коалиции) временно приостанавливалась или вовсе прекращалась. Наиболее непримиримые деятели «Солидарности» и члены нелегальных антиправительственных организаций были интернированы. Декрет Государственного совета «О военном положении» от 12 декабря 1981 г. был абсолютным большинством голосов (при одном против) утвержден сеймом ПНР 25 января 1982 г.

Военное положение повергло польское общество в шоковое состояние. Наиболее распространенными были три типа поведения. Многие восприняли военное положение как вынужденную меру в целях пресечения анархии и предупреждения вполне реальной угрозы гражданской войны. Значительная часть населения, особенно интеллигенции, посчитала происшедшее национальной трагедией, поддавалась чувству безысходности и замкнулась в кругу личных проблем («внутренняя эмиграция»). Одной из форм проявления негативного отношения к чрезвычайным мерам правительства был демонстративный массовый выход из ПОРП. Немалая часть активистов «Солидарности» и антиправительственных организаций, избежавших интернирования, перешла на нелегальное положение и встала на путь сопротивления. В необыкновенно развившемся в то время городском фольклоре неприятие военного положения выразилось в названии: «Польско-ярузельская война».

Подавляющее большинство предприятий и учреждений страны с введением военного положения приступило к нормальной работе. Лишь в отдельных случаях наблюдались попытки забастовок, а в шахте «Вуек» Катовицкого объединения угольной промышленности во время забастовки 13—16 декабря 1981 г. произошло драмати-

ческое столкновение группы забастовщиков с воинским подразделением закончившееся гибелью нескольких шахтеров. 13 января 1982 г. нелегально собрался совет 20 лидеров «Солидарности», который постановил начать конспиративную деятельность профобъединения. 22 апреля была создана Временная общепольская координационная комиссия «Солидарности» в составе региональных лидеров, известных своей непримиримостью: З. Буяк (Варшава), Б. Лис (Гданьск), В. Хардек (Краков) и В. Фрасынюк (Вроцлав). Они хотели добиваться легализации «Солидарности», освобождения интернированных активистов профсоюза и всех тех, кто был осужден по политическим мотивам. Для реализации этих целей создавались нелегальные региональные исполнительные комитеты. Но массовой поддержки они не получили. Сказывалась психологическая усталость общества, испытывавшего тяжелые потрясения. Правда, 1 мая в некоторых местах состоялись своеобразные контр-манifestации под антиправительственными лозунгами, а 3 и 4 мая в Варшаве, Гданьске, Щецине, Эльблонге, Торуне, Люблине, Кракове и Гливицах имели место серьезные уличные инциденты вплоть до столкновений с милицией и попыток поджогов общественных зданий, организованные главным образом студенческой и школьной молодежью с целью демонстрации неприязни к социалистическому строю. Попытки подпольных структур «Солидарности» организовать 13 мая предупредительную забастовку фактически не нашли отклика в рабочих коллективах. Самой заметной акцией подполья стали демонстрации протеста против введения военного положения, организованные в связи со второй годовщиной подписания общественных соглашений в Гданьске. По официальным данным, демонстрации, в отдельных случаях сопровождавшиеся столкновениями с милицейскими подразделениями, имели место в 66 городах 34 воеводств, причем в Люблине (Вроцлавское воеводство) погибли три человека. Агрессивность участников демонстраций вызывала негативную реакцию общества. Полным провалом закончились запланированные подпольными структурами на 10 и 11 ноября забастовки на предприятиях и массовые манифестации.

В то же время начался процесс распада подполья: многие активисты «Солидарности» и антиправительственных группировок порывали с нелегальной деятельностью и возвращались к своим прежним занятиям. Известную роль сыграла здесь и результативная деятельность служб общественной безопасности. К концу 1982 г. были раскрыты 677 конспиративных групп, обнаружены 360 пунктов производства нелегальной литературы, 11 нелегальных радиостанций и т. д.

Но общественно-политическую жизнь Польши в 1982 г. характеризовали главным образом стабилизирующие факторы. Укрепились сотрудничество между ПОРП, ОКП и СД, а также поддерживавшими правительствоную платформу обществами светских католиков — ПАКС, Христианской общественной ассоциацией и Польским общественно-католическим союзом. Все они однозначно высказались за эволюционный путь совершенствования полити-

ческой системы и общественных отношений, за обновление социализма. Активизировались социалистические молодежные организации. В высших учебных заведениях в ноябре 1982 г. возникла обновленная социалистическая организация — Объединение польских студентов. Важным фактором стабилизации стали укрепившиеся связи государства и католической церкви. Поддерживались постоянные контакты между главой правительства и примасом Польши.

За нормализацию общественных отношений, скорейшее преодоление кризиса высказывались десятки тысяч представителей разных кругов населения. Спонтанно возникло патриотическое движение по созданию гражданских комитетов национального спасения, объединявших членов ПОРП и союзнических партий, беспартийных, светских католиков. К середине 1982 г. насчитывалось уже около 9 тыс. комитетов, объединяющих более 160 тыс. активистов. Они оказывали разнообразную помощь на общественных началах местным властям. На этой базе сложилось массовое Патриотическое движение национального возрождения (ПДНВ). Его инициаторы 20 июля 1982 г. выступили с декларацией, призывавшей всех поляков к объединению в целях «выведения страны из кризиса, укрепления в сознании и общественной практике социалистических идеалов социальной справедливости, народовластия, правопорядка, достоинства человека». В конце 1982 г. сформировался временный руководящий орган движения во главе с известным католическим писателем, участником движения Сопротивления в годы второй мировой войны Я. Добрачиньским. Патриотическое движение национального возрождения задумывалось как демократический форум гражданского диалога. Одной из самых первых акций движения было обращение в сейм с просьбой о скорейшей отмене военного положения.

Важным событием явилось возрождение профсоюзного движения. 8—9 октября 1982 г. сейм принял законы, создававшие правовые основы деятельности новых самостоятельных профессиональных организаций в целях защиты социальных интересов трудящихся в городе и деревне. Трудовые коллективы получили право на забастовку в случае неуспеха переговоров профсоюза с администрацией. Уже в конце года возникло более 20 тыс. инициативных комитетов и групп, занявшихся профсоюзной деятельностью.

Постепенно появились признаки нормализации политической жизни. К середине 1982 г. удалось приостановить падение национального дохода и промышленной продукции. Началась реализация второго этапа экономической реформы. И хотя о преодолении кризиса еще не могло идти речи, Государственный совет ПНР, руководствуясь интересами дальнейшего укрепления государства, принял решение о приостановлении военного положения с 31 декабря 1982 г. Свидетельством дальнейшего нарастания стабилизационных процессов была полная отмена военного положения 22 июля 1983 г. Военный совет национального спасения был распущен, исчерпав свои функции.

Сейм ПНР, созванный 20—21 июля 1983 г., внес существенные изменения в польскую Конституцию. Конституционное оформление в политической системе ПНР получило ПДНВ, которое рассматривалось как платформа «сотрудничества политических партий, общественных организаций и объединений, а также граждан, независимо от их мировоззрения, в вопросах функционирования и укрепления социалистического государства».

В конституционных поправках акцентировался классовый характер Польского государства, доминирующая роль рабочего класса. Подчеркивались место и роль единоличных крестьянских хозяйств в социальной и экономической структуре страны. Наконец, конституционно закреплялись правовые формы обеспечения народного государства от внешних и внутренних угроз. Кроме того, сейм принял закон о системе рад народных и территориальном самоуправлении, а также закон об амнистии политзаключенных.

Наметились позитивные сдвиги в экономике. В 1983 г. впервые за четыре года удалось достичь прироста национального дохода (на 5%). С более высокими, чем планировалось, показателями работала государственная промышленность, некоторые сдвиги наблюдались и в сельском хозяйстве, удалось также достичь перевеса экспорта над импортом во внешнеторговом обороте. Тем самым был заторможен спад жизненного уровня населения. Но до коренных улучшений в экономике было еще очень далеко. Сохранилась регламентированная продажа ряда важнейших продуктов питания. Внутренний рынок лихорадило. Задолженность зарубежным кредиторам достигла более 28 млрд долларов, что ставило страну в чрезвычайно сложное положение. Экономические трудности усугублялись дискриминационной политикой правительства США и некоторых других капиталистических государств в отношении ПНР. По подсчетам польских экономистов, в результате сокращения импорта из этих стран Польша понесла в 1981—1983 гг. убытки, исчисляемые в 12,5 млрд долларов.

По ряду основных показателей был выполнен и Национальный социально-экономический план 1983—1985 гг., который ставил целью значительное продвижение на пути восстановления народного хозяйства. Но всех понесенных в кризисные годы потерь наверстать не представлялось возможным, так как недоставало необходимых материальных и трудовых ресурсов, а замораживание в 1980—1982 гг. инвестиционных процессов не давало прироста новых производственных мощностей. Весьма ощутимые трудности испытывала социальная сфера. Никак не удавалось достичь хотя бы незначительного прогресса в реализации жилищной программы, что особенно болезненно воспринималось молодыми поколениями поляков. На общественные настроения сильнейшее негативное влияние оказывала инфляция: на протяжении трехлетия уровень инфляции достигал 18% ежегодно. Своеобразной общественной оценкой уровня жизни в Польше явились выборы в рады народовы 17 июня 1984 г. В этот день правом голоса воспользовались лишь 75% избирателей. Выборы в сейм, состоявшиеся 13 октября 1985 г.

при более активном участии избирателей (почти 79%), показали тем не менее, что, несмотря на все усилия правительственных органов по осуществлению экономической реформы, процессы дезинтеграции, недовольства и апатии в обществе отнюдь не ослабевали.

В ноябре 1985 г. произошли перестановки в высших эшелонах власти: В. Ярузельский был назначен Председателем Государственного совета ПНР, а Совет министров возглавил член Политбюро ЦК ПОРП З. Месснер — известный экономист, а в 1975—1981 гг. ректор Экономической академии в Катовице. Выведение народного хозяйства из кризисного состояния оставалось важнейшей, первоочередной задачей нового правительства. Не случайно вопросы экономики заняли одно из главных мест в работе очередного, X съезда ПОРП (29 июня — 3 июля 1986 г.). В документах съезда была представлена программа социально-экономического развития ПНР на 1986—1990 гг. и последующее пятилетие. В ее основу закладывалась идея ускорения социально-экономического развития. Говорилось о необходимости повышения действенности стратегического планирования, о переходе к управлению с помощью экономических рычагов, расширении самостоятельности, самоуправления и самофинансирования предприятий. Однако эти идеи в обществе были восприняты как рутинные.

X съезд принял первую в почти сорокалетней истории ПОРП программу, которая вобрала в себя теоретический анализ пройденного партией пути, ее достижений и неудач, осмысление уроков кризиса 80-х годов, представления о задачах партии в экономической, социальной, политической и духовной сферах. В качестве своей ближайшей цели ПОРП ставила построение социализма, формирование подлинно социалистических отношений во всех областях общественной жизни. Был принят новый устав ПОРП, значительно обновилась руководящие партийные органы. Первым секретарем ЦК вновь был избран В. Ярузельский.

Но в целом форум польских коммунистов не оправдал возлагавшихся на него партийными инстанциями надежд, не стимулировал глубинных изменений в жизни партии. Сказалось не только падение престижа ПОРП, но и непреодоленная изолированность партийного аппарата от базы: в частности, партийные массы оказались фактически отстраненными от участия в формировании делегатского корпуса съезда, на котором была в избытке представлена партийно-государственная номенклатура.

Прогрессировал процесс укрепления профессионального движения. Профсоюзные организации на предприятиях и в учреждениях, а также некоторые отраслевые профсоюзы возобновили деятельность вскоре после введения военного положения. Параллельно нелегально действовали немногочисленные профорганизации запрещенной «Солидарности». В 1984 г. легальные профсоюзы насчитывали уже более 4,5 млн членов. В ноябре того же года на их основе было создано Общепольское соглашение профессиональных союзов, председателем которого избрали рабочего-металлурга А. Мёдовича (в 1986—1989 гг. — член Политбюро ЦК ПОРП). В ок-

тябре 1986 г. Соглашение профсоюзов насчитывало уже 7 млн членов, 26 тыс. заводских организаций, 132 профсоюзные федерации. 60 % рабочих — членов Соглашения профсоюзов ранее состояли в «Солидарности».

Общественная и культурная жизнь в стране активизировались. Восстанавливались и расширялись международные контакты Польши. Создавалось впечатление, что найдены надлежащие пути преодоления экономических трудностей и политических конфликтов. На X съезде ПОРП и в средствах массовой информации прозвучали утверждения о том, что с кризисом покончено. Однако такие представления оказались преждевременными. С 1987 г. внутреннее положение страны вновь начало ухудшаться. Постоянным фактором дестабилизации выступала разбалансированность внутреннего рынка. очередное повышение цен на некоторые продукты питания, топливо и электроэнергию, предпринятое в конце марта, которое правительство обосновало необходимостью разрешить проблему формирования цен и доходов, привело к негативной реакции населения. Кабинету З. Месснера не удалось найти эффективных способов борьбы с инфляцией. Экономическая реформа проводилась вяло, увязала в тенетах бюрократизма и сопротивления консервативных сил. Возрождались скомпрометировавшие себя методы силового давления, пренебрежения нуждами людей. Социологические опросы населения фиксировали нарастающую тенденцию падения доверия к мероприятиям правительства.

29 ноября 1987 г. в ходе всенародного референдума народ должен был выразить отношение к представленной в сейм программе радикального оздоровления экономики, а также к намеченным глубоким преобразованиям политической жизни. В референдуме приняли участие только 67,3% граждан, имевших право голоса. Положительно на первый вопрос ответили 66%, на второй — 69%. Но это составляло лишь соответственно 44,3 и 46,3% к общему числу всех избирателей. Предложения правительства, таким образом, не могли быть утверждены сеймом. На VI пленуме ЦК ПОРП (декабрь 1987 г.) было заявлено, что выраженная почти 12 млн участников референдума поддержка радикальных перемен в экономике и общественной жизни свидетельствует о верности избранной партией политической линии. Оппозиционные круги, напротив, увидели в результатах референдума еще одно подтверждение углубляющегося кризиса командно-административной системы, неприятие ее массами.

Политический климат в стране действительно вновь начал катастрофически ухудшаться. И как это было уже много раз, толчком послужило значительное повышение цен, объявленное хотя и заранее, но воспринятое населением как удручающее. С 1 февраля 1988 г. цены на мясо, копчености, сахар, масло, хлеб повышались в среднем на 40%, квартплата и коммунальные услуги дорожали в полуплуну, бензин — на 60%. Ожидалось повышение вдвое стоимости угля, электроэнергии, производственного сырья и т. д. Прожиточный минимум населения снижался на 36%. Правда, од-

новременно предусматривалось повышение средних заработков за счет надбавок к зарплате, дотаций на детей и т. п. Неудивительно, что, согласно социологическим опросам, 89% населения оценило экономическую обстановку в стране отрицательно. На польскую экономику давила внешняя задолженность, выражавшаяся в астрономической сумме 39,2 млрд долларов.

В конце апреля начались забастовки рабочих городского транспорта в Быдгощи и Иновроцлаве, а затем на металлургическом комбинате им. Ленина под Краковом. Забастовки носили экономический характер. Тогда же представители нелегальных оппозиционных группировок по инициативе Л. Валенсы собрались для выработки общей платформы действий. Здесь среди всего прочего высказывались мнения, что экономическая реформа нуждается в поддержке, что преодолеть кризис невозможно без достижения национального согласия (в форме заключения своеобразного «антикризисного пакта» с правительственной коалицией).

VII пленум ЦК ПОРП (13—14 июня 1988 г.) констатировал ослабление позитивных тенденций в жизни общества, ухудшение настроений населения. Прозвучало самокритичное признание в том, что руководство ПОРП не предприняло достаточных усилий по ускорению реформы экономики. Были определены направления срочных действий по улучшению рыночного снабжения, торможению инфляции. Пленум произвел также значительные кадровые перестановки в руководящих звеньях партии. Важным моментом работы пленума было решение о расширении коалиционной системы управления за счет привлечения новых кругов беспартийных, в том числе тех, кто выступал как независимые. Недовольство населения сразу отразилось на результатах очередных выборов в местные органы власти, состоявшихся 19 июня: на избирательные участки явились только 55,01% имеющих право голоса. В Гданьске — на родине «Солидарности» — голосовали всего 27,5% избирателей.

11—14 июля 1988 г. состоялся официальный визит в ПНР Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Визит показал большой интерес польской общественности к экономическим и политическим реформам в СССР. Руководители КПСС и ПОРП констатировали совпадение взглядов по важнейшим проблемам советско-польских отношений. В совместном заявлении по окончании визита говорилось, что советско-польские отношения будут строиться «на основе полного уважения суверенного права каждой страны самостоятельно определять методы и формы строительства социализма, темпы общественно-политических преобразований, подходы к решению проблем, преодолению противоречий». В. Ярузельский в это время и позже неоднократно заявлял о необходимости подкрепить реформу экономических структур крупными переменами в польской политической системе. На первое место при этом выдвигалась идея значительно больших, чем прежде, возможностей проявления, учета и согласования интересов различных общественных и политических групп, в том числе и оппозицион-

ных, при условии уважения конституционных принципов ПНР («модель социалистического плюрализма»).

В середине августа на угледобывающих и некоторых других предприятиях Верхней Силезии, в порту и на транспортных предприятиях Щецина немногочисленные, но решительно настроенные группы сторонников «Солидарности» сумели склонить часть рабочих коллективов к забастовкам. Они не стали массовыми, но отличались упорством. Их участники выдвигали экономические требования, главным было, однако, требование политическое — легализовать профобъединение «Солидарность» во главе с Л. Валенсой и действовавшими все эти годы в подполье назависимыми структурами. Правительство объявило эти забастовки нелегальными, но призывало к диалогу. Учитывая справедливое недовольство рабочих коллективов непрерывным падением жизненного уровня, Исполнительный комитет Всепольского соглашения профсоюзов выступил 20 августа с заявлением о вотуме недоверия правительству. Профсоюзы выступали не против реформы экономики, их не устраивали методы ее осуществления. Заявление было передано в сейм. Возникшая коллизия, не имевшая прецедента в истории послевоенной Польши, стала предметом специального рассмотрения на VIII пленуме ЦК ПОРП (27—28 августа). Экономическая политика кабинета З. Месснера подверглась острой критике. Пленум пришел к выводу, что оппозиция, если она выражает конструктивные идеи и не стоит на позициях конфронтации, может быть только полезной для общества и государства. В день открытия пленума газета «Трибуна люду» опубликовала заявление министра внутренних дел, члена Политбюро ЦК ПОРП Ч. Кищака, который предложил представителям всех общественных сил встретиться за «круглым столом» для обсуждения актуальных проблем, волнующих народ. Тем самым реформаторские силы в ПОРП сделали самый важный шаг по пути отказа от командно-административных методов управления обществом. Объединенная крестьянская партия и Стронництво демократычне высказались в поддержку «круглого стола». 15 сентября состоялась встреча Ч. Кищак — Л. Валенса, на которой обсуждался вопрос об участии в «круглом столе» представителей «Солидарности».

19 сентября сейм ПНР обсудил работу Совета министров. Депутаты однозначно высказывались за необходимость кардинального обновления правительства, указывали на неэффективность избранного кабинетом пути реализации экономической программы, на допущенные членами правительства промахи. З. Месснер заявил об отставке кабинета в полном составе. 27 сентября сейм утвердил Председателем Совета министров ПНР М. Раковского, известного публициста, опытного политического деятеля, сторонника демократии и диалога со всеми общественными силами, включая конструктивную оппозицию.

Новый кабинет министров, решительно омоложенный и пополненный динамичными профессионалами (в частности, Министерство промышленности возглавил преуспевающий бизнесмен М. Виль-

чек), поставил перед собой задачу, не отступая от экономической реформы, скорректировать, однако, ее стратегические цели. Общего оздоровления польской экономики М. Раковский предполагал достичь путем рационализации производственных процессов, последовательной ликвидации нерентабельных предприятий, сведения до минимума государственных дотаций, оптимального перераспределения рабочей силы. Раковский считал, что необходимо создать такие общественно-производственные условия, при которых человек чувствовал бы себя свободным, не объектом, а субъектом труда, несущим личную ответственность за деятельность предприятия. Иными словами, необходимо было с помощью экономических рычагов покончить с практикой отчуждения человека от производства. Таким образом, новый кабинет в отличие от своих предшественников не замыкался в рамки политики ценообразования, справедливо полагая, что линия на повышение цен только дезинтегрирует общество и не находит понимания широких трудовых слоев населения. Ближайшие конкретные действия кабинета М. Раковского должны были реализоваться в курсе на подъем сельского хозяйства и увеличение сельскохозяйственной продукции, на жилищное строительство и охрану окружающей среды.

Новый кабинет работал менее года. Понятно, что за такой небольшой срок ему не удалось реализовать своих замыслов. И дело заключалось не только в сложности стоящих перед ним проблем, в нестабильности общественного климата. С осени 1988 г. чрезвычайно ускоряется развитие политических процессов в связи с кристаллизацией линии реформаторского крыла ПОРП на углубление демократизации общества. Это как бы отодвинуло экономическую программу правительства М. Раковского на второй план. Подготовку «круглого стола» шла уже полным ходом. Состоялась серия встреч представителей государственной администрации, руководителей ПОРП, ПДНВ, общественных организаций, католических иерархов и независимых общественных деятелей. В их ходе удалось достичь договоренности относительно персонального состава предстоящего «круглого стола» и программы его работы. Предполагалось обсудить три узловые проблемы, одинаково важные для достижения национального согласия: модель функционирования государства парламентарной демократии и политического плюрализма; модель функционирования многоукладной хозяйственной жизни в интересах модернизации национальной экономики; модель плюрализма польского профсоюзного движения (речь шла прежде всего о легализации деятельности профобъединения «Солидарность»).

К этому времени в нелегальных структурах «Солидарности» назрел раскол на почве разного понимания стратегии и задач профобъединения. 18 декабря 1988 г. в Варшаве состоялась встреча независимой интеллигенции и деятелей оппозиции, на которой конституировался Гражданский комитет при Л. Валенсе. Комитет намеревался оказывать лидеру «Солидарности» помощь в деле легализации независимого профсоюза. В этот же день в Гдыни заседала

так называемая рабочая группа Всепольской комиссии «Солидарности» — конкурирующая со сторонниками Л. Валенсы нелегальная структура. Это были радикально настроенные деятели (А. Гвязда, А. Словик, М. Юрчик, Я. Рулевский и др.), стоявшие в 1980—1981 гг. на самых крайних позициях по отношению к ПОРП и властям, своеобразные «фундаменталисты». Они обвинили Л. Валенсу в измене рабочему делу и присвоении денежной части Нобелевской премии, которую он обещал передать в фонд поддержки крестьян, осуждали католическую церковь за поддержку частной собственности, призывали к силовой конфронтации с существующим режимом. Такие взгляды нашли поддержку определенной части рабочих, особенно молодых, для которых события восьмилетней давности были окружены ореолом романтики.

Значительный импульс процессам демократизации и демополизации общественной жизни дал X пленум ЦК ПОРП, состоявшийся в два приема: 20—21 декабря 1988 г. и 16—18 января 1989 г. В острой борьбе реформаторских и консервативных сил верх взяла линия на дальнейшее углубление процессов демократизации, устранение реликтов сталинизма, демонтаж командно-административных методов, в том числе в самой партии. Пленум проходил под лозунгом: «Реформа ПОРП обеспечивает успех стратегии обновления». Он высказался за приведение программы и устава ПОРП в соответствие с новым пониманием роли и задач партии в контексте формирующегося плюралистического гражданского общества и рыночной экономики. Об остроте дискуссии свидетельствовал тот факт, что часть участников пленума сомневались в правильности избранной Политбюро и Секретариатом ЦК линии, вследствие чего был поставлен даже вопрос о доверии руководству партии во главе с В. Ярузельским. Абсолютным большинством голосов всего лишь при четырех воздержавшихся вопрос этот был решен в пользу реформ. В партийных организациях документы пленума были приняты неоднозначно: «за» высказалось около 70% коммунистов, «против» — 20%. Многие задавали вопрос, не приведет ли политический и профсоюзный плюрализм к размыванию идеологии ПОРП, к отказу партии от государственной власти. Определилось явное нежелание идти на диалог с оппозицией, что было вполне естественным — ведь еще совсем недавно лидеры и советники «Солидарности» рассматривались как заядлые экстремисты.

Проведенный в начале февраля 1989 г. зондаж общественного мнения показал, что 78% опрошенных высказались за возвращение легального статуса «Солидарности». Доверие армии высказали 75%, сейму — 61, правительству — 51, а ПОРП — лишь 26%. Барометр общественного мнения показал катастрофическую утрату авторитета партийей.

Первое заседание «круглого стола» состоялось 6 февраля 1989 г. Эта беспрецедентная по накалу дискуссия отразила чрезвычайно широкий спектр политических и идеологических интересов. Она проходила под аккомпанемент следовавших чередой забастовок и иных трудовых конфликтов на предприятиях, студенческих

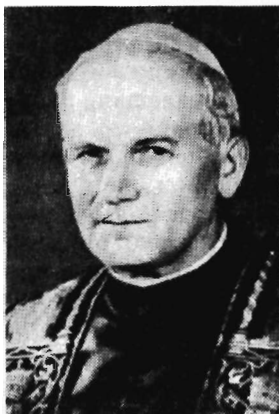
волнений, бурно развивавшегося процесса формирования самых разнообразных общественно-политических ассоциаций. Реставрировались также идеологические структуры межвоенного периода, казалось бы навсегда ушедшие в историю. Заключительные документы «круглого стола» были подписаны 5 апреля. Они зафиксировали договоренность по большинству обсуждавшихся вопросов, центральным из которых был вопрос о радикальной реформе политической системы. В связи с этим положительно решался и вопрос о профсоюзном плюрализме. На июнь назначались выборы в высший законодательный орган Польши, причем они должны были проводиться на альтернативной основе. По взаимной договоренности избирательная процедура строилась таким образом, что обеспечивала в сейме 60% мест для ПОРП и ее союзников по коалиции; остальные 40% мест отдавались беспартийным депутатам, в том числе представителям оппозиции. Государственный совет ПНР предполагалось упразднить, а вместо него восстановить существовавший до принятия Конституции 1952 г. институт президента Польского государства с весьма широкими полномочиями. В парламенте предполагалось учредить вторую палату — сенат с правом вето в отношении предлагаемых сеймом законопроектов. Была также достигнута договоренность о подготовке нового Основного закона ПНР, учитывающего все изменения, происшедшие в общественно-политической жизни страны, и отвечающего интересам всех политических сил. Политическая оппозиция, таким образом получала возможность выражать собственную точку зрения в рамках легальных государственных и общественных структур, а также добиваться ее реализации парламентскими методами. Отсюда вытекало право «Солидарности», равно как и аналогичного сельского профессионального объединения, на легализацию. С тех пор польский опыт «круглого стола» (иными словами, выработки оптимальных решений путем сопоставления конфронтирующих позиций) воспринимался как продуктивная форма достижения общественного согласия противоборствующих сторон и в дальнейшем был заимствован некоторыми восточноевропейскими странами, ставшими на путь слома тоталитарных режимов.

7 апреля сейм подавляющим большинством голосов принял закон об изменениях в Конституции ПНР, в соответствии с которым институт президентства и двухпалатный парламент обрели права гражданства. Тогда же был изменен закон о профсоюзах, допустивший существование и независимых профобъединений; был принят закон о профсоюзе крестьян-единоличников, и оба независимых профобъединения стали узаконенными элементами политической системы Польши. Было объявлено, что сейм закончит IX каденцию 3 июня.

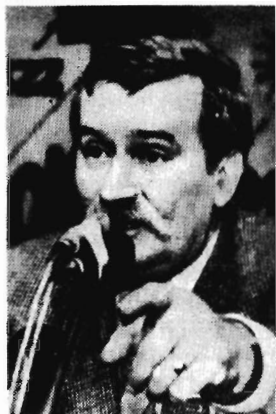
Вскоре Государственный совет назвал день выборов в новый парламент — 4 июня. Тем самым началась почти двухмесячная полоса открытой и довольно жесткой борьбы различных политических сил за голоса избирателей. Согласно достигнутой за «круглым столом» договоренности, все легальные политические организации

Т. Мазовецкий —
премьер-министр Польши
в 1989—1990 гг.

Папа римский
Иоанн Павел II

Л. Валенса —
президент Польши
с 1990 г.

получали равные возможности для использования средств массовой информации в целях пропаганды своих избирательных программ. Последовавшему затем новому витку политизации общества сопутствовали забастовки и трудовые конфликты в ряде отраслей народного хозяйства, антисоветские митинги и демонстрации, студенческие волнения, фронтальная критика деятельности кабинета М. Раковского и ПОРП. 17 апреля Варшавский воеводский суд вынес постановление о вписании независимого профсоюза «Солидарность» в реестр профсоюзных организаций; три дня спустя была зарегистрирована «Солидарность» крестьян-единоличников. Католическая церковь, хотя и заявила устами своих иерархов, что по доктринальным соображениям не примет участия в выдвижении собственных кандидатов в сейм и сенат, однозначно поддерживала в предвыборной борьбе «Солидарность».

В день выборов на избирательные участки явилось 62 с небольшим процента избирателей (право голоса имели 27 млн граждан). Предстояло избрать 460 депутатов сейма и 100 сенаторов. Однако в первом туре больше половины кандидатов не набрали необходимого количества голосов, в том числе многие лидеры партий правительственной коалиции, включая премьера М. Раковского. Второй тур выборов состоялся 18 июня; надо было доизбрать 295 депутатов и восемь сенаторов. Окончательные итоги выборов выявили весьма чувствительное поражение ПОРП. Напротив, «Солидарность» и иные оппозиционные группировки, ею поддерживаемые, получили значительно большую поддержку электората, нежели прогнозировалось. Мандаты в сейме распределились следующим образом: ПОРП — 173, людовцы — 76, Стронництво демократyczne — 27, ПАКС — десять, Христианская общественная ассоциация — восемь, Польский социальный католический союз — пять,

так называемые беспартийные (т. е. «Солидарность» и другие представители оппозиции) — 161. В сенат же ни один представитель правительственной коалиции не вошел. Сложившееся в парламенте соотношение сил предвещало скорую трансформацию политического ландшафта в стране.

И действительно, уже избрание 19 июля Национальным собранием — совместным заседанием двух палат парламента — большинством всего в один (!) голос В. Ярузельского на пост президента ПНР показало, что политическая оппозиция стремится интегрироваться в высшие эшелоны власти. Когда не получивший поддержки избирателей М. Раковский вместе со всем кабинетом подал в отставку, а сейм 2 августа назначил министра внутренних дел генерала Ч. Кищак премьер-министром, разразился острый правительственный кризис. Кищак предложил расширить правительственную коалицию за счет привлечения лидеров политической оппозиции, однако встретил с их стороны корректный, но решительный отказ. В частности, Б. Геремек, Я. Куронь и Р. Бугай мотивировали свою непреклонность нежеланием входить в кабинет, сформированный коммунистом. В этот момент Л. Валенса неожиданно выступил с заявлением, в котором, возложив на ПОРП всю вину за экономический, политический и моральный кризис, предложил создать коалицию в составе «Солидарности», Объединенной крестьянской партии и Стронництва демократычного. 17 августа коалиция была провозглашена официально, что создало совершенно новую ситуацию в политической сфере, поскольку до той поры председатель независимого профобъединения неизменно высказывался в духе неприятия какого-либо соглашения с союзниками ПОРП. Традиционный коалиционный уклад рухнул, и в тот же день Ч. Кищак подал президенту заявление об отставке. Два дня спустя президент поручил сформировать правительство видному деятелю «Солидарности» Т. Мазовецкому. 24 августа сейм 378 голосами при четырех против и 41 воздержавшемся утвердил это назначение. Так впервые была нарушена монополия коммунистической партии на ключевой пост в высшей исполнительной власти.

Многолетняя последовательная борьба с тоталитаризмом, высокий моральный авторитет и репутация интеллектуала-католика обеспечили Мазовецкому кредит доверия в обществе. В ситуации всеобщего недовольства и брожения, нервозности и неуверенности в ближайшем будущем он предстал как деятель, способный рассудительно и твердо проводить политику национального примирения, которая многим представлялась единственно конструктивной и разумной. Мазовецкий заявил, что его цель — сформировать коалиционное правительство национального единства. По его предложению сейм 12 сентября утвердил кабинет, в котором наиболее значительные политические силы были представлены так: 12 членов Совета министров — «Солидарность», четверо — ПОРП, столько же — ОКП, двое — СД; один член правительства объявил себя независимым. В программном выступлении главы правительства подчеркивалось, что Польша продолжит глу-

бокие реформы в политической, социальной и экономической областях, с тем чтобы преодолеть затянувшийся кризис. В октябре была обнародована «Экономическая программа правительства ПНР», составленная под руководством министра финансов Л. Бальцеровича, суть которой сводилась к обоснованию незамедлительного перехода хозяйственного организма страны на рыночные отношения. Во многих своих положениях она повторяла программу экономических реформ кабинета М. Раковского, но ставила проблемы еще более жестко и решительно. В народе программа Бальцеровича получила название «шоковой терапии».

С 31 декабря 1989 г. вступил в действие закон, принятый тремя днями ранее сеймом и вносивший ряд кардинальных поправок в текст Конституции. Отныне Польское государство получало новое название — Республика Польша. Статья I конституции гласила: «Республика Польша является демократическим правовым государством, осуществляющим принципы социальной справедливости». Исключалась статья о ПОРП как руководящей политической силе польского общества. Вместо нее появилась запись о свободе создания политических партий. Понятие «социалистическое государство» из Основного закона исключалось. Соответственно переработывался раздел I о политическом строе теперь уже бывшей ПНР. Изымался раздел II о социально-экономическом строе, а вместо него появились статьи о свободе предпринимательской деятельности и защите частной собственности. Вместо герба ПНР восстанавливался герб Второй Республики (орел с короной). Принятые поправки выносили окончательный приговор авторитарной командно-административной системе, гарантировали углубление процесса формирования новых социально-экономических, политических и идеологических структур.

Фундаментальная корректировка конституции ускорила эволюцию политических структур. Уже в январе 1990 г. на своем XI съезде ПОРП заявила о прекращении деятельности. Таким образом, с политической арены сошла массовая партия, более четырех десятилетий монопольно обладавшая государственной властью. Летом Л. Валенса объявил о намерении претендовать на пост главы государства. Начался новый виток политической борьбы. Не имея достаточной опоры в обществе и не желая обострять ситуацию, В. Ярузельский 19 сентября попросил сейм сократить срок его президентуры. Состоявшиеся в два тура — 25 ноября и 9 декабря 1990 г. — свободные выборы президента принесли победу председателю профобъединения «Солидарность».

Потери в культуре нации в годы гитлеровской оккупации были не просто огромны, они были трагичны. Вся материальная ее база (наличный фонд библиотек, здания и оборудование театров, кинотеатров, издательств, типографий, музеев, школ и вузов, научных учреждений) была уничтожена на 43 %. Некоторые каналы распространения духовных ценностей были практически ликвидированы — полностью разрушены радиостанции, собрания национальной библиотеки в Варшаве и университетов были сожжены либо вывезены в Германию, а школьные и специальные библиотеки сохранили 12% довоенного фонда. От историко-культурных центров Варшавы, Гданьска, Вроцлава оставались руины. Сильно пострадали архитектурные памятники Щецина, Познани, Люблина. Краков уцелел лишь благодаря стратегически продуманной операции советского командования. Но самой страшной потерей было целенаправленное и массовое истребление интеллигенции. Пожалуй, ни в одной другой оккупированной фашистами стране культура не пострадала в такой степени, как в Польше.

Первые годы после освобождения ушли на восстановление материального фундамента культуры — школьных зданий, научно-исследовательских лабораторий, просветительных центров, художественных учреждений. Культурное строительство разворачивалось в стране с полностью разлаженной экономикой, в сложной политической ситуации. И тем не менее создание культурной инфраструктуры завершилось в самых необходимых своих звеньях уже к началу 50-х годов. Работа эта была выполнена в беспрецедентно короткие сроки потому, что опиралась на энтузиазм освобожденного народа, объединенного общим оптимистическим мироощущением, жаждой созидательного труда и приобщения к знаниям, верой в перспективу социальной справедливости. Сразу же после войны возникают культурнические движения, наполненные идеями демократизма и антифашизма, идеями славянской солидарности и тесного сотрудничества с народами Советского Союза. В борьбу с еще значительной в стране неграмотностью включаются тысячи добровольцев; кампания ликбеза через широкую сеть курсов и кружков быстро обретает характер общегосударственного мероприятия. С пониманием встречаются творческой интеллигенцией законодательные акты народной власти, направленные на разрушение частнособственнического правового статуса культуры и на передачу организационной инициативы в руки государства. На-

ционализация культурных учреждений, осуществленная в 1948-1950 гг., была воспринята как необходимость вытеснения коммерческих механизмов духовного производства и как условие его реальной демократизации.

СРЕДНЯЯ И ВЫСШАЯ ШКОЛА

Самые неотложные реформы проводились в базовом звене культуры — в системе народного просвещения. Начиная с 1945/46 учебного года постепенно вводится единая, всеобщая, публичная и бесплатная школа, цель которой — обеспечить равный доступ к образованию всем гражданам страны независимо от социального и имущественного положения. Принимая на себя финансирование всех типов школы — от начальной до высшей, государство одновременно предпринимает и другие меры, облегчающие молодежи из социальных низов возможность приобщения к знаниям. Для нее создаются подготовительные курсы типа рабфаков, формируется система вечернего и заочного обучения, расширяется стипендиальный фонд, в первую очередь предоставляются места в интернатах и студенческих общежитиях. Однако на длительную перспективу сам по себе критерий классового подхода не мог дать эффекта, если не подкреплялся равноценными условиями обучения в городской и сельской школе, в столице и на периферии. Обеспечить же эти условия и сократить дистанцию между уровнями городской и сельской общеобразовательной подготовки оказалось делом чрезвычайно трудным. С конца 40-х годов в Польше наблюдался едва ли не самый высокий в Центральной Европе естественный прирост населения. В 1950 г. рождаемость составила 30,7 на 1000 жителей, а это означало, что к концу десятилетия в школьный возраст вступит поколение, численно вдвое больше, чем на рубеже 40-50-х годов. Под лозунгом «Тысяча школ к тысячелетию Польского государства» в стране развернулось масштабное строительство новых и реконструкция старых школьных зданий, ускоренными темпами на разного рода курсах, помимо педагогических лицеев и институтов, готовились учительские кадры. В результате к началу 60-х удалось существенно снизить процент учащихся на селе, посещающих школу с одним — тремя преподавателями (с 48,8 % в 1949/50 учебном году до 15,4 % в 1960/61 учебном году). Однако образование в объеме восьми классов, объявленное обязательным еще в 1945 г., реально всеобщим стало лишь в 1967/68 учебном году. В это время во многих индустриальных странах Европы минимум профессиональной подготовки работника обеспечивался уже на уровне полной средней школы.

Интенсивно, особенно в первое двадцатилетие, развивалось профессионально-техническое образование. Для послевоенного поколения подростков это был наиболее короткий путь к самостоятельному труду; стране, вступившей в период форсированной индустриализации, оно давало возможность максимально быстрого получения обученной рабочей силы. Вынужденная ориентация

образования на количественные показатели и скорую отдачу приводила школу в известное противоречие с ее воспитательным идеалом — готовить к жизни не просто грамотного работника, но творческую личность. Со всей остротой проблема качества обучения встала перед народным образованием уже в начале 60-х годов, когда экстенсивные источники роста экономики заметно исчерпались. Школьная реформа 1961 г., увеличивая длительность обязательного обучения на один год (срок основного образования в 1948–1961 гг. составлял семь лет), пошла, однако, не в сторону фундаментальной общекультурной подготовки учащихся, а в сторону политехнизации школы. Такая перестройка учебного процесса была продиктована тем, что народное хозяйство нуждалось в радикальной модернизации, в более высоком уровне квалификации рабочих, техников, специалистов.

В 1973 г. вновь ставится вопрос о необходимости полноценного всестороннего школьного образования, подчеркивается возрастающее значение в современном обучении предметов общественно-научного и гуманитарного цикла. Сейм принимает постановление о постепенном введении обязательного всеобщего образования в объеме десяти классов, оставшееся не реализованным в связи с кризисом 80-х годов.

Усилия реформаторов народного просвещения целиком сосредоточены сегодня на содержательном аспекте учебного процесса. Их особую озабоченность вызывает тот факт, что в массе своей молодежь, окончивая восьмилетку, по-прежнему стремится в профессионально-технические училища, в гораздо меньшей степени — в средние специальные учебные заведения, лишь незначительное меньшинство — в общеобразовательный лицей. Этот выбор определяет весь дальнейший жизненный путь молодых людей, и именно с этого момента начинается существенная дифференциация их духовных запросов и способов их удовлетворения. Вот почему главное внимание педагогической науки в Польше сейчас направлено на совершенствование базового звена образования, каким пока является восьмилетняя школа, и на гармонизацию профессионального и общего развития личности учащегося.

Принципиальные изменения произошли в системе высшего образования, особенно в первые 10–15 лет послевоенного развития. Физические потери польской интеллигенции в войне были столь огромны, что во многих сферах экономической, социальной, культурной жизни интеллектуальный потенциал нации пришлось практически создавать заново. По переписи 1946 г., в стране с 23,7 млн населения оставалось не более 100–130 тыс. лиц с высшим и средним образованием.

Первый на освобожденных землях Польши университет был открыт в Люблине уже в октябре 1944 г., а через год учебный процесс начался на 107 факультетах 30 вузов страны. С завершением восстановительного периода в 1950/51 учебном году действовали 83 высших учебных заведения, где знания получали 125 тыс. студентов, а 59,9% первокурсников составляли лица рабоче-крестьянс-

кого происхождения. К концу десятилетия на 1 тыс человек населения приходилось в четыре раза больше выпускников высшей и средней специальной школы, чем до войны.

Существенно усложнилась внутренняя структура интеллигенции, иными стали ее профессиональные приоритеты. Лидирующее положение по численности, социальному значению и общественному престижу заняли специалисты технических профессий. Многократно выросли также профессиональные группы интеллигенции, обеспечивавшие первоочередные социальные потребности общества: здравоохранение, обучение и воспитание. Стремительная массовизация профессионального образования вела к снижению его качества.

В 60-е годы проблемы общеобразовательной подготовки оказались на периферии инвестиционной политики государства, по-прежнему следующего курсом экстенсивного развития высшей школы и усиления ее идейно-воспитательной функции (особенно после студенческих выступлений в марте 1968 г.). По ряду причин снижался престиж «интеллигентских» профессий в среде рабочей и крестьянской молодежи. Во-первых, начиная с середины десятилетия демографический пик перемещается из средней школы в высшую, в связи с этим обостряется конкурсная ситуация на вступительных экзаменах в вуз. Естественно, здесь выпускники городской и сельской школы, выходцы из интеллигентских и рабочих семей оказывались в неравном положении, а дополнительные пункты «за происхождение» давали минимальный эффект. Во-вторых, желание получить вузовский диплом сдерживалось продолжительностью учебного процесса (12 лет лица плюс пять-шесть лет института). В-третьих, ставка на обучение без отрыва от производства и сокращение материальной помощи студентам дневных отделений также снижала шансы детей из малообеспеченных семей получить полноценное, качественное образование.

Объединением в 1972 г. руководства высшей школой, наукой и техникой в общее ведомство была предпринята попытка вывести подготовку интеллигенции на новый уровень требований научно-технического прогресса. Лавинообразное накопление знаний в современном мире и столь же быстрое их старение побуждало к поиску такой модели обучения, при которой у студента формировались бы навыки творческого освоения профессии, готовность к постоянному самообразованию и повышению квалификации. В 70-х годах была несколько укреплена материально-техническая база вузов, но радикальных изменений в содержании и методах обучения не произошло, и в следующее десятилетие высшая школа вступила с прежним грузом нерешенных проблем. В некоторых отраслях народного хозяйства Польша располагала даже большим количеством специалистов, чем развитые страны Европы и США, но не могла обеспечить продукцию этих отраслей на уровне мировых стандартов. Больше половины интеллигенции сосредоточивалось в крупных промышленных и культур-

ных центрах страны; рассредоточению препятствовало отставание социальной инфраструктуры, особенно нарастающий кризис в жилищном строительстве.

На протяжении 80-х годов приток учащихся в высшие учебные заведения значительно снижается, причем резко — вдвое — уменьшается число учащихся технических вузов, но обнаруживается тенденция роста факультетов гуманитарного, экономического и юридического профиля. В конце десятилетия в 91-м вузе Польши, в том числе в десяти университетах и трех теологических академиях, обучалось на $\frac{1}{3}$ студентов меньше, чем в 1978/79 учебном году; сокращение произошло главным образом за счет вечерне-заочного обучения. Переориентацию на профессии внепроизводственной сферы можно частично объяснить традиционным воспроизводством их в интеллигентских династиях, выходцы из которых вновь составили большинство среди студентов, а с другой стороны — усложняющимися требованиями к уровню подготовки современных инженеров.

Постепенно высшая школа вернулась к первоначальной концепции единой, всеобщей и преемственной системы образования. С этой целью в 1987 г. создано Министерство народного просвещения, в рамках которого высшей школе предоставлено право самостоятельно определять задачи и структуру вуза в зависимости от материального и духовного потенциала конкретного региона страны, от нужд и возможностей его развития. Эффективность подготовки специалистов стала связываться с отходом от традиционно авторитарных форм обучения, со становлением отношений партнерства и свободных научных дискуссий между студентами и преподавателями.

РАЗВИТИЕ НАУКИ

В тесной взаимосвязи с эволюцией высшей школы находилось состояние науки в ПНР. До войны фактически вся научно-исследовательская деятельность концентрировалась на университетских кафедрах, там создавались научные школы и формировался основной корпус ученых страны. Подавляющее большинство научных кадров (свыше 70 %) и сегодня сосредоточено в высших учебных заведениях.

Всемирную известность получили фундаментальные исследования польских ученых в области математики (С. Банах, В. Серпинский), теоретической физики (Л. Инфельд), химии (В. Тшебятовский), электроники (Я. Грошковский), политической экономики (О. Ланге, М. Калецкий), философии и социологии (Р. Ингарден, Т. Котарбинский, К. Айдукевич, В. Татаркевич, С. и М. Оссовские, К. Добровольский, Ю. Халасинский), археологии (К. Михаловский), педагогики (Б. Суходольский). Многие из этих выдающихся представителей университетской профессуры начинали свою деятельность еще в межвоенное двадцатилетие и сразу после освобождения страны приняли самое деятельное

участие в возрождении научной жизни, группируя вокруг себя молодые таланты, налаживая работу студенческих научных кружков и исследовательских лабораторий.

Особое значение придавалось также развитию отраслевых научно-исследовательских институтов. Опыта внеуниверситетской науки в Польше почти не существовало, а между тем стремительная индустриализация требовала возможно быстрого внедрения научных достижений в производство. Оставляя за вузами право на фундаментальные теоретические исследования, государство возлагает на отраслевые институты и опытно-конструкторские бюро задачу прикладных разработок, долженствующих теоретические открытия переводить в конкретные технологические и технические решения.

Отраслевая наука, будучи объектом преимущественного внимания, развивалась опережающими темпами. Сюда прежде всего направлялись бюджетные ассигнования, новое оборудование, расширялись штаты. Отдача же народному хозяйству была сравнительно с вложениями гораздо более скромной. Причина такого положения, с годами усугублявшегося, заключалась в жесткой регламентации научных изысканий директивами центральных планирующих органов, что существенно ограничивало поле поискового маневра, сковывало научную инициативу. Кроме того, в ведомственные институты неохотно шли ученые высокой квалификации, по традиции предпочитавшие служить «чистой» науке, ценившие свободу интеллектуального творчества и опасавшиеся оказаться в плену ведомственного эгоизма заказчика.

Центром координации общетеоретических разработок и наиболее важных прикладных исследований стала Польская академия наук (ПАН), созданная в 1951 г. на базе Краковской академии знаний и Варшавского научного общества. В 1963 г. был учрежден Комитет по науке и технике при Совете министров ПНР, который обязан был содействовать более эффективному внедрению научно-технических разработок в народное хозяйство. Его деятельность не принесла ожидаемых результатов, поскольку на практике многочисленные комиссии и проблемные группы Комитета лишь дублировали работу аналогичных структур Академии и отвлекали на себя и без того ограниченные финансовые средства и кадры. Утилитарная направленность научной политики, ставшая особенно очевидной в 60-е годы, снижала интерес к перспективным программам теоретических исследований, накопленные знания редко использовались для выполнения прогностической функции науки. Показательно, что из 2280 ученых, работавших в то время в системе ПАН, лишь 23 привлекались к различного рода научным прогнозам. Вместе с тем многие ведущие авторитеты отечественной науки охотно приглашались в качестве экспертов в зарубежные страны.

В 70-х годах делается попытка опереться в важнейших для страны и народа решениях на научно обоснованные разработки,

исследования и прогнозы. Повышается роль Академии как коллективного эксперта центральных органов власти. В Академии была выработана цельная система крупных исследовательских программ общегосударственного значения, так называемые узловые проблемы. В решении этих долгосрочных программ предполагалось совместное и преемственное участие научно-исследовательских коллективов, поисковых и опытно-конструкторских бюро. Система узловых проблем вводила принцип комплексного цикла развития: от фундаментальных исследований через прикладные к проектно-конструкторским работам и внедрению их итогов в практику. Но для того чтобы логическая цепочка от идеи до ее материального воплощения стала действительно нормой движения науки, оказались необходимыми немаловажные условия, а именно должен был появиться конкретный и заинтересованный заказчик, и не в лице абстрактного функционера из ведомственного аппарата, а реальный производитель продукта. Предпосылки для таких прямых связей науки с экономикой и другими сферами социальной жизни стали складываться лишь во второй половине 80-х годов с радикальной ломкой всего хозяйственного механизма страны, с переходом от централизованного планирования и распределения к самоуправлению, самофинансированию и самоокупаемости общественного производства.

Вся послевоенная история польской науки была периодом сложной, противоречивой и долговременной теоретико-методологической переориентации. Особенно остро, иногда болезненно процесс этот протекал в сфере общественных наук. Ведущей гносеологической школой в польской философии и социологии XX в. был позитивизм; марксизм как социальная теория и метод научного познания признавался сравнительно узким кругом ученых. Как правило, это были люди, тесно связанные с революционным движением. Обстановка открытых научных дискуссий первых послевоенных лет, сопровождаемая успехами демократических сил в политической борьбе, широкими социальными реформами, быстро множила число сторонников марксистской ориентации в среде ученых. Вместе с тем в кругах даже радикальной научной интеллигенции, готовой к сотрудничеству с обществоведами-марксистами, возражение вызывала нетерпимость последних к иным социальным теориям, в частности к размышлениям о многообразии путей социального прогресса в современном мире (полемика С. Оссовского с А. Шаффом и Ю. Хохфельдом на страницах «Мысли Вспулчесней» 1947—1948 гг.). Настораживало однозначно негативное отношение партийных философов и публицистов к опыту отечественного обществоведения (достаточно вспомнить критику социологической школы Ф. Знанецкого). Наконец, совершенно не воспринималось отождествление науки с идеологией, требование напрямую связывать объективное знание с задачами текущей политической целесообразности. Но именно подобные, в крайних своих проявлениях вулгаризаторские, подходы возобладали в научной жизни первой

половины 50-х годов, на несколько лет перекрыв возможность дальнейших дискуссий.

В ходе «борьбы с космополитизмом» социология была объявлена буржуазной псевдонаукой, изъята из университетских программ. Однако поддерживаемая на уровне отдельных социологических исследований польская социология сумела сохранить базовые научные силы. Демократическое обновление интеллектуальной жизни общества, последовавшее за событиями 1956 г., послужило импульсом к масштабному изучению динамики классовой структуры, общественного сознания социальных групп, к анализу социокультурных изменений, возникающих в процессе индустриализации и урбанизации страны (труды научных коллективов под руководством Я. Щепаньского, В. Весоловского, С. Новаковского и др.). Новыми научными выводами обогатились экономическая теория, политология, социология культуры. Крупными успехами отмечены исследования в области тысячелетней истории Польского государства и в области новой и новейшей истории (В. Куля, С. Кеневич, А. Гейштор). Ценный вклад в разработку методологии научного знания внесли ученые Познаньского университета Е. Топольский, Е. Кмита, Л. Новак.

В 60—70-е годы польское обществоведение развивалось не без попятных движений и не всегда в обстановке конструктивных научных споров. Временами, как это случилось в марте 1968 г., от университетских кафедр отлучались даже те ученые, которые считались признанными авторитетами в марксистской теории. Тогда некоторые из них углублялись в «кабинетную» науку (А. Шафф, С. Жулкевский, Ч. Бобровский и др.). Иные вовсе отходили от марксизма (Л. Колаковский). Те же, кто связывал свои надежды с возможностью влиять на политические решения руководства страны и хотел быть услышанным, объединялись в альтернативные официальным институтам общества. Таким было, например, Товарищество свободных университетов (1973—1982 гг.) или дискуссионный клуб «Опыт и будущее», возникший в 1978 г., некоторые участники которого вошли позднее в мозговой центр «Солидарности».

Провозглашенная в середине 80-х годов политика национального согласия, призванная утвердить в современном польском обществе отношения партнерства и взаимной ответственности, открыла и перед обществоведами самых разных мировоззренческих позиций путь от конфронтации к совместному поиску научной истины и оптимальных для страны социальных, политических, духовных перспектив развития.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Почти полувековой путь развития художественной культуры Народной Польши был сложным, проходил в напряженной, по сути, никогда не замиравшей борьбе разных идейно-эстетических концепций. В послевоенную действительность вступало

сразу несколько поколений творческой интеллигенции с неравноценным жизненным и профессиональным опытом и неравнозначным отношением к формирующемуся общественному укладу. Леворадикальные писатели, публицисты, художники объединились вокруг марксистского еженедельника «Кузница» и близких ему по духу общественно-литературных журналов «Одродzene», «Твурчость», «Новины литерацке». Интеллигенция, ищущая контактов с новой реальностью, но принимающая ее не без сомнений, тяготела к католическим изданиям «Тыгодник повшехны», «Дзись и ютро», «Знак». В этой расстановке сил марксистская художественная критика была самой молодой и наступательной. Она агитировала за тесную связь искусства с жизнью, подчеркивала ответственность художника перед обществом, доказывала необходимость активного участия в строительстве демократической и социалистической культуры. К подобным выводам об общественном назначении искусства приходила и значительная часть интеллигенции, которая анализировала трагические уроки недавнего прошлого и расставалась с иллюзиями по отношению к прежнему миропорядку. Привлекала ее и характерная для культурной политики первых послевоенных лет атмосфера нестесненных творческих дискуссий, демократизм художественной жизни.

С верой в возрождение страны включаются в творческую и общественную работу известные писатели межвоенного двадцатилетия М. Домбровская, З. Налковская, Я. Ивашкевич, Л. Кручковский, поэты Ю. Тувим, В. Броневский, К. И. Галчиньский, Ю. Пшибось, А. Слонимский. За создание демократического театра, свободного от буржуазного коммерциализма, выступают видные деятели сценического искусства С. Ярач, Л. Шиллер, Ю. Остэрва, К. Адвентович, А. Зельверович, Э. Верцинский. За восстановление кинопроизводства берется один из значительных отечественной кинематографии — А. Форд. Возобновляют творческую деятельность композиторы Г. Бацевич и В. Лютославский, мастера изобразительного искусства К. Дуниковский, Ф. Коварский, Т. Кулисевич, З. Пронашко, Я. Цыбис, Э. Эйбиш. Быстро выдвигается на авансцену художественной жизни послевоенное поколение творческой молодежи: Т. Боровский, Б. Чешко, Т. Ружевиц, С. Дыгат, В. Мах, Р. Братный — в прозе и поэзии, Л. Рене — в театральной режиссуре, А. Врублевский, А. Струмилло, М. Ярема, Т. Кантор, Е. Новосельский — в живописи, Т. Бэрд, К. Пендерецкий, К. Сероцкий, Я. Кренц — в музыке. Сотрудничают и соревнуются самые разные художественные стили — от реализма до всевозможных проявлений модернизма.

Темой, объединившей все виды искусства и творческие направления с первых дней освобождения, стала тема войны и оккупации. Она вобрала в себя огромный исторический опыт, закладывавшийся еще в эпоху «санации», за которой последовали сентябрьская катастрофа 1939 г., фашистское порабощение и геноцид, героическая борьба подполья, Варшавское восстание,

победа, за которую народ заплатил миллионами жизней. Война и связанная с ней морально-этическая проблематика отразились в произведениях З. Налковской («Медальоны»), Т. Боровского («Прощание с Марией», «Каменный мир»), К. Филиповича («Нетронутый пейзаж»), А. Рудницкого («Шекспир», «Бегство из Ясной Поляны»), В. Жукровского («Из страны безмолвия»), Л. Бучковского («Черный поток»), Я. Ю. Щепаньского («Польская осень», «Сапоги»), в поэтических сборниках Ю. Пшибося, Т. Ружевица, М. Яструна, В. Броневского, в драме Л. Кручковского «Немцы». Приговор преступлениям фашизма против человечества вынесен в фильмах В. Якубовской, А. Форда, А. Вайды, А. Мунка, С. Ружевица, Т. Конвицкого. Боль пережитой народом трагедии запечатлена в изобразительном искусстве К. Дуниковского (цикл «Освенцим»), в графике Т. Кулисевича и Б. Линке, в сюрреалистических композициях Ю. Шайны и В. Хасиора. Антивоенным пафосом наполнены работы Т. Трепковского — одного из основоположников знаменитой впоследствии польской школы политического плаката.

Другая тематическая доминанта польского послевоенного искусства получила в критике 40-х годов название «интеллигентских расчетов». Речь шла о художественном осмыслении духовного кризиса тех польских интеллигентов, которые ясно видели свое место в борьбе с гитлеризмом, но не могли найти себя в условиях новой общественно-политической реальности. Самые известные книги этого направления — «Пепел и алмаз» Е. Анджеевского, «Поколение» Б. Чешко, «Боденское озеро» и «Прощание» С. Дыгата, «Деревянный конь» К. Брандыса, «Заговор» С. Киселевского, «Седан» П. Хертца, «Смерть либерала» А. Сандауэра. К ним примыкают и некоторые другие произведения, в которых дается глубокий анализ предвоенной политической жизни страны, причин идейного и нравственного банкротства традиционного «интеллигентского» сознания («Стены Иерихона» Т. Брезы, «Узлы жизни» З. Налковской).

Марксистская критика чутко улавливала и поддерживала радикализацию умонастроений творческой интеллигенции, однако приветствовала далеко не все ее художественные искания. Предпочтение отдавалось реализму, но и в само понятие реализма как художественного метода, как определенной поэтики отдельные теоретики искусства, критики, художники вкладывали разный смысл. В долгих дискуссиях по этому вопросу верх одержали сторонники точки зрения, согласно которой реализм ограничивался представлениями о классическом социальном романе XIX в. как наиболее отвечающем задаче идейного, правдивого и коммуникативного, т. е. доступного широким массам, искусства. При таком подходе не только ущемлялось право на эстетическое новаторство, многое отсекалось и от собственно реалистической традиции в отечественном и мировом искусстве.

В конце 40-х — начале 50-х годов под лозунгом насаждавшегося «социалистического реализма» нормативные тенденции в

критике усиливаются требованием неперемного единства мировоззрения и стиля художника, упрощенно понятой актуальности и типичности в искусстве.

Догматическое применение политических критериев в вопросе культурной преемственности и в оценке современного творчества, искаженное представление об объекте культуры как недифференцированной массе людей, наделенных единым сознанием и готовых лишь к восприятию «идеологически выдержанного» содержания, накладываясь на возраставшую бюрократизацию управленческих структур в культуре, привели к заметным деформациям художественного процесса. На читателя и зрителя устремился поток так называемой производственной прозы, живописи, фильмов, не отличавшихся ни масштабностью художественных обобщений, ни профессиональным мастерством авторов. В истории культуры они не оставили сколько-нибудь заметного следа, но в теоретических дискуссиях, с новой силой развернувшихся с середины 50-х годов и резонирующих до сих пор, неизменно, хотя и не всегда обоснованно отождествлялись оппонентами марксистской эстетики с опытом всего художественного развития первого послевоенного десятилетия.

Критически осмыслить минувший этап помогли обращение к собственным традициям и быстро расширяющиеся контакты с зарубежным искусством. Наряду с довоенной психологической прозой Я. Ивашкевича, Э. Налковской, М. Кунцевич, произведениями видных представителей межвоенного польского авангардизма В. Гомбровича, С. И. Виткевича, Б. Шульца на книжный рынок поступают переводы Ф. Кафки, Т. Манна, Д. Стейнбека, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Б. Брехта, А. Камю, Ж.-П. Сартра. На польскую сцену вновь возвращаются драмы отечественной (А. Мицкевич, Ю. Словацкий, Ц. Норвид) и мировой классики (П. Пиранделло, Ж. Расин, Б. Шоу). Огромным успехом пользуется творчество В. Маяковского и Б. Брехта, открывших польскому театральному зрителю революционную поэтику нового искусства. Театр обращается к лучшим достижениям современной западной драматургии (С. Беккет, Э. Ионеско, Ф. Дюрренматт), переходит к более широкой пропаганде национальных сценических традиций.

Возвращенное искусству право на самостоятельный творческий поиск не замедлило сказаться на обнадеживающих итогах выставки молодых художников в «Арсенале» летом 1955 г., представленной работами из 114 стран мира. Значение «Арсенала» заключалось в том, что, во-первых, выставка обнаружила непрерывность традиций глубоко и творчески понятого реалистического искусства, высокий уровень отечественного авангардизма (краковская школа), и, во-вторых, она дала мощный заряд новым художественным экспериментам в живописи, графике, скульптуре, плакате, книжной иллюстрации, прикладном искусстве, сценическом оформлении, эстетическом освоении городского пейзажа, промышленных интерьеров и т. д.

Многообразие предлагаемых идейно-эстетических программ неоднозначно сказалось на творчестве молодых литераторов, чьи дебюты состоялись на рубеже 50—60-х годов. Их формировал климат студенческих аудиторий, где идейный радикализм и нетерпение выливались не только в оправданные претензии к учителям, но и нередко в бескомпромиссные политические манифесты. У некоторых писателей этого поколения, объединившихся вокруг журналов «Вспулчесьность» и «По prostu», сложились свои психологические комплексы, уводившие в самиронию и эгоцентризм; вера в смысл исторического прогресса оборачивалась сомнениями, горечью, иногда даже отречением от прежних идеалов.

Дальнейшее развитие польской литературы направлялось, однако, не опытом «расчетов», «черной волны» или «малого реализма». В 60-е—начале 70-х годов появились так долго ожидаемые критикой эпические романы, вышедшие из-под пера Я. Ивашкевича («Хвала и слава»), М. Домбровской («Приключения мыслящего человека»), В. Жукровского («Каменные скрижали»), Е. Брошкевича («Долго и счастливо»). Замкнутому, частному миру «малого реализма» книги этих писателей противопоставили масштабные картины социальной истории XX в. и многомерный опыт своих героев, неотделимый от судьбы народа. Показательно, что многие мастера исторической прозы, написанной на материале более отдаленных эпох, также стремились увидеть и оценить историю глазами современника. В лучших романах Т. Парницкого, В. Терлецкого, в исторической эссеистике П. Ясеницы и М. Брандыса реконструкция минувших событий предпринималась с явной сверхзадачей заставить читателя задуматься над самим процессом исторического развития, его причин и движущих социальных сил.

Одним из ведущих направлений польской литературы становится в 60-е годы деревенская проза. Тему коренного переустройства жизненного уклада послевоенной деревни, начатую рассказами М. Домбровской, продолжили молодые прозаики. На протяжении последующих десятилетий авторы деревенской темы создают первоклассную по своему познавательному и художественному уровню прозу. Книги Ю. Ковальца «К земле приписанный», «Танцующий ястреб», «Переплывешь реку», «Серый ореол», Т. Новака «Если будешь королем, если будешь палачом», «Дьяволы», «Двенадцать», Э. Редлинского «Выдвижение» и «Конопелька», В. Мысливского «Гольный сад», «Дворец», «Камень на камне» не только становились событием в год их публикации, но и явились бесспорным достижением европейской литературы XX в.

Деревенская проза сосредоточила внимание на нравственных истоках становления личности и, что не менее важно, выдвинула героя, узнаваемого современным читателем. Ибо в массе своей этот читатель, «от века к земле приписанный», формировался в тех же жизненных обстоятельствах послевоенной Польши,

«переплывал ту же реку», на одном берегу которой расставался с упорядоченным бытом патриархальной деревни, а на другом трудно вживался в новую для него систему отношений и ценностей городской цивилизации.

Социально-психологическая и нравственная проблематика человека, вновь оказавшись в центре художественного анализа, возродила отечественную традицию гротескно-символического иносказания. В творчестве Т. Ружеви́ча, С. Дыгата, С. Зелиньского, И. Иредыньского, М. Хороманьского пародия, гротеск, ирония использовались как приемы, раздвигавшие рамки реалистического в основе своей повествования. У иных художников сатира выразила самую суть авторского отношения к миру. Международную известность принес польской культуре сатирический талант С. Мрожека. Его пьесы «Полицейские», «Танго», «Эмигранты», созданные не без влияния западноевропейского театра абсурда, прочно вошли в репертуар национального и мирового сценического искусства.

Мощный стимул к развитию получила в последние десятилетия так называемая литература факта, синтезировавшая традиционную беллетристику с мемуарами, репортажем, очерком, эссе. Интерес к художественно-документальным формам был вызван, с одной стороны, высокой насыщенностью и драматизмом современной истории и, с другой стороны, возможностью художника «открыто в ней присутствовать», предельно обнажать собственную идеологическую и моральную трактовку событий. Наиболее крупные достижения этого литературного направления — романы Т. Брезы «Бронзовые врата» и «Лабиринт», «Голубые странички» и «Краковское предместье...» А. Рудницкого, «Письма к пани Зет» К. Брандыса, «Сферы» и «Состояние невесомости» А. Кусневича, «Семь смертных польских грехов» и «Сорок четвертый» Э. Залуского, сборники репортажей и воспоминаний М. Ваньковича, Э. Османьчика и др.

Особое место в польской художественной литературе принадлежит писателю-фантасту С. Лему. Его творчество — в полном смысле слова явление оригинальное, не имеющее опоры в предшествующем национальном художественном опыте и не обнаружившее, по крайней мере до сегодняшнего дня, последователей равного масштаба. Переведенные на десятки языков социальные антиутопии С. Лема уже стали классикой мировой научной фантастики. На исходе XX в. его философские романы-предупреждения оказались в высшей степени созвучны стремлениям мирового сообщества, которое идет к пониманию своего единства, взаимозависимости и общей моральной ответственности за судьбы земной цивилизации.

В истории художественной культуры Народной Польши трудно назвать вид искусства, развитие которого не было бы отмечено творческими открытиями мирового уровня. Литература, театр, музыка вошли в фонд общечеловеческой культуры отдельными именами; кино, изобразительные искусства, архитектура, испол-

нительская деятельность — целыми школами. Высокую репутацию за пределами страны завоевала школа польских реставраторов, к опыту которых охотно обращаются при восстановлении памятников мирового зодчества. Уникально художественное явление, известное как школа польского плаката. Долгим было перечисление всех первоклассных ее мастеров, назовем лишь некоторых: Г. Томашевский, Т. Гроновский, Я. Леница, Т. Иодловский, Ф. Старовойский, В. Свежий. Славится искусство польской книжной графики (Т. Кулисевиц, М. Гишпанская-Нейман, Е. Сроковский, М. Березовская, Я. Станный), сатирического рисунка (Э. Липиньский, З. Ленгрэн, Е. Флисак, К. Ферстер).

Достойный вклад в послевоенную историю мирового кино внесли польские кинематографисты. Понятие «школа польского кино» связано с фильмами второй половины 50-х годов, появление которых сразу вызвало широкий общественный резонанс. Эта школа была представлена в основном молодыми режиссерами, заявившими о себе с первых же фильмов (А. Вайда, А. Мунк, В. Е. Хас, Т. Конвицкий, К. Куц). Большинство из них сосредоточилось на теме войны и первых послевоенных лет, но с существенной оговоркой: не война и оккупация как факты истории и не внешние реалии послевоенного быта стали предметом художественного исследования, а участник этих драматических событий — человек на переломе эпох, вынужденный делать нравственный выбор в экстремальной ситуации. Как и в «прозе расчетов», послужившей сценарной основой многих кинолент «польской школы», здесь обнаружили различные трактовки истории. В фильмах А. Вайды («Поколение», «Канал», «Пепел и алмаз», «Залетная») преобладал мотив абсурдности истории, на фоне которой личный героизм выглядел романтическим, высоким, но обреченным порывом. А. Мунк («Человек на рельсах», «Героика», «Косоглазое счастье») в русле этой же концепции прибегал к философскому гротеску, к сознательной дегероизации, однако и в его сарказме проступал облик вайдовского отчаяния. Острой антитезой фильмам «расчетов» прозвучали киноленты К. Куца, герои которых отказывались жить в плену трагических мифов военного времени («Крест за доблесть»).

В 60-е годы концепция исторического фатализма начинает постепенно изживать себя, ибо приходит в противоречие с новыми общественными настроениями, с потребностью в рациональном осмыслении окружающей действительности. Исчерпывала себя и поэтика «польской киношколы» — экспрессивная, визуально изысканная, метафорическая. Возникал интерес к иным формам художественного киноисследования.

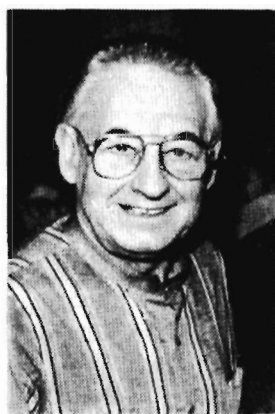
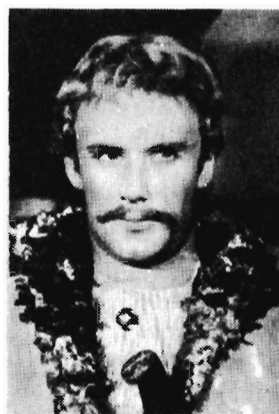
Способность к творческому обновлению продемонстрировали прежде всего сами лидеры «польской школы». На смену герою, приговоренному судьбой, в новых работах Е. Кавалеровича («Мать Иоанна от ангелов»), А. Вайды («Пейзаж после битвы») приходит герой, который сам хочет руководить своей судьбой, бунтует против сковывающих его свободу обстоятельств, будь это мрач-

ные монастырские стены или колючая проволока лагерного ограждения. В лучшем фильме А. Вайды, и, пожалуй, лучшем в послевоенном польском киноискусстве вообще, «Человек из мрамора» идея свободной личности как высшей гуманистической ценности и цели социального прогресса находит философски глубокое, политически злободневное и эстетически совершенное воплощение.

Творчество следом идущих поколений кинематографистов — К. Занусси, Е. Сколимовского, М. Пивовского, К. Кесьловского, А. Заорского, А. Холланд, Ф. Фалька — невозможно заключить в рамки какой-либо одной проблематики или общего стиля, как это можно было сделать, несмотря на очевидные различия, с первыми представителями «польской школы». Выбирая собственную дорогу в искусстве, они в одном лишь сохраняют верность своим учителям и передают эстафету: для них присутствие в кино не самоцель, а способ постоянного диалога с современником. В этом, если коротко, — суть и гарантия жизнеспособности традиций, заложенных школой польского кино.

Польский театр в первое послевоенное десятилетие испытывал значительное влияние выдающихся мастеров старшего поколения, воспитанного в уважении к реалистической драме. Не оспаривая ее прав и достоинств, в театральную жизнь второй половины 50-х годов смело вторгаются дебюты целой плеяды молодых талантливых режиссеров, собравших вокруг себя энтузиастов сценического эксперимента. Очень скоро международную известность обретают вроцлавские театры «Лабораториум» Е. Гротовского и Пантомимы Г. Томашевского, краковский театр «Cricot» Т. Кантора. Широкое поле для художественного экспериментирования предоставили сцены студенческих театров и литературных кабаре (их в 60-е годы насчитывалось до двухсот), многие из которых также вызвали массовый интерес и поддержку культурной общественности, — Студенческий театр сатиры и «Гибриды» (Варшава), погребок «Под баранами» (Краков), «Бим-Бом» (Гданьск). Из студенческого любительского движения вышли такие знаменитости польского кино, как З. Цыбульский и Б. Лазука, барды авторской песни А. Осецкая, В. Млынарский и Я. Петшак, звезды песенной эстрады Э. Демарчик, М. Грехута, М. Родович. К любому из этих исполнителей приложимо определение «человек-театр», или «театр одного актера», так неповторима творческая индивидуальность каждого.

В поисках новой театральной выразительности не было, разумеется, парада сплошных успехов. Подобно литературе, театр пережил и засилье «производственных» сочинений с их плоским жизненодобием и увлечение «малым реализмом», когда из пьес уходило общественно значимое содержание, а упражнения с формой становились самодовлеющими. Гармонии драматургического материала и его образного воплощения, искомого «золотого сечения» добивались в конце концов не сторонники крайних точек зрения. Успех приходил к тем режиссерам, которые под-

Я. Ивашкевич

Д. Ольбрыхский
в роли Кмитица
в фильме «Потоп»

А. Вайда

чиняли свое воображение высшей художественной задаче — стремились вовлечь зрителя в совместное исследование и сопереживание сценического действия. В этом следует искать объяснение признанному авторитету таких разных творческих дарований, как Л. Шиллер, Э. Верцинский, Э. Аксер, К. Свинарский, К. Деймек, Е. Яроцкий, М. Энглерт. Многие из названных имен хорошо известны и зарубежному зрителю. Кем будет продолжен этот ряд и будут ли это реформаторы такого масштаба, как С. Лем в прозе, С. Мрожек в драматургии, А. Вайда в киноискусстве или К. Пендерецкий в музыке, покажет время.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПОРП И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Свобода художественного самовыражения как норма и условие поступательного движения культуры всегда, во все времена была проблемой, фокусирующей внимание творческой среды. Особенно важную роль эта проблема играет тогда, когда государство принимает на себя роль мецената, главного для художника работодателя.

Польская объединенная рабочая партия, взяв в 1956 г. курс на оздоровление общественной жизни в стране, пересматривала свои позиции и в отношении художественной интеллигенции. Признавая право деятелей культуры на творческую самостоятельность, партия отказывалась от командных методов руководства культурой, но не отказывалась от борьбы за идейное искусство, за нравственные идеалы социализма. Аргументация «с позиции силы» должна была, казалось, навсегда уйти в прошлое, уступив место единственно эффективному в идейной конфронтации средству — средству убеждения в открытой полемике с оппо-

нентами. На практике «дискуссионный» этап оказался, как и в 40-е годы, непродолжительным. В самой партии, в управляющих культурой ведомствах сильное сопротивление оказывали люди, привыкшие к прежним структурам и формам администрирования, высказывались опасения, что повсеместное осуждение «сталинистских и отечественных искажений» активизирует антисоциалистические силы. Вместе с тем налицо была малочисленность марксистских критиков и публицистов, готовых к конструктивному диалогу с интеллигенцией, оппозиционные настроения которой все более усиливались.

Груз непреодоленных идеологических стереотипов подталкивал политическое руководство страны к волевым решениям. В 1957 г., после ликвидации журнала «По просту», начинается процесс верификации журналистских кадров по всей стране. В 1963 г. еженедельники «Новая культура» и «Пшеглонд культуральный», вызывавшие беспокойство радикальными выступлениями, реорганизируются в новое издание — «Культура». Замалчивается появившееся в 1964 г. обращение ведущих деятелей культуры в ЦК ПОРП («Письмо 34-х») с протестом против усиливающегося давления цензуры и бедственного положения в книгоиздании. В 1968 г. разгоняется демонстрация в поддержку запрещенной в варшавском Национальном театре постановки «Дзядов» А. Мицкевича. Социалистический реализм вновь объявляется в партийных документах «искусством высшего художественного уровня, понятного для масс и служащего массам». Возвращается прежняя директива, решающая за художника — на какой творческий метод следует равняться, а за массы — какое искусство доступно их восприятию.

60-е годы завершились не ожидавшейся консолидацией, а углубившимся разладом между партийно-государственным руководством и творческой интеллигенцией. Не улучшилась ситуация и в следующее десятилетие, болезнь лишь загонялась внутрь. Новые партийные идеологи поспешили выдвинуть тезис о «морально-политическом единстве» народа, тем самым как бы отменив присутствие в сознании польского общества какого-либо инакомыслия. Констатация свершившегося «единства» была столь же иллюзорной, сколь ложным и вредным в своих последствиях оказался некогда выдвинутый лозунг «обострения классовой борьбы и необходимости крепить революционную бдительность». Но если прежний девиз действительно жестко регламентировал и контролировал умонастроения соотечественников, то новый выливался в агитационные призывы и никак не влиял на реальные духовные процессы. Культурная политика нацеливала на широкую «пропаганду успехов» и организацию парадных культурно-массовых мероприятий, а за этим фасадом складывался полуофициальный, полуполюгальный круг культуры со своими издательствами, периодикой, вернисажами, дискуссионными клубами. Инакомыслие из стихийного противостояния «доктринальной» идеологии оформлялось в организованную оппозицию,

в том числе и политическую. К ней начала примыкать немалая часть художественной интеллигенции, которую привлекала возможность не доказывать (по крайней мере на первых порах) свою политическую лояльность и печататься без каких-либо цензурных ограничений. В оппозиционных изданиях ее не столько смущали откровенно антигосударственные публикации, сколько ободряло присутствие таких видных представителей эмигрантской литературы, как В. Гомбрович или Ч. Милош, составлявших гордость польской культуры, но длительное время непризнаваемых у себя на родине.

Непоследовательная политика властей, а во второй половине 70-х годов практическое отсутствие всякой политики в области культуры деморализовали и разоружали художников-партийцев. Неизбежным итогом такого развития ситуации явились победа в творческих союзах оппозиционных групп в кризисный период 1980—1981 гг. и роспуск этих союзов властями в 1982—1983 гг.

В последние годы существования ПНР ее культурная политика опиралась на принцип «национального согласия и сотрудничества всех движений, не противоречащих конституции». Формула широкого мировоззренческого, научного, художественного плюрализма выработывалась постепенно, в обстановке затяжного идейного и организационного разлома в кругах творческой интеллигенции, в борьбе с психологической апатией, охватившей многих деятелей культуры после введения военного положения. Важнейшей задачей был признан широкий и свободный обмен мнениями по всем вопросам духовной жизни страны между представителями различных общественных движений и творческих объединений с целью разработать план согласованных действий, направленных на органичное и плодотворное развитие отечественной культуры.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

На формирование культурного облика послевоенных поколений поляков радикальное влияние оказали три мощных и одномоментно задействованных процесса: сдвиги в социальной структуре общества, следовавшие за экономическими реформами 1944—1946 гг.; индустриализация, вызвавшая массовый приток в города сельского населения; реполонизация воссоединенных с Польшей западных и северо-западных земель. По масштабам миграционных движений между городом и деревней после 1950 г. Польша была на одном из первых мест в Европе. Вся страна находилась в движении, сталкивались и перемешивались самые разные жизненные уклады и пласты культуры — от патриархальной до высокоурбанизованной.

Усилия государства, направленные в эти годы на социальную и культурную адаптацию людей в новой среде их жизнедеятельности, были огромны. Быстро восстанавливается и динамично развивается система распространения культуры, и прежде

всего тех ее средств, которые обеспечили бы широкий доступ к общенациональным духовным ценностям. Большая заслуга в пропаганде художественного слова принадлежала издательскому кооперативу «Чительник», созданному известным журналистом и общественным деятелем Е. Борейшей. Уже через несколько месяцев после освобождения система издательств и передвижных библиотек «Чительника» налаживается на большей части территории страны.

Важным средством политического и духовного объединения нации выступало радиовещание, а начиная с 60-х годов — телевидение. Актуальность быстрого развития этих каналов информации диктовалась прежде всего значимостью радио и телевидения как общедоступных, массовых коммуникаций, помогающих ориентироваться в ежечеловечно меняющейся политической ситуации и непосредственно окружающей человека социальной среде.

Массовость кино стимулировалась государством через сеть восстанавливаемых и строящихся кинотеатров (их уже в 1950 г. было почти вдвое больше, чем в 1938 г.), передвижных и полустационарных установок (явление, неизвестное в довоенной организации кинодела). Поддерживалась определенная политика цен на билеты, более низких в деревне и профсоюзных кинотеатрах, чем в городе и общедоступных кинозалах. Таким образом удавалось в какой-то мере сократить диспропорции в размещении киноточек.

Центры театральной и музыкальной культуры сосредоточивались главным образом в крупных городах, но одновременно принимались энергичные меры для приближения этих видов искусства к массовой аудитории. Новые сцены появлялись прежде всего в промышленных агломерациях, в воссоединенных областях (Вроцлав, Щецин, Гданьск, Еленя Гура, Ольштын и др.), где особенно остро стояла проблема культурной интеграции населения, в городах-повостройках (Нова Гута). Впервые в истории польской театральной культуры были организованы театры юного зрителя. Разворачивалась деятельность разъездных театров, и хотя их было несравненно меньше, чем в довоенной Польше, создавались они по иным мотивам. Если прежде театральные труппы были вынуждены гастролировать из-за отсутствия постоянного помещения, то теперь складывалась прямо противоположная ситуация: власти города стремились привлечь творческую интеллигенцию, финансируя строительство театров, а выездные спектакли рассматривались не как вынужденная мера, но как огромной важности просветительская задача.

Наряду с системой культурного просвещения, формируемой государством, влиятельным объединяющим нацию институтом выступала римско-католическая церковь. Авторитет ее в сознании поляков складывался на протяжении всей многовековой истории и всегда, особенно в период утраты государственной самостоятельности, ассоциировался с ролью религии в сохранении культурных традиций народа, в поддержании национальной духовной

жизни, в патриотическом воспитании молодого поколения. Позиции церкви и в послевоенной Польше, несмотря на коренные общественно-политические перемены, оставались достаточно сильными. В известной степени они даже укрепились, если иметь в виду, что в результате приведения новых государственных границ в соответствие с этническими страна стала не только однородной по национальному составу населения, но и, в сущности, однородной по вероисповеданию своих граждан: 94,6 % жителей ПНР декларировали свою принадлежность к римско-католической церкви.

Культурная политика польского епископата далеко не всегда совпадала по своим целям с политикой социалистического государства и правящей партии в силу постоянного идеологического, а временами и политического противостояния. Но при всех изменениях общественного климата в стране религия была и остается инвариантным компонентом национальной духовной жизни. Устойчивая связь рядового поляка с религией, особенно с ее ритуальными функциями, имеет не только исторические корни; она парадоксальным образом обусловлена резкой сменой социокультурной среды обитания, характерной для подавляющего большинства населения современной Польши. Основную массу послевоенных мигрантов составляли крестьяне, только что оторвавшиеся от традиционной сельской культуры и попавшие в город с его особым, непривычным для переселенца механизмом социальной регуляции. В этой ситуации чаще всего именно приходская церковь оказывалась для вчерашнего крестьянина той духовной опорой, которая помогала ориентироваться и обживаться в новом жизненном пространстве.

Поток переселений из сел в города начал уменьшаться, а процент городского населения стабилизировался с конца 60-х годов. К середине 80-х годов в городах сосредоточилось более 60 % всех жителей Польши, а из проживавших в сельской местности лишь половина была занята традиционными видами сельского труда. В городе на протяжении последних 20—25 лет процесс урбанизации все более усиливался. Коллективные формы культурного досуга, характерные еще для горожан 40—50-х годов, постепенно замещаются индивидуально-личностными. В урбанизированной среде заметно ослабляется роль столь важных прежде культурно-просветительных центров, какими были клубы, библиотеки, светлицы (избы-читальни), дома культуры. Современный город открывает разнообразные возможности для индивидуального досуга (ведущее место занимает при этом телевидение), предлагает широкий набор всякого рода развлечений.

Однако ни богатство «культурного предложения», ни свобода индивидуального выбора не ведут автоматически к всесторонней и гармонично развитой личности, создание которой является в перспективе целью социального и цивилизационного прогресса. Сегодня же наблюдается не столько движение в сторону идеала, сколько процесс сложного культурного расслоения польского

общества, в основе которого лежит уже не один имущественный критерий, а несколько равнозначных: возраст, образовательная подготовка, принадлежность к «генетической культуре» (городской или сельской по своим корням). В целом культурность населения современной Польши отражает реальную многомерность самой культуры, в которой воспроизводятся и сосуществуют высшие духовные ценности и китч, легкое развлечение и серьезный интеллектуальный тренинг, профессиональное творчество и самодеятельность, стилизованный фольклор и столь же стилизованное под народные мотивы рок-искусство. Задача культурной политики государства — воспитывать в своих гражданах способность отбирать и готовность осваивать в этой культурной мозаике подлинно гуманистическое и художественно полноценное содержание.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА *

<i>2-я половина IX в.</i>	Образование государства вислян
<i>963 г.</i>	Первые письменные упоминания о Древнепольском государстве с князем Мешко I
<i>966 г.</i>	Принятие христианства Польшей
<i>1025 г.</i>	Коронация Болеслава I Храброго (принятие им королевского титула)
<i>1031 г.</i>	Поражение Польши в войне со «Священной Римской империей», Чехией и Русью. Изгнание короля Мешко II
<i>1038—1039 гг.</i>	Поход Бржетислава Чешского на Польшу и захват им Силезии
<i>Около 1039—1047 гг.</i>	Союз Польши с Русью
<i>1069 г., апрель—май</i>	Поход Болеслава II Смелого на Киев
<i>1079 г.</i>	Изгнание из Польши Болеслава II Смелого
<i>1106—1107 гг.</i>	Борьба Болеслава III Кривоустого со своим братом Збигневом за объединение польских земель. Изгнание Збигнева из Польши
<i>1109 г.</i>	Польско-немецкая война. Поражение Генриха V
<i>1119—1122 гг.</i>	Подчинение Восточного и Западного Поморья Польше
<i>1138 г.</i>	Статут Болеслава III Кривоустого и начало удельной раздробленности
<i>1181 г.</i>	Признание Западным Поморьем вассальной зависимости от «Священной Римской империи»
<i>1230 г.</i>	Появление крестоносцев на территории Польши
<i>1242—1248 гг.</i>	Война крестоносцев с Восточным Поморьем; восстание пруссов
<i>1283 г.</i>	Покорение пруссов крестоносцами
<i>1300 г.</i>	Захват Великой Польши Вацлавом II, коронация его польским королем
<i>1306 г.</i>	Утверждение Владислава I Локетка в Малой Польше
<i>1308—1309 гг.</i>	Захват Гданьска и Восточного Поморья крестоносцами
<i>1314 г.</i>	Присоединение Владиславом I Локетком Великой Польши
<i>1327—1332 гг.</i>	Война с Тевтонским орденом за Восточное Поморье
<i>1343 г., 8 июля</i>	Калишский мир с Тевтонским орденом
<i>1347 г.</i>	Вислицкий и Петроковский статуты
<i>1349—1356 гг.</i>	Захват Казимиром III Галицко-Волынской Руси
<i>1351 г.</i>	Признание Мазовией ленной зависимости от Польши
<i>1364 г.</i>	Основание университета в Кракове
<i>1374 г., 17 сентября</i>	Кошицкий привилей

* Таблица составлена К. В. Большаковой

1385 г., 14 августа	Польско-литовское соглашение в Креве (Кревская уния)
1386 г., март	Принятие католицизма великим князем Ягайло
1401 г., 18 января и 11 марта	Виленско-Радомская уния между Польшей и Литвой
1410 г., 15 июля	Грюнвальдская битва
1433 г.	Совместный поход польских войск и чешских гуситов против Тевтонского ордена
1444 г., 10 ноября	Битва под Варной, разгром турками венгерско-польской армии
1454 г.	Нешавские статуты
1466 г., 19 октября	Торуньский мир Польши с Тевтонским орденом
1474 г.	Открытие первой типографии в Кракове
1496 г.	Петрковский статут
1501 г., 25 октября	Мельницкий привилей
1505 г.	Радомская конституция (Конституция Nihil novi)
1519—1521 гг.	Война с Тевтонским орденом
1558 г., январь—	Участие Польши в Ливонской войне
1582 г., январь	
1569 г., 1 июля	Люблинская уния Польши с Великим княжеством Литовским. Образование Речи Посполитой
1573 г., 11 мая	Установление принципа вольной элекции польских королей с участием в выборах всей шляхты («Генриховы артикулы»)
1577—1582 гг.	Война Польши против Русского государства
1591, 1594—1596 гг.	Казацкие восстания К. Косинского и С. Наливайко
1596 г.	Перенесение столицы государства из Кракова в Варшаву. Брестская церковная уния
1600—1611,	Война со Швецией
1617—1629 гг.	
1609 г., июль	Начало открытой интервенции в Россию
1618 г., 1 декабря	Деулинское перемирие с Россией
1632—1634 гг.	Смоленская война с Россией, закончившаяся подписанием Поляновского мира
1648 г., апрель—	Освободительная война украинского народа под руководством Б. Хмельницкого
1654 г., январь	
1654—1667 гг.	Война с Россией, завершившаяся Андрусовским перемирием
1655—1660 гг.	Война со Швецией
1683 г., 12 сентября	Победа Яна III Собеского над турками под Веной
1686 г., 6 мая	«Вечный мир» с Россией
1701 г.	Начало шведской агрессии
1704 г., 19 августа	Нарвский договор с Россией и вступление Польши в Северную войну 1700—1721 гг.
1733—1735 гг.	Война за Польское наследство
1748 г.	Открытие Публичной библиотеки в Варшаве
1765 г.	Открытие первого Публичного театра в Варшаве
1768 г., 29 февраля	Барская конфедерация
1768—1769 гг.	Крестьянская война на Украине («колиивщина»)
1772 г., 5 августа	Петербургская конвенция России, Пруссии и Австрии о разделе Польши
1773—1775 гг.	Создание Эдукационной комиссии
1788—1792 гг.	Четырехлетний сейм

1791 г., 3 мая	Принятие сеймом Основного закона (Конституции)
1792 г., 14 мая	Провозглашение Тарговицкой конфедерации, начало русско-польской войны
1793 г., 23 января	Петербургская конвенция России и Пруссии о 2-м разделе Польши
1794 г., 12 марта—6 ноября	Польское национально-освободительное восстание под руководством Тадеуша Костюшко
1795 г.	3-й раздел Речи Посполитой
1807 г., 7 июля	Тильзитский мир, создание Княжества Варшавского
1808 г.	Введение в Княжестве Варшавском Кодекса Наполеона
1815 г.	Решения Венского конгресса о переделе польских земель
1815, 27 ноября	Утверждение Александром I Конституции Королевства Польского
1816 г.	Основание Варшавского университета
1821 г., май	Основание Патриотического общества
1828 г.	Основание Польского банка
1830 г., 29 ноября	Начало национально-освободительного восстания 1830—1831 гг.
1832 г., 17 марта	Основание польского Демократического общества
1835 г., 30 октября	Основание в Англии польской эмигрантской революционно-демократической организации «Люд польски»
1842—1843 гг.	Образование в Познани «Союза плебеев»
1845 г.	Открытие Варшавско-Венской железной дороги
1846 г.	Восстание крестьян в Галиции. Краковское восстание. Переход территории Краковской республики под власть Австрии
1848 г.	Национально-освободительные восстания в Великом княжестве Познанском и в Галиции
1856 г.	Основание эмигрантской демократической организации «Революционная громада Лондон»
1857—1858 гг.	Возникновение военно-революционного кружка З. Сераковского—Я. Домбровского в Петербурге и патриотических кружков в Королевстве Польском
1861 г., февраль—март 1862 г.	Массовые манифестации в Варшаве. Завершение строительства Петербургско-Варшавской железной дороги
1863 г., 22 января	Начало национально-освободительного восстания 1863—1864 гг.
1864 г., 2 марта	Указы о крестьянской реформе в Королевстве Польском
1868 г., 24 сентября	Принятие галицийским сеймом резолюции об автономии
1872 г.	Основание Польской академии знаний в Кракове
1879 г., октябрь	Выход первого номера журнала «Рувносьць» с текстом «Брюссельской программы»
1881 г., август	Основание Б. Лимановским группы «Люд польски»
1882—1886 гг.	Первая польская социалистическая рабочая партия «Пролетариат»
1887 г., май	Основание Лиги польской (с 1893 г. — Лига народов)
1889 г.	Основание Союза польских рабочих
1892 г.	Основание на съезде во Львове Галицийской социально-демократической партии (с 1897 г. — Польская социал-демократическая партия Галиции и Тешинской Силезии) и заграничного Союза польских социалистов, положившего начало Польской социалистической партии (ППС)

1893 г.	Основание Социал-демократии Королевства Польского (СДКП) и ППС западных польских земель
1895 г., 28 июля	Основание в Жешуве Стронництва людового
1897 г., июнь	Основание Национально-демократической партии (эндеции)
1900 г., август	Преобразование СДКП в Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ)
1904 г., октябрь—ноябрь	Антиправительственные и антивоенные демонстрации в Радоме, Лодзи, Ченстохове, Седльце
1905 г., июнь	Лодзинское вооруженное восстание
1906 г., ноябрь	Образование на IX съезде ППС партии ППС-левица
1908 г., июнь	Образование в Галиции «Союза активной борьбы» во главе с Ю. Пилсудским
1910 г.	Основание в Варшаве Промбанка, Банка кооперативных обществ, Банка для торговли и промышленности
1912 г., май	Забастовки в Варшаве, Ченстохове против расстрела русских рабочих на Лене
1913 г., декабрь	Образование Стронництва людового-«Пяст»
1915 г., 5 августа	Оккупация Варшавы германскими войсками
1915 г., 5 декабря	Основание Стронництва людового-«Вызволене»
1916 г., 5 ноября	Рескрипт австрийского и германского монархов о создании «Польского королевства»
1917 г., 15 августа	Образование в Лозанне Польского национального комитета (с местопребыванием в Париже)
1917 г., 12 сентября	Рескрипт германского и австро-венгерского монархов об образовании в Польше Регентского совета
1918 г., январь	Забастовки на оккупированной австро-венгерскими и германскими войсками польской территории под лозунгами независимости и поддержки революции в России
1918 г., 29 августа	Декрет Советского правительства об отказе от договоров царского правительства, касающихся разделов Польши
1918 г., 7 ноября	Провозглашение Польши республикой, образование в Люблине «народного» правительства
1918 г., 11 ноября	Разоружение германских войск в Варшаве. День восстановления государственной независимости Польши
1918 г., декабрь	Объединительный съезд СДКПиЛ и ППС-левицы, образование Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП). Начало антинемецкого восстания в Великой Польше
1919 г., 20 февраля	Принятие сеймом «Малой конституции» — закона о временной организации высшей власти
1919 г., 28 июня	Подписание Польшей Версальского мирного договора с Германией
1919 г., июль	Оккупация польской армией Западной Украины
1919 г., 8 августа	Захват польскими войсками Минска
1919 г., 17 августа	Первое Силезское восстание (антинемецкие выступления в Верхней Силезии)
1920 г., 25 апреля—18 октября	Польско-советская война
1920 г., 28 июля	Раздел Тешинской Силезии между Польшей и Чехословакией
1920 г., июль—август	Деятельность в Белостоке Польского ревкома. Второе Силезское восстание

1920 г., 9 октября	Захват польскими войсками Вильнюса
1921 г., 19 февраля	Польско-французский договор о политическом союзе
1921 г., 17 марта	Принятие сеймом Конституции Польши
1921 г., 18 марта	Подписание Рижского мирного договора
1921 г., 20 марта	Плебисцит в Верхней Силезии
1921 г., май—июль	Третье Силезское восстание
1922 г., 16 декабря	Убийство правым террористом первого президента Польской Республики Г. Нарutowича
1923 г., 6—8 ноября	Краковское восстание
1924 г., 11 ноября	Образование Независимой крестьянской партии
1925 г., 14 января—4 февраля	III съезд КПШ, переименование ее в КПП
1925 г., 10 февраля	Заключение Польшей конкордата с Ватиканом
1925 г., 15—16 октября	Локарнские договоры Польши с Германией и Францией
1926 г., 1 и 10 мая	Всеобщая забастовка и антиправительственные демонстрации в Варшаве
1926 г., 12—13 мая	Государственный переворот Ю. Пилсудского и установление режима «санации»
1928 г., февраль—март	Образование Беспартийного блока сотрудничества с правительством
1928 г., сентябрь—октябрь	Экономические забастовки текстильщиков. Образование блока оппозиционных партий Центролев
1930 г., 9—10 сентября	Аресты лидеров оппозиции — деятелей партий Центролева
1931 г., 15 марта	Образование партии Стронництво людове
1931 г., 26 октября	Начало Брестского процесса руководителей Центролева (завершился 13 января 1932 г.)
1932 г., 26 июля	Подписание договора о ненападении между Польшей и СССР
1933 г., май—июнь	Стихийное крестьянское движение в Краковском воеводстве
1934 г., 26 января	Польско-германское соглашение «О мирном разрешении споров»
1934 г., февраль	Продление договора о ненападении между Польшей и СССР, преобразование дипломатических представительств обеих стран в посольства
1935 г., 23 апреля	Вступление в действие новой Конституции
1935 г., 12 мая	Умер Ю. Пилсудский
1935 г., июнь—июль	Забастовки протеста против новой конституции и избирательного закона
1935 г., 30 октября	Роспуск Беспартийного блока сотрудничества с правительством
1936 г., 23 марта	Всеобщая забастовка в Кракове, расстрел демонстрантов
1936 г., 29 июня	Массовая крестьянская демонстрация в Новосельце
1937 г., 21 февраля	Создание надпартийной правительственной организации Лагерь национального объединения (ОЗН)
1937 г., 10 октября	Основание оппозиционной партии Стронництво працы
1938 г., май	Решение ИККИ о роспуске КПП
1938 г., 2 октября	Начало оккупации польскими войсками Тешинской Силезии
1939 г., 28 апреля	Расторжение Германией польско-германского соглашения 1934 г.

<i>1939 г., 11 мая</i>	Отклонение Польшей предложения СССР о военной помощи
<i>1939 г., 23 августа</i>	Подписание в Москве советско-германского договора о ненападении (пакт Риббентроп—Молотов)
<i>1939 г., 1 сентября</i>	Начало немецко-фашистской агрессии против Польши
<i>1939 г., 8—27 сентября</i>	Героическая оборона Варшавы
<i>1939 г., 17 сентября</i>	Польское правительство покинуло территорию страны, а советские войска вступили в Западную Украину и Западную Белоруссию
<i>1939 г., 28 сентября</i>	Подписание в Москве германо-советского договора о дружбе и границе, а также секретного протокола о территориальных разграничениях
<i>1939 г., 30 сентября</i>	Образование польского эмигрантского правительства во главе с генералом В. Сикорским
<i>1939 г., сентябрь</i>	Начало вооруженного движения Сопротивления в Польше
<i>1939 г., ноябрь</i>	Объявление польским эмигрантским правительством состояния войны в СССР
<i>1940 г., весна</i>	Образование конспиративных групп КПП, левых социалистов
<i>1940 г., май</i>	Образование в Польше гражданской администрации эмигрантского правительства
<i>1940 г., 15 июня</i>	Создание гитлеровцами лагеря уничтожения в Освенциме
<i>1941 г., 30 июля</i>	Подписание в Лондоне польско-советского договора
<i>1941 г., 14 августа</i>	Военные соглашения между СССР и польским эмигрантским правительством, начало формирования польской армии генерала В. Андерса в СССР
<i>1941 г., 4 декабря</i>	Подписание советско-польской Декларации о дружбе и взаимной помощи
<i>1942 г., январь</i>	Образование Польской рабочей партии (ППР)
<i>1942 г., 14 февраля</i>	Преобразование Союза вооруженной борьбы в Армию крайову (АК)
<i>1942 г., март</i>	Начало действий первого из отрядов Гвардии людовой (ГЛ)
<i>1942 г., июль—сентябрь</i>	Уничтожение гитлеровцами около 300 тыс. человек в еврейском гетто в Варшаве
<i>1942 г., август</i>	В Трешлинке погиб Януш Корчак с 200 воспитанниками варшавского Дома сирот, возглавляемого им в течение многих лет
<i>1943 г., февраль</i>	Образование в Москве Союза польских патриотов (СПП)
<i>1943 г., 19 апреля—июль</i>	Вооруженное антифашистское восстание в Варшавском гетто
<i>1943 г., 25 апреля</i>	Разрыв Советским Союзом отношений с польским эмигрантским правительством
<i>1943 г., 4 июля</i>	Гибель В. Сикорского
<i>1943 г., 12—13 октября</i>	Битва под Ленино — боевое крещение 1-й Польской дивизии им. Т. Костюшко
<i>1944 г., в ночь на 1 января</i>	Образование Крайовой рады народовой (КРН)
<i>1944 г., 16 марта</i>	Создание в СССР 1-й Польской армии
<i>1944 г., 11—29 мая</i>	Участие 2-го Корпуса Польских вооруженных сил в сражении с гитлеровской армией под Монте-Кассино (Италия)

<i>1944 г., 21 июля</i>	Создание Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и декрет КРН о создании Войска Польского
<i>1944 г., 26 июля</i>	г. Люблин стал временной столицей Польши
<i>1944 г., июль—август</i>	Визит в Москву главы польского эмигрантского правительства С. Миколайчика
<i>1944 г., 1 августа—2 октября</i>	Варшавское восстание
<i>1944 г., 6 сентября</i>	Декрет ПКНО о проведении земельной реформы
<i>1944 г., 31 декабря</i>	Декрет КРН о преобразовании ПКНО во Временное правительство
<i>1945 г., 4 января</i>	Установление дипломатических отношений между СССР и Временным правительством Польши
<i>1945 г., 17 января</i>	Освобождение Красной Армией Варшавы
<i>1945 г., 1 февраля</i>	Переезд правительства из Люблина в Варшаву
<i>1945 г., 4—11 февраля</i>	Ялтинская конференция глав правительств великих держав, принявшая решения о реорганизации польского Временного правительства и о границах Польши
<i>1945 г., март—июль</i>	Введение польской администрации на воссоединенных землях
<i>1945 г., 21 апреля</i>	Подписание в Москве Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой
<i>1945 г., 17 июля—2 августа</i>	Обсуждение польского вопроса на Потсдамской конференции трех держав-победительниц
<i>1945 г., 22 июля</i>	Декрет КРН об объявлении дня опубликования Манифеста ПКНО праздником Возрождения Польши (отменен в 1990 г.)
<i>1945 г., 16 августа</i>	Договор о советско-польской государственной границе
<i>1945 г., 22 августа</i>	Образование Польского стронництва людового (ПСЛ), возглавляемого С. Миколайчиком
<i>1945 г., 1—3 сентября</i>	Состоялся I съезд польских писателей
<i>1945 г., 6—13 декабря</i>	I съезд ППР. Избрание В. Гомулки Генеральным секретарем ЦК ППР
<i>1946 г., 3 января</i>	Закон о переходе в собственность государства основных отраслей народного хозяйства
<i>1946 г., 3 мая</i>	Впервые в Польше прошли Дни просвещения, книги и прессы
<i>1946 г., 21 сентября</i>	Принятие закона о Трехлетнем народнохозяйственном плане на 1947—1949 гг.
<i>1947 г., 19 января</i>	Победа Блока демократических партий во главе с ППР на выборах в Законодательный сейм
<i>1947 г., 19 февраля</i>	Закон о государственном устройстве и функционировании высших органов власти, так называемая Малая конституция
<i>1948 г., 25—28 августа</i>	Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве
<i>1948 г., 31 августа—3 сентября</i>	Пленум ЦК ППР, принявший резолюцию «О правонационалистическом уклоне в руководстве партии». Избрание Б. Берута Генеральным секретарем ЦК ППР
<i>1948 г., 15—21 декабря</i>	Объединительный съезд ППР и ППС, создание Польской объединенной рабочей партии (ПОРП)
<i>1949 г., 18 сентября—15 октября</i>	IV Международный конкурс пианистов им. Ф. Шопена в Варшаве

<i>1949 г., октябрь</i>	Решение Политбюро ЦК ПОРП об организации сельскохозяйственной производственной кооперации
<i>1949 г., 27 ноября</i>	Создание Объединенной крестьянской партии (ОКП)
<i>1950 г., 6 июля</i>	Згожелецкий договор Польши и ГДР (о демаркации существующей польско-германской границы)
<i>1950 г., 21 июля</i>	Закон о Шестилетнем народнохозяйственном плане на 1950—1955 гг.
<i>1951 г., 29 июня—2 июля</i>	Конгресс польской науки в Варшаве, избравший оргкомитет Польской академии наук (ПАН)
<i>1952 г., 22 июля</i>	Законодательный сейм принял текст Конституции Польской Народной Республики (ПНР)
<i>1953 г., январь</i>	Отмена карточной системы
<i>1954 г., 10—17 марта</i>	II съезд ПОРП
<i>1955 г., 14 мая</i>	Подписание в Варшаве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между европейскими социалистическими странами (Варшавский договор)
<i>1955 г., 31 июля—14 августа</i>	V Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Варшаве
<i>1956 г., 19 февраля</i>	Заявление ЦК четырех коммунистических партий: СССР, Италии, Болгарии, Финляндии и ПОРП о необоснованности роспуска КПСР в 1938 г.
<i>1956 г., март—апрель</i>	Распространение в Польше закрытого доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС
<i>1956 г., 28 июня</i>	Начало забастовки рабочих в Познани, при подавлении которой было убито около 100 человек
<i>1956 г., октябрь</i>	VIII пленум ЦК ПОРП, избравший Первым секретарем ЦК В. Гомулку; Первый международный фестиваль современной музыки «Варшавская осень»; возвращение к исполнению обязанностей примаса римско-католической церкви С. Вышиньского
<i>1956 г., 15—18 ноября</i>	Советско-польские переговоры в Москве
<i>1956 г., 17 декабря</i>	Советско-польское соглашение о правовом статусе советских войск в Польше
<i>1957 г., 2—3 января</i>	Совместные директивы ЦК ПОРП и ГК ОКП по вопросам аграрной политики
<i>1957 г., 25 марта</i>	Советско-польское соглашение о репатриации из СССР лиц польской национальности, имевших польское гражданство до 1 сентября 1939 г.
<i>1958 г., декабрь</i>	Принятие сеймом закона о рабочем самоуправлении
<i>1959 г., 10—19 марта</i>	III съезд ПОРП
<i>1961 г., 25—27 августа</i>	В Сопоте состоялся Первый международный фестиваль эстрадной песни
<i>1964 г., 14 марта</i>	«Письмо 34-х», направленное группой писателей и ученых премьер-министру Ю. Циранкевичу
<i>1964 г., 15—20 июня</i>	IV съезд ПОРП
<i>1965 г., 8 апреля</i>	Подписание в Варшаве Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между ПНР и СССР
<i>1965 г., весна</i>	Введение обязательного восьмилетнего обучения в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях
<i>1968 г., 30 января</i>	Политическая манифестация у памятника А. Мицкевичу в Варшаве, арест 35 ее участников
<i>1968 г., 8 марта</i>	Антиправительственный митинг студентов Варшавского университета

- 1968 г.,
11—16 ноября
1970 г., декабрь
- 1971 г.,
6—7 февраля
- 1971 г., 3 марта
- 1971 г.,
6—11 декабря
- 1975 г.,
8—12 декабря
- 1976 г., 10 февраля
1976 г., 25 июня
- 1976 г., осень
1978 г., 16 октября
- 1979 г., 1 сентября
1980 г.,
11—15 февраля
1980 г., 1 июля
- 1980 г., август
1980 г., 14 августа
1980 г., 30 августа
- 1980 г., 31 августа
- 1980 г., 3 сентября
- 1980 г., 5 сентября
1980 г., 17 сентября
1980 г., 10 ноября
1981 г., 11 февраля
- 1981 г., 14—20 июля
1981 г.,
5—10 сентября,
26 сентября—7 октября
- 1981 г.,
16—18 октября
1981 г., ноябрь
1981 г., 13 декабря
1982 г., 3—4 мая
- V съезд ПОРП
- Забастовки и массовые антиправительственные выступления в Гданьске, Гдыни, Щецине и других городах на Побережье с экономическими и политическими требованиями. Избрание Э. Герека Первым секретарем ЦК ПОРП
- VIII пленум ЦК ПОРП сформулировал отношение к событиям на Побережье и принял решения по организационным вопросам
- Премьер-министр П. Ярошевич и примас Польши кардинал С. Вышиньский обсудили вопросы нормализации взаимоотношений между государством и католической церковью
- VI съезд ПОРП
- VII съезд ПОРП
- Принятие сеймом новой Конституции ПНР
- Рабочие волнения в Радоме, Плоцке и на тракторном заводе «Урсус» под Варшавой
- Возникновение оппозиционной группы КСС—КОР
- В Ватикане польский кардинал К. Войтыла избран главой римско-католической церкви
- Возникновение Конфедерации независимой Польши
- VIII съезд ПОРП
- Стихийные волнения рабочих на заводе «Урсус», металлургическом комбинате «Варшава» и предприятиях Лодзи
- Новая волна экономических забастовок
- Всеобщая забастовка в Гданьске
- Подписание соглашения между правительством и забастовочным комитетом в Щецине
- Подписание соглашения между правительством и забастовочным комитетом в Гданьске
- Подписание соглашения между правительством и забастовочным комитетом в Ястшембе
- Избрание Первым секретарем ЦК ПОРП С. Кани
- Создание независимого профсоюза «Солидарность»
- Регистрация профсоюза «Солидарность»
- На пост Председателя Совета министров ПНР назначен генерал В. Ярузельский
- IX Чрезвычайный съезд ПОРП
- I съезд профобъединения «Солидарность»
- IV пленум ЦК ПОРП и избрание Первым секретарем ЦК В. Ярузельского
- Начало всепольских студенческих волнений
- Введение военного положения на территории ПНР
- Уличные беспорядки в Варшаве, Кракове, Гданьске, Люблине, Торуне, Щецине и других городах. Сейм принял закон о Национальном совете и Фонде развития культуры

1982 г., 20 июля	Возникновение Патриотического движения национального возрождения
1983 г., 22 июля	Отмена военного положения в ПНР
1985 г., 6 ноября	В. Ярузельский назначен Председателем Государственного совета ПНР, З. Месснер — Председателем Совета министров
1986 г., 29 июня—3 июля	X съезд ПОРП
1986 г., ноябрь	Создание Общепольского соглашения профессиональных союзов
1987 г., 21 апреля	Подписание в Москве М. С. Горбачевым и В. Ярузельским Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры
1987 г., 29 ноября	Всенародный референдум по вопросу о реформах
1988 г., апрель	Волна забастовочного движения
1988 г., 11—14 июля	Официальный визит М. С. Горбачева в ПНР
1988 г., 19 сентября	Отставка кабинета З. Месснера. Председателем Совета министров назначен М. Раковский
1988 г., 20—21 декабря	Первая часть X пленума ЦК ПОРП
1989 г., 16—18 января	Вторая часть X пленума ЦК ПОРП
1989 г., 6 февраля	Первое заседание «круглого стола»
1989 г., 5 апреля	Подписание документов «круглого стола»
1989 г.	Выборы в сейм и сенат
1989 г., 19 июля	Избрание президентом страны В. Ярузельского
1989 г., 24 августа	Утверждение сеймом полномочий Т. Мазовецкого в качестве главы правительства
1989 г., 31 декабря	Изменение названия государства на Республика Польша
1990 г., 27—30 января	ПОРП на XI съезде приняла решение о прекращении своей деятельности
1990 г., 9 декабря	Избрание президентом Республики Польша Л. Валенсы

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ *

- Бардац Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980.
- Берг Н. В.* Записки о польских заговорах и восстаниях. Познань, 1884—1885. Т. 1—4.
- Бобржинский М.* Очерки истории Польши. СПб., 1888—1891. Т. 1—2. Боевое содружество советского и польского народов. М., 1973.
- Бузарин Н. И.* Интеллигенция Польской Народной Республики. М., 1977.
- Бэлза И. Ф.* История польской музыкальной культуры. М., 1954—1972. Т. 1—3.
- Василевский А.* Восток, Запад и Польша. М., 1989.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987
- Восстание 1863 года: Материалы и документы. Вроцлав; Москва, 1961—1986. Т. 1—25.
- Галл Аноним.* Хроника и деяния князей и правителей польских. М., 1961.
- Ганцкая О. Я.* Народное искусство Польши. М., 1970.
- Голобуцкий В. А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа. 1648—1654 гг. Киев, 1962.
- Головоко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев, 1988.
- Горский И. К.* Польский исторический роман и проблема историзма. М., 1963.
- Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.
- Григорьянц Т. Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939—1945 гг.). М., 1979.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963—1989. Т. 1—12.
- «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871—1918 гг. М., 1977.
- Дьяков В. А.* Маркс, Энгельс и Польша. М., 1989.
- Дьяков В. А.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801—1890 гг.). М., 1972.
- Дьяков В. А., Миллер И. С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.
- Евзеров Р. Я., Яжборовская И. С.* Роза Люксембург: Биографический очерк. М., 1974.
- Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971.
- Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
- Зайцев В. М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973.
- Зашкильняк Л. А.* Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов, 1986.
- Зуев Ф. Г.* Антифашистское Соппротивление в Польше в годы второй мировой войны. М., 1988.
- Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956—1958. Т. 1—3.

* Раздел составлен К. В. Большаковой и Л. Е. Горизонтовым

- Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма: Встреча М. С. Горбачева с представителями польской интеллигенции. М., 1988.
- Историки-слависты СССР: Библиографический словарь-справочник. М., 1981.
- История польской литературы. М., 1968—1969. Т. 1—2.
- История Польши. М., 1955—1958. Т. 1—3.
- Калоева И. А. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918—1960. М., 1963.
- Кареев Н. И. Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.
- К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1989. Вып. 1.
- Кеневич С. Лелевель. М., 1970.
- Клевача А. С. Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше. Минск, 1978.
- Козловский Ч. Очерки истории польского рабочего движения. М., 1980.
- Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957.
- Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.
- Костюшко И. И. Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962.
- Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988.
- Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.
- Ливанцев К. Е. Сословно-представительная монархия в Польше, ее сущность и особенность (II половина XIV — конец XVI в.). Л., 1968.
- Липатов А. В. Возникновение польского просветительского романа. Проблемы национального и общеевропейского. М., 1974.
- Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль—октябрь 1917 г. М., 1965.
- Марахов Г. И. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967.
- Маркина В. А. Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в. (Социально-экономическое развитие). Киев, 1961.
- Матвей Мезовский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.
- Мацко А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918—1939 гг.). Минск, 1972.
- Миллер И. С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980.
- Мизгутина И. В. Советско-польские отношения: 1931—1935 гг. М., 1977.
- Мочалова В. В. Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI—XVIII вв. М., 1985.
- Назаревич Р. Варшавское восстание. 1944: Политические аспекты. М., 1989.
- Нарский И. С. Философия польского Просвещения. М., 1958.
- Носкова А. Ф. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией 1939—1944 гг. (Территория генерал-губернаторства). М., 1971.
- Носкова А. Ф. Крестьянское политическое движение в Польше: Сентябрь 1939—весна 1948 г. М., 1987.
- Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815—1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979.
- Общественно-культурное развитие и генезис национальной самобытности. М., 1984.
- Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864—1914 гг. М., 1988.
- Ольшанский П. Н. Рижский мир: Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918—март 1921 г.). М., 1969.
- Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений: 1921—1924 гг. М., 1974.
- Орехов А. М. Становление польского социалистического движения: структура, программные концепции, деятели (1874—1893 гг.). М., 1979.
- Очерки истории Народной Польши. М., 1965.
- Очерки истории советско-польских отношений: 1917—1977. М., 1979.
- Очерки революционных связей народов России и Польши: 1815—1917. М., 1976.

- Парсаданова В. С.* Формирование Национального фронта в Польше: 1944—1946 гг. М., 1972.
- Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1982.
- Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения: 1945—1949. М., 1990.
- Пиотровская А. Г.* Художественные искания современной польской прозы: Проза и поэзия 60—70-х годов. М., 1979.
- Писатели Народной Польши. М., 1976.
- Погодин А. Л.* Главные течения польской политической мысли. СПб., 1907.
- Поиски и перспективы: Литературно-художественная критика в ПНР. М., 1978.
- Поклад Б. И.* Внешняя политика Народной Польши. М., 1978.
- Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. М., 1968.
- Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974.
- Польша на путях развития и утверждения капитализма: Конец XVIII—60-е годы XIX в. М., 1984.
- Прогрессивные польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1961.
- Пушлов Н. Н.* Польское рабочее движение (1890—1904 гг.). М., 1977.
- Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 1918—1932. М., 1979.
- Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 1933—1939. М., 1983.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
- Разумовская Л. В.* Очерки по истории польских крестьян: От древних времен до XV в. М.; Л., 1958.
- Разумовская Л. В.* Очерки по истории польских крестьян в XV—XVI вв. М.; 1968.
- Ревунков В. Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.
- Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его «Хроника». М., 1966.
- Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979.
- Рубанова И. И.* Польское кино. Фильмы о войне и оккупации, 1945—1965. М., 1966.
- Рутковский Я.* Экономическая история Польши. М., 1953.
- Сапаргаилов Г. С., Дьяков В. А.* Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971.
- Свирида И. И.* Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX в. М., 1978.
- Свирида И. И.* Изобразительное искусство Народной Польши. Плакат. Книжная графика. М., 1976.
- Смирнов А. Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963.
- Смирнов А. Ф.* Революционные связи народов России и Польши: 30 — 60-е годы XIX в. М., 1962.
- Снытко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969.
- Советский Союз — Народная Польша. 1917—1987 гг.: Документы и материалы. М., 1989.
- Софронова Л. А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985.
- Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Межвоенный период. М., 1986.
- Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
- СССР и Польша: Интернациональные связи — история и современность. М., 1977—1978. Т. 1—2.
- Стагеев Б. Ф.* Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М., 1955.
- Стецкевич С. М.* Рабочее движение в Польше в 1918—1919 гг. Л., 1966.
- Тананаева Л. И.* Сарматский портрет: Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.
- У истоков формирования нации в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984.

- Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX в. М., 1966.
- Фалькович С. М.* Пролетариат России и Польша в совместной революционной борьбе (1907—1912 гг.). М., 1975.
- Федосова Т. Ф.* Польские революционные организации в Москве. 60-е годы XIX в. М., 1974.
- Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973.
- Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в. М., 1978.
- Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1982.
- Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- Хинц Х. Ф.* Гуго Коллонтай. М., 1978.
- Хорев В. А.* Становление социалистической литературы в Польше. М., 1979.
- Яблонский Г.* Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 годов. М., 1963.
- Яблонский Г., Кручковский А.* Великая Октябрьская революция и Польша. М., 1967.
- Якубский В. А.* Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975.
- Ярузельский В.* Избранные произведения: Февраль 1981—июнь 1988 г. М., 1988.
- Язборовская И. С.* Идеиное развитие польского революционного рабочего движения: Конец XIX—первая четверть XX в. М., 1973.
- Язборовская И. С., Бухарин Н. И.* У истоков польского социалистического движения. М., 1976.
- Язборовская И. С., Бухарин Н. И.* Польское рабочее движение в борьбе за социализм: Исторические уроки. М., 1986.
- Adamczyk M., Pastuszka S.* Konstytucje polskie w rozwoju dziejowym. 1791—1982. W-wa, 1985.
- Ajnenkiel A.* Od «rządów ludowych» do przewrotu majowego. Zarys dziejów politycznych Polski. 1918—1926. W-wa, 1977.
- Ajnenkiel A.* Polska po przewrocie majowym. W-wa, 1980.
- Barszczewska-Krupa A.* Reforma czy rewolucja. Koncepcje przekształcenia społeczeństwa polskiego w myśli społecznej Wielkiej Emigracji 1832—1863. Łódź, 1979.
- Baszkiwicz J.* Polska czasów Łózkietka. W-wa, 1968.
- Baumgarten L.* Dzieje Wielkiego Proletariatu. W-wa, 1966.
- Bogucka M.* Dzieje kultury polskiej do 1918 roku. Wrocław et al., 1987.
- Bogucka M., Samsonowicz A.* Dzieje miast i mieszczaństwa w Polsce przedrozbiorowej. Wrocław et al., 1986.
- Borejsza J. W.* Emigracja polska po powstaniu Styczniowym. W-wa, 1966.
- Borucki A.* Kariery zawodowe i postawy społeczne inteligencji w PRL. Wrocław et al., 1967.
- Chataśiński J.* Przeszość i przyszłość inteligencji polskiej. W-wa, 1958.
- Chojnowski A.* Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921—1939. Wrocław, 1979.
- Cimek H.* Legalne chłopskie partie rewolucyjne w Drugiej Rzeczypospolitej. Białystok, 1988.
- Czerniakiewicz J.* Repatriacja ludności polskiej z ZSRR. 1944—1948. W-wa, 1987.
- Czubiński A.* Najnowsze dzieje Polski. 1914—1983. W-wa, 1987.
- Davies N.* God's playground: The history of Poland. Oxford, 1981. Vol. 1—II. Dzieje Polski. W-wa, 1976.
- Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII—XX w.). W-wa, 1984.
- Gładysz A.* Oświata — kultura — nauka w latach 1947—1959. W-wa, 1981.
- Gładysz A.* Oświata, kultura, nauka w Polsce lat sześćdziesiątych. Wybrane problemy. Warszawa; Kraków, 1987.
- Gmina wiejska i jej samorząd. Praca zbiorowa. Łódź, 1989.
- Góra W.* Polska Ludowa. 1944—1984. Zarys dziejów politycznych. Lublin, 1986.
- Groniowski K.* Uwłaszczenie chłopów w Polsce. Geneza, realizacja, skutki. W-wa, 1976.

- Groniowski K., Skowronek J.* Historia Polski. 1795—1914. W-wa, 1987.
- Grünberg K.* Polskie koncepcje federalistyczne. 1864—1918. W-wa, 1971.
- Halecki O.* Dzieje unii Jagiełłońskiej. Kraków, 1918—1920. T. 1—2.
- Hensel W.* Polska starożytna. Wrocław et al., 1980.
- Historia chłopów. W-wa, 1970—1972. T. 1—2.
- Historia dyplomacji polskiej (połowa X—XX w.). W-wa, 1980—1982. T. 1—3.
- Historia kościoła w Polsce. Poznań; W-wa, 1974. T. 1—4.
- Historia kultury materialnej Polski w zarysie. Wrocław et al., 1978—1979. T. 1—6.
- Historia nauki polskiej. Wrocław et al., 1970—1987. T. 1—4.
- Historia państwa i prawa Polski. W-wa, 1964—1982. T. 1—5.
- Historia Polski. W-wa, 1957—1984. T. 1—4.
- Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1964. W-wa, 1967. T. 1—2.
- Historia polskiego ruchu robotniczego. W-wa, 1985. T. 1.
- Historia Sejmu Polskiego. W-wa, 1984.
- The History of Poland since 1863. Cambridge, 1980.
- Ihnatowicz I., Mączak A., Zientara B.* Społeczeństwo polskie od X do XX wieku. W-wa, 1979.
- Jabłoński H.* Międzynarodowe znaczenie polskich walk narodowyzwoleńczych XVIII i XIX w. W-wa, 1966.
- Jedlicki J.* Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w schyłkowym okresie feudalizmu. W-wa, 1968.
- Kalabiński S., Tych F.* Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich. W-wa, 1976.
- Kamiński M. K., Zacharias M. J.* Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918—1939. W-wa, 1987.
- Kąkol K.* Kościół w PRL. Elementy ewolucji doktryny. W-wa, 1985.
- Kębtowski J.* Dzieje sztuki polskiej. Panorama zjawisk od zarania do współczesności. W-wa, 1988.
- Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795—1918. W-wa, 1983.
- Kieniewicz S.* Powstanie Styczniowe. W-wa, 1972.
- Klakowski A.* Umowa poczdamska a sprawy polskie 1945—1970. Poznań, 1970.
- Kołodziejczyk R.* Burżuazja polska w XIX i XX wieku. Szkice historyczne. W-wa, 1979.
- Kołomejczyk N.* Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. 1948—1986. W-wa, 1986.
- Koroluk W. D.* Polska i Rosja a wojna północna. W-wa, 1954.
- Kowalski J.* Trudne lata. Problemy rozwoju polskiego ruchu robotniczego. 1929—1935. W-wa, 1966.
- Kowalski W.* Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie. 1939—1945. W-wa, 1979.
- Kowalski W. T.* Zachód a Polska. XVIII—XX w. W-wa, 1984.
- Kultura Polski średniowiecznej. X—XIII w. W-wa, 1985.
- Labuda G.* Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1987—1989. T. 1—2.
- Landau Z., Tomaszewski J.* Zarys historii gospodarczej Polski. 1918—1939. W-wa, 1971.
- Leśnodorski B.* Polscy jakobini. Karta z dziejów insurekcji 1794 r. W-wa, 1960.
- Literatura Polski Ludowej: Ocena i prognozy. W-wa, 1986.
- Ludwikowski R.* Główne nurty polskiej myśli politycznej. 1815—1890. W-wa, 1982.
- Łepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764—1870. W-wa, 1967.
- Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. W-wa, 1963—1985. T. 1—6.
- Łuczak Cz.* Polityka ludnościowa i ekonomiczna hitlerowskich Niemiec w okupowanej Polsce. Poznań, 1979.
- Łukawski Z.* Ludność polska w Rosji. 1863—1914. Wrocław et al., 1978.
- Maciszewski J.* Szlachta polska i jej państwo. W-wa, 1986.
- Madajczyk Cz.* Dramat Katyński. W-wa, 1989.
- Marczak-Oborski S.* Teatr polski w latach 1918—1965. W-wa, 1985.
- Matuszak G.* Kryzysy społeczno-polityczne w procesie budowy socjalizmu w Polsce Ludowej. W-wa, 1988.
- Michalski R.* Socjalizm a niepodległość w polskiej myśli socjalistycznej (1878—1918). Toruń, 1988.
- Molenda J.* Pilsudzczyca a narodowi demokraci. 1908—1918. W-wa, 1980.

- Najdus W.* Polska partia socjalno-demokratyczna Galicji i Śląska. 1890—1919. W-wa, 1983.
- Nazarewicz R.* Drogi do wyzwolenia. Koncepcje walki z okupantem w Polsce i ich treści polityczne. 1939—1945. W-wa, 1979.
- Nowarczyk M.* Kościół wobec kultury. W-wa, 1987.
- Olszewski H.* Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii. Prawo — praktyka — teoria — programy. Poznań, 1966.
- Pajewski J.* Odbudowa państwa polskiego. 1914—1918. W-wa, 1985.
- Potyga E.* Dyplomacja Polski Ludowej. 1944—1984. W-wa, 1986.
- Polska XIX wieku. Państwo — społeczeństwo — kultura. W-wa, 1977.
- Polska klasa robotnicza. Zarys dziejów. W-wa, 1974, T. 1, cz. 1—3.
- Polska pierwszych Piastów. Państwo — społeczeństwo — kultura. W-wa, 1968.
- Polska XVII wieku. Państwo — społeczeństwo — kultura. W-wa, 1969.
- Polska w epoce Odrodzenia. Państwo — społeczeństwo — kultura. W-wa, 1970.
- Przed 13 grudnia. W-wa, 1983.
- Przemiany społeczne w Królestwie Polskim. 1815—1964. Wrocław et al., 1979.
- Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1840—1845. Edward Dembowski. Wrocław et al., 1981.
- Rostworowski E.* Ostatni król Rzeczypospolitej. Geneza i upadek Konstytucji 3 maja. W-wa, 1966.
- Różewicz J.* Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725—1918). Wrocław et al., 1984.
- Serejski M. H.* Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. W-wa, 1970.
- Ślabek H.* Historia społeczna Polski Ludowej (1944—1970). W-wa, 1988.
- Ślabek H.* Polityka agrarna PPR. Geneza, realizacja, konsekwencj. W-wa, 1978.
- Spółczesność polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku. Wrocław et al., 1984.
- Sprawozdanie z prac Komisji KC PZPR powołanej dla wyjaśnienia przyczyn i przebiegu konfliktów społecznych w dziejach Polski Ludowej. W-wa, 1983.
- Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy». Wrocław et al., 1978.
- Suchodolski B.* Dzieje kultury polskiej. W-wa, 1980.
- Suchodolski B., Suchodolska M.* Polska: naród a sztuka. Dzieje polskiej świadomości narodowej i jej wyraz w sztuce. W-wa, 1988.
- Syzdek B., Syzdek E.* Polityczne dylematy Władysława Gomułki. W-wa, 1985.
- Szajlik J. R.* Historia Polski. 1939—1947. W-wa, 1987.
- Tanty M.* Rewolucja rosyjska a sprawa polska. 1917—1918. W-wa, 1987.
- Tazbir J.* Szlachta i teologowie. Studia z dziejów polskiej Kontrreformacji. W-wa, 1987.
- Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit. Upadek. Relikty. W-wa, 1978.
- Topolski J.* Gospodarka polska a europejska w XVI—XVIII wieku. Poznań, 1977.
- Tymieniecki K.* Historia chłopów polskich. W-wa, 1965—1969. T. 1—3.
- Wandycz P. S.* The Lands of Partitioned Poland. 1795—1918. Seattle, 1974.
- Wapiński R.* Narodowa Demokracja. 1893—1939. Ze studiów nad dziejami myśli nacjonalistycznej. Wrocław, 1980.
- Ważniowski W.* Społeczno-polityczne problemy Polski Ludowej w latach 1971—1984. W-wa, 1988.
- Werblan A.* Władysław Gomułka. Sekretarz generalny PPR. W-wa, 1988.
- Władyka W.* Działność polityczna polskich stronnictw konserwatywnych w latach 1926—1935. Wrocław, 1977.
- Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629—1696. W-wa, 1983.
- Wyczański A.* Polska — Rzeczpospolita Szlachecka. 1454—1764. W-wa, 1965.
- Wyrozumski J., Gierowski J. A., Buszko J.* Historia Polski. W-wa, 1985. T. 1—4.
- Zajewski Wł.* Walki wewnętrzne ugrupowań politycznych w powstaniu Listopadowym. 1830—1831. Gdańsk, 1967.
- Zarys dziejów filozofii polskiej. 1815—1918. W-wa, 1986.
- Zarys dziejów polskiego ruchu ludowego. W-wa, 1963—1970. T. 1—2.
- Zielinski H.* Historia Polski. 1914—1939. W-wa, 1980.
- Zientara B., Mączak A., Ichnatowicz I., Landau Z.* Dzieje gospodarcze Polski do 1939. W-wa, 1973.
- Żarnowski J.* Społeczność i kultura II Rzeczypospolitej. W-wa, 1982.
- Żychowski M.* Polska myśl socjalistyczna XIX i XX wieku (do 1918 r.). W-wa, 1976.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамовский Э. 195, 225
 Август II 75—77, 80, 95
 Август III Саксонский 81, 86
 Агрошевский-Котек С. 355
 Адвентович К. 308, 309, 486
 Айдукевич К. 301, 482
 Аксентович Т. 233
 Аксер Э. 493
 Александр, вел. кн. литовск. 45
 Александр I 94—96, 98
 Александр II 138
 Алексей Михайлович, царь 70
 Альберт, краковск. войт 24
 Альбрехт Гогенцоллерн 51
 Альбрехт Медведь, герм. кн. 21
 Альбрехт Е. 405, 407, 422, 429
 Альмонте 84
 Андерс В. 272, 318, 330—332, 343, 358, 376
 Анджеевский Е. 427, 444, 487
 Антонович В. 302
 Апухтин А. Л. 222
 Арцишевский Т. 243, 244, 357, 360, 363, 364, 368
 Асник А. 229
 Бабюх Э. 431, 447—450
 Бадени К. 188
 Бакунин М. А. 140
 Балиньский К. 154
 Балицкий З. 185, 186, 188
 Балуцкий М. 230
 Бальцерович Л. 477
 Банах К. 378
 Банах С. 301, 482
 Бандровска-Турская Э. 311
 Барбюс А. 304
 Бардовский П. В. 172
 Барке К. 183
 Барлицкий Н. 287, 327
 Бартель К. 273, 279, 280
 Барту Л. 282
 Барцевич С. 232
 Барчиковский К. 449
 Барыля М. 387
 Батый (Бату) 22
 Бауман Э. 428
 Бах-Залевский, фон ден 353
 Бацевич Г. 486
 Бачко Б. 428
 Баччиарели М. 91, 156
 Бейлис М. 194
 Бек Ю. 272, 280—282, 291—295
 Беккет С. 488
 Белецкий Т. 323
 Белотто Б. (Каналетто) 156
 Бем Ю. 103
 Бендке К.-С. 149
 Бенеш Э. 324, 334
 Беньковский В. 387
 Бerviньский Р. 154
 Берг Ф. Ф. 138
 Бердяев В. 311
 Березовская М. 491
 Берия Л. П. 394, 400
 Берлинг Э. 343, 350, 353, 354
 Берман Я. 346, 355, 370, 390, 394, 406, 408, 411
 Бернат из Люблина 63
 Бертольд Э. 374
 Берут Б. 343, 347, 351, 355—357, 363, 369, 370, 378, 386—390, 392—394, 400—402, 404, 405
 Бехер И. 304
 Бжезиньский С. 192
 Бжезиньский Э. 175
 Бжозовский С. 225
 Бжуска С. 139
 Бирнс Д. 375
 Бисмарк О. 160
 Бич Г. 303
 Бобжиньский М. 210, 214, 225
 Бобиньский С. 239
 Бобровский Ч. 381, 382, 485
 Богомолец Ф. 151
 Богуслав X Великий 51
 Богуславский В. 157
 Богуш 24
 Богушевич М. 172
 Богушевская Е. 308
 Бодуэн де Куртене Я. 224, 303
 Бознаньская О. 233
 Бок Ф., фон 316
 Болеслав I, чешск. кн. 7
 Болеслав I Храбрый 8—12
 Болеслав II 12
 Болеслав III Кривоустый 12, 18, 20, 21
 Болеслав Рогатка 21
 Болеслав Стыдливый 22
 Бона Сфорца 47
 Борейша Е. 496
 Боровский Т. 486, 487
 Бортовский Б. 285
 Борусевич Б. 444
 Брандт Ю. 232
 Брандыс К. 487, 490
 Брандыс М. 489
 Браницкие 80, 81
 Браницкий К. 82, 88
 Братный Р. 486
 Браун Ю. 307
 Бреза Т. 487, 490
 Брехт Б. 488
 Брович Т. 224
 Бродовский А. 156
 Брожек Я. 83
 Броневский В. 287, 305—308, 486, 487
 Брошкевич Е. 489
 Брюль Г. 81
 Брюль Ю. 224
 Бугай Р. 476
 Буденный С. М. 260
 Будаыньский С. 239, 288
 Буонаккорси Ф. (по прозв. Каллимах) 62
 Бурденко Н. Н. 332
 Бухард-Букацкий С. 272
 Бучковский Л. 487
 Буяк З. 465
 Буяк Ф. 302
 Бэрд Т. 486
 Бюлов Б. 160
 Бялобжеский Ч. 299

- Важик А. 305
 Вайда А. 487, 491—493
 Валенса Л. 449—452, 454, 458, 461, 470—472, 475—477
 Валецкий Г. (Горвиц М.) 203, 248, 288
 Вандурский В. 288, 306
 Ванькович В. 156
 Ванькович М. 490
 Варский А. 173, 200, 248, 267, 288, 433
 Варыньский Л. 171, 172, 175, 177, 229
 Василевская В. 287, 299, 308, 343, 346, 349
 Василевский Л. 236, 244, 252, 254
 Василий IV Шуйский 65
 Вацлав II 23
 Вацлав III 24
 Вежбицкий В. 300
 Вежинский К. 305
 Вейган М. 257
 Вейс В. 233
 Веленский П. 233
 Велепольский З. 237
 Велёпольские 109
 Велёпольский А. 110, 114, 137
 Венгерский Т. К. 152
 Венгжин Ю. 309
 Венцковский В. 131
 Верцинский Э. 309, 486, 493
 Весоловский Бронислав Э. 254
 Весоловский Б. 173
 Весоловский В. 485
 Ветцель 320
 Вжашчик Т. 448
 Вжесневский А. 224
 Вильсон В. 241, 252
 Вильчек М. 471
 Виткевич С. И. 233, 311, 488
 Витковский А. 224
 Витковский Р. А. 311
 Витовт 30, 35—37
 Витос А. 349
 Витос В. 211, 237, 243, 258, 265, 267, 268, 271—273, 283, 363, 366
 Витошинский Ч. 300
 Витте С. Ю. 197
 Вишневецкие 55, 65
 Вишневецкий Иеремия 73
 Вишневецкий Михаил Кобыт 73, 74
 Вициньский 312
 Владимир Мономах 12
 Владислав II Ягайло 27, 29—31, 35—37, 52
 Владислав III 31
 Владислав IV 65—68, 84
 Владислав, чешск. и венгер. король 50
 Владислав Герман 12
 Владислав Игнантик 21
 Владислав Локетек 23—25, 34
 Воевудзкий С. 270, 287
 Вознесенский Д. 402
 Войков П. Л. 277
 Войняковский К. 156
 Войтович Б. 311
 Войтыла К. см.: Иоанн Павел II
 Войцеховский С. 267, 272
 Войцеховский Т. 225
 Воллович М. 131
 Волошин П. 269
 Вольский В. 154
 Вольфе М. 299
 Вондзиньский С. 300
 Ворошидов К. Е. 260
 Ворцель С. 133
 Врангель П. Н. 260
 Врублевский А. 486
 Врублевский Валерий А. 170
 Врублевский В. 288
 Врублевский З. 224
 Выслоух Б. 180, 181, 211
 Выслоух М. 180
 Высоцкая-С. 308, 309
 Высоцкий П. 127
 Высоцкий Ю. 123
 Высяньский С. 230, 233, 308, 309
 Выщех Ч. 375, 378, 382, 415
 Вычулковский Л. 232, 233
 Вышиньский С. 400, 413, 425, 438, 450
 Габсбурги 29, 58—60, 66, 72, 74, 79, 80, 92, 104, 107, 109, 119, 161, 186, 187, 208, 235, 237
 Гавриленко М. 104
 Галан Я. 308
 Галл Аноним 7, 8, 11
 Галлер Ю. 240, 255, 258, 271, 289
 Галлер Я. 62
 Галчинский К. И. 306, 486
 Ганецкий С. (Фюрстенберг Я.) 201, 239
 Гарриман А. 364
 Гаштольдсы 53
 Гвязда А. 461, 473
 Гевелий Я. 83
 Гегель Г. 151
 Гедминн 29
 Гедиминовичи 29
 Гейштор А. 485
 Генрих I Бородатый 22
 Генрих II Набожный 22
 Генрих VIII 49
 Генрих, вроцлавск. удельный кн. 21
 Генрих Валуа 57, 58
 Генрих фон Плауен 37
 Генрих Честный 23
 Генрихи (силезские) 22
 Герек Э. 405, 408, 429—435, 440, 441, 447, 448, 451, 453
 Геремек Б. 476
 Геринг Г. 282, 291
 Герсон В. 232
 Герцен А. И. 140
 Герымский А. 232
 Герымский М. 232
 Гехт 320
 Гжегож из Санока 60
 Гжельцак Ф. (Гжегожевский М.) 239
 Гжибовский В. 295, 317
 Гзыцкий Г. 131
 Гиммлер Г. 315, 338
 Гитлер А. 281, 290—294, 315, 319, 321, 323, 328, 332, 339, 354
 Гишпанская-Нейман М. 491
 Гловацкий Я. Н. 157
 Гломбинский С. 257
 Гогенцоллерны 32, 71, 72, 101—102, 107, 120
 Гоговский Ю. 179
 Годабский Ц. 233
 Годовский Л. 232
 Гоене-Вроньский Ю. 151
 Гожковский Ф. 93, 126
 Гозий С. 49
 Голь Ш., де 358
 Головач Ф. 270
 Гомбрович В. 488, 495

- Гомулка В. 342, 343, 347, 355, 357, 362, 369—374, 376, 379, 382, 384—388, 390, 393, 394, 402, 405, 407, 409—423, 425—432
 Гонсёровская Н. 303
 Гонта И. 85
 Горбачев М. С. 470
 Горький Максим 304
 Готвальд К. 383
 Гоффман Ю. 232
 Гоциньский С. 127, 153
 Грабовский М. 155
 Грабский В. 269, 271
 Грабский С. 257, 351, 363
 Гресер К. 288
 Грехута М. 492
 Гроновский Т. 491
 Гротовский Е. 492
 Гроттгер А. 232
 Грошковский Я. 482
 Грудзинская Иоанна 98
 Грушецкий А. 228
 Губер М. 300
 Гудериан Г. 318
 Густав II Адольф 66
 Гуцва С. 437

 Даниловский Г. 229
 Даитышку Я. 61
 Дашиньский И. 177, 214, 215, 237, 243, 273, 279
 Деймек К. 427, 493
 Демарчик Э. 492
 Дембицкий С. 233
 Дембовский Э. 131, 132, 134, 151, 154
 Дембский А. 326
 Джевецкий Г. 305
 Джевецкий С. 224
 Джимала В. 216
 Дзержинский Ф. 174, 239, 259
 Дибич И. И. 128
 Дикштейн Ш. 171, 225
 Димитров Г. 285, 336, 341, 347, 387, 389
 Длугош Я. 26, 36, 37, 39, 60
 Длауский К. 171, 225
 Дмитрий Донской 29
 Дмовский Р. 185, 196—198, 236, 237, 239, 252, 257, 281
 Дмоховский Ф. 125
 Добжанский Х. 325
 Добрава, дочь Болеслава I 7
 Добрачиньский Я. 466
 Добровольский К. 482
 Добровольский С. Р. 306, 308
 Довбор-Мусьницкий Ю. 241
 Домбаль Т. 246
 Домбровская М. 195, 307, 308, 486, 489
 Домбровский Б. 157
 Домбровский Я. 137, 170, 336
 Домбровский Ян Генрик 94, 127
 Домбский Я. 211
 Дробнер Б. 215, 355, 375, 388
 Дулемба М. 309
 Дуниковский К. 233, 486, 487
 Дыбовский Б. 224
 Дыгасиньский А. 228
 Дыгат С. 486, 487, 490
 Дюбуа С. 287, 327
 Дюрренматт Ф. 488

 Егоров А. И. 257, 260
 Еж Т. Т. (Милковский З.) 228
 Езерский Ф.-С. 87, 126
 Екатерина II 82, 86, 88
 Енджевич Я. 283
 Ендриховский С. 411
 Есенин С. А. 304

 Жарский Т. 288
 Жданов А. А. 384
 Жевуский В. 88
 Жевуский Г. 155
 Желеньский В. 231
 Желеньский-Бой Т. 304
 Желиговский Л. 261, 271
 Желиньский С. 217
 Желецкий Я. 361, 368
 Жеромский С. 228, 230, 273, 305—308
 Жимерский-Роля М. 343, 350, 363, 376, 393, 400
 Жимовский В. 290
 Жолкевский С. 59, 65
 Жукровский В. 487, 489
 Жулавский Е. 229
 Жулавский З. 376
 Жулкевский С. 485
 Жулковский А. 231

 Заблоцкий Ф. 152
 Заборовский С. 45
 Завадзкий А. 198
 Завадский А. 346, 350, 355, 370, 400, 411, 415
 Завидакий Я. 300
 Загребельный Г. 131
 Зайончек Ю. 98
 Зак Е. 311
 Закшевский К. 299
 Залеский Б. 153
 Залесский А. 323, 329, 330
 Заливский Ю. 126, 130, 131
 Зализняк М. 85
 Залуский А. 83
 Залуский З. 490
 Залуский Ю. 83
 Замбровский Р. 370, 407, 411
 Замойские 109
 Замойский А., коронный канцлер 82, 106
 Замойский А., граф 114, 137
 Замойский М. 266, 270
 Замойский Я. 59, 60, 62, 64
 Занусси К. 492
 Заорский А. 492
 Запольская Г. 227, 230
 Збигнев, сын кн. Владислава Германа 12
 Зборовский М. 47
 Зборовский П. 47
 Здзеховский Е. 246
 Зебжидовский М. 64
 Зегадлович Э. 287
 Зеленецкий Л. 113
 Зелиньский С. 490
 Зельверович А. 308, 486
 Зембрих-Коханьская М. 231
 Земовит 7
 Земляковский Ф. 186
 Знанецкий Ф. 225, 302, 484
 Зубжицкий Ф. 337
 Зындрам-Косцялковский М. 286

 Ибрагим ибн-Иакуб 7
 Иван III 52
 Иван IV Грозный 52, 53, 57, 58
 Иванов В. В. 304
 Ивашкевич Я. 305, 486, 488, 489, 493
 Иден А. 329, 359
 Ингарден Р. 482
 Инлендер Л. 176
 Инфельд Л. 482
 Иоанн XXIII, папа римский 438
 Иоанн Павел II, папа римский 446, 475

- Иогихес Л. см.: Тышка Я.
Иодловский Т. 491
Ионеско Э. 488
Иордан 5
Иосиф II 106
Иредынський И. 490
- Иодко-Наркевич В. 236
- Кавалерович Е. 491
Кадар Я. 418
Кадлубек В. 22
Кааимир III Великий 25—
28, 33, 40
Кааимир IV Ягеллончик 31—
33, 38, 44, 46, 50
Калецкий М. 482
Калинка В. 225
Калиновский К. 137
Калиновский С. 298
Камбон Ж. 252, 254, 256—
258
Каменьский А. 233
Каминьский К. 231
Камю А. 488
Кантак К. 170
Кантор Т. 486, 492
Каня С. 451, 456
Карл IX 57
Карл X Густав 69—71
Карл XII 75, 76
Карлович М. 231, 232
Карлович Я. А. 224, 304
Карпиньский А. 131, 132
Карпиньский Ф. 152
Каспрович Я. 229
Каспшак М. 172, 178, 179,
189, 219
Каспицкий Т. 284
Кафка Ф. 488
Качмарек Ч. 400, 413
Квятковский Э. 275, 289
Келлес-Краузе К. 225
Кендзерский А. 233
Кеневич С. 485
Кербедзь С. 224
Керзон Д. 254, 258, 344, 349—
351, 357, 359, 365
Керник В. 367, 373, 375
Кесслер Г. 244
Кесьловский К. 492
Килиньский Я. 113, 125, 186,
196
Кирхмайер Е. 394, 406
Киселевский С. 487
- Кишак Ч. 471, 476
Клемансо Ж. 242, 252
Клишак В. 312
Клишко З. 387, 393, 409, 423,
427, 431
Клосевич В. 406, 407
Клюгер В. 224
Кмита Е. 485
Кмиты 55
Кнаповский Г. 83
Князьнин Ф. 152
Кобылянский Э. 175
Ковалец Ю. 489
Козалев М. П. 317
Ковальский А. 347, 387
Ковальский В. 308, 343
Коварский Ф. 486
Кожичий А. 343
Козловский Л. 283
Козловский М. 239
Козьдон 213
Козьян К. 110
Козьян С. 230
Колаковский В. 68
Колаковский Л. 416, 424,
427, 428, 443, 485
Коллонтай Г. 125, 126, 135,
147, 149, 152
Кольберг О. 225
Коменский Я. А. 83
Коморовский-Бур Т. 342,
344, 352—354
Кон Ф. 203, 259
Конарский С. 80, 83
Конашевский Д. 272
Ковшицкий Т. 487, 491
Конов И. С. 409
Конецпольские 56
Кониц Г. 199
Коновницкая М. 195, 228,
229
Конрад II, герм. император
11
Конрад Мазовецкий, удельн.
кн. 21, 22
Константин Павлович, вел.
кн. 127
Коперник Н. 61, 62, 63, 233,
416
Коперницкий И. 225
Копец А. 450
Корацци А. 149, 156
Корбоньский С. 326
Корзон Т. 225
Корпацкий Е. 308
- Королевич Я. 231
Корфанты В. 218, 265, 289
Корчинский Г. 387
Корчиц В. 354
Корытовский В. 210
Косиньский К. 59
Космовская И. 195
Коссак Ю. 232
Костанецкий С. 224
Костка-Наперский А. Л. 68,
124
Костшевский Ю. 302
Костюшко Т. 93, 94, 98, 106,
123, 125, 141, 146, 152, 226,
343, 344, 353
Косцельский Ю. 170
Кот С. 331, 332, 349
Котарбиньский Т. 301, 482
Котис А. 232
Кохановский Я. 63
Коханьский П. 311
Коховский В. 84
Коц А. 286, 323
Коцёлек С. 431
Кочаровский А. (Славинь-
ский А.) 239, 288
Кошиц В. 187
Кошиц-Виткевич Я. 312
Кошутская М. (Костшева В.)
203, 248, 288
Красиньские 84
Красиньский З. 154
Красицкий И. 151
Красный Ю. 303
Крашевский Ю. И. 155, 228
Кремповецкий Т. 133
Кренц Я. 486
Кривошеин С. 318
Кроммер М. 62
Кроненберг Л. 113, 114
Круковецкий Я. 129
Крусиньский С. 225
Кручек В. 433
Кручковский Л. 287, 308,
486, 487
Крыньский А. 224, 303
Крюгер Ф. 338
Кужава А. 233
Кукель М. 332, 349
Кулай Я. 457
Кулерский В. 217, 218
Кулисевиц Т. 486, 487, 491
Кульчицкий Л. 202
Куля В. 485
Кун Г. 311

- Куницкий С. 172
 Кунцевич М. 488
 Курек Яду 305
 Курилович А. 327
 Куронь Я. 423, 424, 430, 444, 476
 Куропеска Ю. 394, 412
 Курпийский К. 157
 Кусьневич А. 490
 Куц К. 491
 Кучера Ф. 345
 Кшивицкий Л. 225, 302
 Кшижановский К. 233
- Лазука Б. 492
 Ланге А. 229
 Ланге О. 381, 482
 Лаский Я. 46
 Лебедев В. З. 349, 376
 Левинсон-Липинский П. 203
 Левицкий Л. 312
 Ледер Я. 172
 Лейтас Ю. 310
 Лелевель И. 101, 118, 130, 148
 Лелевиты 18
 Лем С. 490, 493
 Лемницкий З. 302
 Ленартович Т. 229
 Ленгрен З. 491
 Ленин В. И. 201, 214, 256, 258, 402, 470
 Леница Я. 491
 Лентовский С. 68
 Ленц С. 233
 Леньский Ю. (Лещинский Ю.) 239, 275, 285, 288
 Леонольд II, австр. император 93
 Лесневский С. 301
 Леснянский В. 300
 Лехович В. 389
 Лехонь Я. 305
 Лешек Черный 22, 23
 Лещинский Е. 309
 Лжедмитрий I 65
 Либельт К. 150
 Либерман Х. 323, 330
 Либкнехт К. 248
 Лимановский Б. 171, 173, 175, 226
 Линде С.-Б. 149
 Линке Б. 487
- Липинский Э. 491
 Липский Ю. 281, 292, 294
 Липский Я. Ю. 444
 Лис Б. 465
 Лиске К. 225, 226
 Литвинов М. М. 282
 Ллойд-Джордж Д. 241, 252, 257
 Лога-Совинский И. 347, 387, 409, 411, 431
 Лось Я. 224, 303
 Лузин Н. Н. 300
 Лукасевич Я. 301
 Лукасинский В. 127
 Лукашевич Е. 448, 450
 Любомирский Е. 72
 Людовик I Великий (Людовик Венгерский) 28—30
 Людовик XIV 75
 Людовик XV 80
 Люксембург Р. 173, 177, 178, 199, 200, 219, 220, 225, 248
 Люксембурги, королевск. династия 24, 25
 Лютер М. 47
 Лютославский В. 486
 Лябуш Б. 217
 Лялевич М. 312
 Лямне А. 275
 Лямпе В. 300
 Лянгевич М. 138
 Лянгнер В. 318
 Ляшка К. 233
- Мадалинский А. 125
 Маазовецкий Т. 452, 475, 476
 Маазур Ф. 407, 411
 Маазуркевич С. 301
 Майский И. М. 329
 Маковский Т. 311
 Максимилиан, эрцгерцог австр. 59
 Максимилиан II Габсбург 57, 58
 Маленков Г. М. 400
 Малецкий А. 201, 225
 Малиновский М. 195
 Малиновский Э. 224
 Мальчевский А. 153
 Мальчевский Я. 232, 233
 Мамай 29
 Манн Т. 304, 488
 Мария Людовика 73
 Маркевка В. 395
 Маркс К. 103, 130, 135
- Мартенс А. 288
 Мархлевский Ю. 172, 173, 178, 220, 225, 245, 259
 Маршалл Дж. 382
 Масловский С. 233
 Матвин В. 407, 422
 Матюко Я. 226, 232
 Матушевский В. 239
 Матушевский С. 355
 Мах В. 486
 Мацеревиц А. 444
 Мацкявичюс А. 137
 Машиньский П. 231
 Маяковский В. В. 304, 305, 488
 Межвиньский В. 231
 Мелох М. 303
 Мельцер Г. 232
 Менделсон С. 171, 173, 178
 Мерлини Д. 156
 Мерославский Л. 133, 137
 Месснер З. 468, 469, 471
 Метла П. 269
 Меттерних К. 102
 Мефодий 7
 Меховский М. 62
 Меххофер Ю. 233
 Мешко 5, 7, 8
 Мешко Старый 20
 Мёдович А. 468
 Миколайчик С. 283, 323, 330, 342, 349, 351, 355, 357, 359, 362, 363, 366—368, 370, 372, 374, 375, 377, 378, 382
 Милковский З. 185
 Миллер Р. 312
 Милобендакий Т. 300
 Милош Ч. 495
 Милютин Н. А. 110
 Минин К. М. 65
 Миних Б. К. 81
 Минц Х. 355, 370, 379—382, 390, 392, 402, 411
 Михалович М. 290
 Михаловский К. 482
 Михник А. 428, 430, 444
 Мициньский Т. 229, 230
 Мицкевич А. 101, 118, 152—155, 223, 229, 233, 309, 427, 488, 494
 Млынарский В. 492
 Млынарский З. 303
 Млынарский Э. 232
 Мнишек Е. 65, 81
 Моджевский А. Ф. 20, 62

- Моджеевская Х. 231
 Моджеевский Р. 224
 Модзелевский К. 422—424, 430
 Молоец Б. 336
 Молотов В. М. 295, 316, 317, 323, 330, 359
 Мониюшко С. 157, 231, 310
 Моравский Е. 407, 411, 422
 Морачевский Е. 243, 244, 247, 271, 283
 Морозов И. 131
 Морштын Я. 83
 Мослер А. 215
 Моссор С. 394, 400, 406
 Мостовский А. 301
 Мосьцицкий И. 274, 283, 300, 317, 323
 Мохнацкий М. 127, 153
 Мочар М. 429, 431
 Мочульский Л. 444, 445, 459
 Мошинский К. 302
 Мрожек С. 490, 493
 Мунк А. 487, 491
 Муравьев М. Н. 138
 Мысливский В. 489
 Мянковский Ю. 224
 Мярка К. 183
- Набеляк Л. 127
 Найдер З. 443
 Наливайко С. 59
 Налковская З. 229, 305, 307, 308, 486—488
 Напсральский А. 179, 218
 Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 91, 94—96, 107, 108, 120
 Нарутович Г. 265, 266
 Нарушевич А. 149, 151
 Натансон В. 299
 Невадомский Е. 266
 Неголевский В. 170
 Недзвецкий В. 224
 Недзвецкий З. 228
 Недаядковский М. 251, 322
 Немоёвский А. 198, 229
 Немоевский Б. 98
 Немцевич Ю.-У. 147, 149, 152, 157
 Ненцкий М. 224
 Несёловский Т. 311
 Нецько Ю. 378, 382
 Николай I 100—103, 110, 120, 127, 128
- Николай Николаевич, вел. кн. 237
 Нитш К. 224, 303
 Новак Л. 485
 Новак Р. 407, 411
 Новак Т. 489
 Новак Ю. 265
 Новаковский С. 485
 Новицкий-Сила В. 452
 Новицкий-Сила М. 224
 Новосельский Е. 486
 Новосильцев Н. Н. 98
 Новотко М. 336, 342
 Норблин Я. П. 156
 Норвид Ц. К. 155, 229, 488
 Носковский З. 231
 Ночницкий Т. 195
 Нусбаум-Хилларович Ю. 224
- Огарев Н. П. 140
 Огинский М. Казимеж 156, 157
 Огинский М. Клеофас 157
 Ожешко Э. 227
 Оконь Э. 246
 Окулицкий Л. 356, 360, 361
 Оленицкий З. 31, 32
 Ольбрыхский Д. 493
 Ольгерд 29
 Оляха А. 308
 Ольшевский К. 224
 Ольшевский М. 211
 Опалинский К. 70
 Оркан В. 195, 228, 229
 Орлич-Дрешер Г. 272
 Орловский А. 115, 156
 Осецкая А. 492
 Османьчик Э. 490
 Оссовская М. 482
 Оссовский С. 482, 484
 Оссолинский Ю.-М. 148
 Острожские 53, 55
 Острожский Константин Васильевич, кн. 55
 Остророг Я. 60
 Остарва Ю. 231, 308, 309, 486
 Осубка-Моравский Э. 343, 349, 351, 355, 357, 362, 363, 375, 388, 415
 Оттон III 8
 Охаб Э. 370, 402, 405, 407, 409—411, 429
 Охорович Ю. 225
- Пабст 321
 Павел Гжегож 50
- Павел из Визны 50
 Павел I 94
 Павел VI, папа римский 425
 Павлинский А. 226
 Павликовский Т. 230
 Павлык М. 175, 181
 Падеревский И. 232, 246, 252, 289, 310, 323
 Падлевский С. 178
 Панкевич Ю. 233
 Парницкий Т. 489
 Паскевич И. Ф. 120, 128, 129, 135, 148
 Пастернак Б. Л. 304
 Пашин Я. 275
 Пейнер Т. 305, 306
 Пекалкевич Я. 326, 340
 Пекарский В. 171
 Пендерецкий К. 486, 493
 Пеньковский С. 299
 Перль Ф. 206
 Пестковский С. 239
 Петлюра С. В. 256
 Петшак Я. 492
 Пеховский В. 232
 Петр I 75—77
 Пиварский Я. Ф. 157
 Пивовский М. 492
 Пий XII, папа римский 367
 Пилюсудский Ю. 174, 202, 203, 235, 237—239, 242—246, 248, 252, 255—258, 260, 262, 265—267, 271—276, 278—285, 289, 291, 314, 445
 Пилюсудский Я. 283
 Пильц Э. 169, 196, 239
 Пилят С. 300
 Пиньский Л. 182
 Пиньковский Ю. 450, 455—457
 Пиранделло П. 488
 Пневский Б. 312
 Подковицкий В. 233
 Пожарский Д. М. 65
 Пожезиньский В. 303
 Попиковский А. 265
 Поиомаренко П. К. 409
 Помятовские 81
 Помятовский Юзеф, племянник короля Станислава-Августа 95
 Помятовский Ю. 243
 Попель 7
 Поплавский С. Г. 357
 Поплавский Я. 186

- Потехня А. 137, 140
 Потемкин В. П. 295
 Потоцкие 56, 80, 82
 Потоцкий А. 209, 210
 Потоцкий В. 84
 Потоцкий И. 125, 147
 Потоцкий С. 67
 Потоцкий С. К. 157
 Потоцкий Ф. 73
 Потоцкий Щ. 88
 Пристор А. 283
 Пронашко А. 311
 Пронашко З. 486
 Прус Б. 227, 233
 Прухник А. 327, 335
 Прухник Э. 259
 Прушковский В. 233
 Пстровский В. 395
 Птолемей К. 63
 Пужак К. 326, 340, 345, 351, 361, 389
 Пурман Л. 288
 Путрамент Е. 308
 Пушкин А. С. 153, 304
 Пшемьсл II 23
 Пшемьцкий З. 228
 Пшибось Ю. 305, 486, 487
 Пшибылко-Потоцкая М. 309
 Пшибыльский Ч. 312
 Пшибышевский С. 228, 230
 Пыка Т. 449
 Пясецкий Б. 374, 437
 Пяст 7, 12
 Пясты 8, 12, 20, 23, 28, 30, 32, 50, 360

 Радаевский М. 84
 Радавилл Б. 70
 Радавилл Ф. 170
 Радавилл Я. 70
 Радавилл Николай Рыжий 53
 Радавилл Черный 53
 Радавиллы 53, 55, 156, 276
 Радкевич С. 346, 355, 367, 370, 390, 394, 402, 406
 Разин С. Т. 69
 Рак-Михайловский С. 269
 Раковский М. 457, 458, 471, 472, 475—477
 Рапацкий А. 388, 390, 408, 411, 429
 Рапацкий В. 231
 Расин Ж. 488

 Ратай М. 266, 267, 272, 273, 283, 322
 Ратайский К. 326, 340
 Рациборский М. 224
 Рачинский Э. 330
 Рачкевич В. 239, 271, 323, 329, 349
 Редлинский Э. 489
 Рей М. 63
 Реймонт В. 228
 Рек Т. 374
 Рене Л. 486
 Рехневский Т. 203
 Риббентроп И. 293, 316, 317
 Римский-Корсаков Н. А. 158
 Ровецкий-Грот С. 325, 335, 338, 339, 342
 Рогуский В. 311
 Родаковский Г. 232
 Родович М. 492
 Розвадовский Т. 271, 272
 Розвадовский Я. 303
 Рокоссовский К. К. 353, 393, 411, 412
 Роллан Р. 304
 Романовы 194, 236
 Ромер Т. 351
 Ромковский Р. 402
 Росол Я. 173, 174
 Ростафинский Ю. 224
 Рудницкий А. 487, 490
 Рудольф II, германск. имп. 58
 Ружевиц С. 487
 Ружевиц Т. 486, 487, 490
 Ружинский Р. 65
 Ружицкий Л. 231
 Рузвельт Ф. 332, 349, 359
 Рулевский Я. 461, 473
 Румынский Б. 407
 Рунштедт Г., фон 316
 Русинек К. 388
 Рутковский Я. 302, 303
 Руциц Ф. 232
 Рыда-Смиглы Э. 243, 257, 280, 284, 286, 291, 316
 Рынг Е. 275, 303

 Савицкая-Шапиро Х. 339
 Савдаур А. 487
 Сапега А. 187
 Сапега Я. 65
 Сартр Ж.-П. 488
 Свежий В. 491
 Светковский Х. 390

 Свентославский В. 300
 Свентославский З. 151
 Свентоховский А. 169, 198, 225
 Свенцицкий В. 229
 Сверчевский К. («генерал Вальтер») 287, 346, 378, 442
 Свидригайло 37
 Свинарский К. 493
 Свитальский К. 279
 Святло Ю. 402
 Сейда М. 239, 251
 Семашкова В. 309
 Семирадзкий Г. 232
 Семповская С. 298
 Сенкевич Г. 216, 227—229
 Сераковский З. 137
 Сероцкий К. 486
 Серпинский В. 300, 482
 Сецех, воевода 12
 Сяверс И. Я. 90
 Сигизмунд I Старый 46, 47, 50, 51, 56
 Сигизмунд II Август 47—49, 52, 53, 56, 57
 Сигизмунд III 59, 60, 64—66, 71
 Сикорский В. 237, 267, 269, 270, 289, 290, 323, 326, 329—335, 339, 342
 Сикорский К. 311
 Сицинский В. 67
 Сичинский М. 210
 Скварчинский С. 286
 Скловская-Кюри М. 224, 300
 Сколимовский Е. 492
 Скориляс В. 311
 Скульбашевский А. 394, 402
 Скульский Л. 257
 Скиншинский А. 270, 271
 Славек В. 272, 278, 280, 281, 283, 284
 Славой-Складковский Ф. 286
 Сливинский А. 265
 Словацкий Ю. 101, 154, 229, 488
 Словик А. 473
 Слонимский А. 305, 308, 427, 486
 Смоленский В. 225
 Смолька С. 225
 Смолька Ф. 186
 Смолуховский М. 224

- Смуглевич Ф. 156
Снядецкий Я. 148
Сольская И. 309
Сольский Л. 231
Сорбевский М. 83
Сосновский К. 235, 239, 244, 267, 269, 270, 284, 325, 329, 349, 352
Спасович В. 169
Спасовский В. 298
Спыхальский М. 337, 350, 370, 390, 394, 400, 402, 409, 412, 431
Сроковский Е. 491
Стажинский С. 316
Сталин И. В. 259, 260, 288, 295, 319, 331, 332, 349, 353, 356, 358, 359, 364, 376, 383, 384, 386, 388, 389, 393, 394, 400, 403, 405, 406
Станде С. Р. 288, 306
Станислав, епископ 12
Станислав Август Понятовский 82, 117, 151, 156
Станислав Лещинский 76, 80, 81
Станиславский К. С. 230
Станиславский Я. 232, 233
Станный Я. 491
Станинский Я. 181, 209, 211
Старовойский Ф. 491
Стафф Л. 229, 307
Стахович В. 272
Стахович М. 156
Сташиц С. 87, 106, 126, 147, 149, 156, 193, 195
Ствош В. (Штос Ф.) 61
Стейнбек Д. 488
Стейнкеллер П. 113
Степанов П. 131
Стефан Баторий 58, 59
Столыпин П. А. 197
Стояловский С. 180—182, 207, 209
Страсбургер Э. 224
Страшевич Л. 196
Строжецкий Я. 174
Струве Г. 225
Струг А. 229
Струмило А. 486
Стрыйковский М. 62
Студницкий В. 198
Стшелецкий Р. 431
Суворов А. В. 125
Сулькевич А. 174
Суровецкий В. 149
Сухарский Х. 316
Суходольский Б. 482
Суходольский Я. 157
Сцеженный П. 131, 132, 134, 135, 151
Сциборский Я. 42
Сыгетыньский А. 233
Тарашкевич Б. 269
Тарновские 55
Тарский А. 301
Татар С. 394, 406
Татаркевич В. 482
Ташицкий М. 47
Твардовский К. 225
Тейхман Л. 224
Тельман Э. 285
Тенчинский А. 35
Терлецкий В. 489
Тетмайер В. 233
Тетмайер К. 228—230
Теурих Я. 312
Тимошенко С. К. 317
Тито (Броз Тито) И. 388, 393
Товянский А. 151
Токажевич Ю. 170
Толстой А. Н. 304
Томашевский Г. 491, 492
Топольский Е. 485
Траугут Р. 139, 143
Трембецкий С. 151
Трентовский Б. 151
Трепковский Т. 487
Тройденович Ю. 26
Тромчинский В. 249, 266
Трумэн Г. 364
Тувим Ю. 273, 287, 304, 305, 307, 308, 486
Тугутт С. 243, 244, 251, 269
Тудор С. 308
Тухачевский М. Н. 257, 259
Тшебятковский В. 482
Тышка Я. 173, 200, 248
Ульбрихт В. 432
Унгер Ф. 62
Уншлихт Ю. 239, 259
Фейгин А. 394
Фельчак З. 374
Ферстер К. 491
Фидельский Р. 406
Фидлер Ф. 248, 303, 370
Филипович К. 487
Финдер П. 336, 341, 343
Финкель Л. 226
Фительберг Г. 232, 311
Флисак Е. 491
Фолкнер У. 488
Форд А. 310, 486, 487
Фош Ф. 245
Франк Г. 320, 321
Франко И. 175, 181, 182
Франц I, австр. император 96
Франц Иосиф 103
Фрасынюк В. 465
Фредро А. 155, 230
Фридрих Август см.: Август II
Фридрих I Барбаросса 21
Фридрих II (Фридрих Вильгельм II) 82, 86, 88
Фридрих Вильгельм III 95
Функ К. 224
Халасиньский Ю. 416, 482
Халубиньский Т. 224
Хандельсман М. 303
Хардек В. 465
Хас В. Е. 491
Хасюр В. 487
Хвистек Л. 311
Хелмоньский Ю. 232
Хелховский Х. 347
Хельтман В. 133
Хемингуэй Э. 488
Хертц П. 487
Хлонд А. 367
Хлопицкий Ю. 128
Хмельницкий Б. М. 68, 69, 73
Ходкевич Я. К. 65, 66
Холланд А. 492
Хоромянский М. 490
Хохфельд Ю. 380, 385, 484
Хрущев Н. С. 405, 409
Худоба С. 327
Цар С. 283
Цвейг С. 304
Цвиклиньская М. 309
Цегельский И. 113, 406
Цейнова Ф. 184
Цельтис К. 62

- Центнершвер М. 300
 Цешковский А. 150, 151
 Цибульский Н. 224
 Цивинский Б. 452
 Циммерман К. 212
 Цинарский Я. 206
 Циранкевич Ю. 362, 375, 376, 378, 382, 385, 388, 389, 393, 401, 406, 407, 409, 411, 415, 423
 Циховский К. 288
 Цыбис Я. 486
 Цыбульский З. 492
 Чарнецкий С. 70
 Чарновский С. 302
 Чарторские 80—82, 86, 109, 134, 146, 152, 156
 Чарторский А. Е. 94, 96, 128, 134
 Чарторский А. К. 147, 152
 Чацкий Т. 149
 Чемберлен Н. 294
 Червеньский Б. 176, 229
 Черский Я. 224
 Черчилль У. 324, 329—332, 344, 349, 351, 353, 358, 359, 364, 375
 Чехович М. 40
 Чешейко-Сохацкий Е. 287
 Чешко Б. 486, 487
 Чижевский Т. 311
 Чиньский Я. 151
 Чичерин Г. В. 254
 Шайна Ю. 487
 Шанявский Е. 308
 Шаронов Н. И. 295
 Шаудер Ю. 301
 Шафф А. 380, 484, 485
 Швальбе С. 343, 362, 375, 388
 Шембек Я. 291
 Шенвальд Л. 287, 306, 308
 Шептицкий С. 267, 271
 Шереметьев Р. 459
 Шидляк Я. 448, 450
 Шиллер Л. 308, 309, 486, 493
 Шиллер С. 234
 Шимановский В. 233
 Шимановский К. 231, 310
 Шиманьский А. 185
 Шиманьский Р. 183
 Шиманьский Э. 308
 Шимонович Е. 84
 Шифман А. 230
 Шишко-Богущ А. 312
 Шляйфер Х. 428
 Шмидт Б. 303
 Шобер С. 304
 Шолохов М. А. 304
 Шопен Ф. 118, 155, 157, 158, 233, 310
 Шоу Б. 304, 488
 Штейнгауз Г. 301
 Штерн И. 312
 Штурм де Штрэм Т. 389
 Шуйский И. П. 58—59
 Шуйский Ю. 225
 Шуленбург Ф., фон 316, 317
 Шульц Б. 308, 488
 Щепаньский Я. 485
 Щепаньский Я. Ю. 487
 Эвансы 113
 Эйбиш Э. 486
 Энгельс Ф. 103, 130
 Энглерт М. 493
 Эренберг Г. 134, 154
 Эренбург И. Г. 304
 Эстрайхер К. 225
 Эстрайхер С. 225
 Юзвяк Ф. 343, 347, 407, 408, 411
 Юнгинген У., фон 35, 36
 Юноша-Стемпковский К. 309
 Юрчик М. 461, 473
 Юхан III 57
 Яблоньский Г. 303, 388, 393, 437
 Ягелло Э. 204
 Ягеллоны 30, 32, 33, 45, 46, 56, 59
 Ягельский М. 449
 Ядвига 29, 30
 Якубовская В. 310, 487
 Ян Казимир 67, 68, 70—73
 Ян Муската 24
 Ян Ольбрахт 44—46, 51
 Ян III Собеский 61, 74, 75, 84, 226
 Янислав, архиепископ 25
 Яницкий К. 61
 Янишевский З. 300
 Янко из Чарикова 26
 Янковская М. 178
 Янковский Я. 340, 342, 351—353, 361
 Яновский Я.-Н. 133
 Янушайтис М. 246
 Ярач С. 231, 308, 309, 486
 Ярема М. 486
 Ярослав Мудрый 11
 Яроцкий Е. 493
 Ярошевич П. 431, 434, 435, 437, 438, 441, 442, 447
 Ярузельский В. 453, 456, 457, 459, 462, 464, 468, 470, 473, 476, 477
 Ясеница П. 489
 Ясеньский Б. 288, 305, 307
 Ясиньский З. 224
 Ясиньский Я. 125
 Яструн М. 487
 Ящук Б. 427, 431

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	Формирование и развитие феодального общества (до середины XV в.)	5
	<i>В. А. Якубский</i>	
	Древняя Польша	5
	Социальная динамика в период классического средневековья	13
	Феодальная раздробленность и ее преодоление	20
	От Кошицкого привилея к Нешавским статутам	28
	Борьба за выход к Балтике	35
Глава II	Польша в конце XV и в XVI в.	
	<i>В. А. Якубский</i>	40
	Фольварк — победа барщинно-крепостнической системы в развитии помещичьего хозяйства	40
	На пути к шляхетской демократии	44
	«Государство обоих народов»	50
	Золотой век польской культуры	60
Глава III	Кризис Речи Посполитой	64
	<i>В. А. Якубский</i>	
	Магнатская олигархия за фасадом шляхетской республики	64
	В трясине феодальной анархии	69
	Накануне перемен	77
	Польская культура в XVII—первой половине XVIII в.	82
Глава IV	Разделы Речи Посполитой. Польский вопрос в международных отношениях первой половины XIX в.	85
	<i>В. А. Дьяков</i>	
	Объективная обусловленность и ход разделов Речи Посполитой	85
	Польские земли в период наполеоновских войн. Княжество Варшавское	92
	Королевство Польское и положение польских земель в 1815—1830 гг.	96
	Польский вопрос в европейской политике 30—50-х годов XIX в.	100
Глава V	Польское общество на пороге эпохи капитализма. Основные направления социальных перемен	104
	<i>Л. Е. Горизонтов</i>	
	Аграрные реформы и исторические судьбы главных сословий старой Польши	104
	Новые действующие лица в городской жизни польских земель	112
	Влияние разделов на социальное развитие польских земель и процесс их перехода от феодализма к капитализму	118

Глава VI	Освободительная борьба польского народа против социального и национального гнета в 1794—1864 гг.	123
	<i>В. А. Дьяков</i>	
	Социальная база освободительного движения	123
	Восстание 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшко	125
	Восстание 1830—1831 гг. и экспедиция Ю. Заливского	126
	Большая эмиграция и конспиративные организации 1830—1850-х годов на польских землях	131
	Восстание 1863—1864 гг.	136
	Классовое содержание и политическая программа польского освободительного движения эпохи перехода от феодализма к капитализму	140
Глава VII	Развитие культуры в ее взаимосвязи с ростом национального самосознания (середина XVIII—середина XIX в.)	145
	<i>В. А. Дьяков</i>	
Глава VIII	Политические условия жизни польского народа и социально-экономическое развитие польских земель в 1864—1914 гг.	159
	<i>С. М. Фалькович</i>	
	Международная ситуация и основные направления польской политики России, Германии и Австро-Венгрии	159
	Особенности социально-экономического развития Польши	161
Глава IX	Общественно-политическая жизнь Польши в 60—90-е годы XIX в.	169
	<i>С. М. Фалькович</i>	
	Позиции имущих классов	169
	Рабочее и социалистическое движение	170
	Рост политического сознания крестьянства	179
	Развитие национального движения	183
Глава X	Общественно-политическая ситуация в 1900—1914 гг.	189
	<i>С. М. Фалькович</i>	
	Развитие массового движения в Королевстве Польском	189
	Оформление политических лагерей в Королевстве Польском	196
	Социально-политическая обстановка в Галиции и Тешинской Силезии	206
	Общественное движение и политические партии на западных польских землях	215
Глава XI	Польская культура второй половины XIX—начала XX в.	222
	<i>С. М. Фалькович</i>	
Глава XII	Польские земли в годы первой мировой войны	235
	<i>А. Я. Манусевич</i>	
Глава XIII	Формирование социально-политической структуры и национальной территории Второй Речи Посполитой	243
	<i>А. Я. Манусевич</i>	
	Объективные условия и конкретные обстоятельства возрождения независимой Польши	243
	Подъем революционного движения в стране	246
	От первых выборов в сейм до принятия Конституции 1921 г.	248

	Польский вопрос на Парижской мирной конференции	252
	Советско-польские отношения в 1918—1919 гг. и война 1920 г.	254
	Плебисцит в Верхней Силезии. Международное положение Польши в конце 1921 г.	261
Глава XIV	Польша в период парламентской демократии (1921—1926 гг.)	263
	<i>А. Я. Манусевич</i>	
	Территория, население и экономика страны	263
	Общественно-политическая борьба накануне и во время выборов в сейм 5 ноября 1922 г.	264
	Деятельность левых партий и рабочее движение	
	Обострение внутривнутриполитического и международного положения страны	267
	Майский государственный переворот 1926 г.	271
Глава XV	Первый этап «санации»	274
	<i>А. Я. Манусевич</i>	
	Положение страны после майского переворота	274
	Несвижская встреча и ее политические последствия	276
	Беспартийный блок и парламентские выборы 1928 и 1930 гг.	278
	Внешняя политика Польши в 1934—1935 гг.	281
	Внутриполитическая ситуация в первой половине 30-х годов и Конституция 1935 г.	282
Глава XVI	«Санация» без Пилсудского	285
	<i>А. Я. Манусевич</i>	
	Политическая нестабильность в стране в 1935—1937 гг.	285
	Роспуск КПП	287
	Внутриполитическая обстановка в последние годы режима «санации»	289
	Внешняя политика Польши в 1935—1939 гг.	291
Глава XVII	Культура и общественное сознание межвоенной Польши	297
	<i>В. А. Дьяков, Ф. Г. Зуев</i>	
	Народное просвещение и средняя школа	297
	Наука и высшая школа	299
	Художественная литература	304
	Театр, кино, музыка	308
	Изобразительное искусство, архитектура	311
	Культурный аспект процесса национальной консолидации	312
Глава XVIII	Оборонительная война 1939 г., гитлеровская оккупация и развитие движения Сопротивления до 22 июня 1941 г.	315
	<i>С. М. Стецкевич</i>	
	Военные действия и дипломатические акции в сентябре 1939 г.	315
	Социально-экономические и политические реалии оккупационного режима	319
	Польское правительство в эмиграции и его связь с антифашистскими организациями в стране	323
	Леворадикальные течения в Сопротивлении	326

Глава XIX	Польша и СССР в антигитлеровской коалиции в 1941—1944 гг.	329
	<i>С. М. Стецкевич</i>	
	Отказ В. Сикорского от «концепции двух врагов» и оформление союзнических отношений между Польшей и СССР	329
	Армия В. Андерса и польско-советские противоречия	330
	Антифашистская борьба на территории, оккупированной гитлеровцами. Создание ППР	335
	Усиление оккупационного гнета и подъем движения Сопротивления	337
	Активизация деятельности ППР. Крайова рада народов и дивизия имени Т. Костюшко	341
	Польские земли накануне освобождения	344
Глава XX	Установление народной власти и решение вопросов о государственных границах (1944—1947 гг.)	349
	<i>С. М. Стецкевич</i>	
	Образование Польского комитета национального освобождения	349
	Варшавское восстание	350
	От ПКНО к Правительству национального единства	354
	Полное освобождение страны. Польский вопрос на Ялтинской конференции	357
	На пути к Правительству национального единства	360
	Изменения в расстановке политических сил	365
	Первый съезд ППР	368
	Экономическая и политическая ситуация в первой половине 1946 г.	370
	Референдум и выборы в сейм	373
Глава XXI	Переход к сталинской модели социализма	378
	<i>С. М. Стецкевич</i>	
	Политическая ситуация после выборов в сейм	378
	Обсуждение в ППР и ИПС проблем реорганизации общества на социалистических принципах. Противодействие оппозиции	379
	Поворот в политике ППР	383
	Образование Польской объединенной рабочей партии (ПОРП)	389
	Итоги выполнения Трехлетнего плана	390
	Курс на ускоренное строительство «фундамента социализма»	395
	Общественно-политическая жизнь. Конституция 1952 г.	397
	Первые перемены после смерти Сталина	400
Глава XXII	От кризиса 1956 г. к кризису 1970 г.	405
	<i>С. М. Стецкевич</i>	
	Наращение общественно-политических противоречий	405
	VIII пленум ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.)	408
	Реализация нового курса	411
	Постепенный отход от курса VIII пленума	416
	Регресс в политике и застой в экономике	420
	Социальная нестабильность в 1968—1970 гг.	426

Глава XXIII	Декада семидесятых годов	433
	<i>А. М. Орехов</i>	
	Концепция ускорения экономического развития	433
	Активизация общественной жизни. Взаимоотношения государства и католической церкви	436
	Внешние и внутренние предпосылки кризисных явлений	439
	Рабочие волнения 1976 г.	441
	Складывание оппозиционного движения	443
Глава XXIV	Экономический и политический кризис 80-х годов	448
	<i>А. М. Орехов</i>	
	Забастовочное движение летом и осенью 1980 г.	448
	«Солидарность»: профессиональный союз или политическая организация?	451
	Конфронтация	454
	В поисках пути достижения национального согласия	464
Глава XXV	Культура ПНР	478
	<i>И. В. Пименова</i>	
	Средняя и высшая школа	479
	Развитие науки	482
	Художественная культура	485
	Культурная политика ЦОП и художественная интеллигенция	493
	Культура и общество	495
	Хронологическая таблица	499
	Основная литература по истории Польши	509
	Указатель имен	515

Краткая история Польши

С древнейших времен до наших дней

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики
Российской академии наук

Заведующая редакцией Л. С. Кручинина. Редактор издательства А. В. Болдов
Художественный редактор И. Д. Богачев. Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректоры Н. Б. Габасова, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 47474

Сдано в набор 13.08.91. Подписано к печати 31.01.92. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33. Усл. кр.-отг. 34. Уч.-изд. л. 38,8. Тираж 4450 экз. Тип. зак. 3033.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12

inslav

Краткая ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ